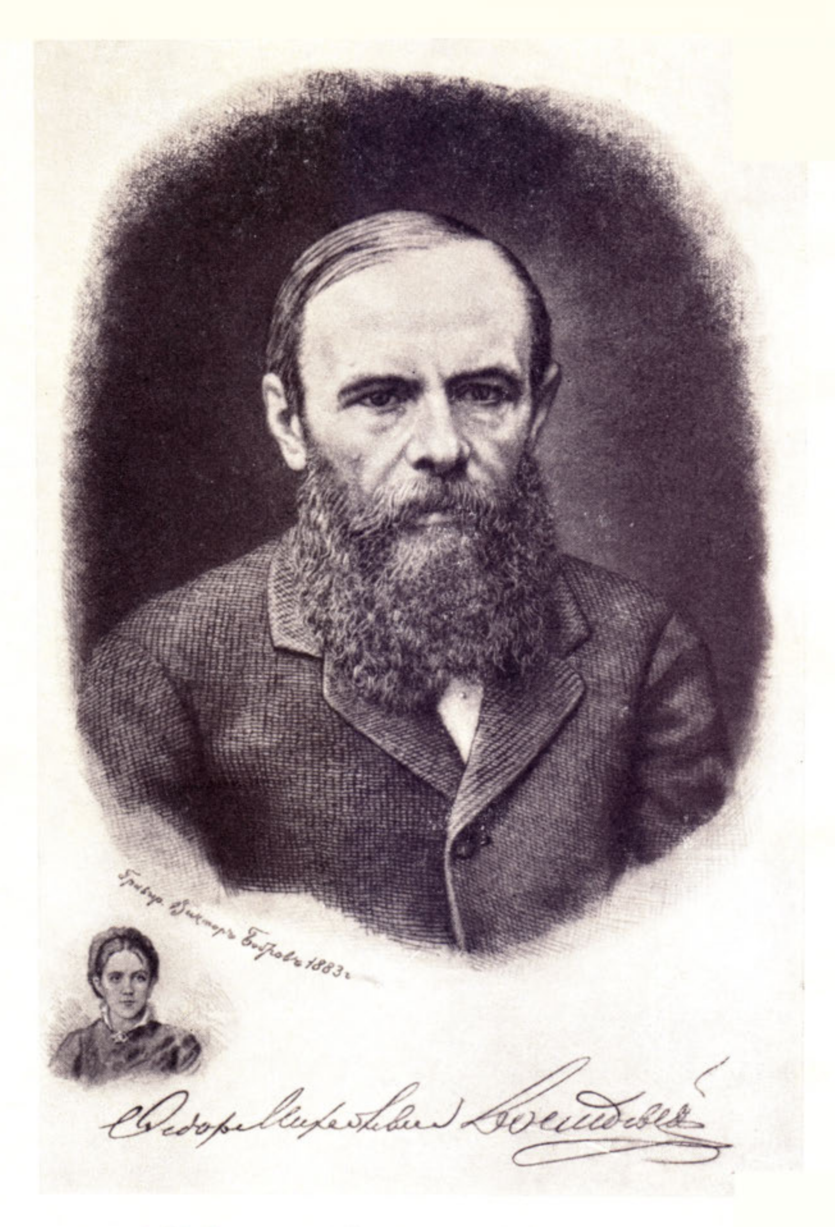

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ
ПЕРЕПИСКА

Ф. М. Достоевский (с портретом А. Г. Достоевской).
Гравюра В. А. Боброва. 1883.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ЛП

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ

❋

ПЕРЕПИСКА

Издание подготовили
С. В. БЕЛОВ и В. А. ТУНИМАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1979

Ответственный редактор
Д. С. ЛИХАЧЕВ

Д $\frac{70301\text{-}519}{042(02)\text{-}79}$ 307-75

ПЕРЕПИСКА

1866

1. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. СНИТКИНОЙ

‹В Петербург.› ‹Петербург.› 9 декабря ‹18›66.

Милая моя Аня, прелестная моя именинница, — не рассердись на меня, ради бога, за мою слишком глупую осторожность. Я сегодня решился у тебя не быть; чувствую себя еще не совсем здоровым. Пустяки совершенные, но все-таки некоторая слабость и не совсем чистый язык. Видишь, ангел мой: необходимо до последней крайности быть у Базунова.[1] Но Базунов от меня в версте, а к тебе вчетверо дальше. Не лучше ли хоть немножко поосторожничать, но уж наверно выздороветь завтра, чем прохворать еще неделю? И к Базунову бы совсем не следовало. Вчера сидел над переделкой 5-й главы [2] до второго часа ночи (а после обеда ничего не заснул; не дали, беспокоили). Это меня доконало. Заснул я уже в четвертом часу ночи. Сегодня как-то вял, да и лицо у меня совсем не именинное,[3] так что я уж лучше посижу дома. Обедать буду опять один суп дома, как вчера. — Не сердись, моя прелесть, что пишу тебе о таких глупостях: я сам слишком глуп сегодня. А ты, ради бога, не беспокойся. Мне главное бы сегодня заснуть. Чувствую, что сон подкрепит меня, а ты завтра зайди ко мне поутру, как обещалась. До свидания, милый друг, обнимаю и поздравляю тебя.

Тебя бесконечно любящий и в тебя бесконечно верующий

твой весь

Ф. Достоевский

Ты мое будущее все — и надежда, и вера, и счастие, и блаженство — все.

Достоевский.

2. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. СНИТКИНОЙ

<В Петербург.> Москва. 29 декабря <18>66.

Не сердись на меня, мой бесценный и бесконечный друг Аня, что я пишу тебе на этот раз только несколько строк единственно с целью поздороваться с тобой, поцаловать тебя и уведомить тебя только о том, как я доехал и приехал, не более, потому что еще никуда и носу не показывал в Москве. Ехал я благополучно. Спальные вагоны сквернейшая нелепость: сыро до безобразия, холодно, угарно. Весь день и всю ночь до рассвета прострадал зубною болью (но весьма сильною); сидел неподвижно или лежал и беспрерывно вызывал воспоминания последних $1^{1}/_{2}$ месяцев;[4] к утру заснул, крепко; проснулся с затихшей болью. В Москву въехал в 12 часов; в половину первого был уже у наших.[5] Все очень удивились и обрадовались. Елена Павловна[6] была у них. Очень похудела и даже подурнела. Очень грустна; встретила меня довольно слегка. После обеда началась зубная боль опять. Я с Соней[7] остались на полчаса одни. Сказал Соне *все*. Она *ужасно рада*. Она вполне одобряет; не находит и отрицает препятствия à la Юнге.[8] Разумеется, все было рассказано без больших подробностей. Много еще нам с ней придется переговорить. Она качает головой и несколько сомневается в успехе у Каткова.[9] Грустит собственно о том, что *такое* дело висит на такой ниточке. Спросил ее: что, Елена Павловна в мое отсутствие вспоминала обо мне? Она отвечала: о как же, беспрерывно! Но не думаю, чтоб это могло [можно было] назваться собственно любовью. Вечером я узнал от сестры и от самой Елены Павловны, что она все время была очень несчастна. Ее муж ужасен; ему лучше. Он не отпускает ее ни на шаг от себя. Сердится и мучает ее день и ночь, ревнует. Из всех рассказов я вывел заключение: что ей некогда было думать о любви. (Это вполне верно). Я ужасно рад, и это дело можно считать поконченным. О моем браке с тобою я объявлю родным при первых надеждах на успех у Каткова. Весь первый день, т<о> е<сть> вчера, у меня болели зубы, за ночь вспухла щека, и потому сегодня не болят. Сегодня поеду к Любимову, но во всяком случае думаю, что у Каткова не буду. И вообще не знаю еще плана действий. Увижу по обстоятельствам. Постараюсь поспешить изо всех сил, чтоб поскорей воротиться к тебе. Лишнего не останусь. Я часто бываю очень грустен, какая-то беспредметная даже грусть, — точно я совершил перед кем-нибудь преступление. Тебя представляю себе и тебя воображаю себе поминутно. Нет, Аня, сильно я тебя люблю! Тебя любит и Соня: ужасно бы желала тебя видеть. Волнуется и интересуется.

А теперь обнимаю тебя крепко и цалую — до близкого письма и свидания. Напишу тебе еще подробнее и получше дня через 2 или три — как только что-нибудь сделаю. Теперь спешу изо всех сил! Чувствую, что везде опоздаю (вот беда-то будет!). Что делать — праздник у всех, и время у всех ненормально.

Как-то ты проводила вчерашний день? Думал тебя во сне увидеть — не видал. Загадал о тебе на книге, т<о> е<сть> развернуть книгу и прочесть

первую строку на правой странице; вышло очень знаменательно и кстати. Прощай, милочка, до близкого свидания. Целую тысячу раз твою ручонку и губки (о которых вспоминаю очень). Грустно, хлопотливо, разбиты как-то все впечатления. Масенька мила и ребенок.[10] Приехал и Федя.[11] Все прочие дети ужасно милы и рады, Юля не удостоила выходить.[12] Но вечером прислала ко мне из других комнат спросить: может ли она загадать на меня? К ней сошлись подруги и гадают в зеркало. Я отвечал, что прошу. Мне вышла брюнетка, одетая в белое платье. Я послал им сказать, что все вздор, не угадали.

Не увидишь ли, милая, Пашу.[13] Передай ему от меня поклон и скажи, что Сашенька[14] и Хмыров[15] очень про него расспрашивали и страшно жалеют, что он не приехал и не приедет; они его очень ждали, даже гадали, приедет ли он или нет.

Цалую тебя бессчетно. Поздравляю с Новым годом и с новым счастьем. Помолись об нашем деле, ангел мой. Вот как пришлось до дела, я и боюсь (*несколько слов зачеркнуто*). Но однако буду работать изо всех сил. Через два или три дня напишу тебе. Надежды, впрочем, не потерял.

Твой весь, твой верный, вернейший и неизменный. А в тебя верю и уповаю как во все мое будущее. Знаешь, вдали от счастья больше ценишь его. Мне теперь несравненно сильнее желается тебя обнять, чем когда-нибудь. Мой поклон нижайший мамаше.[16] Передай мое почтение и братцу.[17]

Твой беспредельно любящий
Ф. Достоевский.

P. S. Сонечка уговаривает и велит мне заехать самому в почтамт, потому что если туда подать письмо, то может, и сегодня пойдет.

1867

3. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. СНИТКИНОЙ

‹В Петербург.› Москва. 2 января ‹18›67.

Вчера получил твое дорогое послание, бесценный и вечный друг Аня, и был ужасно рад. Наверно и ты получить успела мое письмо в тот (или на другой день), как послала мне свое. Теперь спешу тебя, главное, уведомить о делах. Дело свое я решил (т‹о› е‹сть› приступил к нему) скорее, чем думал, и теперь оно в главном почти решено. Я было думал начать действовать через Любимова (редактора Русского Вестника), поехал к нему на другой день по приезде и — к счастью, не застал его дома.

Тогда я отправился в редакц‹ию› Русского Вестника и, опять-таки к счастью, зашел к Каткову (к которому не думал сначала заходить сейчас, рассчитывая пустить вперед Любимова). Катков был ужасно занят; я просидел у него 10 минут. Он принял меня превосходно. Наконец я встал, после 10 минут, и видя, что он ужасно занят, сказал ему, что имею до него дело, но так как он занят, то и прошу назначить мне время: когда приехать к нему, чтоб изложить дело? Он вдруг стал настоятельно просить, чтоб я изложил дело сей же час. Я взял да и объяснил все в три минуты. Начал с того, что женюсь. Он меня поздравил искренно и дружески. «В таком случае, — сказал я, — я прямо вам говорю, что все мое счастье зависит от вас. Если вам нужно мое сотрудничество (он сказал: «Еще бы, помилуйте!»), то выдайте мне 2000 вперед, так и так, — и я изложил все. Литераторы и всегда берут вперед, заключил я, но так как эта сумма очень сильна и таких вперед не выдают, то все зависит от вашей доброй воли». Он мне ответил: «Я посоветуюсь с Леонтьевым.[18] Все дело в том: есть ли у нас такие деньги свободными, пожалуйте ко мне дня через два, а я употреблю все мое старание». Через 2 дня он сказал мне решенье окончательное: 1000 рублей сейчас можно, а другую тысячу отсрочить просит на два месяца. Я так и принял и поблагодарил.

Теперь, бесценная Аня, дело в таком виде: наша судьба решилась, деньги есть, и мы обвенчаемся как можно скорее, но вместе с тем предстоит и страшное затруднение, что вторая тысяча отсрочивается на такой долгий срок, а ведь нам нужно две тысячи до последней копейки сейчас (помнишь, мы рассчитывали). [Но все ж] Как это разрешить — еще не знаю, но все-таки, как бы там ни было, а свадьба наша может устроиться. И слава богу слава богу! Обнимаю тебя и цалую, раз 100 зараз (*два слова зачеркнуто*).

Теперь! Я думаю, что на днях, завтра или послезавтра, получу либо деньги, либо переводы (праздники ужасно мешают) и... — тотчас в Петербург, к тебе. Мне страшно грустно без тебя, хоть меня здесь все очень любят. Могу сказать, что 6-го или 7-го буду в Петербурге. Не говорю совершенно наверно, потому выдача денег зависит от них, но 90 вероятностей на 100, что 6-го или 7-го буду тебя обнимать и цаловать тебя, твои ручки и ножки (которые ты не позволяешь цаловать). И тогда наступит третий период нашей жизни.

Теперь несколько слов о здешней жизни. Ах, Аня, как ненавистны мне всегда были письма! Ну что в письме расскажешь об иных делах? и потому напишу только сухие и голые факты: во-первых, я уже тебе писал, что Соне все в тот же день открыл, и как она была рада. Не беспокойся, не забыл передать ей твой поклон, и она тебя уже очень, очень любит. По моим рассказам, она уже тебя отчасти знает, и ей многое (из рассказов) понравилось. Сестре сказал на другой день после первого ответа Каткова. Была очень рада. Александру Павловичу[19] сказал на третий день. Он меня поздравил и сделал одно замечание, весьма оригинальное, которое я тебе передам после. Затем наступило время довольно радо-

стное. Новый год встречали весело, всей семьею. Были и Елена Павловна, и Марья Сергеевна[20] (удивительная шутиха). Ровно в 12 часов Александр Павлович встал, поднял бокал шампанского и провозгласил здоровье Фед<ора> Мих<айлови>ча и Анны Григорьевны. Машенька и Юлинька, которые ничего не знали, были очень удивлены. Одним словом, все рады и поздравляют.

До сих пор мало кого видел, кроме Яновского[21] (моего одного приятеля) и Аксакова,[22] который ужасно занят. Яновскому Майков,[23] бывши в Москве, сказал про нас, что он «видел тебя и, с у д я п о т е б е, ожидает полного счастья Фед<ору> Мих<айлови>чу». Мне очень приятно было, что Майков так отозвался. Яновский много про тебя расспрашивал и тоже очень рад и поздравляет.

С Аксаковым говорил о сотрудничестве.

Вообрази, до сих пор еще н е у с п е л просмотреть двух последних глав.[24] Здесь вышла ноябрьская книга.[25] — Вчера, в Новый год, Елена Павловна позвала всех к себе на вечер. Стали играть в стуколку. Вдруг Александру Павловичу подают письмо (присланное в квартиру Елены Павловны с нарочным из Межевого института), а он передает его мне. Кое-кто стали спрашивать: от кого? Я сказал: от Милюкова,[26] встал и ушел читать. Письмо было от тебя; оно очень меня обрадовало и даже взволновало. Воротился я к столу в радости и сказал, что известия от Милюкова неприятные. Через четверть часа почувствовал как бы начало припадка. Пошел в сени, намочил голову и приложил к голове мокрое полотенце. Все несколько взволновались. Я дал поутихнуть и вызвал Соню, которой и показал твой поклон. Затем, когда приехали домой, прочел все твое письмо вслух Соне и Маше. Не сердись, моя радость, они видели и свидетельницы, как я тебя люблю — как я бесконечно тебя люблю и тем счастлив.

Елена Павловна приняла все весьма сносно и сказала мне только: «Я очень рада, что летом не поддалась и не сказала вам ничего решительного, иначе я бы погибла». Я очень рад, что она все так принимает и с этой стороны уже с о в е р ш е н н о т е п е р ь спокоен.

Завтра же начну хлопотать о скорейшем и немедленном [устройстве] получении денег. Хочу тебя видеть каждый день, каждый час все больше и больше (*одно слово зачеркнуто*). Скажи спасибо от меня Паше за то, что он тотчас же у тебя был. Обнимаю и целую тебя бессчетно и когда пишу это, то бесконечно мучаюсь, что это только на письме покамест. О как бы я тебя теперь обнял! Прощай, дорогой друг, Аня, будь весела и люби меня. Будь счастлива; жди меня; все тебе кланяются.

Думаю, что больше не напишу тебе, — разве что случится особенное. Мамаше твоей передай поклон.

Еще тебя целую, (не нацелуюсь), твой счастливый

Ф. Достоевский.

С этакой-то женой, да быть несчастливым — да разве это возможно! Люби меня, Аня; бесконечно буду любить.

4. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Hombourg. Пятница 17 мая ‹1867.›
‹В Дрезден.› $11^{1}/_{2}$ часов утра.

Здравствуй, милый мой ангел.

Обнимаю тебя и цалую крепко-крепко. Всю дорогу думал о тебе.

Я только что приехал.[27] Теперь половина двенадцатого. Немного устал и сажусь писать. Мне подали чаю и воды умываться. В промежутке напишу тебе несколько строк. В Лейпциге мне пришлось дожидаться с $^{1}/_{2}$ 6-го до 11 ночи, но уж таков Schnell-Zug.* Сидел в воксале, закусил и выпил кофею. Все ходил по зале огромной и залитой волнами дыма, пропитанного пивом. Разболелась голова и расстроились нервы. Все думал о тебе и воображал: зачем я мою Аню покинул. *Всю* тебя вспомнил, до последней складочки твоей души и твоего сердца, за все это время, с октября месяца начиная и понял, что такого цельного, ясного, тихого, кроткого, прекрасного, невинного и в меня верующего ангела как ты, — я и не стою. Как мог я бросить тебя? Зачем я еду? Куда я еду? Мне бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя богу развитой, направленной, сохраненной, спасенной от всего, что низко и дух мертвит; а я (хоть эта мысль беспрерывно и прежде мне втихомолку про себя приходила, особенно когда я молился) — а я такими бесхарактерными, сбитыми с толку вещами, как эта глупая теперешняя поездка моя сюда, — самоё тебя могу сбить с толку. Ужас как грустно стало мне вчера. Так бы, кажется, и обнял тебя, кабы ты со мной была, а назад не воротился, хоть и мелькала мысль. Как вспомню о всех этих Врангелях, Латкиных, Рейслерах[28] и о многом прочем, еще их поважнее, так и собьюсь совсем и спутаюсь. Глупость, глупость я делаю, а главное, скверность и слабость, но тут есть крошечный шанс и... но черт с этим, перестану!

Наконец сели и поехали. Вагон полный. Немцы преучтивые, хотя ужасно зверские снаружи. Представь себе: ночь была до того холодна, как у нас в октябре, в ненастье. Стекла отпотели, — а я-то в своем легоньком пальто и в летних панталонах. Продрог ужасно; удалось часа три заснуть — от холоду проснулся. *В три часа* закоченелый выпил в подвернувшемся воксале чашку кофею и обогрелся минут десять. Затем опять в вагон. К утру сделалось теплее гораздо. Места здесь есть прекрасные, но все сумрачно, облачно, сыро и холодно, холоднее чем в Дрездене. Ждут, что разгуляется. В Франкфурте и двух минут не был, боясь упустить отправляющийся вагон сюда — и вот я здесь, в Hôtel Victoria. Комната *пять* франков в день — и видимо разбойники. Но пробуду

* скорый поезд (*нем.*).

дня два и уж самое большее — три. Иначе невозможно — даже если б успел.

А зачем ты заплакала, Аня, милочка, меня провожая? Пиши мне, голубчик, сюда. Пиши (*одно слово зачеркнуто*) обо всех мелочах, но не очень большие письма (не утомляй себя) и не подписывайся всеми буквами (на случай если я уеду и письма останутся).

Аня, ясный свет мой, солнце мое, люблю тебя! Вот в разлуке-то все почувствуешь и перечувствуешь и сам узнаешь, как сильно любишь. Нет, уж мы с тобой начинаем сростаться.

Успокой же меня, авось завтра найду твое письмо, ты мое тоже, может, завтра получишь.

Не получив [следующего] второго от меня письма, не пиши!

Прощай, радость, прощай, свет мой. Немного нервы расстроены, но здоров и не так чтобы очень устал. А что-то ты?

Твой весь до последней частички и цалую тебя бессчетно.

Любящий тебя Достоевский.

5. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Hombourg. 18 мая ‹1867›, 10 часов утра.
Суббота

‹В Дрезден.›

Здравствуй, ангел мой Аня, вот тебе еще несколько строк, — ежедневных известий. Каждое утро буду тебе писать покамест; и это мне в потребность, потому что думаю о тебе ежеминутно. Всю ночь снилась ты мне и еще, представь себе, Маша, моя племяннница, сестра Феди. Мы с ней во сне помирились, и я очень был доволен.[29] Но к делу.

День вчера был холодный и даже дождливый; весь день я был слаб и расстроен нервами до того, что едва держался на ногах. Хорошо еще, что в вагоне успел кое-как заснуть часа два. Целый день вчера спать хотелось. А тут игра, от которой оторваться не мог; можешь представить, в каком я был возбуждении. Представь же себе: начал играть еще утром и к обеду проиграл 16 империалов. Оставалось только 12 да несколько талеров. Пошел после обеда с тем, чтоб быть благоразумнее донельзя и, слава богу, отыграл все 16 проигранных да сверх того выиграл 100 гульденов. А мог бы выиграть 300, потому что уже были в руках, да рискнул и спустил. Вот мое наблюдение, Аня, окончательное: если быть благоразумным, т‹о› е‹сть› быть как из мрамора, холодным и нечеловечески осторожным, то непременно, безо всякого сомнения, можно выиграть сколько угодно. Но играть надо много времени, много дней, довольствуясь малым, если не везет, и не бросаясь насильно на шанс. Есть тут один‹...›: он играет уже несколько дней, с ужасным хладнокровием и расчетом, нечеловеческим (мне его показывали), и его уже начинает бояться банк: он загребает деньги и уносит каждый

день по крайней мере по 1000 гульденов. — Одним словом, постараюсь употребить нечеловеческое усилие, чтоб быть благоразумнее, но, с другой стороны, я никак не в силах оставаться здесь несколько дней. Безо всякого преувеличения, Аня: мне до того это все противно, т‹о› е‹сть› ужасно, что я бы сам собой убежал, а как еще вспомню о тебе, так и рвется к тебе все существо. Ах, Аня, нужна ты мне, я это почувствовал! Как вспомню твою ясную улыбку, ту теплоту радостную, которая сама в сердце вливается при тебе, то неотразимо захочется к тебе. Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным: это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой, внутри же другое, поверь, поверь!

А между тем это наживание денег даром, как здесь (не совсем даром: платишь му́кой), имеет что-то раздражительное и одуряющее, а как подумаешь, для чего нужны деньги, как подумаешь о долгах и о тех, которым кроме меня надо,[30] то и чувствуешь, что отойти нельзя. Но воображаю же муку мою, если я проиграю и ничего не сделаю: столько пакости принять даром и уехать еще более нищему, нежели приехал. Аня, дай мне слово, что никогда никому не будешь показывать этих писем. Не хочу я, чтоб этакая мерзость положения моего пошла по языкам. «Поэт так поэт и есть».

Обнимаю тебя, Аня, свет мой. Авось от тебя сегодня письмецо получу, друг мой единственный. До завтра. Завтра напишу непременно. Во всяком случае ни за что не останусь здесь долго.

Вчера, к ночи, велел затопить камин, который дымил, и я угорел. Ночь спал, как убитый, хотя и болела голова. Сегодня же совершенно здоров. Солнце светит и день великолепный.

Прощай, радость моя.

Твой вечный Ф. Достоевский.

Если не получишь почему-нибудь в какой-нибудь день от меня письма — не беспокойся. Через день получишь. Но полагаю, что этого не случится.

6. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Hombourg. Воскресенье 19 мая ‹1867.›
‹В Дрезден.› 10 часов утра.

Здравствуй, милый, бесценный мой ангел. Пишу тебе несколько строк ежедневных. Прежде всего о делах.

День вчера был для меня прескверный. Я слишком значительно (судя относительно) проигрался. Что делать: не с моими нервами, ангел мой, играть. Играл часов десять, а кончил проигрышем. Было в продолжение дня и очень худо, был и в выигрыше, когда счастье переменялось — все

расскажу, когда приеду. Теперь на оставшиеся (очень немного, капелька) хочу сделать сегодня последнюю пробу. Сегодняшний день решит все, т<о> е<сть> еду ли я завтра к тебе или останусь. Завтра во всяком случае уведомлю. Не хотелось бы закладывать часов. Очень туго пришлось теперь. Что будет, то будет. Употреблю последние усилия. Видишь: усилия мои каждый раз удаются, покамест я имею хладнокровие и расчет следовать моей системе; но как только начнется выигрыш, я тотчас начинаю рисковать; сладить с собой не могу; ну что-то скажет последняя сегодняшняя проба. Поскорей бы уж.

Вчера, ангел мой, в 12 часов пришел я на почту отдать мое второе письмо к тебе, и почтмейстер подал мне письмо от тебя.[31] Милочка, спасибо тебе. Я тут же перечел его в конторе, и как мне приятно было, что оно писано карандашом (моя стенографка).[32] Все прошлое вспомянулось. Не тоскуй, моя родная, не тоскуй, мой ангел! Ты меня чуть не до слез перевернула, описывая свой день.[33] Экое ведь дикое наше положение. И войдет ли кому в голову у наших, в Петербурге, что мы в настоящую минуту с тобой в разлуке и для такой цели! Дикое положение, решительно. Ох, кабы поскорей это все кончилось, поскорей бы уж какой-нибудь результат. Поверишь ли, ангел мой, мне здесь ужасно наскучило, т<о> е<сть> собственно игра уж наскучила. То есть не то, чтоб наскучила, а устал я ужасно как нервами, нетерпеливее стал, поскорее стремлюсь к результату, тороплюсь, рискую, а из этого и выходит проигрыш.

Здоровье мое, несмотря на то, очень хорошо. Нервы расстроены, и я устаю (сидя-то на месте), но тем не менее я в хорошем *очень даже* состоянии. Состояние возбужденное, тревожное, — но моя натура иногда этого просит. Что за день был прелестный вчера; я таки капельку погулял в парке. Надо сознаться, что местоположение здесь обворожительное. Парк великолепен, воксал тоже, музыка прекрасная, лучше дрезденской.[34] Вот бы пожить-то здесь, если б не проклятая рулетка.

Прощай, мой ангел, тихий, милый, кроткий мой ангел, люби меня. Если б, мечтаю теперь, хоть на минутку тебя увидеть — сколько б мы с тобой переговорили, сколько впечатлений накопилось. В письме не упишешь; да и я сам тебе прежде говаривал, что я не умею и не способен письма писать, а вот теперь, как напишешь тебе несколько словечек, то как будто и легче. Ради Христа, береги здоровье, постарайся хоть чем-нибудь себя развлекать. Помни просьбы мои: если что с тобой случится, пошли к доктору и тотчас же дай мне знать. Ну прощай, радость моя; целую тебя тысячу раз. Помни меня. Пожелай счастья, сегодняшний день все решит. Поскорей бы уж, да не волнуйся и не беспокойся очень. Обнимаю тебя.

Твой весь и всегда.

Твой муж Ф. Достоевский.

P. S. Подробностей сколько выиграл, сколько проиграл не пишу; все расскажу при свидании. Одним словом, покамест плохо.

7. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Hombourg. Понедельник 20 мая <1867.>
<В Дрезден.> 10 часов утра.

Здравствуй, милая моя, бесценная, единственная, сокровище и радость моя. Милый мой друг, вчерашний день опять ничего не решил (*несколько слов зачеркнуто*). Я все еще на одной точке и леплюсь кое-как и не добился, покамест, ни до какого результата, так что и опять не выезжаю; что-то скажет сегодняшний день? Может быть, что-нибудь и будет решительное. Во всяком случае завтра получишь от меня точное известие, т<о> е<сть> выезжаю ли я или нет?

Ангел мой, ты не поверишь, как я обрадовался и с каким счастьем прочел я, на почте, твои две крошечные писульки на двух листиках. Я их целовал и так рад, так рад был твоей любви. Она видна в каждой строчке, в каждом выражении твоем; и как (*одно слово зачеркнуто*) ты хорошо пишешь письма. Куда мне так написать и так выразить мое сердце, мои ощущения. Я и на яву-то, и когда мы вместе, несообщителен, угрюм и совершенно не имею дара выразить себя всего. Формы, жеста не имею.[35] Покойный брат Миша часто с горечью упрекал меня в этом. Милая моя, простишь ли ты когда-нибудь меня за то, что я тебя так мучаю, покинул тебя и не еду! Твое письмо в этом отношении решительно измучило меня вчера, хоть ты сама и ни словом, ни мыслию не упрекаешь меня, а даже, напротив — ободряешь и утешаешь.[36] Но ведь я чувствую все. И во-первых, я сам не сообразил еще прежде всей затруднительности, всей муки моей будущей, решаясь ехать сюда. Я твердо был убежден, что еду только на четыре дня, и не сообразил, что если внешние обстоятельства, совершенно не от меня зависящие, задержат меня, то что будет с нами обоими. Будучи вблизи, возле тебя, я не сообразил тогда, как я люблю тебя и как тяжела для нас обоих разлука. Мы уже начинаем еростаться и, кажется, сильно срослись вместе, Аня, и так сильно, что и не заметили, я по крайней мере. Ты не знаешь, как мне хотелось, например, вчера быть с тобою; и я со слезами молился ночью о тебе, удержаться не мог.

А вчера был день решительно пакостный и скверный. Главное, все это бестолково, глупо и низко. А все-таки оторваться от моей идеи не могу, т<о> е<сть> бросить все как есть и приехать к тебе. Да теперь это почти что, покамест, и невозможно, т<о> е<сть> сейчас-то. Что завтра скажет? Веришь ли: я проиграл вчера все, все до последней копейки, до последнего гульдена, и так и решил написать тебе поскорей, чтоб ты прислала мне денег на выезд. Но вспомнил о часах и пошел к часовщику их продать или заложить. Здесь это ужасно все обыкновенно, т<о> е<сть> в игорном городе. Есть целые магазины золотых и серебряных вещей, которые только тем и промышляют. Представь себе, какие подлые эти немцы: он купил у меня часы, с цепочкой (стоили мне 125 руб. по крайней цене) и дал мне за них всего 65 гульденов, т<о> е<сть> 43 талера, т<о> е<сть> почти в $2^1/_2$ раза меньше. Но я продал с тем, чтоб он дал мне одну неделю срока

и что если я в течение недели приду выкупить, то он мне отдаст, разумеется, с процентом. И представь себе, на эти деньги я все-таки отыгрался и сегодня пойду сейчас выкупить часы. Затем у меня останется 16 фридрихсдоров. Я отыграл их тем, что переломил себя вчера и решительно не давал себе увлекаться. Это дает мне некоторую надежду. Но боюсь, боюсь. Что-то скажет сегодникшний день. Одним словом, завтра скажу тебе какое-нибудь *верное* слово.

Итак, простишь ли ты меня за все это? О, Аня! Перетерпим это время, и, может быть, потом будет лучше. Не мучайся очень обо мне, не тоскуй. Главное, не тоскуй и *будь здорова*; ведь во всяком же случае я *очень скоро* возвращусь. А там мы вечно с тобой. Эта разлука минутная даже полезна для нашего счастья. Она много, много дала сознания. — Пиши мне побольше подробностей о себе, не пропускай ничего. Если нездорова, не скрывай и напиши это. Я здесь здоров совершенно. Вчера была прелестная погода; сегодня тоже недурна кажется. Вчера было воскресение, а все эти гомбургские немцы с женами [которые все] явились после обеда в воксал. Обыкновенно по будням играют иностранцы и давки нет. А тут давка, духота, толкотня, грубость. Ах, какие подлые эти немцы. Прощай, Аня, прощай, радость моя, будь весела и счастлива. Люби меня. До завтра. Обнимаю тебя крепко, крепко. Люблю беспредельно, твой весь, до последней капли

Ф. Достоевский.

Завтра напишу непременно.

P. S. Ради бога, Аня, *не высылай* мне сюда никаких писем, ничего не может быть такого особенно важного, тем более из Москвы.[37] Пусть подождет. А то я могу выехать отсюда каждый день, и с письмом расстренемся.

8. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Дрезден.> Hombourg. Вторник 21 мая <1867.> 10 часов утра.

Милый мой ангел, вчера я испытал ужасное мучение: иду, как кончил к тебе письмо, на почту, и вдруг мне отвечают, что *нет* от тебя письма. У меня ноги подкосились, не поверил. Бог знает, что мне приходило в голову, и клянусь тебе, что более мучения и страху я никогда не испытывал. Мне все приходило в голову, что ты больна, умираешь. С час я ходил по саду, весь дрожа; наконец, пошел на рулетку и все проиграл. Руки у меня дрожали, мысли терялись и даже проигрывая почти как-то рад был, говорил: пусть, пусть. Наконец, весь проигравшись (а меня это даже и не поразило в ту минуту) ходил часа два в парке, бог знает куда зашел; я понимал всю мою беспомощность; решил, что если завтра, т<о>е<сть> сегодня, не будет от тебя письма, то ехать к тебе немедленно. А с чем? Тут я воротился и пошел опять заложить часы (которые по дороге на

почту успел выкупить), заложил тому же, как и третьего дня, и вдруг мне мелькнула мысль: что ведь ты, в сущности, и не могла мне написать, т<о> е<сть> прислать письмо к понедельнику. В субботу ты получила мое первое письмо, отвечала мне тут же на почте, затем уж в субботу и не писала более, потому что уж отвечала утром на почте (два лоскуточка). Поэтому в воскресение и не послала мне письма; в воскресение же, получив мое письмо (второе), отвечала мне в тот же день и могла послать только, стало быть, в понедельник, а след<ственно>, раньше вторника (т<о> е<сть> сегодня) я и не могу получить. Все это стало для меня наконец ясно, и поверишь ли, поверишь ли — я точно из мертвых воскрес. Теперь пишу тебе, а сам весь дрожу: ну что если я ошибся и сегодня не будет от тебя письма? Ну что тогда будет? О, не дай бог! Теперь спешу на почту. Аня, милая, что же ты для меня такое значишь, наконец, что я так мучаюсь? Ведь я никогда, никогда еще до такой степени не мучился и не боялся, как вчера, в тот ужасный час! Нет, Аня, сильно надо любить, чтоб так чувствовать![38] Господи, ну что если и сегодня не получу. Тороплюсь докончить это письмо и побегу. Если от тебя опять нет письма, то каково мне: надо ехать, а денег нет. Я и закладные за часы почти проиграл, всего у меня теперь двадцать пять флоринов, а надо расплатиться в отеле, надо заплатить за дорогу. Господи! Теперь опять у меня вчерашние страхи почти возобновились.

Если же ты не больна, и все как следует, то, друг мой, с получением этого письма тотчас же займись поскорее моими делами. Слушай же: игра кончена, хочу поскорее воротиться; пришли же мне немедленно, сейчас как получишь это письмо, двадцать (20) империалов. Немедленно, в тот же день, в ту же минуту, если возможно. Не теряй ни капли времени. В этом величайшая просьба моя. Во-первых, надо выкупить часы (не пропадать же им за 65 гульденов), затем заплатить в отеле, затем дорога, что останется, привезу все, не беспокойся, теперь уж не буду играть. А главное, спеши послать. Завтра или послезавтра подадут в отеле счет, и если не будет еще денег от тебя, надо идти к хозяину извиняться, тот, пожалуй, пойдет в полицию: избавь меня от этого мучения, т<о> <есть> высылай скорее. И обделай это все сама, одна, хозяйке не говори, т<о> е<сть> не советуйся; нечего им наши дела знать. Сделать же это легко: поди к какому-нибудь банкиру получше, в контору (о банкире хоть на почте справься, у чиновника, который письма выдает), придя в контору банкира, принеси ему 20 империалов и спроси: могут ли они тотчас же перевести деньги в Hombourg (точнее дай адрес) такому-то, т<о> е<сть> мне, poste restante.* (Разумеется, могут). Затем они примут от тебя деньги, с вычетом, разумеется, за комиссию, и выдадут тебе вексель на какого-нибудь здешнего, гомбургского банкира (не беспокойся, они уж знают, на какого; у них везде есть банкиры корреспонденты). Этот вексель ты вложи ко мне в письмо, запечатай, снеси на почту и застрахуй, скажи, что письмо денежное. Вот и все. А я здесь,

* до востребования (*франц.*).

получив от тебя письмо и деньги,[39] пойду к банкиру, и он мне по этому векселю выдаст деньги. Ради бога, давай банкиру адрес точнее, Hombourg, а не Hambourg напиши адрес на бумаге. Буду ждать с нетерпением. Получив же, тотчас же приеду.

Друг милый, у нас останется очень мало денег, но не ропщи, не унывай и не упрекай меня. Что до меня касается, то относительно денежных дел наших я почти совершенно спокоен: у нас останется 20 империалов, да пришлют еще двадцать. Затем, воротясь в Дрезден, тотчас же напишу Каткову и попрошу у него прислать мне в Дрезден еще 500 рублей.[40] Конечно, он поморщится очень, но — даст. Давши уже столько (3000 руб.),[41] не откажет в этом. Да почти и не может отказать: ибо как же я кончу работу без денег. Конечно, скверно; но ведь это всего на 23 листа,[42] а ведь заработаю же я ему. В ожидании же ответа просидим в Дрездене. Ответ придет не раньше как через месяц. Ангел мой: мучаюсь об тебе, что ты будешь в такой скуке в Дрездене сидеть. Я-то сяду за статью о Белинском[43] и в ожидании ответа от Каткова кончу ее. А там уедем в Швейцарию и поскорей за работу.[44] Ангел мой, может быть, это даже и к лучшему: эта проклятая мысль, мономания, об игре — соскочит теперь с меня. Теперь опять, как и третьего года (перед Преступлением и Наказанием), трудом возьму.[45] Что будет, то будет. Но страшно мне, что тебе будет скучно. Об тебе, об тебе только я и беспокоюсь. Голубчик мой, кабы поскорей увидеться. Не сердись за это бестолковое письмо; я спешу из всех сил, чтоб поскорей узнать судьбу мою на почте, т‹о› е‹сть› есть от тебя письмо или нет? Даже весь дрожу теперь. Получу письмо и буду счастлив! Обнимаю тебя, друг мой, не тужи, не горюй, а обо мне не беспокойся: только бы от тебя письмо сегодня получить, и я буду счастлив. До свидания, до близкого, обнимаю тебя, не мучайся, не горюй. К тому же это вовсе не так важно в сущности. Такие ли бывают неудачи в жизни, у каждого, у самого счастливого. Я же, за эти деньги, купил себе избавление от дурацкой идеи и это, может быть, еще дешево заплатил. Ну, что будет, то будет. Обнимаю тебя крепко. Цалую бессчетно. Твой весь, твой муж, тебя обожающий

Федор Достоевский.

P. S. Ради бога, торопись с деньгами. Поскорей бы только отсюда выехать! Деньги адресуй poste restante.

Замучил я тебя, ангел мой!

9. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Дрезден.› Hombourg. Среда 22 мая ‹18›67. 10 часов утра.

Здравствуй, милый мой ангел! Вчера получил твое письмо[46] и обрадовался до безумия, а вместе с тем и ужаснулся. Что ж это с тобой делается, Аня, в каком ты находишься состоянии. Ты плачешь, не спишь

и мучаешься.[47] Каково мне было об этом прочесть? И это только в пять дней, а что же с тобою теперь? Милая моя, ангел мой бесценный, сокровище мое, я тебя не укоряю; напротив, ты для меня еще милее, бесценнее с такими чувствами. Я понимаю, что нечего делать, если уж ты совершенно не в состоянии выносить моего отсутствия и так мнительна обо мне (повторяю, что не укоряю тебя, что люблю тебя за это, если можно, вдвое более и умею это ценить); но в то же время, голубчик мой, согласись, какое же безумие я сделал, что, не справившись с твоими чувствами, приехал сюда. Рассуди, дорогая моя: во-первых, уже моя собственная тоска по тебе сильно мешала мне удачно кончить с этой проклятой игрой и ехать к тебе, так что я духом был не свободен; а во-вторых: каково мне, зная о твоем положении, оставаться здесь! Прости меня, ангел мой, но я войду в некоторые подробности насчет моего предприятия, насчет этой игры,[48] чтоб тебе ясно было, в чем дело. Вот уже раз двадцать подходя к игорному столу, я сделал опыт, что если играть хладнокровно, спокойно и с расчетом, то нет никакой возможности проиграть! Клянусь тебе, возможности даже нет! Там слепой случай, а у меня расчет, след<ственно>, у меня перед ними шанс. Но что обыкновенно бывало? Я начинал обыкновенно с сорока гульденов, вынимал их из кармана, садился и ставил по одному, по два гульдена. Через четверть часа, обыкновенно (всегда) я выигрывал вдвое. Тут-то бы и остановиться, и уйти, по крайней мере до вечера, чтоб успокоить возбужденные нервы (к тому же я сделал замечание (вернейшее), что я могу быть спокойным и хладнокровным за игрой не более как полчаса сряду). Но я отходил только чтоб выкурить папироску и тотчас же бежал опять к игре. Для чего я это делал, зная наверно почти, что не выдержу, т<о> е<сть> проиграю? А для того, что каждый день, вставая утром, решал про себя, что это последний мой день в Гомбурге, что завтра уеду, а следственно, мне нельзя было выжидать и у рулетки. Я спешил поскорее, изо всех сил, выиграть сколько можно более, зараз в один день (потому что завтра ехать), хладнокровие терялось, нервы раздражались, я пускался рисковать, сердился, ставил уже без расчету, который терялся, и — проигрывал (потому что кто играет без расчету, на случай, тот безумец). Вся ошибка была в том, что мы разлучились и что я не взял тебя с собою. Да, да, это так. А тут и я об тебе тоскую, и ты чуть не умираешь без меня [тебя]. Ангел мой, повторяю тебе, что я не укоряю тебя и что ты мне еще милее, так тоскуя обо мне. Но посуди, милая, что, например, было вчера со мною: отправив тебе письма, с просьбою выслать деньги, я пошел в игорную залу; у меня оставалось в кармане всего на все двадцать гульденов (на всякий случай), и я рискнул на десять гульденов. Я употребил сверхъестественное почти усилие быть целый час спокойным и расчетливым, и кончилось тем, что я выиграл тридцать золотых фридрихсдоров, т<о> е<сть> 300 гульденов. Я был так рад и так страшно, до безумия захотелось мне сегодня же поскорее все покончить, выиграть еще хоть вдвое и немедленно ехать отсюда, что, не дав себе отдохнуть и опомниться, бросился на рулетку, начал ставить зо-

лото и *все*, *все* проиграл, до последней копейки, т<о> е<сть> осталось всего только *два* гульдена на табак. Аня, милая, радость моя! Пойми, что у меня есть долги, которые нужно заплатить, и меня назовут подлецом.[49] Пойми, что надо писать к Каткову и сидеть в Дрездене.[50] Мне надо было выиграть. *Необходимо!* Я не для забавы своей играю. Ведь это единственный был выход — и вот, все потеряно от скверного расчета. Я тебя не укоряю, а себя проклинаю: зачем я тебя не взял с собой? Играя по маленьку, каждый день, *возможности нет* не выиграть, это верно, верно, двадцать опытов было со мною, и вот, зная это наверно, я выезжаю из Гомбурга с проигрышем; и знаю тоже, что если б я себе хоть четыре только дня мог дать еще сроку, то в эти четыре дня я бы наверно все отыграл. Но уж конечно я играть не буду!

Милая Аня, пойми (еще раз умоляю), что я не укоряю, не укоряю тебя; напротив, себя укоряю, что не взял с собою тебя.

N. B. N. B. На случай, если как-нибудь письмо вчерашнее затеряется, повторяю здесь вкратце, что было в нем: я просил выслать мне *немедленно* двадцать империалов, переводом через банкира, т<о> е<сть> пойти к банкиру, сказать ему, что надо переслать, по такому-то адресу, в Гомбург (адрес вернее) poste restante, такому-то, 20 золотых, и банкир знает уж, как сделать. Просил спешить как можно, по возможности [в тот], чтоб в тот же день на почту пошло. (Вексель, который тебе дали бы у банкира, надо вложить в письмо и переслать мне страховым). Все это, если поспешить, взяло бы времени не более часу, так что письмо могло бы в тот же день пойти.

Если ты успеешь послать в тот же день, т<о> е<сть> *сегодня же* (в среду), то я получу завтра, в четверг. Если же пойдет в четверг, я получу в пятницу. Если получу в четверг, *то в субботу* буду в Дрездене, если же в пятницу получу, *то в воскресение*. Это верно. *Верно*. Если успею все дела обделать, то может быть не на *третий*, а на другой день приеду. Но вряд ли возможно в тот же все обделать, чтоб выехать (получить деньги, собраться, уложиться, приехать в Франкфурт и не опоздать на Schnell-Zug). Хоть и из всех сил буду стараться, но вернее всего, что на третий день.

Прощай, Аня, прощай, ангел бесценный, беспокоюсь об тебе ужасно, а обо мне даже нечего совсем тебе беспокоиться. Здоровье мое *превосходно*. Это нервное расстройство, которого ты боишься во мне — только физическое, механическое! Ведь не нравственное же это потрясение. Да того и природа моя требует, я так сложен. Я нервен, я никогда покоен быть не могу и без того! К тому же воздух здесь чудесный. Я здоров *как нельзя больше*, но об тебе решительно мучаюсь. Люблю тебя, оттого и мучаюсь.

Обнимаю тебя крепко, целую бессчетно.

Твой Ф. Д.

10. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Дрезден.› Hombourg. 23 мая ‹18›67. 10 часов утра.

Не я святая душа, ясный ты мой ангельчик, а ты, у тебя святая душа. Какое прелестное письмо ты мне прислала вчера,[51] и как я его целовал! В моем положении такое письмо как манна небесная. По крайней мере знаю, что есть существо, которое меня на всю жизнь любит. Добрая ты, светлая прекрасная душа. Всю жизнь тебя буду любить бесконечно.

Пишу только несколько строчек, наскоро. Спешу на почту: может быть, ты уже успела выслать деньги, и я их сегодня и получу. А уж как бы надо. Ни копейки нет, а сегодня наверно счет из отеля подадут, потому что сегодня минет неделя, как я стою, а у них у всех счеты подаются понедельно. Ну, а если не получу сегодня, — нечего делать, еще сутки потерплю, не беспокойся, милая. Да вот что еще: вчера вдруг наступила погода холодная, да так холодно, что даже странно, ветер и дождь целый день. Сегодня хоть нет дождя, но хмурится, ветрено и холодно очень. Не знаю, как меня угораздило вчера простудить себе ухо, и к вечеру прикинулись зубы.[52] Минут пять было так, что даже дергало. Весь вечер просидел и пролежал дома, закутавшись во что попало. Сегодня хоть и прошли за ночь зубы, но в ухе все еще чувствую как будто нездорово, а потому простудись я снова, и опять заболят зубы. И потому, милочка: если я и получу сегодня деньги, то, может быть, все еще не выеду. Боюсь я, голубчик. Как я ехал сюда, я провел мучительнейшую ночь, от холода, в вагоне в моем легком пальто. А теперь еще холоднее. Дай переждать немножко, мой ангельчик. Совсем я тогда простужу зубы, на несколько лет. Позволь переждать, милочка, не ропщи на меня, не сердись. Я люблю тебя бесконечно, но ведь что же будет, если я приеду домой со стонами и криками. Впрочем, надеюсь, что зубы совсем теперь затихли и не возобновятся. Дай-то бог. Тогда ни минутки не замешкаю. Да и во всяком случае, всеми силами буду стараться не замешкать. Верь ты мне. Верь. Верь, что мне так же хочется обнять тебя, как и тебе меня. Еще больше, может быть. Ангел мой, прости ты меня тоже за вчерашнее письмо, не прими за какой-нибудь хоть самый малейший упрек. До свидания, до самого близкого, обнимаю тебя от всей души, целую бесcчетно.

Твой бесконечно любящий муж

Ф. Достоевский.

Карандаша у меня нет, а то бы распечатал письмо на почте и уведомил тебя, получил ли я сегодня деньги или нет. Все равно, если вчера послала вóвремя, то уж наверно сегодня получу. Целую тебя еще раз, бесценная моя.

P. S. Половина двенадцатого.

Твое письмо получил, а банкирского нет.[53] Сказал мне почтмейстер, чтоб я на почту зашел в пять часов пополудни и что, может быть, тогда

будет. Но вряд ли. Стало быть, завтра наверно получу. Сегодня же во всяком случае выехать невозможно; не беспокойся, ангел мой, не засижусь, постараюсь всеми силами скорее.

Это хорошо, что на здешние деньги. Так и надо. Но смущает меня: что если здесь не разменяют потому, что на Francfort.[54] А впрочем, конечно, разменяют.

Благодарю тебя, милая, от души цалую и обнимаю.

Достоевский.

P. S. Голубчик мой, прочти со вниманием это письмо. Холод страшный, а зубы ноют. Ну, если я разболеюсь. Да потерпи же хоть капельку. Клянусь, что употреблю все силы, чтоб приехать скорее.

11. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Дрезден.› Hombourg. 24 мая ‹18›67.

Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я все проиграл, что ты мне прислала, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл! Аня, как я буду теперь глядеть на тебя, что скажешь ты про меня теперь! Одно, и только одно ужасает меня: что ты скажешь, что подумаешь обо мне? Один твой суд мне и страшен! Можешь ли, будешь ли ты теперь меня уважать! А что и любовь без уважения! Ведь этим весь брак наш поколебался. О, друг мой, не вини меня окончательно! Мне игра ненавистна, не только теперь, но и вчера, третьего дня, я проклинал ее; получив вчера деньги и разменяв билет, я пошел с мыслью хоть что-нибудь отыграть, хоть капельку увеличить наши средства. Я так верил в небольшой выигрыш. Сначала проиграл немного, но как стал проигрывать, — захотелось отыграться, а как проиграл еще более, тогда уж поневоле [начал] продолжать играть, чтоб воротить по крайней мере деньги нужные на отъезд и — проиграл все. Аня, я не умоляю тебя сжалиться надо мной, лучше будь беспристрастна, но страшно боюсь суда твоего. Про себя я не боюсь. Напротив, теперь, теперь, после такого урока, я вдруг сделался совершенно спокоен за мою будущность. Теперь работа и труд, работа и труд, и я докажу еще, что я могу сделать! Как уладятся обстоятельства дальнейшие — не знаю, но теперь Катков не откажет.[55] А все дальнейшее, я думаю, будет зависеть от достоинства моего труда. Хорош будет, и деньги явятся. О, если б только дело касалось до одного меня, я бы теперь и думать не стал, засмеялся бы, махнул рукой и уехал. Но ты ведь не можешь же не произнести своего суждения над моим поступком, и вот это-то и смущает меня и мучает. Аня, только бы любви твоей мне не потерять. При наших и без того скверных обстоятельствах, я извел на эту поездку в Гомбург и проиграл слишком 1000 франков, до 350 руб.! Это преступление!

Но не оттого я истратил, что был легкомыслен, жаден, не для себя, о! у меня были другие цели! Да что теперь оправдываться. Теперь поскорей к тебе. *Присылай скорей, сию минуту денег на выезд,* — *хотя бы были последние*. Не могу я здесь больше оставаться, не хочу здесь сидеть. К тебе, к тебе скорее, обнять тебя. Ведь ты меня обнимешь, поцалуешь, неправда ли? Ох, если б не скверная, не холодная эта сырая погода, я вчера по крайней мере хоть бы в Франкфурт переехал! И не было бы ничего, не играл бы! Но погода такая, что мне с моими зубами и с моим кашлем *возможности* не было тронуться, чтоб проехать целую ночь в легком пальто. Это просто невозможное дело, это был прямой риск схватить болезнь. Но теперь не остановлюсь и перед этим. Сейчас же по получении этого письма вышли 10 империалов, ([каким хо] т<о> е<сть> точно так же, как — тот вексель Robert Thore, и тут вовсе не надобно собственно империалов, а просто Anweisung,* как прошлый раз. Одним словом, точно так же, как прошлый раз). Десять империалов, т<о> е<сть> 90 с чем-то гульденов, чтоб только расплатиться и доехать. Сегодня пятница, в воскресение получу *и в тот же день в Франкфурт*, а там возьму Schnellzug и в понедельник у тебя.

Ангел мой, не подумай как-нибудь, чтоб я и эти проиграл. Не оскорбляй меня уж до такой степени! Не думай обо мне так низко. Ведь и я человек! Ведь есть же во мне сколько-нибудь человеческого. Не вздумай как-нибудь, не доверяя мне, *сама приехать* ко мне. Эта недоверчивость к тому, что я не приеду — убьет меня. *Честное тебе слово* даю, что тотчас поеду, несмотря ни на что, даже на дождь и холод. Обнимаю тебя и цалую. Что-то ты теперь думаешь обо мне. Ох кабы мне тебя видеть в ту минуту, как ты читаешь это письмо!

Твой Ф. Достоевский.

P. S. Ангел мой, *обо мне* не беспокойся! Повторяю, если б я был сам по себе, я бы только засмеялся и плюнул. Мне *ты, твое* суждение одно мучительно! Вот что только одно меня и мучает. А я — замучил тебя! До свидания.

Ох кабы поскорее к тебе, поскорее вместе, мы бы что-нибудь выдумали.

12. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Дрезден.> Hombourg. 25 мая <18>67. Суббота. 10 часов утра.

Аня, ангел мой, *единственное* мое счастье и радость, — простишь ли ты меня за все и за все мучения и волнения, которые я заставил тебя испытать. О, как ты мне нужна. Вчера сидел целый вечер один, пробовал

* денежный перевод, чек (*нем.*).

читать мои три перечитанные книжонки; а в голове все одно стучит, одно: что-то ты? Что-то с нами будет теперь? Я не говорю про дальнейшее. Дальнейшее просто не разгадано. Но бог спасет как-нибудь. Я и никогда в жизни моей дольше шести месяцев не рассчитывал, так же, как и всякий, живущий одним своим трудом, чуть не поденным. На труд-то вот я и надеюсь теперь. Пойми, Аня: он должен быть великолепен, он должен быть еще лучше Преступл‹ения› и Наказ‹ания›. Тогда и читающая Россия моя, тогда и книгопродавцы мои.[56] В дальнейшее будущее наше я верю, только бы бог дал здоровья (а здесь припадков не бывает). Но ближайшее дальнейшее не разгадано (время, когда придется возвращаться в Россию, с долгами и проч.). Уж и не знаю, что будет. Теперь же серьезно и решительно верю в помощь Каткова.[57] (Помогши раз и увидев, что я к зиме работу кончу, поможет и другой, поможет и зимой, когда приедем, беда в том, что все будет мало). Но теперь-то только бы переждать, теперь-то только бы быть обеспеченным до присылки от Каткова. А с чем? У нас и тридцати талеров верно не наберется. Одна надежда, что пришлет мамаша.[58] Удивительно, что там происходит и почему не высылают. Одно меня ободряет: если б нельзя было прислать, то верно написали бы. Да и никто из них не пишет. Странно. Может быть, выслать не умеют. Авось уведомят.

К тебе, к тебе, Аня, теперь только и мысли, чтоб поскорей к тебе. Вместе сойдемся, вместе обо всем переговорим, обо всем перетолкуем. Жду завтрашнего дня с нетерпением болезненным. Несмотря ни на какую погоду поеду и с вечера начну упаковываться. Одна беда: раньше двенадцати часов наверно не получу письма (коли денежное), а может, и в четыре пополудни. Но во всяком случае выеду и ни за что не останусь. Еще беспокойство одно есть: вчера подали счет хозяйский за неделю, ужасный счет, я отговорился, что еду в воскресение и разом заплачу. Нахмурились, но еще молчат. Но вот беда: счет еще подрастет к воскресению, и боюсь, что присланных денег не хватит на проезд и на счет. Поеду в третьем классе. Застану ли в Франкфурте Шнель-цуг. (Ничего-то здесь узнать нельзя). Не пришлось бы ночевать где-нибудь. Погода же ужасная, холодная и дождливая. Ночи, как у нас в октябре, но нужды нет, — непременно поеду. Надену двойное белье, две рубашки и проч. Но авось все сойдет хорошо. Аня, ангел, только бы к тебе мне приехать, поскорее, а там все уладится исподволь. Как приеду — сейчас напишу к Каткову. Может ответ прийти и через 2 недели, но надо рассчитывать на месяц. Я решил просить тысячу, хотя бы с рассрочкой. Тогда переедем поскорее в Швейцарию. Проезд будет стоить 50 талеров, но ничего! И там за работу!

До свидания, Аня, сердце мое! Послезавтра у тебя, меньше чем через 48 часов. Часы считаю. Дай бог, чтобы все удалось! Прости меня, ангел, прости, сердце мое.

Твой Ф. Достоевский.

13. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Дрезден.› Hombourg. 26 мая ‹18›67. 10 часов утра.

Милый ангел, пишу на клочке; бумага и пакеты все вышли; взял хозяйской. Если получу сегодня от тебя деньги, то постараюсь изо всех сил сегодня же и поехать.[59] Поезд отсюда идет в 3 часа 20 минут, но застану ли во Франкфурте — не знаю. В Шнель-цуге, как мне сказали, нет третьего класса; если же поехать в третьем классе (не в Шнель-цуге), то надо ночевать дорогой: одно на одно и выйдет. А Шнель-цуг дорог. У хозяев счет дойдет сегодня до 70 гульденов. Останется 20, а 20 minimum стоит один Шнель-цуг. Без копейки ехать нельзя; но так как я имею непременное желание выехать, то как-нибудь обделаю. Одно всего больше беспокоит: холод. Простужусь — хуже будет. По газетам, в Берлине холера, а в Париже, третьего дня, 24 мая ночью был мороз, яблони и вишни пропали, никогда не запомнят. Все покрылось инеем, а днем 24 мая был снег и град. Вчера здесь в Гомбурге, днем, дыхание замерзало. Попробую надеть двойное белье, а там что бог даст. Во всяком случае, ангел мой вечный, не беспокойся. Я всеми силами хочу! выехать. Если завтра не приеду и вместо меня получишь это письмо, то знай, что что-нибудь не уладилось, какая-нибудь мелочь, какое-нибудь обстоятельство, а что я все-таки на выезде. Обнимаю тебя, мое сокровище, крепко, целую бессчетно, люби меня, будь женой, прости, не помни зла, нам ведь всю жизнь прожить вместе.

Твой вечный и верный Фед. Достоевский.

Воскресение сегодня, вряд ли конторы будут отперты, чтоб разменять. Да вот что: если получу не утром, а в 5 часов пополудни. Ох, не желал бы.

Ангел, друг мой, прости меня.

14. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Женеву.› Bains-Saxon.[60] 5 октября ‹1867.› 6 часов.

Милый друг мой, возлюбленный мой ангел, Аничка (и Сонечка).[61] Со мной случилось, с первого шага, скверное и комическое приключение. Вообрази, друг милый, что как ни глядел я, во все глаза, а проехал Bains-Saxon мимо! три станции, а образумился в городке Sion, где и вышел, доплатив еще им, разбойникам, 1 ф. 45 сант. Каково! Не имею понятия, как это устроилось. Я каждую станцию смотрел.

Дорога была скверная, холод, дождь ужасный и град. Как нарочно, когда я подъезжал к Bains-Saxon, прояснело. А я их-то и проехал.

Дорогой читал. 90 сантим. проел. Виды — восхищение! Истинно сказать, Женева стоит из всей Швейцарии на самом пакостном месте. Веве, Vernex-Montreux, Chillion и Вильнев — удивительны. И это в дождь и

в град. Что же было бы при солнце! Горы очень высоки и очень снежны. Холод.

В Сионе прождал час и поел. В restaurant у станции дали сосисок и супу. Это ужас ужасов! Стоило франков.

В 5 часов взял билет, заплатил опять 1 ф. 45 сант. и теперь, сейчас только, в 6 часов приехал в Saxon les Bains. Ничего еще не видал. Сумерки полные. Saxon — деревнюшка жалкая. Но отелей много и на большую ногу. Сейчас объявили (без спросу моего), что тут рулетка и не угодно ли на рулетку.

Спросил про письмо: сказали, что из отеля пойдет в 10 часов и что раньше нельзя. Я и принялся писать, заказав росбив и кофей, ибо совсем голоден.

Вот и все, Анпчка, дальше не знаю, что будет, что бог даст.

Ангел, ангел милый, береги Соню, береги себя, будь весела.

Сколько бы хотел тебе рассказать. Всю дорогу ты мне представлялась. В Сионе на одной картинке видел твой портрет. У хозяйки дочка, 9 месяцев, хохочет и ко мне ручки протягивает. Я об тебе сейчас вспомнил. Милая, здорова ли ты. То-то буду мучиться — по вечерам.

Я думаю, что наверно приеду завтра.

Поездов завтра три отсюда: в 5 часов утра, в 11 часов утра, и в $5^3/_4$ вечера.

Прощай, ангел милый, обнимаю и цалую тебя. Соню, Соню береги. Цалую твои ручки и ножки.

Твой муж верный и любящий Ф. Достоевский.

P. S. Письмо я положу в ящик отеля сейчас. Пойдет оно на почту сегодня в 10 часов. Но сама почта в Женеву пойдет не раньше как завтра утром, в 5 часов утром. Стало быть, ты раньше 12 часов не получишь. Я же, если поеду завтра, что, я думаю, наверно, поеду не иначе, как в 11 часов утра. Следств‹енно›, буду в Женеве в $5^1/_2$ часов вечера.

Если же поеду отсюда с последним вечерним поездом в 6 часов, то приеду в 12-м часу ночи.

[Прощай] До свидания, ангел милый.

Твой Ф. Достоевский.

15. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Воскресение 6-го октября ‹1867.›

‹В Женеву.› Saxon les Bains. $7^1/_2$ часов вечера.

Аня, милая, я хуже чем скот! Вчера к 10 часам вечера был в чистом выигрыше 1300 фр. Сегодня — ни копейки. Все! Все проиграл! И все оттого, что подлец лакей в Hotel des Bains не разбудил, как я приказывал,

чтоб ехать в 11 часов в Женеву. Я проспал до половины двенадцатого. Нечего было делать, надо было отправляться в 5 часов, я пошел в 2 часа на рулетку и — все, все проиграл. Осталось 14 франков — ровно чтоб доехать. Иду в 5 часов на железную дорогу — объявляют, что прямо в Женеву нельзя доехать, а надо ночевать в Лозанне. Вот сюрприз! А у меня всего 14 франков. Я беру кольцо, отыскал такое место, чтоб заложить, обещались к 8 часам дать денег, но говорят 10 франк. Теперь я переехал ночевать к другому хозяину, m-r Орса (пансион). Завтра утром хочу отправиться в 5 часов. Буду в Женеве в 11. Если не приеду — значит, что-нибудь задержало. Это письмо посылаю на случай, потому что приеду, может быть, раньше его. Я здоров, Аня, судьба нас преследует. Успел получить твое милое письмецо.[62] Душа ты моя, радость ты моя! Не думай обо мне, не убивайся! Брани меня, скота, но люби меня. А я тебя люблю безумно. Теперь чувствую, как ты мне дорога.

До свиданья, до скорого.

Твой весь Ф. Достоевский.

16. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Saxon les Bains.

‹В Женеву.› Воскресенье [16] 17 ноября ‹18›67.

Милый мой голубчик, радость моя Анечка (с Соничкой и Мишкой),[63] целую вас всех троих (если надо) крепко, а тебя, Аня, 50 раз. Что ты, милый голубчик? Как ты время проводила? Здорова ли ты? Из ума ты у меня не выходила. Приехал я без четверти четыре. Что за день! Что за виды дорогою! Это лучше вдвое, чем в прошлый раз. Какая прелесть н‹а›прим‹ер› Vevey, не говорю уж об Montreux. Я подробно разглядывал Веве. Это[т] хороший город, в котором, вероятно, и хорошие квартиры есть, и доктора, и отели. На всякий случай, Анничка, на всякий случай; хотя наши старушонки тоже чего-нибудь стоют и помогут при деле.[64] — Ах, голубчик, не надо меня и пускать к рулетке! Как только проснулся — сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют. Приехал я сюда без четверти четыре и узнал, что рулетка до 5 часов. (Я думал [что] до четырех). Стало быть, час оставался. Я побежал. С первых ставок спустил 50 франков, потом вдруг поднялся, не знаю насколько, не считал; затем пошел страшный проигрыш; почти до последков. И вдруг на самые последние деньги отыграл все мои 125 франков и, кроме того, в выигрыше 110. Всего у меня теперь 235 фр. Аня, милая, я сильно было раздумывал послать тебе сто франков, но слишком ведь мало. Если б по крайней мере 200. Зато даю себе честное и великое слово, что вечером, с 8 часов до 11-ти, буду играть ‹...› благоразумнейшим образом, клянусь тебе. Если же хоть что-нибудь еще прибавлю к выигрышу, то завтра же (*несколько слов зачеркнуто*) непременно пошлю тебе, а сам наверно приеду послезавтра, т‹о› е‹сть› во вторник.

Не знаю, когда пойдет к тебе это письмецо.— Сейчас меня прервали, принесли обедать. Забыли хлеба. Сошел вниз спросить, и вдруг хозяин отеля, встретив меня (и подозревая, что я русский), спрашивает меня: «Не к вам ли пришла телеграмма?» Я так и обмер. Смотрю: À m-r Stablewsky. Нет, говорю, не ко мне. Пошел обедать, и сердце не на месте. Думаю: с тобой что-нибудь случилось, хозяйки или доктор подали телеграмму по твоей просьбе; имена русские все коверкают, на почте исковеркали, — ну что если от тебя ко мне? Сошел опять: спрашиваю: нельзя ли узнать, откудова телеграмма? (Так бы, кажется, и распечатал, прочел). Говорят: из Пруссии. Ну, слава богу! А уж как испугался, господи!

Анечка, милая, радость ты моя! Все это время об тебе буду думать. Береги себя! Умоляю тебя, целую тебя. Голубчик мой, как я раскаиваюсь: давеча я был такой нервный, так сердился, кричал на тебя. Ангел ты мой, знаешь, как я тебя люблю, как обожаю тебя. Люби только ты меня.

До свидания, милая. До вторника наверно. Целую тебя миллион раз и обожаю навеки, твой верный и любящий

Федор Достоевский.

Здоровье мое очень хорошо. Право, прекрасно себя чувствую. Дорога хорошая помогла.

Молюсь об тебе и обних.[65]

Аня, милая, не надейся очень на выигрыш, не мечтай. Может быть, и проиграюсь, но, клянусь, буду ‹...› благоразумен.

17. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Saxon les Bains.

‹В Женеву.› 18 ноября ‹18›67. Понедельник.

Аня, милая, бесценная моя, я все проиграл, все, все! О, Ангел мой, не печалься и не беспокойся! Будь уверена, что теперь настанет, наконец, время, когда я буду достоин тебя и не буду более тебя обкрадывать, как скверный, гнусный вор! Теперь роман, один роман спасет нас,[66] и если б ты знала, как я надеюсь на это! Будь уверена, что я достигну цели и заслужу твое уважение. Никогда, никогда я не буду больше играть. Точно то же было в 65-м году. Трудно было быть более в гибели, но работа меня вынесла.[67] С любовью и с надеждой примусь за работу, и увидишь, что будет через 2 года.

Теперь же, ангел мой, не беспокойся! Я надеюсь и рвусь к тебе, но до четверга двинуться не в состоянии. И вот почему: узнай все.

Я заложил и кольцо и зимнее пальто и все проиграл. За кольцо и пальто надо будет заплатить 50 франков, и я их выкуплю — (увидишь как). Но теперь не в том дело. Теперь три часа пополудни. Через полчаса я по-

дам это письмо и пойду взять на почте твое, если есть (утром толкался на почту — никого там нет, никто не сидит). Таким образом, мое письмо пойдет завтра — или в 5 часов утра, или в одиннадцать — не знаю. Но во всяком случае ты завтра его получишь. Но в [это] отеле за все это время я задолжаю, и выехать мне будет нельзя. И потому умоляю тебя, Аня, мой ангел-спаситель: пришли мне, чтоб расплатиться в отеле, 50 франков. Если в среду, утром рано или завтра, во вторник, вечером успеешь послать, то я получу в среду вечером и в четверг, утром, или в 6-м часу вечера, буду у тебя.

Друг мой, не печалься, что я разорил тебя, не мучайся за наше будущее. Я все, все поправлю!

Друг мой, я попрошу у Огарева[68] 300 франков до 15-го декабря. Во-первых, он не Герцен,[69] а во-вторых, хоть и тяжело мне это до мучительной боли, — я все-таки не свяжу себя ничем нравственно. Я выговорю это, занимая, я благородно скажу ему. Наконец, он поэт, литератор, у него сердце есть, и кроме того сам он ко мне подходит и ищет во мне, стало быть, уважает меня. Он не откажет мне на эти три недели.

В то же время напишу Каткову (который тоже не откажет), чтоб, в виде исключения, прислал мне в декабре не 100, а 200 ф. (а остальные 200 руб. по уговору, помесячно). 15 декабря мы Огареву заплатим 300 франков, и у нас останется еще 380 франков.

Между тем из занятых теперь у Огарева 300 ф.[70] мы заплатим: за пальто и кольцо — 50 ф. За твои платья 80 ф. За бриллианты 150 ф.[71] [Хозяйк] Итого 280 франков. Останется почти ничего, но зато останутся вещи. Без уплаты хозяйкам на одни бриллианты и кольца можно прожить до получения денег. 15 декабря можно опять выкупить и опять заложить, и так будет продолжаться месяца три, а через три месяца я [пошлю] уже доставлю Каткову романа на три тысячи, и уж наверно он [пошлет] пришлет тогда по моей просьбе, к твоим родинам,[72] по крайней мере 300 ф., а [мож] еще через 2 месяца и еще 500.

Что же касается до трат насчет нашего будущего гостя и ангельчика, то я, за это время, изобрету и достану деньги. Будем лезть изо всех сил, сначала помаленьку, а потом поскорей и дело сделаем!

Аня, милая, ради бога, не тревожься! Я теперь здоров, но каково мне будет сидеть до четверга и ждать минуты, когда увидимся! Аня, я недостоин тебя, но прости мне за этот раз. Я еду с крепкой надеждой и, клянусь, обещаю тебе в будущем счастье! Люби только меня, так как и я тебя бесконечно, вечно люблю. Не считай теперешних поступков моих за легкость и за маловесность моей любви. Бог видит, как я сам наказан и как я мучился. Но всего более мучаюсь за тебя. Боюсь, что теперь ты будешь одна (до четверга) тосковать, плакать, мучиться, не будешь беречь себя. Ангел мой святой, Аня, пойми, что я серьезно говорю, что другая жизнь начинается; увидишь меня, наконец, на деле. Спасу и поправлю все. Прошлый раз я приезжал убитый, а теперь надежда в моем сердце, только одна мука — как дожить до четверга! Прощай, мой ангел

до свидания, обнимаю и цалую тебя! О, зачем, зачем, я от тебя уехал! Цалую тебя, твои руки и ноги. Твой вечно любящий

Федор Достоевский.

P. S. Деньги пошли так: заверни 50-франковый билет (который достань у менялы) в письмо, вложи в конверт и пошли Saxon les Bains, poste restante, recommandé.*

P. P. S. Но, ради бога, не горюй, не печалься, как подумаю, что ты заболеешь в эти дни — сердце кровью обольется! И я мог тебя оставить! Не знаю, как и дожить до четверга.

Не подумай, ради Христа, что я буду играть на эти 50 франков. О, ради Христа, не подумай! Сейчас к тебе.

Я [пойду] потому приеду в *шестом часу* (а не утром), что здесь, в этом проклятом отеле, никаким образом нельзя добиться, чтоб *разбудили в четыре утра*.

1868

18. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Saxon les Bains.

‹В Женеву.› Суббота 4-го апреля ‹1868.›

Милый мой ангел Нютя, я все проиграл, как приехал, в полчаса все и проиграл. Ну что я скажу тебе теперь, моему ангелу божьему, которого я так мучаю. Прости Аня, я тебе жизнь отравил! И еще имея Соню!

Я снес кольцо; она кольцо взяла, но с большим отвращением и денег мне не дала, потому что говорит *нет*, а сказала прийти за ответом в 7 часов. Теперь $6\frac{1}{4}$. Но говорит, что больше 10 франков не даст. Просто запросто, по всему видно, она трусит и что ее скрутили, т‹о› е‹сть› здешним начальством запрещают давать ей. Она даже проговорилась мне. Я буду умолять, чтоб она дала не 10, а 15 франков. Но не только с 15-ю а и с 20-ю франками (которых она наверно не даст) — мне уже нельзя теперь приехать. На отель надо все-таки положить хоть 17 франков, проезд франков 8, итого 25 фр. А у меня — ничего, ровно ничего [ни одного], несколько сантимов.

Что бы ни было, Аня, а мне здесь *невозможно* оставаться. Выручи, ангел-хранитель мой (Ах, ангел мой, я тебя *бесконечно* люблю, но мне суждено судьбой всех тех, кого я люблю, мучить!).

Пришли мне как можно больше денег. Не для игры (поклялся бы тебе, но не смею, потому что я тысячу раз тебе лгал). Вот счет самого

---

* до востребования, заказным (*франц.*).

худшего положения, хотя может быть и лучше; но я беру самое худшее; потому что это вернее.

Если твои деньги придут послезавтра утром, то в отеле надо считать дня за четыре. Итого

Minimum	— 60 ф.
На проезд	— 10 фр.
Для выкупа кольца	— 20 ф.
Итого	— 90 ф.

Ангел мой, пришли 100 фр. У тебя останется 20 или меньше, заложи что-нибудь. Только бы мне поскорее к тебе!

Играть не буду. Твои письма получал я прежде (с деньгами) утром (в последний раз до 9 часов), так что тотчас же успел и отправиться. Если получу теперь тоже утром, то мне будет время одуматься, и я не пойду играть (игра начинается с 2-х часов). — Я брал самое худшее. И потому я, может быть, наверно не истрачу 90 франков. Но если останется из присланных тобою ста, за всеми расходами, даже сорок франков, то не пойду играть, а все привезу к тебе.

Слушай еще: в 7 часов эта гадина даст мне от 10 до 15 фр. Так как все равно мне ничего с этими деньгами нельзя будет сделать, а жить здесь для меня ужас, то я пойду их поставлю. Если только выиграю 10 франков, то завтра же утром, не дожидаясь твоего письма, отправлюсь к вам, для письма же дам здесь, на почте, свой адрес в Женеве, с тем, что когда, без меня, придет твое рекомандированное письмо и 100 фр., то чтоб немедленно мне переслали письмо в Женеву, по моему адресу.

Вот шанс, по которому я, может быть, еще могу воротиться завтра. Но боже мой! как<ой> слабый шанс!

Прости, Аня, прости, милая! Ведь я как ни гадок, как ни подл, а ведь я люблю вас обеих, тебя и Соню (вторую тебя), больше всего на свете. Я без вас обеих жить не могу.

Ради бога, обо мне не грусти (клянусь тебе, что я бодрее смотрю, чем ты думаешь; а ты до того меня любишь, что наверно будешь обо мне грустить).

Не жалей этих ста франков, Аня! С майковскими у нас все-таки 200 будет,[73] а я как приеду, тотчас же исполню одно намерение. Ты знаешь, что я должен писать Каткову. Ну так я знаю, что́ теперь напишу к нему! И будь уверена, что имею надежду. Я имел это в виду еще три дня назад.

Прости, прости меня, Аня! Ноги твои целую, прости своего беспутного. Соня-то, Соня-то, милая, ангел!

О, не беспокойся обо мне! Но об тебе, об тебе как я буду беспокоиться. Что если 4 дня вместо одного!

Обнимаю, целую вас обеих, бесконечно люблю, береги Соню, береги изо всех сил, хозяйке и всем скажи, что получила письмо и что я, может быть, еще дни два не приеду!

Как я буду без вас!

У меня-то еще есть занятие. Я буду сочинять или письма в Россию писать. Но ты, ты! Ты все будешь плакать! О Аня! Чем я рискую? Ведь у тебя молоко пропасть может. Не жалей этих 100 франков, ворочу, только бы мне самому-то скорее к тебе воротиться! Твой и сонин навеки, вознагражу, любовью вознагражу!

Твой Ф. Достоевский.

Не считай, Аня, моего требования 100 франков сумасшедшим. Я не сумасшедший! И порочным не считай тоже: не сподличаю, не обману, не пойду играть. Я только *для верности* спрашиваю.

Работать буду теперь день и ночь. Приехав в Женеву, в сентябре прошлого года, мы были еще в худшем положении.[74]

19. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Bains-Saxon.

<В Женеву.> 4-го апреля. $9\frac{1}{2}$ часов вечера <1868.>

Ангел Аня, вместо [себя] меня придет к тебе завтра, в 5 часов, это письмо, — если только ты вздумаешь наведаться вечером на почту. (Очень может быть, что не вздумаешь, в горе, за хлопотами с Соней (которой я недостоин). Какой я отец?). А главное — так как уже получишь утром от меня письмо. — А между тем хорошо бы если б и это письмо ты прочла завтра!

Дело в том, что от этой подлой m-me Дюбюк[75] я получил, в 7 часов, сегодня, 20 франк. Но так как у меня было только 50 сантимов, и 20-ти франков, во всяком случае, бы не достало расплатиться и к тебе приехать, то я пошел играть в 8 часов — и все проиграл! У меня теперь те же 50 сантимов. Друг мой! Пусть это будет моим последним и окончательным уроком, да, урок ужасен! — Слушай милая, как-то раз, т<о> е<сть> в последний раз прежде, ты мне прислала очень скоро деньги, — так что я мог с утренним поездом и отправиться. Самое скверное, т<о> е<сть> долгое, будет, если я возвращусь во вторник. Но если б бог сделал так, чтоб они пришли в понедельник рано, то я бы мог, может быть, приехать и в понедельник! О, если б это могло только случиться!

N. B. (Кстати, на случай, если мое письмо сегодняшнее, пущенное к тебе в 6 часов, не дойдя до тебя (т<о> е<сть> пропадет, чего, кажется, быть не может), то объявлю тебе, что я в нем писал о том, что все, до тла проиграл и кольцо заложил и что мне нужно в самом скором времени 100 фр. При этом умолял тебя, чтоб ты не тосковала, что так много, 100 фр., т<о> е<сть> почти все, и давал тебе последнее и великое слово мое — уже более не играть, а прямо получив эти 100 франков — к тебе ехать).

Теперь, ангел мой радостный, ненаглядный, вечный и милый — выслушай то *главное*, которое я намерен теперь сказать тебе!

И, во первых, знай, мой Ангел, что если б не было теперь этого скверного и низкого происшествия, этой траты даром 220 фр., то, может быть, не было бы и той удивительной, превосходной мысли, которая теперь посетила меня и которая послужит к окончательному *общему нашему спасению!* Да, мой друг, я верю, что, может быть, бог, по своему бесконечному милосердию, сделал это для меня, беспутного и низкого, мелкого игрочишки, вразумив меня и спасая меня от игры — а стало быть, и тебя, и Соню, нас всех, на все наше будущее!

Выслушай же.

Эта мысль мерещилась мне еще до отъезда моего сюда; но она только мерещилась, и я бы ни за что ее не исполнил, если б не этот *толчок*, если б не эта беспутная потеря последних крох наших. А теперь исполню. Я, признаюсь тебе, даже нарочно медлил писать к Каткову, что́ уже неделю тому назад надо бы было сделать (чтоб извиниться насчет моего опаздывания). Я ждал результата поездки моей сюда. Теперь же, проигравшись весь, весь завтрашний день просижу над этим письмом и напишу его здесь, т<о> е<сть> вполне приготовлю. Как только ворочусь в Женеву, — в тот же день и пущу в Москву.

В этом письме совершенно откровенным и прямым тоном объясню ему все мое положение. Это письмо до того будет искренно и прямодушно, что, мне кажется, я безо всякого труда буду писать его.

Начну с того, что объясню ему причину, почему опоздал. Причина случайная — родины. Этого больше не повторится (т<о> е<сть> опаздывания), он поймет это. Затем скажу ему, что и мое и твое здоровье в Женеве только расстроилось, что переехать в лучший климат и мне, и главное тебе советуют доктора и что это только и способно меня успокоить.

Но так как я не могу теперь, *ни в каком случае*, рассчитывать на большие средства, да и времени у меня нет, чтоб переезжать, то и намерен (т<о> е<сть> желаю ужасно) переехать недалеко, два шага от Женевы, в город *Вевей*, на правом берегу озера, где нет *биз* и резких перемен климата.

В этом городке, где прекрасный и здоровый климат, но который ужасно похож на дачу, т<о> е<сть> на деревню, — я проживу в полном уединении до окончания моего романа.[76] А уединение и спокойствие мне для этого необходимо. К осени роман будет окончен; присылать буду безостановочно. Тем временем жена моя поправит здоровье, и мы выкормим наше дитя, не боясь простудить его, вынося на внезапную здешнюю бизу.

Затем напишу ему, что мне тяжело уже жить за границей. Между тем есть 3000 руб. вексельного долгу. Вся надежда моя на роман и на успех его. Я душу мою в него хочу положить, и, может быть, он будет иметь успех. Тогда вся будущность моя спасена. Роман будет кончен осенью, и если будет хорош —у меня купят на второе издание. (Разумея, что если Каткову весь долг уплатится, т<о> е<сть> отпишется). Тогда я, воротясь, прямо предложу кредиторам второе издание!

И так скажу ему: от Вас, Михаил Никифорович, зависит все мое будущее! Помогите мне теперь кончить этот роман хорошо (а мне мерещится,

что он будет хорош) — поддержите меня теперь, дайте мне возможность хорошего климата и уединения вплоть до осени, — и вот чего я желаю:

Взял я у вас, Михаил Никифорович, всего теперь 5060 р.[77] вперед. Но так как доставлено мною романа почти 12 листов, то можно считать примерно, что за мной остается теперь около 3300 р. Я прошу прислать мне теперь еще 300 р., долгу будет, стало быть, 3600 р., но менее чем в два месяца я пришлю еще от 10 до 12 листов, стало быть, долгу будет уже только около 2000.

До полной присылки этих 10—12 листов, т<о> е<сть> полной 2-й части (или по прежнему счету 3-й и 4-й части), я обещаюсь денег больше не просить. Но после присылки, через два месяца, попрошу еще, [рублей] но зато еще через два месяца придет 3-я часть, т<о> е<сть> 5-я и 6-я, и тогда за мной останется всего только о д н а т ы с я ч а, не более, а может быть, менее. Но затем будет еще 4-ая часть (т<о> е<сть> 7-я и 8-я), и я вполне мой долг выплачу.

(N. B. Я действительно не помню, как я решил в последнем свидании с Катковым, по 150 р.[78] лист или по [150] 125 считать. Это я ему и напишу: т<о> е<сть> если роман будет хорош, т<о> е<сть> произведет эффект, то 150 (если так условлено, если же не очень хорош, а только хорош, то по чрезвычайной его величине (40 листов) я согласен взять и по 125 р.).

Триста рублей, т<о> е<сть> почти сейчас, мне нужно, главное, теперь потому (если только возможно, чтоб мой переезд состоялся) — что как мы ни считали с женою, а все-таки менее 1000 франков, чуть ли не на два месяца, с переездом и с уплатою мелких долгов невозможно!

Итак, в руках [Каткова] ваших, Михаил Никифоров<ич>, почти моя участь.

Во всяком случае 2-е издание Идиота все-таки принадлежит Вам, до тех пор, пока я не уплачу Вам всего, т<о> е<сть> не кончу романа, а там к вам же обращусь с просьбою дать мне средства переехать к осени в Россию.

Вот содержание моего письма.[79] Прибавлю еще, что в видах твоего и моего здоровья и всех наших обстоятельств попрошу его отвечать мне немедленно. С этим ответом для меня сопряжено почти все, а вы, скажу ему, слишком благородный человек, чтоб обидеться этою просьбою отвечать скорее. Вы для меня [скажу] почти провидением были все это время, и через Вас я счастлив тем, что еще год назад дали мне помощь для брака. Вот как я на вас смотрю.

Итак, вот какое письмо, милый Ангел мой Аня, хочу я послать Каткову в тот же день, как приеду. Клянусь тебе, друг мой, что я надеюсь на благоприятный ответ!

Теперь выслушай, Аня, далее.

Ответ от Каткова и 1000 ф. придут (я твердо надеюсь, что придут) 1-го мая здешнего стиля. Я в этом уверен, как в боге. Весь вопрос теперь заключается собственно в нас самих, т<о> е<сть> во мне и тебе, и как бог нам даст сладить это дело. Дело же и весь вопрос в следующем:

Удастся ли нам к 1-му мая здешнего стиля (когда Катков уже при-

шлет ответ) сделать так, чтоб за всеми уплатами и за всеми расходами и с переездом (к 1-му мая) в Вевей — сохранить 400 или по крайней мере 350 франков? Выслушай:

Я так рассчитываю: закладов около 200 франков будет, то, что возьмет кредит, m-me Ролан[80] и проч. тоже [рублей] 100 франков. Жосселен — 200 франков (на худой конец) и, наконец, 100 франков для твоих летних платьев (это во что бы то ни стало!).

Итого, стало быть — на 600 франков. Значит, останется 400 ф. (Но мы с тобой, когда ворочусь, разочтем все подробно. Может быть, m-me [Josslin] Жослен и больше возьмет. Но это ничего! Главное, поскорей из Женевы!) Теперь:

Про Вевей мы еще с тобой много поговорим, но однако я полагаю, что мы там уже не 100 франков, а много что 50 будем за квартиру платить. Да и пища, конечно, дешевле. Переедем через озеро. Жозефину[81] с собой возьмем.

Если даже останется только 300 франков чистых, со всеми расходами, по приезде в Вевей, то и эти 300 франков все-таки немало, потому что в Вевее наверно все дешевле женевского.

Теперь, ангел мой, милая, радость, небо мое бесконечное, жена моя добрая, — одна у меня забота! Выслушай:

Эта забота — что будет с тобою? Вевей городок еще меньше Женевы. Правда, местоположение картинка, и климат прелестный, но ведь ничего-то нет более, кроме, может быть, библиотеки. Правда, в шести верстах, не более — Vernex Montreux, там музыка, воксал, гуляния и проч. — но все-таки опять уединение до осени! Скучно тебе будет, моему ангелу, и вот чего я боюсь!

Для того ли я взял тебя от матери, чтоб ты так скучала и такую тяготу выносила, но, милая, подумай, в чем наше теперь главное? Главное — это успех моего романа! (О, прочь теперь игру, проклятый мираж, ничего не будет подобного никогда более!). Если же роман успеет, — то и все спасено. И к тому же его надо кончить непременно как можно скорее, к осени. Стало быть, во всяком случае путешествовать уж нельзя было, до времени, а надо было на месте сидеть. Женева мне опротивела. В Вевее же мы будем как в деревне, как на даче. Я буду писать день и ночь, и новое место меня надолго успокоит, припадки в прелестном климате утихнут, женевская тоска пройдет, может быть. В виду буду иметь то, что если кончу роман и удачно и скоро, то скорее освобожусь. Через два месяца я попрошу еще рублей 300 или 400. Следственно, жить будет чем. Между тем ты там поправишься тоже здоровьем в хорошем климате, и мы к окончанию романа выкормим и укрепим Соню. (О, если б мамаша приехала![82] Как бы помогла она нам во всем!). Затем к осени, когда кончится роман, и весь долг Каткову (или около того) выплатится, — я попрошу рублей 1000, и в сентябре, в половине или в конце, мы оставим Веве и поедем через Италию, которую я хочу показать тебе, через Флоренцию, Неаполь, Венецию, Вену — в Россию. (Если будет мамаша, то предварительно можно посетить два-три места

в Швейцарии). В Россию [я при] мы приедем, конечно, без денег, но если успех романа (о чем я увижу, услышу и мне знать дадут), то я получу и заказы и продать Идиота могу. Я прямо скажу кредиторам: если вы посадите меня теперь, т<о> е<сть> потребуете, чтоб я сейчас продал роман, то я продам его за бесценок. Подождите на мне месяца четыре — и я с вами расплачусь.

Чем мы будем жить в России? Но в России я найду средства, найду новую работу, новый заказ.

Итак все от романа и от успеха и от поездки нашей в Вевей зависит. Может быть, все будущее. И чем дальше, тем легче будет. И, может быть, года через три мы окончательно на хороших ногах будем стоять.

Аня, милая! Не знаю как тебе, но мне вся эта теперешняя мысль нравится. Катков непременно поможет, я убежден, я уверен. Я тебе прочту письмо к нему, которое напишу здесь завтра, как только ворочусь и обниму тебя и Соню. О, милые! Но согласись, согласись, радость моя, что если б не было теперь со мной этого мерзейшего проигрыша,— то я бы не решился на этот шаг, который нас от всего избавит и который я считаю теперь верным! Господи, да, может быть, еще бога благодарить надо будет за этот случай, что установил меня теперь окончательно на одной надежде, — на работе моей. — Не думай, о, не думай, мой ангел, что я из 100 франков, которые ты мне пришлешь, хоть один франк проиграю теперь! Да если б теперь я знал бы наверно, что я что-нибудь и выиграл бы, если б еще раз рискнул, то, право, мне было бы совестно и пред тобою и пред собою за этот выигрыш, после теперешней окончательной решимости моей и новых надежд моих!

И если б ты знала, как это все меня вдруг теперь успокоило и с какою верою и надеждою буду я писать завтра письмо к Каткову. Это уже не прежние письма будут! Я теперь в такой бодрости, в такой бодрости! Одно, одно меня мучит: как подумаю, сколько времени мне теперь еще не видать вас, тебя и Соню! Может, даже до вторника! Только и буду думать что об вас, день и ночь! Но главное мучает меня, что ты придешь в отчаяние, заплачешь, заболеешь, и, пожалуй, молоко тебе в голову бросится. И зачем, зачем я давеча тебе всего этого не написал, а послал это отчаянное письмо! Но давеча, мне хотя и мерещилось, но я все-таки окончательно еще не выяснил себе эту превосходную мысль, которая мне пришла теперь! Она пришла мне уже в девять часов или около, когда я проигрался и пошел бродить по аллее. (Точно так же, как в Висбадене было, когда я тоже после проигрыша выдумал Преступлен<ие> и Наказание и подумал завязать сношения с Катковым. Или судьба, или бог).

Аня, верь богу, милая, верь его милосердию и знай, что никогда я не был более в силе и в надежде! Только об вас, об вас обеих тоскую ужасно! Что с тобой будет, что с Соней! Может быть, ты так будешь тосковать, истощать себя! А Соня! Соня! Кабы мне поскорее быть при вас!

Милая, до 1-го мая проживем кредитом, закладами, майковскими деньгами. Теперь я тотчас же за работу, сажусь и ура!

Но вы, вы обе — о, боже мой! Проживем еще любовью, сердечным согласием. Я теперь так ободрен, так уверен, что мы переедем в Вевей! Ей богу, ей богу это лучше выигрышу! (А главное, тоже, кабы мамаша приехала, это главное! Денег на прожитье достанет, об этом и говорить нечего!).

Обнимаю тебя, обнимаю Соню, будьте веселы, будьте счастливы, ждите меня! Трепещу за вас.

Не мучай себя, спи больше, кушай больше. Кстати, скажи как-нибудь ловче дома, что я приеду в понедельник, на день опоздав. О, милая! Благословляю вас! О, кабы поскорей и счастливо свидеться!

Я здоров совершенно.

Одного только боюсь, что ты не пойдешь вечером на почту и это письмо тебе не попадется сегодня. Может быть, я его адресую тебе на дом.

До свидания, ангел, до радостного! Обнимаю вас обеих.

Ваш весь
Ф. Достоевский.

В Вевее непременно будем. Верь, верь, надейся!

1870

20. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Гомбург.[83]
<В Дрезден.> 29/17 апреля 1870. 11 часов утра.

Бесценная моя Аня, сейчас только что приехал на место, еще не ел и не умывался, и рука дрожит: устал и измучился ужасно, а ночью ничего не заснул. Холод до того здесь сильный (хотя солнце светит и ярко), что я очнуться не могу от изумления. Ночью в вагоне (мы были набиты, с Лейпцига, как сельди в бочонке) все закоченели и не знали, что делать. Вообрази себе, к утру на зеленых полях появился снежный иней, и все поля, дороги, леса и дома были как в густом слое снега до самых семи часов. Здесь первым делом велел протопить. Впрочем, кажется, я нисколько не простудился. Солнце ужасное, а на дворе ровно +2 градуса Реомюра. Сейчас мне сказали, что на прошлой неделе было слишком двадцать градусов тепла, Hôtel, в котором я остановился, называется Hôtel du Parc, и близ самого воксала. Кажется, плохенький; меня привел Dienstmann.* Неряшество и комната довольно мизерная, а между тем

* посыльный, носильщик (*нем.*).

$1^{1}/_{2}$ флорина. Нумер я занимаю десятый (*одно слово зачеркнуто*). Ну вот и все, друг мой, покамест обо мне. Немножко голова кружится, и очень грустно. Умоюсь, поем, оденусь и пойду в воксал. Проходя мимо, слышал в нем концерт; кажется, есть публика.

Теперь об тебе, голубчик милый: напиши мне, без утайки, все подробности, до тебя касающиеся. Главное, здорова ли? Не простудилась ли? Ибо полагаю, что и у вас такой же холод. Нет ли новостей? Об Любе [84] напиши, голубчик, подробно. Поцалуй ее за меня и передай ей мое глубочайшее почтение. Как будешь цаловать ее, то цалуй по два раза — один раз за себя, а второй за меня. Как вы разместились в комнатах? Спит ли мамаша в твоей? По такому холоду надо бы топить. — Я забыл тебе сказать, Аня, чтоб ты на почту ходила за моими письмами скорее позже, чем раньше, ибо я могу послать письмо и вечером, а оно придет, пожалуй, поздно. — Впрочем, от 4-х бы до 5-ти, вот как.

Не взыщи, ангел мой бесценный, что пишу кратко: говорю, так устал, что едва перо не валится. Может быть, я из этого отеля перееду — очень уж скверен кажется. Что-то напишу я тебе завтра, бесценная моя, насчет успеха? Невыгодно приезжать с расстроенными нервами. А впрочем, что будет, то будет; я решился крепиться.

Цалую тебя 1000 раз (на первый случай), Любу также. Не знаю, поклонишься ли от меня мамаше и Ив‹ану› Гр‹игорьеви›чу.[85] Если не найдешь неудобным, то поклонись. Не оставляй конверта и письма на виду, чтоб не догадались, откудова.[86]

Много бы написал тебе, если б не был так разбит. В дороге не все один холод был; были и смешные вещи. С Эйзенаха (на рассвете) начиная виды изумительно хороши! Какая зелень!

Не пиши мне, Аня, в hôtel, а пиши poste restante. Это лучше.

Крепко, крепко обнимаю тебя и цалую, твой любящий тебя всем сердцем муж Федя.

Ф. Достоевский.

Перекрести Любу на ночь и поцалуй за меня.

1871

21. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Дрезден.› ‹Дрезден.› 1-е февраля ‹1871.› $4^{3}/_{4}$ часа.

Аня, милый мой голубчик, не переписывай то, что вчера стенографировали;[87] я решился совсем это уничтожить. Но взамен, если не очень отяготит, перепиши самый последний листок (возьми в Русском Вестнике). Если же, например, будешь чувствовать себя нездоровой, то и не

переписывай: я просто вычеркну. Заметь, что это надо только к 5 часам, а потому не надрывай себя и не спеши очень. Неугомонную Любку целую, равно как и господина N. N.,[88] находящегося покамест в тесном уединении и неизвестности и покамест еще молчаливого, но который задаст себя знать, как и Любка.

Твой Ф. Достоевский.

Разбуди меня в 2 часа, но загляни ко мне раньше.[89]

22. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Дрезден.› Висбаден.[90] Пятница 28 апреля ‹18›71 г.

Аня, ради Христа, ради Любы, ради всего нашего будущего не беспокойся, не волнуйся и дочти письмо до конца, со вниманием. В конце увидишь, что в сущности беда не стоит такого отчаяния, а напротив есть нечто, что приобретется и будет гораздо дороже стоить, чем за него заплачено! Итак успокойся, ангел, и выслушай, дочитай. Ради Христа, не погуби себя.

Бесценная моя, друг мой вечный, ангел мой небесный, ты понимаешь, конечно — я все проиграл, все 30 талеров, которые ты прислала мне. Вспомни, что ты одна у меня спасительница и никого в целом мире нет, кто бы любил меня. Вспомни тоже, Аня, что есть несчастия, которые сами в себе носят и наказание. Пишу и думаю: что с тобою будет? Как на тебя подействует, не случилось бы чего! А если ты меня пожалеешь в эту минуту, то не жалей, мало мне этого!

Телеграмму я тебе послать не посмел и не посмею, после давешнего письма твоего, где ты пишешь, что будешь беспокоиться.[91] Вообразить только, как пришла бы телеграмма завтра Schreiben Sie mir...*[92] Ну что бы с тобой было!

Ах, Аня, зачем я поехал!

Вот как было дело сегодня: сначала получил твое письмо, в первом часу пополудни, но денег еще не получил. Затем сходил домой и написал тебе ответ (подлое письмо и жестокое; я же в нем почти упрекаю тебя).[93] Вероятно, ты получишь его завтра, в субботу, если сходишь на почту не [позже] раньше 4-х часов. Письмо отнес, а он мне опять сказал, что нет денег, было уже половина третьего. Когда же я пришел в третий раз в половину пятого, то он мне деньги выдал и на мой вопрос: когда они пришли? отвечал преспокойно, что около 2-х часов. Зачем же он не выдал мне, когда я был в третьем? Тогда я, видя, что надо дожидаться половины седьмого, чтоб отсюда ехать, отправился в воксал.

Теперь, Аня, верь мне иль не верь, но я клянусь тебе, что я не имел намерения играть! Чтобы ты поверила мне, я тебе признаюсь во всем:

* Пишите мне (*нем.*).

когда я просил у тебя телеграммой 30 талеров, а не 25, то я хотел на 5 талеров еще рискнуть, но и то не наверно. Я рассчитывал, что если останутся деньги, то я все равно привезу их с собой. Но когда я получил сегодня 30 талеров, то я не хотел играть по двум причинам 1) письмо твое слишком меня поразило: вообразить только, что с тобой будет! (и воображаю это теперь) и 2-е) я сегодня ночью видел во сне отца,[94] но в таком ужасном виде, в каком он два раза только являлся мне в жизни, предрекая грозную беду, и два раза сновидение сбылось. (А теперь как припомню и мой сон три дня тому, что ты поседела, то замирает сердце! Господи, что с тобою будет, когда ты получишь это письмо!).

Но прийдя в воксал, я стал у стола и начал мысленно ставить: угадаю иль нет? Что же, Аня, раз десять сряду угадал, даже Zero угадал. Я был так поражен, что я стал играть и в 5 минут выиграл 18 талеров. Тут, Аня, я себя не вспомнил: думаю про себя — выеду с последним поездом, выжду ночь в Франкфурте, но ведь хоть что-нибудь домой привезу! За эти 30 талеров, которыми я ограбил тебя, мне так стыдно было! Веришь ли, ангел мой, что я весь год мечтал, что куплю тебе сережки, которые я до сих пор не возвратил тебе. Ты для меня все свое заложила в эти 4 года и скиталась за мною в тоске по родине! Аня, Аня, вспомни тоже, что я не подлец, а только страстный игрок.

(Но вот что вспомни еще, Аня, что теперь эта фантазия кончена навсегда. Я и прежде писал тебе, что кончена навсегда, но я никогда не ощущал в себе того чувства, с которым теперь пишу. О, теперь я развязался с этим сном и благословил бы бога, что так это устроилось, хотя и с такой бедой, если бы не страх за тебя в эту минуту. Аня, если ты зла на меня, то вспомни, что я выстрадал теперь и выстрадаю еще три-четыре дня! Если когда в жизни потом ты найдешь меня неблагодарным и несправедливым к себе — то покажи мне только это письмо!).

Я проиграл все к половине десятого и вышел как очумелый; я до того страдал, что тотчас побежал к священнику (не беспокойся, не был, не был и не пойду!). Я думал дорогою, бежа к нему, в темноте, по неизвестным улицам: ведь он пастырь божий, буду с ним говорить не как с частным лицом, а как на исповеди. Но я заблудился в городе и когда дошел до церкви, которую принял за русскую, то мне сказали в лавочке, что это не русская <...>. Меня как холодной водой облило. Прибежал домой; теперь полночь, сижу и пишу тебе. (К священнику же не пойду, не пойду, клянусь, что не пойду!).[95]

У меня осталось полтора талера мелочью, стало быть, на телеграмму есть (15 грошей), но я боюсь. Что с тобой будет! И потому решил написать письмо и завтра в 8 часов утра отправить тебе, а чтобы ты получила без задержки в воскресение, то пишу по адресу, а не на poste restante. (А ну как ты бы, ожидая меня, не пошла совсем на почту!). Но я завтра, может быть, еще пошлю тебе письмо на poste restante, отнесу только поздно, а послезавтра, в воскресение, наверно еще напишу.

Аня, спаси меня в последний раз, пришли мне 30 (тридцать) талеров. Я так сделаю, что хватит, буду экономить. Если успеешь отправить

в воскресение, хоть и поздно, то я могу приехать и во вторник и во всяком случае в среду.

Аня, я лежу у ног твоих и целую их, и знаю, что ты имеешь полное право презирать меня, а стало быть, и подумать: «Он опять играть будет». Чем же поклянусь тебе, что не буду; я уже тебя обманул. — Но, ангел мой, пойми: ведь я знаю, что ты умрешь, если б я опять проиграл! Не сумасшедший же я вовсе! Ведь я знаю, что сам тогда я пропал. Не буду, не буду, не буду и тотчас приеду! Верь. Верь в последний раз и не раскаешься: Теперь буду работать для тебя и для Любочки, здоровья не щадя, увидишь, увидишь, всю жизнь, и достигну цели! Обеспечу вас.

Если же не успеешь выслать в воскресение, то вышли в понедельник пораньше. Тогда в среду, к полудню, я буду у вас. Не тревожься, если в воскресение нельзя будет выслать, а обо мне не очень думай, мало еще мне этого, не того я достоин!

Но что мне сделается! Я вынослив до грубости. Мало того: я как будто переродился весь нравственно (говорю это и тебе, и богу), и если б только не мучения в эти три дня за тебя, если б не дума поминутно: что с тобою будет? — то я даже был бы счастлив. Не думай, что я сумасшедший, Аня, ангел-хранитель мой! Надо мной великое дело совершилось, исчезла гнусная фантазия, мучившая меня почти 10 лет. Десять лет (или, лучше, с смерти брата, когда я был вдруг подавлен долгами) я все мечтал выиграть. Мечтал серьезно, страстно. Теперь же все кончено! Это был вполне последний раз! Веришь ли ты тому, Аня, что у меня теперь руки развязаны; я был связан игрой, я теперь буду об деле думать и не мечтать по целым ночам об игре, как бывало это. А стало быть, дело лучше и спорее пойдет, и бог благословит![96] Аня, сохрани мне свое сердце, не возненавидь меня и не разлюби. Теперь, когда я так обновлен — пойдем вместе, и я сделаю, что будешь счастлива!

А Люба, Люба, о, как я был подл! Но я об тебе только думаю: вообража только, что с тобой будет, когда ты это прочтешь! Да и до этого письма сколько измучаешься, видя, что я не еду, надумаешься! Принесут ли письмо тебе это вовремя? А что, коль затеряется! Но как же затеряться, если телеграмма дошла по этому же адресу? Напишу на всякий случай еще poste restante несколько строк. Завтра и отдам в продолжение дня.

Думаю: получу иль не получу от тебя завтра письмо? Верно, нет! Ты ждешь меня завтра самого и писать не будешь.

Если в воскресение тебе не удастся выслать мне деньги, то напиши мне письмо. Я так буду счастлив, хотя бы ты и прокляла меня, хоть несколько строк твоею рукой. Если же не успеешь в воскресение написать, то пошли письмо в понедельник пораньше вместе с деньгами (если и деньги не поспеешь в воскресение). Письмо во всяком случае прежде денег придет. А я [тут] так был бы счастлив твоим письмом!

Аня, как подумаю, что с тобой будет, когда получишь это, то точно обмираю весь. Только эта и будет мука. А прочее все (скуку, тоску, не-

известность), все это я вынесу. Мало мне! Постараюсь заняться чем-нибудь; сяду писать в эти три дня два нужные письма — Каткову и Майкову! Аня, верь, что настало наше воскресение, и верь, что я отныне достигну цели — дам тебе счастье!

Цалую вас обеих, обнимаю, прости, Аня!

Твой весь отныне.

Федор Достоевский.

P. S. К священнику не пойду, ни за что, ни в каком случае. Он один из свидетелей старого, прошедшего, прежнего, исчезнувшего! Мне больно будет и встретиться с ним!

P. P. S. — Аня, радость моя вечная, одно впредь мое счастье — не беспокойся, не мучайся, сохрани себя для меня!

Не беспокойся и об этих проклятых, ничтожных 180 талерах, правда, теперь опять мы без денег, — но ведь не долго, не долго (а может, и Стелловский выручит).[97] Правда, наступает время проклятых закладов, которые так тебе ненавистны! Но ведь уж это в последний раз, вполне в последний! А там я добуду денег, знаю, что добуду! Только бы в Россию поскорее! Напишу к Каткову и буду умолять его ускорить, и я уверен, он примет в соображение. Так напишу, что примет.

Ради бога, только не беспокойся обо мне (ведь ты ангел, ведь ты меня и проклянешь, а пожалеешь), а стало быть, будешь беспокоиться. Но не тревожься: я перерожусь в эти три дня, я жизнь новую начинаю. О, кабы поскорее к вам, поскорее вместе! Только одно и страшно: что́ с тобой будет, как получишь письмо это? Одному только верь — моей бесконечной любви к тебе. И теперь уже не буду мучить тебя никогда, ничем.

P. P. P. S. Всю жизнь вспоминать это буду и каждый раз тебя, ангела моего, благословлять. Нет, уж теперь твой, твой нераздельно, весь твой. А до сих пор наполовину этой проклятой фантазии принадлежал.

23. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Дрезден.› Висбаден. 29 апреля ‹18›71 г. Суббота.

Милый друг Анечка, я уже послал тебе сегодня (в 9 часов утра) мое вчерашнее, ночное, письмо, по адресу Moritz-Strasse и т. д., это же посылаю теперь в предположении, что то не дойдет или как-нибудь замедлится, и адресую на poste restante, по всегдашнему, и таким образом буду уверен, что во всяком случае завтра, в воскресение, ты получишь от меня известия.

Я тебе описал все в том письме; я проиграл твои последние тридцать рублей и прошу тебя еще раз спасти меня, в последний раз, — выслать мне еще тридцать рублей.

Друг мой, я проснулся сегодня в 8 часов, а заснул в 4 часа ночи, спал всего четыре часа. Надо было сбегать на почту отнести мое ночное письмо. Днем еще пуще страх за тебя: господи, что с тобой будет и что я наделал.

(Телеграмму не посмел послать, чтоб тебя не испугать и рассудил, что лучше письмо на Moritz-Strasse и т. д., чтоб вернее и, может быть, скорее дошло к тебе. Все это я тебе разъяснил в вчерашнем ночном письме).

Предстоит суток трое мучений нестерпимых, нравственных, конечно. Телом я здоров, кажется. Но ты-то, ты-то здорова ли? Вот что сокрушает меня!

К священнику не пойду. Забыл тебе приписать в том письме кое-что, может быть, важное: если получишь письмо мое дома, т. е. по адресу Moritz-Strasse и т. д., и так как ты вместо письма ждала меня, то ты бы могла сказать мамаше, которая знает, разумеется, что ты меня ждала, что со мной случился припадок и что я, в припадочном состоянии, не мог уже рискнуть выехать, чтоб пробыть в вагоне 17 часов в натянутом положении и ночь без сна, и потому дня два или три остался еще отдохнуть, чтоб не повторился припадок. Вот чем объяснить мое замедление в ее глазах. Если же она узнала или догадалась, что ты понесла закладывать вещи, чтоб выслать мне, то и тут можно кое-что сказать, [например, что по обыкновению, в припадке, я испортил тюфяк и что там потребовали с меня за это талеров 15, и так как я, стыдясь заводить дело, их тотчас же заплатил, чтоб не кричали], что у меня и денег не осталось воротиться в Дрезден, и так как денег надо ждать трое суток от тебя, то эти трое суток лишняя трата и потребовалось уже не 15 талеров выслать, а более.

Аня, все об тебе думаю и мучаюсь. Думаю и об нашем возвращении в Россию, все рассчитал, на Каткова и на Майкова деньги [98] мы обернуться можем, и Катков пришлет скорее июня [99] (я буду писать ему и просить), но Майкову я буду писать настоятельно.[100] Я рассчитал, что все можно обделать, даже запастись платьем и бельем и доехать — все на эти средства. Ну, а в Петербурге я достану денег. В этом я убежден. И, кроме того, убежден, что не откажет мне И<ван> Гр<игорьевич> в 4 тысячах взаймы,[101] и это все в первый месяц решится. Он будет жить все лето в Царском Селе. Ты представить не можешь, Аня, как я надеюсь, что мы воскреснем и отлично поправимся, к зиме же. Бог поможет, и я верую в это.

Я пришел к убеждению, что в нашем положении, с нашими экстренными тратами, какие бы ни получались деньги — все нам будет мало, все мы будем иметь вид разоренных, а чтоб вылечить это — нужна разом сумма значительная, кроме наших средств, т<о> е<сть> 4 или 5 тысяч. Тогда, став на ноги, можно будет идти. Так я и сделаю. И сколько ни размышляю — невозможно, чтоб Ив<ан> Гр<игорьевич> мне отказал. Невозможно ни под каким видом.

Но главный первый шаг теперь — переезд в Россию![102] Вот бы что осуществить прежде всего. Сегодня же сяду писать к Каткову.

Аня, не тоскуй по деньгам. Понимаю, как тяжелы тебе заклады, но скоро, скоро все кончится навсегда, и мы обновимся. Верь.

Ах, береги себя, для будущего ребенка, для Любы, для меня. Не тоскуй и не сердись, что я так пишу: я сам понимаю, каково мне говорить тебе: береги себя, когда сам тебя не берегу.

Аня, я так страдаю теперь, что, поверь, слишком уж наказан. Надолго помнить буду! Но только бы теперь тебя бог сохранил, ах, что с тобой будет! Замирает сердце, как подумаю.

Сегодня дождь, сырость, мокрять. Так все уныло и грустно, — но о будущем думаю с бодростию. Мысль о будущем даже обновляет меня. Если только чуть-чуть будет у меня спокойного времени и роман мой выйдет превосходен, а стало быть, второе издание,[103] в журналах кредит вперед [и примем опять поклон]; и мы на ногах.

Поскорее бы только в Россию! Конец с проклятой заграницей и с фантазиями! О, с какою ненавистью буду вспоминать об этом времени.

Прости только ты меня и не разлюби.

До свидания, друг мой, обнимаю тебя и Любу, завтра опять напишу.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. Я слишком понимаю, что в воскресение тебе никак почти нельзя будет достать и выслать денег. Буду ждать до вторника, но и в понедельник на авось наведаюсь на почте. На почте я по крайней мере два раза в день бываю. В среду, может, и увижусь с вами, т‹о› е‹сть› наверно, если бог поможет и получу не позже, чем во вторник в три часа.

Я потребовал себе счет в отеле. 18 флоринов, но зато цены варварские. Значит, ко вторнику будет флоринов тридцать или немного больше, на остальные доеду в третьем классе.

До свидания, ангел мой, до свидания, целую тебя

Ф. Д.

24. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Дрезден.› Висбаден. 1 мая ‹18›71-го. Понедельник.

Милый друг мой Аня, пишу тебе только несколько строк в ожидании твоего письма. Иду сейчас на почту, и если не получу от тебя хоть какого-нибудь письма, хоть несколько строк — буду очень несчастен. Денег получить от тебя я сегодня, разумеется, не надеюсь.

Только и думаю о том, как бы поскорее воротиться. Живу как в лихорадке, но очень тошно. Вчера был очень тяжелый день для меня и к тому же дождь. Вечером только прояснилось, и я ходил гулять. Но вечером мне всегда грустнее. Беспрерывно думаю о тебе: как на тебя подействовало, представляю себе это. Сплю дурно, с дурными снами.

Что Люба? Расцалуй и скажи ей, что папа цалует. Напоминай ей обо мне изредка, чтоб она не забыла.

Страшно боюсь, что при расчете не хватит на все денег. Но я как-нибудь обделаю. (Будь уверена — не пойду туда.[104] Впрочем, об этом и писать лишнее).

Вот уже неделя, как мы не видались.

Ну до свидания, милая, я как в лихорадке, что-то почта скажет сейчас! Проклятый почтмейстер, он, пожалуй, не выдаст письма или затеряет. Если б ты знала, какая здесь небрежность и высокомерность в почтамте.

Если надо будет тебе еще что-нибудь приписать, то ворочусь домой, распечатаю и припишу.

До свидания, бесценный друг мой.

Обнимаю всех троих.

Твой Ф. Достоевский.

½ второго.

Сейчас (ровно в час) получил твое бесценное письмецо [105] и приписываю несколько слов.

Всего больше (совсем не шучу) огорчило меня то, что Люба принимает хозяина за меня. Неужели успела забыть? Но ведь она и всех мужчин называет папа. Легкомысленное создание! и легкосердечное; но таковы все женщины.

Кроме тебя одной: спасибо, Аня, заслужу тебе, выручила.

Теперь о самом необходимом:

Я получил только письмо, а денег еще нет. Я объяснил все почтмейстеру, и он мне положительнейшим образом объявил (толково обо всем расспросив), что раньше 7 (семи) часов вечера я сегодня денег не получу. Я все-таки зайду на почту в три часа.

Ну что теперь делать, Аня! Если не выеду отсюда в 4 часа, то не выеду сегодня и из Франкфурта. Нет поезда.

Ночевать, стало быть, в Франкфурте (здесь дорого и хлопотливо, а счет ужасный, вряд ли хватит денег). Если ночевать, то где? В гостинице? Но разбудят ли утром? Просидеть ночь на станции? Но ведь станция все-таки на ночь запирается.

Как-нибудь решу. Вернее всего жди меня завтра до 12 часов ночи. Поезд приходит к одиннадцати. Ради бога, не сделай глупость, не выйди на станцию в этот час. Ради бога, слышишь, прошу тебя.

Важнейшее замечание: если я не приеду завтра [106] (т<о> е<сть> во вторник) к полуночи, то, ради Христа, умоляю тебя, не отчаивайся и не подумай, что я опять проиграл. Не будет этого и не может быть. А если случится, что опоздаю, то каким-нибудь образом был задержан в дороге. Мало ли случаев, мало ли задержек?

Последнее: вероятно, я [буду] приеду голодный, потому что, кажется, не хватит денег для обедов в дороге. И потому прошу приго-

товьте кусочек чего-нибудь (ну хоть чего-нибудь) к моему приезду. И если ты вполне христианка, голубчик Аня, то не забудь приготовить к моему приезду пакет папиросок, потому что у меня наверно ничего не будет курить.

Я и теперь весь измок, и дождь все льет, а зонтика нет. Плохо, если не обсохну к отъезду.

До свидания, до скорого.

Обнимаю тебя

твой Ф. Достоевский.

25. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Москву.› ‹Петербург.› 1871 г. 31 июля.

Милый мой дорогой Федя!

Все мы, Люба и Федя,[107] здоровы и ждем нашего папу; [108] ребятишки спали в эту ночь отлично. Любочка гуляла вчера два раза и была в Юсуповом саду более 4-х часов. Новостей особенных нет; Прасковья Петровна присылала своего Ваню [109] с запиской просить у меня взаймы 2 или один рубль; я дала 1 руб., так как у меня у самой немного денег. (Кстати, анекдот про Любочку: по уходе Вани у Любы оказался в руках старый костяной мячик, и мы решительно не знаем, дал ли ей его Ваня или же она сама утащила его у детей в саду, но дело в том, что шарик укатился под комод, и она просила няню достать; у няни был Федя на руках, и она сказала: «не могу, у меня Федя», тогда Люба говорит: дайте Федю, дайте Федю, и показывает на шарик; значит, она возьмет Федю, а пусть няня достанет ей шарик. Я спрашиваю, кому дать Федю? Любе? Да, да. Сегодня, когда ей мыли лицо, она сказала: довольно, хотя при ней никто в эту минуту не говорил этого слова). Вчера был Павел Алекс‹андрович›,[110] но, к сожалению, без жены, просидел весь вечер и был в восторженно-красноречивом настроении; говорил все о тебе, напр‹имер›: О, как я рад, что он воплотился, наконец, в свою семью, в свое собственное Я!! И наконец дошел до того, что сказал о тебе: если в нем сохранилась хоть капля человеческого смысла; когда я на это расхохоталась, он объявил, что в тебе целая бездна человеческого смысла и что ты ему сделал целую кучу добра и пр. и пр. Вообще был необыкновенно красноречив. Завтра они придут к нам обедать. Что тебе еще сказать: нянька называет Федю мальчиком-купидончиком. Жду сегодня от тебя письма и буду беспокоиться, если не получу. Цалую и обнимаю тебя много раз.

Твоя Аня.

Детишки цалуют своего папочку.

1872

26. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Москва. 2 января ‹18›72 года.[111]

Милая, бесценная моя Аня, вчера был обрадован твоим письмом[112] и от Любочки. Ангельчик мой! воображаю, как она писала. Расцалуй ее и будь подобрее к ней, если она капризится. Федька истинно обрадовал меня тем, что выздоровел, здоровы ли вы только теперь? Расцалуй мальчишку моего; бьюсь об заклад, что он узнает меня по приезде и улыбнется мне. — Слушай, Аня, меня ваши 13 градусов беспокоят. (Здесь в этом роде, но сегодня не более 8). У тебя пальто не для 13 градусов, не простудись, ради бога, береги себя, и если что — извести по телеграфу. Беспокоюсь я за вас очень и, главное, хочется увидеть. А между тем здесь (по поводу праздничного времени) я узнал, как много трачу времени даром, что и скучно и убыточно. Вчера оставил только визитные карточки Каткову и его супруге. Сегодня же, несмотря на то, что Катков ужасно занят, и главное, что и без меня бездна людей поминутно мешают ему своими посещениями — отправился в час к Каткову, говорить о д е л е. Едва добился: в приемной комнате уже трое, кроме меня, ждали аудиенции. Наконец, я вошел и прямо изложил просьбу о деньгах и о сведении [прежних] старых счетов. Он обещал дать мне окончательный ответ послезавтра (4-го числа). Итак только 4-го получу ответ, а там насчет выдачи и прочего опять потребуется свое время. Хорошо, если я выеду 5-го, а ну как если 6-го или 7-го? Главное, проживусь. Обедать звал (*одно слово зачеркнуто*) меня Аверкиев[113] завтра; у Верочки[114] же я провожу только вечера, а обедать совещусь, потому что у них, кажется, о ч е н ь т о н к о, и это видно, так что обедаю на свой счет. Итак послезавтра я тебе напишу о результате окончательно. Если же [удастся выехать 5-го то уж] что случится, напишу и завтра. Кажется, Катков даст что-нибудь — и это верно. Я сужу по его тону, и не захотел бы он сам меня задерживать напрасно. От Каткова поехал к Аксакову,[115] который прекрасно и радушно принял меня и у которого просидел часа три. Звал в четверг к себе вечером, но только случай какой-нибудь может задержать меня и в четверг в Москве.

Я все думаю, голубчик мой, не испугал бы тебя как-нибудь Поляков.[116] Но, ради бога, не тревожься, он никаких мер дурных не успеет принять до моего возвращения, если б и хотел повредить. Вот с Гинтерлах[117] так надо бы было объясниться; эта меня более беспокоит.

Где встречала Новый год? Я, разумеется, у Верочки. Был Саша Карепин,[118] и было довольно забавно. Но все-таки грустно очень. Плещеева[119] здесь нету. Думаю заехать к Чаеву.[120] В Беседе, кажется, не буду.[121] У Елены Павловны быть еще не успел, а главное — дети у ней в скарлатине. Береги наших, ради бога, береги. Глаз немного стал болеть больше

(но не такие припадки, как в Петербурге). До свидания, ангел мой. Я думаю после 4-го числа тебе уже и нечего писать ко мне, потому что мы с письмом разъедемся. Но 4-го напиши, и если что-нибудь случится, то пиши или телеграфируй. Но дай бог, чтоб не было никаких этих крайностей.

Обнимаю тебя от всего сердца, люблю тебя очень. Цалую и благословляю [тебя] детей, очень благодарю Любу за пифо,[122] поцалуй ей за то ручку, купи нададу [123] и скажи, что от папи. Разиняротого Федюрку цалую прямо в ротик.

Твой весь
Ф. Достоевский.

27. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Москва. 4 января 1872 года.

Добрый, бесценный голубчик мой Аня, был сегодня у Каткова и — опять затруднение: извинялся и просил повременить когда сведут счеты, которые еще свести не успели. Дело, думаю, решится завтра, но если и благоприятно, то вряд ли (с здешнею медлительностью и неаккуратностию) решится в один день. Думаю, однако, что никак позже 6-го или maximum 7-го не засижусь, тем более что проживаюсь ужасно, и не хватит, пожалуй, денег, хуже всего, если решение будет неблагоприятно, а я боюсь, что так, пожалуй, и будет, хотя Катков чрезвычайно желает сделать мне все, что возможно. От Каткова я прошел (в том же доме) к Воскобойникову (прежнему знакомому, а теперь работает у Каткова в редакции Москов‹ских› Ведомос‹тей›).[124] От него я узнал, что счеты мои у них в большом беспорядке, но что он сам, по просьбе Аверкиева, проверял их третьего дня, и в результате должно быть 1300 руб. моего долга. (Заметь, что два последние забракованные ими листа романа в счет не вошли).[125]

Потом он мне сказал, что с прошлого года все выдачи денег производятся не иначе как с согласия Леонтьева, которому сам Катков уступил в этом добровольно деспотическую власть. Таким образом, все зависит от согласия Леонтьева, а в расположении этого человека ко мне я не могу быть уверенным.[126] Воскобойников даже полагает, что Катков не отвечал мне сегодня единственно потому, что не успел еще переговорить с Леонтьевым, который очень занят в Лицее.[127]

Так что я опять совсем не уверен и, главное, если мне откажут, принужден буду с ними просто порвать, что уже очень худо.

Как я жалею, что написал тебе, чтобы ты мне с 4-го числа уже не писала. Можно бы было и 5-го написать без опасения, что мы с письмом разъедемся.

Твои письма, ангел мой, меня очень радуют. Но все ли у вас теперь хорошо? Рад за тебя и за Любу, что вы обе повеселились на елке. Поца-

луй ее. Боюсь, что забудет обо мне. Что Федя? Здоров ли, тепло ли у вас? Топи, голубчик, если у вас чуть-чуть холодно. Сегодня здесь 20 градусов. Вчера Аверкиев принес утром мне билет в театр, и я видел его драму,[128] после того у него обедал, а вечером был у Верочки. У них какое-то уныние и совсем нет денег. Я предлагал на перехватку по-братски у меня — она не взяла. Но сегодня Соня должна была получить из Р‹усского› Вестника 140 р.[129]

Вообще мне здесь скучно, а главное — совершенная неизвестность. Завтра во всяком случае напишу тебе.

До свидания, голубчик, радость моя Аня. Обнимаю тебя от всего сердца. Признаюсь тебе, что я все еще крепко надеюсь. Вот черта: я рассказал Каткову, глаз на глаз, сюжет моего будущего романа[130] и слышал от Аверкиева, что он уже рассказал сюжет двум лицам.

Если так, то не может же он относиться к моей просьбе пренебрежительно. (Иное дело Леонтьев).

Обнимаю детишек, Любочку, Федюрку. Корми их получше, Аня, не скупись на говядинку. Боюсь, что пристают к тебе кредиторы. Полякова боюсь ужасно.

До свидания, Ангел мой, цалую Любочку и Федю, обнимаю тебя, твой весь, тебя любящий

Федор Достоевский.

Что делаешь запись имения на брата — это хорошо.[131]

Тебе все кланяются. Мое почтение Ольге Кирилловне[132] и супругу ее.

28. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. Суббота 27 мая ‹18›72.[133]

Милый друг мой Аня, сегодня, в час пополудни увидал Федю. По-моему, он совершенно здоров и весел. Тотчас узнал меня и полез срывать шляпу. Я боюсь, что он помешается на шляпе. Священник[134] уже подарил ему в полное владение свою старую-старую шляпею. Но не в шляпе главное дело, а [все] чтоб сорвать ее с головы. Теперь его закачивают спать (3 часа), а все два часа он лез ко мне и без умолку болтал. Очень тоже любит ползать по полу. Не похудел нимало. Но маленьких пятнушек, с горошинку, и не очень ярких по лицу много. Но мне сказали, что пятнушки были первоначально больше и краснее, а что теперь сильно проходят. Животик у него совершенно хорош и марается очень хорошо и аккуратно. Вид очень веселый. Первые дни, говорят, грустил больше, т‹о› е‹сть› тянулся из комнаты в комнату и все искал. А первую ночь, няня говорит, совсем напролет не спал, но с аппетитом впрочем ел. Теперь же спит хорошо. Вообще все что до него касается, хорошо. Вчера

здесь открыли воксал. Я подожду еще день, а если пятнушки не пройдут, обращусь к Рохелю [135] или к Шенку [136] за советом.

Священник встретил меня с радостию, все расспрашивали, и я все рассказывал. Няня тоже довольна удачей операции, но, кажется, недовольна, что не едешь ты сама.

В настоящую минуту у меня голова кружится потому, что я ничего не спал. В Новгороде парохода не застали, потому что он, по поводу открытия воксала, сделал экстренный рейс с губернатором, но пришел в 6 часов утра, и все-таки приняли на пароход не иначе как по взятии билета уже в 1/4 8-го. С двух до 6 часов провел я в гостинице Соловьева, где, впрочем, спал часа полтора. Здесь погода ясная, но каждый день вспрыскивают дожди и не так знойно, как в Петербурге. Впрочем великолепно.

Теперь главное о Любе. Я о ней очень беспокоюсь. Ну что если ты с ней пойдешь на улицу, а с тобой случится обморок? Наконец, ты можешь заболеть. Кроме того, выпрямится ли ручка, когда снимут перевязку через три недели? Довольно зла произошло от нашей небрежности и доверчивости. Надо, чтоб косточки совершенно срослись. Не подействовали бы на нее тоже зной и духота, не заболела бы она? А что если и ты расхвораешься? Ради бога, проси маму не оставлять тебя. Твое положение с Лилей несравненно хуже и неприятнее, чем положение Ольги Кирилловны, которая будет окружена всеми удобствами и утонченностями науки. Да и сами они, я убежден, маме не дадут даже вымыть своего ребенка. Думаю тоже о том, как ты будешь возвращаться сюда: переезды хлопотливые, с задержками, ломкие.

Тоскую тоже без Лили. Оставил я ее в такое критическое время и, хоть пользы не много бы ей принес, но все-таки на глазах, сам бы не тосковал.

Осторожно ходи с нею по улицам. В Петербурге так толкаются, столько пьяных. Ради бога, не ходи смотреть на праздник 30 мая.[137] Ей сломают опять ручку в толпе наверно. Все об этом думаю и об тысячи вещах и все тоскую.

Сбила тоже меня с толку твоя записка. Во-первых, у нас прачки нет, кому же я, с е й ч а с, отдам все мыть? Я думал, что у пас давно есть прачка. Марья привела какую-то, и я выдал ей на пробу постирать несколько вещей (записав белье, разумеется). Во-вторых, в твоей записке, которая лежит теперь передо мною, ясно и точно сказано, что все белье, чистое и черное, и б о л ь ш о е я найду в большом сундуке. Совершенно исковерканный и измученный дорогой, едва стоя на ногах, принялся я искать в большом сундуке, и что же — ничего не нашел белья. То есть в полном смысле слова хоть бы одну штуку. Есть две или три твоих рубашки, кажется, еще дрезденской стирки, а больше нет ничего, кроме разных лоскутьев. Правда, есть еще какая-то салфетка, в которую тоже завернуты какие-то лоскутки — и только. А белья нет никакого. Лежит же белье какое-то в шкапике, потом черное мое в большом платяном шкапу, да какие-то штуки на стульях, да в комоде во втором ящике две-

три салфетки и черные простыни — одним словом, все разбросано и разметано в совершенном беспорядке. Прачка придет опять в понедельник, тогда соберу все остальные лоскутья, выдам и запишу. А теперь ноги подламываются. Я часа полтора перебирал сундук. Ничего не помял. Впрочем, там еще буду искать. Вообще, не имея реестра нашего белья, трудно мне будет прийти к порядку.

Здесь, чтоб письмо пошло в *тот же день*, надо непременно доставить его на почту до девяти часов утра. Итак это письмо никоим образом не могло бы пойти сегодня, а пойдет, разумеется, завтра.

Обо всех других делах не думаю, слишком устал и клюю носом. Мучусь только, не случилось бы чего с вами, и предчувствую, что все три недели не буду покоен.

Здесь, когда начинают купать детей в соленых ваннах, то через две недели начинает появляться сыпь, а месяца через три проходит (т<о> е<сть> проходит золотуха). Не золотушлив ли и Федя? Может, еще до купанья, а просто от одного здешнего воздуха, у него уже появились пятнышки? Не надо ли, стало быть, его покупать. Впрочем, если пятнушки пройдут сами собой, то нечего ходить к Шенку или Рохелю. Кроме этих пятнушек (которые исчезают), повторяю, он совершенно здоров и весел.

Цалую Лилю бессчетно. Говори ей обо мне, напоминай. Спрашивала ли она обо мне хоть разок? Ну до свидания, прошу тебя очень писать ко мне, хоть по пяти строк, но чаще и, главное, с полною откровенностию.

Очень цалую тебя, твой совершенно усталый

Федор Достоевский.

Пятнушки на лице у Феди гораздо меньше горошинки (я ошибся), а цвету бледно-коричневого, были же вначале у него красные. Очень расчесал себе руки и ноги. — Очень кусается. Проснулся, весел совершенно.

Вообрази: священник еще не получил моего второго письма.[138]

29. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Старая Русса. Воскресение 28 мая <18>72.

Милый друг мой Аня, хочу написать тебе еще раз, а уж там начну писать, как уговаривались, через день. Очень жду от тебя письма, но вот уже семь часов и, по всей вероятности, сегодня не получу. Что Люба? Ужасно беспокоюсь об вашем предстоящем житье в Петербурге. — Федя вчера вечером был в бане, но ночью часто просыпался, впрочем совершенно здоров, какает чудесно, отменно весел, срывает шляпы и смеется.

Подозреваю, что хотят вырезаться зубы, потому что он очень уже кусается, но жару нет. Мне кажется, няня слишком уж любит его закачивать спать, по-моему, от этого только кровь густеет, а ему надо бы побольше гулять. Семейство священника, а главное сам он, кажется, очень любят Федю. Пятнушки все еще продолжаются, мелкие, почти совсем под цвет волос его, крапинками. Сегодня даже три новых красных больших пятнушка. Но я вижу и у б е д и л с я, что это совсем не болезнь, а просто цветет. Тут произошли три большие перемены: воздуха, воды и пищи. Сейчас священник мне рассказывал, что встретил какого-то доктора и спросил его, что такое если пятнушки на лице, как у Феди? Тот отвечал, что это всегда у маленьких при таких переменах и что довольно одной из них, например, воздуха, чтоб произвести на несколько дней не то что цвет, а даже сыпь. При этом спросил: худенький или полный мальчик? Коли полный, то непременно слегка зацветет, на несколько дней. Узнав же, что весел, кушает и ходит отлично, жару нет, сказал, что совсем не о чем беспокоиться и что так именно и должно происходить. — Я, впрочем, если завтра или послезавтра не пройдут еще пятнушки, то несмотря на его полное здоровье позову Шенка. Признаюсь тебе, что я до твоего приезда боюсь советоваться с докторами: нападешь на дурака, который тотчас же закричит, что надо лечить от золотухи, тогда как у Феди никакой нет золотухи. Это случается между докторишками сплошь.

Береги Любу и старайся сама больше обращать внимание на физическую сторону своего здоровья. Больше спи, например. Не выходить нельзя, — но ужасно боюсь, не случилось бы с вами чего на улице.

Мне здесь страх скучно. Погода здесь хорошая и не очень жаркая, солнце, но весь день беспрерывно спрыскивали дожди. Мы с Румянцевым ходили сегодня утром к протопопу (Ивану Смелкову) с визитом. Протопопша очень изъявляла желание с тобой познакомиться. Протопоп казался очень довольным моим посещением, но мне кажется, он в 10 раз хуже нашего Румянцева.[139]

Был в воксале, был в конторе вод и вывел заключение, что ничего нет здесь труднее как получить какое-нибудь сведение. Все сам отыскивай. Гуляющей публики в саду не так чтобы очень много. Но есть порядочно приезжих офицеров. Много золотушных детей. Впрочем, продолжают приезжать, ходят по городу и ищут квартир.

Я убежден, что мне все это время до вас будет очень скучно. Завтра примусь за работу. Главное, что ты мне не можешь помогать стенографией, а то мне бы хотелось поскорее отправить в Русский Вестник.[140] Священник отдал мне сегодня деньги,[141] я взял наконец без отговорок, 21 руб., а 4 издержаны. Всего на все у меня в кармане 72 руб. Ах, Аня, надо работать и работу кончать, а там деньги будут.

Но об вас беспокоюсь до мучения. Ну что если ты захвораешь, заснешь невольно, — что будет с Любой? Хоть бы письма ты писала. Что мама? Не родила ли Ольга Кирилловна? (В эту минуту Федя проснулся и ужасно болтает с няней, очень любит говорить, но все для-для-для-ли-

ли-ли или хохочет, а больше ничего не выговаривает). Шляпу сорвал с меня и с священника сегодня раз десять.

Публика здесь очевидно ужасно церемонная, тонная, все старающаяся смахивать на гран-монд, с сквернейшим французским языком. Дамы все стараются блистать костюмами, хотя все, должно быть, дрянь страшная. Сегодня в саду открытие театра, идет комедия Островского, цены высоки, но хотел было пойти для знакомства. Кофейных, кондитерских мало ужасно. Ужасный мизер эти воды, и парк мне решительно не нравится. Да и вся эта Старая Русса ужасная дрянь.

А все-таки воздух оживил бы и тебя, и Любу, и вот ждать. Цалую тебя, а Любу благословляю и молюсь за нее. Напоминай ей обо мне. Поскорей бы вы здесь все, во всем комплекте, а там помышлять бы и о дальнейшем.

Ради бога, пиши обо всем откровенно. Видишь, я тебе все откровенно пишу.

Твой Ф. Достоевский.

Поцалуй Любу. Цалую тебя. Не худей, пожалуйста.

30. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 30 мая ‹18›72.

Сейчас получил от тебя, друг мой, известие о смерти Марьи Григорьевны.[142] Ужасно изумлен, и ужасно мне ее жалко. Экая бедная! Но как же она умерла 1-го мая, когда уже месяца три, как мы слышим о ее болезни? — Жалко детей, Павел Григорьевич ровно через год женится. — Намерение твое насчет мамы я в высшей степени порицаю. Это против всех правил опытности и знания сердца человеческого. Если ты привезешь ее в Ст‹арую› Руссу и здесь только откроешь, то она тем сильнее здесь будет поражена. Т‹о› е‹сть› будет поражена наисильнейше, и ты выбираешь самый громоносный случай. Слушай: если Павел Григорьевич в отчаянии, а дети плачут, то, если теперь открыть маме, — половина горя ее уйдет на сострадание к тем *и на мысль*, что те все-таки не только не меньше, но и больше ее потеряли, особенно дети. Горе ее *поневоле* смирится перед их горем, и маме легче будет плакать над детьми и с детьми. Тогда как если теперь от нее скрыть, то после первого мгновения горя она бросится в Петербург к детям, чтобы над ними поплакать (но она убеждена будет, что она им будет и полезна), и как она будет досадовать на тебя, припоминая, что она долго не видала детей или, пожалуй, побранила или подумала дурно о Маше! Одним словом, надо открыть ей сейчас и для облегчения вдвое немедленно свести ее с Павлом Григорьевичем и детьми, особенно с теми, которые плачут. Иначе ты, может быть, будешь виною ее болезни.

Но я знаю, что вам всем Сниткиным что ни говори — ничего не поделаешь, и потому убежден, что ты меня не послушаешься. Привезти же маму в Ст<арую> Руссу уже после открытия (когда сама ты воротишься) я бы тебе советовал непременно. Здесь место уединенное, комнат очень много, и она может жить, как у себя в Саксонии, и отдохнуть. Смотри же, пригласи и настаивай. Но для этого непременно надо теперь открыть.

О Лиле я забочусь и мучаюсь, воображаю духоту или холод петербургские. Ты ничего не пишешь про погоду. Выпрямится ли ручка? В газетах читаю об оспе в Петербурге. Берегись Васильевской и Петербургской части — там оспа. Пиши, пожалуйста, о Лиле.

Федя здоров и весел. Призывал вчера Шенка. Он осматривал подробно и сказал, что решительно ничего не значит, что так у всех детей. Никаких соленых ванн не нужно, а что не худо бы его мыть по временам в корыте мылом. Так как Федя при нем смеялся, то он не мог не полюбоваться ребенком и сказал, что это славный мальчик для 10 месяцев.

Няня у нас хороша и любит Федю, но какая-то своеобычная, и за ней тоже нужно следить. Никогда не любит говорить, как марается ребенок и т. п. Здесь вечера после 7 часов сыреньки, а она выносит Федю все в той же рубашечке и даже без шляпы, да и на землю сажает. И я и священник за этим наблюдаем. Не беспокойся.

Где ты теперь? Не переехали ли куда? Вот на Ольгу Кирилловну чтоб не произвела дурного впечатления смерть здоровой, молодой женщины, т<о> е<сть> в мнительности, накануне родов.

Вчера получил твое первое письмецо.[143] Слишком уж коротко пишете-с.

В сундуке отыскал, наконец, 2 простыни и несколько салфеток, но это и все. Моего белья там не было, а нашел я все мое белье по другим местам.

Обнимаю Лилю. (*Два слова зачеркнуто*). Хорошо бы теперь писать хоть капельку почаще.

Цалую тебя
твой Ф. Достоевский.

P. S. Ужасно жаль Машу! Вот бы только бы жить.

Боюсь, что зарядило несчастьями. Поскорее бы съехаться. Я все вижу дурные сны.

Пятнушки у Феди гораздо меньше, но он ужасно расчесал до рубцов свои ноги, т<о> е<сть> еще прежние пупырышки от волховских комаров и здешних клопов. Все это видел Шенк и сказал, что никакой нет болезни, что комарные волдыри пройдут сами собою, а пятнушки вздор и если чешутся, то тем лучше, ибо всякая детская сыпь чем больше чешется, тем и безвреднее. Его слова. А у Феди и сыпи-то нет.

Завтра 7 дней лилиной люцте.[144] Не поджила ли хоть сколько-нибудь?

31. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Старую Руссу.› ‹Петербург.› Четверг 1 июня 1872 г.

Любочка цалует эту
бумагу вместо тебя.

Милый друг Федя, третьего дня получила твое 2-ое письмо и была очень рада, что дома все покойно. Как теперь твое здоровье? Не было ли после дороги припадка? Прошли ли у Феди пятнушки и что сказал доктор, если ты его звал. Я и Люба здоровы, Люба довольна, весела, на руку не жалуется, но по временам очень просит сейчас поехать в Старую Руссу, что ей тучно, ж а л к о, что папа уехал. Я тотчас же ухожу с нею куда-нибудь гулять. Не упала и не ушибла себе ручки ни разу, в этом будь покоен. Я очень тоскую по Маше и по вас и мучусь при мысли, как будет страдать мама. Она уже очень плачет, зная, что той хуже. Бедная, бедная мама! Мне очень трудно возиться с Любой в это тяжелое время. Хотелось бы остаться одной, подумать, а тут она поминутно возится. Сегодня рожденье Ивана Гр‹игорьевича› и Ольги Кирилловны, идем к ним обедать. У них еще ничего нет. Была у меня Александра Михайловна,[145] но недолго сидела, больше никого не было.

Вообще о нас с Любой не беспокойся, мы будем здоровы и воротимся к тебе с целыми руками и ногами. Люба не дает хорошенько мне выспаться, рано встает. Ужасно хочу увидеть тебя и Фечту. Люба называет его не Федичка, а Ф е ч т а, и много о нем говорит. Ваня обещает к моему отъезду припасти денег н е п р е м е н н о. Я деньги очень берегу, но у меня много выходит на извощики, потому что носить Любу нет сил, а дома она не сидит и тоскует, а потому я и должна раза 4 выходить из дому. Желаю тебе заниматься с успехом, приготовь побольше и за раз побольше продиктуешь, я берусь очень скоро переписать. Не вздумай сам переписывать, это меня огорчит, лучше пиши и приготовляй побольше к моему приезду. Извини, что пишу на лоскуточках, бумаги нет, а купить не сберусь. Цалую и обнимаю тебя много раз, поцалуй Фечту бесчисленно и пиши через день, а если что случится, то и каждый день. Жду с нетерпением, когда пройдут эти 2 недели.

Твоя любящ‹ая› Аня.

32. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. Июня 3 ‹18›72.

Любезный друг Анна Григорьевна, твое письмо от 30-го я получил только вчера.[146] Почему-то не пришла почта. А сегодня тоже не надеюсь получить, потому что уже семь часов вечера. Ты пишешь, что я напрасно беспокоюсь. Но как не беспокоиться, когда столько самых неожиданных усложнений на каждом шагу. Ты пишешь, что была больна; но ты можешь быть больна еще раз. Еще что-то скажет мама, с своею болезнию

и с своим неведением о судьбе покойницы Марьи Григорьевны? Кроме того, хорошо ли сойдет с Ольгой Кирилловной? [147] Тебя все это должно волновать. Между тем ты теперь единственное провидение Лили. Кто побеспокоиться о бедном больном ребенке, если ты заболеешь? Как же не беспокоиться мне здесь? Не пишу уже ничего собственно о Лиле. Каждую минуту она может разбередить свою ручку, пока не срослась; достаточно лишь отвернуться от нее на миг.

Сейчас принесли твое письмецо от 1-го июня, за которое очень тебе благодарен, потому что эти известия несказанно ободряют меня. Но всего хуже то, что ты не спишь. Слушай, Аня: не помогут ли в чем здесь сестры милосердия? Ты бы поспала, а те бы посидели с ней. Иначе тебе одной не справиться. И вообще твое положение неказисто, а как далеко еще до конца! Бедная Лиля, разумеется, ей скучно и тоскует. Феде тоже, видимо, скучно, а ведь ты знаешь, какой он не капризный и простоватый мальчик! Любит меня ужасно, чуть я войду к нему, приходит почти в исступление, кричит, рвется ко мне. Любит быть у меня на руках. Мне кажется, ты найдешь, что он вырос и возмужал. Няня делает все, что может, чтоб развлекать его, и мне даже ее жалко. Здоровье ее получше, но Федька тоже встает по ночам, и хоть бы плакал, а то встает и начинает прямо хохотать. Жизни детишки требуют, солнца, расти хотят, а тут и солнца-то нет. Лиля в душной скорлупе города, а мы здесь в куче грязи. Вот уже четвертый день отвратительная погода. Вчера же и сегодня такой дождь, такой дождь — что я и в Петербурге никогда не видывал. И не перестает до сих пор. Все размокло и разбухло, все раскисло. На дворе грязь, какую и вообразить нельзя, и наверно завтра еще будет так продолжаться. Кроме того, холодно: я и вчера и сегодня топлю, и, наконец, частая перемена ветру. Фечка просится тоже гулять, но и подумать нельзя. Тоскует и плачет. Я ему показываю лошадок в окно, когда едут, ужасно интересуется и любит лошадей, кричит т п р у. Но теперь и к окошкам подносить нельзя, потому что дует в каждое окно ужасно. Если б не топить, то и жить нельзя б было.

Хотел бы я узнать, как ты решила с лечебницей,[148] где рассчитываешь жить, и нельзя ли чего сделать, чтобы вам возвратиться пораньше, только не рискуя делом.

Про маму думаю по-прежнему: сказать надо теперь. Еще, пожалуй, она обвинит в душе Ив‹ана› Григорьевича, что он берег ее для ухода за Ольгой Кирилловной и потому и не объявлял ей о смерти Маши, а объявил уже после родин, тогда как если объявить теперь, то поверь, что у ней удвоится забота об Ольге Кирилловне в решительную минуту, из одной потребности внутреннего возрождения энергии после такого горя, и эта забота излечит и самое горе отвлечением на другой предмет... В одном только я сомневаюсь: в том, что ее ноге не легче. От горя иногда усложняется и усиливается болезнь, даже хоть и наружная.

Как у вас погода? Такая ли хлябь, как у нас. Это ужас. Нет ничего несноснее зелени и деревянных домов во время дождя и при таком ужасном небе.

Если б ты знала, как мне скучно жить. Писать хорошо, когда пишется, а у меня все идет туго. Да и охоты нет совсем. Читать тоже нечего. Какая Александра Михайловна была у тебя? Сестра моя?

Я не знаю, успею ли подать сегодня это письмо, чтоб оно пошло завтра до 8 часов утра. До почты далеко, и кроме того я не могу идти: до того грязно и мокро. Не смейся. Здесь идти почти невозможность в такую погоду.

Народ здешний тоже не совсем хорош. Кроме нашего священника, все остальные ужасно странны, глупы и грубы.

Ради бога, езди, а не ходи. Не глупи по-прежнему, не носи Любу. Езди непременно на извощиках и непременно сделай так, чтобы выспаться. Недостаток сна тебя убьет. Здесь обо всем этом надо вновь распорядиться. Надо, чтобы хоть два месяца ты могла отдохнуть.

Я тоже, хоть и не позволяю себе ничего лишнего и даже счеты веду, а все-таки у меня деньги выходят. В эту неделю я уже рублей 20 истратил.

До свидания, голубчик Аня, цалую тебя и Лилю. Передай ей от меня 1000 поцалуев и мою молитву о ней.

Твой Ф. Достоевский.

33. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Старая Русса. 5 июня. Понедельник <18>72.

Милый друг мой Аня, получил сейчас твое письмо от субботы.[149] Все эти известия меня просто убивают. Прежде всего ты, собственно твое положение: разумеется, не выдержишь, так жить нельзя. Не спать и мучиться с Любой — сверх физических сил. Надо непременно на что-нибудь решиться. Мое мнение — надо ехать тебе сюда, во что бы ни стало немедленно, сейчас. Надо взять от Барча[150] записочку или изустное наставление вообще об любиной ручке и привезти ее сюда в перевязке. Здесь же, когда минет месяц, пусть снимет перевязку Шенк. Не думаю, чтобы случилось что-нибудь дурное: спроси Барча и Гламу,[151] расспроси, что бы могло случиться очень дурное? (я думаю, ничего) и разъясни им, что тебе никак нельзя оставаться долее. Я за тебя решительно боюсь. Вспомни, что ведь всем нам хуже будет и все дела наши расстроятся, если ты сляжешь. Насчет мамы я так думаю: если ей возможно, пусть едет с тобою сюда, если же нет, то неужели ей захочется вторую дочь потерять? У тебя есть дети и свои обязанности, нельзя же тебе все время заботиться только о других. Я к тому, что тебя не должны они задерживать в Петербурге. Денег достала бы столько, чтоб хватило на проезд. А там пусть пришлет Ив<ан> Григорьевич. Сообрази еще, что если оставаться в Петербурге, то непременно пока выйдет месяц после операции, ибо через 3 недели нельзя разбинтовать ручку, если б даже они соглашались. Я очень помню, что и Барч и Глама сделали гримасу

на первоначальный вопрос мой о 3-х неделях и советовали месяц. Ну а ведь месяца ни за что тебе в Петербурге не выдержать.

Так уж не лучше ли теперь воротиться, предоставив все дело Шенку, тем более, что и дела-то, кажется, никакого больше не будет.

Ты вот хочешь завтра (т<о> е<сть> во вторник) перебраться к Ив<ану> Гр<игорьеви>чу. Хорошо тебе там будет, воображаю! Ольга Кирилловна, кажется, целым месяцем ошиблась. Ты живешь в доме, в котором такая суматоха, где все больны, где Ив<ан> Гр<игорьеви>ч наверно потеряет голову, где тебя стеснят, а Люба всем надоест, и главное Ольге Кирилловне. Нет, Аня, прежде всего приезжай сюда, в Старую Руссу, но немедленно сей же час.

Подумай, что ведь нерешимость гораздо невыгоднее для всех. Что может тебя, в самом деле, задерживать? Когда ты будешь читать это письмо, любиной перевязке будет ровно две недели. — Это уже срок чрезвычайно обнадеживающий. Ведь она здорова, спокойна, имеет аппетит и только мучается скукой и всех сама мучает. Ну, если здесь, через две недели Шенк найдет что-нибудь при разбинтовке перевязки, тогда в крайнем случае опять хоть поедешь. Но ведь этого же совсем быть не может. И потому приезжай.

Может быть, тебе тяжело оставить маму и [тяжело с] семейство Павла Григорьевича? Но подумай, что ты взамен того положительно будешь в тягость в доме Ив<ана> Гр<игорьеви>ча. Что же касается мамы, умоляй ее приехать в Руссу, если теперь нельзя, то когда вылечит ногу.

Уверяю тебя, Аня, что я сам приеду за тобою. Я вижу, что подлее и сквернее твоего положения быть ничего не может, если же ты заболеешь — тогда будет поздно. Тогда я ничего уже не напишу во все лето и что тогда — повеситься?

Я не могу жить в этом беспорядке. Все причины оставаться тебе в Петербурге — фиктивные. Для чего ты там живешь в самом деле? Все сомнительное в ручке Лили прошло. Деньги? Но возьми у Ив<ана> Гри<горьеви>ча н е с к о л ь к о денег, очень немного, чтоб добраться только, и дело кончено.

И потому с получением этого письма, прошу тебя очень, настаиваю — начни сейчас укладываться, сходи к Барчу или Гламе и отправляйся сюда в тот же день.

Кроме того, так как я до невыразимости страдаю всеми сомнениями — отвечай мне в т о т же час, как получишь это письмо. (Да и вообще я желаю, чтобы каждый день писались письма — иначе нельзя).

Уклончивость или ложное известие о том, что ты здорова и что тебе хорошо — будет подлостью передо мною или перед Лилей (не говорю уже, перед бедным Федей). Лиля и без того мучается по даче, только не может сказать по чему, но очень возможно, что она заболеет в петербургской духоте.

И что ж, лучше что ль будет, если я через три, через 4 дня сам приеду за тобой, потеряв время? И без того много денег и времени потеряно без малейшей пользы для нас.

Снимать же повязку Лили ни в каком случае раньше месяца я бы не хотел.

Не может же мама претендовать на тебя, что ты неблагодарная дочь. (*Следующая фраза зачеркнута*).

Федя здоров, но я бы желал, чтоб ты воротилась. Ему, очевидно, чего-то недостает, и иногда он очень скучает.

Главное, прошу тебя, уведомь меня сейчас, сию секунду, неотложно и во всяком случае пиши каждый день, хоть по три строчки.

Со вчерашнего вечера погода разгулялась. Здесь во всяком случае здоровее, чем в Петербурге. Еще скажу: при тебе будет меньше выходить денег. У меня теперь [около] всего на все 57 руб. Это с священниковыми 21 р., отданными мне. Я берегу впрочем очень.

Вчера был у обедни в соборе. Протопоп уже два раза приходил ко мне. Я был у него один раз, пойду еще.

Мне нестерпимо скучно жить. Если б не Федя, то, может быть, я бы помешался.

Пишется ужасно дурно. Когда-то добьемся хоть одного месяца спокойствия, чтоб не заботиться сердцем и быть всецело у работы. Иначе я не в состоянии добывать денег и жить без проклятий. Что за цыганская жизнь, мучительная, самая угрюмая, без малейшей радости, и только мучайся, только мучайся!

Ты не сердись, это к тебе не относится. Но пойми, что лучше бы жить с здравым смыслом, а не наперекор ему. Взвесь же мое предложение и воротись сюда сейчас. Я не пойму никак причин, которые тебя могут задерживать. Одно, что ты больна. О, не дай бог, если, наконец, и этого добьешься! Тогда все пропало, и главное, средств ни гроша, чтобы что предпринять.

Ради бога, отвечай сейчас же. Твой очень тебя любящий

Федор Достоевский.

Я перечитал это письмо. Не сердись, ради Христа, на меня. Я не тебя укорял. Но ведь, наконец, до того станет тяжело, что не вытерпишь. Я предвижу весьма возможный ужас, что ты не выдержишь и заболеешь, и потому заране в отчаянии. Но если, на беду, мама очень заболеет и тебе надо будет остаться при ней — останься, но извести меня тотчас же и пиши каждый день. Если сама заболеешь хоть каплю — пиши сейчас, сию минуту, или вели написать (*одно слово зачеркнуто*), но без лжи.

Успокойся, я подожду твоего ответа, но только немедленно пришли его и пиши каждый день (не надо слога, три строчки).

Бедную мученицу и для других мучительницу Лилю целую 1000 раз. О, как до помешательства тяжело жить!

34. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Старая Русса. Четверг 8 июня <18>72.

Сейчас получил твое письмо, друг мой Аня, от 6 июня.[152] Письма ко мне приходят, кажется, позже всех в городе. Почта приходит в час, а я получаю в 6 пополудни. Заметил это почтальону — он же на меня и раскричался. Ужасно здесь дерзкий народ. — Пишешь о том, что Барч хочет снять перевязку 12 числа. Я рад, если это возможно, но и боюсь. Ну что [еще] если не поджила еще совсем ручка и начнет кривиться? Может быть, Барч делает это, не видя другого исхода, т<о> е<сть> за невозможностью тебе ждать. Ах, Аня, поторопимся, и что будет потом! Вот моя последняя просьба: решись только в том случае, если Барч вполне и настойчиво удостоверит тебя, что нет ни малейшей опасности.

И опять-таки: по снятии перевязки надо взять инструкцию; ведь быть не может, чтобы тем совсем и кончилось. Некоторое время все еще надо беречь ручку и ходить за ней, а может быть, и лечить. Спроси непременно, не забудь Барча: не заболит ли ручка, по снятии перевязки наружно (кожа, н<а>прим<ер>, начнет слезать), потому что слишком долго была герметически закупорена от влияния воздуха. Наконец, не опасно ли, сняв перевязку, оставить ребенка действовать ею, как здоровой рукой. Осторожно ли будет? Ну обопрется обо что-нибудь, стукнет ручкой, и суставчик, еще чуть-чуть сросшийся, опять надломится.

Это хорошо, что ты переехала к Сниткину-доктору,[153] а не к Ивану Григорьевичу. Я решительно был в тоске от прежнего твоего намерения. Ну как можно жить в душных комнатах, где столько мебели, где есть родильница и ребенок, с Лилей, которая капризится и плачет. Вот было бы безумие-то. Но и у Сниткина-доктора вряд ли тебе будет хорошо. Эх, Аня, лучше бы было остаться в Максимилиановской до середы, если уж Барч находит возможным снять перевязку! Ну что 35 рубл., а по крайней мере была бы у себя дома. А то еще на Любу будут коситься. Там тоже есть ребенок. Люба будет мешать, надоест.

Итак буду ждать вас мало-помалу. Мне здесь очень скучно. Работа же — труд (да еще скверный), а не развлечение. Если б не Федя, совсем бы умер с тоски. Федя весел, но слишком уж тих. Ужасно мил. У него не проходят на руках и ножках комариные болячки. Каждую ночь расчесывает, страх смотреть, и не знаю, что предпринять. Здесь же его вновь кусают какие-то мошки, которые теперь развелись. Их укус очень чешется, делается волдырь и не проходит. Может быть, те же комары.

Не забудь купить пакетов; выходят. Не достанешь ли больших пакетов для меня? Не забудь взять Р<усский> Вестник и Беседу.

Мне решительно некогда ходить в гости, а надо сходить к протопопу. Некогда даже и гулять. На минутку забегаю лишь читать газеты. Деньги здесь очень выходят.

Обнимаю тебя. Лилю цалую бессчетно. Хоть бы взглянуть-то на нее!

Твой весь
Ф. Достоевский.

Теперь каждый день буду отсчитывать до вашего возвращения.

Не знаю, по какому адресу теперь писать к тебе. Пишу на старый.

А маму не привезешь? Пригласи ее, если так, настоятельно. Да обратите вы внимание на ее ногу посерьезнее.

35. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 9 июня ‹18›72.

Милая Аня, пришло твое письмо от 7-го,[154] в котором ты меня стараешься успокоить. Я и спокоен, только глупо было Барчу с самого начала не говорить, в чем дело. Эти господа воображают, что все мы живем какими-то отвлеченными существами, у которых ни дел, ни забот, и все время свое. Вот выходит теперь, что снятие перевязки действительно важная вещь: зачем же было с самого начала не рассказать, в чем ход дела: не было бы многих недоразумений. То, что снимают повязку 14, а не 12-го, мне кажется, хорошо. Только жаль и тревожит заранее, если найдут, что дело еще не сделано и надо перевязку другую, войлочную. Без сомнения, если тебе велят остаться еще, то остаться необходимо. Но уж как бы желательно, чтоб поскорее вы воротились. Скука здесь, хоть умри. Но если и на скуку приедешь, то все-таки, мне кажется, тебе лучше будет, чем теперь в Петербурге, а Лиле и подавно. Ты пишешь, что письмо тогдашнее отправила в минуту раздражения. Да и ведь то одно, что есть такие минуты раздражения, много показывает (*зачеркнуто четыре слова*). Думаю тоже про Лилю: в Петербурге ей теперь хуже, чем зимой, а здесь воздух чистый, песок, и, может быть, ванны помогут. Об ваннах спроси хоть Михайлу Николаевича.[155] (N. B. Здесь, чтоб допустили пользоваться ваннами, надо представить удостоверение от доктора, который, описав в этом удостоверении болезнь, помечает, что такому-то больному надо принять на первый случай столько-то ванн (10, положим), а там он увидит. За эти 10 ванн вносятся деньги сюда в контору, и выдается билет на пропуск в ванны. Взять это свидетельство можно и от петербургского доктора. Не взять ли у Мих‹аила› Н‹иколаеви›ча, если найдет полезным? А впрочем, ведь это все равно. Не обойдемся же здесь без Шенка.

Для посещения воксала, музыки, библиотеки надо взять билет единичный или семейный и заплатить особо от 4-х до 6 руб., кажется).

Если Барч настаивает снимать перевязку собственноручно — то и чу-

десно. Пусть по крайней мере начатое дело окончится и раз навсегда. Но то, что он особенно настаивал, меня несколько тревожит.

Мне ужасть как надо переписывать то, что я успел написать.[156] Ужасно затянется работа. Дорого стоила нам эта люцьта.

Протопоп предложил мне владиславлевскую люльку, которую они, когда жили, здесь у него оставили, и уже прислал мне. Это огромнейшая люлька, в которой можно спать и большому, глубокая и без раскачки. Итак для детей кроватки есть.

Ты пишешь, что осматриваешь квартиры. Когда ты находишь время? Спрашиваешь моего мнения; да что же я могу сказать, не видав? Одно только скажу окончательно: ни за что не брать квартиры в Шестилавочной. Принцип же мой ты знаешь насчет квартиры: хоть подороже, но только пусть комфортно и спокойно; ибо в такой больше наработаешь. А то сохранишь рублей 200 экономии, а на 1000 руб. не допишешь. Из твоих же описаний мне несравненно больше нравится в Саперном. Но так как с Троицкой разница в цене малая, то, конечно, на твою волю. Да отдавай, между прочим, преимущество высоким потолкам. Чем выше, тем лучше, пусть меньше комнат, но выше потолки.

600 или 700 руб. не бог знает что, если бог нас сохранит. Но в том беда, с которого времени их считать? С сентября или с того дня, как наймешь? Что делать впрочем? Надо покориться. Только чтоб работать. Вот в чем вся штука и загадка. Хорошо бы нанять теперь и дать задаток.

Федя здоров и весел. Но лучше, если бы ты поскорее воротилась. Побольше развлечения ему полезно. Погода у нас недурная. Обнимаю Лиличку. Помнит ли она меня? Не забыла ли?

Твой Федор Достоевский.

36. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Старую Руссу.› ‹Петербург.› 10 июня ‹18›72 г.

Сегодня я получила твое письмо от 8 июня и рада, что ты несколько спокойнее. Пишу только несколько слов, ибо ничего нет особенного; завтра же, в воскресенье, и вовсе не напишу, [ибо] разве в случае чего чрезвычайного. Люба здорова и весела, правда, иногда капризится, но не очень. [Завтра] Пойдем для развязывания перевязки в среду, а не в понед‹ельник›, ибо только в среду будет три недели. Если все благополучно кончится, то уеду в среду же в ½ 5-го, а если не успею, то в четверг. Но может случиться, что Барч велит остаться еще на неделю, и тогда я останусь, вообще до среды ничего нового быть не может. Ради бога, не беспокойся и не волнуйся за нас, верь, что все кончится благополучно и мы скоро увидимся. Мама поправляется, но нога еще плоха. Напрасно ты нас упрекаешь за небрежность к ней. У ней было уже доктора четыре, да все говорят, что поправляться нога должна еще недели три. Ольга К‹ирилловна› поправляется. Я здорова. Пашу [157] видела, умолял меня позволить

ему прийти ко мне, я просила прийти во вторник вечером. Погода здесь хороша. Кажется, все сообщила. Цалую милого Фечту милльоны раз. Ты не поверишь, как мне без него тучно. Милый, милый мой Фечта! (не ты, конечно, а другое дорогое маленькое существо). Я и тебя, милый Федя, очень, очень люблю и скучаю по тебе, вероятно, более, чем ты по мне. Я живу у двоюр‹одного› брата, семейство которого на даче, так что мы никого там особенно не стесняем. Твоя Аня. Лиля цалует много раз своего папу.

А. Достоевская.

37. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 12 июня ‹18›72.

Сейчас, уже в 7-м часу, получил твое письмо от 10 июня. Мне решительно все позже и позже приносят и определили, кажется, из всего города приносить последнему. Таков здесь разряд на чины у почтовых чиновников. Отвечу тебе только несколько строк. На все твои намерения я вполне согласен, как ты и знаешь сама, но ужасно буду скучать, если Барч оставит тебя еще на 4-ую неделю, (хотя что же делать, надо слушаться). Ты пишешь, что скучаешь по мне верно больше, чем я по тебе. Отвечу: я не знаю, по ком я больше скучаю, но мне так скучно, что, поверишь ли? — досадую, зачем нет припадка? Хоть бы я разбился как-нибудь в припадке, хоть какое-нибудь да развлечение. Гаже, противнее этого житья быть не может, вместе с Старой Руссой. — Федя здоров, но вчера несколько раз очень плакал и почти всю ночь эту не спал. Теперь ясно, это зубы. Ночью плакал ужасно, неслыханно; приду я, тотчас развеселится у меня на ручках и начинает мне показывать, как мычит коровка, пищат птички. Сегодня днем веселее гораздо. Маленький понос (но слишком маленький). Очень вкусно ел, сейчас спал и встал веселый. Что-то будет эта ночь?

Милая Лиля, как должно быть ей скучно! Так вы живете в Фонарном[158] почти одни, а семейство на даче? — вот это хорошо. Если скоро выедешь, ради бога, обрати внимание на то, что я уже писал тебе про дорогу. Не утоми себя и сбереги Любу.

Вчера, получив твое письмо, я очень встревожился за брата Колю,[159] а написать тебе позабыл. Нельзя ли тебе, голубчик, перед отъездом еще раз узнать об нем подробнее, и не дать ли ему еще хоть капельку денег? Ну что, если умрет? Тяжело мне будет.

До свидания, друг мой, благодарю, что обо мне хоть немножко скучаешь. Я все работаю, но для меня это мучительно. Вот уже семь часов, а я еще со двора сегодня не выходил. У нас дни так себе, только ветрено.

Цалую тебя и твои ручки, а Лилю 1000 раз.

Тв‹ой› Ф. Достоевский.

А что если ты отправишься в среду и, стало быть, это письмо не дойдет до тебя? Но в среду наверно не отправишься. Зато не знаю: писать ли тебе теперь еще, завтра или послезавтра? Соображусь с обстоятельствами.

38. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Старая Русса. Среда, 14 июня <18>72.

Сейчас получил твое письмо от 12-го[160] и вижу, что ты решительно собираешься к нам, милая Аня. Поэтому пишу лишь два слова, единственно в той печальной надежде, что тебе еще не удастся уехать, а стало быть, еще получишь это письмо. Федя здоров и в хорошем расположении. Все мы ждем тебя. У меня в ночь на 13-е число был припадок из сильных, так что до сих пор темно в голове и разбиты члены. Это еще больше остановило мою работу, так что и не знаю, как я буду с Русским Вестником и что́ обо мне там думают.[161] Что пароход не доходит, — то это вздор. Сегодня еще пришел к самому берегу. Он будет не доходить в конце июля или в августе, когда река обмелеет.[162] Насчет денег нечего и говорить, плохо. — Ужасно боюсь за вас с Любой, за вашу дорогу. Опасно еще то, что чуть ветер, и пароход нейдет, а выжидает. Тебе бы в Петербурге взять прямо до Руссы и с пароходом. Ну, до свидания. Цалую тебя. Приезжай скорее. Сегодня среда, что-то скажет Барч! И когда я об этом узнаю? А насчет того, что ты приедешь завтра, в четверг, — то, разумеется, в это трудно поверить. Хоть бы в субботу.

Ну до свидания. Целую тебя 1000 раз и Лилю. Боюсь я за нее в дороге.

Твой муж
Ф. Достоевский.

Всем поклон. У нас сегодня дождь.

39. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Москву.> <Петербург.> 7 окт<ября 1872.> Суббота.

Милый, дорогой мой Федя, ночь мы провели очень покойно, и ребятишки сегодня совершенно здоровы; сыпь начинает подсыхать и к твоему приезду, вероятно, совершенно пройдет.

Как ты доехал, мой милый?[163] Здоров ли ты? Вчера с машины мы отправились в Гостиный двор, где купили винограду и гостинцев. Приехав домой, она хватилась тебя и говорила: «Где мой папа, отдайте мне папу», — но мы ее уговорили не плакать, обещая, что ты приедешь вечером, легла спать, прося ее разбудить, когда ты приедешь. Сегодня утром она продолжает думать, что ты спишь, и говорит, что тебя надо разбудить. Сегодня мы ходили с нею много гулять. Федя тоже водит няню за руку

и, придя в твою комнату, говорит тю-тю, ходит по всем комнатам и, очевидно, ищет тебя. Сегодня принес почтальон 5 нумеров Гражданина.[164] Новостей больше нет; у нас никто не был. Письмо это я отнесу на железную дорогу, потому что если бы я бросила в ящик, то оно пошло бы только завтра, а мне хочется, чтобы ты уже знал, что все́ благополучно. Вспомни о просьбе Николая Михайловича 140 рублей и съезди к Веселовскому;[165] ему это не покажется странным, ты только отдашь визит, а Николаю Мих‹айловичу› окажешь огромную услугу, так как на эти деньги он хочет лечь в больницу. Не забудь поехать. У Перова[166] попроси его карточку и поклонись от меня. До свиданья, мой милый Федуша, целуем тебя много раз, твои Люба, Федя, Аня.

Не беспокойся о нас. Пиши нам, мы будем с нетерпением ждать письма.

Твоя А. Достоевская.

Наш адрес на всякий случай: № 14, кв. № 26.

40. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Москва. Понедельник 9 октября ‹18›72.

Милый друг Аня, вчера вечером получил твое доброе письмецо, за которое от всего сердца благодарю тебя и крепко цалую. Итак, и Люба, и Федя думают, что я сплю в моей комнате? Мне жаль их, ангелов, хоть бы забыли меня немножко. Говори им, что я гостинцы здесь покупаю и привезу им. Как ты поживаешь? Я переехал еще в субботу (заплатив в Европе за день) к Елене Павловне[167] и стою в особом отделении ее нумеров, через дом. Мне покойно. С Любимовым по виду все улажено, печатать в ноябре и декабре,[168] но удивились и морщутся, что еще не кончено. Кроме того, сомневается (так как мы без Каткова) насчет цензуры.[169] Катков впрочем уже возвращается: он в Крыму и воротится в конце этого месяца. Хотят книжки выпускать ноябрьскую 10-го ноября, а декабрьскую 1-го декабря, — т‹о› е‹сть› я должен чуть не в три недели все кончить. Ужас как придется в Петербурге работать. Вытребовал у них старые рукописи пересмотреть[170] (да и Любимов ужасно просил) — страшно много надо поправить, а это работа медленная; а между тем мне очень, очень хочется выехать в среду. И потому сижу дома и работаю. И однако вот сейчас надо будет съездить к Веселовскому, которого наверно не застану дома; стало быть, к нему проездить придется раза два или три. Вчера заезжал к Перову, познакомился с его женою (молчаливая и улыбающаяся особа). Живет Перов в казенной квартире, если б оценить на петербургские деньги, тысячи в две или гораздо больше. Он, кажется, богатый человек. Третьяков[171] не в Москве, но я и Перов едем сегодня осматривать его галерею, а потом я обедаю у Перова. Ни у кого еще не

был. Разыскивал Аверкиева, но адреса найти не мог. Если узнаю, то заеду к нему. Не знаю, поеду ли в Беседу.[172] Дела с поправкою рукописи бездна, времени не будет (а по-моему, [так]с Беседой время и терпит). Ну вот и все мои пока приключения. Погода здесь летняя, но по вечерам сыренько. Купи себе, ради бога, шляпку. Все-таки жду от тебя письма. Завтра, во вторник, может быть, еще напишу. От тебя же желал бы получить еще хоть одно письмо. И очень прошу, если хоть какой-нибудь худой случай с детьми, то дай знать даже по телеграфу. Но это в худом случае (не дай его бог), а сама со вторника могла бы уж и не писать мне (если тяжело), потому что в среду наверно хочу выехать. Если задержит что на день, то это возня с поправкою рукописи. Но не думаю. Если запоздаю хоть днем — уведомлю.

До свидания, друг мой милый, целую тебя крепко, ты мне снилась во сне.

Твой Ф. Достоевский.

Любу цалую. Скажи ей, что люблю ее больше всего на свете, так же, как и Федю. Господи, как я за них боюсь здесь! По ночам такая приходит грусть.

Все тебе кланяются. Сонечка [173] такая хворая, Машенька [174] же толстая, но с признаками золотухи. Елена П<авлов>на хлопочет с утра до ночи.

41. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Москва. 10 октября <18>72.

Милый друг мой Аня, сижу за работой, и поправок оказывается столько, что выеду не в среду, а в четверг. Пишу в три часа ночи. Спать хочется ужасно, но работы такая бездна, что нельзя лечь, и вдобавок завтра утром в 9-м часу пойду опять к Веселовскому, которого все не могу застать (он с утра до ночи в суде по делу Мясниковых),[175] но более как до четверга здесь жить не хочу, скучно здесь ужасно. Пишу тебе лишь для того, чтобы в четверг меня не ждала напрасно.

Сегодня обедал у Перова. Цалуй детей. Ради бога, Анечка, сбереги их. Цалую и обнимаю тебя.

Твой весь с ног до головы
Федор Достоевский.

11 часов утра. Ночью был один из сильных припадков. Голова болит, работать надо, не знаю, что делать. А к Веселовскому не ходил, проспал. Надо будет бежать сегодня на авось после обеда, или в суд. Ч<ерт> возьми, сколько этот Коля задал мне шатанья и муки.[176]

1873

42. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Москва.[177] 20 мая <18>73.

Милый друг мой Аня, сегодня в полдень, так как поезд опоздал на час, приехал я в №№ Ел<ены> П<авлов>ны. Никого не застал: Соня с детьми на даче, а Елена Павловна к ней уехала. Узнал, что Ел<ена> П<авлов>на будет вечером, и занял номер. Затем оделся и поехал к Полякову,[178] который у Ел<ены> П<авлов>ны оставил адрес своей гостиницы. Его, к счастью, застал. Он очень был доволен, меня увидев, и выразился, что без меня ничего не мог сделать. Он рассказал, что узнавал везде в суде: никакого дела к слушанью 21 мая нигде не назначено. Но что, по его (*одно слово зачеркнуто*) мнению, Шеры[179] непременно что-то затеяли. [Был он] Он добыл копию с завещания и всего подлинного дела (18 листов) и заплатил за это [25 листов] 25 рублей. (Не худо кидает деньги!). Говорит, что было необходимо. Рассказал, что был у Варвары Михайловны[180] и что та встретила его недоверчиво и сказала ему между прочим: «Неужели брат Федя хочет меня лишить всего?».[181] Я отправился тотчас же к Варе. Она, между прочим, в большом горе, что зять ее, Смирнов, умер (3-тьего дня схоронили) и оставил вдову (ее дочь) и пятерых маленьких детей. Варя бедная плачет, но встретила меня очень приветливо. Она (и по-моему, искренно) даже рада, что мы начинаем дело. Она убеждена, что Шеры начали и даже что-то уже подали. Она уверяет, что вызов наследников был тому назад несколько месяцев. Просила не забыть ее при дележе в 14-й доле. Но все они здесь убеждены, что Шеры выиграют, основываясь на каком-то решении Сената, в декабре, по какому-то подобному же делу в пользу единокровных. Между прочим, Варя потому убеждена, что недели 2 тому приезжал брат Андрей М<ихайлови>ч,[182] остановился у ней и, не найдя Веселовского[183] в Москве, послал ему в другой город телеграмму. Брат Андрей приехал только потому, что узнал о Шерах, и тоже (как и мы) был уверен в возможности (*два слова зачеркнуто*) получить все; подбивал на это и Варю. (N. B. Все здесь, кажется, уверены, что наши расписки в взятых мною и братом Мишей 10 000 и слова тетки насчет нас в завещании лишают нас права искать теперь; но Поляков на это смеется. Брат же Андрей, вероятно, на это рассчитывал, коли не написал мне ничего). Веселовский по вызову брата Андрея приехал, и на другой день (рассказывает Варя) брат воротился от него убитый и что Веселовский, будто бы, убедил его, что ничего не поделаешь и что Шеры правы. С тем брат Андрей и уехал. (N. B. Но откуда же брат Андрей получил известие? Это неизвестно). Варя дала мне весьма важные подлинные метрические документы, это мне доказательство,

что она за нас и была очень дружелюбна. Я просидел у ней долго и поехал к Полякову уже вечером. Рассказав ему и вручив документы, я предложил ему ехать завтра к Веселовскому, который бывает в городе 2 раза в неделю, от 10 до 12 часов. Затем решить окончательно, что делать. В том, что Шеры что-то начали — нет сомнения. Но что, где и когда? неизвестно, и это Поляков хочет разыскать. Он говорит, что пробудет до середы и уедет, оставя знакомого [чиновника] человека следить за делом в суде, и чуть узнает, что Шеры подали, уведомить его в Петербург. Поляков более чем когда-нибудь горячится и надеется. Он говорит, что имение по оценке обозначено в 52 000, т<о> е<сть> по оценке опекунской и судейской. Если так по первой казенной оценке, то наверно дороже. Я прямо сказал Полякову, что я начну дело лишь в случае, что начнут Шеры, ибо не хочу обижать сестер. Сказал я это еще до поездки к Варе. Но теперь явно, что она уже начала и, может быть, потаенно. Что сделаем в эти три дня, напишу тебе. У Вариньки был Жеромский,[184] и Варя нашла, что Жеромский дельнее Полякова. Жеромский в 2 дня достал по приходам все метрики; в суде же тоже узнал, что 21-го ничего не будет, но остается действовать и узнавать. Он говорил Варе, что действует за Колю[185] даром по дружбе. Жеромский (как и Поляков) смеются над надеждами Шеров и не верят в декабрьский приговор Сената.

Ну вот все о деле, завтра узнаем более. Боюсь только, что Поляков потратит денег. — Затем вечером приехал в №№, где застал Елену Павловну. Завтра приедет и Соня. Елена Павловна говорит, что за Соню очень боится и что та решительно губит себя работой. Пишу тебе поздно, вставать завтра рано, ночь я не выспался и теперь едва хожу. Ночью совсем не спал. Напиши мне, как ты, здорова ли, пожалуйста, подробнее. Мне весь этот день, после всей этой тревоги и деловитости, очень солоно пришелся. Прежде я не так приезжал в Москву. О детях черкни все, что можно, подробнее. Хотя уже и ½ одиннадцатого, но служанка ждет письма положить его сегодня же в почтов<ый> ящик. Машенька[186] очень заболела. Сегодня приехал (до меня) Витя[187] и прямо проехал в Даровое.[188] Ради бога, напиши о детях.

Прощай, обнимаю тебя.

Твой весь, тебя крепко любящий

Ф. Достоевский.

Чуть с тобой обморок или что-нибудь, хоть каплю, сейчас телеграфируй. Не мучь себя очень заботами. В четверг выеду наверно, если не успею раньше. Тв<ой> весь.

43. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> <Петербург.> Вторник 12 июня <18>73.[189]

Милая Аня, письмо твое получил всего сейчас, в 8 часов вечера,[190] и уже думал идти пускать телеграмму на имя священника[191] — так об вас беспокоился. Рад, что у вас благополучно. Боюсь, что ты слишком устала. Ангельчиков моих Федю и Лилю целую. Мне очень скучно. Дачу найми как можно скорее с садом.[192] Вчера утром меня судили, осудили 25 р. и два дня на абвахте, но окончательный приговор скажут лишь 25 июня, а стало быть, ждать еще долго.[193] Пишу наскоро. Пиши скорее. Дела у меня много. Сейчас нагрубил мне метранпаж нестерпимо.[194] Он у Мещерского[195] ждал в передней, а я его сейчас у себя на стуле — вероятно, за это. Но причина важнее, и я беспокоюсь: все дело в том, что Мещерский Траншелю[196] не заплатил, а в долг, вот они теперь все и делают страшно небрежно и с нестерпимыми грубостями, а я так не могу. Сейчас, воротясь домой, застал у себя Полякова и Федю,[197] кое-как сговорились, Поляков стребовал у меня оставшиеся 25 руб. за поездку в Москву. Федя очень тебе кланяется. Дела бездна, людей почти не вижу. Вчера, впрочем, был у Кашпиревых.[198]

Хожу в детскую комнату и смотрю на их пустые постельки. Поцалуй их очень. Прощай, цалую тебя.

Тв<ой> весь

Ф. Достоевский.

Не жалей детям гостинцу. Смотри за ними. Выспись, это главное, и старайся не простудиться.

44. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> <Петербург.> Четверг 14 июня <18>73 г.

Милая Аня, сейчас получил твое письмо.[199] Очень рад, что вы все здоровы. Детей цалуй. Очень буду рад, если тебе ванны приносят пользу. Если довольна дачей, то чего же лучше. Я очень занят. Теперь 9 часов вечера, а я еще и не начинал большую статью, которая завтра должна быть сдана.[200]

К тому же очень устаю, много ходьбы и всяких мелких хлопот. Ко мне никто не ходит. Вчера был Ив<ан> Гри<горьеви>ч,[201] спрашивал о тебе. Ничего особенного. Федя просил отсрочить долг, т<о> е<сть> никогда, конечно, не отдаст. С типографией все дрянные мелкие хлопоты. Хозяин ко мне заходил раза 4, все когда меня нет, под разными глупыми предлогами; должно быть, хочет завести знакомство.[202] Александра,[203] может быть, и порядочная, но манерничает. Одним словом, нечего писать о себе, и без того загроможден делом, не сплю целые ночи. А тут духота, пыль.

Желаю тебе жить веселее моего. Письма твои имеют деловой характер, да тем лучше. Не забывай уведомлять о детях.

Цалую их 1000 раз.

До свидания.

Твой Ф. Достоевский.

Священнику кланяйся.

45. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 22 июня <18>73. Пятница.

Милый друг мой Аня, вчера так устал и так много было неотложного дела (корректуры и чтение статей), что решительно не мог тебя уведомить о приезде. Переехал я, разумеется, благополучно. Застал же все в порядке и дома, и по журналу, только много мелких хлопот. Лег я спать ночью только в три часа, но все-таки выспался и сегодня свеж, несмотря на погоду, которая вдруг переменилась с сегодняшней ночи: из невыносимой жары сегодня холод, как в октябре, небо все в окладных тучах, свинцовых, гадких, очень низких, но дождя нет. Вчера утром же по дороге из типографии встретил Ив<ана> Григорьевича. (Он без меня заходил). Он сообщил мне, что и Анна Николавна[204] отправилась в город и, вероятно, ко мне зайдет. Но, однако, она не заходила. Он же зашел ко мне и выпил чаю; расспрашивал о тебе, я все сообщил. Между прочим, сказал, что уже отправил к ним твое письмо. Сказал ему и о деньгах, только не очень настаивая. Он сказал, что ему завтра обещал отдать долг Варламов.[205] (Если уж на это рассчитывает, то значит у самого тонко). Я просил его не беспокоиться, объяснив, что до понедельника у меня будет, а на той неделе, может, и справлюсь как-нибудь (благодаря 20 р., взятым у тебя).

Застал у себя два письма — твое, которое пришло еще в понедельник,[206] и от Феди из Москвы. Федя пишет, что у В<еры> Михайловны[207] сам, своими глазами, читал в газете «Современные Известия» от 12 июня, в отделе судебной хроники, что в Москов<ском> окружном суде, по 5-му отделению, 12 же июня, слушалось дело об утверждении в наследстве Шеров и Казанских.[208]

Варя сообщила ему тоже, будто слышала, что Шерам было в суде отказано, но что она думает, будто сообщивший ей — солгал. Вызов же наследников, по словам же Вари, был сделан. Федя в тревоге и спрашивает меня: «Что же Поляков-то?». Я тотчас написал Полякову, но вчера же встретил его у Полицейского моста. Письма моего еще он не получил, и сообщил ему известие от Феди на словах. Он засмеялся с тупым высокомерием и отвечал вздор. Я сказал, что уже достал № Совр<еменных> Известий (в редакции) и читал сам. — Вздор. — Да читал же своими глазами! — Вздор, не то, какой-нибудь вздор. Я в Москве, в Окружн<ом> суде справлялся, и мне сказали, что в Туле. Вздор! — Да возь-

мите газету и прочтите! — Прочту, но ничего не будет, вздор! Ну что делать с такой тупицей! Между тем в Москве, очевидно, что-то произошло, и очень может быть, что Полякова надули через интриги Веселовского в суде. Одним словом, ездил, деньги взял и не умел даже в суде справиться! Федя пишет, что Шеры хлопочут более чем когда-нибудь, на стены лезут; просил меня отвечать ему, но так как объявляет в письме, что 22 выезжает из Москвы, то я, разумеется, не отвечал. Не знаю, что из всего этого выйдет.

Заходил ко мне еще вчера Страхов.[209] Тревожит меня очень одно соображение: в будущую субботу, т‹о› е‹сть› через неделю, 30 числа, мне, может быть, и не удастся к вам ехать! Дело в том, что деньги на июль месяц я должен буду получить (от какого-то Дмитревского[210]) по распоряжению князя[211] только 1-го июля. Согласятся ли мне выдать 30 июня? Если же уехать 30 июня, то и у самого денег не будет, да и сотрудникам в понедельник 2-го июля заплатить будет [нечем] нельзя, как теперь через секретаря,[212] которому я оставил в этот раз деньги. Все это решится на будущей неделе. А покамест я очень в унынии.

Ходил вчера к Филиппову,[213] по одному делу (литературному), узнал от него, между прочим, что князь приедет в Петербург дня на три в июле, около половины.

На следующей неделе должен быть мой арест.[214] Мне очень весь сегодняшний день без вас грустно. Думаю о тебе и о детках. Боюсь за сегодняшний холодный день: у вас, верно, еще сырее нашего. Опять у ангела моего Лили будут зубки болеть! Береги ее, Аня (*зачеркнуто несколько слов.*). Тебе бог за это зачтет. Все они мне оба сегодня вспоминаются весь день. И во сне снились. Федька так целовал меня в середу утром, и Лиля не выдержала, заплакала на пароходе (между тем крепилась, резвилась, хотела показать, что твердо перенесет). Люблю тебя, Аня, пиши мне больше о себе и о детях. Больше мелких подробностей. В случае чуть больны — сейчас зови Шенка. В случае деньги зайдут за половину — сейчас меня уведомь. Я хоть из-под земли, а достану.

Обнимаю тебя и всех вас Ф. Достоевский.

И Федю и Лилю целуй очень. Скажи, что скоро, скоро приеду.

46. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› ‹Петербург.› 26 июня ‹18›73.

Милая Аня, вчера получил твое и лилино письмо,[215] за которое вас обеих и благодарю. Только пиши почаще, а то уже я начал беспокоиться. У меня же столько дела (мелкого, беготного), что нет даже минуты свободной и хорошей, чтоб поговорить с вами. Рад, что покамест все вы здо-

ровы, но боюсь дальше. Все мне кажется, что вы там — одни и что вас кто-нибудь там обидит. Деньги 25 р. произошли из заклада твоих вещей, что́ и узнал я вчера от Анны Николавны, которая зашла ко мне в 5 часов пополудни вчера, когда я уже выходил из дому. В это время принесли и твое письмо. По всему видно, что у Ив‹ана› Гр‹игорьеви›ча у самого ужасно тонко. У меня же пока денег достало на все. Вчера встал в 8 часов утра, чтоб идти в суд выслушать окончательный приговор. Но председатель суда сказал мне, что можно и не ждать приговора, а на вопрос мой, когда исполнение, он объявил, что еще 2 недели должен быть срок для кассации. Итак, еще 2 недели я свободен, а там на 3-ю неделю арестуют. Но вот что: так как приговор вчера прочтен окончательный, то смущает меня: не взяли бы с меня подписку о невыезде из города? Тогда я, если так, целый месяц к вам, стало быть, не приеду! С другой стороны, если и не возьмут подписки о невыезде, то все равно, если не получу деньги в субботу (как я писал тебе) и, стало быть, не выеду, то и в следующую субботу нельзя будет выехать, потому что тогда наступит срок ареста. И потому надо во что бы ни стало настоять на получении денег в субботу. А не знаю, удастся ли? Кроме 1000 мелких хлопот надо изо всех сил всю неделю работать, писать, чтобы к пятнице все сдать и управиться. И потому с сей минуты мне предстоит дня три сущей каторги.

Ты хорошо делаешь, что ходила в театр. Довольно ли денег? У меня выходят ужасно на редакцию. Сам очень лишнего не трачу. Был у Кашпиревых дня три тому. Его нога хуже, а Соф‹ья› Сергевна в тот день, получив взаймы откуда-то 220 р., потеряла их в Гостином дворе, так что дома у них ни гроша. И все это правда. Деньги же 220 р. предназначались на уплату процентов за долг в 2000 одному кулаку, которому они уже три года уплатить не могут. Софья Сер‹геев›на при мне плакала, жалея потерянные деньги. Действительно, их положение ужасное, и хоть они принимали меня донельзя радушно, но представь мое-то положение — сидеть и видеть ее слезы и знать, что должен им 400 руб.

Целую тебя и детей. Может, очень скоро увидимся. Моих всех мелких хлопотишек не описываю. Нужно ужасно много сделать, чтобы возможно было приехать к вам, так, н‹а›прим‹ер›, нужно наперед целых $^2/_3$ № уже иметь в составе, чтоб осмелиться отлучиться на 4 дня. — Вчера был у меня Соловьев,[216] воротившийся из-за границы. Мучение мне с этими визитами, да еще с иными редакционными письмами, которых никак нельзя миновать. Был Поляков; в начале июля хочет ехать в Москву и в Тулу. Здесь душно и жарко ужасно. Обнимаю тебя и целую крепко. Детишек особенно. Поговори им что-нибудь обо мне. До свидания.

Тв‹ой› весь Ф. Достоевский.

47. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург. 5 июля ‹18›73. Четверг.

Милая Аня, пишу тебе вне себя от усталости, ничего не спал. Сегодня утром приехал,[217] дорогою мочил дождь. Нашел целых 5 писем, на которые надо немедленно отвечать, все по журналу. Сегодня же должен отсмотреть с переправкой 3 корректуры. Получил довольно любезное письмо от Мещерского, просит у меня извинения, что я за него просижу[218] (это, наверно, Филиппов ему передал, которому я передал в свою очередь, что Мещерский слишком небрежно обращается со мною, не изъявив даже сожаления, что я буду сидеть за него). О деньгах пишет как о совершенно решенном деле; а между тем Дмитриевский[219] приехал всего только сегодня и прислал мне сам 700 руб. Теперь, голубчик Аня, я как рассчитал, так и ужаснулся: 100 тебе, 100 Печатки‹ну›,[220] 50 жалование Пуцыковичу,[221] 100 журнального долга Гладкову;[222] да мелких расходов (Тришину,[223] служанка и проч. руб. 20), да хозяину 50,[224] сочти-ка, что остается. И однако, может быть, надо будет поделиться с Ив‹аном› Гр‹игорьевиче›м, к которому я послал уже письмо, что приехал; в понедельник же расчет за №, который очень дорог (даровые статьи, Филипповские, прекратились). Я же ничего не пишу за хлопотами (*зачеркнуто несколько слов*), у меня колоссальный дефицит. Но все равно; по крайней мере сию минуту хоть что-нибудь есть. О будущем и думать не хочется: голова кружится, и боюсь припадка.

Теперь о деле: завтра пошлю на имя Румянцева тебе 100 руб. (т‹о› е‹сть› постараюсь не проспать на почту). На конверте не напишу: для передачи г-же Достоевской, чтобы не было разговору. В конверте же ему будет коротенькая записочка, чтоб передать тебе деньги. Письма же к тебе в его конверте не будет. Ты же по получении теперешнего письма (которое придет раньше) уведомь его непременно, что тебе будет на его имя [письмо] 100 руб. и что это потому, что ты живешь не по твердому паспорту.[225] Извинись перед ним.

Из денег не передашь ли хоть частичку хозяевам?[226]

Не сердись на меня, что пишу только о деле. Ей богу, еле жив, чуть не падаю. Хоть бы в два-то часа сегодня заснуть! Отложить же посылку тебе письма и денег не мог. На всякий случай все-таки поскорее.

Что дети? Пиши мне о них подробнее. Как можно больше, не ленись, ради бога; подумай, что я ведь здесь один и в чертовой работе.

Как-то дела наши, как-то дела! Ну, до свидания.

Твой весь Ф. Достоевский.

Дорога была пренесносная, и если б не один болтун, навязавшийся рядом со мною, то, право, умер бы со скуки. От Соловьева пришло самое любезное письмо;[227] уехал в Москву.

Болели у Лили зубки? Искал ли меня Федя? Не простудились бы? У вас тоже был дождь.

До свидания.

Тв‹ой› Достоевский.

Крепко цалуй детей. Лиле скажи, чтоб была умница и милая и написала письмо, а Федьку поцалуй и в губки, и в грудку, и во все. Лиле цалую ручки. Письмо няняшино передал.

Служанка передала, что в понедельник был Ив<ан> Гри<горьеви>ч и уведомил ее, что, может быть, зайдет Ольга Кирилловна[228] с ребенком, а сам ушел. Трудно понять. Но Ольга Кирилловна не зашла.

Сейчас воротился домой, а без меня был Тришин и записал свое имя.

48. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Вторник 10 июля <18>73. Петерб<ург.>

Милочка моя Аня, из письма твоего,[229] которое получил вчера перед вечером, вижу, что ты еще не получила моего письма, несмотря на то, что я послал его в день приезда сюда, т<о> е<сть> в четверг вечером. Там на многие твои вопросы есть ответы. Я послал тебе и деньги, которые ты теперь, когда дойдет это письмо, уже наверно получила. В твоем милом и добром письме всего более мне тяжело было прочесть о твоих припадках (потери зрения). Стало быть, и ванны тебе еще ничего не помогли. Ах, Аня, до чего это дойдет! Как ужасно мне думать о твоей хворости ввиду того, что я могу умереть, и что тогда с тобой и с детьми с твоей хворостью. Неужели никак нельзя излечить? Но хорошо, что хоть написала. Ради бога, не бойся и впредь, что растревожишь меня, пиши подробно о твоем здоровье, подробно и аккуратно, а не будешь писать, я еще пуще буду думать дурное. Все буду подозревать, что скрываешь. Слышишь?

Известия о детях и о том, что они меня жалели — на меня ужасно подействовали; не поверишь, как мне здесь без вас тяжело. Милая Люба! Не напророчила б она, что я никогда не приеду. Да и Федя, милый Федя. А между тем, действительно, перспектива впереди претяжелая, и я, очень-очень может быть, не приеду к 15-му. Дела так слагаются. Из 700 полученных рублей я истратил 100 Печаткину, 100 тебе, 100 долгу в кассу Гражданина, 50 хозяину, 75 р. Ив<ану> Гр<игорьеви>чу, 50 жалов<анье> секретарю редакц<ии>; сегодняшн<ий> № Гражданина, сотрудни<кам> до 150 р., наконец, отдал Тришиным, жалование служанке, купил зонтик, и в кассе у меня в с е г о н а в с е 64 р. Теперь слушай: за следующий № в понедельник надо никак не меньше уплатить, как 125 р. Предположим, я обойдусь, но вопрос: с чем я попаду к вам, и на что я доеду? Между тем Ив<ан> Гр<игорьеви>ч еще сегодня заходил ко мне, об Образцовых[230] ни слуху, ни духу, он спешил к Архангельскому[231] — и ведь очень возможно, что он, пожалуй, и в июле еще ничего не получит.

Но положим, что к концу недели Образцов приедет, и деньги будут. Дело в том, что мне надо отсидеть мой двухдневный срок. Когда-то еще прокурор распорядится, напишет отношение в полицию, та приедет за

мной, и вот как раз подгонят дело к пятнице или субботе. И я чувствую, что это непременно так будет.

Но пусть эту субботу нельзя, но на той неделе к 20, т<о> е<сть> к пятнице, надо ждать Мещерского и Победоносцева;[232] а ну как их ждать тоже неделю, т<о> е<сть> уже до 27? Меж тем я уже уведомил Мещерского сам письмом, что 14 июля уеду и только к 19 возвращусь, так чтоб знал, если хочет застать меня. И вот он приедет, а меня нет!

Итак видишь, Аня, что если не удастся приехать к 15, то, пожалуй, и до августа не удастся! Я сижу и просто в отчаянии. А между тем надо непременно писать статью.[233] Суди о моем положении. И вот получил твое письмецо и так захотел к вам. Милые вы мои, не могу я с вами врозь жить. А между тем надо. Чтоб ч<ерт> взял мое положение!

[Вчера] В воскресение приходила ко мне Анна Николавна, расспрашивала о тебе и посидела часок. У них там тоже хлопоты: денег страшно тонко, все заложено, за вещи страшно мало дают, маленький все кричит, а служанки грубят и не слушают. Ив<ан> Гр<игорьеви>ч в отчаянии, главное, потому, что откладывается его отъезд искать имение. Стало быть, сильно же он верует, что непременно и скоро получит, но его вера может и не сбыться.[234] А если сбудется, то тотчас же, должно быть, уедет, так что нам, например, серьезно и переговорить нельзя будет с ним насчет займа. К тому же, должно быть, ему вексель дадут, а деньги мизерные.

Я уже не хожу обедать в трактиры, а готовлю дома. Александра готовит не совсем скверно, и, кажется, все-таки выйдет дешевле. Посмотрю и погляжу дальше.

Тришины приезжали ко мне и пили кофей. Жаловались на Пашу, были ужасно вежливы и любезны, получили проценты и уехали.

В воскресение я ходил в Летний сад на иллюминацию. Но мне до того стало скверно и тоскливо, что я не дошел и до средины сада, повернул домой и прошел пешком. Правда, проиграл рубль в лотерею, но и только. Анна же Николавна опять что-то выиграла.

Кроме этого никуда не ходил и никого, кроме сотрудников да Пуцыковича, не видал. Вместо того чтоб писать, вот уже второй вечер читаю статьи, накопившиеся в Гражданине. Эту работу ставят ни во что. А что она стоит, сколько берет времени, доводит до одурения и отупения. Решительно, я становлюсь совсем злым.

Милый мой голубчик, если ты отдашь рублей 50 хозяину, то довольно ли у тебя останется? И вообще уведомляй меня чаще и об деньгах заранее, чтоб я мог приготовиться и как-нибудь перехватить. — Впрочем, теперь все надежды, что Ив<ан> Г<ригорьеви>ч получит. Если же его надуют, то и мы провалимся.

Ну а что я без тебя-то буду, если недели три-четыре придется не увидать? Друг мой, не знаешь ты, как я тебя люблю. (*Зачеркнута одна строчка*). Но что об этом. Крепко обнимаю тебя и целую (хотя эти поцалуи в письме ничего не стоят). Повторяю, я без вас жить не могу.

Детишек целую бесконечно. Говори с Любой обо мне, говори, что я очень скоро приеду и гостинцев привезу и пишу, что люблю ее очень

и по ней тоскую. Боюсь, чтобы Федя не забыл меня совсем. Напоминай и ему. Ведь, ей богу, если я месяц не приеду, он меня и не узнает! Целуй их и люби. Да слушай, Аня: если чуть-чуть, лишь только чуть-чуть ты нездорова — сейчас пиши. Иначе я надумаюсь и намучаюсь. Пиши чаще.

Я было уже хотел ехать в пятницу на почту, чтобы отослать 100 р. отцу Ивану, как пришел Ив<ан> Г<ригорьеви>ч, я и попросил его отослать, потому что дел был полон рот. Прощай, обнимаю всех вас, а тебя пуще всех.

Тв<ой> муж.

P. S. Всего больше боюсь задержки от суда. Вот уже вторник, а никаких оттудова известий. Пожалуй, еще неделю не посадят. Если не посадят до субботы и если деньги будут, то наверно приеду.

49. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 12 июля <18>73.

Милый мой голубчик Аня, тотчас же и отвечаю тебе,[235] ибо после с вечера буду так занят, что не найду и свободной минуты. Пишу обычную проклятую статью.[236] Надо написать к завтраму утру, к 8 часам, 450 строк, а у меня написано всего 150. Между тем я все более и более как будто дурею и решительно стал ужасно туго писать. Голова постоянно не свежа. Это, голубчик мой, очень серьезно для нашей будущности. Я решительно стал замечать, уже с месяц тому назад, различие между легкостию моего писания в Дрездене и тягостию здесь. Приписываю тому, что редакторство своими беспрерывными мелкими заботами, суетней, мне несвойственной, и проч. решительно давит меня, так что долго придется отдыхать после этого проклятого года. А еще придется ли?

Твоим письмом доволен, твои письма меня всегда радуют, и чего ты извиняешься, что нечего писать? Напиши что-нибудь, и того довольно. Теперь к делу. Аня, я в большом горе: решительно не предвижу возможности поехать к вам послезавтра или даже в воскресение, а может быть, и бог знает до которых пор. Все дело стало — за деньгами. У меня, всего на все, 50 р. Между тем номера Гражд<анина> стали ужасно дорого оплачиваться. В следующий понедельник мне надо выдать 130 руб. (minimum), а где я возьму? Не выдать же ни за что нельзя: есть писатели новые, и марать журнал, неуплатой, невозможно. (*Зачеркнуто две строчки*). Да и вообще никому нельзя задолжать: тотчас же разнесется слух, что Гражданин не платит. До завтра, т<о> е<сть> до конца писания, об этом думать не буду, но с завтрашнего дня попробую заложить часы у Ив<ана> Григорьевича знакомого <...> (который ему уже перестал давать деньги) рублей за 80 кабы! Не знаю, удастся ли! Что же до Ив<ана> Григорьевича, то его и Ан<ну> Н<иколаев>ну я часто видаю.

Вчера хотел было ехать к ним на дачу на именины О‹льги› К‹ирилловн›ы, так как он очень звал, но стала дождливая погода, и я не поехал. Он взял всего у меня 75 руб. и в ужасном, болезненном волнении и беспокойстве, что *никаких ровно* известий об Образцове. На днях отправил туда телеграмму в 40 строк и грозит судом.

Я, впрочем, по некоторым данным, убежден, что Образцов непременно приедет на днях и ободряю Ив‹ана› Григорьевича сколько могу. Вчера у них были именины, а сегодня зашла ко мне Анна Николавна. Она только что носила закладывать вещи. Ив‹ан› Гри‹горьеви›ч (он все заложил и ходит в каком-то ужасном старом платье) заложил свой фрак и жилет, а Ольга К‹ириллов›на два корсета, А‹нна› Н‹иколаев›на за все это получила 15 руб. Понимаешь, как у них тонко. Итак вот в каком положении в настоящее мгновение дела. А всего более убивает меня, что я никак не могу приехать и что бог один знает, смогу ли поехать и в следующую-то субботу? Я тебе писал в прошлом письме, почему.

Видеть же вас всех для меня самая жгучая потребность: здесь с ума можно сойти от всякой пакости и от отвращения, с которым на все смотришь. Цалую вас всех. Ты говоришь, что видела меня во сне (если не лжешь). А я тебя уже два раза видел. Федю и Любу цалуй, если Люба будет плакать в субботу, что я не приехал, скажи ей, что теперь трешкот * задержал и что я через 2 дня приеду. Береги их, обращай на них больше внимания, занимайся ими побольше, голубчик ты мой. Федьку мне очень хочется видеть. Поздравь его с днем рождения. Сделай для детей как-нибудь праздник. Насчет же денег, тебе высланных, то ведь я уверен, что ты отлично распорядишься, но на всякий случай имей в виду наши дела вообще и поприжмись. Ты писала что-то о своих вещах у Ан‹ны› Н‹иколаев›ны, чтоб заложить. Но вещей нет: заложили тогда для меня и получили за все 25 р., 9 рублей проценту за твои вещи внесены, и еще что-то внесется 22 числа, что-то в этом роде говорила сегодня Анна Н‹иколаев›на. Прощай, обнимаю вас всех, пожелай мне не лопнуть с натуги сегодня ночью на подлом писаньи статьи. Обнимаю вас и цалую.

Скажи Любе, что ее цалую 1000 раз, Федю тоже.

Достоевский.

P. S. Кстати, милка ты моя, ты мне очень бы нужна была в эту минуту. Понимаешь? Да правда ли, что видишь меня во сне? Может, не меня. Цалую твои ножки и *все*. *Очень* цалую.

Тв‹ой› Достоевский.

Меня не арестуют и штрафу не требуют, бог знает почему. Придут по обыкновению не вовремя. Медлят и только меня в раздражении держут.

---

* *Плоскодонные суда для перевозки тяжестей по каналам и рекам. От* träsko (*швед.*) — деревянный башмак.

50. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 20 июля <18>73.

Милый ангел мой Нютя, со вчерашнего дня, как приехал, все бегаю по горло в деле, и вот теперь уже 10 часов вечера, а у меня едва лишь вышла самая маленькая минутка написать тебе. Доехал я благополучно, и все время погода была прекрасная. В Новгороде стояли часа четыре, и я уходил гулять и был в соборе. На станции, как я возвратился, уже около 10 часов подошла ко мне женщина и стала допрашивать: кто я, где живу, какая у меня прислуга, кто именно и проч.? «Так Вас-то мне и надо сыскать, у меня к Вам письмо от Вашей супруги». Это та самая натальина[237] родственница, с которой ты мне послала 30 р. и карточки. Все это она мне передала. Сама же она в Петербург еще и не ездила, а была лишь в Новгороде, потом *опять отправилась* в Старую Руссу (и именно в понедельник на том же пароходе, на котором и я к вам приехал, но меня тогда не видала), жила в Руссе и теперь (опять вместе со мною) приехала из Руссы и уже едет прямо в Петербург. Я полагаю, Наталья знала, что она возвращалась на время в Руссу. Итак в результате я и деньги, и карточки получил.

Приехав, все по обыкновению застал в беспорядке. Сегодня же утром разом получил от князя телеграмму и 2 письма насчет помещения его статьи.[238] Письмо его мне показалось крайне грубым: он жалуется, что №№ должны стоить дорого, что он не может платить сверх 130 р. за № и проч. Черт его дери, я никогда не писал ему, что надо больше 130 и что у меня денег не достает. Сегодня же отвечу ему так резко, что оставит вперед охоту читать наставления (хотя, впрочем, в его письме есть и самые дружеские фразы и выходки).

Вчера всю ночь, не спавши, сидел за корректурой (стоющей сочинения) и сегодня и завтра буду. Сейчас Кашпиревы присылали звать к себе, и, разумеется, я отказался. Был Миша[239] сейчас. Он без гроша до будущей недели. Я ему поручил сходить к Клейну[240] завтра и дать мне знать, а на время дал ему 10 р. За этим, верно, не пропадет.

Приходил Иван Григорьевич сегодня, я передал ему шаль и пакетик с карточками, но забыл передать твое письмо (в письме натальиной тетки). Предлагал ему денег, но он не взял и очень интересовался, обойдусь ли я к понедельнику без его помощи? Архангельский сообщил ему, что Образцов ему телеграфировал, что 25 будет в Петербурге. Ив<ан> Григорьев<ич> говорит, что не надеется получить всю сумму.

Жду от тебя с нетерпением письмеца, радость моя Нютя. Ты немножко мерзка в одном отношении, но все-таки радость моя единственная, и мне без тебя крайне тяжело здесь одному. Тебе никогда не понять мое здешнее одиночество. Вот уже теперь полное-то одиночество и вдобавок одни неприятности. Напиши о детях подробнее, что Лиля, что Федя. Подробнее об их разговорах и всех их жестах. Целую тебя, голубчик, пиши только. Сам постараюсь быть к 4-му августа (или вроде того).

Это ужас как далеко и долго. Мещерский пишет, что приедет разве в сентябре. Цалуй детей, передай Любе, что каждую минутку вспоминаю об ней и об Феде. Не забыл бы Федя меня. Милый мой мальчик! Ты не можешь понять, каково мне без них.

До свидания, обнимаю тебя, люблю тебя.

Твой весь навсегда.

Ф. Достоевский.

Напишу скоро и напишу много, — скверная и ревнивая жена! Ах, Аня, кого ты вздумала подозревать?

Ив‹ан› Григор‹ьевич› говорил, что Раухфус (доктор) находит в Грише[241] начало английской болезни, вот бы им в Руссу-то, еще не поздно!

51. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› ‹Петербург.› Понедельник 23 июля ‹18›73.

Милый друг мой, Аня, сейчас получил от тебя письмо,[242] а оно с пятницы, ужас как долго идет! Я уж об вас надумался и настрадался. — Скажи, голубчик Аня, можно ли так писать, как ты пишешь: «У меня случилось несчастье... Я в большом горе», — и не объясняешь, что́ случилось. Ради бога, немедленно напиши, непременно, — иначе рассержусь и поссорюсь с тобой и до тех пор не приеду, пока не напишешь. И не делай этого вперед никогда, ради бога, мне и без того тяжело. (*Зачеркнута одна строчка*). Напиши же, слышишь, сейчас же.

Рассказами о детях ты много дала мне удовольствия. Пиши всегда об этом. Я точно оживаю и точно с ними сижу.

Кроме ужасно тяжких мыслей и уныния, напавшего на меня почти до болезни, при одном соображении, что я по крайней мере еще на полгода закабалил себя в эту каторжную работу в Гражданине, — я, кроме того, еще серьезно опасаюсь заболеть. Вчера так даже вечером ощущал лихорадочные припадки, болела спина, и отяжелели ноги. Сегодня мне, впрочем, гораздо лучше, только сплю худо, кошмары, дурные сны, и желудок расстроен. Пиши мне сейчас же, каждый раз по получении письма, не отлагая до другого дня, и я точно так же буду отвечать и на твои письма.

Мещерскому на его грубое письмо я отлично ответил, — без задору, ровно, строго, прямо.[243] Не посмеет более себя выказывать. В субботу утром приходила Анна Николаевна, взяла из твоего комода несколько вещей (6 штук чего-то, красная клетчатая мантилья, что ли, занавесы и проч.) и сверх того взяла у меня 10 руб. С домашними расходами у меня вдруг таким образом осталось 53 руб. (накануне дал Мише 10 р.). В субботу же по поручению моему Миша ходил в контору Клейна — и

что же: 50 экземпляров, говорят они, проданы, а самого Клейна нет в Петербурге, в Москву уехал, будет в первых числах августа, денег не оставил. (Вероятно, в 50 экземплярах только признаются, а продали еще больше). Между тем в понедельник расплата с сотрудниками. Сегодня встал в 10 часов и пошел по закладчикам. Везде 60 и ничего больше. И только в одном месте, у Аничкова моста, дом Лопатина дали 70, по моему настоянию. Но я все-таки в беспокойстве, потому что выдали мне квитанцию, где значится, что я продал часы и деньги 70 руб. получил сполна. Они меня успокоили и сказали, что у них это общая формула, у всех частных банков. Конечно, может быть, не надуют. Таким образом, денег у меня хватило: я выдал 106 руб., и осталось для житья до 15 р. с мелочью. Но зато без часов.

Теперь я совершенно один, даже Страхова нет. Мне ужасно начинает нравиться один из новых моих сотрудников, Белов[244] (пишет критич<еские> статьи), но далеко живет. А кажется, мы могли бы сойтись. Ив<ан> Гр<игорьеви>ч тоже сегодня не приехал. Был только Паша вчера и бедный Миша. У него только что выздоровела жена, бывшая при смерти, и сверх того вчера в воскресение была она именинница, а денег, кроме 10 р., он ничего не достал.

С субботы на воскресение, между кошмарами, видел сон, что Федя взобрался на подоконник и упал из 4-го этажа. Как только он полетел, перевертываясь, вниз, я закрыл руками глаза и закричал в отчаянии: прощай Федя! и тут проснулся. Напиши мне как можно скорее о Феде, не случилось ли с ним чего с субботы на воскресение. Я во второе зрение верю, тем более что это факт, и не успокоюсь до письма твоего.

Сплю я, просыпаясь ночью раз до 10 каждый час и меньше, часто потея. Сегодня, с воскресения на понедельник, видел во сне, что Лиля сиротка и попала к какой-то мучительнице, и та ее засекла розгами, большими, солдатскими, так что я уже застал ее на последнем издыхании, и она все говорила: Мамочка, мамочка! От этого сна я сегодня чуть с ума не сойду.

И вообще я чувствую, что это лето и эти занятия не доведут меня до добра. Что же касается до приезда к вам, то до 5-го августа и не жди меня: никакой, ни малейшей не будет возможности. За будущий 31 № к 30 числу июля я вообще покоен, т<о> е<сть> в том, что деньги, наконец, к Ив<ану> Г<ригорьеви>чу придут и он меня выручит. Ну, а за редакцию не спокоен. Надо самому писать длиннейшую статью,[245] а я очень расстроен.

Сегодня (без меня) приходила Настя[246] и получила, наконец, от Александры письмо от Прохоровны[247] (N. В. Александра ходила к ней без меня, да дома не застала). Настасья прочитала письмо и на увещание Александры написать матери отвечала: да и писать-то нечего, жива, здорова, ни от отца, ни от брата писем не получала. Однако обещалась написать. Сообщи Прохоровне вместе с моим поклоном.

Обнимаю тебя искренно, со всем жаром души. Пиши скорее. Пиши о детях, и о том, какое с тобой случилось горе? Слышишь? Не расстраи-

вай меня и не раздражай еще более. Цалую тебя 1000 раз, Лилю, Федю тоже. Об них думаю и часто мучаюсь; ну случись что́ — что́ с ними будет!

Ваш весь Ф. Достоевский.

Вообще о моем здоровье не беспокойся (в предположении, что ты обеспокоишься). Сложения я крепкого. Погода у нас дурная, раз 20 в день дождь, гром и зарницы по ночам и вот уже 3-й день, оттого и сплю дурно.

52. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург. Четверг 26 июля ‹18›73.

Милый друг мой, Аня, сейчас получил твое письмецо.[248] Пишешь очень редко. Очень благодарен тебе за все сведения о детях и рад, что ты и детки здоровы. Оживляешь меня. А я серьезно было расхворался и даже немного лежал: лихорадочное состояние (но без очень сильных припадков) и сильнейшее расстройство желудка (уже больше недели). Принимал касторовое масло — ничего не помогло. Лихорадочное состояние как будто ослабело, и как будто я стал несколько сильнее, но желудок все в том же состоянии, и тяжела голова. Подожду немножко и позову Бретцеля,[249] если в Петербурге. Но, кажется, и так все пройдет. Заметь себе, что я постоянно выхожу со двора, хотя впрочем и не гуляю.

Третьего дня пришел Ив‹ан› Григорьевич в большой радости: приехал 23 июля Образцов,[250] и он уже с ним виделся, да сверх того с Варламова получил все деньги, все вместе разом. Обращение Образцова несколько свысока и строго. Да сама [она] старуха[251] прислала письмо на Вы и опять белья в подарок. В письме пишет, что она не только сохранила, но и приумножила капитал, понимая свою обязанность. Образцов объявил, что даст 16 000 деньгами и 80 000 векселем по 12 марта сроку и назначил 25 число. Судя по черновой расписке, которую должен дать Ив‹ан› Г‹ригорьеви›ч (целый акт), и по форме выдачи денег, я усумнился и советовал ему быть осторожнее. Он очень стал жалеть, что нет адвоката, чтоб посоветоваться, и времени, чтоб съездить в Сиротский суд и узнать про отчеты опеки. Во всяком случае положил отложить до сегодня (26) получение денег, о чем и уведомил Образцова телеграммой. Вчера, в три часа я его встретил на Невском с Ольгой, но одну секунду, ибо начинался ливнем дождь. Он успел мне сказать, что был в Сиротском суде и решил согласиться на все, что предложил Образцов, и сверх того обещал быть завтра (т‹о› е‹сть› 26-го, сегодня) у меня. Теперь уже седьмой час, но он не был. Полагать надо, что они получили, но или Ольга Кир‹иллов›на закапризилась, или дела задержали (а дел у них по выкупу вещей бездна), и будет или поздно вечером (только меня не застанет), или завтра утром.

Голубчик Аня, мне кажется, он не в состоянии будет *помочь нам*, как мы с тобой рассчитывали: тут Ольга и многое кое-что другое.

Между тем завтра вексель Печаткина, 30 №, а к 1-му все сроки долгов.

Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Все говорил, много сообщил, и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом и, так как, кроме служанки, в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. То-то увидал бы Владиславлев.[252] На острове Вайте читал мое Преступление и Наказание (в 1-й раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, которого сопровождал в Англию.[253] Следственно, дела еще не совсем очень плохи. (Пожалуйста, не болтай, голубчик Анечка).

Я за болезнию и за статьею о Тютчеве (умер), присланною Мещерским,[254] бросил мною начатую статью. Но следующий № во всяком случае должен выпустить сам, а потому в субботу ни за что не могу выехать и всю неделю буду писать политическую статью. Я дал слово Мещерскому; между тем никогда в жизни не писал политических статей. Газет надо перечесть десятками. Да и боюсь, чтоб не разболеться. Зато в следующую субботу (в августе) приеду непременно. Да и пальто теплое будет. Знаешь, Аня, я ведь знаю, когда простудился. Это было в три часа ночи на станции Новгородской дороги при переходе на Николаевскую, тут пришлось $1^1/_2$ часа ждать, и я провел их на платформе в ужасный холод и туман. Тогда и подумал: а ну как простужусь. Все были или в пледах, или в теплом пальто, а я один только в летнем.

Береги себя, голубчик. Если получу, пришлю тебе деньжонок. Целую детей 1000 раз. Говори им обо мне. Скажи Любочке, чтоб не тужила и ждала меня, и что приеду надолго. Федю милого расцелуй и не давай ему забыть меня. До свидания, мой милый Ангел. Дел у меня бездна — бездна! Этот раз целый № прокорректовать *по-редакторски*, т<о> е<сть> переправляя. Это ужасная работа. Напишу тебе, вероятно, хоть две строки в субботу или в воскресенье, если хоть что-нибудь узнаю об Ив<ане> Г<ригорьеви>че. Целую вас всех. Любите меня.

Тв<ой> Ф. Достоевский.

А ужасно, ужасно надо бы тебя видеть, несмотря даже на лихорадку, которая в одном отношении даже облегчает меня, удаляя...

До свиданья, голубчик.

Пиши о себе. Какое же твое горе?

Дождусь ли ответу? Дела не читай.[255]

53. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› Старая Русса. 26 июля. Четверг, 1873 г.

Как мне тебя жаль, мой дорогой и милый Федичка! Ты в таком унынии и в таком тяжелом настроении духа (сужу по полученному сегодня письму), что если б была какая возможность, я непременно бы приехала тебя повидать. Успокойся, дорогой мой Федя! Дети совершенно здоровы, и Федя в ночь с субботы на воскресенье не падал с 4-го этажа, а спал преблагополучно в постельке.[256] Милый мой, прошу тебя, не верь ты снам и предчувствиям; будь спокоен, у нас все будет благополучно. Я даю тебе слово, что если кто захворает, непременно тебя известить. Я сегодня весь день печальна и все от твоего письма; ты мне кажешься таким убитым и печальным, что я себя упрекаю, зачем мы сюда поехали. Милый мой, мы ведь опять скоро будем вместе и заживем семьей, дай только ребятишек немножко вылечить. Впрочем, нам не приходится теперь ходить на ванны, так как довольно сыро, а я боюсь простудить детей; будет еще хорошая погода, мы еще успеем взять свои 10 ванн. Когда я рассказала о твоем сне, то Люба сказала: напиши папе, что меня никто не бил и не станет бить. Ребятишки эти три дня на двор не выходят, а играют дома; Федя раскладывает карты по ковру и гадает; говорит: долога, тли (3) дологи, папа ну-ну-ну, значит, дорога, папа приедет. Потом заложит руки за спину, гуляет и говорит: мама, гляди, Федя фодит. Он необыкновенно вежлив и говорит мне: встаньте, идите, а не иди. Он вдруг полюбил яйца всмятку и говорит, что ему «ряпка коку даля». На днях Люба, кушая сама говядину, кричала на Федю: Федя, что ты говядины не ешь! Я спрашиваю: да тебе-то что за дело? — Да мне его жалко! — Отчего жалко? — Если он говядины не ест, то Шенк его возьмет к себе в больницу, а мне его жалко. Играем дома в коршуны, причем коршун Федя преважно роет ямку и отлично отвечает на вопросы, зачем ему нужны камни. Детишками я очень довольна. Продолжаю читать Дело и пришла к убеждению, что все женщины должны сделаться медиками;[257] думаем с Любочкой осенью поступить в Мед‹ицинскую› Академию. Что касается моего горя, которое тебя так напугало, то я очень жалею, что написала. Я не думала, что ты так примешь к сердцу, тем более что писала, что оно относится до меня одной. Федя меня ударил нечаянно так сильно, что сломал мне зуб, правда, не на виду, но это меня до того опечалило, что я в первую минуту чуть не упала в обморок. Теперь я равнодушнее отношусь к этому несчастию. Я послала тебе письмо во вторник, но так как ты приказал мне написать немедленно, то я и исполняю приказание моего повелителя. А знаешь, мой дорогой дружок, мне все кажется, что ты приедешь в это воскр‹есенье›, хотя ты этого не обещаешь? А как бы было хорошо. Буду ждать с нетерпением след‹ующего› письма, а до тех пор не успокоюсь об тебе. Прокл‹ятый› Клейн, нужно было уехать; просто денег нет. Как жаль, что ты сам не пошел, ты бы мог потребовать остальные экземпляры для про-

верки, может, у него проданы 80, а не 50.[258] Они бы посовестились не показать, тем более что таково было наше условие. Во всяком случае непременно в первых числах сходи к ним и потребуй деньги, чтобы долго за ними не оставлять. Кланяйся маме и Ване. Целую и обнимаю тебя много раз, биллионы раз, думаю, люблю, но *не верю* моему супругу; Федя говорит, что папу люблит (любит).

Остаюсь твоя любящая жена Аня.

Милый Федя, у меня часто по тебе сердце болит.

54. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 29 июля <18>73.

Милый мой голубчик Аня, вчера получил твое милое письмецо. Пишешь, что ждешь меня сегодня (воскресен<ие>). Нет, милая, никак нельзя: дела такая бездна и все такой гадости! Теперь налегла на меня переписка с разными авторами и опять с Мещерским. Это все время и все соки у меня отнимает. Прошлую неделю начал писать статью и должен был бросить из уважения к Мещерскому, чтоб поместить внезапно присланную им статью о смерти Тютчева, — безграмотную до того, что понять нельзя, и с такими промахами, что его на 10 лет осмеяли бы в фельетонах. Сутки, не разгибая шеи, сидел и переправлял, живого места не оставил.[259] Напишу ему прямо, что он ставит меня в невозможное положение. Между тем к следующему № надо начинать уже другую статью, политическую. Таких статей я никогда не писывал. Мало того, что сегодня я к вам не приехал, но даже и за следующую субботу боюсь, так как у нас теперь в типографии раньше часу пополуночи не готовы с №. Впрочем, наплевать на №, они рассердят меня, наконец, окончательно. Даю слово, что приеду, если не в воскресение, то в понедельник. Вот только погода ужасно изменчивая, дожди. Дай-то бог хорошеньких деньков к тому времени.

Обнимаю тебя и целую, голубчик мой, тебя и детишек. Жаль мне вас, и что я не с вами. А детишек-то как жаль, а тебя-то как бы хотел обнять. Здоровье мое лучше, лихорадочное состояние совсем прошло, но желудок и утомление — вот что не прекращается.

Наконец-то вчера, 28 числа, зашел ко мне Ив<ан> Гри<горьеви>ч, а то, получив деньги, все не заходил. Каналья Образцов их обрезал ужасно, причел какие-то проценты — одним словом, досталось им всего — вексель до марта в 80 000 и только 13 000 руб., да и то сериями. Ив<ан> Гр<игорьеви>ч меня спрашивал, сколько бы мне надо было. Я повторил по возможности весь наш расчет, помнишь, в парке на лавочке, но теперь сказал, что мне нужны, по крайней мере, 2000. Он сказал, что подумает. Я очень не просил. Но сегодня приходила Анна Николаевна и

говорила, что деньги выходят ужасно, что он уже 7000 заплатил и что Ольга не знает про бо́льшую часть этих долгов, что деньги исчезают, и мельком сказа́ла, что Ив<ан> Г<ригореви>ч может дать разве 1600. (Ив<ан> Гр<игорьеви>ч вчера, уходя, сказал, что посоветуется с мамой). Вчера же он мне дал 60 р., которые у меня занял, и 200 руб. (а главные [это] деньги после 1-го августа). Из этих 260 р., с теми, что у меня оставались, я заплачу завтра за №, вчера выкупил часы, дал вперед за статью 25 руб. Страхову (который воротился) и сверх того останется у меня руб. до 70. — Вот положение дел. Я очень понимаю, что у них деньги выходят. Но каково же иметь Варгунина, Замысловских, Тришиных, Печаткина,[260] хозяйство и деньги тебе — на шее, и так, что отложить нельзя, а вынь да положь, и главное, ни на кого не достанет. А до марта у них уже не будет ни копейки. Тяжело нам будет с тобою, Аня. Еще тяжелее моя работа, которая так мало дает мне и убивает меня, так что я надолго не способен буду что-нибудь делать, чтобы нажить хорошие деньги. А долги наши все растут, да растут. — Я предчувствовал, что на Ив<ана> Г<ригорьеви>ча надежда плоха.

Они ищут квартиру и собираются прожить еще зиму в Петербурге, потому что если бы даже хотели, то и тут не в состоянии бы были купить именье теперь, осенью, чтобы переехать прямо в него,[261] так как денег нет, а есть только билет, который нельзя разменять без очень большого урона. Анна Николавна ходит и ищет квартиру. Ольга уже некоторое время больна странною болезнию: она вся в чирьях, покрыта огромными чирьями по всему телу, но не по лицу.

Ну вот тебе отчет о положении дел. Я и представить себе не могу, что скажут Варгунин и Замысловский, когда придешь к ним с половинною уплатою.

Приходил Страхов, просидел до $\frac{1}{2}$ 12-го, и я должен поскорее дописать и снести в ящик. Представь себе, только что я это написал, так и вспомнил, что марки у меня нет, позабыл купить, и, стало быть, письмо мое не пойдет завтра, а теперь ночь. Ах, как это досадно! Ты бог знает чего надумаешься, не получая от меня ответа. И зачем я вчера не написал или сегодня утром! Ты не поверишь, как меня это расстроило. Ах, как скверно, что Страхов задержал меня! Цалую тебя, ангел мой, бесконечно. Ты не можешь представить себе, какая мне тоска. Я думаю, это лето отзовется на моем здоровье зимою. Цалуй детей. Бедные, не могу я их видеть и слышать, поневоле снятся мне во сне. Цалуй их. Таким образом, это письмо ты получишь, пожалуй, в четверг. Ведь к вам по *четыре* дня ходят письма, точно в Одессу. Послать в Москву завтра, в среду утром получится, а в Старую Руссу придет в среду, а принесут тебе в четверг. О, как несносно жить! У меня сто мелких глупостей по журналу, о которых я должен помнить поминутно, и вот забыл о марке. До свидания, милая моя. О, если б поскорее этот чертов год кончился!

Цалуй детишек, люби их, обходись с ними нежно, а я тебя — за это буду вечно любить. До свидания, обнимаю тебя. К воскресению наверно жди, а к тому времени, может, и еще напишу.

Твой весь Ф. Достоевский.

55. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 10 августа <18>73.

Милая Аня, вчера прибыл в Петербург, много перенеся дорогою, главное, усталости, и даже сегодня нездоров, а вчера решительно был болен. Расскажу по порядку. Извощик ехал превосходно, менее чем $1^1/_2$ часа, и дорога прекрасная и веселая, — поминутно деревни. Звад[262] стоит на припеке, тени нет, строение богатое, живут зажиточно, но вонь во всех домах (чрезвычайно в то же время чистых) нестерпимая. Пахнет вялеными снетками, ибо в каждом доме, под крышей, устроено вяление снетков. За постой ничего не взяли, за стакан чаю (весьма хорошего) 10 к. и за рюмку водки 5. Но зато с 11 часов и почти до 5 надо было ждать парохода. Сверху зной и припек, а с озера ветер. Пароход сначала прошел мимо, чтоб отыскать трешкот, а потом уже обратно взял нас. Те, которые ехали на трешкоте, рассказывали потом буквально ужасы. С 9-ти часов до 4-х их тащили, зной сверху и ветер с озера, и шевельнуться нельзя, и ни одного куска хлеба, даже воду надо было тут же доставать из озера. Все, буквально все, проклинали трешкот. Затем в $^1/_2$ двенадцатого пустились из Новгорода, и одна чертова кукла, дама из любезных, протрещала всю ночь визгливым подлым языком с своими кавалерами, так что я ни одной минутки даже вздремнуть не мог. Кстати, Аня, знай, что когда повезешь детей, то нужно очень, очень укутывать. Час слишком, когда ждут Николаевскую дорогу (в Чудове), ужасно холодно и сыро. Мне в теплом пальто стало холодно. В вагонах же духота и жара, а тут вдруг на этот холод отворят окно. В дороге мы простояли $1^1/_2$ часа, потому что с поездом, шедшим впереди нас, что-то случилось. Приехали в Петербург уже в 11-м часу. Дома у меня Александра все вымыла и вычистила. Хозяин дурит, вчера съехали еще жильцы и приехали другие. Дворники грубы ужасно, не позволяют дома стирать даже самых мелких вещей и за каждую услугу требуют особой платы. Сложить дрова или принести — они на это только смеются, не наше, дескать, дело. Мещерского я застал, очень был любезен, но вчера же уехал. Про редакционную квартиру ничего не решено. Пуцыкович ищет, чтоб нанять тут же и для себя. Статей отсмотреть приходится бездна, меж тем ничего еще не готово. Вчера после обеда успел заснуть два часа, но встал в ужасной лихорадке, в ознобе и жаре. Сел за работу и, когда кончил в три часа ночи, то, вставая с кресел, зашатался и повалился в кресло обратно. Никогда еще у меня так не стукала кровь в голову. Ночью спал долго. Теперь чув-

ствую лихорадочное состояние и, кроме того, ужасно кашляю. Дни хорошие. Ночью валил дождь.

Вчера в редакцию ко мне зашла Анна Николавна и пробыла минутку, чтоб отдать деньги. Спросила о тебе. Вчера, когда я спал, приходил от Вольфа[263] с требованием 25 экземпляров Бесов и оставил бумажку, т<о> е<сть> требование. Александра сказала, чтоб зашел завтра (сегодня) от 12 до 2-х. Теперь третий час, но он еще не заходил. Значит, бесочки-то опять пошли и ведь без малейшей публикации, заметь себе.[264]

Сегодня рано утром заходил Ив<ан> Гр<игорьев>ич — хотел зайти потом. Я спал и не видал его.

Аня, голубчик, имей в виду, что погода может перемениться, что сообщение может измениться и проч. и проч. и потому, если к 20 числу будет стоять погода очень хорошая, — то и переезжать бы вам. Три-четыре дня не придадут здоровья детям.

Кстати, захвати на всю дорогу провизии. Этот обратный путь так лежит, что в Новгороде, например, если не идти в гостиницу Соловьевых, — то ничего буквально, кроме чаю, не достанешь, а во время пути, даже в Любани, кроме кофею и чаю, нет ничего. И, ради бога, не простуди детей. Да непременно найми прислугу, как ты хотела.

Цалуй деток милых, Любку и Федю. Все они мне мерещутся и всю дорогу мерещились. Прощай, обнимаю тебя, ну что если август изменится к худшему. Теперь пока хорошо. Ужасно много воротилось в Петербург, совсем не те улицы.

Пишу тебе отрывочно и кое-как. Не взыщи. Все голова кружится. Потею. Купил pastille d'Ems, но не помогают.

Цалуй моих ангелов и люби их.

Твой весь Ф. Достоевский.

Пиши. Хватит ли денег. Цалую тебя.

56. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 13 августа. Понедельник. <18>73.

Милый мой голубчик Анечка, получил твое милое письмо,[265] и очень мне грустно было читать, как детишки заплакали, когда я уехал. Милые голубчики! Скажи им сейчас же, что папа их помнит, цалует и в Петербург зовет. Обнимаю и цалую их беспрерывно и благословляю. Я, Аня, все нездоров: нервы очень раздражены, а в голове как туман, все точно кружится. Никогда еще, даже после самых сильных припадков, не бывало со мной такого состояния. Очень тяжело. Боюсь очень за голову. Сам не понимаю, что со мной делается. Точно сон и дремота, и меня все разбудить не могут. Отдохнуть бы надо хоть недельки две от работы и заботы беспрерывной — вот что. Ближайшая же причина, полагаю, в том, что еще не очнулся от припадка, ни разу не успев выспаться — то дорога, то всякие излишества, то опять дорога, а потом тотчас здесь уси-

ленные занятия, не спанье. Очень, очень боюсь, чтоб не случилось еще припадка. Ты, Аня, верно (*зачеркнуто несколько слов*) думаешь, что припадки мои как прежние, а я наверно знаю, что, случись теперь вот в это время еще припадок — и я погиб. Удар будет. Я слышу это, я чувствую, что это так. А между тем работы бездна, а забочусь я все один, все один. Особенно эта неделя чрезвычайно тяжела для меня, все-то сотрудники манкировали, и я один вертись за всех.

За 25 экземп<ляров> Бесов от Вольфа получил 61 р. 25 к. А от Клейна вчера получил лишь 75 р., а остальное после. При этом он сделал мне нестерпимую грубость, за что я сильнейшим образом осадил его, так что он мигом притих и, вероятно, будет знать теперь, с кем имеет дело. Остальное он отложил до 20 августа, но я сказал, что приду 1-го сентября, но с тем, чтоб мне доставлен был полный счет экземплярам, которые будто бы никак нельзя сосчитать, т<о> е<сть> в точности узнать, сколько всего продано. Из-за этого и спор вышел. — Ив<ан> Григ<орьеви>ч хотел совершить какую-то доверенность на мое имя. Дело состоялось иначе, но паспорт мой, который он взял себе, остался у него. Завтра же он, кажется, едет из Петербурга, и я очень забочусь о моем паспорте, ибо полагаю, что он забыл его у меня в редакции на столе, думая, что отдал мне. А в редакции паспорта уже нет. Боюсь очень, не пропал бы. — Третьего дня приходит ко мне Жеромский. Дело пошло в охранительном порядке, точь-в-точь как предсказывал Поляков, и, стало быть, очень пока неудачно для Шеров. Но Корш,[266] адвокат Шеров, очевидно уже сделал предложение Жеромскому и подкупил его, и тот пришел ко мне с предложениями: не желаю ли я допустить Шеров к наследству и тогда мирно покончить. Я сказал, что нет, и подожду Полякова (о котором ни слуху ни духу). Между тем я еще недавно слышал, что Коля[267] болен очень. Спрашивал Жеромского, уже провожая его в дверях, как здоровье Коли? — О, нет никакой надежды. — Что вы? Что с ним? — У него рак в заднем проходе (последняя степень геморроя, перед самою смертию). Я слышал от Барча, он только что его освидетельствовал. К сентябрю умрет непременно. — Можешь себе представить, как меня поразило! Вчера же (в воскресение) и поехал к Коле. Он здоровее, чем когда-нибудь. Правда, был недавно болен так, что, Саша[268] говорит, боялись, чтоб не помер, серьезно. Но теперь здоровее прежнего, никогда никакого рака не было, и никогда никакой Барч его не свидетельствовал. Можешь себе представить, как врет и может врать этот подлячишка Жеромский.

Мы с Колей очень согласно проговорили. Обедал я у Саши (чванилась) и насилу-то, подконец, об тебе спросила и о детях, уже после обеда. (А ты все первая лезешь с визитами). Дрянь людишки, дрянь, кроме Коли. Хотел было, кстати, зайти и к Паше (наконец-то), и вдруг как раз он переехал, таинственно и никому не сказавшись, трепеща Тришиных, в Николаевскую улицу, рядом с прежней квартирой Ив<ана> Гри<горьеви>ча. Однако я все-таки отыскал их вчера в Николаевской улице и просидел у них час. Паша чего-то объелся, и его при мне рвало, и вообще

он ужасно смешон в недрах своего семейства. Прятанье в квартире от Тришиных — совершенный водевиль. Дочка их, бедненькая, такая худенькая и такая хорошенькая! Так мне ее жалко стало. Домой воротился в 9 часов, измученный, и просидел до 5 утра за чтением статей. — До свидания, Ангел милый, целую твои руки и ноги и желал бы, чтоб ты меня хоть на десятую долю так любила, как я тебя люблю, не на словах только. До свидания. Такое маленькое письмо, а ужас как утомило меня. Цалуй детишек-ангелов, богов моих.

Твой и ихний весь Ф. Достоевский.

57. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 15 августа <1873.>

Сейчас, голубчик мой Аня, воротясь домой, получил твое письмо[269] и очень испугался, видя из него, что ты так опасаешься за мое здоровье, и потому, [еще] не садясь за обед, спешу ответить тебе, чтобы ты не решилась, пожалуй, ко мне приехать раньше срока и тем повредить детишкам и их ваннам. Уведомляю тебя, голубчик, что мне совсем теперь легче, я нисколько не ошибся, объясняя тебе в прошлом письме, в чем дело: просто после припадка не отдохнул, в Старой Руссе предавался *излишествам*, — нормальным в обыкновенное время, но не нормальным после такого нервного потрясения, как припадок. Затем опять езда (всего более утомляющая), и здесь возня с №, т<о> е<сть> неспанье опять. Вот почему чуть было и не упал в обморок. И признаюсь, слабость сил продолжалась долго, всего два-три дня, как я совершенно вошел в себя. Но теперь, кажется, я опять по-прежнему и чувствую себя и сильным, и свежим. Вот и все, а потому беспокоиться нечего. То̀, что ты пишешь о 24-м числе, совершенно для меня ясно, и я в высшей степени с тобой согласен. Да и недолго ждать, всего девять дней. Только все-таки беспокоюсь, как-то ты довезешь детей? Аня, собрази, что я скажу тебе: Наталью не привози, выбери прислугу более нянюшку, чем кухарку (ты мне говорила про какую-то на ваннах, к которой дети привыкли), а здесь я говорил Александре; она очень не прочь остаться в *кухарках*. Не думай, чтоб она не была работящая, лучше еще других и совершенно честная насчет денег и чистоплотная. А что же делать, если она готовит так, что я все могу есть. Таким образом, у нас будут на первый раз: кухарка, горничная, которую привезешь, т<о> е<сть> будущая няня, и Прохоровна, покуда можно, покуда дети к той не привыкли. Вот как я рассуждаю. Сама увидишь, что будет хорошо. Попробуй-ка так.

Теперь середа вечером, и я до субботы буду, не разгибая шеи, сидеть. Так сошлось, что на этот № вся корректура (редакторская) моя, а потому до субботы и писать тебе не буду. Не беспокойся же обо мне, голубчик, будь здорова, проживите этот остаток лета весело. Цалую тебя

крепко и детей, Любу и Федьку, ангелов. — Ив<ан> Григорьевич вчера уехал в Москву и далее выбирать именье — примерно до 20 сентября. Цалуй деток милых, будь весела, голубчик ты мой, обнимаю тебя бессчетно раз. — (Полнокровия у тебя нет, а просто что-нибудь расстроено, потому и кричишь по ночам).

Твой весь Ф. Достоевский.

58. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Петербург.> Старая Русса. 16 августа 1873 г.

Никогда во всю мою жизнь, милый и дорогой Федя, не была я так испугана, как сегодня утром. Часов в 9 я получила твое письмо, которое меня просто поразило: видно было, что ты нездоров и даже, пожалуй, сильнее, чем ты пишешь.[270] Даже почерк изменился, видно, что писал слабою рукой. Я ужасно перепугалась, тем более что с понед<ельника> ты мог еще более расхвораться. Я решила тотчас отправить телеграмму и спросить, лучше ли тебе, и если не лучше, то хотела выехать завтра в Петербург. Я живо собралась, но только что вышла в переднюю, как вошел посланный с телеграммой. Я так была болезненно настроена, что, увидав телеграмму, просто сошла с ума; я страшно закричала, заплакала, вырвала телеграмму и стала рвать пакет, но руки дрожали, и я боялась прочесть что-нибудь ужасное, но только плакала и громко кричала. На мой крик прибежал хозяин и вместе с телеграфистом стали меня успокоивать. Наконец, я прочла и безумно обрадовалась, так что долго плакала и смеялась. Так как я об тебе беспокоилась, то при виде телеграммы мне представилось, или что ты очень плох, или даже умер. Когда я держала телеграмму, то мне казалось, если я прочту, что ты умер — я с ума сойду. Нет, милый Федя, если бы ты видел мой ужасный испуг, ты не стал бы сомневаться в моей любви. Не приходят в такое отчаяние, если мало любят человека. Но теперь я совершенно спокойна насчет тебя, только умоляю тебя — береги и не напрягай своих сил. Я стала просто ненавидеть Гражданин за то, что он требует так много работы. Эх, лучше бы от него отвязаться![271]

Мы, слава богу, здоровы, а ребятишки очень веселы. Гуляют свои последние дни. Погода чудесная, но слышен холодок. Если ты поправился, то мы останемся до 23 или 24 числа. Федя очень много говорит, напр<имер>, огонит* нас, Федя лягит пать (спать) или мама, сядьте на пол, кьест (кресты) идет, богу в церкви поцалуйте кьест, и дает цаловать книгу. Вообще ужасно много и связно говорит. Лиля очень зовет в Петербург к папочке. Послезавтра кончаем ванны. Больше ничего не могу написать, так как после сегодняшних волнений совсем больна. Повторю только, что у нас все благополучно как нельзя более и что мы

---

* *Над словом* огонит *слово* догонит.

мечтаем о приезде в Петерб<ург>. Денег у нас довольно, берегу их очень, береги и ты. Цалую и обнимаю бесчисленное число раз, люблю так, как только можно любить, всей душой, всем сердцем; ужасно мне жаль, что ты мне не веришь и думаешь, что я мало тебя люблю; если б ты хоть в половину так меня любил — я была бы счастлива. Цалую тебя еще раз. Твои Аня, Люба, Федя.

59. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› ‹Петербург.› Воскресенье 19 августа ‹18›73.

Очень мне жаль, милый дружочек мой, что так напугал тебя. Это вот как вышло: 15-го, кажется, или 14-го я от тебя письмо получил и увидел из него, что ты очень о здоровьи моем беспокоишься. Я и написал тебе тотчас, что я уже поправился (чтó и правда было) и все приписываю излишествам и усталости. Письмо отправил и с 15 на 16 проработал всю ночь, а как стал поутру ложиться и уже лег, в 5 часов, вдруг вспомнил, засыпая, что ты писала в письме, что выезжать из Руссы надо или 24-го, или 16—17-го, потому что 19-го все бросятся ехать и тесно будет. Я и подумал: вот она о здоровье моем беспокоится, письмо-то мое еще когда-то придет, а получит мое 2-е (тревожное) письмо, да и решит вдруг сгоряча ехать 16—17-го. Между тем погода великолепная, значит, лишить детей, раньше времени, воздуху. В Петербурге жарко, пыльно. Вскочил с кровати, приготовил телеграмму, оделся и снес ее в телеграф, благо в двух шагах, и сдал без 10 минут 6 часов, рассчитывая, что если б ты и сегодня, 16-го, ехать захотела, то все еще тебя телеграмма может застать в Руссе и остановить поездку. Вот каким образом все это вышло. Признаюсь, была у меня мысль: а ну как ты испугаешься! Да все-таки не думал, чтоб до такой степени. Живите себе, голубчики, там, докуда можно, ну а в конце-то месяца приезжайте. Я, Аня, очень много думаю о вашем путешествии. Теперь вот погода хорошая. По моим расчетам к 25 будет луна к полнолунию и ливмя дождь. Для детей надо иметь про запас настоящую зимнюю одежду. А в вагонах нужно спорить за места, настаивать. Только случаем иногда найдешь хорошее место. На Николаевской хуже всего в этом отношении.

Я, Аня, ужасно занят работой, все больше чужие работы переделываю, редактирую просто как каторжный. Сам своему здоровью дивлюсь, что все это выношу. Об 1000 мелких хлопотах тебе и не пишу; но есть, Аня, крупные хлопоты, серьезные, и все эти я предвидел заране. Серьезнейшее дело теперь — это наша квартира. Нельзя оставаться, Аня, говорю не горячась, с рассудком. Я пересказывал дело Анне Николаевне, и она говорит что нельзя оставаться. Сливчанский[272] — это какой-то помешанный (я серьезно это думаю). Он нам в декабре скажет: съезжайте, безо всякой причины, и выгонит нас на улицы. У Александры паспорту срок вышел. Паспорт ее он сам видел и знает, что она

не бродяга. Она переслала паспорт в Кронштадт градскому главе и деньги для высылки нового и получила почтовую росписку, что паспорт принят. Но из Кронштадта вот уж 2 недели ни слуху, ни духу. И вот Сливчанский пристает к ней и грозит прогнать из дому. Сегодня встретил ее и говорит: «Я твоему барину такое письмо напишу, что увидит!». Каково же это с жильцами поступать, коли гнать от них прислугу из пустяков, за которые уж он ни за что отвечать не может. Третьего дня, из редакции, Гладков[273] прислал мне, только что полученное, чрезвычайно важное от князя на мое имя письмо. У нас в редакции, кроме человека прислуживающего, есть еще рассыльный, и ходит он нарочно по распоряжению князя в русском платье с бородой, но в щегольском платье и в щегольских сапогах. Рассыльный спешит ко мне с большим запечатанным пакетом в руках, входит на лестницу, хочет позвонить — и вдруг хозяин идет сверху с лестницы: «Как ты смеешь ходить по парадной лестнице! Ты мужик! В мужицком платье не ходят по этой лестнице! Марш с черного хода!». Схватил его за рукав и стащил с лестницы, и тот должен был идти через двор с черного хода. А между тем видел же письмо в руках. Согласись, Аня, что иные могут и обидеться, например, если б был здесь Мещерский, а те, которым не очень нужно, пожалуй, бросят и не пойдут отыскивать черный ход. Посыльные из книжных лавок за книгой, пожалуй, и уйдут. Да и не дозволит хозяин, если только узнает, отпускать книгу через парадный ход. Встает чем свет и целый день ходит по всем лестницам и по всему дому, шпионит и порядки производит. Я хотел было к нему идти и объясниться о р а с с ы л ь н о м, но рассудил, что ведь он тотчас же скажет мне: съезжайте. И до твоего приезда решился было сносить. Но вот сегодня опять стеснение: Александра по праздникам иногда (очень редко) отпрашивается в гости. А так как мне тоже надо уходить, то я, выходя из квартиры, запираю квартиру на замок и ключик оставляю у дворника, чтоб если я или А л е к с а н д р а раньше меня воротилась, то ключ всегда бы найти у дворника, чтоб можно было в квартиру войти. Так и было раз, недавно, дня 4 тому, что я оставил ключ у дворника. Он узнал об этом и тотчас же запретил дворнику брать у меня ключ. Таким образом я теперь, уходя из дому, когда Александры нет, должен буду ключик оставлять в нужнике, в известном месте на полке. А ведь это все-таки риск; ведь у меня редакционные деньги в квартире остаются! Если он наших детей увидит на дворе, он непременно за что-нибудь придерется и закричит на няньку, что и делал с другими: ведь я уж все равно тогда исколочу его. И потому я положил съехать во что бы ни стало. Беспрерывный страх во всю зиму и беспрерывная боязнь ссоры — да ведь я от этого болен буду при моей впечатлительности! Эх, Аня, я видел, что за человек, когда мы, помнишь, были у него, и он, из-за кошки, сказал нам: «Ступайте». Знай тоже, что теперь цены на квартиры сравнительно с прошлой зимой еще поднялись на 30 процентов. В жильцах он уверен, вот и кутит. Я положил, что хоть бы 900 руб. заплатить, но съехать! Положительно говорю — не хочу оставаться на этой квартире. Что за квартиру [навер-

стаем] переплатим, то на другом наверстаем: на здоровьи детей и на моем спокойствии. При спокойствии я больше и лучше могу писать. (*Полторы строчки зачеркнуто*). Говорю тебе, что больше наработаю при спокойствии. (*Полторы строчки зачеркнуто*).* Я не вступался, не объяснялся с хозяином, даже прячусь от него, несмотря на придирки с его стороны, потому что боюсь истории. Вчера я видел квартиру близ Владимир<ской> церкви — очень хорошенькую, но 900 руб. Посмотрю еще. Желал бы нанять хоть на Песках, только бы не жить в этом доме! Ужас для меня — книги. Ну как это перевозить.

До свидания, голубчик. Если пишешь, что любишь меня, то вникни в наше положение, поразмысли. Ведь после худо будет, коли зимой он нас сгонит. (*Полторы строчки зачеркнуто*).** Да и квартира-то уж как скверная и тесная, а детская комната и твоя — затхлые. Наша столовая по ступенькам никуда не годится: ничего там нельзя сделать. До свидания, обнимаю тебя. Если отыщу квартиру, оставлю за собой и задаток дам, не ожидая тебя, потому что квартиры с каждым днем разбираются. До свидания же.

Тв<ой> весь
Ф. Достоевский.

Если отыщу квартиру перед самым твоим выездом из Руссы, то телеграфирую тебе адрес новой квартиры. Но не думаю, чтоб я, до приезда твоего, и переехал.

Анна Николавна и Ольга Кирил<ловна> уже переехали на новую квартиру (900 р.) близ Технологического института. Все без нянек, ищут нянек. Ив<ан> Гр<игорьеви>ч уехал уже дней 5 и писал им из Москвы. Гриша сидит, закрывается ручонками и плачет о тяте, ходит, ищет его, — даже боятся за него. У меня был некто (*зачеркнуто пять строчек*), он говорил мне, что уж искал. С виду из тех, которые свои деньги, если захотят, добудут.

Обнимаю тебя еще раз и Любу и Федю.

P. S. Сейчас принесли твое письмо, и я должен был разрывать уже запечатанный конверт, а у меня совсем времени нет. Вот что о кухарке: я ведь сам не знаю, что будет потом. Александра хорошая работница, очень, и стряпает хорошо. Очень хорошо себя держит и ведет, но, опять-таки, вынесет ли она всю нашу семью и останется ли потом, когда будет потруднее — не знаю. И потому, если только найдешь не вздорницу, чистоплотную (это 1-е дело) и которая хорошо готовит (слышишь?), то нанимай и приезжай с ней сюда. Вот последнее мое слово. Тогда Александру отпустим. (В ней есть и недостатки,

---

* *Первые несколько слов не разобраны, затем следует:* нельзя обвинить в том, что вздорный.

** *Первые слова не разобраны, затем следует:* не будешь так противиться. А потом беда.

слишком, н<а>пр<имер>, чувствительна, но *не белоручка*, далеко нет). Итак привози свою. А Прохоровну, если только возможно это, я бы навсегда оставил! Поговори с Ан<ной> Николавной и с Ольгой Кирилловной! 6 нянек переменили и не могут найти. Дети беспрерывно в ушибах и колотушках. Обе они говорят, что у нас Прохоровна клад.

Твой весь
Ф. Достоевский.

P. P. S. Сейчас иду со двора и, так как Александры нет, то распрятал все деньги по всем углам квартиры, а ключик в условном месте в сортире.

Цалую детей, благословляю их и обнимаю! До свидания — Любу, Федю. Вчера приходила ко мне Ольга Кирилловна одна, сидела и пила чай. Приходила, собственно, узнать от Александры о служанке, которую та обещалась Анне Николавне найти для них.

60. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. Понедельник, 20 августа <18>73.

Милая Анечка. Боюсь, что ты рассердилась на меня за квартиру; между тем, кто же себе злодей, и почему не искать лучше, если можно. Сегодня Анна Николавна сообщила мне адрес квартиры, ею для нас отысканной, на углу Николаевской и Разъезжей, без контракта, 4 комнаты (2 больших), 700 руб. — Но я еще вчера отыскал квартиру почти подле нас, на Лиговке же, но по другую сторону Невского проспекта, ровно в таком же расстоянии от Невского, как и теперешняя наша квартира. Так что мы будем жить почти на Невском. Это по другую сторону Лиговки, сейчас из вокзала взять налево, № 28, дом Ногиновой. Тут нет такой езды и грому, как теперь подле наших окошек, где с 4 часов утра везут возы на железную дорогу. Там тихо, и дома все барские, красивые. Квартира на дворе, но сейчас же из ворот. Прекрасный и глубокий двор. На нем еще каменный дом и флигель. Чистота и порядок. И тут же на дворе сад, с тенью, цветами, *пребольшой*, немного разве меньше, чем у вас в Ст<арой> Руссе у Гриббе. Детям полный вход. Это *очень* хорошо. Квартира в 3-м этаже, но по-настоящему она во 2-м, всего две маленькие лесенки. Подыматься *не выше* как теперь у Сливчанского, ни одной ступенью. Вход у Сливчанского лучше, но и здесь чистый и светлый. Затем квартира чище и новее Сливчанского, хотя дом старый и сухой, комнат 5 и больше Сливчанских. Полы паркетные. 1-я комната больше, чем зала у Сливчанского, 2-я, гостиная, капельку разве менее, чем зала у Сливчанского, затем столовая, маленькая, но прекрасно устроенная, затем твоя комната [немного] не маленькая, и

Петербург понедельник 20 Августа /73

34

Письмо Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской от 20 августа 1873 г.

въ 3-мъ этажѣ, но по настоящему она
во 2-мъ всего двѣ маленькія лѣсенки.
Подниматься не выше какъ теперь у Слив-
чанского, ни одной ступенью. Входъ у Слив-
чанского лучше, но гораздо чище и свѣтлѣе.
Затѣмъ квартира чище и новѣе Сливчанск.
комнаты гораздо опрятнѣе и сухой, Комнатъ 5 и 3
Полы паркетные. Ра-
больше Сливчанск.
комнаты гостиныя ~~1-я~~ Зала у Сливчанского, 2-я
гостиная кажется вдвое менѣе той Залы
у Сливчанск., затѣмъ столовая, маленькая
но прекрасно устроенная, затѣмъ твоя
комната не маленькая ~~маленькая~~ и затѣмъ комнатки,
корридоръ удивительно удачно расположенный.
Вотъ однако минусъ.

затем комната Феди. Коридор удивительно удачно расположенный. Вот, однако, план.

Из передней — коридором можно входить в столовую и через столовую или к тебе в гостиную (коридор же, повторяю, превосходен), или к тебе в спальню. Днем же через мой кабинет. Одним словом, все крепко, все цело, красиво и приспособлено. Анна Николав<на> находит, что это лучше и удобнее, чем у Сливчанского. Вся квартира больше, чем у Сливчанского. Цена 700 руб. с водою и с дворником. Жильцы в доме все люди почтенные и известные. Тишина и порядок, и два шага от Невского. Заметь себе, что у Сливчанского у нас решительно нет столовой, а здесь столовая отлично расположена, и сверх того для т е б я много помещения. Для детей воздух лучше, места больше и сад; и нет сумасшедшего хозяина.

Есть и неудобства, но вздорные 1) контракт на 2 года. Но это только нам же лучше, ничего нет легче, как сдать квартиру теперь в Петербурге, так и рвут. Во-2-х, все квартиры повысились в цене против прошлой зимы, и на будущий год эта квартира будет стоить уже не 700 а 800 руб.

2-е. Плата вперед за 2 месяца, но я думаю, что это совершенно все равно.

Но я еще не дал задатку. Главное трепещу, чтоб не перебили. Но если и решусь дать, то ни в каком случае не перееду раньше твоего прибытия. N. B. (Контракт на счет хозяина, и квартира будет считаться лишь с 1-го августа [274] или со дня переезда, так что мы почти ничего не потеряем.)

Понимаю, что одно тяжело — это переезд. Но что же делать! Зато на два года спокойны.

Анна Николавна поощряла дать задаток скорее.

Был у Сливчанского. Был очень вежлив, но объявил твердо, что мужиков по лестнице не пустит. Насчет же оставления ключа изменил гнев на милость и согласился, чтоб оставлять у дворников.

Итак, Аня, не знаю, решусь или не решусь. Во всяком случае я еще буду жить у Сливчанского, когда воротишься, и будем до 1-го августа. Много бы надо о квартире переговорить, о чем много и долго писать. До свидания. Это только чтоб тебя уведомить. Я еще Сливчанскому ничего не говорил.

Больше писать думаю, что не буду тебе, да и времени не будет. Жду вас 25-го или около. Анна Николаевна [была очень смущена] (*зачеркнуто два слова*) хочет ехать поскорее в Финляндию. Очень, очень жаловалась на здоровье и, главное, на усталость за все это лето. Действительно, она, бедная, много работала, все за нянек, нет у них нянек. Целую и обнимаю тебя и детей. Благословляю в путь. Ну, дай бог, дай бог.

Тв<ой> Ф. Достоевский.

Редакция помещается в Надеждинской, близко от Невского, так что близко будет от квартиры.

1874

61. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› ‹Москва.› 25 апреля. Четверг ‹1874.›

Спешу тебя уведомить, голубчик Аня, что я в Москву приехал вовремя, но несмотря на то что ехать было довольно удобно и спалось, я все-таки весь разбит, голова тяжела и почти лихорадка. Полагаю, что это все еще вследствие не прошедшего совершенно припадка. Сегодня никуда и не пойду. Письмо пишу, чтоб уведомить, а то и шевельнуть языком, не только пальцем не хочется.

Надеюсь отлично выспаться ночью и завтра встать совсем здоровым.

Здесь хоть и ясно, но так же почти холодно, как и у нас. Деревья голые; в вагонах встретил Мещерского. Верочка только что уехала в Даровое, Соня, Машенька и часть детей в Москве.

Завтра, твердо уверен, окончу дела (т‹о› е‹сть› получением отказа) [275] и как можно поскорее вернусь.

Не думаю, чтоб затянулось дело.

Извещай меня о всем характерном. Очень может быть, что завтра напишу. Может быть, в воскресенье выеду. Если можно, то уведомлю раньше. Завтра решится.

До свидания, целую тебя.

А пока твой

Ф. Достоевский.

62. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› ‹Москва› Апрель 26 пятница. ‹18›74.

Милая Аня, напишу только два слова. — Письма от тебя сегодня не получил, а между тем уже 8 часов вечера. — В таком случае и мое вчерашнее, пожалуй, не получишь вовремя. Хотелось бы что-нибудь прочесть о детках. — Катков был очень любезен и просил отложить ответ до воскресения. Ясно, что хочет посоветоваться с Леонтьевым. *Но не думаю, чтоб согласился*, хотя я его, по-видимому, и не удивил; сам мне сказал, что Мельников [276] тоже 250 р. просит. Боюсь, что на 250 согласятся, а *на выдачу вперед* не решатся. (Может денег не быть).

О подробностях до свидания. Из Москвы, конечно, еще что-нибудь напишу, но выеду, стало быть, не раньше понедельника. Не хотелось бы замедлить еще позже; здесь мне очень скучно. Целую детишек. Пиши о них подробности. Целую тебя очень. Сегодня я здоров совершенно, кроме очень сильного насморка. Удивительно мне, что здесь и горлу моему легче.

До свидания. Целую вас всех еще раз.

Ф. Достоевский.

63. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. Четверг 6 июня. <18>74.

Милый друг Аня, расстался я со всеми вами,[277] и мне смерть грустно. Стою уже второй день в сквернейшем (как оказалось) Hotel Dagmar, и в скверной моей комнате мне мерещутся детки и ты. С дороги же особенно расстроены нервы. Ну вот тебе отчет по порядку.

Вчера приехал в Петербург сонный и решительно исковерканный дорогой и дремотой сидя. В Dagmar остановился потому, что подвернулся первый из Dagmar на станции. Тотчас же, выпив их ужасного чаю, отправился по делам. В редакции узнал, что князь[278] еще в Петербурге, и получил 6 руб. за два Идиота (больше не продано).[279] Затем отправился в Общ<ество> вз<аимного> кредита, где Миша[280] уже ждал меня и тотчас же *сам* отдал мне 2 золотых. Но билета в Вз<аимном> кредите заложить оказалось невозможным, ибо надо быть членом Общества. (Кстати, Шевяков[281] поглядел на меня и даже головой не кивнул; я, разумеется, также). Но Миша предложил немедленно отправиться с ним в Волжско-Камский банк и заложить там. В Волжско-Камском банке дело *тотчас* уладилось, и отчасти благодаря книгопродавцу Надеину,[282] который подвернулся тут в банке, по своим делам, и отрекомендовал меня одному чиновнику, по словам Надеина, «обожателю моих произведений». Заложил я от своего имени. Копию с обязательства, выданную мне, я оставил на сохранение, пока буду за границей, у Миши. Полагаю, что это безопасно, и ты не рассердишься за это: заложено на мое имя, при свидетелях, и по возвращении из-за границы я успею взять копию от Миши. Срок до 5-го сентября, т<о> е<сть> на три месяца; за вычетом % получил всего 117 р. 50 к. Впрочем, если хочешь, я напишу Мише, и он тебе перешлет «Копию с обязательства» в Ст<арую> Руссу. Но, по-моему, не надо. Миша рассказал мне, что в С<анкт>-Пет<ербургских> Вед<омостях> пущено *объявление* Корша и Полякова (впрочем, без их подписи) о продаже Рязанского имения.[283] Сегодня, в четверг, есть оно и в *Голосе*, достань и прочти. Объявление короткое, но пышное.[284] Покупатели приглашаются узнать о подробностях или на Литейную (вероятно, к Коршу), или в Павловск, в Солдатскую слободку, дом Толмачевых. — Миша слышал откуда-то странное известие, что будто хочет купить Губонин[285] (в этой железной дороге имеющий участие) и что ему наши предлагают по 80 р. десятину, все 5000 десятин, и он не прочь. Верно, слух какой-нибудь пустой, но было бы уж слишком великолепно. — Надеин ужасно (до невероятности) увивался за мною, чуть не молился на меня, так что странно было, и предложил мне положительно издать *полное собрание моих сочинений*, уладив все дела по денежным расходам издания, и все только из 5%, и как только он их выберет, то все издание будет принадлежать уж мне. Я ничего не ответил и сказал только, что дам ответ по возвращении из-за границы; он остался очень, кажется, доволен, что я не отказался формально. Об этом, право, можно подумать; впрочем, как ты

решишь, так и будет.[286] Мне кажется (по некоторым данным), что всех их, книгопродавцев, взволновали несколько три статьи обо мне Ореста Миллера в «Неделе» в результате очень хвалебные.[287] Но обо всем этом после. — Затем поехал к банкиру Виникену, и там мне дали на Берлин (а не на Эмс, ибо там нет таких банкиров) перевод. Я перевел 450 руб. за 417 талеров и сколько-то грошей. — Остальные деньги часть променял на наполеондоры (15 штук), а часть русскими кредитками оставил пока на дорожные расходы. — Затем был у Бунтинга, и он переставил пружины.[288] — Затем заехал к Губину,[289] не застал дома, но узнал, что придет домой вечером. Затем был у Страхова и застал у него Майкова, который по поводу среды (Комитет) [290] приехал в город. Майков был как-то холодноват. От Страхова узнал, что Тургенев хочет остаться весь год в России, написать роман и хвалился, что опишет «всех ретроградов» (т<о> е<сть> в том числе и меня).[291] С богом, но осенью надо первым делом отдать ему 50 р.[292] Затем обедал у Вольфа и опять отправился к Губину, и в этот раз застал. Губин говорил, как-то все враждебно относясь к Полякову. Поляков был, по его словам, у него сам, и он сообщил копию с исполнительного листа ему, но что Заенчковский [293] (по словам Губина) хочет, по совету какого-то своего поверенного, апеллировать. Но это, конечно, вздор. Губин прибавил, что и вексель, гарантированный Заенчковским, был бы неблагонадежен. Соковнин же, по его словам, все еще хочет принять долг на себя, под вексель, гарантированный его женой. Но хочет видеть исполнительный лист. В пятницу [сегодня], т<о> е<сть> завтра, по словам Губина, назначено совершить все это дело у нотариуса, но Губин боится, что Матусевич (судебный пристав) не захочет выдать у нотариуса исполнительный лист, под предлогом, что есть закон, что если судеб<ный> пристав возвращает исполнительный лист, то прекращается претензия. Губин как-то хочет все уладить и надеется на пятницу. В результате — я мало понял, полагаю только, что ему не нравятся переговоры с Заенчковским. (Претензию свою и исполнительный лист Матусевич, впрочем, уже предъявил о б о и м опекунам Стелловского, и Губин говорит, что Заенчковский увидит из этого, что, несмотря ни на какие апелляции, взыскание не остановится). Я просил его уведомить о решительных случаях тебя; адрес твой у него есть. От Губина поехал к Полякову, было часов 7, и не застал дома, даже на звонок не отворили; квартира пуста, и прибит билет, извещающий, что Поляков в Павловске (и адрес). Затем я решил, что останусь в Петербурге еще на день, т<о> е<сть> и на четверг, и поехал на вечер к князю, где кроме некоторых гостей были Майков и Страхов. У князя болела нога, сам он едет в Соден (1½ часа от Эмса) лечиться. Все мне были особенно рады, князь чрезвычайно мил. Все сказали мне, что я очень поздоровел и даже пополнел (между тем мне ужасно хотелось спать, и я был измят). Князь говорил мне à parte,* что он совершенно не знает, как быть с Гражданином, денег на издание нет, и никто ему в долг

---

* отдельно (*франц.*).

не дает. Боюсь ужасно, чтоб, если прекратится издание, не коснулся как-нибудь меня расчет с подписчиками (т<о> е<сть> я не про то боюсь, что князь не заплатит, а что, на первый случай, выйдет какой-нибудь скандал и заденут мое имя в печати). Но видно тоже, что ему ужасно хочется продолжать издание. Пуцыкович убежден, что так и будет, т<о> е<сть> что Гражданин будет выходить целый год.[294] — Меня очень смутил князь и один его родственник (большой мой почитатель), что мне лучше бы ехать в Соден, а не в Эмс, ибо Эмс глубокая долина в ущелье, очень сырая и дождливая. Мне же сырая погода, я знаю это, вреднее всего. Меня они все убеждали в Берлине сходить к одному знаменитому доктору Фрёриху[295] и спросить его мнения. Не знаю, сделаю ли это. Но вот что я пропустил тебе написать: перед тем как быть у Полякова, я был у Бретцеля,[296] который мне дал коротенькое письмецо к доктору Орту в Эмсе. И вдруг Бретцель сказал мне, что в случае, если в Эмсе, я увижу, не будет мне пользы, то чтоб я переехал в Соден, где почти одно и то же. Этот Соден, выскочивший со всех сторон, теперь меня смущает, и, право, я думал бы зайти к Фрёриху. Впрочем, *твердый* совет тогда Кошлакова[297] лечиться в Эмсе сделал то, что я, несмотря на все эти толки, еду теперь в Эмс *непременно* и уже в Эмсе посмотрю, и то недели две-три спустя, как мне быть. — Бретцель расспрашивал о твоем здоровье и *настоятельно* сказал мне, что в Старой Руссе тебе бы надо было пить железную воду Швальбах Вейнбрун (есть еще Швальбах Штальбрун, но тот для тебя крепок). Кажется, я в именах не ошибся. По словам Бретцеля, вреда от этого не произойдет тебе *никакого*, а польза будет несомненная. Я просил его немедленно *написать тебе*, с медицинским расписанием правил, как пить, и вот мой совет тебе, Аня, на который ужасно прошу тебя обратить внимание: *немедленно* [по получении письма от Бретцеля] посоветуйся с Шенком, и если он чуть-чуть скажет, что Швальбах тебе полезен, то и вышли Бретцелю тотчас 10 р., и он *берет на себя* (как мы условились) выслать тебе от Штоля и Шмидта 20 полубутылок воды (7 руб. стоит вода, по каталогу, а 3 р. мы полагаем на пересылку). Если ты даже начнешь питье и позже 20-го июня, то все успеешь отлично поправиться. Через 20 дней (по полубутылке в день) ты увидишь, надо ли продолжать, и можешь ему примерно после 15 бутылок выслать еще 10 р., и он вышлет еще 20 полубутылок. После 40 полубутылок можно и кончить. Бретцель клянется, что будет польза. Не щади же, голубчик, каких-нибудь 20 руб., тебе же будет лучше! — Если же Шенк отсоветует (чего не думаю), то просто напиши Бретцелю, что вода нашлась в аптеках и в Ст<арой> Руссе (Бретцель даже полагает, что это так и есть) и что ты последуешь его совету и будешь пить.

Но вот что прошу: если последуешь совету, то не бери в аптеках ваших, если даже и найдется, чтоб не сбиться и взять не *того* Швальбаха. Лучше пусть сам Бретцель вышлет. [Молю] Прошу тебя, ангел мой, не затягивай дела и спроси Шенка (Шенка и без того давно пора позвать для Феди). Не щади 20 руб. Здоровье дороже всего.

Сегодня был у Кашпирева. У него нога опять в гипсе. Доктор Каде обещает ему, что к зиме он будет ходить, хотя и хромая. Они перебираются через неделю на дачу, близ Гатчины. Говорит, что этого требуют доктора. Софью Сергеевну[298] не видал, ее не было дома. Благодарил меня, что я навестил его. Он очень жалок. Обедал у Вольфа вместе с Страховым, затем зашел к Базунову[299] (который в воскресенье едет тоже заграницу) и просил настоятельно высылать тебе Русский Вестник за июнь и июль. (Майский я беру с собой). Обещали. — Затем поехал (в седьмом часу) к Полякову и опять не дозвонился. Может быть, он еще не получил твоего письма. Это мне было очень досадно, ибо если б не было дано этого рандеву (от 6 до 8 часов), то я бы сам отправился бы, может быть, в Павловск. Но я проспал до 11 часов, а потом рассудил, что если поеду в Павловск и там узнаю, что он уже уехал в Петербург, то не поспею вовремя видеться с ним и в Петербурге. Может быть, он тебе напишет. Тогда напиши ему, что я у него был (5-го и 6-го числа). Напиши это непременно.

Завтра просыпаюсь в 8 часов, чтоб успеть все сделать, а [сегодня] теперь устал от письма ужасно. Уже одиннадцатый час. Через час лягу. Очень у меня смутно на душе и тоска. Думаю о вас, о Фединьке милом, который меня крестил, об ангеле моем Любочке и о тебе очень. Аня, милая, ради бога, будь внимательнее к ним. Что ты их любишь, я знаю (*зачеркнуто несколько слов*). Да уважай няню. Найдешь другую и проворнее на вид, но вряд ли будет так любить ребенка, как она. Старушка, слабая, а вскакивает ночью в один миг, чуть только шевельнется Федя.[300] Не сердись на меня за эти просьбы. Ты ведь знаешь, как я вас всех люблю. А мне теперь очень тяжело одному.

Обнимаю тебя крепко, жду в Эмсе твоего письма. Цалую Любу, Федю. Благословляю их. Поклонись Александру Карловичу, Анне Гавриловне,[301] отцу Ивану и всем (няне и Прасковье тоже). Ах, ангел мой, как я боюсь за вас. Пиши же.

В Петербурге хоть и было ясно (сегодня только облачно), но холодно не по сезону. Боюсь пробыть в Берлине лишний день, так как приеду в воскресение и, пожалуй, контора банкира заперта.

Ну, до свидания, цалую тебя крепко и всех вас тысячу раз и еще раз благословляю.

Твой навсегда

Ф. Достоевский.

Боюсь, ужасно устану дорогой, авось, даст бог, займу целую скамейку и буду спать в вагоне. Не забудь же Швальбах.

Скажи, что детям привезу гостинцев и игрушек.

64. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. <13/25 июня>. Среда. <1874.>

Вот я и в Эмсе,[302] голубчик дорогой Аня, приехал вчера около полудня, но до того устал с дороги и от хлопот в Эмсе, что решительно не мог вчера же вечером (как рассчитывал) написать тебе. Голова кружилась, и в ушах звенело. Из Петербурга выехал я в пятницу утром в холодный дождливый день и в Эйдкунен прибыл бодро и даже ночью успел проспать часа четыре в лежачем положении. Холод в Эйдкунене был еще сильнее, чем в Петербурге, и так шло до Берлина, где тоже в 1-й день было так холодно, что я хотел было надеть ватное пальто. Во 2-ю ночь почти не спал в вагоне. Было много интересных и даже смешных приключений в дороге, расскажу при свидании. В Берлин приехал в воскресение, и банкирская контора Мендельсона, на которую был сделан у меня от Виникена перевод, была заперта. Доктора не принимают тоже по воскресеньям, и я должен был нестерпимо скучать весь день. Спать, впрочем, не лег (приехали в 7 часов утра), ходил в Королевский музеум смотреть Каульбаха, в котором нашел одну холодную аллегорию и больше ничего.[303] Но другие картины, древние, разных школ, там недурны, и мы с тобой, в первый проезд наш, напрасно там не побывали. Но, боже, что это за скучный, ужасный город Берлин! Скучно и тоскливо (по вас) было до невероятности. Все смотрел на фотографию Любочки, раза три взглядывал, припоминал. — Немцы в воскресение были все на улицах и в праздничном платье, народ грубый и неотесанный. Мне в кондитерской один молодой человек советовал съездить в театр Кроля за Тиргартеном, где увеселительный сад и опера. Действительно, шел Фиделио,[304] и мне очень хотелось съездить, но, придя домой, до того почувствовал себя усталым, что так и свалился спать. Наутро был у Мендельсона и был у Фрерихса. Этот светило науки немецкой живет во дворце (буквально). Дожидаясь вызова, я спросил у одного ожидавшего больного, сколько платят Фрерихсу, и он ответил мне, что это не определено, но что он сам даст 5 талеров. Я решил дать три. Больных он держит минуты по три, много пять минут. Меня держал буквально 2 только минуты и лишь дотронулся только стетоскопом до моей груди. Затем изрек одно только слово: Эмс, сел молча и написал 2 строки на клочке бумажки: «Вот вам адрес доктора в Эмсе, скажите, что от Фрерихса». Я положил три талера и ушел: было зачем ходить. В этот день были, наконец, открыты магазины, и я отправился покупать Анне Гавриловне шаль, которая стоила мне много хлопот. Искал-искал магазина. Магазинов в Берлине бездна, товаров бездна, но добиться долго не мог: или не понимают, или показывают очевидно не то. Наконец, в одном магазине дали мне адрес в другой и там, хоть и не было шалей, но за ними послали, и я, наконец, купил. Думаю, что хороша очень и даже, может быть, матерья лучше твоей, потому что цвет чернее, самый черный, какой только может быть, а твоя ударяет

в рыжеватый оттенок. Они уверяют, что качество цвета очень ценится. Велика как твоя, без всяких вышивок, но с легкой бахромой (иначе не бывает). Спросили 22 талера. Я торговался, уходил из магазина, и наконец-то согласились отдать за 19. Была тут и другая шаль, которую отдавали за 18, но цвет был не так черен. Я решился взять в отчаянии найти другую. Когда я их уверял, что была куплена шаль (твоя) с вышивками и дешевле, то они спросили, давно ли это, и когда я сказал, что 5 лет назад, то они засмеялись: « С тех пор, — сказали они, — почти все эти товары поднялись процентов на 25». Так как Анна Гавриловна дала 14 руб. серебряных, то по курсу [даже] это было бы талеров 16, значит, я переплатил лишку не более 3 или много что $3^1/_2$ руб. Эту переплату, голубчик Аня, уж мы лучше подарим Анне Гавриловне (они так любят тебя и детей), и ты, наверно, на меня за это не станешь сердиться. Теперь эту шаль буду таскать с собой в чемодане, потому что переслать в Россию по почте возможности нет и представить, дорого возьмут, сам привезу. Затем накупил много папирос, а так как оставалось время съездить в сад Кроля, то поехал. В этот день погода была ясная. Этот сад мерзость ужаснейшая, но публики бездна, и немцы гуляют с наслаждением. За мои 10 входных грошей я имел право пройти и в театр, но только стоять в галерее. Театр — огромная темная зала, где до 1000 человек публики, сцена в 10 шагов длины, оркестр в 12 человек (весьма недурной), и дают, можешь себе представить — Роберта.[305] Я прослушал половину 1-го акта и убежал от страшных немецких певцов прямо домой, ибо пора было ехать. Наконец, отправился в 10 часов вечера в Эмс. Здесь ночи темные, как зимой. В эту ночь не спал нисколько, сидели мы, как сельди в бочонке, но когда стало рассветать — Аня, милая, ничего я в жизни не видал подобного! Что Швейцария, что Вартбург (помнишь?) сравнительно с этой последней половиной дороги до Эмса. Все, что представить можно обольстительного, нежного, фантастического в пейзаже, самом очаровательном в мире; холмы, горы, замки, города, как Марбург, Лимбург с прелестными башнями в изумительном сочетании гор и долин — ничего еще я не видал в этом роде, и так мы ехали до самого Эмса в жаркое, сияющее от солнца утро. Эмс совершенно в этом роде. Вчерашний же день был очарователен. Эмс — это городок в глубоком ущельи высоких холмов — этак сажень по двести и более высоты, поросших лесом. К скалам (самым живописным в мире) прислонен городок, состоящий по-настоящему из двух только набережных реки (не широкой), а шире негде и строиться, ибо давят горы. Есть променады и сады — и все прелестно. Местоположением я очарован, но говорят, что это самое местоположение, в дождь или в хмурое небо, переменяется в мрачное и тоскливое до того, что способно в здоровом человеке родить меланхолию. Но зато удобствами я далеко не очарован, цены, цены — ужас! Все, что мы с тобой воображали, рассчитывая о частной квартирке для меня в Эмсе, оказалось невозможным, ибо ч а с т н ы х к в а р т и р — н е т совсем ни одной. Лет 5 тому назад Эмс мало значил, но теперь, когда вдруг его прославили и стали в него съезжаться со всей

Европы, всякий домохозяин догадался, что надо ему делать: все дома переладили и перестроили в отели. И потому есть два сорта отелей: домов 10 под настоящими, формальными отелями, и затем все (буквально) остальные дома называются приват-отелями. В них те же номера, та же прислуга и даже почти во всех рестораны. В самом маленьком доме до 20 №-в. Номера почти все небольшие. Я остановился в Hôtel de Flandre у железной дороги, и мне за 25 грошей дали комнатку, в которой нельзя повернуться, без самой необходимой мебели (без шкапа для платья и [даже] без комода) и указали мне на стене 3 гвоздика, на которые я бы мог развешивать платье. Прислуга ужасная. Я тотчас отправился искать квартиру и заходил домов в 15. Везде одни цены. Впрочем, за 25 грошей (меньше нет цены за комнату) и за талер показывали комнатки все-таки больше и лучше моей и комфортнее, но маленькие, и главное — кругом все набито квартирантами, кто поет, кто хлопает дверями, а я ведь располагаю роман писать! [306] Табльдот * везде в отелях и в ресторанах в час пополудни, ибо все встают в 6 часов утра, чтобы в 7 быть на месте, у источника и пить воду, которую уже потом, после $8^1/_2$ часов, не дадут и источник запрут. В 4 часа, еще не обедав, я пошел к доктору, чтобы знать, по крайней мере, окончательно, на сколько он меня присудит недель пробыть в Эмсе. Пошел к доктору Орту (Бретцелеву), а не к Гутентагу (Фрерихсову) и отдал Орту письмо Бретцеля. Орт тоже живет в великолепной квартире, и тоже у него толпа посетителей. Он прочел бретцелеву записку и осмотрел меня очень внимательно и [изрек] сказал, что у меня временный катар и более ничего; похожего на чахотку нет ничего, но что болезнь довольно важная, потому что без лечения чем дальше, тем менее будет способности дышать; кроме общего расстройства (желудка, лихорадки и проч.) нашел, что у меня расстроена наиболее задняя часть груди, и когда я ему сказал, что я не чувствую ничего особенного, стоял на своем, но сказал, что с дороги я должен был непременно расстроиться, но что через несколько дней эта задняя сторона может облегчиться, обещал успех от лечения наверно, но предписал пить не из Кренхена, как Кошлаков, а из другого источника, Кессельбрунена, под предлогом, что я наклонен к поносу, как написал ему Бретцель. Досадую теперь ужасно, что так и забыл сказать ему, что я наклонен более к запорам, чем к поносу, и боюсь, чтоб из предписания пить Кессельбрунен не вышло ошибки. Дней через 5 пойду к нему опять и объяснюсь. Он предписал мне диету — есть больше кислого и с уксусом (салату, например) и есть мясо с жиром. Сверх того, пить красное вино, или французское, или здешнее, эмское, местное. С завтрашнего дня начну вставать в 6 часов и ходить пить воду (два стакана в день). Это эмское вино, кислятина первостепенная, стоит 20 грошей бутылка! К французскому же и приступу нет: по талеру бутылка Медока, который у нас, у Фейка, в 50 коп. Затем стал искать обеда и нашел, что в [русски] больших отелях (Russischer Hof

---

* Table d'hôte — общий стол (*франц.*).

и Englisch-отель) есть, кроме табльдота в час, diners à part,* но по талеру и 10 грошей, т<о> е<сть> по 40 грошей. Спросил такой обед: подали кушаний 10, хорошо приготовленных, из которых 5 мясных, так что я устал есть и половину обеда отослал назад. Но за 25 грошей, в табльдоте, дают меньше. Других обедов — нет во всем Эмсе. По порциям можно везде, но за порцию берут грошей по 15! Наконец, я решился взять в одном доме квартиру. Хозяйка — одна старая дама в очках, имеющая, впрочем, мужа, вежливая, но хитрая старуха. Прислуга женская. У ней 26 номеров в доме. Мне показали на выбор две квартиры — одна прекрасная и большая комната, комфортно меблированная, с балконом, 14 талеров в [месяц] неделю, а другая квартира из 2-х комнат, но уже меньше гораздо, тоже очень комфортно меблированных, но только одна комната совсем светлая, а другая, спальня, хоть и имеет два окна, но окна выходят на капитальную стену в 2-х аршинах расстояния, и в ней гораздо темнее, тоже 14 талеров в неделю. Я торговался ужасно и выторговал по 12 талеров в неделю. Кроме того, она взялась сама приготовлять мне кофе, обед, вечером чай и чего-нибудь закусить на ужин, — это за полтора талера в день. Таким образом, в неделю с квартирой будет $22^1/_2$ талера. Я забыл тебе сказать (и главное), что Орт назначил срок моему леченью не 6 недель, а 4 только. Таким образом, хоть деньги и идут ужасно, но их достанет. Вечером я переехал из отеля к хозяйке. На всякий случай тебе адрес [отеля] дома (Haus Blucher № 7),** но непременно пиши только на poste restante, ибо почем знать, я могу съехать отсюда.

В заключение об Эмсе — здесь давка, публика со всего мира, костюмы и блеск, и все-таки одна треть №№-в не заняты. Магазины подлейшие. Хотел было купить шляпу, нашел только один магазинишко, где товар вроде как у нас на толкучем. И все это выставлено с гордостью, цены непомерные, а купцы рыло воротят.

Ангел мой Аня, пиши ко мне, бедному, почаще. Письмо от вас придет, может, только послезавтра, а ты не поверишь, как я беспокоюсь, чтоб знать о детях. Нервы у меня расстроены (с дороги), и вчера вечером, когда я остался один, просто хоть плачь. Вспоминаю об моих ангельчиках Любе и Феде и боюсь за них: смотри за ними, голубчик, и обо всем пиши откровенно. Не заболела бы ты как-нибудь! Вчера ночью вздрагивал ужасно (а уже три ночи сряду все ты мне снишься). Прощай, крепко обнимаю тебя и целую и благословляю моих ангелов. Завтра встану в 6 часов и пойду пить воду, ложиться, стало быть, надо в 10 часов вечера. Когда же писать роман — днем, при этаком блеске и солнце, когда манит гулять и шумят улицы? Дай бог только начать роман и наметать хоть что-нибудь. Начать это уже половина дела. Стало быть, придется мне гораздо раньше воротиться к вам. В следующем

---

* отдельные обеды (*франц.*).

** Т. е. я стою в № 7 (номер комнаты, а не дома). (*Примеч. Ф. М. Достоевского*).

письме напишу об этом больше. Напишу дня через три-четыре, после твоего письма. Поклон всем и няне. Цалую тебя тысячу раз и люблю до бесконечности. Представь, ты мне третьего дня в Берлине снилась в каком виде: что будто мы только что женились, и я везу тебя заграницу и люблю ужасно, но что будто есть уже и Люба и Федя, только где-то не с нами, и мы об них говорим. До свидания.

Твой Достоевский.

65. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Воскресенье 28/16 июня ‹18›74. Эмс.

Понять не могу, милый друг мой Аня, какая путаница в числах месяца. У нас здесь сегодня, в воскресенье, 28-е число н‹ового› ст‹иля› (я проверил по газетам), а ты пишешь мне в воскресенье (прошлое) от 12. В прошлом моем письме (от середы, из Эмса) я тоже напутал и выставил 27 нов‹ого› стил‹я›, тогда как было 25-е. — Но вот что уже серьезно. Первое письмо твое (от пятницы) помечено 7-м числом ст‹арого› стиля, а на конверте штемпель Старой Руссы 10-м, а петербургский 11-м. Это странно. Если ты подала в пятницу или даже в субботу, то как же мог ваш почтмейстер отослать письмо только лишь 10-го числа.[307] Поговори об этом почтмейстеру настоятельно.* — И представь себе, твое первое письмо,[308] от 7-го (кстати: выставляя на письмах числа, выставляй и день, не забудь это) — получил я только вчера, в *субботу*, тогда как мог получить в пятницу, [тогда] потому что здешний олух чиновник на poste restante, несмотря на то, что я уже раз 5 приходил спрашивать, воображал что я не Dostoievsky, а Tostoevsky, и смотрел письма в отделе буквы T., так что письмо целые сутки у него пролежало даром. Они ужасно выговаривают и преглупо слушают. Один немец мне в дороге говорил: упа, упа. Что такое упа? спросил я его, и наконец-то оказалось, что упа есть опера (он говорил со мной о музыке). Сегодня почтмейстер очень извинялся, но зато я получил и второе твое письмо сегодня. Милочка Анечка, благодарю тебя за то, что пишешь аккуратно. Пиши, пожалуйста, почаще, чем раз в неделю, пиши раз в 5 дней; так и я буду писать. Твоими же письмами я любуюсь и читаю их с наслаждением, и говорю про себя каждый раз: какая она у меня умница. Я, например, пишу 8 страниц и всего не выскажу, а у тебя на 4-х все прекрасно высказано, все что надо, дельно, толково, ничего лишнего, ум в понимании, что именно надо сказать непременно, и тонкость чувства. Ты именно догадалась, что мне очень будет приятно читать про разговоры детей. Кроме того, ты мне пишешь милые слова и говоришь, что любишь (если не обманываешь). А уж я-то как тебя люблю, мой ангел, *особенно теперь*. Дорогая ты моя.

---

* Я, пожалуй, пришлю конверт для улики. (*Примеч. Ф. М. Достоевского*).

Как я рад, что пока дети здоровы. Правда, твое письмо неделю назад писано. Береги их, ради Христа, изо всех сил. Великолепно сделаешь, если попьешь Швальбах, и я рад отзыву Шенка о твоем здоровье. Но всего больше буду рад, когда опять вас увижу. А то мне здесь очень уж становится скучно. На другой день после того как писал тебе (т<о> е<сть> в четверг), пошел в 1-й раз на источник. Он от меня в 2-х шагах. Погода была ужасная, и дождь лил, как из ведра, так что я взял у хозяйки [дождик] зонтик, чтоб добежать. Там уж был весь сброд. Весь Эмс просыпается в 6 часов утра (я тоже), и тысячи 2 пьющих все уже толпятся в $^1/_2$ 7-го у двух источников: Кренхен и Кессельбрунен. Тут же в саду играет музыка и начинает обыкновенно с скучнейшего лютеранского гимна к богу; ничего не знаю приторнее и выделаннее. Каждый пьющий должен купить здесь себе стакан на весь сезон, на котором черточками обозначено число унций в стакане. Я пью 6 унций, по два стакана и гуляю между двумя стаканами час, а в 8 возвращаюсь к себе и пью кофе. Вкус кисло-соленый и отзывается несколько тухлым яйцом, вода теплая, как отеплевший в стакане после 10 минут чай. Целых два дня (даже и вчера) погода была переменная, то дождь, то солнце, и так было скучно, как не надо больше. От сырости, должно быть, состоянье мое ухудшилось, хрип сильнее, и кашель стал суше, а вчера и третьего дня болела даже грудь, что очень редко бывало в Петербурге. Пойду к доктору дня через два и объясню ему, что мне даже стало хуже. Правда, так скоро ничего еще и не могло оказаться, но полагаю, что я в сырость простудился. Сегодня же великолепный день, солнце, и все сияет, и ужасно жарко, и мне лучше гораздо. Я все боюсь, что доктор ошибся, назначив мне Кессельбрунен, а не Кренхен. Бретцель написал ему, что я подвержен поносам. Но поносы, хоть и были, но от расстройства желудка, главное же состояние мое напротив не понос, а противуположное. Что-то будет, не знаю.

В ясное время хожу гулять, а вечером на музыку. В воксале из русских газет всего одни Москов<ские> ведомости, из французских довольно. Все здесь мизерно и жалко, магазины прескверные. Одно местоположение лишь прелестно, но всего лишь на одну минуту, потому что Эмс есть — тесное ущелье между двумя цепями гор, и весь он узнается в одну минуту. Сад и парк я знаю уже вдоль и поперек, а затем уже и некуда ходить. К тому же вечно толпы публики (множество русского говору, но более всего немцев). После кофе утром я что-нибудь делаю, до сих пор читал только Пушкина [309] и упивался восторгом, каждый день нахожу что-нибудь новое. Но сам зато не могу еще ничего скомпоновать из романа. Боюсь, не отбила ли у меня падучая не только память, но и воображенье. Грустная мысль приходит в голову: что если я уже не способен больше писать. А впрочем, посмотрим.

В 12 часов выхожу погулять час перед обедом (ибо обедаю ровно в час пополудни). Толкаюсь в толпе, захожу в курзал читать газеты. Знакомых у меня один только какой-то немец, приехавший со мной в одном вагоне сюда из Берлина лечиться (грудной) и нежно (в хоро-

шем смысле) прощавшийся с женой (оба они молодые) на моих глазах в берлинском воксале перед последним свистом машины. Мы с ним иногда теперь встречаемся и говорим по-немецки. Да встретил я, или, лучше сказать, подошел ко мне в саду (потому что сам я никого не узнаю) Случевский (литератор, служит в цензуре, редактирует Иллюстрацию[310]) и с радостью возобновил со мной знакомство. Я его мельком встречал зимой в Петербурге. Он еще человек молодой, здесь с женой и детьми. Напросился ко мне на визит, не знаю, придет ли. Это — характер петербургский, светский человек, как все цензора, с претензиями на высшее общество, малопонимающий во всем, довольно добродушный и довольно самолюбивый. Очень порядочные манеры. Он мне показал на гулянье всех здешних русских. С женой он почему-то никогда не гуляет, но, кажется, детей своих любит. Третьего дня вечером, в довольно сырую погоду, после унявшегося дождя встретил я его с одним русским семейством, и он упросил меня с ними идти. Мне так было скучно, что я пошел. Дама — директриса института в Новочеркасске, лет сорока, а кажется 25, с ней дочка — молчанка, лет 15, но очень хорошенькая. При них же родственник или знакомый, довольно оригинальный и несколько смешной человек. Мы сделали прогулку, по сырой дороге, недалеко в горы, до первого ресторана, отдохнули, выпили Maytrank и ушли назад. Эта барыня навела на меня такую тоску, что я буду теперь решительно бегать от всех русских. Дура, каких свет не производил. Космополитка и атеистка, обожает царя, но презирает отечество. Детей воспитала в Дрездене, и они два месяца назад тому оба померли в России, осталась одна последняя дочь. Вероятно, с горя отправилась в Париж. (Это у них служба называется, по 4 месяца отпуску за границу, с пособием от казны!). В Париже ни с того ни с сего вырвала у дантиста великолепный зуб, который не болел, но ей почему-то мешал (у ней зубы, как перлы, и сама очень собой недурна). Дантист ее хлороформировал и *сломал ей челюсть*(!). Другой знаменитый дантист в Париже сказал ей, что она может получить костоеду и погибнуть, и она теперь опять должна ехать в Париж лечить изломанную челюсть. Теперь же приехала в Эмс неизвестно зачем, и вообще все эти люди делают неизвестно что, ездят неизвестно зачем. Болтушка и спорщица. Я сказал ей прямо, что она несносна и ничего не понимает, разумеется, смеясь и светским образом, но очень серьезно. Расстались мы вежливо, но уже никогда не встречусь с ними. А ночью у меня был даже кошмар.

Таким образом у меня тоска чрезвычайная. Не понимаю, как проживу здесь месяц. Авось что-нибудь скомпаную и сяду работать. Живу же пока, в материальном отношении, довольно удобно: хозяева вежливы, кормят меня недурно. Весь дом (каменный и красивый, теперь имеющий большую ценность) принадлежит хозяйке, и она же мне стряпает *сама* кушанье. Дочка ее, лет 17, хорошенькая собой и получившая некоторое воспитанье, скромная и невинная, носит иногда ко мне обед и чай *сама* и даже прибирает и моет в доме. Служанка на всех 12 или 15 жильцов *одна* — рябая девка Мина, лет 35, работает, как вол, и получает жа-

лованья, с марта по октябрь, всего 7 талеров, т<о> е<сть> по талеру в месяц; правда, весь расчет ее на пурбуар * от жильцов. Вообще в доме порядочность. Во всем 2-м этаже я был один, но вчера приехали какие-то богачи из Вены (муж и жена) и заняли весь этаж, так что у меня очутились соседи и теперь немного возятся за дверью и мне мешают. Ну вот пока и все касательно моей обстановки. Нравственное состояние, как я уже и писал тебе — тоска и скука, и кроме того, думаю о тебе поминутно, Анька, я тоскую о тебе мучительно! Днем перебираю в уме все твои хорошие качества и люблю тебя ужасно, и нахожу, что всем бы ты взяла, кроме одного твоего маленького недостатка — рассеянности и домашней небрежности (т<о> е<сть> не к детям небрежности, я ведь понимаю, какая ты мать!), а просто маленького неряшества. Зато остальное все в моей Анечке признаю совершенством и редкостью. Голубчик, я ни одной женщины не знаю равной тебе. Ну вот эта третьегоднишняя дура, ну как и сравнить с тобой, а ведь почти все теперь, как эта дура. Зато вечером и ложась спать (это между нами), думаю о тебе уже с мученьем, обнимаю тебя мысленно и цалую в воображеньи *всю* (понимаешь?). Да, Аня, к тоске моего уединения не доставало только этого мученья; должен жить без тебя и мучиться. Ты мне снишься обольстительно; видишь ли меня-то во сне? Аня, это очень серьезно в моем положении, если б это была шутка, я б тебе не писал. Ты [боясь] говорила, что я, пожалуй, пущусь за другими женщинами здесь заграницей. Друг мой, я на опыте теперь изведал, что и вообразить не могу другой, кроме тебя. Не надо мне совсем других, мне тебя надо, вот что я говорю себе ежедневно. Слишком привык к тебе и слишком стал семьянином. Старое все прошло. Да и нет *в этом отношении* никого лучше моей Анечки. Не прюдствуй,** читая это; это ты должна знать от меня. Надеюсь, что письмо это никому не покажешь.

Про детишек пиши все и именно, что̀ они говорят и делают. Цалуй Любку и Федю. Скажи, что я об них думаю, приеду к ним и привезу гостинцев (привезу ли только гостинцев-то!). Всем кланяйся, обнимаю тебя еще раз.

Твой вечный муж

Достоевский.

Я тебя *истинно* люблю и молюсь за вас всех каждый день горячо. Детей благословляю.

Вчера вечером, на гулянье, в первый раз встретил императора Вильгельма: высокого роста, важного вида старик. Здесь все встают (и дамы), снимают шляпы и кланяются; он же никому не кланяется, иногда лишь махнет рукой. Наш царь, напротив, всем здесь кланялся,[311] и немцы очень это ценили. Мне рассказывали, что и немцы, и русские (особенно дамы высшего нашего света) так и норовили, чтоб как-нибудь попасться на дороге царю и перед ним присесть. Русских было тогда в Эмсе еще больше,

---

* pourboire — чаевые (*франц.*).

** prude — преувеличенно стыдливый (*франц.*).

теперь же главный русский beau monde * уехал. Вильгельм шел, разговаривая с одной девицей, а мать ее и отец следовали в двух шагах сзади. Девушка с лица похожа на горничную, крупные молодые черты, но очень недурна, немка, из grand monde.** Одеты великолепно мать и дочь. Дойдя до места, император с ними простился, и они обе присели важно, по придворному, и, гордые и осчастливенные, уехали в великолепной коляске. Сзади в 10 шагах, пока шел Вильгельм с девицей, валила (буквально) толпа всех здешних дам, иные все в кружевах, как на бале. То-то, должно быть, завидовали!

P. S. Когда-то теперь получу от тебя письмо — бог ведает! Сам напишу дней через 5. В этот промежуток буду у доктора.

Главное, будь здорова. Береги детей.

Д.

Отцу Иоанну и хозяевам особый поклон. Детишек обнимаю. Говори им обо мне почаще, чтоб не забыли меня.

Напиши мне, которого и м ѐ н н о числа Федино рожденье в июле, чтоб я без ошибки мог отпраздновать.

66. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. Суббота 22 июня 1874 г.

Я сейчас только что получила твое письмо, милый и дорогой мой Федичка, и хочу тотчас тебе ответить, чтобы письмо пошло непременно завтра и ты его скорее получил. Мы все, слава богу, здоровы, дети загорели ужасно, но также и поздоровели. Вообще у нас все отлично. Я рада, дорогой ты мой, что ты об нас думаешь и даже тоскуешь. Мы без тебя тоже очень скучаем, особенно я. Ну да время идет, и ты к нам скоро вернешься. Дай бог только, чтобы была польза; я только о том теперь и прошу бога, чтобы поправилась твоя грудь. То, что ты пишешь о своей хрипоте и боли в груди, меня беспокоит (*одно слово зачеркнуто*), впрочем, я думаю, что это было от сырости и тебе теперь легче. Мы живем довольно хорошо, ходим на ванны и гуляем целые дни; дети от ванн устают (соленые ванны расслабляют) и спят днем; зато гуляют долго вечером. Я тоже пью воды (впрочем перестала на эти 4 дня по поводу времени), но пока не чувствую особого облегчения; посмотрю, что будет дальше. Погода у нас удивительная, дожди редки и то бывают по ночам.

Милый и дорогой мой Федочка, вот что я скажу тебе насчет твоей работы: прошу тебя, не торопись начинать работы, лучше дай пройти

* высший свет (*франц.*).
** То же.

несколько времени, план сам явится; торопливость только помешает. Я помню, как было с Идиотом и Бесами. Ты долго мучился над планом романа, а когда он у тебя составился, работа пошла очень быстро. Пред тобою времени много. Если бы только в сентябре в Петерб‹урге› ты сел за работу, то и тогда ты успел бы много наработать. А то с торопливостью можно испортить дело: придется переделывать план, а это помешает художественности. Прости меня, голубчик мой, что я даю тебе советы, но я делаю это от чистого сердца и как твоя большая почитательница, которой было бы больно, если бы роман не удался. Что же касается до того, что ты будто бы потерял от падучей воображение, то это наверно не так; я верю, что у тебя все тот же великий талант и что ты ничего не утратил.

Ребятишки про тебя часто спрашивают. Оба они поумнели, а Люба все приобретает новые сведения. Раз они трогают Биксу (собаку), я им запрещаю; Лиля и говорит: мама, ведь это не шальная собака. Я говорю, почему она знает, что Бикса не шальная? — «У шальной собаки хвост все вниз висит, а у здоровой вверх стоит».

Как-то мы разговорились с Соней и Фисой[312] о женихах, и я говорю, что у Любы есть жених Сережа Кашпирев.[313] «Нет, он не мой жених, у него пришитый язык, а мой жених Костя, батюшкин сын». На днях Костя приехал из Новгорода. Девочки стали Любу дразнить женихом. Она его видела и потом мне говорит: «Я не пойду за него замуж, он военный (гимназист), а ведь я не военная».

Вчера у меня очень болела голова, Федя и говорит: «Мама, перемени со мной голову». — «Ведь у тебя тогда будет болеть». — «Ну у меня пусть болит, а зато у тебя не будет болеть». Люба тоже хотела перемениться головами, но говорит, что «мамина голова для нее велика». Гостинцы я им даю (шоколад, пряники, изюм), но только два раза в день, после обеда (если много съедят мяса) и перед сном. Федя стал очень бережлив и вечером говорит няньке: «Спрячь мне на утро, маму будить утром нельзя». Зато у них и зубы теперь не болят.

Жена батюшки Румянцева больна горлом; у нее нарыв, как был у меня 3-го года. Сегодня с детьми идем на почту отправить письмо и Феде за сапогами (Прасковья сожгла Федин новый сапог; вообще она мне приносит много неприятностей; не пришлось бы мне ее отпустить). Дети очень радуются, что «пойдут с мамой на лынок». Через неделю здесь будет ярмарка, и мы опять отправимся за «иглусками». Рождение Феди — 16 июля.

Милый, милый, тысячу раз милый Федичта, мне без тебя тоже очень, очень скучно. Я очень мечтаю о твоем приезде и рада, что теперь тебе осталось лечиться меньше трех недель. Твои письма я часто перечитываю и всегда жалею, что нет еще третьего листа. Каждую ночь я непременно около часу ночи просыпаюсь от сна, в котором видела тебя, и лежу с полчаса, все тебя себе представляю.

Дорогой ты мой, я тебя очень сильно люблю, ценю тебя и уважаю; я знаю, что ни с кем я не была бы так счастлива, как с тобою; знаю,

что ты лучший в мире человек. До свидания, мое милое сокровище, цалую и обнимаю тебя много раз, остаюсь любящая тебя страстно

жена Аня.

Все тебе очень кланяются.
Дети тебя крепко цалуют и обнимают.

P. S. Мне вовсе не нравится твоя подпись: «Твой вечный муж Дост». Какой ты «вечный муж»? Ты мой милый муж, муж навеки, а не вечный муж!

Когда я начала читать о 40-й даме (но которой кажется 25), у меня заныло сердце, но потом я была рада, что ты ее выбранил! Милый мой, я очень ревнива!

67. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Воскресенье 5 июля/23 июня ‹18›74. Эмс.

Милая Аня, я удивляюсь твоему молчанью. Вот уже опять воскресенье, а от тебя нет ничего. Если б ты даже ждала моих писем, чтоб отвечать, так и тогда слишком пора бы прийти твоему ответу, а хоть одно-то из моих писем отсюда ты наверно уж получила. Но ты, во всяком случае, обещалась писать по воскресеньям, и если так, то письмо твое должно бы прийти еще третьего дня, в пятницу. Пишу теперь еще, не дождавшись от тебя ничего, и если получу от тебя завтра, рано утром, что-нибудь, то припишу что-нибудь в этом письме. Не то, так и так пойдет. Если тебя так утомляет переписка со мною, то прошу лишь хоть одну страницу простого известия о детях и о твоем здоровье, но с тем, чтоб писать каждые пять дней. Целую неделю ждать — слишком долго. А теперь уж и не неделю жду с последнего письма: вот уж девятый день идет, а пожалуй, и десять [будет] пройдет.

Уведомляю о себе: леченье мое идет аккуратно, но пользы пока никакой. Даже, напротив, больше кашляю и больше мокроты, чем прошлым летом. Писал ли я тебе, что доктор переменил мне, наконец, Кессельбрунен на Кренхен, и по 3 стакана в день, а не два? Кренхен, чувствую, действует капельку лучше; но я решительно почувствовал наконец (да и другие больные убедили меня), что с молоком Кренхен лучше действует и на желудок, и на сухость кашля. Кроме того, трех стаканов мне мало; после утреннего приема трех стаканов мне с 7 часов утра до 4-х пополудни — легче, а с 4-х и во всю ночь труднее. Я решился, наконец, идти к доктору и настоятельно просить, чтоб разрешил с молоком и еще вечерний прием Кренхена в 4 часа, по примеру других больных. Был у него с этою целью вчера, и наконец-то он разрешил и молоко, и еще 2 стакана по вечерам. Таким образом кончи-

лось же тем, как предписывал Кошлаков. Орт единственно потому, что я, две недели тому, сказал ему о предписании Кошлакова пить Кренхен с молоком, переменил Кренхен на Кессельбрунен и запретил молоко, т<о> е<сть> из самолюбия. Но таковы все они, мошенники. Я же, если не потерял совсем, так испортил себе целые две недели лечения. Предвижу, что, может быть, придется остаться здесь лишнюю неделю, потому что все еще имею надежду (и даже сильную), что Кренхен мне поможет. Узнав, что у меня начала болеть немного печень и иногда желтеет язык, Орт с какою-то радостью объявил мне, что это — самый ясный и первый признак хорошего действия вод и что начинается оно всегда с болей печени. Ну вот и все о моем лечении. Скука моего житья здесь нестерпимая. Несмотря на то что начал работать (увы, только еще над планом, да и тот не дается), не знаю, куда деваться от тоски. Кое-что читаю, но это мало. Между тем все здесь дорого очень, и деньги идут. Мало с кем вижусь. Меня уведомили, что княжна Шаликова[314] меня отыскивает вот уже неделю и очень хочет меня видеть. Чтоб не быть невежливым, я зашел к ней, не застал дома и оставил карточку. Вчера она сама, наконец, пришла ко мне утром: ужасно постарела и поседела (кажется на вид лет 50), больна, кашляет, но добрая и милая старая девица. Сидела у меня час и звала проехаться с какими-то ее знакомыми на Рейн ($^{1}/_{4}$ часа езды в вагоне) в замок Штольценфельс. Не знаю, поеду ли. — Погода здесь теперь жаркая, но были ветры и дожди, да и теперь переменно: один день 25 градусов в тени, а на другой день только 15, и довольно часто утренние туманы. Ну вот тебе реляция обо мне формальная; внутреннего и существенного не описываю, ибо, кажется, вижу, милая Аня, что это лишнее.

Еще раз прошу и умоляю тебя: пиши мне в каждые 5 дней по разу, ну по 12 строчек, вроде телеграммы о здоровье детей и своем. Ты поверить не можешь, как я беспокоюсь о детях и мучусь от того. Теперь, не получая писем, только о них и думаю. Если до вторника, т<о> е<сть> до послезавтра, ничего не получу, то пошлю телеграмму на имя Александра Карловича.

До свидания. Благословляю детей, а тебя целую. Кланяйся от меня всем. Няне поклон.

Твой Ф. Достоевский.

Понедельник 6 июля.

Сегодня, в 8 часов утра, получил, наконец, твое милое письмецо, бесценная моя Аня, поцаловал его и тем помирился с тобою, а то, признаюсь, очень уже сердился; да и грустно, обидно как-то было. Как я рад, что вы все здоровы; как будто оживешь после этого известия, и все просияет кругом. Буквально говорю. Еще раз прошу тебя, милая Анечка, пиши мне каждые пять дней, хоть понемногу (но побольше 12 строк), все-таки буду веселее и спокойнее за вас. А то слишком уж письма редки, и тяжело. Теперь ты, я думаю, давно уже получила и

2-е письмо мое из Эмса. Это третье. — Вчера в 3-м часу княжна Шаликова вдруг прислала за мной ехать с ними в Штольценфельс гулять, так как я дал слово. Хоть я и очень дурно был настроен, но, нечего делать, поехал. — Это ¼ часа езды, на Рейне, при впадении в Рейн нашей речонки Лана, при которой стоит Эмс (Lahn). Вид удивительный. Замок по другую сторону Рейна, куда перевоз на лодке. Это старый замок средних веков, но лет 25 тому назад развалины (хорошо впрочем сохранившиеся) были реставрированы заново для нашей покойной императрицы Александры Федоровны, которая здесь несколько [дней] времени прожила. Мы осмотрели весь замок, гуляли, пили кофей и любовались заходящим солнцем на Рейне, который очень хорош. Я провел время ни скучно, ни хорошо в этой дамской компании. Была одна знакомая княжны, с которой она живет и которая сама жила некоторое время у Каткова. Она вдова, лет уже 40, болезненная, когда-то была хороша собою. Моя почитательница. Когда княжна, до того как мне сделала визит, отыскивала меня на музыке или у источника, стараясь узнать по лицу, то она говорила княжне поминутно: «Всматривайтесь, и чуть найдете человека с самым глубоким взглядом, таким, какого ни у кого нет, то смело подходите, это он». Она меня видела когда-то у Каткова. Потом была одна мать с дочерью, тоже директриса одной московской женской гимназии. Эта директриса уже не похожа на новочеркасскую, преумная женщина, только уж очень больна, почти совсем без легких. Дочка ее, лет 17, бойкая барышня, собой недурна. Но княжна-старушка мне решительно нравится: простодушие, наивность, правдивость и редкая, почти детская веселость. Маленькая, седенькая, одетая слишком скромно, но чрезвычайно хорошего тона в высшем смысле слова. Всю-то Европу она искрестила, везде была, все первейшие писатели английские и французские с ней знакомы лично. Но главное в ней чувствительность, которая даже и насмешка, и самая ясная веселость. Очень что-то тоже кашляет. Они мне много насказали полезных советов насчет приема вод, главное насчет диеты, и я очень рад, что их выслушал, потому что я-таки делал промахи. Голубчик Аня, ты пишешь, что начала пить воду и не надеешься на пользу: в этом ты глубоко ошибаешься. Увидишь. Я целых две недели третировал Кренхен свысока, а теперь сильно начал надеяться, ибо почему-то предчувствую, что будет польза. Рад Кренхену с молоком и то, что почти удвоена прежняя порция. Встаю, например, в 6 часов с хрипом и кашлем. Пока одеваюсь, хрип и кашель меня мучают. Ровно в 7 часов я на месте и пью первый стакан. И что же, после 3-х стаканов до самого вечера мне легче, хрип исчезает, кашель тоже, и воздуху для груди точно прибавилось. Но главное действие впереди, внутреннее, химическое на весь организм. Так и будет с тобою, может быть, даже и неприметно тебе самой. Всю зиму будешь говорить, что никакой пользы не было, а между тем в постель не сляжешь; а почем ты знаешь, если б не пила вод, то, может быть, и слегла бы. Не жалуйся на то, что кофей не пьешь. Это я знаю, тяжело отвыкать от привычек. К тому же я слышал, что не только Кренхен, но

и при приеме всяких вод тоже с н а ч а л а вызывается желчь и начинается раздражение нервов. Не от того ли у тебя и аппетита меньше, не от начала ли действия вод? От желчи будешь немного раздражительна. — Аппетит у меня прекрасный, и мне все говорят, что при водах это превосходный признак. Благодарю тебя за известия о детях и об их словечках и поступках. Это меня ужасно радует, занимает и веселит. Анекдот Феди с мужиком слишком примечателен,[315] как пророчество будущему характеру: решимость, доверчивость, и что он не оглянулся на вас, так тут нельзя винить сердце. Он еще и не знает этих требований и даже наверно не понимал, что с вами расстался. Если б оставить его с мужиком дольше, то наверно бы спросил его: «Где няня?». Крепко целуй Любку и, ради бога, поменьше с нею умственных занятий, не торопись; дай ей тельце свое поправить в запас на всю зиму. Как я рад, что у вас погода хорошая. Как бы здесь, заграницей где-нибудь, дети поправились! — Но в Эмсе климат странный. Сегодня, например, солнце, барометр превосходный, в полдень, судя по вчерашнему и по всему, наверно, будет 24 градуса Реом‹юра› в тени. Вообрази же, что в 7 часов утра этот же термометр в тени показывал лишь 11 Реомюра. 11 градусов и 25 через несколько часов — какие крутые перевороты! Как не простудиться нечаянно. Это от того, что ущелье ночью влажно, и вдруг в ущелье завязнет какое-нибудь облако: вот и 11 градусов! Вчера же утром в 7 часов было 18 в тени, т‹о› е‹сть› облаку не угодно было переночевать в Эмсе.

Мне довольно спокойно на квартире. Рядом со мною во всем этаже (бельэтаж) только одни жильцы — муж с женой из Вены, богачи и занимают одни 4 великолепные комнаты. Но вчера у них был первый еженедельный платеж хозяйке, и они крепко-таки поспорили с нею за ужасный счет, который она им представила. Такой же счет представила она и мне; я крепко спорил и хоть два только талера, да отспорил у ней! Аня, работа моя туго подвигается, и я мучусь над планом. Обилие плана — вот главный недостаток. Когда рассмотрел его в целом, то вижу, что в нем соединились 4 романа.[316] Страхов всегда видел в этом мой недостаток.[317] Но еще время есть. Авось управлюсь. Главное план, а работа самая легче. Аня, голубчик, главная работа моя, разумеется и во всяком случае, будет осенью. Ужасно смущает меня мысль ежедневная: как-то мы устроимся осенью и на какие средства! (У Некрасова просить еще н е в о з м о ж н о;[318] да и наверно н е д а с т. Это не Катков, а ярославец). Но бог выручал нас доселе, и бывали времена и хуже. — Не пугай меня пророчествами железного характера, Анечка. Это все, что есть в тебе худого. Твой характер натуральный — это простой и ангельский — вот что.

Крепко целую тебя, а насчет непристойных снов, то, голубчик мой, если б ты только знала, какие я вижу! Даме, впрочем, это не так прилично. Ничего, ничего — молчанье! Напротив, я очень рад и целую тебя страстно в с ю.

До свидания. Пиши чаще. Детей перецалуй. Напоминай им обо мне. Мне чаще пиши. Всем кланяйся, кроме соборного протопопа.[319] А впрочем, и ему.

Твой весь Ф. Достоевский.

68. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Эмс. Пятница
‹В Старую Руссу.› 10-го июля нового стиля/28 июня ‹1874.›

Вчера, 9-го/27 получил твое бесценное послание, ангел мой Анечка, и оно меня чрезвычайно утешило: получил я его в 8 часов утра, идя от источника, а как раз, в ту ночь, ровно в полночь был у меня во сне припадок, который чрезвычайно расстроил меня до того, что я уж вчера и не отвечал тебе: буквально не мог; да и теперь, хоть хожу, говорю, а писать очень трудно, все болит, и в голове каша, и грустно. Впрочем, ты ведь знаешь. — Припадок был в постели и б е з п о с л е д с т в и й, и никто не слыхал его. Полагаю, что не из самых сильных. Зато, думаю, что теперь на некоторое время отделался.— У меня и в Петербурге после припадка происходило обыкновенно весьма сильное скопление мокроты в груди и кашель усиливался, дня на три. Так и здесь; но, кажется, Кренхен оказывает некоторые успехи: все-таки меньше и мокроты, и кашля, и легче дышать, и не ноет по ночам в груди. Полагаю теперь наверно, что хоть какая-нибудь польза от моего здешнего лечения останется. Но не надеюсь очень большой пользы. Не знаю только, как устроится все дело: я пью Кренхен вот уже 2 недели и то первую неделю пил всего только по три стакана без молока. Через 11 дней будет ровно месяц моему здешнему питью вод. И однако же неделю я пил Кессельбрунен, совсем другой источник, а это в счет, по-моему, не должно идти. Кошлаков же приказывал Кренхен с молоком пить 6 недель. Итак, очень думаю, что если пойдет леченье на лад, то доктор оставит меня еще хоть на неделю пить Кренхен. Ну, а если на две? Ведь придется остаться, хотя это было бы мне ужасно тяжело: скука терзает меня, изгрызла меня в этой скверной дыре. Что за публика, что за рожи! Какие подлейшие немцы! Немцы с «вывертом». Русских здесь наполовину, про них и говорить нечего; всегда грустно смотреть на русских, толкающихся заграницей; бессодержательность, пустота, праздность и самодовольство во всех возможных отношениях. Не глядел бы на них, но здесь и гулять негде; или толкись на пространстве весьма тесном для такой публики, или уходи в горы, но дальше, потому что ближайшие тропинки все полны. А дальше идти нельзя; мне сказали, что с моею грудью положительно вредно уходить далеко по горной дороге, ибо слишком большое усилие надо делать, чтоб взбираться туда. А в довершение счастья у нас жара собачья: вот уже дней пять 26 и 27 град‹усов› в тени Реомюра. Я, как во Флоренции, меняю по три рубахи в день. Но во Флоренции хоть вечером-то можно

было выйти, а здесь в половину уже 8-го все больные уходят домой, а гуляют только здоровые, которых много и которые, черт знает зачем, сюда наехали. Чуть зайдет солнце за горы (смеркается рано, в 9 часов почти ночь), то сейчас же начинается сырость. Да и днем, когда кругом точно печка, нет-нет да вдруг и потянет прескверный, свежий ветерок, но вовсе уже не целительный, а губительный, точно сквозной. Все эти тысячи людей ходят в совершенно летних костюмах; один только я, хоть и в [зимнем] летнем жилете, но в зимнем пиджаке и потею ужасно. Сшить же платье из коломянки не решаюсь: во-1-х, просят нестерпимо дорого, а во-вторых, приехав сюда, я заказал белый жилет портному, которого мне указали как лучшего. Что ж, он только 3-го дня (т‹о› е‹сть› слишком 2 недели спустя) доставил его, несмотря на то, что я заходил каждый день. Сверх того короток, морщит и матерья подлейшая (пике). Я заплатил деньги, три талера, но носить вряд ли буду. Итак, можно ли здесь заказывать? Во всем Эмсе только 2 портных, что тут делать. Мне надо было помады купить после ванны, и француженка запросила с меня 2 талера за помаду. Я стал браниться и торговаться, и она уступила за талер.

Свинское, подлое место, подлее которого нет на свете!

Здесь есть, с которыми я раскланиваюсь из русских, из тех, которые, увидя вас, вечно подходят рекомендоваться. Один из них (держит себя большим джентльменом) уверяет, что встречал меня у Полонского.[320] Сюда приезжает по понедельникам висбаденский поп Тачалов,[321] заносчивая скотина, но я его осадил, и он тотчас пропал. Интриган и мерзавец. Сейчас и Христа, и все продаст. Ерник дрезденский поп кричит всем, что он пражскую церковь построил, а Тачалов хочет высказаться, что это он обращает старокатоликов. И ведь удается каналье уверить, тогда как глуп, как бревно, и срамит нашу церковь своим невежеством перед иностранцами. Но в невежестве все они один другому не уступят.

Твое письмецо и рассказы твои о детках меня оживили; я был в таком грустном настроении после припадка, а оно как раз и пришло. Пиши, ангел мой, почаще, мне очень тяжело. Перечитал письмо раза четыре. Спасибо, что меня любишь, я тебе верю, и это одно меня здесь поддерживает. Про деток рассказывал вчера княжне Шаликовой. Она вчера уехала в Рейхенгалль, в Баварский Тироль. Это прелестная, хотя отчасти и комическая, старенькая старушка, слишком чувствительная, слишком восторженная, но истинно добрая. Она ужасно просила меня познакомить ее с тобою, если она приедет зимой в Петербург. Это будет хорошо, потому что она совсем нескучна. — Работы мои на время припадка (дня 4) совсем оставил. Не могу совсем. Не хотел бы еще с кем-нибудь знакомиться, и потому постараюсь сидеть больше дома, да и ноги болят, и голова тоже. Хозяйка то и дело что приписывает мне на счете и кормить начинает хуже. В эту жару у меня и аппетит стал хуже, и желчи больше. А здесь аппетит дело важное: [первый] главнейший признак, что воды действуют. — Милая Анечка, ну вдруг случится, что, видя хорошее действие вод, доктор усадит меня недели на 2 лишних (а если в самом деле будет польза,

как же можно мне бросать дело и бежать?). Тогда ведь тебе придется, пожалуй, (хотя не думаю) одной переправляться в Петербург из Руссы. Впрочем, повторяю, не думаю, чтоб так было, и время все-таки будет мне к вам явиться. — Напишу тебе еще дней через 5. Пиши тоже. Здесь почти нет никаких русских газет. Московск<ие> Ведомости, да и те вот уже больше недели как не приходят. — Обнимаю тебя тысячу раз; ты одна у меня в сердце и в душе, и во сне. Деток милых благословляю и целую. Каждый день по нескольку раз вспоминаю их милые личики. Скажи им, что я их целую и говори с ними обо мне почаще. Пей воду и старайся поправиться. Совещайся с доктором, когда надо, не скупись. Чуть что у вас случится или, не дай бог, сама заболеешь, — сейчас же извести. — До свидания, больше решительно написать не могу, механически не могу; голова кружится, и все болит (после припадка). — Сидишь дома без движения, в тени, и то потеешь. Ночью сегодня я пять раз переменил рубашку. Обнимаю тебя тысячу раз. Твой весь, тебя одну любящий сердечно и всегда

Твой муж
Ф. Достоевский.

Всем нашим кланяйся, а деток поцалуй лишний раз от меня. Тебя цалую 15000 разов, и все не будет лишнее, напротив, будет совсем не лишнее.

69. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Эмс.> <Старая Русса. 29 июня 1874.>

... пока не будет написано хотя 8 листов.*
Но, во-первых, деньги от Голубевой[322] 1 августа, деньги от Надеина — 77, и еще порядком наберется от разных лиц. Наконец, можно взять у Вани[323] на 2 или 3 мес<яца>. Но вообще из-за скорого получения денег не торопись решаться на план; лишь бы план удался, а то работа у тебя закипит.

Я очень рада, что ты встретил Шаликову и что вообще знакомишься, авось тебе не будет так скучно, да и мне поспокойнее, все же ты не один, и в случае нездоровья тебе помогут. Я очень рада, дорогой мой Федичта, что Кренхен для тебя полезен. Как досадно, что ты с самого начала не начал пить его. Но на случай, если ты увидишь несомненную пользу, непременно останься на неделю или на две, если б даже для этого пришлось тебе прислать еще немного денег. Надо поправиться существенным образом; хотя я тебя и жду нетерпеливо и буду очень счастлива, когда ты приедешь, но я охотно подожду 2 недели, лишь бы была тебе польза. Милый ты мой, ты не знаешь, как я твердо надеюсь, что Кренхен принесет тебе здоровье.

---

* *В письме нет начала.*

Что ты пишешь о Швальбахе, то, пожалуй, верно. Буду пить, пока не увижу какого вреда.

Милый мой, я очень обиделась, видя что ты прислал мне не 8 страниц, а всего 5. Ты точно отнял от меня что. Я так люблю читать твои милые, дорогие письма и часто их перечитываю, «дай-ка посмотрю, как это там он выразился».

Цалую и обнимаю тебя, мой дорогой. Не сердись на меня за неприсылку писем, иногда почта запаздывает, а иногда они не отправят в тот же день письмо. Но я теперь буду писать каждые 5 дней. Письмо это заканчиваю в субботу 29 июня в 7 час<ов> утра и сама отнесу на почту, чтобы оно сегодня же пошло.

Дети тебя целуют и обнимают, а также и я, твоя любящая жена

Аня.

Если хочешь сделать мне удовольствие, то купи в почтамте чистые марки в 3, 4 и 6 пфеннигов для твоей маркособирательницы и пришли в письме. Если же тебя затруднит, то не присылай.

Федя просит ему купить на рынке «ведро с маслом, я буду ходить и (к) тушать».

70. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. Понедельник 1/13 июля <1874.>

Сегодня 6-й день моему припадку, голубчик Аня, и в голове у меня хоть несколько прочистилось (хотя далеко не совсем), и потому мне вздумалось написать тебе, чтоб подать тебе пример писать через 5 дней, хотя от тебя и не получил еще письма после того, о получении которого уже писал тебе. Но я и не рассчитывал получить; думаю только, что ты послушаешься меня и, по моим последним просьбам, станешь писать каждые пять дней. — Княжна Шаликова рассказывала мне, что Катков, когда уезжает из Москвы, пишет жене своей *каждый день по письму*. (Княжна давно уже уехала, еще в среду). Со мной случилась здесь маленькая история: я принужден был переменить квартиру. Рядом с моими двумя комнатами нанимали 3 комнаты какие-то богачи из Вены, муж и жена, пробыли недели 2 и уехали. В то же утро приезжает из Вены какой-то австрийский граф с лакеем и говорит, что ему надо все 5 комнат этажа (т<о> е<сть> и мои), а то ему некуда девать своего лакея. Хозяйка приходит ко мне и начинает умолять, сложа ладони, чтоб я уступил графу мои две комнаты, а сам перебрался бы в верхний этаж, где тоже две комнаты, и отдает она их мне с уступкой, т<о>е<сть> не по двенадцати, а по 8 талеров в неделю. Я увидел, что мне нельзя не перебраться, ибо наживу в хозяевах врагов, а они уж и без того начали меня скверно кормить и ужасно обсчитывать. Комнаты оказались ужасно низенькие и душные, а весь этаж полон самыми мелкими жильцами из нем-

цев, хохочущими, топочущими, поющими и кричащими, безо всякой деликатности, как настоящие грубые немцы. На другой же день я приискал квартиру, и как раз чрезвычайно удачно, — тоже очень близко от источника, тоже privat-hotel, тоже 12 талеров в неделю и в бель-этаже, но комнаты еще лучше и удобнее меблированы, больше, выше и сверх того с балконом. Обедать я буду в ресторане за 20 грошей, но прежняя хозяйка, бравшая с меня тоже 20 грошей (а когда и 25), давала мне *вдвое* хуже и беднее кушание. Здесь утренняя порция кофе 8 грошей, а у той хозяйки 12 грошей(а прежде ставила и 15). Ужин, т<о> е<сть> котлетка и чай с печением (собственно чай мой), здесь 10 грошей, а у прежней хозяйки 15, — так что я даже выиграл. Кроме того, та брала по талеру в неделю за прислугу, а здесь прислуга вместе с квартирой. По крайней мере не будут меня так нагло грабить, как грабили в той квартире.

Таким образом, вторую половину моего здешнего бытья пробуду я на другой квартире. Не знаю только, сколько еще придется мне здесь остаться, и рассчитываю, что дней 12, не более, от сего дня. — Здесь некоторые опытные больные (н<а>прим<ер>, Кублицкий,[324] посещающий Эмс уже 20 лет) уверяют, что важное тоже дело *не перепить* вод лишнего, потому что это только ко вреду будет. Кошлаков говорил: 6 недель, но таких сроков здесь не знают, и *никто* долее 28 дней не лечится. Это maximum, но остаются и гораздо менее. Моя 1-я здесь неделя, когда я пил Кессельбрунен и держал ошибочную [недель] диету, не может идти в счет. Вообще дней 12 останусь, но никак не более, а там, что скажет доктор. Нельзя, чтобы не вышло пользы. Все больные говорят, что *главная* польза оказывается впоследствии (т<о>е<сть> уже зимой), но такое мнение, по-моему, только райские песни. Положительного же я заметил над собою, что, особенно в последнюю неделю, не так задыхаюсь, как в Петербурге, не ударяет кровь в голову, когда кашляю, и, наконец, что почти совсем не бывает сухого кашля (т<о> е<сть> кашляешь-кашляешь и не можешь откашляться, как в Петербурге). Но взамен того — все-таки кашляю: чуть сырость — тотчас же накопляется мокрота и даже в очень сырые ночи, хоть и не очень, но пенье в груди по-прежнему. Обескураживает меня то, что если есть облегчение действительно (а оно есть), то единственно после приема воды, а чуть перестану пить, и начинается опять по-зимнему. А впрочем и в сжатом воздухе так же было: чуть перестал лечиться, и началось хуже, хотя уже *не возвращаюсь к тому состоянию*, в котором был до лечения. В этом, действительно, помог и сжатый воздух. Здесь вообще чувствую, что как-будто мне больше воздуху дышать. Но что за подлый здесь воздух! Веришь ли, Аня, я считаю Эмс даже хуже Петербурга по климату. Последние 8 дней была каникулярная жара (26 в тени). Но это равняется по мучению 37 флорентинским (помнишь). Здесь мне открыли старожилы, н<а>прим<ер>, вот какое свойство Эмса: чуть упадет ветер, и хоть даже всего только 20 град<усов>, но все начинают потеть, все мокрые. Я в эти 8 дней 26 град<усов> переменял по 4 рубахи в ночь. Но то скверно, что

вдруг все стоит, не шелохнется, воздух недвижим, и вдруг потянет откуда-то (из ущелья) буквально ледяной струей, — ну и простужаются. Насморк здесь вещь самая обыкновенная. В эти дни, просыпаясь в 6 часов, я недоумевал каждый раз, смотря в окно, в чем выйду? — весь укутанный или налегке, потому что туман, целое облако, мрак и сырость, через полчаса все расходится, и опять блеск. Вчера и третьего дня были дожди и много туману, и мне было хуже. — Но всего больше потел я потому, что все ходил в моем драповом пиджаке, хоть и в белом жилете. Мне сказали, что я непременно простужусь окончательно, если не заведу летнего платья из коломянки, и я принужден был заказать за 17 талеров. Сегодня будет готово, но цвет и выбор мне не нравится, да и матерья не английская, а здешняя. Одним словом, здесь все ужас как дорого. Жилет мой белый от другого портного (3 талера) нельзя носить. Я купил еще шляпу [впрочем] еще как приехал, 2 талера, — эта вышла недурная. Одним словом, милая моя Анечка, я предчувствую, что ты, читая письмо это, обвинишь меня в эгоизме: «Все об себе, да об себе». А ты не поверишь, друг мой бесценный, как мне тяжело без вас! Здесь много детей; чуть услышу детский голос, и у меня захолохнет на сердце. Вчера, к вечеру, перетащившись на новое место, только и думал что о тебе, да об детках. Так грустно стало вечером. Жду с нетерпением письма от тебя, рассчитываю, что получу в среду. Пиши больше об детках. Я прочел рассказ об мужике и Феде[325] княжне Шаликовой, и она разахалась от восторга, равно как и о перемене голов.[326] Веришь ли, писал тебе в прошлый раз письмо, а ведь даже не помню, что писал и при каких обстоятельствах на почту отдал: совсем померкло все в голове, и, должно быть, этот раз был сильный припадок.

Обнимаю тебя изо всех сил, цалую цетишек (что делаю мысленно каждый день), всем поклон, батюшке и Александру Карловичу;[327] няне тоже, не забывай ей водочки. — [Подлый] Висбаденский поп напомнил мне о проигранном пари и потребовал, чтоб я внес 25 талеров в Славянский комитет; непременно внесу [сукин он сын]. Вот грубая-то тварь. Я сам, впрочем, был с ним не совсем вежлив. Если еще раз сойдусь — разругаюсь: редко встречал что-нибудь антипатичнее. Вообще чувствую, что у меня здесь сильно страдает печень. Аппетит хорош, но странно: я не только не пополнел (как в Старой Руссе), но еще похудел.

До свидания, мой ангел бесценный, обнимаю тебя, [и веришь ли] цалуй Любу и Федю; Люба-то меня помнит, но помнит ли Федя?

(На всякий случай мой адрес: Bad-Ems, hôtel Ville d'Alger, № 4—5), но пиши непременно по-прежнему poste restante.

Тв‹ой› Достоевский.

71. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. Пятница 17/5 июля <18>74.

Милочка моя Аня, вчера получил бесценное письмо твое и боюсь, что опоздал ответом на него, ибо хотел сперва сходить к доктору и, только узнав его решение, написать тебе; сегодня же задержали разные мелкие пустяки, так что теперь уже 11 часов утра, и не знаю, успеет ли пойти сегодня это письмо. — Приход каждого твоего письма для меня равен какому-то «освобожденню». Накануне и за два дня я становлюсь боязлив и мрачен: «все ли там благополучно, не случилось ли чего?». Не поверишь, как я стал мнителен и раздражителен. Очень рад, что будешь писать каждые 5 дней. Известия о детях мне необходимы. Не могу смотреть даже здесь на детей хладнокровно, а если заслышу где писк детский, то впадаю в тоску и в дурные предчувствия. Раздражительность мою приписываю леченью: у всех, говорят, так же расстраиваются нервы, и в особенности страдает печень. По-моему, и мозг. — Ты пишешь о своем леченьи; но только плохо, что лишилась аппетита и худеешь. Кончай скорей эту воду, Аня, допей ее и принимайся есть все безо всякой диеты, а то это значит только мучить себя. — Пеняешь мне, зачем я пишу только 5 страниц. А потому, во 1-х, что каждый раз боюсь опоздать на почту, во-вторых, что положил писать чаще и, наконец, чтоб была пустая страница для обертки письма, иначе все через конверт просвечивает. — Всех вас очень люблю и цалую 1000 раз. Деткам напоминай обо мне. Наблюдай особенно Любу, так как она в тебе более нуждается, чем Федя, у которого *своя* няня, а у ней няня только *федина*. — Теперь расскажу поскорее что надо о себе. *Припадочное состояние* продолжалось дней шесть. Есть здесь один Кублицкий, очень похож на Полонского во всех отношениях, и даже так же, как у Полонского, ноги болят. Я с ним иногда встречаюсь и говорю, но ходить с ним не могу, потому что он одну ногу едва волочит, он же претендует, что я слишком скоро хожу. Раз утром в 8 часов (5 дней тому назад, на другой день как я переехал на новую квартиру) слышу, окликает меня, в аллее (по которой я по обыкновению прохаживаюсь полчаса после утренней воды) Кублицкий: «Ф<едор> М<ихайлови>ч, у вас нет лихорадки?». Я оглянулся: «Что это вам так прямо вздумалось начать с лихорадки, точно выстрелили, нет, никакой у меня нет лихорадки». — «Я к тому, что в середине лечения многие ощущают обыкновенно лихорадку или тяжесть в ногах, боль в голове и проч.» — «Нет, я ничего не чувствую, прощайте». — «Прощайте...» С тем и разошлись. В тот же день сейчас после обеда заболела голова. Пошел пить воду, читал газеты, вечером в 6 часов перехожу мостик и вдруг чувствую озноб. Поскорее пришел домой, ударило в жар, ночью бредил, но потел и переменил 4 ночные рубахи и измочил пóтом все простыни. Наутро даже похудел от поту. Решил, что простудился в день переезда на квартиру, когда при 25 град<усах> в тени шел дождь, поднялся туман, а у меня балкон

стоял открытый до 10 часов ночи. Но каков же, однако, *глаз* у этого Кублицкого! И, главное, ведь ничего больше и не сказал, как только спросил, неизвестно зачем, о лихорадке.

Я однако же пожалел денег, к доктору не пошел, тем более что наутро, кроме раздражительности (которая каждое утро у меня ужасна), ничего особенного не чувствовал, аппетит был прекрасный, и все отправления тоже. Решил, что лихорадка мимолетная, как это и есть в моей натуре. Но ровно в 7 часов пополудни меня опять ударило в жар, ночью хоть не бредил, но потел точно так же, как и в первую ночь. Наутро опять здоров, вечером на третий день в 7 часов опять жар, опять всю ночь потел, наконец, вчера жару не было, но все-таки потел. Я думаю, Аня, что я от этого поту стал вдвое легче весом, похудел же ужасно. Однако же вчера отправился к Орту и все ему рассказал, главное то, что я уже 12 дней принимаю Кренхен 5 стаканов с молоком (три утром, три вечером),[328] кашляю, по утрам вставая, *очень*, затем после Кренхена, в продолжение всего дня, кашляю очень мало, очень легко отделяется мокрота, почти никогда сухого (прежнего кашля). Но зато все-таки, пробуждаясь, каждый день — кашляю. Орт очень подробно и долго меня осматривал и вот что изрек с самодовольным видом: «В трех местах грудь *зажила совсем*, но в двух (спереди внизу и сзади в спине) *еще не зажило*. И потому: продолжать лечение, вместо недели, которая мне оставалась сроком (прежде определенным), пить Кренхен, прибавить еще неделю; вместо 3-х стаканов с молоком поутру — пить по 4 стакана и по 2 вечером, и я вам ручаюсь, что *выздоровеете совершенно*; говорю же по фактам, ибо в трех местах уже зажило. Заживет и в двух остальных. Простуды не было никакой, а просто сильнейшее действие вод, что́ есть самый хороший и ободряющий признак». — Итак, Аня, милая, вот пока в каком положении дело. Я сам думаю, что Кренхен приносит пользу большую, но зато, — от сегодня 12 или 13 дней еще продолжать пить! Ну, а если найдет нужным и через 2 недели еще остаться недельку, т<о> е<сть> что-нибудь еще не заживет в груди? Веришь ли, Аня, мне до того опротивел Эмс, что хоть уехать, не докончив лечения. Я возненавидел здесь каждый дом, каждый куст. Вид публики для меня несносен. Я до того стал раздражителен, что (особенно рано утром) на каждого в этой беспорядочной толпе, которая теснится у Кренхена, смотрю как на личного врага моего и, может быть, рад бы был ссоре. Говорят, это тоже действие вод (тем более что в другие часы дня я гораздо добрее), но мне-то не легче; нечего делать, буду терпеть еще, в ожидании успеха. Веришь ли, я иногда мысленно сравниваю: где мне было лучше: здесь или в каторге? И всегда решаю, *буквально* (и вполне беспристрастно), что в каторге все-таки было лучше, *покойнее*: не так я волновался, раздражался, не так был мнителен.

Насчет денег будь покойна, у меня хватит, а только согласись, что подконец все вышло так, как Кошлаков предписывал, т<о>е<сть> Кренхен с молоком и 6 недель. Правда, я буду пить только 5, а кто знает, может и на шестую оставят.

Все, что я читаю — мне противно. Про свой план думаю с раздражением. Мне все говорят, что малейшее умственное занятие вредит лечению, раздражит к худшему нервы, и что надо жить жизнью растительною. Доктору очень нравится, что у меня аппетит: «Главный признак успешного лечения, — говорит он, — и признак того, что лихорадочные припадки не от простуды». Одним словом, он, кажется, меня находит одним из самых успешных пациентов.

Аня, милая, бесценная, как я рвусь к вам, как мне здесь противно! Ты спрашиваешь, люблю ли я тебя и вижу ли тебя во сне? Что на это отвечать? Но, кстати (мимоходом): веришь ли, что я обратился в мумию и что во мне нет желаний. Первый раз в жизни, неужели тоже от лечения? В таком случае... Тем не менее цалую тебя, ангела моего, 1000 раз каждодневно, мысленно, но представляю тебя не иначе, как вместе с детками. Представляю же вас всех часто. Я думаю, я сделался очень чувствителен, как женщина.

Я ложусь (уже в постель) ровно в 10 часов, встаю в 6 часов утра, но ночью просыпаюсь раз по пяти, хотя спал бы хорошо, если б не пот. На новой квартире мне очень хорошо. Прежняя хозяйка ужасно меня обсчитывала. Обедать я хожу теперь по разным ресторанам. Чай держу свой. Стараюсь скупиться. Немцы и вся публика несносны. Впрочем, лица беспрерывно меняются. В последнюю неделю ужасно много наехало новых; русских тоже много. Я с некоторыми только кланяюсь, с иными разговариваю. — Писал бы тебе и больше подробностей, но лучше расскажу при свидании, а то напрасно загромождать письмо пустяками.

Расцалуй Федичку, который ничего не нашел приказать написать папе. Милый, славный мальчик. И наверно пречувствительный! Все они у нас чувствительные, но не экспансивно, а про себя (что и дурно, и хорошо), и наверно — оба поэты. Это очень хорошо, если только писать не будут. Ходи за Лилей и за ее душой. — Полякову писать не стану. Я на все согласен, напиши ему. Все они более или менее мерзавцы. Губин все погубил.[329] — Очень любопытные сведения об Иване Григорьевиче: и покупка имения, и жизнь в Петербурге. Тут она влияет.[330]

Цалую вас всех, обнимаю. Всем кланяюсь — Александру Карловичу, сестре его, няне, отцу Иоанну нашему. Думаю, как тяжело будет деткам переезжать в Петербург.

Обнимаю тебя особенно и цалую всю. Люблю тебя бесконечно.

Твой Ф. Достоевский.

Ты одна у меня радость и одна моя надежда, неизменная. Я люблю все подробности, которые пишешь о себе, — особенно некоторые.

Я думаю, я пробуду в Эмсе вплоть до дня рождения Феди, включительно.[331]

72. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› ‹Эмс.› Понедельник 20/8 июля ‹18›74.

Милый друг мой, дорогая Аня, сегодня получил твое письмо,[332] и хоть не успею отправить сегодня ответ, но все равно начну его. Благодарю, во-первых, что пишешь чаще. Это прекрасно. А то ждать было мучительно. Отправив тебе последнее письмо (в среду, кажется), я очень тосковал о том, что ты писала о своем здоровье и рад был, что Шенк на время отложил питье вод. Что ж, если Швальбах так враждебно действует, — так и оставить его. Но Шенк велел, как ты пишешь, только погодить, а там опять начать; не видит ли он признаков действия вод? Может быть, эта тоска твоя, раздражительность — больше ничего как действие вод. На меня здесь Кренхен точно так же действует, и хоть теперь мне только скучно и тоскливо, как в каторге, но все-таки я не так раздражителен, как был еще недавно. А если б только рассказать все другие действия на организм! Лихорадка моя прошла на другой же день, как я отправил тебе последнее письмо, и я уже больше не потею совсем, хотя жара ужасная. Из того, что прошло лихорадочное состояние без малейшего приема лекарства, и заключаю, что лихорадка была не простудная, а просто действие вод. Пишешь тоже, милочка Аня, жена моя, о других припадках. Хотя тоже у меня в этом роде: сначала были ужасные желания, потом вдруг все прошло, и я обратился в мумию; потом опять началось, хотя едва, но однакоже с ночными последствиями, что очень дурно, ибо все-таки действует на грудь. Что касается собственно до леченья, то боюсь сглазить, а кажется, что лучше: дышать легче, хрипу и одышки очень мало, даже вот уже дня три по утрам, когда просыпаюсь, мало очень кашля. Однако ж скверно то, что иногда простужаюсь: чуть только на потную грудь капельку ветерка, и вот уже здесь и простудился и прокашлял вечер или день (редко дольше, быстро проходит). Теперь мне остается дней 9 или 10 принимать (по последнему решению доктора). Что-то будет? Не заживет ли и в самом деле? И однако же, если я пробуду даже до 1 августа (нов‹ого› стиля), то все-таки я пил Кренхен в сложности всего только 4 недели (5-ю неделю Кессельбрунена, я думаю, нельзя считать). А Кошлаков сказал шесть недель! Вся важность теперь в двух вещах: во-1-х, долечиться, а во-вторых, не перелечиться.

Кроме того, надоело здесь до того, что лучше, думаю иногда, не долечиться. Говорят же здесь иные пациенты, что с одного разу никогда не вылечиваешься радикально, если даже и сильно действуют воды, а главное 2-й раз, т‹о› е‹сть› на будущее лето приехать на 2-й курс, тогда, дескать, болезнь искореняется окончательно. Однако шутка это сказать! Мало ли что выдумаешь; и подумать только об этакой муке. Ах, Аня, как мне здесь все ненавистно. Какие подлые немцы; а русские, может, еще хуже немцев. Эмс, большею частию, каждые две недели переменяет своих жителей: остаются не более $^1/_3$ старых, а другие уез-

жают, так что вдруг начинаешь примечать, что совсем пошли другие физиономии. Если б ты, Аня, знала какие здесь противные физиономии; прежде был еще остаток публики, бывшей при императорах,[333] а теперь — это бог знает что такое. Я все стараюсь ни с кем не знакомиться, хотя есть которые гоняются, чтоб со мной познакомиться (из русских, например). Кроме того — Эмс страшно дорогой городишко. Я очень много плачу́, и если б ты знала, как всякий из этих немцев считает тебя за доходную статью, как безо всякого стыда приписывает на счете то, что ты никогда не брал, надеясь, что ты не проверишь! Но обо всех этих мелких подробностях расскажу после, если только будет стоить потом припоминать о такой пакости.

Вторник 21 июля.

Твои анекдоты о детишках, дорогая ты моя Анька — меня просто обновляют, точно я у вас побывал. Лилины «*добрые люди*»[334] меня ужасно развеселили: я читал твое письмо в саду, только что получив с почты и выбрав уединенную скамейку, чтоб прочесть, и расхохотался так, что и сам не ожидал. А знаешь, в воспитании наших деток есть большой недостаток: у них нет *своих* знакомств, т<о> е<сть> подруг и товарищей, т<о> е<сть> таких же маленьких детей, как и они. А все-таки, хоть ты и пишешь письма, а я об детях беспокоюсь страшно. — Почему Федин жар не понравился Шенку? Находит он это опасным, что ли? Впрочем, во всяком случае, скоро вас всех увижу. Теперь не худо чаще писать уже хоть потому одному, чтобы знать поскорее, когда нужно прекратить письма. Полагаю, наверно, что к 1-му августа отсюда выеду, а ведь бог знает: может, и до 7-го августа велит остаться Орт. Излечение хоть и заметно, а все-таки идет довольно медленно. Правда, до 1-го числа еще 9 дней, даже 10, но все мне как-то не верится, что можно в этот срок получить облегчение окончательное, потому, н<а>пример, что вот хоть сегодня, н<а>прим<ер>, с утра кашель усилился, потому что в воздухе очень сыро и понизился барометр, хотя дождь и не идет. Невероятно кажется воображению, чтоб все это так вдруг прошло, хотя и действительно получилось облегчение. — Опять-таки, если долго лечиться, то выдержит ли организм? Мне здесь только что рассказали про одного больного, который принял ванн 20 (я ванн не принимаю) и почувствовал чрезвычайное облегчение; но доктор, обрадовавшись, прописал ему еще 10 ванн и тем вдруг ослабил его так, что все прежнее лечение было парализовано, и он уехал больнее, чем приехал. Орт особенно расспрашивал меня (и спрашивает каждый раз), не начинаю ли я чувствовать слабости, потери сил? Я в последний раз отвечал ему, что ничего такого не чувствую, но не знаю, правду ли я сказал? Я уже давно чувствую как бы беспрерывную усталость, хотя пью, ем, сплю и хожу по-прежнему. Здешние воды, говорят, очень сильны, и я понимаю, что Орт боится расстроить организм и тем потерять все результаты леченья.

На днях встретил здесь Штакеншнейдера,[335] того самого, который прокурором в Харьковском окружном суде. Он только что женился в Харь-

кове, в мае месяце, и поехал с женой, месяца на два, заграницу (это как мы, помнишь, только мы не на два месяца). Он очень простодушный и откровенный молодой человек, очень неглупый, был у меня и рассказал мне, что были они в Париже и там — поистратились, но так, что приходится очень и очень рассчитывать, как добраться до дому. Но в Швейцарии, дней 5 тому назад, в Цюрихе, одна медицинская знаменитость, которую он просил осмотреть свою немного заболевшую грудь, осмотрев его, испугался и велел настоятельно, пока они здесь заграницей, не потерять времени и хоть две недели да полечиться Кренхеном. (Сюда многих присылают недели на 2 или даже на 10 дней. Они стоят в тесной квартирке, впрочем, ходят в лучший table-d'hôte обедать. Ей лет 18, и она очень недурна собой (hautes couleurs *) — совсем русская, и оба они ругают ужасно немцев. Я у них не был и норовлю нарочно отдать визит в тот час, когда по расчету их не будет дома. Дело в том, что мне все это скучно, всякое знакомство, всякое новое лицо скучно. Нет, Аня, голубчик, я себя, ей богу, по праву считаю выше всей этой среды — не нравственными достоинствами, конечно (об этом богу судить), а развитием: что их веселит, то мне скучно, разговоры их, мысли их — для меня бесцветны и мелки, тон их — низок, образование совершенно ничтожное, самостоятельности никакой, зато чванство и грубые выходки. Я не про Штакеншнейдеров говорю, а про всю эту здешнюю шваль, и русских, и немцев. Я до того иногда раздражителен, что хоть и даю себе слово молчать, но не могу иногда удержаться. Давка у Кренхена, где раздают воду в стаканы (ты отдашь свой стакан, и тебе из-за балюстрады возвращают его наполненный), ужасная. Хуже всего хлопочут и теснятся женщины и, кто бы мог подумать, — старики немцы. Отдает стакан и толкается, и рвется вперед, и руку протягивает, и весь дрожит. Почти каждый день я какому-нибудь из этих немцев не удерживаюсь и читаю наставления: Mein Herr, man muss ruhig sein. Sie werden kriegen. Man wird nicht verzeihen.** И вообще я считаюсь (я слышал это) между некоторыми пьющими [человеком] немцами очень желчным русским — и, как ты думаешь, главное за то, что я не даю обливать себя водой (как случилось раз) и сверх того не даю класть себе сзади, на мое плечо или спину, руку с стаканом сзади меня ожидающего. Немцы до того грубо воспитаны (все), что если он стоит сзади кого бы там ни было в ряду и ждет очереди, то так как он держит в руке стакан и от нетерпения беспрерывно подымает его, чтоб показать, что он ждет, то, чтоб не держать стакан на весу, он и кладет обыкновенно свою руку с стаканом на плечо впереди стоящего, даже хоть на даму. Я этого раз не позволил и прочел одному немцу наставление, что он дурно воспитан. Немец вспыхнул и ответил мне, что здесь места нет для салонных вежливостей. Я ответил ему, что, чтоб быть вежливым, для деликатного человека всегда найдется место. Тем и заключился спор. Поверь, Аня, что измучившись $1^1/_2$ ча-

---

* цветущего вида (*франц.*).

** Господин, нужно быть спокойным. Вы получите. Такое не прощают (*нем.*).

совой прогулкой (при питье вод), когда придешь домой и пьешь в 9-м часу сквернейший в мире кофей, но с ужаснейшим аппетитом, то, вспомнив иногда об утренней какой-нибудь встрече, так и захохочешь. Ну, а в другой раз ужасно досадно и серьезно: нельзя же все приписывать действию вод — есть и вещи сами по себе очень досадные, независимо от действия вод.

В другой раз на днях, в table d'hôte, рядом со мной, одно многочисленное русское семейство, заметил я, ищет моего знакомства. Ну и пусть. Но я ни слова еще не сказал, а мне, встречаясь, все вдруг начинают кланяться. Отец семейства (егоза ужаснейшая) полез заговаривать о литературе. Нечего было делать, я сел на третий день обедать на другом конце залы и уж, кажется, явно сделал, потому что прежнее место давно уж считалось моим. Что ж ты думаешь, он-таки пришел ко мне на новое место разговаривать. — Есть, впрочем, и порядочные русские.

Но, впрочем, я все тебе пишу о таких пустяках. Скучно мучительно, — вот что главное! Клянусь, до сих пор я не знал, что такое скука. Перекрещусь, выехав из Эмса. Но, кстати — куда выеду из Эмса? Здесь у докторов за правило взято послать хоть на неделю, после конца курса, подышать чистым воздухом: в баварский Тироль, например, или даже на Комо. Но я, очевидно, до того истощу здесь финансы, что хоть на прямое у меня на все достанет, но заезжать куда-нибудь уже нельзя будет. Не хватит кармана.

Анька, милая, радость ты моя, об которой мечтаю, обнимаю тебя крепко-крепко. Будь здоровее, будь веселее (отчего ты хоть в преферанс не играешь, как в прошлый год) и ходи за детьми. Детишек благословляю и цалую. Напоминай им обо мне. Скажи им, что я только об них и думаю. Ну, прощай. Пошел дождь (при 25 град‹усах› тепла), и хоть почта и близко, но не знаю, как туда попаду. Еще раз обнимаю тебя и цалую *всю, как ты и вообразить себе не можешь*.

Няне и всем поклон.

Твой весь Ф. Достоевский.

Я здесь очень похудел — всем телом: *действие вод*.

73. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› ‹Старая Русса.› Среда 10 июля 1874 г.

Ты не поверишь, милый и дорогой мой Федичка, как ты меня обрадовал, рассказав, что тебе изрек твой доктор. Я очень счастлива, что грудь твоя заживает и, бог даст, заживет совсем. Я мечтаю встретить тебя совершенно здоровым и молодцом. Мы, слава богу, здоровы, и все у нас благополучно. По обыкновению ходим на ванны, а я пью свою несносную воду. Аппетит у меня ухудшился. Дети после купанья отправляются к качелям (около театра, помнишь?). Люба качается, а Федя взлезает по разнообразным лестницам, устроенным для гимнастики, и

очень доволен, когда взлезет высоко. Я, конечно, его поддерживаю, и если бы он упал, то прямо мне на руки. Дети очень полюбили ездить на извощике, и я довольно часто нанимаю с ванн; дети в восторге, что проезжают на лошади мимо батюшки, бабушки и прочих знакомых на нашей улице. Любят тоже ягоды, и в этом отношении их очень балует Александр Карлович. Вообще детки ни в чем отказу не видят. На днях Федя, придя к Анне Гавриловне, говорит: а я знаю, что ты из этого шкапа берешь (при этом указал на тот шкап, из которого она вынимает для него гостинцы). Она тотчас встала и дала ему конфету. Тонкий намек! Я рассказала это Любе и спросила, зачем это он сказал (не говоря, что ему дали конфету), она и говорит: мама, знаешь, ведь это он гостинцев просил. На днях Люба крестится и говорит про себя: «Слава богу, слава богу». Я спрашиваю, о чем она молится. Она говорит: «Слава богу, что федино рожденье близко, ты мне купишь куклу в розовом платье». Сегодня, получив письмо, я рассказывала о тебе няне; Федя слушал, слушал да и говорит: «Это вы про барина?». Он со слов няни тебя тоже называет барином. Ну вот, что помню о детишках. Они тебя помнят и очень любят. Федя на мой вопрос, какой ты с виду, ответил, что ты большой, с бородой и с волосами и что у тебя зубы «железные». Какие железные? А такие, какие в Петербурге у бабушки. Не забыл этой мелочи.*

Милый Федя, так как ты проедешь через Петерб<ург> в 1-х числах августа, то непременно зайди к Пантелееву.[336]

74. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<Старая Русса.>
<В Эмс.> Суббота 13 июля. 6 час<ов> вечера 1874 г.

Пишу тебе, мой милый и дорогой Федичка, по обещанию 14 числа (т<о> е<сть> оно пойдет завтра, 14 июля). Я рассчитываю, что оно застанет тебя в Эмсе, но на всякий случай посылаю с этою же почтою письмо в Париж[337] для того, чтобы мой дорогой муж мог знать о нас что-нибудь. Мы, слава богу, здоровы, и у нас все благополучно. Ходим на ванны исправно; погода стоит отличная. Деточки стали тебя очень поджидать и беспрестанно говорят о твоем приезде. Люба недавно утром говорит: «Мама, какой я видела стласный (страшный) сон, я видела, что папа приехал, вас дома никого нет, а я одна караулю дом и одна встретила папу». Разве это страшный сон? — спрашиваю я. — «Что ты, мама, я сказала сладкий сон, а не страшный».

Потом недавно говорит, что она и я будем именинницы в один и тот же день. Я спрашиваю, как же это так? Да ведь будет Веры, Надежды, Любви и матери Софии, ну а ведь ты и есть мать, значит и име-

---

* *Далее лист отрезан за исключением последующих строк.*

нины вместе. Люба любит ходить ко всенощной и теперь находится в церкви, а Федя у нас решительно нигилист, говорит: не хочу в церковь, и ходит только к ранней обедне, когда получает от батюшки просвиру.

Я дивлюсь Феде: как только он выйдет из дому, то бежит изо всей мочи и бегает почти целый день; он не боится ничего, лошади, коровы, гуси ему нипочем. Каждый мужик, привозящий к нам на двор дрова, сено и песок, непременно везет Федю на телеге, и Федя без боязни едет с чужим мужиком. Грозы не боится. Если он такой в 3 года, что же будет дальше? Он невзлюбил дом батюшки и ни за что туда не идет, а выискал себе какую-то 2-хлетнюю Машеньку, с которою качается на качелях; он очень любит эту девочку и говорит, что ее жених. Раз я говорю: «Федя, хочешь я возьму к нам Машеньку?» — «Хочу, хочу. Ну, а Лиля куда пойдет?» — «А Лилю я отдам ее отцу». — «Ну так не надо Машеньки». — Значит, Лиля-то дороже его сердцу.

Милый Федя, через 4 дня, т<о>е<сть> 18 июля, напишу в Эмс и в Париж, а теперь пока прощай, целую и обнимаю тебя миллионы раз и люблю бесконечно. Спешу отнести, чтобы сегодня пошло. Целую еще раз.

Твоя нежно, крепко и горячо тебя любящая Анька.

Новостей никаких нет. Мама еще не приехала. Все тебе усердно кланяются.

16 июля мы отпразднуем достойным образом, Федю причастим, подарю ему лошадь, Любе куклу, а няне платье. Вспомни и ты о нас в этот день.

75. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 26/14 июля. Воскресенье. <1874.>

Бесценный друг мой Аня. В прошлом письме своем ты обещала писать во вторник, и так как в таком случае письмо твое должно было прийти *непременно* вчера, в субботу, то я был чрезвычайно поражен, что оно не пришло. Мало того, сегодня, в воскресенье, заходил утром в 8 часов на почту (почта из Берлина приходит и [иногда] в 10 часов вечера), думая, что вчера поздно могло прийти твое письмо, но опять-таки услышал: «Nichts da».* Признаюсь, я в большом волнении, и дай бог, чтобы с вами со всеми ничего не случилось.[338] Ночью даже худо спал, думая, что ты захворала, а потому и не могла написать. Воображаю тоже, не случилось ли какой беды с детьми, и ты не хочешь писать, чтобы не испугать меня. Ах, Аня, если ничего не случилось, то худо с твоей стороны, голубчик, обещая наверно и точно писать, — сманкировать. Если б ты знала, как на меня это все болезненно дей-

---

* «Ничего нет» (*нем.*).

ствует! Вот я тебя теперь упрекаю, а сам думаю: «А что, если она теперь больная лежит». — У нас здесь, в Эмсе, такое проклятое заведение, что по воскресеньям, с 9 часов утра, почта заперта и открывается лишь вечером, на одно какое-то мгновение. И вот уже я здесь 5 воскресений, а ни разу не мог застать это мгновение, потому что точного часу не назначено; придешь вечером, — говорят: «Сейчас была отперта, а теперь уж до завтра». Это у них такой порядок при таком огромном числе посетителей! — Так что я теперь вдвойне в тоске. Может, и сегодня не получу письма от тебя, если даже оно и придет. Что же, если не получу и завтра и послезавтра? Тогда телеграфирую. Пройду сегодня на телеграфную станцию узнать, нет ли телеграммы. Вообще весь день для меня сегодня будет мученьем, вплоть до того времени, как получу от тебя что-нибудь.

Если б получил вчера, то вчера же и отправил бы тебе ответ. А сегодня, так как почта будет заперта, то не знаю, удастся ли еще отправить. Кроме того, что мне, прежде отправки, хотелось бы сначала и твое письмо получить, на случай если в твоем письме будет что-нибудь, на что надо будет настоятельно-скоро ответить. — О себе скажу, что леченье мое идет ни то, ни се. Вот уже 10 дней прошло, как Орт назначил мне усиленный против прежнего прием вод, предвещая успех. В результате, хоть и есть *действительно* облегчение, т<о>е<сть> — все-таки меньше перхоты, легче дышать и проч., но хрипота в известном (больном) месте остается, и больное это место в груди окончательно не хочет зажить. К тому же у нас, последние 4 дня, дожди, а утром туманы и холода. Усиленье хрипоты приписываю, конечно, этой сырости (сегодня, например, ясный день, хотя утром был страшный туман, и мне несравненно легче), но уж одно то, что *по-прежнему* сырость имеет такое влияние на грудь, показывает, что болезнь не прошла и что, перестань я пить Кренхен, и *все* опять воротится. В результате думаю так: нельзя, чтоб я не вынес какой-нибудь (и может значительной) пользы от леченья в Эмсе, но эта польза очень-очень похожа на ту пользу, которую я вынес зимой от леченья сжатым воздухом, т. е. что получил решительное облегчение, что без лечения сжатым воздухом, может, лежал бы и иссох от лихорадок и дизентерии, но тем не менее полного излечения *не получил. Так, верно, будет и здесь.* — Вчера ходил к Орту и объяснил ему, что до срока, положенного им самим в прошлый раз (9 дней назад) для моего лечения и излечения, с надбавкой лишней недели и проч. (о чем я писал тебе), — остается всего 3 дня (срок выходил во вторник) и что я прошу его посмотреть меня. Он осматривал и слушал и, кажется, по виду его я заключил, что результат *не совсем* благоприятен. Он сказал мне, чтоб я еще остался в Эмсе неделю, так чтоб было ровно 6 недель моему пребыванию в Эмсе, и опять-таки весьма утвердительно обещал результат благоприятный. Я остаюсь, таким образом, примерно до 3-го или 4-го августа, а там уж и не знаю, набавит ли он мне еще неделю или нет? Думаю, что нет. — Этим Ортом я, все время, не совсем доволен; он обращается как-то легкомысленно и лечит

точно наугад. — Штакеншнейдер болен, кажется, еще больше меня и приехал сюда всего только на 3 недели, так как буквально не может пробыть дольше, и его доктор, Гроссман, которого мне здесь многие хвалили за его старательность и чрезвычайную внимательность к своим больным — Гроссман назначил ему разом и Кренхен, и пульверизационное лечение горла (здесь всех этим лечат), и минеральные ванны. Я же еще вчера приставал к Орту, не прибавит ли он еще чего к лечению моему, и он отвечал, что ничего не надо. Штакеншнейдер удивился, услыхав, что Орт даже горло мое не рассматривал никогда. Мне давно уже говорили, чтоб я сходил к Гроссману. И вот я вчера утром, перед Ортом, пошел к Гроссману. Тот, выслушав, что я лечусь уже 5-ю неделю у Орта, наотрез отказался меня выслушать: «У вас, дескать, есть доктор, так чего же вы ко мне приходите». Вот какие у них здесь нравы. Он, из camaraderie,* из ремесленной своей чести, отказывает больному, тогда как больной имеет полное право не доверять своему доктору, а он обязан помогать всякому приходящему. Больной, таким образом, не смеет даже доктора переменить.

Таким образом, я пробуду здесь, от сегодня, еще неделю, и, может быть, ½ недели следующей, а там, конечно, уеду, тем более что более 6 недель никто и никогда здесь не брал курса. Если не вылечился в такой срок, как 5 недель, то оставаться долее бесполезно. Таким образом, думаю, голубчик Аня, что по получении этого письма, если захочешь мне сейчас ответить, то ответить можешь (и я даже прошу тебя непременно написать), ибо очень может быть, что письмо еще успеет дойти. На всякий случай напиши его покороче. К тому же ведь я же оставлю здесь адрес на Петербург poste restante, и письмо это непременно нам воротят, прошу же я непременно написать потому, что, может быть, останусь и дольше, как решит Орт; я же пойду к нему не раньше понедельника или вторника после будущей недели, т<о> е<сть> дней через 9 от сегодня, чтобы получить полнее результат по отбытии всего назначенного им срока.

Чтоб заключить о себе, скажу еще, что вообще здоровье мое здесь чрезвычайно укрепилось, хоть я и не потолстел вовсе. Все отправления мои (сплю, ем и проч.) превосходны, каких уже много лет не было, и даже силами я гораздо крепче, чем когда приехал сюда, бодрее, меньше устаю. Штакеншнейдер находит, что я цветом лица несравненно лучше, чем как он помнит меня в Петербурге. Все это я приписываю не эмскому климату, который ужасен, а решительно действию Кренхена (вот почему все еще надеюсь, что он и груди поможет, потому что здесь самый явный признак успешного лечения — это тот, когда весь организм параллельно исправляется). Что же до скуки моей здесь, то она безмерна, неисчислима. Я не знаю, куда деваться от нее. Считаю, что это даже ненатурально, а болезненно. К Эмсу я чувствую отвращение, ненависть, злобу. Теперь я вижусь лишь с одним Штакеншнейдером, да и

* из солидарности (*франц.*).

то у источника; мы пьем и прохаживаемся вместе. Он, по-моему, прекрасный и препростодушный человек. Молодая женка его больше сидит дома и даже немного больная (ногами). Они звали меня, и я раз у них был. Они очень экономят, хотя и получили деньги. — Да и я не знаю, как сэкономить, потому что деньги очень выходят, несмотря на то что все расходы мои ведутся точно и правильно. Обедаю я теперь дома (мне приносят из отеля, за талер), чтоб не обедать за табльдотами, где почти везде, в залах, сквозной ветер. — Дома же очень работаю над планом, об этом ничего не пишу. Но если выйдет план удачный, то работа пойдет, как по маслу. То-то как бы вышел удачный план! А выйдет ли? Мне бы хотелось написать что-нибудь из ряду вон. Но одна идея, что От‹ечественные› Записки не решатся напечатать иных моих мнений, отнимает почти у меня руки.[339] Но об этом не упишешь в письме. Вообще думаю о будущем очень. Думаю и о том, чем будем жить: задача большая. Выручал бог до сих пор, как-то будет дальше. Подлинно на одну только милость его надеюсь.

Голубчик ты мой, скоро, может, увидимся. Как я мечтаю об этом! Письмо это продержу как можно долее, в надежде, что придет сегодня от тебя. Ах кабы пришло, а то не поверишь, как я боюсь. Обнимаю тебя и детишек, благословляю их. Мне все снятся дурные сны, брат, отец, а их явления никогда не предвещали доброго.[340] Ты знаешь, я этому давно уже принужден верить, по грозным фактам. Целую тебя крепко, стал м е ч т а т ь об тебе больше, а это тяжело. Скажи что-нибудь от меня детишкам. Живы ли, здоровы ли они, мои ангелы? Всем кланяйся, няне особо. Твой всегдашний и неизменный

Ф. Достоевский.

5 часов вечера. Сейчас отперли почту, и от тебя нет ничего! Господи, что же это с вами случилось! Но если ты больна, почему же Александр Карлович[341] не может уведомить; а слово дал. Аня, Аня, если б ты знала, как я теперь буду мучиться! Мне и без того до того тошно, что хоть руки на себя наложить от тоски! Но что если в самом деле беда, а не одна твоя забывчивость! Господи, да хоть бы какое-нибудь уведомление, хоть несчастное, только б не эта неизвестность!

76. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 16/28 июля ‹18›74.

Милый друг мой, Аня, вчера, в понедельник, т‹о› е‹сть› 15/27-го, получил твое письмо от 7-го июля,[342] с деньгами; выходит, что письмо твое (помеченное воскресеньем) шло 8 дней. Согласись сама, что так как ты обещала написать во вторник и письмо должно было прийти в субботу, а я не получил ни в субботу, ни в воскресенье, ни даже в понедельник утром (8 дней), то и был как сумасшедший; я вообразил, что и бог

знает что с вами со всеми случилось. С воскресенья на понедельник (может быть, отчасти и от беспокойства) у меня был припадок, т<о> е<сть> каких-нибудь две недели спустя после бывшего недавно, так что теперь у меня очень тяжела голова, хотя припадок, сколько судить могу, был далеко не из самых сильных. — Письмо это пишу тебе наскоро, чтоб уведомить поскорее о получении твоего письма и поспеть на здешнюю почту. Удивила ты меня присылкой 50 р., Аня; но ведь я тебе, кажется, уже писал, что у меня не хватит денег съездить в Париж,[343] и я ехать и не располагаю уже давно. — Если б был в Париже, то, конечно, купил бы тебе твою матерью, и мне очень странно, что ты в своем письме стараешься уверить меня, что ты тоже имеешь право на эти деньги. Да, разумеется, имеешь; мне-то уж не следовало этого писать.

Я, по крайней мере, весьма часто упрекаю тебя, что ты, при деньгах, не делаешь себе ничего нового (шляпки, н<а>прим<ер>, и проч.). Но если б я и побывал в Париже, то, признаюсь, [твое поручение] ужасно боялся бы не угодить покупкой, потому что в этом деле понимаю мало. Ты пишешь: если не фай, то 2 костюма, суконных; но я уж совсем не знаю, какое тут сукно надо купить. Ты пишешь, что ни в каком другом городе, в Германии, не покупать, надеясь на французскую дешевизну. А вон Штакеншнейдеры только что из Парижа, где кое-что купили, и говорят, что в Париже вовсе не дешевизна; даже, напротив, с тех пор как уменьшилось во Франции повсеместно производство, все даже вздорожало. — Впрочем, повторяю, мне в Париж проехать будет трудно, за недостатком денег, а потому, наверно, не поеду. Деньги же твои постараюсь не истратить. В Берлине, мне кажется, товару очень много, много и чистого парижского, и не знаю, слишком ли дороже, чем в Париже.

Сегодня вторник 16/28, а когда я отсюда отправлюсь — не имею понятия. Пробуду неделю, положенную Ортом (срок выйдет на следующей неделе), а там, надо полагать, он, наконец, меня и отпустит. Сколько приглядываюсь, почти никого уже не остается из той публики, которая была во время моего приезда, все кончили курс и выбрались. Один я решительно всем глаза намозолил. Если уж в шесть недель не вылечился, то вряд ли можно взять количеством. Говорят здесь, что воды не сейчас оказывают действие, а потом, зимой скажутся. Дай-то бог. Здесь мне еще в начале замечали, что 3-я неделя леченья вообще всем благоприятна, а на 4-й опять начинает становиться хуже. Точь-в-точь так было и со мною. На 3-й неделе Кренхена я иногда чувствовал себя точно как бы совсем был здоров и возмечтал о совершенном излечении. А на 4-й неделе стало, видимо, хуже. Правда, портили мое лечение припадки; от припадка как-то сжимает грудные мускулы, и вчера, н<а>пример, сейчас после припадка у меня ужасно усилилась хрипота. — Погода у нас тоже не лекарственная; вот уже дней 6 тарабарщина страшная, то солнце, то ветер, то дождь (в день раза три), то туман. А сырость мне пуще всего. Если б эмские воды, да не в таком климате, право, бы они всех излечивали. Здесь теперь особенно наехали русские. Штакеншней-

деры скучают, как и я, но им, конечно, веселее жить, так как все-таки они вдвоем. Я же один, как перст. Иногда, особенно после обеда, тоска, с которой ничто не может сравниться, а вечером и тошно, и грустно, и вдобавок ветер или дождь. Во все шесть недель ни разу барометр не стоял на хорошей погоде, так что если и были хорошие дни, то непременно завтра же надо было ждать перемены. Сама m-me Штакеншнейдер все сидит дома; она больна ногами, простудила еще в детстве и ревматизм; хоть она и недурна собой и, кажется, порядочный человек, но все-таки странная охота жениться на больной женщине. — Других знакомых я почти не имею, с иными только кланяюсь. Немцы же здесь несносны, нестерпимы. Княжна Шаликова мне уже написала письмо из Рейхенгаля. — Остальные разъехались. Задача для меня, отпустит ли меня на будущей неделе доктор иль нет? Если б ты знала, как мне здесь тяжело, то поняла бы, что я об том только и забочусь, когда отсюда выеду.

Твоему письму я пуще потому обрадовался, что узнал, что вы живы и здоровы. Если б вчера не пришло оно, то вчера же послал бы телеграмму, с тем и шел. Напишу тебе, во всяком случае, еще письмо (а может, и два). Расцалуй и поздравь за меня Федичку, три года — экой большой человек! А ведь я видел его, когда ему было три минуты. — Рад ужасно, что и твое здоровье (по письму твоему) лучше, а то я об тебе здесь-таки думал. Заботы, Аня, лежат впереди! За работу надо садиться, а я все еще над планом сижу. Стал ужасно на этот счет мнителен. Как бы только удачно начать! Думаю, что падучая оставит меня в покое хоть в 1-е месяцы работы. А что если я слабее стал для работы, т‹о›е‹сть› слабее материально, так что и работал бы, да голова долго уж выносить не может, как прежде бывало? До свидания, ангел мой, обнимаю тебя крепко, детишек благословляю, цалую. Ведь вот опять скоро в город, и опять деткам за двойными рамами сидеть. Всем поклон, Ал‹ександру› К‹арлови›чу, батюшке, няне. Карточку Гамбетты[344] привез бы, да где достать? Еще раз обнимаю тебя, люби меня тоже, люби в самом деле, только бог один видит, как я тебя люблю.

Твой весь Ф. Достоевский.

77. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 17/29 июля ‹18›74.

Бесценный друг мой, Аня, приписываю сегодня несколько слов ко вчера отправленному тебе письму, в ответ на твое, полученное мною вчера после обеда, уже после того как отправил тебе вчерашнее письмо. Ты, верно, и не воображала, что твои оба последние письма придут почти в одно время. Но таков наш российский почтамт, — который делает, что хочет, что вздумается ему, и на который нет закона. Задер-

жать 4 дня лишних письмо, потому только, что оно страховое! (Не в Германии же его задержали!). Ты пишешь, что рада моему оздоровлению; а в результате — я вовсе не вылечился, разве что легче немного, а каково-то будет зимой. Впрочем у меня все еще продолжается припадочное состояние (третий день припадка). Эти припадки очень расстраивают грудь (сдавливают там что-то) и, сверх того, вчера и сегодня здесь у нас, в проклятом Эмсе — дождь как из ведра. У нас и до того было 5 дней дождя, но вчера и сегодня это черт знает что такое. Кренхен ли или климат, но только здесь все почти очень потеют. Каково же при поте быть в такой сырости? Поневоле простужаешься. Благодарю, что не забываешь писать мне об детках: только об них и думаю, их и во сне вижу. Но прошу тебя, Аня, не давай мне больше комиссий. Вообще женщины думают, что если уж поехал куда, так у него вдесятеро больше времени, чем у другого человека. Так, н<а>прим<ер>, пишешь, чтоб я зашел в Петербурге к Мих<аилу> Мих<айлови>чу спросить насчет тех 400 р. по векселю Голубевой.[345] Но, друг мой, я нахожу твое распоряжение весьма дурным. Кроме того, что я в Петербурге буду лишь мимоходом, жить в нем не могу, да и не хочу — я просто могу не застать Мишу; тогда оставаться лишний день в Петербурге? что ли? Это все легко говорить. К Мише я, конечно, зайду, хотя и не обязуюсь *выжидать* его, но я удивляюсь, почему ты не хочешь написать Мише? 30 июля срок, и если ты даже думаешь, что и ответу от Миши не дождешься, то все же надо бы ему написать, чтоб *напомнить*, чтоб показать, что мы *не забыли*, и, кроме того, нехорошо оставлять такую сумму в его руках, а потому *напоминание* может подействовать *охранительно*. Не то чтоб я не доверял ему, но ведь... Написать же тебе надо всего 4 строки счетом. А я почему еще знаю, когда буду проезжать через Петербург? На будущей неделе я пойду к Орту, и что он скажет, так и будет. Если он настоятельно велит остаться еще неделю, то я останусь. Велел же Кошлаков 6 недель Кренхена; а я пью Кренхен всего еще 5-ю неделю. — Не нравятся мне тоже твои распоряжения *о сю пору* насчет писем в Париж и в Берлин. Но я еще, может быть, здесь промедлю. Если же буду проезжать через Берлин наскоро (потому — что́ мне там делать?), то будет хлопотливо нарочно бегать на poste restante за письмом. Что же до Парижа, то я, как ни рассчитываю, заключаю, что мне в нем не быть, — денег нет. Так наше письмо там и останется на веки веков. Ты пишешь: «Это на случай того, если ты уедешь 16 июля»; но если я и писал об этом когда-то, то ведь не наверно же, да и тогда прямо говорил, что завишу от доктора. 16-е июля было вчера, а я не только не уехал, но, может, еще 10 дней здесь пробуду.

Впрочем, не прими с моей стороны за ворчанье. Я только хочу сказать, что ты слишком ско́ра и не принимаешь в соображение многих посторонних обстоятельств.

Не прими тоже этой писульки за письмо. Я просто приписываю ко вчерашнему. Вчера мне было очень, очень скучно. Здесь время тянется как-то мертвенно. Кое-что составил в *плане*, но и сам не знаю, доволен

или нет. Мне все думается, Аня, что с осени начнется для нас очень скучное, а может, и тяжелое время. Впрочем, в припадке, в дождь, и в скуке, как здесь — не будут мерещиться красивые картины.

Теперь, если здесь и кончу когда-нибудь лечение, то сколько останется переезду — господи создатель! До Берлина, до Петербурга, до Старой Руссы дни и ночи не спи! Вообще очень некрасиво время.

До свидания, голубчик, цалую тебя очень и детишек. Я Любочку всю ночь во сне видел. И что это, в самом деле, у меня так загостилась падучая, Эмс что ли способствует климатом? Это очень может быть; в этом подлейшем месте, наверно, заключены все гадости. Обнимаю тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Детишек цалуй и говори им обо мне.

78. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 20 июля/1 авгус<та>. Суббота. <18>74.

Получил вчера, милый друг мой, Аня, письмецо твое, на которое и спешу тебе ответить, хотя все еще не имею ничего написать определенного, так как к доктору пойду лишь во вторник. Думаю *наверно*, что он меня, на сей раз, отпустит и я в среду же, если не во вторник, и выеду из Эмса — вероятнее всего, в Петербург, хотя еще сам не знаю, может быть, и проеду куда-нибудь для прогулки поближе, потому что Эмс наскучил до смерти. Тем не менее все еще это не наверно (хотя я и думаю, наверно). Он может еще предложить мне остаться неделю, и тогда я, разумеется, останусь, в случае если он будет говорить особенно настоятельно. — А про Париж, — я как ни считаю, все до такой степени выходит в обрез, что вряд ли с такими финансами благоразумно бы было рискнуть на поездку. — Если в Берлине остановлюсь, то посмотрю тебе *фая* (смотр не беда). Там товар продается с настоящей парижской пломбой, и, как уверяют люди, можно купить не дороже парижского, потому что в Париже умеют слупить с путешественников и, как рассказывают, заставят непременно купить не дороже, а *больше*, чем нужно; это тамошняя, говорят, манера. Разумеется, если худой товар и дорого, то я не куплю. Я к тому, что товару в Берлине бездна. — Хоть и получишь это письмо, и хоть очень вероятно, что я выеду в половине будущей недели, но все же обращаюсь к твоему благоразумию и советую не принимать буквально: Орт все может переменить. Если переменит, то, разумеется, уведомлю. Но если оставит еще на неделю, то я последние излишки мои из оставшихся денег принужден буду здесь прожить. Вот уж прошла почти неделя, назначенная в последний раз Ортом, а что пользы? Скрип в груди (от припадка ли или от ненастья) не проходит. Одним словом, хоть и есть облегчение от всего лечения, но болезнь остается.[346] Вся на-

дежда, что лечение скажется, говорят, еще впоследствии, зимой. Ну там что еще будет.

Благодарю тебя, милая моя, что об детишках пишешь: я Любочку как будто вижу перед собой. Соскучился я по них ужасно. Сегодня ночью видел тебя во сне и очень жалел, проснувшись, что тебя со мной нет. Видел тоже и Любочку: она плакала и что-то говорила мне. Очень я на их счет стал мнителен, чуть три дня, и я уж задумываюсь, не случилось ли чего. Сегодня, в первый день, кажется, после припадка, освежилась совсем голова. Если б не эти припадки, право, мне леченье помогло бы больше. Одно что несомненно, — то что я, во всем остальном, чувствую себя несравненно здоровее прежнего: силы, сон, аппетит — все это превосходно. Хоть этот выигрыш приписываю эмским водам и тому, что 6 недель аккуратно вставал в 6 часов. Штакеншнейдер уверяет, что он никогда не видал у меня такого свежего лица, как теперь. — Во время последних дождей и туманов здесь многие простудились. Несомненно, простудился и я. — С некоторой заботой помышляю о том, как мне придется возвращаться, и, главное, заботит меня дорога из Петербурга в Ст<арую> Руссу: еще, чего доброго, придется ждать парохода, возиться с озером. — Как грустно, что нечего и не на что привезти вам гостинцу. — Все-таки я думаю к августу или в начале нашего августа я в Руссе буду, так, как и предполагал. Боюсь, как мы жить будем в Петербурге, т<о> е<сть> о средствах; все об этом думаю. Как будем нанимать квартиру? Вот тоже забота! — Приготовил я здесь 2 плана романов и не знаю, на который решиться. Если в августе вполне устроимся, то в конце августа примусь писать, и знаешь ли, о чем думаю: хватит ли сил и здоровья для таких каторжных занятий, какие я задавал себе до сих пор? А что вышло: романы оканчивал, а здоровье все-таки, в *целом*, расстроил. Если здоровье будет такое же, как в первую половину прошлой зимы, то будет не совсем хорошо для работы.

Хоть Эмс и начал понемногу пустеть, но русских в нем тьма сколько. И какой он скучный в дождь, все в тумане, совершенный ноябрь. (Жалею, что не имею шерстяных носков для езды ночью по Новгород<ской> дороге и по озеру в случае ненастья). Дай бог, чтоб в Руссе застать хорошую погоду. Хорошо бы приехать тоже в Петербург не к воскресению или в праздник, чтоб можно было застать людей. Штакеншнейдеры тоже уезжают на следующей неделе, в Гатчино, но я постараюсь поехать не с ними вместе. Кстати, выходит, что во Франции самая высокая плата за дорогу: из Эмса в Париж 70 франк. без поклажи, и что всего хуже — вторые классы даже и не существуют в прямом сообщении. По крайней мере на дебаркадере здесь продаются до Парижа особые билеты mixt, т<о> е<сть> по Германии во 2-м классе, а по Франции в 1-м. Штакеншнейдеры прокутились и экономят ужасно, а между тем по Франции ехали в 1-м классе, уверяя, что французский 1-й класс хуже немецкого 2-го, потому что как сельди в бочонке напиханы и сиденья ужасно устроены. Езда уж слишком сильная, оттого антрепренеры дороги и куражатся. — Кстати, Штакеншнейдеры мне положительно сказали, что *фай*

в Париже уже не считается модной матерьей и что теперь им пренебрегают, говорят, что он ломок, дает складку и в складке вытирается, а что модная матерья из черных теперь другая и называется драп и что на нее все накинулись и все берут. Они мне показывали этот драп: очень похожий на фай, но более на прежний пудесуа * глясе.

Хоть и скоро увидимся, а все об вас думаю с заботой; как бы только не случилось чего дурного. А там, Аня, опять жить на ура, или, вернее, как бог пошлет. И что всего хуже — все еще есть долги, ничего и скопить нельзя. Хоть бы на три годика хватило моего здоровья, авось бы как и поправились. Но обо всем этом подробнее поговорим и повздыхаем при свиданьи. А теперь что-то скажет Орт. До свиданья, бесценный друг мой. Ты одна в моей душе и в моих мечтах. Расцалуй и прибереги детишек, а я весь ваш всегда и везде, обнимаю вас крепко и душевно.

Ваш Ф. Достоевский.

Все поклоны как следует.

P. S. Сегодня утром встало было яркое солнце, а теперь опять ветер и немцы и облака. Грустно здесь.

79. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 17 декабря ‹18›74.

Милая Аня, у нас все благополучно.[347] Детки пока еще очень умны, поселились в гостиной, наставили стульев и играют. Я встал в 2 часа, — никто не будил, видно, слишком утомился от излишне ревностного с тобой прощания. Детишки кушали телятину, молоко, сухари и ездили кататься; потом пошли снег отгребать, всего гуляли примерно минут 40. Я нашел, что это возможно. Где-то ты теперь, доехала ли до Новгорода? Буду ждать телеграммы. Главное, не насилуй себя и не напрягай излишне в Петербурге: у тебя много времени, имей в виду главнейшее в делах, т‹о› е‹сть› некоторых кредиторов (Варгуниных).[348] Не забудь и про нас: все-таки нам очень нужны деньги, а до некоторого времени я отношения мои с Некрасовым даже и благонадежными считать не могу.[349] На почту понесу, как ты сказала, незапечатанный конверт, но вряд ли будут какие спросы Мертвого Дома. Да и в Петербурге теперь развал,[350] не до того. Предчувствую, что у тебя с Пантелеевыми[351] выйдут неприятности, и если будут какие сделки с купцами, то вряд ли ты их уладишь. До свидания, обнимаю тебя и целую горячо.

Тв‹ой› весь Ф. Достоевский.

Не торопись излишне; лучше окончи дела, если б даже что и замешкалось.

---

* *От франц.* Padua *(название города) и* soie (шелк) — *плотная шелковая материя.*

80. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 18 декабря ‹18›74.

Милая Аня, сегодня утром меня разбудили [утром] в 9 часов твоей телеграммой, чему впрочем я был рад. Благополучно ли доехала; теперь в эту минуту ты уже, может быть, видела и Ивана Григорьевича, и Пантелеевых (с которыми, конечно, побранилась). Ради бога, Аня, не тревожь себя и действуй спокойнее, не кидаясь, без отчаянья, а пуще всего береги здоровье и больше спи и *непременно* исполни все то, что я говорил тебе насчет докторов. У нас все благополучно, детки здоровы. Сегодня погода мягче, и я отправил их, впрочем в 2 часа только, к батюшке и дал на извощика. Они ждут игрушек. У Феди я спросил вчера: где теперь мама? Он подумал и с глубокомысленным видом отвечал: «Не знаю». Вчера, во время папирос стали они танцевать, и Федя выдумал новое *па*: Лиля становилась у зеркала, а Федя напротив у дверей, и оба в такт (причем Лиля была очень грациозна) шли друг другу навстречу; сойдясь (все в такт), Федя целовал Лилю, и, поцаловавшись, они расходились, Федя к зеркалу, а Лиля на его прежнее место и т‹ак› далее. Они раз 10 повторили эту фигуру и каждый раз, сходясь, целовались. Было очень грациозно.

Писем никаких, вряд ли и будет. Некрасов, верно, просто отдал печатать; но пришлет ли корректуры?[352] Хорошо, если б все наши дела уладились. До свидания, Аня. Только 20-го разве получу от тебя что-нибудь с некоторым изложением обстоятельств. Но лучше расскажи, приехав, больше интересу, а мне присылай разве простой перечень, да уж очень выдающиеся происшествия. До свидания, обнимаю тебя крепко.

Твой, сердечно тебя любящий и по тебе тоскующий

Ф. Достоевский.

Детки тебя цалуют.

Не беспокойся об нас, у нас пока все хорошо.

81. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 19 декабря ‹18›74.

Милая Аня, пишу тебе вот уже третье письмо. Надеюсь, что сегодня хоть несколько строк получу от тебя. У нас все здоровы и все благополучно. Детки гуляют и играют. Сегодня погода довольно теплая, но несколько сырая; но гуляли много. Ведут себя прекрасно; Федя немножко слишком буянит, но очень невинно, Лиля очень мила. Заспорили о лопатках, и так как Федя не хотел ей дать свою поиграть, то она объявила, что он «сестру не любит». А Федя отвечает мне: «Что она говорит, я ее день и ночь люблю». Потом из кабинета слышу ужасный плач Лили. Вошел: она, рыдая, жалуется, что Федя не захотел сидеть у ней на ко-

ленях, как у няни. «Если ты только у няни сидишь, так пусть же она тебе сестра и будет». Я примирил тем, что посадил Лилю, а Федю к ней на колени и, действительно, просидели с минуту.

Я послал тебе вчера письмо Черенина.[353] Неважно спрашивает: 5 экземпляров! Все они боятся отдавать должные деньги, и, наверно, у него не 6 экземпляров Бесов продано, а больше, так что он, чтоб только деньги не отдавать, и не спросит еще «Бесов». Стало быть, давать на комиссию не совсем выгодно. — Да и предчувствую очень, что «Мертвого Дома» не много разберут.[354]

Теперь, в эту минуту, ты, должно быть, ужасно хлопочешь, ходишь и ездишь. Не торопись, не рви, а главное, береги здоровье. Мне все мерещится, что ты там простудишься и что-нибудь схватишь. Хороша ли погода? Непременно будь у докторов.

Вчера прислала свое письмецо Прохоровна, которое я и послал тебе. Ради Христа, отыщи ее * и дай ей что-нибудь к празднику, но не менее 3-х рублей. Пожалуйста, Аня.

Я здоров. Дети здоровы и спят хорошо. Скучно без тебя очень, очень. Обнимаю тебя и цалую, детки тоже.

Твой тебя любящий
Федор Достоевский.

Береги здоровье.

82. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 20 декабря ‹18›74.

Милая Аня, вчера получил твое сонное письмецо,[355] строк в 10 и был очень доволен, что ты хоть доехала благополучно. Главное здоровье. Как-то ты проводишь время? Жду тебя не только с нетерпением, но и с любопытством. Авось кое-что порасскажешь. Деточки, слава богу, здоровы совершенно, только чтоб не сглазить. Мне они не мешают; я сплю по утрам подолгу. Хоть нынче день и не особенно холодный, и не ветреный, но сыроватый, инейный. Я их, однако, отпустил гулять к батюшке и дал на извощика. Лиля премилая, Федя тоже, но немного отбился от рук, няню не слушается и шалит; по ночам спит очень хорошо, так же и Лиличка. Ждут тебя и вчера говорили, что тебя очень любят. Вчера, в обед, зашел батюшка (Георгиевский) [356] и просидел с часок, пока не пошли на почту. Увы, из книгопродавцев никто почти не откликается. По-видимому, Мертвый Дом сядет, разве потом, медленно и исподволь по библиотекам разберут и кое-какие любители. Не очень-то нас ценят, Аня. Вчера прочел в «Гражданине» (может, и ты уже там слышала), что Лев Толстой продал свой роман в Русский Вестник, в 40 листов, и он пойдет с ян-

* *В подлиннике ошибочно* его.

варя, — по пяти сот рублей с листа, т‹о› е‹сть› за 20 000. Мне 250 р. не могли сразу решиться дать, а Л. Толстому 500 заплатили с готовностью![357] Нет, уж слишком меня низко ценят, [а] оттого что работой живу.[358] — Теперь Некрасов вполне может меня стеснить, если будет что-нибудь против их направления: он знает, что в Р‹усском› Вестнике теперь (т‹о› е‹сть› на будущий год) меня не возьмут, так как [журнал] Русский Вестник завален романами. Но хоть бы нам этот год пришлось милостыню просить, я не уступлю в направлении ни строчки! Не знает ли что Поляков о нашем деле?[359] Кабы хоть какие-нибудь деньги поскорее и на всякий случай получить! А то, пожалуй, останемся как раки на мели. От Некрасова все еще нет никакого уведомления.[360]

До свидания, Аня, обнимаю тебя; получишь это письмо не ранее 22-го, и, кто знает, может быть, уже тебя не застанет. Это письмо от меня, стало быть, последнее; написать завтра — значит сильно рисковать, что тебя не застанет. Так и знай и не беспокойся. За детей тоже не беспокойся, я за ними смотрю и особой тягости это мне не составляет. Пожалуйста, не теряй и не бросай зря мои письма в Петербурге, где ты остановилась [чтоб не прочли другие]. Кланяйся Михаилу Николаевичу[361] от меня и брату, если застанет письмо. Что Анна Николавна?[362] Не уехала ли с Иваном Григорьевичем? Ей тоже поклон от меня.

До свидания. Береги в Петербурге здоровье; все пишут в газетах про тиф. Берегись, ради Христа.

Твои все Я, Лиля и Федя.
Ф. Достоевский.

Сейчас на почте от тебя письма не получил. Что такое? Всю ночь промучаюсь!

1875

83. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Новгород. 4 февр‹аля› ‹18›75.

Милая Аня, ровно в 6 часов пополудни мы приехали в Новгород.[363] Эти клячи летели, как ветер, и на обеих станциях отдыхали всего по 40 минут. Дорога порядочная, но я на последней пряжке прозяб неестественно, и именно подошвы ног. В моих калошах претонкая подошва. До такой боли прозяб, что хоть кричи. Впрочем, и руки, и спина тоже прозябли. Остановился в гостинице Соловьевой хорошенько погреться и напиться чаю. Мне дали № в 75. Сижу и читаю Голос и пью чай. Тимофей вез превосходно и старательно. Хочет обратно везти меня и поджидать. Это бы прекрасно было. Посылаю тебе одеяло и шейный платок (шарфик), который не нужен. Твердо надеюсь, что ты мне завтра напи-

шешь. Целую тебя и всех троих детишек, Федю, Любу и Неизвестного.[364] Предстоит длиннейший и скучнейший переезд. До свиданья, голубчик, обнимаю тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поклон Анне Николавне.

84. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург. 5 февр‹аля› ‹18›75. 10 часов утра.

Милый мой голубчик Аня, сегодня в 8 часов прибыл в Петербург благополучно. В тех и других вагонах проспал, скрючившись неестественно, почти всю дорогу, так что все-таки не совсем расстроен нервами, хотя немножко устал. Тимофею я дал одеяло и шарфик для доставки тебе, он вез хорошо, но обещался за мной заехать в гостиницу Соловьевой, чтоб довезти меня к воксалу, и не заехал, так что я чуть-чуть не опоздал. Зато у Соловьевой два часа проспал в №. Теперь здесь сижу в Знаменской гостинице, в 48-м №-ре и готовлюсь одеться и пуститься по мытарствам. За № 2 р., цены против летних, сами говорят, что увеличены, и гостиница, во всех отношениях, ветховата, но все-таки, может быть, даже лучше иных других. Денег со мной 32 руб., и, однако, сегодня же надо купить сапоги, потому что мои до того дорогою разорвались, что даже нехорошо, если зайти в них к Некрасову и Мещерскому. Одним словом, я совершенно здоров и только об вас и думаю. Тоскую очень. Лилю и Федю побольше поцалуй. Я видел во сне, что Федя влез на стул и упал со стула и расшибся, ради бога, не давай им взлезать на стулья, а няньку заставь быть внимательнее. Incognito также люблю. Одним словом, всех вас крепко обнимаю. Завтра напишу. Пиши, пожалуйста. И так как теперь меня нет, то отдыхай, ради бога, голубчик мой. Чуть заболеешь или дети, тотчас дай знать. Анне Николавне мое уважение.

Твой Ф. Достоевский.

85. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› ‹Старая Русса.› 5 февраля 1875 г.

Милый, дорогой мой Федя, как-то ты доехал, здоров ли ты? Ужасно за тебя беспокоюсь, не простудился бы ты дорогой; не продуло бы голову и ноги. Кажется, вчера не было так холодно, не знаю, как на озере. Пока не получу от тебя письма, буду беспокоиться. Отдал ли ты ямщику одеяло или взял его с собой; напиши об этом непременно. Наши детишки здоровы, вчера ездили кататься и гуляли, а я ходила к Анне Гавриловне[365] поздравить с прошедшими именинами; принесла от нее детям

конфеты с картинками, чем их очень обрадовала. Вчера Федя говорит мне вечером: ты поставь две свечки, сядь за стол, а мы будем набивать папиросы. Спали ночь прекрасно, я 2 раза вставала — ходила смотреть на Федю. Сегодня спрашиваю у Феди в шутку: что же ты, Федя, ночью не плакал, он отвечает: «Потому я большой!». Дети тебя целуют и кланяются. До свиданья, мой дорогой, целую и обнимаю тебя, пиши подробнее.

Любящие тебя Аня, Люба, Федя
и неизвестный.

Не распространяйся особенно о скуке в Старой Руссе; я говорила, что мы не скучаем. Про жизнь говори, пожалуйста, что дешева, что ведь совершенная правда.

86. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› 6-го февраля ‹18›75. Петербург.

Милая Аня, вчера первым делом заехал к Некрасову, он ждал меня ужасно, потому что дело не ждет;[366] не описываю всего, но он принял меня чрезвычайно дружески и радушно. Романом он ужасно доволен, хотя 2-й части еще не читал, но передает отзыв Салтыкова, который читал, и тот очень хвалит.[367] Сам же Некрасов читает, по обыкновению, лишь последнюю корректуру. Салтыков сделался нездоров очень, Некрасов говорит, что почти при смерти. У Некрасова же я продержал часть корректуры, а другие взял с собою на дом. Мне роман в корректурах не очень понравился. Некрасов с охотой обещал вперед денег и на мой спрос пока дал мне 200 руб. Хотел бы отправить тебе хоть 75 и сделаю это завтра или послезавтра, но решительно вижу, что нету времени. Я был у Симонова[368] и взял билетов на неделю, сеансы от 3 до 5 часов. Это такое почти невозможное время, самые деловые часы! И вместо того, чтоб дело делать, я должен сидеть под колоколом. Затем заехал в редакцию Гражданина и узнал, к чрезвычайному моему [изумлению] огорчению, что князь накануне, 4-го февраля, уехал вдруг в Париж, получив телеграмму, что там умер брат его, флигель-адъютант. Пробудет же, может быть, с месяц. Таким образом, у меня в Петербурге почти никого ни останется знакомых. У Пуцыковича же узнал, что Sine ira в С‹анкт›-Петербургских Ведомостях — вообрази кто! — Всеволод Сергеевич Соловьев![369] Затем был у Базунова, его не застал и взял Русский Вестник. Затем после обеда в 7 часов поехал к Майкову. Анна Ивановна[370] уехала в театр. Он же встретил меня по-видимому радушно, но сейчас же увидал я, что сильно со складкой. Вышел и Страхов. Об романе моем ни слова и, видимо, не желая меня о г о р ч а т ь.[371] Об романе Толстого[372] тоже говорили не много, но то, что сказали — выговорили до смеш-

ного восторженно. Я, было, заговорил насчет того, что если Толстой напечатал в Отеч‹ественных› Записках,[373] то почему же обвиняют меня, но Майков сморщился и перебил разговор, но я не настаивал. Одним словом, я вижу, что тут что-то происходит и именно то, что мы говорили с тобой, т‹о› е‹сть› Майков распространял эту идею обо мне.[374] Когда я уходил, то Страхов стал говорить, что, вероятно, я еще зайду к Майкову и мы увидимся, но Майков, бывший тут, ни словом не выразил, что ему бы приятно видеть меня. Когда я Страхову сказал, чтобы он приходил ко мне в Знаменскую гостиницу вечером чай пить в пятницу, то он и сказал: вот мы с Аполлоном Ник‹олаевичем› и придем, но Майков тотчас отказался, говоря, что в пятницу ему нельзя и что в субботу можно увидеться у Корнилова.[375] Одним словом, видно много нерасположения. Авсеенко в Русском Мире обругал Подростка,[376] но Майков выразился, что это глупо. Статьи Русского Мира я не видал.

Корректур было много, лег спать я поздно, но выспался. Теперь уже два часа, надо не опоздать к Симонову, а меж тем надо и заехать в Гражданин за твоим письмом.

Сейчас принесли еще корректур — все 2 последние главы, их уже Салтыков не читал, и мне надобно перечитывать со всеми подробностями, так что сегодня, кроме бани, никуда не пойду. До свидания, милая, обнимаю тебя и детишек, не претендуй на деловитый слог письма, времени нет, и не знаю, будет ли впредь.

До свидания.

Твой весь Ф. Достоевский.

Вообрази, Порфирий Ламанский умер от того, что закололся в сердце кинжалом![377] Его впрочем хоронили по христианскому обряду.

87. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› ‹Старая Русса.› 6 февраля ‹1875.›

У нас все благополучно, мой милый и дорогой Федя, детки здоровы и веселы, хотя уже и теперь начинают спрашивать: скоро ли папа приедет? У нас случилось маленькое происшествие: наверху сбивали полы, и у нас в зале от стукотни обвалился карниз и отлетели обои. Дети, игравшие в другом конце залы, очень испугались, особенно Федя, который очень плакал и долго не мог успокоиться. Я тотчас сходила к хозяйке, чтобы тотчас остановили работы, а то я сегодня же выеду с квартиры; решено оставить до начала мая, до нашего отъезда. К детям нашим пришли поповы, все и даже Фаинка и играли у нас целый день. Ночь спали хорошо, я два раза ходила к Феде. Жду сегодня твоего письма, но, по всей вероятности, получу только завтра. Голубчик мой, пожалуйста, заноси письма сам на Николаевск‹ую› жел‹езную› дорогу, это от тебя

близко, и я буду получать днем раньше. Хожу по вечерам с Лукерьей на почту и получила вчера газеты и Гражданин; писем ни от кого нет. До свиданья, мой неоцененный, цалую тебя крепко.

Твоя Аня.

Об нас не беспокойся, у нас все будет чудесно, вот ты-то, ради бога, не захворай и, кончив дела, возвращайся домой; у меня сердце по тебе болит.

88. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург. Февраля 7. ‹18›75.

Милый друг, Аня, я все занят ужасно, и времени у меня ни на что недостает. Вчера навалили корректур видимо-невидимо, и еще не продержанных начисто; меж тем во весь день нельзя было заняться ими. Написав к тебе вчерашнее письмо, пошел к Пуцыковичу, где письма от тебя не застал.[378] Затем вдруг, воротясь в гостиницу, получаю повестку от участкового пристава явиться 7-го (то есть сегодня) в 9 часов утра для объяснений по паспорту. Предвидя, что в 9 часов утра мне нельзя, я тотчас поехал в участок; никого не застал, сказали — вечером. Чуть было не опоздал под колокол. Симонов все просит меня дать осмотреть ему грудь, но для этого надо заехать к нему за полчаса раньше, а я и сегодня предчувствую, что опоздаю. Из-под колокола приехал в гостиницу обедать. Эта Знаменская гостиница ужасно обветшала, а цены огромные. Чуть сел обедать, пришел Пуцыкович и принес от тебя письмецо (N. B. Таким образом, твои письма получаются у него чуть не в вечеру). Посидел с Пуцыковичем, пока обедал; я нахожу, что это чрезвычайно порядочный человек. Затем полетел в участок. Там продержали часа два. Пришел, наконец, паспортист: «У вас де дан вам билет на жительство; но он временный, а по закону вы должны были давно обменить его на постоянный паспорт».— Конечно, дело; но я стал спорить. Помощник пристава (с Владимиром в петлице) начал спорить тоже: не дадим вам паспорт, да и только; мы должны наблюдать законы. — Да что же мне делать? — Дайте постоянный вид. — Да где я его теперь возьму? — Это не наше дело. Ну и в этом роде. — Но дурь однако же в этом народе. Это все только, чтобы перед «писателем» шику задать. Я и говорю, наконец: в Петербурге 20 000 беспаспортных, а вы всем известного человека как бродягу задерживаете. — Это мы знаем-с, слишком знаем-с, что вы всей России известный человек, но нам закон. Впрочем, зачем вам беспокоиться? Мы вам завтра иль послезавтра вместо вашего паспорта выдадим свидетельство, так не все ли вам равно. — «Э, чорт, так зачем же вы давно не говорили, а спорили!». Затем поехал в баню. Воротясь и напившись чаю, сел за корректуры и просидел до $5^1/_2$ утра. Наконец, повалился спать. Вдруг слышу в соседнем №, который был пустой, хохот, женский визг, мужской бас, и так

часа на три: только что приехал какой-то купец с двумя дамами и остановился. И вот я лежу и не сплю, наконец, заснул капельку и пробудился в 1-м часу, но спал всего часа четыре. Чувствую раздражение нервов и даже озноб. Затем пить чай, тебе писать письмо, одеваться, заехать в редакцию за письмом и успеть попасть к Симонову к $2^{1}/_{2}$ часам. Но где же попасть?

До свидания, Аня, обнимаю и цалую детей. Сегодня опять, стало быть, ни одного дела не сделаю, но зато кончены корректуры и сегодня ночью, может, высплюсь. — Роман Толстого читаю только под колоколом, ибо иначе нет времени. Роман довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются, понять не могу.[379]

До свидания, Аня, милая, обнимаю тебя и всех детишек.

Твой весь

Ф. Достоевский.

Историк Костомаров[380] лежит в тифе. Всеволод Крестовский[381] лежит в тифе. Симонов говорит, что тиф теперь совершенно действует как зараза, вроде чумы, и редко когда так бывало. Но не беспокойся, милочка Аня, за меня. Нас бог бережет, твердо верую, а тебя люблю крепко. Твой.

89. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› ‹Старая Русса.› 7 февраля 1875 г.

Вчера я получила два твои письма, мой милый и дорогой Федя, одно с почты, а другое от Тимофея, который доставил мне шарф и одеяло. Он спросил меня, «не написал ли барин на него в письме жалобы», я говорю: пишет, что ты его заморозил; он мне отвечает: «Извините, мороз это уж не от меня-с!». Федя тотчас вытащил ему напоказ свою Матренку и своего Ваську. Очень рада, что ты доехал благополучно, но ужасно боюсь, не простудился ли ты дорогой, ты пишешь, что ты перезяб. Тебе необходимо купить в обратный путь валенки. У нас все благополучно, дети вчера отдали визит поповым, причем Федя был в новых панталонах и очень ими гордился. Ночь спали хорошо. Вообще новостей нет никаких. Каждый день жду с нетерпением вечера, чтоб получить от тебя письмо. Боюсь, дорогой мой Федичка, что расстроят тебя твои благоприятели; ради бога, не поддавайся «наветам коварным».[382]

Будь здоров, мой дорогой Федя, и думай почаще об нас. Детишки тебе кланяются и цалуют тебя. Мама посылает поклон. Любящая тебя твоя Аня.

Привези один фунт конфект на долю Анны Гавриловны.

90. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› 8-го февраля ‹18›75. С.-Петербург.

Милая Аня, вчера от тебя письма не было; если и сегодня не будет, то буду очень беспокоиться. А у меня и без того много досад и расстройств. В нынешнюю ночь лег раньше, в третьем часу, но так как не спал прошедшую ночь, то заснул только разве в четвертом часу. И вот в 7 часов соседи, купец с двумя дамами, подымают опять визг, хохот, самый громкий разговор, доходящий до крику. Отделяется же не стеной, а одной лишь дверью. Я вскочил, оделся и немедленно потребовал другой №. Оказался свободным только один, в 3 р., в самом низу, я немедленно переехал и лег, но уже заснуть не мог. Две ночи, таким образом, не спал, расстроен, даже руки дрожат. Между тем переехать отсюда тоже не могу: паспорт все еще не выдают, а куда я денусь без паспорта? Предстоит ехать к Трепову.[383]

Вчера опоздал в три часа к Симонову и не мог быть на сеансе. Эти часы, от 3-х до 5 у Симонова, совершенно парализуют всю мою деятельность. Они все время берут, и я еще ни одного дела не начинал. Утром должен тебе письмо писать и кое-какие делишки, потом куда я успею до 3-х? Здесь же в гостинице все так медленно исполняют. Закажешь чай, и раньше получасу не подадут. Опоздав, заехал к Кашпиреву, просидел у него с час. Затем поехал к Соловьеву: он очень был рад и кое-что мне рассказал. Жена его больна (от беременности) и не выходит. Однако же он мне ее вывел. Она ужасно молоденькая, имеет вид девочки, с очень большим ртом и с очень выпуклыми глазами; но недурна, пока девочка. Года через три-четыре подурнеет ужасно. И вот он на всю жизнь с женой дурной собою. Он получает жалование, хорошую плату в С‹анкт›-Петербургских Ведомостях и даже в «Пчеле» печатает свою повесть.[384] Денег получает много и в этом смысле спокоен и обеспечен. Живут они еще пока от жильцов, но у них две порядочные комнаты и превосходная (очевидно, его собственная) мебель, картины и фотографии на стенах и проч.

Затем обедал у Вольфа, воротился домой, и в 9 часов пришел Страхов. Он мне искренно и положительно говорил, что Майков ни в каких слухах обо мне не участвовал, да и есть ли слухи, он хорошо не знает. Подросток ему не совсем нравится. Он хвалит реализм, но находит несимпатичным, а потому скучноватым. И вообще он мне сказал чрезвычайно много очень дельного и искреннего, что меня впрочем не смущает, потому что я надеюсь в следующих частях доказать им, что они слишком ошибаются. В Биржевых (или в Новом Времени — Страхов не запомнит) он читал на днях статью о Подростке.[385] Довольно длинную. В ней не то, что хвалят, но говорят, что до сих пор многие принимали типы Достоевского отчасти за фантастические, но, кажется, пора разубедиться и признать, что они глубоко реальные и проч. в этом роде. В Голосе об Отечественных Записках принято никогда ничего не печатать.

Теперь час пополудни, сижу с расстроенными нервами, поеду к Симонову, потом, может быть, в участок, вечером заеду на малое время к Корнилову, чтоб только деньги отдать.[386] Деньги страшно выходят, а я еще ничего не купил. Не понимаю, почему ты не пишешь? Эти предстоящие разъезды к Пантелееву, к Полякову[387] и проч. мучат меня одною мыслию о них! А между тем когда я успею это все сделать? Ужас! До свидания. Цалую тебя и детишек.

Тв<ой> весь Ф. Достоевский.

91. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Петербург.> <Старая Русса.> 8 февраля 1875 г.

Милый, дорогой мой Федичка! Вчера вечером я отправилась на почту с полною надеждою получить от тебя письмо и узнать о твоих похождениях в Петербурге; но, к моей большой досаде, ничего не получила; по всей вероятности, ты бросил письмо не на жел<езной> дороге, а в простой ящик, и оно пошло на другой день. Мы все здоровы, дети веселы, но ждут своего папочку. Так как у нас все обстоит благополучно, то, если не случится чего особенного и если на твое письмо не потребуется немедленного ответа, я завтра тебе не напишу; меня несколько затрудняет утром поспеть на почту непременно до 9-и часов, а мы, пользуясь нашей свободой, спим до 8-и. Жду с нетерпением вечера, чтобы узнать о тебе что-нибудь. До свиданья, дорогой мой, цалуем и обнимаем тебя.

Твои Аня, Люба, Федя и Incognito.

Чтоб Федя вечером рано не засыпал, мы придумали, что ты пришлешь живую лошадь, и он часто подходит к окну узнать, не привели ли ее?

92. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. Февраля 9 <18>75.

Голубчик мой Аня, вчера вечером получил твои два письма разом. Вероятно, 1-е письмо пролежало лишний день в Старой Руссе на почте. Скажи в почтамте, чтоб этого не делали, а то я напрасно буду беспокоиться. Известие о провалившемся потолке меня очень тревожит: во-первых, могло убить детей, а во 2-х, уверяю тебя, она не до мая будет ждать, а до апреля, когда ей будет уже не так страшна угроза, что мы съедем в виду летних жильцов. Да иначе и не может быть, потому что ихняя переделанная квартира, близ самого парка, должна пойти не менее 200 руб. в лето. — Пиши мне непременно каждый день, Аня; без известий о тебе и о детишках я не могу пробыть в здешней тоске. — Вчера

только что написал и запечатал к тебе письмо, отворилась дверь и вошел Некрасов. Он пришел «чтоб выразить свой восторг по прочтении конца первой части» [388] (которого еще он не читал, ибо перечитывает весь номер лишь в окончательной корректуре перед [последней] началом печатания книги). «Всю ночь сидел читал, до того завлекся, а в мои лета и с моим здоровьем не позволил бы этого себе». «И какая, батюшка, у вас свежесть. (Ему всего более понравилась последняя сцена с Лизой). Такой свежести в наши лета уже не бывает и нет ни у одного писателя. У Льва Толстого в последнем романе лишь повторение того, что я и прежде у него же читал, только в прежнем лучше» (это Некрасов говорит). Сцену самоубийства и рассказ он находит «верхом совершенства». И вообрази: ему нравятся тоже первые две главы.[389] «Всех слабее, — говорит, — у вас восьмая глава» (это та самая, где он спрятался у Татьяны Павловны) — «тут много происшествий чисто внешних» — и что же? Когда я сам перечитывал корректуру, то всего более не понравилась мне самому эта восьмая глава, и я много из нее выбросил. Вообще Некрасов доволен ужасно. «Я пришел с вами уговориться о дальнейшем. Ради бога, не спешите и не портите, потому что слишком уж хорошо началось». Я ему тут и представил мой план: то есть март пропустить, и потом апрель и май вторая часть, затем июнь пропустить, и июль и август третья часть и т. д.[390] Он на все согласился с охотою, «только бы не испортить!» Затем насчет денег: вам, говорит, следует всего без малого 900; 200 руб. вы получили, стало быть, следует без малого 700; если к этому прибавить 500 вперед — довольно ли будет? — Я сказал: прибавьте, голубчик, тысячу. Он тотчас согласился. «Я ведь, говорит, только ввиду того, что летом, пред поездкой за границу, вам опять еще пуще понадобится». Одним словом, в результате то, что мною в Отеч<ественных> Записках дорожат чрезмерно и что Некрасов хочет начать совсем дружеские отношения.[391] Просидел у меня часа $1^1/_2$, так что я опять чуть не опоздал к Симонову. Весь вчерашний день я был совсем как больной от расстроенных от неспанья нервов. Деньги полагаю, что получу завтра или послезавтра. Тогда, Аня, и вышлю то, что по расчету должно остаться у нас, т<о> е<сть> около 1000, а до тех пор как-нибудь займи хоть у батюшки. Потому что не только у меня времени нет выслать эти 75, которые я обещал, но даже и не из чего, потому что деньги идут в ужасающих размерах. Вчера вечером был у Корнилова и отдал ему 45 р. по 10 взносу в Славянский[392] и в Любителей[393] и 25 р. от неизвестного (пари).[394] Корнилов принял меня удивительно ласково и внимательно, очень меня расспрашивал, ходил со мной и рассказывал, рекомендовал и знакомил. (Между прочим, познакомил с своим старшим братом).[395] (*Несколько слов зачеркнуто*). Было человек до 20 разного народу. (Майков не пришел). Был Страхов и просил зайти к себе вечером в [вторник] понедельник.

Дело в том, голубчик Аня, что за неимением достаточных денег ни у кого (по делам) и быть не могу. Но пуще всего лечебница Симонова; она пришлась в такие часы (от 3 до 5), что все мое время парализует.

Конечно, надо вставать раньше (часов в 9) и ложиться раньше. Но меня 2 последние ночи измучили, я спал по 4 часа в сутки и менее. Нынешнюю ночь думал наверстать и лег вчера в 2. Но нервы до того расстроены, что часа $1^{1}/_{2}$ не мог заснуть, ночью беспрерывно просыпался и хоть встал в 11-м часу, но все-таки настоящих семи часов не спал. С завтрашнего, с понедельника надо как-нибудь приняться за дела. Совсем забыл про иные твои распоряжения, например, надо ли дать сколько-то денег Полякову или нет? Впрочем, думаю, все обделаю, не беспокойся. Я только об вас беспокоюсь. До свидания, ангел, люблю тебя и чувствую и сверх того нужду в тебе ужасно большую. Целую детишек и благословляю. 15-го-то, думаю, уехать отсюда наверно, а то так бы и раньше. Обнимаю тебя, голубчик, будь здорова и уведомляй о каждой мелочи. Всем поклон.

Твой весь тебя цалующий муж

Ф. Достоевский.

93. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<Старая Русса.>

<В Петербург.> Понедел<ьник>. 10 февраля <1875.>

Милый, дорогой мой Федичка, ты меня положительно напугал твоим последним письмом, рассказав, как сильно действует тиф. Голубчик мой, ради самого бога, поспеши устроить дела и приезжай домой, я до тех пор не успокоюсь, пока не увижу тебя дома и здорового. Ты пишешь, что у тебя озноб, не обратился ли он теперь во что-нибудь серьезное? Если почувствуешь себя хоть немного нездоровым, то сейчас же пошли за Бретцелем и от меня не скрывай. Бедный мой Федя, ты там совершенно измучаешься с корректурами и беготней. Я очень рада, что ты дружески встретился с Некрасовым и что ему роман понравился; а каков прием Майкова и Страхова! Каковы люди!!! Мы с тобой и прежде это угадали! Мне очень жаль, что Мещерский уехал. Ну что за глупая история с твоим паспортом: жили по нем лет пятнадцать и вдруг нельзя; экие глупые придирки, верно, ждали от тебя взятки. И что за свидетельство они тебе выдадут, узнай хорошенько, а также, где надо хлопотать постоянный вид и долго ли это дело затянется. Нельзя ли его поручить Полякову, он должен это знать, да и должен же он что-нибудь делать. Видишь, на постоянном паспорте должны быть вписаны твои дети, так ты спроси хорошенько в квартале, нужно ли выслать им метрические свидетельства? А то как же их потом вписывать? Да и можешь ли ты по этому свидетельству просить паспорт заграницу, который тебе придется доставать от Новгор<одского> губернатора.[396] Вот вздумали сделать историю. Милый мой, я так за тебя боюсь, что готова просить тебя приехать, не кончив дел, чтоб ты только не заболел. Голубчик мой, вышли мне немного деньжат, а то мы оскудели. Дети здоровы, мы тоже, гуляют много, но часто вспоминают об тебе. Они цалуют и обнимают тебя.

Голубчик, не вздумай по поводу Симоновой лечебницы остаться дальше; ей богу, тиф страшнее кашля. Федя, ведь мы не получили Р‹усского› Вестника за декабрь прошлого года, не забудь захватить. Я вчера тебе не послала письма, как уже тебя и уведомила об этом. Мы, слава богу, здоровы, и за нас беспокоиться нечего; вот ты-то как! Твоя любящая Аня.

Если захвораешь, ради бога, телеграфируй, я сама приеду.

94. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› ‹Петербург.› Понедельник, 10 февраля ‹18›75.

Голубчик мой Аня, вчера я от тебя письма не получил. Да ты бы писала и подавала с вечера на почту, чем по утрам-то. Пишешь, что и от меня не получила. Я сам кладу в кружку каждый день и каждый день пишу, но они неровно выбирают, иногда после двух, а иногда и до двух. Вчера был в лечебнице. Лечебница парализует все мои дела, отнимает весь день, пересекает его глупейшим образом надвое. Из лечебницы после обеда поехал к Полякову и отдал ему 50 р. Он мне не сказал ничего нового. Есть в виду какие-то покупщики, да что он поедет с Коршем[397] великим постом в именье и проч. Я попросил его, что знает, написать тебе. Потом заезжал к Прохоровне, а потом домой, чтобы раньше выспаться и поправить нервы. Не тут-то было: в залах гостиницы праздновалась свадьба купцов-лавочников, сотни пьяных гостей, музыка, конфетти. Я лег в 2, до $5^{1}/_{2}$ не мог заснуть, потому что по нашему коридору бродили и кричали забредшие сверху пьяные. Я вскакивал, отворял двери и ругался с ними. Теперь голова болит, мочи нет. Если б только не действие сжатого воздуха, который успокаивает нервы, то думаю, что у меня от бессонницы и от раздражения наверно бы был припадок. До свидания, голубчик, цалую тебя, детишек и всех. Скажи детям, что Прохоровна им кланяется и любит их, а об Феде над его карточкой плачет. У ней и Федя, и Лиля висят на стене. Всем кланяюсь. Как только получу от Некрасова деньги, сейчас поеду к Пантелееву и т. д. Как хотелось бы поскорей домой. Здесь мое здоровье хуже во многих и других отношениях. Цалую тебя и детей.

Твой весь

Ф. Достоевский.

95. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Петербург.> <Старая Русса.> 11-го февраля 1875 г.

Милый, дорогой мой Федя!

Меня очень удивило, что ты не получил в пятницу моего письма; я пишу письма каждый день за исключением воскресенья; не пропадают ли они в редакции? Мы все, слава богу, здоровы, но ждем тебя с нетерпением, особенно я, так я боюсь, чтобы ты не захворал. Голубчик мой, что ты не шлешь мне деньги? Сделай одолжение, попроси Пуцыковича или Мишу[398] отправить ко мне 50 руб.; я сижу положительно без копейки, а обращаться к отцу Иоанну не хочется, он сам едет в Петерб<ург> на масленую, ему деньги нужны. Прошу тебя, не откладывай присылку денег до своего приезда. Мне за тебя очень больно, что ты имеешь так много хлопот; если не успеешь к Полякову, то не езди, с ним можно переписаться отсюда. Да нельзя ли переменить часы у Симонова, действительно, они тебе очень мешают.

Вчера получила вексель от Манухина;[399] просит продать ему на вексель 25 экземпл<яров> Идиота и 25 экз<емпляров> Записки из Мертвого Дома; я написала об этом Пантелееву, поторопи его выслать эти книги в Москву. До свиданья, дорогой Федя, цалую и обнимаю тебя. Твоя Аня.

Прости, что пишу на листочках, бумаги нет, а деньги берегу. Не забудь купить бумаги.

Также можно не ездить и к Тришиным,[400] можно послать проценты отсюда.

96. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 11 февраля <18>75.

Милая Аня, вчера так от тебя и не было письма. Да уж не пропадают ли мои письма? Я однако же каждый день пишу. Вчера ничего почти не сделал, был только у Симонова и вечером у Страхова. Страхов знает о моем неудовольствии на Майкова и, кажется, передал ему, потому что Майков прислал мне письмо и приглашает сегодня, во вторник, к себе обедать. Но я еще вчера вечером его видел у Страхова. Было очень дружелюбно, но не нравятся они мне оба, а пуще не нравится мне и сам Страхов; они оба со складкой.[401] Так и быть, обедать у него сегодня буду, но и только. Сегодня утром зашел ко мне брат Коля и теперь сидит у меня, пока я пишу.

От Некрасова все еще не получил, а самому пойти напоминать как-то совестно; но если сегодня не получу, то непременно пойду завтра. Жду с нетерпением, наконец, твоего письма и прошу непременно писать каждый день, подавай с вечера. Очень цалую детей, хочу об них известий. Ужасно мне здесь скучно. Новостей никаких. Цалую тебя очень и благословляю детей. До свидания. Обнимаю всех вас.

Твой весь

Ф. Достоевский.

97. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› ‹Старая Русса.› 12 февраля 1875 г.

Вчера я получила твое письмо от 9 ф‹евраля›, мой дорогой и золотой Федичка, и очень рада, что ты здоров. Но всего более ты меня обрадовал, описав свидание с Некрасовым и его восторг по поводу «Подростка». По-моему, это было непременно искренно с его стороны, ибо зачем ему льстить тебе, когда он тебя уже имеет. Я ужасно счастлива, что ему понравился роман и особенно рассказ матери. Позвольте Вам заметить, милостивый государь, что это я первая назвала рассказ матери «верхом совершенства», а не Некрасов. Все мы здоровы, дети веселы, но каждое утро рассказывают свои сны, что ты возвращаешься домой и привозишь игрушки. Федя сегодня ночью видел волков, «они меня кусают, а я сел на них и погоняю, и погоняю». Насчет денег я вполне одобряю твое мнение выслать их раз, а сама обойдусь своими, а в случае надобности возьму у батюшки. Дорогой мой, как ты устал, должно быть, только тогда успокоюсь, когда ты будешь с нами.

Последнее письмо я отошлю в пятницу, в субботу посылать уже не буду, так как думаю, что ты в субботу уже выедешь. Ты, верно, напишешь мне на днях точный адрес твоего выезда, чтобы я могла распорядиться насчет ямщика. Вообще приедет за тобой ямщик Андрей, Тимофей или Колгушкин, но ты должен ехать на постоялый двор, где останавливаются старорусские ямщики, наискось гостиницы Соловьевой, так как, по всей вероятности, они не подъедут на станцию жел‹езной› дороги. До свиданья, дорогой мой, целуем тебя крепко. Твои Люба, Федя, Incognito и Аня.

Дорогой мой, я начала [видеть пренеприятнейшие сны, главным лицом которых являешься ты].

98. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург. Среда ‹12 февраля 18›75.

Милая Аня, получил от тебя письмо от 10 (понедельник), очень напуганное. Не беспокойся об мне, ради бога: если я чем чувствую себя нехорошо, то это нервами, потому что в гостинице и не на своем месте, и со всеми этими предстоящими хлопотами не могу выспаться. — Не пугайся же, все устроится, а я, разумеется, ни одного лишнего дня не буду. Лечебница Симонова взяла все мое время и не дает мне кончить ни одного из дел. Спешу написать тебе и пойду сейчас к Некрасову и, если можно, возьму денег. Пишешь, чтоб я прислал: клянусь, у меня нет ни одной свободной минуты. Получу от Некрасова — все пришлю, разом; а до тех пор займи у священника. Вчера, как сидел у меня Коля [402] — вошел Корнилов (значит, отдать визит), был чрезвычайно мил и просидел больше получасу. Вот деликатнейший человек. Затем после Симонова

поехал к Майкову обедать. Это дело вот в чем: я Страхову, у Корнилова, выразил часть моей мысли, что Майков встретил меня слишком холодно, так что я думаю, что он сердится, ну а мне все равно. — Страхов тогда же пригласил меня к себе в понедельник, а пригласительное письмо Майкова было вследствие того, что Страхов ему передал обо мне. Майков, Анна Ивановна и все были очень милы, но зато Страхов был почему-то со мной со складкой. Да и Майков, когда стал расспрашивать о Некрасове и когда я рассказал комплименты мне Некрасова — сделал грустный вид, а Страхов так совсем холодный. Нет, Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением Эпохи, и прибежал только после успеха Преступления и Наказания.[403] Майков несравненно лучше, он подосадует, да и опять сблизится, и все же хороший человек, а не семинарист. — Сейчас от Майкова, вечером, зашел к Сниткиным. Александра Николаевича не было дома, жены его тоже, но я просидел у жены Михаила Николаевича,[404] и потом пришел он из Воспитательного, и я чрезвычайно приятно провел у них время до 11 часов, в разговорах. За тальмой схожу еще раз.

Если в субботу не выеду, то хотелось бы ужасно в воскресенье. До свидания, милая, много не пишу, потом расскажу. Обнимаю тебя крепко и целую, ты мне очень нужна. Детишек всех обнимаю очень, целую и благословляю.

Твой тебя крепко любящий Ф. Достоевский.

Здесь вышел один колоссальный анекдот об известных нам лицах, расскажу, как приеду.[405]

Паспорт до сих пор еще не получил, но не беспокойся.

99. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург Среда 12 ‹февраля 18›75.

Сегодня вечером получил из редакции твое письмецо от 11-го, милая Аня, и сегодня же вечером пишу ответ, хотя отошлю завтра и сам поеду отдавать в большой почтамт. Посылаю тебе, голубчик мой, девятьсот 900 рублей. Никогда я предположить не мог, чтоб ты так зануждалась и написала мне такие отчаянные просьбы о присылке денег. Но, друг мой, ведь ты сама же говорила, что всегда можешь занять у батюшки или у Анны Гавриловны.[406] Я же так рассуждал, что заем на 2, на 3 дня, при таких верных деньгах, которые я получаю, не может нисколько повредить твоей чести. Это мелочность! Я же писал уже тебе давно, чтоб ты заняла. Я, конечно, мог и из выданных мне Некрасовым 200 отослать тебе, но ей богу же! не было времени ни капли, чтоб самому ехать посылать. Мало того: нет иногда времени даже в редакцию Гражданина заехать.[407] Ну ты представь себе, я съездил к Некрасову, взял сегодня у него деньги,

заезжаю домой, чтоб положить их в чемодан, и вдруг входит Владимир Ламанский,[408] сам, услыхавший от кого-то, что я в Петербурге. Неужто мне прогнать его? Вот я с ним и остался. И так каждый час. Притом же я все не могу выспаться, и у меня расстроены нервы до муки, до ада. А главная причина все та же: что я никак не воображал, что ты будешь стыдиться попросить пустяки у таких добрых знакомых, — тем более, что сама мне про это говорила! Не то конечно бы прислал, потому что настолько-то у меня всегда было, и уж, конечно, я мог поручить Пуцыковичу. — Симонова лечебница все парализует! У меня весь день уходит, но завтра последний [билет] сеанс. Между тем дел бесконечное множество. Сегодня был у Эмилии Федоровны.[409] Завтра постараюсь быть у Пантелеевых или где-нибудь где нужнее. Обнимаю тебя крепко, не сетуй же на меня. Некрасов дал 1600, из них 1000 или без малого вперед, потому что нельзя еще дать точнейшего расчета. Сосчитаемся вперед. У меня в руках 700 с лишком рублей. — Деньги идут неестественно, и я здесь ужасно трачусь. — Целую детей. В субботу думаю, что никак не выеду: Ламанский звал в субботу, а Некрасов в субботу же хочет везти меня к Салтыкову (а я очень хочу завязать это знакомство).[410] Кроме того не был у Кони,[411] не был у Порецкого[412] и не сделал почти еще ни одного денежного дела. Одним словом, в письме ничего толком не опишешь, вряд ли и в воскресение выеду, хотя ужасно бы желал, чтоб в понедельник быть вечером у вас. Ужасно хочется поскорее к вам, изо всей силы буду стараться. Послезавтра, в пятницу, напишу наверно, но если скажешь Тимофею, чтоб ждал меня в понедельник в Новгороде, то, кажется, это будет верно.

Целую тебя и детишек триста тысяч раз, твой весь

Ф. Достоевский.

Ты не поверишь, как ты меня расстроила и огорчила этой просьбой денег. Да неужели это так стыдно занять, Аня! Я и не воображал ничего подобного. Ведь мы не воры и не мазурики, и это доказали.

Сегодня Некрасов встречает меня словами: «А у меня для вас давным давно готовы деньги». Между тем я деликатничал и все не шел, ожидая, что он сам привезет или пришлет. Если б не зашел, то он и еще три дня бы не подумал прислать.

Сегодня встретил у него книгопродавца Печаткина. Боюсь, что передаст другому Печаткину, кредитору,[413] и тот меня здесь разыщет.

У Бунтинга[414] не был, сапогов даже себе еще не успел купить.

Целую тебя ужасно и ручки, и ножки, и всю. Люблю тебя и желаю ужасно увидеть.

100. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› ‹Старая Русса.› Четверг, 13 февраля 1875 г.

Милый мой золотой Федичка! Мне ужасно досадно, что ты не получаешь моих писем — тогда как я пишу каждый день. На почте уверяют меня, что письма отправляются непременно в тот же день; что с ними делать, буду отправлять с вечера. Вчера вечером я получила зараз твои два письма от понед‹ельника› и от вторника, и так как дети бросились ко мне с вопросами о тебе, то я им и подарила по письму от тебя, а затем им прочла. Федя был в восторге, объявлял няньке, Лукерье и молочнице, что он получил от папы письмо, и в заключение сложил его в комочек и положил в портмоне. Все мы здоровы как нельзя более. Голубчик мой, сделай мне большой подарок, купи в аптеке английские соли, которые употребляются при обмороках, нюхать (а не принимать внутрь). Это очень помогает при головной боли, а здесь достать нельзя, а также пломбу в палочках для запломбирования зубов; сделай мне это одолжение. Завтра, в пятницу, напишу тебе в последний раз, а то письмо заваляется в редакции. Голубчик мой, боюсь, как ты будешь домой возвращаться, купи, голубчик мой, себе валенки, ради бога, или мешок для ног, такие мешки продаются в Гостином дворе в сапожных лавках. Завтра уже отыщу ямщика Андрея, Тимофея или Колгушкина и дам ему одеяло; я скажу, чтоб они подъехали к станции, ты спроси у входа, нет ли из Старой Руссы ямщика, который привез одеяло из дома Леонтьева.[415] Если ямщиков тут нет, так надо ехать на постоялый двор и там спросить. До свидания, мой вечный друг Федичка, жду тебя с нетерпением, так я боюсь, чтобы с тобой чего не случилось.

Твоя любящая тебя очень
Аня.

Милый мой, не забудь разузнать, почему твое имя попало в объявление о Ниве.[416]

101. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург. 13 февр‹аля 18›75. Четверг.

Милая Аня, сейчас послал тебе деньги, но в почтамте сказали, что сегодня не пойдет, стало быть, завтра, в пятницу, ты бы не получила от меня письмо, и потому пишу тебе, сидя у Миши,[417] в Обществе взаимного кредита. Итак обнимаю тебя, все благополучно, а деньги получишь в субботу.

Целую детей.

Твой весь
Ф. Достоевский.

Четвергъ 13 февраля 1875 г.

Милый мой золотой Федичька! Мнѣ ужасно досадно, что ты не получаешь моихъ писемъ, тогда какъ я пишу каждый день. На почтѣ увѣряютъ меня, что письма отправляются непремѣнно въ тотъ же день, что съ ними дѣлать, буду отправлять съ вечера. Вчера вечеромъ я получила за разъ твои два письма отъ понед. и отъ вторника и такъ какъ дѣти бросились ко мнѣ съ вопросами о тебѣ, то я имъ и подарила по письму отъ тебя. [illegible] имъ прочла. Федя былъ въ восторгѣ, объявилъ нянькѣ, Лукерьѣ и молочницѣ что онъ получилъ отъ папы письмо и въ заключеніе сложилъ его въ комочекъ и положилъ въ портмоне. Всѣ мы здоровы какъ нельзя болѣе. Голубчикъ мой сдѣлай мнѣ большой подарокъ, купи въ аптекѣ Англійскія соли, которыя употребляются при обморокахъ, нюхать (а не принимать внутрь) и это очень помогаетъ при головной боли, а здѣсь достать нельзя, а также пломбу въ палочкахъ для запломбированія зубовъ, сдѣлай мнѣ это одолженіе. Завтра въ пятницу напишу тебѣ въ пос-

Письмо А. Г. Достоевской к Ф. М. Достоевскому от 13 февраля 1875 г.

лядкій разъ, а то письмо зава-
ляется въ редакціи. Голубчикъ мой
боюсь какъ ты будешь домой воз-
вращаться, купи голубчикъ мой
себѣ валенки, ради Бога, или ме-
шокъ для ногъ, такіе мѣшки про-
даются въ Гостинномъ Дворѣ въ са-
поженныхъ лавкахъ. Завтра уже
отыщу ямщика Андрея, Тимофея
или Колчугюкина и дамъ ему
одѣяло, я скажу чтобъ они подъѣ-
хали къ станціи, ты спроси у
входа нѣтъ – ли изъ Старой Руссы
ямщика, который привезъ одѣяла
изъ дома Леонтьева. Если ямщи-
ковъ тутъ нѣтъ, такъ надо съѣзд.
на постоялый дворъ и тамъ спро-
сить. До свиданья, мой вѣчный другъ
Федичка, жду тебя съ нетерпѣніемъ
такъ я боюсь чтобы съ тобой чего
не случилось.

Твоя любящая тебя очень
Аня.

Милый мой, не забудь разузнать
почему твое имя попало въ объяв-
леніе о Нивѣ?

102. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. Февраля 13<18>75. Четверг.

Милая Аня, давеча я послал тебе девять сот рублей, и, вероятно, получишь их вместе с этим письмом, которое пишу с вечера, потому что завтра утром не будет времени писать. Кроме того, так как в почтамте сказали, что денежное письмо пойдет завтра, в пятницу, то я, в Взаимном кредите, написал тебе строк 6, сидя у Миши. После того был у Симонова и у Пантелеева. Ему я передал твое письмо, но он *знать ничего не хочет* и настоятельно требует другого расчета. Он хочет 2 векселя Надеина, а Кожанчикова [418] тоже оставляет у себя. Одним словом, путаница. В субботу зайдет ко мне; я, выслушав его, думаю, что нечего его долго тянуть, и хочу отдать ему оба векселя; про те же 54 экземпляра, которые проданы, но деньги не получены, он говорит, что и не может получать. Клейн [419] ему положительно не платит. Он составит счет, я по возможности удовлетворю его в субботу, а затем я скажу, чтоб он все тебе сам написал. В случае же если я не отдам векселей, то он говорил даже, что будет задерживать продажу экземпляров. Таким образом, я и не знаю теперь, как разделаюсь с Варгуниным; ясно, что нельзя будет опять всего заплатить; денег у меня вовсе не так много, чтоб всем отдать. Затем зашел к Всеволоду Соловьеву и затем к Сниткиным, которых никого не застал дома (одни в театре, другие в гостях), и взял твою тальму у одной из дев. — Завтра и послезавтра предстоит страшно много хлопот и визитов. Каждый день у меня на извощиков до 3-х руб. — Вчера вечером был у Эмилии Федоровны. — Думаю выехать в воскресенье *непременно*; так и скажи ямщикам. Лучше, если будет Тимофей. Сейчас же вечером получил и твое письмо из редакции. Если напишешь в пятницу, то, конечно, я получу еще твое письмо, но более писать нечего. Постараюсь непременно приехать в понедельник, в Федины именины (барабан и посуду Лиле непременно купи и не дари, держи в тайне, потому что мне здесь решительно нельзя будет купить игрушек, разве какую мелочь). Голубчик мой, у меня страшно расстроены нервы, ужасно боюсь припадка. Никак не могу выспаться, вот беда. Буквально сплю не более 5 часов; непременно будят утреннею вознею в коридоре. Ты видишь сны, а со мной еще хуже. Обнимаю тебя крепко и цалую, детишек тоже очень. Всех вас люблю и благословляю.

Твой весь
Ф. Достоевский.

Разве какой-нибудь самый непредвиденный случай, но непременно выеду в воскресенье.

103. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Петербург.> <Старая Русса.> Пятница, 14 февраля <1875.>

Милый, дорогой мой Федичка, все наши здоровы, кроме меня, вот уже три дня, как голова болит невыносимо. У нас ночью случилось происшествие: умерла наша хозяйка Александра Ивановна[420] от удара. Она еще два дня тому назад была у нас и просидела часа 3. Голубчик мой, это письмо будет последнее, так как я вполне уверена, что ты выедешь в субботу. Но если надо, то оставайся до воскресенья, но, пожалуйста, не дольше. За тальмой к Сниткиным, если не будет времени, не заезжай.

Позволь мне тебя поздравить, дорогой мой муженек, с завтрашним днем. 15-го февраля исполнится восемь лет, как мы женились! Восемь лет! Как они быстро прошли. Голубчик мой, я была все эти восемь лет очень счастлива и знаю, что никто другой не дал бы мне столько счастья. Да и ты, я в этом уверена, не будешь вспоминать это время с неприязненным чувством, несмотря на весь вздорный характер и нытье твоей жены. Голубчик мой, я себе желаю прожить с тобою еще 28 лет, а может, и ты от этого не откажешься. Завтра, несмотря на малые капиталы, у нас будет пир горой. До свиданья, мой дорогой и вечно любимый муж, целую и обнимаю тебя крепко и остаюсь твоей вечно любящей тебя женой Аней.

Все мы ждем тебя с большим нетерпением.

104. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. Пятница, 14 февраля <18>75.

Милая Аня, сейчас получил твое письмо от четверга и решительно поставлен в самое затруднительное положение и беспокойство. Ты решила почему-то, наверно, что я выеду в субботу, и пишешь, что в субботу вышлешь ямщика. Я же не могу выехать раньше воскресенья ни за что. Теперь уж я знаю, что в воскресенье выеду наверно. Вчера же, высылая тебе письмо с деньгами, я узнал в почтамте, что ты получишь его только в субботу. В нем я написал уже почти *наверно*, что выезжаю в воскресенье. В том же письме, которое я написал вчера из Общества взаимного кредита, в 6 строк, я, кажется, забыл написать, что выезжаю в воскресенье. Итак ты получишь в субботу мое извещение, что надо выслать ямщика в воскресение, а он уже выслан тобою за день, в воскресенье подождет поезда, увидит, что я не приехал, и поедет преспокойно назад, а я в понедельник сиди без лошадей. То-то будет история! Одним словом, я в беспокойстве ужаснейшем. Да и как можно высылать, не подождавши моего извещения.

Сегодня езжу и бегаю и живу как в аде. В целые две недели ни разу в театр не сходил. Жил самым подлейшим образом, бегал по комиссиям или сидел в лечебнице. Завтра черт знает сколько еще хлопот. Сегодня был у Тришина, у Варгунина, у Бунтинга, в Гостином дворе и в засе-

дании Славянского комитета. Обо всех подробностях потом. Процентов у Варгунина насчиталось 156 р. — Он даст счет. [Напиши] Скажи детям, что привезу игрушек. Денег идет бесчисленно много, не знаю даже, как быть. Авось в понедельник вечером буду у вас. Обнимаю тебя тысячу раз и целую. Детей благословляю и целую, скажи, чтоб ждали меня в понедельник. Нервы у меня расстроены очень. Множество еще визитов и дел не сделано. Обнимаю тебя крепко, люби меня.

Твой весь
Ф. Достоевский.

Это письмо пишу в полночь и пошлю завтра, в субботу в полдень, — стало быть, это письмо будет последнее. Обнимаю тебя, Аня. Скоро поцалую уже взаправду. И как мне детишек увидеть хочется!

105. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Старая Русса. 6 [марта] апреля <18>75.

Милая Аня, всего только 5 часов с тех тор, как ты уехала,[421] и нового у нас, конечно, не много. Я проспал еще часа 2 и освежился, детки же ведут себя превосходно, играют и не плачут; к ним пришла Фиса.[422] — Конечно, ты до Шимска уже доехала, но как-то далее будет? До твоей телеграммы буду в беспокойстве. Как-то не верится, чтоб ты скоро кончила в Петербурге. К тому же к твоему возвращению, наверно, будет и распутица и Шелонь пройдет. Ну что, в самом деле, если мы и Святую встретим без тебя? Очень будет тяжело. — Думаю как-нибудь присесть поскорее за работу. В Отеч<ественные> Записки не ходи: сам сегодня пошлю в редакцию письмо.

Боюсь я и за тебя, и за всех неизвестных,[423] боюсь, что заболеешь и выйдет что-нибудь худое. Беспокоюсь очень. — Обнимаю тебя и цалую; детки тоже.

По крайней мере цели достигни. Подействуй на Ив<ана> Гр<игорьевича>[424] как-нибудь убедительнее, заручи его чем-нибудь: пусть действительно что-нибудь сделает и построже, не жертвуя судьбою детей, как легкомысленный человек. Каждый кузнец будет бить его детей при такой матери. А аренду непременно, и пусть сам едет в именье, без малодушного глупого стыда.[425] Только нам в аренду ввязываться, не знаю, хорошо ли?

До свиданья, Аня, обнимаю еще раз и цалую. Об нас думай, шляпку купи.

Твой весь
Ф. Достоевский.

106. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<Петербург.> Вторник <8 апреля 1875.>
<В Старую Руссу.> 10 час<ов> утр<а>.

Дорогой мой Федичка, вчера я приехала в 6 часов вечера (а потому и не успела отправить тебе письмо); на станции меня встретил Ваня,[426] приехавший утром. Отправились к нему и проговорили до 10 час<ов> вечера; нашла, что в нем крутой переворот к лучшему, решения его прекрасны, но в письме не объяснишь. Изменился он до того, что его узнать нельзя. У Сниткина я нашла твою телеграмму, из кот<орой> узнала, что ты не получил моей телеграммы, решительно этого не понимаю;[427] я вчера утром до 9 час<ов> отправила. Я здорова. Выеду, по всей вероятности, завтра, в среду вечерком. Дорога очень хороша, и я на ней нисколько не устала. Целую тебя много раз, твоя Аня. Поцалуй покрепче Лилю и Федю. За меня не беспокойся.

107. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 12 мая <18>75.

Милый голубчик Аня, я только что приехал, теперь 10 часов. Остановился в Знаменской гостинице и в том же 6-м номере.[428] Дорога была прескверная, ни капли не заснул, в Чудове ждали часа два, а поезд был хуже, чем когда-нибудь: все места до единого заняты, духота, теснота. Телеграмма твоя здесь получена, но никто еще не взял ее. Впрочем, в эту минуту не пришли еще почтовый и курьерский поезда́ (10 и 11 часов утра). Я, однако, в 11 часов уже отправляюсь по моим мытарствам. Завтра напишу, вероятно, побольше. Здесь хоть и солнце яркое, но холодно, зелени совсем почти нет. Что детишки? Цалуй их крепко, Лилю и Федю. Постараюсь поскорее прибыть к вам: как уехал от вас, так и грустно ужасно. Вас, милостивая государыня, ужасно люблю и считаю великолепнейшим существом. Обнимаю и цалую тебя, милая, крепко. Детишек тоже.

Твой весь
Ф. Достоевский.

Смотри за детками, голубчик, ради Христа.

108. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 13 мая <18>75. Вторник.

Милый друг Аня, запоздал и не знаю, получишь ли это письмо завтра. На железной дороге в ящике вынимают лишь от 12 до 1 часу. — Вчера прибыл и остановился в Знаменской гостинице (№ 16) Иван Григорьевич и Ольга Кирилловна, но утром я их еще не видел, а увидел только ве-

чером уже в 8-м часу, потому что в 11 часов вышел из дому. Был у Некрасова, взял корректуру на дом [429] и взял у него 300 р., обещался прийти ко мне сам в среду (завтра) — вероятно, чтоб говорить об деньгах, о которых я еще не начинал говорить. Пишу все без подробностей, потому что всего не упишешь, затем был у Мещерского, просил к себе в среду. Очень расположен.[430] Затем у Полякова. Этот почему-то и *сам хотел бы* не закладывать именье [431] и прежде меня это высказал, так и решили. Затем зашел в гостиницу и виделся с Ив<аном> Григорьевичем одним, без Ольги. О подробностях после. Копию письма Ольги он не получил [432] и о письме ее едва знал, а ее сам разыскал в Москве. Затем заказал себе платье. Затем пришел домой и, так как предыдущую ночь не спал, то был в таком состоянии, в каком даже никогда себя не чувствовал — так кружилась голова и были расстроены нервы. Затем сел за корректуры, но пришел Пуцыкович, сидел и говорил час. Затем пришел Иван Григорьевич и потом, когда Пуцыкович ушел, сходил за Ольгой и привел ее. Я должен был, по уговору с ним, показать вид, что мне ничего неизвестно.[433] Они же пришли ко мне *судиться*, т<о> е<сть> изложили всю свою историю под видом, что это случилось у них, по соседству, с какими-то помещиками, и, изложив свою историю, спросили моего мнения про разные вопросы. — Затем, когда они ушли в 12 часов, я сел за корректуру, *буквально* едва держась на ногах, отсмотрел корректуру и лег спать в 2 часа, спал часов 10 и проснулся лишь в 1-м часу сегодня.

Об Ив<ане> Григорьевиче и об Ольге Кир<илловне> ничего не могу написать теперь, потому что тут такая путаница, что если б и на словах рассказывать, — то и тут нельзя выразиться понятно. Сейчас опять приходил Ив<ан> Григорьевич, ничего у них не решено, и, по-моему, положение их всех — безвыходное. В денежном только отношении он, кажется, обеспечен, да и то только теперь, то есть сегодня утром. Я выеду в четверг, а в пятницу буду у вас в Старой Руссе. На мой положительный и неоднократный вопрос Ив<ану> Григорьевичу, будет ли Ольга жить в Ст<арой> Руссе, он отвечал, что ничего не решено, да и она, видимо, не хочет. Путаница непомерная.

Обнимаю тебя крепко. Детишек цалую, Лилю и Федюрку etc.[434]

Очень люблю тебя.

Тв<ой> Ф. Достоевский.

Не знаю, напишу ль тебе еще что-нибудь отсюда до четверга.

109. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. 14 мая <18>75. Среда.

Милый друг Аня, теперь первый час; сижу дома и жду Некрасова, который обещался быть ровно в полдень и вот не приходит. Между тем дел набралась куча. Прислал карточку Корш,[435] просит назначить видеться. и

два раза уже был Казанский[436] и не заставал дома. Хочет прийти в 3 часа, а я даже и к Пуцыковичу не могу сходить за твоим письмецом, потому что должен сидеть и ждать всех этих господ дома. Иван Григорьевич, кажется, сегодня с Ольгой уезжают. Очевидно, в Старую Руссу не будет. У них ничего ровно не решено, и положение их дела хуже, чем когда-либо. Так что он сам не знает, что будет, и, кажется, он очень придавлен всем этим. На всякий случай пишу тебе для того лишь, чтоб в случае, если в пятницу не успею приехать, то чтоб ты не оставалась в неведении. Был у Майкова и был у Сниткиных. У Кони еще не успел побывать. Мочи моей нет. Не тревожься обо мне. А о вас всех я думаю и тоскую.

4 часа пополудни. Был Казанский, говорил об имении Рязанском, ничего особенного, передам при свидании. Был Некрасов, с ним все устроил,[437] но деньги получу лишь завтра. — Иван Григорьевич с Ольгой Кирилловной уезжают сегодня к себе в деревню, в Руссу не будут. До свидания, дела много, а ничего еще не устроил, и деньги только завтра. Обнимаю тебя и цалую и всех троих.[438]

Твой весь

Ф. Достоевский.

110. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Ст‹арая› Русса. Суббота, 24 мая 1875 г.

Пишу тебе это письмо, мой милый и дорогой друг Федичка, в субботу в шесть часов вечера, сейчас отнесу его на почту, а пойдет оно завтра, в воскресенье; так что, вероятно, придет в Эмс раньше тебя.[439] Все мы, слава богу, здоровы. Как-то ты поживаешь, мой золотой Федичка, как ты доехал, здоров ли ты? Буду беспокоиться, пока не получу от тебя известия из Эмса. Дорогой мой, я очень по тебе скучаю и даже всплакнула вчера и третьего дня, но стараюсь совладать с собою, завалила себя шитьем и стараюсь как можно больше сшить в день. Дети, слава богу, здоровы и ведут себя хорошо; Лиля сегодня говорила: когда это лето пройдет, и папа приедет? Федя необыкновенно со мною ласков, но часто приходит за гостинцами, хотя я и пригрозила, что когда выйдут гостинцы, то новых уж я не куплю. Впрочем, я выдаю гостинцы гомеопатическими приемами. Александр Карлович устроил детям качели, и они часто качаются. Сегодня же отправились к Георгию ко всенощной. За них не беспокойся, все будет благополучно. Завтра сбираемся идти на ванны на музыку, так как завтра произойдет открытие вод. Дети разоденутся в свои лучшие костюмы, подаренные их папочкой; они заранее торжествуют. Купаться начнем не ранее четверга, так как раньше не успеем пригласить доктора. Бани мы сегодня не топим, ибо та дама очень занята сегодня и обещала быть в понедельник.[440] Получила Гражданин и Семейные вечера и С‹анкт›-П‹етербургские› В‹едомости›, писем же ни от кого не получала. Новостей нет никаких. Грустно мне без

тебя, сокровище ты мое, все различные опасения и сомнения, но я их старательно отгоняю. Напишу тебе во вторник вечером, 27 мая, а пойдет в среду. Цалую и обнимаю тебя, мой дорогой папочка, люблю и верю в тебя бесконечно. Детки тебе кланяются и цалуют тебя много раз. Твои любящие тебя Аня, Лиля, Федя и дорогой неизвестный.

Не забыл ли ты нашего адреса: Перерытица, д. Гриббе.

Милый папочка, я знаю, ты на меня очень сердился в первый день твоего приезда в Петербург. Ты не нашел своего светлого галстука. Голубчик мой, я была так уверена, что его тебе положила!

111. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург. 25 мая ‹18›75. Суббота.

Милый голубчик Аня, я кое-как вчера приехал и не знаю только, успею ли уехать завтра, в воскресение. Есть поезд, который, отправившись завтра утром в 11 часов, будет в Берлине в понедельник, т‹о› е‹сть› на другой день, в полночь. Это бы всего лучше, но предчувствую, что меня завтра задержут, и к тому же, может быть, в сегодняшнюю ночь не высплюсь. У Шармера все-таки задержали платье на сутки для последних поправок, а сегодня еще не принесли его, как обещали. Кроме того, они сами вызвались и взялись сшить мне жилет белый за 8 рублей к сегодня вечером или к завтраму утром. Но если завтра они принесут позже 9, то вот уж и нельзя отправиться, ибо поезд уходит в 11. Взял сапоги, был у Пуцыковича и у Мещерского. — Майков к обеду не пришел [441] и заране отказался, отговорившись, что где-то обедает. Слишком ясно, что не захотел со мной видеться: я к нему и не зайду. Был у Кашпиревых, они очень радостно меня приняли и восторженно отзываются о Подростке. Был у Корша: он на даче где-то, верст за 50, и бывает лишь в Петербурге по вторникам, середам и четвергам. Заходил в банк к Мише: [442] ничего особенного, он готов не закладывать имения и ждать. Александра Михайловна подает опять просьбу и хочет непременно тягаться, по указаниям судебной палаты.[443] Поляков, черт знает зачем, едет в Рязанскую губ‹ернию›.

Я вчера очень устал. Нынешнюю ночь хоть и спал хорошо, но надо бы часом или двумя больше. Здесь ясное солнце, но холодно. Здесь, Аня, все женщины, почти без исключения, надели черное и ходят во всем черном, что очень недурно (*одно слово зачеркнуто*) — мода что ли такая, не знаю. Скажи Федичке, что я очень, очень долго его видел с парохода, а Лиличку, как она мне кланялась. В самом деле, я видел и разглядел ясно, как вы все пошли с парохода. Аня, голубчик, ради бога, смотри за ними и сбереги их. А тебя люблю бесконечно, ты мне ночью снилась. Пиши о себе все до последней подробности, не забудь бабку и баню. До свидания, голубчик, теперь уже напишу из Эмса. Очень вероятно, почти на половину шансов, что завтра не успею выехать и меня задер-

жут, тогда завтра напишу отсюда. Квартир здесь пропасть, но все дороги. — Купил Суворина[444] (в дороге он утомил меня), Русский Вестник мне пришлют в Ems. Целую твои глазки и всех наших деток, твой вечный и неизменный муж

Ф. Достоевский.

Впрочем, изменный к лучшему.

112. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› 27 мая/8 июня ‹18›75. Берлин. Вторник.

Милый голубчик Аня, вчера в полночь приехал в Берлин и сегодня же уеду в Эмс, где буду завтра. — Пишу для того, чтоб поскорее вызвать и тебя на ответ хоть днем раньше, а то ты, пожалуй, все будешь ожидать от меня из Эмса, а до тех пор не напишешь, а это слишком для меня долго. Из Петербурга выехал в воскресение в 9 часов утра, и совсем не выспавшись; очень измялся в дороге, хотя погода была хорошая, теплая. Денег не швыряю, а вышло уж много. Переезд сюда стоил сорок рублей за одно место. Выспался в Берлине ужасно плохо (всего 5 часов), не дали: стук, гам. Взял ванну. Цены здесь ужасные. В дороге чемодан исцарапали ужасно, я сам был свидетелем, до какой степени с кладью небрежны, особенно за границей Träger'ы. *

Что-то с вами: думаю о тебе, о Федичке и о милой Лиличке беспрерывно, и о многом думаю и беспокоюсь. Пиши почаще, установи в корреспонденции правильность. Ради бога, будь весела. В Петербурге был у меня Коля, Корша не застал, у Майкова не был, видел Мишу. Был у Сниткиных, Михаил Николаевич только улыбается на мои и твои сомнения и говорит, что ты, по всем признакам, должна превосходно родить. Боюсь, чтоб тебя что не расстроило, ты такая была нервная в последнее время. До свидания, ангел мой, завтра, может, еще напишу. Люблю всех вас очень-преочень. Крепко обнимаю тебя, целую детишечек.

Твой весь Ф. Достоевский.

113. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹Старая Русса.›
‹В Эмс.› Среда, 7 часов утра. 28 мая 1875 г.

Как ты поживаешь, мой дорогой, милый и бесценный Федичка? Как твое здоровье, успел ли ты устроиться и начал ли леченье? Жду с нетерпением от тебя письма, чтобы успокоиться на твой счет; письмо же

* носильщики (*нем.*).

от тебя рассчитываю получить не ранее будущего вторника. Мы все [вчетве<ром>] здоровы, как нельзя более, дети исправно кушают, отлично спят и целый день гуляют. Баня была у нас в понедельник и была приглашена известная особа, которая нашла, что все благополучно, что ребенок лежит, как следует, и что, по ее мнению, прибытия его должно ожидать самое раннее около 25 июля, а всего вероятнее 2-мя неделями позже. Вообще же ничего нового мне не сказала. Значит, ты можешь быть покоен. Доктора Васильева я позову в пятницу и тоже его расспрошу, а что он скажет, обо всем напишу. Газеты получаю исправно, но зато писем ни от кого нет, даже мама ничего не пишет. Твое одно письмо из Петербурга я получила и заключила, что ты выехал в воскресенье утром. В воскресенье я была с нашими в театре и весело провела вечер. Труппа огромная и очень порядочная. Дети милы ужасно; Федя часто поет громко:

Придет серенький волчок,
Схватит Федю за бочок
И утащит во лесок
За ракитовый кусток.

Он очень просил меня купить мороженого; я ему обещала, но велела самому сторожить; раз он услышал крики мороженника и до того потерялся, что сначала бросился бежать ко мне, но, не добежав, выскочил за калитку и кричит няньке: «Сторожи его»; потом ко мне и с самым счастливым видом объявил, что принесли сахарно<е> мороженое, затем побежал вниз. Я купила. Когда стали есть его, то я просила держать во рту пока не растает и спрашиваю Федю: у тебя очень холодно во рту; он отвечает: «Очень холодно». — Ну так не надо его есть. — «Нет, мама, у меня от мороженого очень горячо во рту!». Лиля тоже очень мила; недавно она так хорошо прочитала «Отче наш», что я удивилась. Я ее начала приготовлять к известию о новом брате или сестре; но она их вовсе не желает, а «лучше бы у нас родились козелок и козушечка». Дорогой мой Федоша, писать больше тебе не о чем, новостей никаких, я все шью, шью, шью и шитью конца не вижу. Сегодня думаю отправить деньги 24 рубля за три месяца за кладовую, да думаю отдать за дачу Алекс<андру> Карловичу.[445] Все тебе кланяются. Детки тебя крепко целуют и уже начинают поджидать обратно. Будь, голубчик, покоен насчет нас; если бог поможет, мы будем и живы, и здоровы. Напишу в воскресенье 1-го июня. Целую и обнимаю тебя много, много раз и люблю свыше меры, чего Вы, милостивый государь, может быть, даже и не стоите; впрочем, непременно стоите. Начинаю видеть тебя, голубчик, во сне, что очень дурной знак. Целуем и обнимаем тебя миллионы раз.

Твои Лиля, Федя, Аня и Леля или Наташа.

Слуги ведут себя хорошо.

Дорогой мой, прости за просьбу: в прошлом году ты мне не купил карточки Гамбетты;[446] сделай одолжение, купи теперь и вложи в письмо; меня очень просят.

114. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› 29 мая/10 июня ‹18›75. Эмс. Четверг.

Милый голубчик мой Аня, я приехал сюда вчера и сейчас пошел на почту и вовсе не нашел твоего письма, обещанного poste restante, что меня очень смутило, так что я теперь в большом беспокойстве. Утешаю себя только соображением, что ты, может быть, послала в субботу позже 9 утра, и оно пошло лишь в воскресение, а я уж в воскресение уехал из Петербурга и так как вплоть до Эмса ехал на курьерском поезде, то, несмотря на суточную остановку в Берлине, обогнал почту. Думаю, не придет ли что сегодня. Но если сегодня не придет, буду очень беспокоиться. Опять же если ты, чтоб писать ко мне, положила ждать прежде от меня из Эмса, и уже тогда отвечать, то не скоро же мне придется от тебя получить что-нибудь. Вот почему и послал тебе несколько строк из Берлина, чтобы вызвать тебя поскорей на ответ. И надо положить в письмах правильность: не дожидаясь взаимно писем, писать, например, в каждые трое суток. Теперь, например, я пишу в четверг, следующее письмо пошлю в воскресение, не дожидаясь ответа. Это, впрочем, не должно нарушать возможности писем и сейчас по получении письма, если что-нибудь случится, требующее немедленного ответа. Ходил вчера тоже на телеграф, справиться нет ли телеграммы от тебя poste restante? И вообще в беспокойстве большом.

В Берлине я проскучал сутки, при гадкой ветреной и дождливой погоде. Купил зонтик и шляпу. За зонтик мне сказали в отеле, что я переплатил 2 талера. Я заплатил 10 талер., впрочем шелк очень недурной. За шляпу заплатил 5 талеров, рубашек не нашел купить и не купил. Портсигар забыл купить. Выехал из Берлина во вторник в 11 часов вечера. Дорогою хоть не много, да спал. Вчера день был горячий, жаркий, солнечный, а сегодня дождь как из ведра, так что не знаю, как и пойду. Эмс ужасно гадок при дожде. Мне весь день вчера было страшно тоскливо и скучно, а ночью опять не успел выспаться, не дают. Первый взгляд на Эмс произвел на меня самое гадкое, мизерное впечатление. — Был у доктора: он нашел меня несравненно лучше, чем в прошлом году. Незажившая болячка увеличилась, но зато три другие, зажившие в прошлом году, не возвратились. Он меня раздел всего и тщательнейшим образом осмотрел и выслушал. Телом он нашел меня удивительно поправившимся за зиму (и уж, разумеется, от того, что мы жили не в Петербурге). Он надеется на успех. Положили начать лечение с сегодня же, т‹о› е‹сть› с четверга. 2 стакана утром с молоком и 1 вечером, потом будет постепенно увеличивать. Сегодня начну после обеда и выпью один первый стакан, а завтра уж начну вставать в 6 часов утра. Если это лечение не поможет, и я даром ездил, то я буду слишком несчастен, истратив столько времени (и в такое время), с вами в разлуке,[447] и столько денег.

Вчера же нанял и квартиру, не в Hôtel D'Alger, там занято, а 2 дома дальше, в Hôtel Lucerne. Но не во 2-м, а в 3-м этаже, зато две недур-

ные комнаты и с балконом. Нанял совершенно за те же цены, как и в Hôtel d'Alger, и на тех же условиях. M-me Bach (из Hôtel d'Alger) предлагала мне у нее, в 3-м этаже, без балкона, и хоть и спускала капельку цены и очень желала, чтоб я переехал, но эта теперешняя квартира, в Hôtel Люцерн несравненно лучше, не знаю только, спокойнее ли: есть сосед, который говорит и стучит слишком громко по утрам, [когда уходит] а вверху дряннейшая ученица на фортепьяно, выдержавшая меня $1^1/_2$ часа на дряннейшей школьной игре. Посмотрю, впрочем, и если что, перееду к Бах, когда опростается у ней (скоро) моя прошлогодняя квартира. Теперешняя хозяйка моя, m-me Moser, высокая (на два вершка выше меня), сухая, как щепка, рыжая немка, еще не старая, с официальными улыбками. — Не знаю, уживусь ли.

Здесь русских очень немного еще, настоящий сезон здесь еще едва начался. Я встретил лишь Тачалова, священника, он здесь на одну минуту. Он же и сообщил мне, что никого нет. В листе, издающемся от кургауза, есть имен 15 русских (все русские иностранцы), да несколько незнакомых имен, из аристократии и из купцов. Есть граф Комаровский, славянофил,[448] но я не знаком. Старик, князь Вяземский, поэт,[449] из Гомбурга, но я верно не познакомлюсь, и, наконец, Аксаков из Москвы, но, кажется, не Иван Сергеевич, а может быть, другой, нигилист.[450] Аксаковых теперь очень много. Тачалов не знает. Таким образом, я здесь в самом полном уединении, и скучища, предвижу, будет невероятная.

Только бы от тебя письмо получить поскорее. Мочи нет, как тяжело действует неизвестность. Что-то детки? Пиши об них подробнее как можно. Вчера с мучением думал о тебе и твоем здоровье и продумал весь вечер. — Аня, голубчик, будь бодра, бог милостив, может быть, отлично все устроится к лучшему. Обнимаю тебя всей душой. Об детках думаю беспрерывно. Поцалуй Лиличку лишний раз и скажи Феде, что маленькие лошадки (ослы и мулы) стоят у моста, оседланные в красные седла, хорошенькие, и их нанимают кататься девицы, и маленькие мальчики и девочки, и что уж у меня спрашивали: зачем я не привез Федю? и я сказал, что привезу непременно на следующее лето. Скажи им, что я им непременно привезу гостинцу. Пиши мне Аня подробнее, как ты проводишь время.

Деньги здесь-таки идут. Дорога стоит не дешево, жизнь здесь тоже. Вчера купил клубники и вишен, чтоб заговеться на все время, ибо все это запрещено доктором. Желудок мой в дороге очень поправился. Странно, что у меня всегда поправляется желудок в дороге. Вчера я надел шармеровское платье в первый раз, и мне стыдно стало: удивительно, как я вдруг стал похож на модную картинку, ей богу, так. Сшито безукоризненно; шляпу я купил себе совсем другой формы и нахожу, что удивительно идет ко мне. Воображаю, каким фатом ты меня сочтешь за эти слова. Цалую твои глазки и обнимаю тебя всю, ангел мой милый. Ты мне дороже всего на свете, и таких жен, как ты, нет. Я, впрочем, это тебе говорил, но ты не знаешь, как часто я это чувствую. Главное, будь бодрее. А писать мне тоже не ленись. Всем поклон. Детишек цалую тысячу

раз. — Чувствую себя ужаспо изломанным с дороги; вчера, засыпая, страшно вздрагивал, что в последнее время случалось редко. Первую неделю Кренхена — обыкновенно дурной сон, дурные сны-кошмары, страшная раздражительность и расстройство печени, так будет неделю или больше.

Государь сегодня должен отсюда уехать,[451] мне так и не удалось увидать его. Император Вильгельм приехал. Вчера все играла музыка под его окнами. В саду публики множество, все нахалы и франты и множество хорошеньких дам, всех национальностей.

Что если не получу и сегодня от тебя письма? Написал бы и вчера, но опоздал, ибо только до 3-х часов положенное письмо идет в тот же день. Обнимаю вас всех крепко.

Твой весь Ф. Достоевский.

Вообрази, вчера, только лишь приехал в 11 часов и остановился в отеле, приказал чай и ростбив, мне принесли, а я сел на диван, капельку закрыл глаза и вдруг заснул на полтора часа. До того изломан.

115. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹Старая Русса.›
‹В Эмс.› Суббота, 6 час‹ов› вечера. 31 мая 1875 г.

Пишу тебе только несколько строк, мой дорогой и милый Федичка, чтоб только тебя успокоить на наш счет; большое письмо напишу тотчас по получении от тебя письма, так как кроме петерб‹ургского› письма я от тебя не имею весточки. Начинаю даже беспокоиться, хотя сознаю, что раньше вторника мне нечего и ожидать. Все мы здоровы как нельзя больше и все благополучно, но у Вашей супруги расстроены нервы донельзя, все меня раздражает: лай собак, рев коровы, ветер, и я чуть не плачу. Детишки от моего дурного расположения духа не страдают, так как все на дворе и ведут себя премило. Сегодня мы накупили березок и украсили комнаты; дети чрезвычайно рады, что у нас в комнатах сад. Милый мой, люблю тебя очень, целую и обнимаю миллионы раз, дети тебя обнимают и целуют.

Твои любящие очень
Аня, Люба, Федя.

Как только получу письмо, тотчас отвечу, а то напишу во вторник вечером.

116. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 13/1 июня <18>75 Воскресение.

Милый друг мой Аня, получил твое письмо еще в четверг и сегодня жду, по обещанию твоему, опять письма. Так хотелось бы тебя видеть и поцаловать. А я здесь скучаю смертельно, мучительски. Погода с самого четверга холодная и дождливая. Были два дня такого ветра, что я даже и нигде не запомню, целая буря. Дождь льет, как из ведра, больше по утрам, к вечеру же проглядывает иногда солнце. Зато 13 и много что 15 градусов тепла, так что я постоянно надеваю пальто. Хотел было поберечь зонтик, но нечего делать — надобно защищаться от ливня. Здоровье мое порядочно, разумеется, от вод еще не ощущаю никакого действия. Да и пью я всего 3 стакана в день, в микроскопических приемах (по 4 унца воды). Хочу опять спорить с доктором; пойду к нему сегодня, по уговору с ним. Сон и аппетит хорошие, но вздрагиваю по ночам и, кажется, будет падучая. Мои товарищи по соседству иногда гремят и топают и боюсь, что не дадут мне спокойно работать, когда начну. Теперь же сижу больше дома и кое-что читаю. И рад бы ходить, да и требуется это лечением, но невозможно. Вот и в эту минуту дождь льет, как из ведра. — Из русских здесь никого знакомого, да и русских еще совсем мало. Аксаков этот верно из других Аксаковых, а не мой знакомый. А то все, по печатному листу прибывших, какие-то Мясоедовы, Дундуковы, да Веберы из России. Вообще из России множество немцев. Итак у меня ни одного знакомого, предвижу, что и не будет. Повторяю, скука невыносимая. Обед мне приносят за 20 грошей — довольно невкусный. Хозяин и хозяйка со мной очень предупредительны, а маленькие дети их (с Лилю и Федю) принесли мне вчера в подарок цветов. Надо бы им купить гостинцу, а здесь и гостинцу-то нет. Одним словом, скучно.

Что-то ты, Аня? Все хочется поцаловать тебя, и ночью ты мне снилась. Думаю про вас всякую свободную минуту, а свободных минут у меня множество. Пиши подробнее о деточках. Милая Аня, как я горевал, что у вас бани не было, несмотря па мои просьбы! Во-первых, я бы желал, чтобы тебя та осмотрела,[452] а во-вторых, мысль, что дети по $1/2$ месяца без бани — ужасна. Это вредит развитию их тела, заклеивает его, не дает ему питаться воздухом; не одним только ртом питается тело. Так мне было грустно прочитать это в письме твоем, что я целый тот день думал, да и теперь думаю. — Аня, голубчик, как-нибудь сладимся, сделаем так, чтоб у нас это как-нибудь устроилось с детьми.

Что тебе еще написать о себе? Здесь в Курзале всего из русских газет один только Голос. Пуцыкович хотел мне высылать Гражданин, но я не получил. Уговорился тоже у Базунова, что Русский Вестник мне пришлют сюда. — Сегодня в первый раз видел императора Вильгельма. Музыка здесь очень недурна, два больших хора, инструментальный и духовой. Но главное, скука, скука и скука. Просто с ума думаю сойти. За занятия еще и не садился.[453] А дождю даже и конца не предвижу.

Целую и обнимаю тебя сто раз, детишек тоже, поговори им обо мне, скажи, что я об них думаю и спрашиваю. Анечка, голубчик, не кричи на них нетерпеливо. Я верю, ангел мой, и понимаю, что в твоем положении тебе трудно, а они, должно быть, часто мучают тебя. Но, ради бога, смотри за нянькой. Все-то я беспокоюсь и мучаюсь, и, признаюсь тебе, расположение моего духа очень мрачно. — А всего пуще боюсь за тебя; что если лечение мне не принесет особенной пользы — зачем же я тебя оставлял в таком случае! Упрекаю себя и мучаюсь. До свидания, голубчик, крепко, крепко обнимаю тебя, перецалуй деточек. Поклоны всем, кому надо.

Твой весь Ф. Достоевский.

Не сердись на меня за то, что я написал о бане. Люблю тебя как моего ангела, который меня хранит и дал мне счастье. Грустно мне, Аня, здесь без тебя.

117. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Стар<ая> Русса.

<В Эмс.> Вторник. 3 июня 1875 г. 7 час<ов> утра.

Ты меня несказанно обрадовал, дорогой и бесценный мой Федя, твоим письмом из Берлина, тем более, что я раньше вторника не рассчитывала от тебя получить. Я его получила в субботу вечером, полчаса спустя как отправила тебе письмо; поэтому-то я и решила ждать от тебя первого письма из Эмса и тогда отвечать. Это ожидаемое и дорогое для меня письмо я получила вчера в понед<ельник> в 11 час<ов> вечера, а теперь утром спешу написать и отнести на почту, чтоб оно сегодня же пошло. Будь покоен, бесценный мой голубчик, все мы здоровы, и все у нас благополучно. На ванны начнем ходить с послезавтра, так как вот уже целую неделю у нас сильнейший ветер (впрочем теплый) и дождь через каждые полчаса, хотя все быстро просыхает при ярком солнце, но я рассудила, что лучше выждать, чем рисковать простудить детей после горячих ванн. Детки все время в саду или на дворе и ведут себя до того хорошо, что приводят меня в изумление. Я тоже здорова, но вижу каждую ночь кошмары, и главное, расстроены нервы до невозможности, я прихожу чуть не в ярость от всякой мелочи, и единственное средство успокоиться — это остаться совершенно одной на полчаса. Голубчик мой, это я пишу тебе, чтоб ты видел, что я от тебя не скрываю; ты же насчет меня не беспокойся, это все пройдет, когда переменится погода и я буду больше ходить. Я ужасно рада, что Орт нашел тебя поправившимся, а главное, что те ранки не открылись; дай-то бог, чтоб ты залечил рану окончательно; видишь ли, Федочка, а ты еще сомневался, ехать ли в Эмс, кончилось бы тем, что и те ранки открылись, и тогда бог весть, что бы вышло. Теперь же лечись, а главное, умоляю тебя, об нас не беспокойся,

а то это тебе повредит; уверяю тебя, что я тебя обо всем буду извещать и уж непременно телеграфирую, если б что случилось. Писать буду по средам и воскресеньям или тотчас же по получении письма; следующее письмо напишу или получив твое, если же не получу, то в субботу. Вообще же, дорогой мой, не беспокойся, если б даже не получил от меня в обещанный день письма; мало ли задержек на почте, да и нам другой раз не поспеть рано утром отправить письмо. Федя меня часто спрашивает: когда папа приедет; я говорю, что не скоро. «Это ты меня дразнишь, он, верно, скоро приедет». Недавно, ложась спать, Федя устроил в постельке из одеяла гнездышко и уверял меня, что у него там птички и что они снесут ему яйца, разные, крашеные, и спрашивал, не передерутся ли птички у него в гнездышке? Теперь я пишу письмо, а он стоит передо мной — и сейчас мне сказал: «Все бы тебе, мама, стараться!». Лиля ставит свою новую куклу к стене и отмечает, «сколько та выросла с масленицы». Раз у Феди спустились панталошки, и Лилька говорит: «Ах мама, он мне весь свой стыд показал». Феде я купила соломенную шляпу, сшила два костюма, Лиле два платьица, и они у меня такие красавцы. Время я провожу однообразно, все сижу в саду и шью; вчера, впрочем, была у батюшки. Новостей нет никаких. Получила одно письмо от мамы; она пишет, что в тот раз Ваня и О‹льга› К‹ирилловна›[454] доехали вместе до Курска, и она хотела ехать в деревню, но в Курске стала просить Ваню отпустить ее на день посоветоваться об чем-то с К.[455] Делать нечего. Ваня пустил, и она воротилась в Москву, а он поехал в деревню. Через пять дней она пишет умоляющее письмо и просит прислать кого-нибудь за нею. Ваня опять сам поехал, остановился в той же гостинице и узнал, что у ней К. и что они заперлись. Ваня постучал, и ему отворил К. Ваня до того рассердился, что плюнул ему в лицо, Ольга же опять за него заступилась. Ваня ушел к себе, и вслед за ним пришла к нему Ольга и стала оправдываться и укорять Ваню, что он обидел К. Ваня опять пришел в гнев, сказал, что он больше не дурак, что теперь все кончено, и в заключение выгнал ее из своего №, а сам тотчас же поехал в деревню. Мама уверяет, что он больше не хочет за нею гнаться, не знаю, сдержит ли он свое слово. Все родные в Москве говорят ему, что, верно, он и сам перед нею виноват, что так за нею гонится, а что лучше бы он дал ей пошляться, тогда бы она сама явилась. Но каково же так испытывать терпение Вани? Что за наглость, и что за нахальство! Ей, очевидно, хочется воротиться домой, жить хозяйкой и иметь под рукой К. Чем это все кончится? С‹анкт›-П‹етербургские› В‹едомости› я не получаю с неделю; получила всего один №, который был наполнен исключительно объявлениями, без передовой статьи и фельетона, думаю, не прекратилась ли газета? Целую и обнимаю тебя миллионы раз, мое дорогое сокровище, люблю тебя бесконечно, дети тебя целуют и крепко обнимают.

Аня.

Пожалуйста, не заглядывайся на хорошеньких дам разных национальностей. Я этого не люблю.

118. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 4/16 июня ‹18›75. Среда.

Голубчик мой Аня, получил твое письмецо от 28 мая третьего дня, ужас как долго идет. Благодарю за письмецо, за то, что в бане были, и за известие о тебе и о детишках. Пожалуйста, разнообразь время, ходи в театр и гулять почаще и всеми силами бодрись, т‹о› е‹сть› сопротивляйся окислению. В твоем положении стоит только начать поддаваться и уступать разным давлениям, как втрое станет тяжелее. Главное, пиши почаще, срочно, непременно в три дня (по крайней мере) раз, а то я здесь бог знает что выдумаю. С детишками говори иногда обо мне. Федина песенка премиленькая, Лилю цалую особенно. — Я здесь, Аня, буквально мучаюсь. Ни единого знакомого (хоть бы Кублицкий[456] приехал). Не с кем слово молвить. Русские есть, но все совершенно мне неизвестные, и наполовину все русские иностранцы и русские купцы. Неужели так все время останется, очень тяжело. Погода у нас сквернейшая. До вчерашнего дня был сплошь дождь и ветер, а вчера дождь шел всего только три раза в день. Поутру, в семь часов, тринадцать и 14 градусов, затем к двум часам возрастает до 24-х, и потом вдруг в какой-нибудь час вихрь и падает опять на 15 и на 14. Третьего дня я почувствовал, что простудился. и вчера был весь день страшнейший насморк, чихал в час раз по 200 и по 300 (без малейшего преувеличения) и испортил в один день 5 платков и целое полотенце, в которое принужден был начать сморкаться. К вечеру жар, головная боль и большая слабость, так что я даже было и испугался; но сегодня утром встал несравненно бодрее, чем предполагал ложась. Насморк хоть и продолжается, но впятеро меньше. Жару тоже нет, только немножко болит голова. Главное же ободрило меня, что аппетит все тот же (прекрасный), и язык совершенно чист (т‹о› е‹сть› завтра буду совсем здоров). Вот почему и не пойду к доктору, а пойду в свое время, чтоб не платить лишних талеров. Затем скука адская, тоска невыразимая, народу здесь очень много, по кур-листу уже 5000 имен. До невероятности чванные, жеманные, нахальные и грубые рожи. Развлечений никаких, гулять негде (все полно гадостью). Я был в Духов день[457] в русской церкви, народу много, больше, чем я ожидал, но все бог знает кто. Дамы жеманничают, садятся на стульях и падают в обмороки. При мне в церкви три упали в обморок (от ладану и от духоты будто бы), а небось на бале пропляшет всю ночь или такой наворотит обед, что и двум мужикам было бы в сытость. Гадко. Доктор прибавил мне три стакана утром по 6 унцев и 2 после обеда, по 4 унца. Про лечение еще нечего сказать. Сквернее всего то, что еще и не думал начинать работу: и тоска, и все эти хворости, и свинства всякую охоту из меня вышибают. А другие-то думают, что я заграницу веселиться поехал. Анна Гавриловна и Александра Павловна,[458] кажется, это думают. Кстати, которой из них нужна карточка Гамбетты, я забыл? Гамбетту я еще не сыскал, да и не до него мне, да и не понимаю нетер-

пения, чтоб посылать в письме. Подождут, пока привезу. Если не отыщу здесь, то в Берлине надобно нарочно поискать его; там-то найду. — Голубчик мой милый Аня, все ужасаюсь взятых на себя обязательств:[459] вижу, что, как ни старайся я, но почти не будет времени писать. Между тем чуть выеду отсюда, то уж и совсем нельзя будет писать с дорогой, с переездом в Петербург и потом ввиду того, что последует.[460] Просто прихожу в большую тоску. Да подумывай тоже и об том, Аня, как нам решить насчет квартиры в Петербурге: должен ли я там отыскать ее, проездом, или мы вместе приедем из Руссы, хоть в гостиницу, и потом уже найдем? Об этом нужно твердо и окончательно решить. Также и об служанках: недурно, если б поехала с нами Лукерья.

Написать тебе еще ничего не имею. Желал бы сегодня совсем выздороветь. Воду пью аккуратно. Встаю в 6 утра, а ложусь в 11-м вечера. Жить здесь не совсем дешево, но я особенно денег не бросаю. — Целую и обнимаю тебя чрезмерно, но любишь ли ты-то меня, голубчик, вот вопрос! Я об вас думаю беспрерывно. Детей целуй и пиши мне об них подробности. Хорошо, кабы ты всякую подробность, которую мне пишешь о детях, вписывала бы и для себя, на память, в особую тетрадку. Для этого можно бы особую книгу купить. И как бы это было хорошо, как пригодится и им, и нам, чрез много лет, если удастся еще пожить. У тебя была идея в этом роде.

Милая Аня, верь моей любви бесконечной, умоляю, береги себя и детей. Кстати, не подумай обеспокоиться моим насморком. Все это вздор. — А может, прочтя это, засмеешься и назовешь меня фатом. Я потому написал: не беспокойся, что знаю доброе, милое сердечко моей женки, без которой, увы, живу вот уже 2 недели. Аня, милая, люби меня и думай обо мне иногда, от мысли о том мне будет веселее.

Деток целую, всем поклон. Нет ли известий от мамы, от Ивана Григорьевича? Ах, Аня, как я боюсь, что у них там опять что-нибудь выйдет и на тебя это подействует. Проклятая Ольга Кирилловна, гадкое купецкое отродье! Обнимаю вас всех и всех.

Твой весь Ф. Достоевский.

119. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Стар‹ая› Русса.

‹В Эмс.› Суббота, 7 июня 1875 г. 7 час‹ов› утра.

Вчера поздно вечером получила от тебя письмо, мой дорогой и неоцененный Федичка, и пишу, чтобы сегодня уже пошло. Дорогой мой, из письма твоего видно, что ты очень тоскуешь, скучаешь и об нас беспокоишься; голубчик мой, поверь что у нас все будет благополучно, и дети, и я как нельзя больше здоровы; тем, что ты беспокоишься, ты, наверно, повредишь своему леченью. С детей я глаз не спускаю и вовсе на них

не кричу, уверяю тебя; к тому же они ведут себя удивительно, так что и сердиться на них не приходится. В среду был у нас доктор Васильев, осмотрел ребятишек и нашел, что они вовсе не золотушны, но имеют небольшое расположение к золотухе, а потому купанье может принести пользу. На Федю даже полюбовался и на мой вопрос: не золотушная ли у него полнота, ответил, что он вовсе не толст, а просто здоровый, плотный мальчик лет шести. Когда я ему представила детей и сказала их лета, то он удивился и сказал: «Не наоборот ли?». Прописал им 10 ванн соленых с железным порошком, а так как они выросли, то в маленьких ваннах им сидеть больше нельзя, и велено сидеть обоим в одной большой ванне. Мне он позволил брать игольные ванны и сказал, что они очень полезны в последнее время беременности, так как расширяют матку и приготовляют внутренние части к расширению во время родов; но не позволил их брать каждый день (это бы меня очень ослабило), но через два дня в третий и в более высокой температуре, именно в 26%. Про меня выразился, что во мне немного малокровия, и позволил, если хочу, пить Швальбах. Вообще человек, кажется, знающий. Про время родов выразился, что, по его мнению, они должны произойти от конца июля до половины августа; на мой вопрос: нет ли между приезжими доктора или акушера, сказал, что Рохель акушер и великолепно знает свое дело; видишь, голубчик мой, ты можешь быть спокоен, что на случай какой непредвиденный я не останусь без помощи.

Вчера, в пятницу, мы взяли первую ванну, а сегодня дети возьмут вторую. В ванне ведут себя отлично, не плачут и не кричат, а на музыке держат себя до того солидно, что смешно смотреть. На днях детям вспомнились раки, и они сами заказали себе на завтра обед: суп с шариками (любимый Лильки), раки и компот, а также заказали, каких им купить гостинцев. Гостинцы они получают раза четыре в день, но в маленьких размерах, а Федя так даже выразился: «При папе надо подставлять обе руки, а при маме и одну руку довольно». Вспоминают о тебе и часто спрашивают, когда ты вернешься? Гражданин я получаю; не напишешь ли ты Пуцыковичу, чтоб мне не высылали, я и без него обойдусь, а пусть бы высылали тебе. Новостей нет никаких, приезжих очень немного, да и те скупые, а в театре бывает каждый раз человек 15, не более. Вчера мы всей нашей компанией были в театре, но я проскучала. Думаю, беспрестанно думаю о моем дорогом, вечно милом и неоцененном папочке, которого бесконечно люблю и уважаю. Очень мне бывает без тебя скучно, ну а сны вижу самые непозволительные, а в них всегда папочку. Так ли часто думает папочка об своей глупой женке? Дорогой мой, не скучай, не тоскуй и об нас не беспокойся, все будет отлично, а будешь тревожиться, и пропадет все твое леченье. Целую тебя миллионы и биллионы раз и люблю бесконечно.

Детки обнимают и целуют тебя крепко.

Твои Аня, Федя, Люба
и два неизвестные, но дорогие существа
(я уверена, что я тебе подарю парочку).

Напишу тебе в среду утром непременно.

Ишь ведь какой нехороший, нашел-таки нужным прочесть мне лекцию о гигиене.

120. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 7/19 июня <1875.> Суббота.

Милый мой голубчик Аня, прошу тебя очень, еще раз, пиши мне аккуратно каждые трое суток, чтоб мне приходилось получать от тебя известия непременно в три дня раз, — иначе пропаду с тоски по вас и скуки здесь. Сам тоже буду писать в три дня по разу аккуратно (кроме, разумеется, каких-нибудь самых экстренных случаев). — Все-таки надеюсь получить от тебя что-нибудь сегодня, но не наверно. Теперь 11 часов, а почта откроется лишь в час (т<о> е<сть> после прихода почты и разбора писем). Что-то с вами? Эти 4 дня, что не получал письма, кажутся веками. Я же по-прежнему: скучно, грустно, гадко и смутно. Насморк мой прошел. В свое время был у доктора (хожу в каждые 5 дней по разу), он не нашел лихорадки. Но я однако же сильно кашляю, по вечерам потею, в груди хрип сильнее, чем зимой, и отхаркиванье тугое. Может быть, действие вод, а может быть, и просто от подлейшего здешнего климата. Это Петербург в своем роде. До третьего дня все шел дождь, вчера же и сегодня хоть и солнце, но страшно холодно, по утрам 13 градусов и даже меньше, в три пополудни при солнце 15 — точь-в-точь как у нас в Старой Руссе в середине апреля. — Пью я по три стакана в 6 унцов утром и по 2 в 4 унца вечером. Но рана в груди все продолжает сказываться. Впрочем, сегодня всего еще 8-й день лечения. Слишком горько будет, если не получу совсем облегчения и ездил даром, убив и деньги, и время. — В теперешней квартире моей мне не совсем хорошо: под окном, в спальне моей, в доме рядом — мастерская, слесаря и лудильщики, встают раньше 5 часов и начинают стучать молотками. Два дня сряду пробуждался я в 5 часов утра. Я жаловался хозяевам; хозяин ходил просить, чтоб начинали работу в 6 часов, но зато днем опять-таки целый день без остановки тик-тик, одуреешь совсем, и нервы расстраиваются. В Ville d'Alger рядом квартира опросталась — и вот не знаю, съехать ли мне пли нет? Не решаюсь и колеблюсь. Между тем работа еще не начиналась. Я даже не понимаю, как я напишу что-нибудь. Положим, мне еще здесь пробыть недели 4, но что я сделаю один без тебя, и притом я еще не готов прямо сесть и писать, не выделал плана в частностях. Но уж после этих 4-х недель (а может, и всего только 3-х), когда выеду отсюда, предвижу, писать уже нельзя будет: в Петербурге надо биться нанимать квартиру, приехав же к вам тотчас опять собираться в путь — когда же работать? Все тяжелые мысли и сомнения, и вечно один сам с собой. Не поверишь, до какого исступления, до какой истерики мне здесь скучно. Ни одного знакомого лица, ни одного слова не

с кем сказать, все один и один — нет, это невыносимо! Никогда в жизни не было у меня времени подлее. — А вдруг к тому же пожалует припадок, и нельзя будет уже совсем писать! Ох, тяжела даже мысль об этом, а это, может быть, наверно будет.

Жду, что хоть что-нибудь напишешь, над чем можно будет пожить душой хоть минутку, т‹о› е‹сть› фактов и фактов, это главное. Вероятнее всего, что почтмейстер скажет мне сейчас nichts da.

Пуцыкович начал мне присылать «Гражданин». С Базуновым я уговорился о Русском Вестнике, чтоб прислали 5-ю книгу сюда, и вдруг здесь, из объявления о выходе ее в Моск‹овских› Ведомостях читаю, что без Анны Карениной.[461] Так что и тут скука. Однако каково же: я по крайней мере прервал роман у Некрасова, кончив 2-ю часть, а тут прерывают прямо на средине 3-й части. Не очень-то церемонятся с публикой. — Нам будет предстоять, кажется, очень тяжелая осень в Петербурге, друг ты мой Аня. Во-первых, твое состояние, тут же моя работа, деньги и решение на будущий год, — т‹о› е‹сть› что я стану делать, чем промышлять, издавать ли «Дневник» или не удастся? [462] Обо всем этом думаю беспрерывно и уже всю голову изломал на этом. Дети мне даже снятся ночью. Надобно для них работать, нельзя их без ничего оставить — а как это сделать? Задача. Жду твоего содействия во всем. Притом же бог располагает. Но это еще далеко. Только бы нам поскорее увидеться. А и увидеться спешить — хочется нравственно, а действительные обстоятельства не позволяют: не написав хоть сколько-нибудь романа, нельзя домой ехать.

Деньги все-таки идут. Здесь не так-то дешево. Так или этак, а все идут. Кормить меня стали (из отеля) плохо, и я там на время отказал, хочу поискать чего-нибудь получше. А то стали приносить сущую гадость. — Вообще 22 или 23 непременно надо начать писать уже начисто и успеть сделать план, иначе ничего не успею привезть в От‹ечественные› Записки. Милый друг мой, целую тебя как моего доброго ангела, без которого, вижу, что жить не могу. Без детей тоже жить совсем не могу.

Здесь, для меня по крайней мере, никаких происшествий. Все глухо и мертво. У кургауза и в парке теснота и толкотня невыносимые (мне уже облили пальто из стакана Кренхеном). Рожи нестерпимые. Слышится и русский говор, но все черт знает кто. Какие-то Мясоедовы, Вараксины и проч. Вчера вечером ушел бродить за город, места хорошие, но грустные. Здесь теперь очень много цветов. До свидания, ангел мой, обнимаю и целую тебя до того, что и самой тебе бы надоело. Целую твои ручки и ножки. Смотри, смотри, ради Христа, за детками, умоляю, ангел мой. Благословляю детей и целую. Карточку Гамбетты отыскал, но старую и нехорошую; лицо ужасно глупое, но все-таки в письмо не вложу: возбудит подозрение на почте, распечатают, будут читать, и письмо пропадет или запоздает. Не большая беда, если и подождут, сам привезу. — Здесь должен был пожертвовать 3 талера на русскую церковь и талер на глухонемых.

Сейчас ходил на почту и получил от тебя письмо, [одну крошечную страничку] и удивился: письмо помечено тобою от 31 мая (суббота), а штемпель на конверте от старорусского почтамта от 3-го июня! Неужели 4 дня лежало на почте? Непременно так, потому что если б не так, то до 3-го июня ты бы наверно уже успела получить мое письмо из Берлина и что-нибудь мне об этом приписала; да и странно: я из Берлина написал во вторник, 27 мая, так что даже и в субботу, 31 мая, от которого ты пишешь, ты уже должна бы его получить. — Итак, в результате твое письмо от 31 мая пришло ко мне 7-го июня! Прошу покорно! [Если же с] Прошу тебя, расспроси в старорусском почтамте и внуши им; что же это такое? Уж не читает ли кто наших писем![463] Смешно. Я привезу конверт в Старую Руссу: ясно на нем отмечено, что письмо отправлено 3 июня. Клеймо С⟨анкт⟩-Петербургск⟨ого⟩ почтамта от 4-го июня. Но как же это берлинское мое письмо не дошло? Если даже оно в среду пошло из Берлина, а не во вторник (как я положил), то в субботу уже должно было быть у тебя. И вот теперь уже я беспокоюсь. Это ужас: и эмское мое письмо должно было уже ко вторнику дойти к тебе: я его послал к тебе 29 мая отсюда (по нашему стилю).

Пишешь, что у тебя расстроены нервы, жалею тебя очень, ради бога, развлекайся, гуляй, ходи в театр. Не подражай мне в скучании. Спасибо [очень] за несколько строчек. Спаси Бог тебя и детей.

Твой весь
Ф. Достоевский.

А в почтамте поговори. Я сохраню конверт.

121. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

⟨В Эмс.⟩ Старая Русса. Понедельник 9 июня 1875 г.

Вчера поздно вечером я получила твое письмо, мой дорогой, бесценный и бриллиантовый Федичка, но не ответила сегодня утром потому, во-первых, что проспала до 8 часов и, след⟨овательно⟩, опоздала подать на почту, а во-вторых, что отправила письмо в субботу; пишу тебе в пять часов вечера и сейчас пойду с моим Федочкой в город за сапогами, а зараз и отнесем письмо на почту. Дорогой мой, я не понимаю, почему до тебя идут так долго письма; я твои получаю на пятый и самое позднее на шестой день: так, письмо твое от среды я получила в воскресенье вечером. Твои письма просто меня печалят, видно, что ты в тяжелом и грустном настроении. Бедный мой Федичка, хоть бы ты нашел знакомых, чтобы было хоть слово с кем перемолвить; я бы ужасно была рада, если б ты встретил Шаликову.[464] Твои грустные письма повредят и леченью твоему, и работе; ты все грустишь, что не приходится работать; дорогой мой, не горюй, может, еще удастся поработать; как мне жаль, что меня

нет с тобою, мне кажется, я бы тебя рассеяла. Все наши здоровы, и все благополучно. Сегодня Алекс‹андру› Карловичу сгружают дрова с барки, и дети целый день на берегу, все смотрели, как барка села на мель, как ее поднимали шестами и как бабы носят дрова и распевают песни. Детей это очень заняло. Вчера мы были на музыке, дети в своих хороших платьицах и ужасно гордились, что хорошо одеты; Федя утомился и вдруг в антракте задремал; я его потом спрашиваю: как же ты это, Федичка, заснул? Он мне отвечает: «Поди ты от меня прочь с твоим заснунием». По вечерам детки с разными девочками играют в краски и в кошку-мышку, и Лиля сделалась препрыткой и преловкою мышкою; бедного же Фединьку тотчас же ловят. Сегодня Федя мне сказал: «Ты напиши папе письмо, что мы играем в игрушки». Федя очень часто о тебе вспоминает, иногда несколько раз в день и предлагает мне: «Съездим за папой заграницу», Лиля же говорит о тебе, когда ей напомнят. Твои поцалуи и слова я передаю детям, а они говорят: «А еще что?». Они взяли уже 4 ванны, а я две, и после ванны слушают музыку и идут к качелям и представь! оба качаются вдвоем на гигантских шагах, и Федя меня просит: «Занеси меня повыше, мама». Затем Лиля качается на других качелях, а Федя взлезает по лестницам порядочно высоко. Алекс‹андр› Карлович очень балует Федю и раз его спрашивает: чем ты Федя хочешь быть, когда большой вырастешь, — офицером? — Я хочу быть пастухом! — Каким пастухом? — Да вот водить коров! Так мы и не добились, почему он избрал это занятие. Лиля часто говорит: «Ну что, брат Александр Карлович!». Больше не запомню о детях (твоя мысль о записывании детских разговоров мне понравилась, и я заведу книжку). Я чувствую себя вполне здоровой, и незнакомец тоже, ложусь в 10 час‹ов› и встаю в $1/2$ 8-го, много ем и вообще веду себя хорошо. Все ненужные мысли и опасения отгоняю от себя прочь. Все сижу в саду и работаю, наряжаю моих пташек, которые рады хорошему платью и сами его берегут. Но Федочка просто меня разоряет своими сапогами: недавно купила ему две пары, одну износил, а другие — из дурного товара и лопнули. Иду покупать сегодня новые. Милый мой папочка, хоть я и не кучу, а деньги все-таки выходят, хотя не в страшных размерах. Деньги за дачу 75 руб. я отдала Ал‹ександру› Карл‹овичу›, и теперь мы не должны ни копейки; выслала за кладовую за 3 мес‹яца› по 8 рублей — 24 рубля. Благодарю тебя за то, что ты хочешь, чтоб я бывала в театре; я была два раза, но не знаю, скоро ли пойду еще. Фотограф сюда не приехал, и я лишена возможности снять с ребятишек карточки. Милый мой, верно в Эмсе есть отличная фотография; снялся бы в новом костюме, как бы меня порадовал, да и деткам бы было приятно. Какой ты стал, что-нибудь сообщишь о себе, да непременно прибавишь: «Ты, верно, назовешь меня фатом». Так ты мало, значит, знаешь твою Аньку, если думаешь, что всякая мелочь, до тебя относящаяся, для меня не дорога. Я очень рада, что ты одет как картинка и что шляпа к тебе идет, хотя вовсе бы не желала, чтобы это находили другие... дамы. Я уверена, что твоя простуда теперь уже прошла, хотя прошу тебя очень, пригласи доктора, если по-

чувствуешь себя нездоровым, слышишь, непременно. Все тебе кланяются. Приезжих очень мало, Леонтьев дом весь пуст.[465]

Ну до свиданья, мое дорогое сокровище, напишу тебе в пятницу или в субботу. Хотелось бы к тому времени получить от тебя. Обнимаю и цалую бесконечно моего дорогого, доброго, милого и ласкового мужа. Аня. Люба. Федя.

Федя пышет здоровьем, но загорел ужасно, Лиля имеет здоровый вид и красные губы.

Писем ни от кого не имею. Новостей нет.

122. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 10/22 июня ‹18›75. Вторник.

Письмецо твое, дорогая моя Анечка, получил я в воскресенье, т‹о› е‹сть› то, которое ты писала во вторник от 3-го июня и пометила, что в 7 часов утра. И однако оно в тот же день из Старой Руссы не пошло, потому что на конверте печать старорусская от 4 июня, и это именно потому, что в почтамте у вас нарочно задержали письмо на сутки, для того чтоб от 3-го успеть отправить прежнее письмо (от 28 мая), [пролежав] провалявшееся в почтамте 5 дней. Если б они послали оба письма разом, то тогда явно бы изобличилась их небрежность. Пожалуйста, побранись с ними хорошенько, Аня, чтоб они не делали глупостей. — Очень меня беспокоит то, что ты пишешь о своих нервах и о своей раздражительности. К чему же это приведет? Я здесь от всего беспокоюсь, потому что сам раздражаюсь ужасно. Ради бога, голубчик, не смотри мрачно, есть в тысячу нашего хуже, а нам еще и радоваться можно, хоть бы на деток. Мне так приятно было прочесть то, что ты об них пишешь. Но все забочусь, и день и ночь об них думаю, и обо всех вас; все хорошо, а вдруг случай какой-нибудь. Случайного я пуще всего боюсь.

Во всяком случае, увидимся скоро. Не думаю, чтобы здесь я долго зажился. И хоть даже ничего не успею написать романа, все-таки приеду раньше. Не знаю, принесет ли этот раз мне какую-нибудь пользу леченье. Пока никакой пользы не вижу. Правда, сегодня всего еще десять дней леченью. Мокроты скопляется еще больше, чем в Старой Руссе, и ранка, чувствую это (*зачеркнуто одно слово*) ясно, не заживает. Да к тому же и климат совершенно во вред лечению. С последнего письма моего до самого сегодня дождь лил, как из ведра, буквально не прерываясь: что будет хорошего лечиться в такой сырости, беспрерывно слегка простужаешься. Сырость и к тому же скука; я думаю, я с ума, наконец, сойду, от скуки, или сделаю какой-нибудь неистовый поступок! Невозможно больше выносить, чем я выношу. Это буквально пытка, это хуже заключения в тюрьме. Главное, хоть бы я работал, тогда бы я увлекся. Но и этого не могу, потому что план не сладился и вижу чрезвычайные

трудности. Не высидев мыслию, нельзя приступать, да и вдохновения нет в такой тоске, а оно главное. Читаю об Илье и Энохе[466] (это прекрасно) и «Наш век» Бессонова. Вислоухие примечания и объяснения Бессонова, который даже по-русски изъясняться не умеет, приводят меня в бешенство на каждой странице.[467] — Читаю Книгу Иова,[468] и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача, и, если б только не подлейшие примечания переводчика, то, может быть, я был бы счастлив. Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем! — Кроме этого, развлечений здесь никаких; ни малейших. Только и есть, что два раза в день на водах музыка, но и та испортилась: редко-редко играет что-нибудь интересное, а то все какое-нибудь попурри или «Марш немецкой славы» какой-нибудь, Штраус, Оффенбах и, наконец, даже Emspastillen Polka,* так что уж и не слушаешь.[469] К тому же мешает толпа, густая, пятитысячная, на теснейшем сравнительно пространстве, толкаются, ходят без толку, точно куры. Но в эти дни дождя еще теснее, все жмутся мокрые, с мокрыми зонтиками под какую-нибудь галерею, и главное, все разом, потому что пьют воду, а не являться в определенный час нельзя, и вот в это время оркестр играет Emspastillen Polka. Газет русских всего выписывается две. Я получил Русский Вестник — весь наполнен дрянью.[470] — Русские хоть и есть, но еще не так много, и все, как и прежде, незнакомые. По кур-листу прочел, что приехал Иловайский[471] (московск‹ий› профессор) с дочерью, — тот самый Иловайский, который председательствовал в Обществе любителей российской словесности, когда читалось, как Анна Каренина ехала в вагоне, и когда при этом Иловайский громко провозгласил, что им (любителям) не надо мрачных романов, хотя бы и с талантом (т‹о› е‹сть› моих), а надо легкого и игривого, как у графа Толстого.[472] Я его в лицо не знаю, но не думаю, чтоб он захотел знакомиться, а я, разумеется, сам не начну. — Все надеюсь, не приедет ли еще хоть кто-нибудь, но тогда, бог даст, я буду уже сидеть за романом и мне времени не будет. Ах, что-то удастся написать, и удастся ли хоть что-нибудь написать? Беспокоюсь ужасно, потому что один. Хоть я и дома, в Руссе, сидел один, но знал, по крайней мере, что в другой комнате детки, мог выдти к ним иногда, поговорить с ними, даже подосадовать на то, что они кричат — это придавало мне только жизни и силы. А пуще всего знал, что подле — Аня, которая действительно моя половина и с которою разлучаться, как вижу теперь, действительно невозможно, и чем дальше, тем невозможнее.

Ну вот и все обо мне. Я раздумал съезжать и остался в Hotel Luzern. Кстати, вот тебе на всякий случай мой адрес: Bad-Ems, Haus Luzern, Logement № 10, à m-r Dostoewsky (т‹о› е‹сть› ты по-прежнему всегда пиши Poste restante, а это я тебе на всякий случай). Все-таки хозяева эти довольно деликатные люди, как я вижу больше и больше. Под окнами стучат меньше, а дети хозяев 4-х и 3-х лет, девочка и мальчик, по-

---

* полька «Эмские таблетки» (*нем.*).

любили меня и приносят мне цветов. Эти хозяин и хозяйка (Meuser) имеют дом и землю, и хозяйка сама стряпает и варит кофей, а он — учитель в школе и дает уроки. Соседи мои весь день не дома и являются домой лишь чтоб спать, это один бравый, молодой и очень красивый немец из Берлина, купец, и один 19-летний подросток, француз, m-r Galopin, весьма учтивый молодой человек. Внизу в бельэтаже, прямо подо мною, приезжее немецкое семейство снимает три комнаты. Барыня, мать этого семейства, довольно толстая немка до того рассеянна, что вместо 2-х лестниц всходит иногда 4 в 3-й этаж и попадает прямо в мою дверь, отворит ее с размаха и стоит, секунды на три, не узнавая, куда зашла. Потом крик: Ah mein Gott! * и бежит к себе вниз; так было уже два раза, раз утром, — другой раз вечером. — Впрочем, я и сам точно так же рассеян: не далее как вчера, вместо своего отеля, Luzern'а, вошел рядом в отель Genz, взял с доски мой ключ, т<о> е<сть> 10-й №, поднялся в 3-й этаж и начинаю отворять мой 10-й № (совершенно точно так же расположено, как и в Luzern), но хозяйка и служанка прибежали и объяснили мне, что я живу не здесь, а рядом в Luzerne. Хорошо еще, что они уже узнали меня в лицо, т<о> е<сть> что я живу в соседнем Luzern'е, а то, конечно, могли принять за вора.

Аня, милочка, пиши мне каждые три дня, и пиши как можно больше подробностей. Писем я жду, как манны небесной. Не сердись на меня, ангел мой, что я в моих письмах хандрлив; бог даст, сяду за работу и забуду хандру. А тут, пожалуй, и лечение пойдет успешнее. — Сегодня солнце и тепло. — От одной тоски знаю, что не избавлюсь, это по вас: все боюсь, что с вами случится что-нибудь. Обабился я дома за эти 8 лет ужасно, Аня; не могу с вами расставаться даже и на малый срок — вот до чего дошло. Аня, милочка, все думаю о будущем, и о ближайшем и об отдаленном одно: дал бы бог веку, и мы с тобой что-нибудь устроили бы для детей.

Голубчик, живи веселее, ходи, гуляй, отгоняй дурные мысли. Есть ли у тебя доктор? Надо непременно бы пригласить, чтоб ездил. — Известия об Ив<ане> Григорьевиче ужасно характерны. Он н е с ч а с т е н в полном смысле слова; одного боюсь, что у него терпения не достанет. Но он, как и ты, Аня, исполнен чувства долга, знает, что обязан детьми, и наверно, укрепится и не решится на что-нибудь. А с ней надо, действительно, построже: ее надо совсем бы бросить.

Обнимаю тебя и благословляю детей, всех. Аня, почему не назвать, если будет девочка, Анной? Пусть будет в семье вторая Нютя! Так ли? Я даже очень так хочу.

Еще раз обнимаю тебя и всех вас.

Твой весь

Ф. Достоевский.

Всем поклон.

---

* Боже мой! (*нем.*).

Снишься ты мне часто. Впрочем, начались сниться и кошмарные сны (действие воды). Ужасно боюсь припадка, слишком долго не было. Значит, если придет, то в месяц раза три, так всегда после долгого перерыва. Что тогда делать с романом?

123. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. Четверг, 12 июня 1875 г.

Здравствуй, мой дорогой и милый Федя, как твое здоровье, как ты поживаешь! Милый мой, письмо твое от 7 июня (субботы) я получила вчера, в среду, поздно вечером и отвечаю тебе ровно через три дня (как ты сам назначил); последнее же письмо послала во вторник, это пойдет завтра утром. Я решительно не понимаю, почему письмо мое от 31 мая отправлено отсюда 3-го июня, это бог знает что такое! Поговорю об этом на почте, но вперед знаю, что ответят какой-нибудь вздор и скажут, что задерживают письма в Петерб‹урге›. Уж не Готский[473] ли распорядился доставлять ему мои письма ради наблюдения; впрочем его, кажется, нет в Руссе. Вообще я как нельзя больше сержусь на подобную неаккуратность, но уверяю тебя, голубчик, я в ней нисколько не виновата, так как сама отношу на почту. Дорогой мой, все мы здоровы как нельзя больше, и все благополучно. Детки купаются каждый день и взяли 7 ванн, я уже три ванны; оба они цветут здоровьем, в особенности Федя; очень послушны и часто вспоминают о тебе. Лиля теперь подружилась с той девочкой Машей, которая прислуживает у Анны Гавриловны,[474] не отходит от нее и научилась у ней разным песенкам. Она очень просила послать эти песенки папе; исполняю ее желание и выписываю:

Что под мостом,
Рыба с хвóстом,
Некому ловить!
В Старой Руссе ребят много,
Некого любить!

Из другой, всю она не знает:

...... остались.
Дети малые, жена молодая,
Конь вороный, сбруя золотая,
Две корзины рябины,
Полтора куля грибов
Если это не любовь?
Бери бабу без зубов!

Еще:

Купи мне косыночку вязененькую (вязаную),
Полюби меня девочку веселенькую,
Купи мне на платьице беленького
. . . .
Я пойду по одежде крестьяночка,
По походке немочка
Старой Руссы девочка.

Затем знает какую-то длиннейшую песню про 54 год и непременно хочет, чтоб я тебе ее послала; непременно перепишу, но теперь некогда. Сегодня дети стали ужасно просить, чтоб я их покатала на лодке (они каждый день пристают), и я решила, что будет грести нянька (она прежде была лодочницей), дети с восторгом побежали к пристани, но вдруг лодку взяли (лодок только две). Дети просто пришли в отчаяние и жалобно сказали: мама, мама, мы опоздали. Тогда господин, сидевший в лодке, предложил прокатить детей, разумеется, мне неловко было отказаться, и он нас два раза прокатил по озерку. Дети были очарованы, тем более, что катались в первый раз в жизни в лодке.

Вчера получила письмо от мамы: нового ничего нет, Ольга живет с К. в Сумах (18 верст от Вани) на одной квартире и опять писала Ване умоляющее письмо, что она нездорова, просит прислать кого-нибудь за нею и что она согласна на все его требования. Ваня сам не едет и посылать за ней не хочет. Если б она, действительно, хотела вернуться к детям, то могла бы приехать и сама, без того чтоб за нею присылали. Но ей просто хочется хвастаться перед К. тем, как Ваня ее любит, что он за нею гонится; ей хочется вернуться полновластной хозяйкой в именье и жить с К., так как она теперь не стыдится жить с ним вблизи именья и у всех на виду. Один Ванин знакомый, порядочный человек, живущий в Сумах, рассказывает, что она распускает про Ваню слухи, что он тиран, варвар и что если б она не любила детей, то ни за что бы не пошла к нему назад, а К. называет своим хорошим знакомым, хотя и живет с ним на одной квартире. Хорошая любовь к детям, когда она их не видела более 3-х месяцев! Все Ване советуют не обращать внимания на ее письма и за ней не посылать; пусть она поймет, наконец, сама, что так жить нельзя. Этакая гадина! Она хочет, чтобы Ваня опять поехал за ней и чтоб опять произошло что-нибудь вроде прежних историй. Ваня будет высылать ей по 50 руб. в мес<яц> (*две строчки зачеркнуто*) в таком бы случае, если б она К. бросила. Бедный Ваня! Впрочем он стал спокойнее и занимается делами. До свиданья, мой дорогой и бесценный Федочка, целую тебя много, много раз и прошу тебя не тосковать и о нас не беспокоиться. Напишу в понедельник непременно.

Целуем и обнимаем тебя горячо.

Твои Аня, Лиля, Федя
и два неизвестные существа.

Погода у нас уже 2 недели великолепная и жаркая.

124. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 13/25 июня ‹18›75. Пятница.

Милый мой голубчик Аня, милое письмецо твое от субботы (7-го июня) получил вчера в четверг и за него благодарю. Главное, за успокоительные известия и что ты призывала доктора. Это особенно меня беспокоило. Мне все тяжело было, что ты из э т о г о во что бы то ни стало, до самого последнего времени, как бы хотела сделать тайну. За детишек тоже благодарю — и за то, что смотришь за ними и довольна ими, и за то, что их доктору показывала. — Все-таки я от тебя получаю лишь в 4 дня письмо, а сам пишу в 3 дня раз. Последнее письмо я послал тебе во вторник. В тот же день вдруг над всем Эмсом повис туман, совершенно молочный, непрозрачный до того, что за 20, за 30 шагов различить было нельзя, и так висел сутки при 20 градусах тепла и безветрии — значит, духота и сырость, так что совершенно не знаешь, во что одеться — в легкое, простудишься от сырости, а в тяжелое, вспотеешь и опять простудишься. Так простояло сутки, и вдруг полил дождь. С тех пор вот уже третьи сутки льет, как из ведра. Когда я пишу и з в е д р а, то понимай буквально. Это ливень, который у нас, в нашем климате, в сильную грозу продолжается лишь 1/4 часа. Здесь же третьи сутки — буквально без перерыва с шумом льет вода — изволь жить, изволь ходить пить воду. Я все платье промочил. Здесь почва каменная и, чуть солнце, ужасно быстро просыхает, но в эти три дня до того размокло, что идешь, как в каше, мочишь ноги и панталоны. Зонтик уже не защищает. Какая тут польза от лечения, когда у меня беспрерывная простуда, — легкая, но простуда, насморк и кашель. Пророчат, что сегодня к вечеру разгуляется. Впрочем насчет моего лечения я еще не знаю, что сказать, потому что, несмотря на климат, мне кажется, по некоторым признакам, что некоторая польза может быть. Я теперь уже пью maximum, по 4 стакана утром и по 2 после обеда. Но сама можешь представить, какая мне здесь тоска и до чего у меня расстроены нервы. Пуще всего мучает меня неуспех работы: до сих пор сижу, мучаюсь и сомневаюсь, и нет сил начать. Нет, не так надо писать художественные произведения, не на заказ из-под палки, а имея время и волю. Но, кажется, наконец, скоро сяду за настоящую работу, но что выйдет, не знаю. В этой тоске могу испортить самую идею. Припадка жду каждый день, но не приходит. Странно и то: мне кажется, что я начал телом худеть, чего не было прошлого года, хотя, очевидно, это действие вод. Впрочем аппетит и пищеварение у меня хороши. Ну вот и все об моем здоровье.

Мне, главное, о тебе. Жду, что напишешь мне насчет найма квартиры. Полагаю, что я здесь не очень долго теперь пролечусь, следственно, и квартира будет нанята рано, т‹о› е‹сть› наверно еще в 1-й половине июля. — Я бы очень желал поскорее к вам: по крайней мере хоть не так буду беспокоиться о вас, когда вы уже на глазах будете. Да и оживу я с вами. А главное, ты, Аня, будешь у меня на глазах в эту тяжелую

пору, а здесь все боюсь какой-нибудь случайности. Но роман, и когда напишу, сбивает меня с последнего толку. Опоздать нельзя, да и денег надо. — Как-то у нас пойдет в эту зиму, Аня, что-то будет. От меня, однако, решительно все отвернулись в литературе;[475] я за ними не пойду. Даже Journal de St. Petersbourg похвалил было Подростка, но, вероятно, кто-нибудь дал приказ ругать, и вот в последнем № прочел, что в окончании 2-й части все вяло «et il n'y a rien de saillant».*[476] Т<о> е<сть> все что угодно можно сказать, упрекнуть даже за излишние эффекты, но нельзя сказать, что нет сальянтного. Впрочем вижу, что роман пропал: его погребут со всеми почестями под всеобщим презрением. — Довольно, будущее покажет, а я энергии на будущее не теряю нисколько. Только будь ты здорова, моя помощница, и мы кое-как справимся.

Я по-прежнему совершенно здесь один, знакомых никого. Русских приехало довольно, но все aus Reval, aus Livland, какие-то Шторхи, Борхи, а из русских имен — Пашковы, Панчулидзевы и проч. Все незнакомые. Но странно: меня, кажется, знают. Давеча, у источника, обратился к какому-то джентльмену с самым пустым вопросом по-немецки, тот мне тотчас же ответил по-русски, а я и не знал, что он русский. Значит, он знал уже обо мне, потому что тоже не мог бог знает с чего догадаться, что я русский. Я, впрочем, от всех удаляюсь. Жить мне гадко, нестерпимо. Хозяева готовят кофей и abendbrod ** ужасно скверно; но обед я беру из другого отеля (1-й уже бросил), и приносят буквально вдвое лучше обед, чем из отеля Goedeke. — Гражданина мне прислали один номер и вдруг забастовали. Не стоит писать, чтоб высылали. Встречаю довольно часто императора Вильгельма на водах. Он очень прост и мил, красивый старик 80 лет, а кажется не более 60. Одевается по-штатски щеголем. В толпе сидела раз дама с стаканом, высокая и худая, лет 30, в черной очень измятой шали и в черном простейшем платье. Вдруг к ней подходит император, как к знакомой, проговорил с ней почти четверть часа и, прощаясь, снял ей шляпу и подал руку, которую та пожала как самому простейшему смертному, совершенно без особого этикетного реверанса. Это была какая-то герцогиня из владетельного прежде роду и богачка. А между тем казалась в толпе простушкой, и наши русские, светские шлюхи, должно быть, проходя, посматривали на нее с пренебрежением, а тут вдруг все разинули рты.

Я сегодня видел во сне Федю и Лилю и беспокоюсь, не случилось ли с ними чего! Ах, Аня, и об них думаю день и ночь. Ну умру, что я им оставлю. Только бы кончить проклятую эту теперешнюю работу, а там бы предпринять что-нибудь. — Но это все при свидании. А теперь дай бог, чтоб насущное как-нибудь уладилось. Цалую и благословляю Федю и Лилю и...[477] Впрочем, что ты, Анька, пишешь о д в о й н е? Ах ты! Впрочем, цалую и двойню, и давай бог, а тебя цалую тридцать пять раз, как

---

* ничего выдающегося (*франц.*).

** ужин (*нем.*).

говорит Федя. Пиши об себе чаще. Я же буду уведомлять по-прежнему аккуратно в 3 дня раз.

Целую тебя миллион раз с детьми.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поклоны кому следует
Не слышно ли чего об Иване Григорьевиче?

125. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹Старая Русса.›
‹В Эмс.› 15 июня 1875 г. Воскресенье. 4 часа дня.

Дорогое мое сокровище, мой милый муж, золотой Федочка! Твое письмо от вторника 10/22 июня я получила вчера, в субботу, вечером и отвечаю тебе сегодня, чтобы положить его на почту сегодня же и чтоб оно пошло непременно завтра. Я очень рада, бесценный мой Федя, что ты здоров, хотя очень за тебя горюю, что ты все еще находишься в такой тревоге и в таком беспокойстве. Как мне жаль, что ты не нашел никого знакомых, ты бы меньше тосковал, а от этого лучше бы пошло и твое леченье. Главное, дорогой мой, об нас совершенно не беспокойся; бог даст, все обойдется прекрасно, и мы встретим тебя здоровые и веселые. Детки ведут себя отлично, ходят каждый день на ванны, много гуляют, много едят и вообще меня очень утешают. Федя после каждого твоего письма спрашивает: да когда же папа домой приедет? и строит планы, как мы пойдем на пристань и станем в разных местах, а ты будто бы их не узнаешь, так они выросли; а они-то подбегут, схватят тебя за пальто и закричат: папочка, папочка! Лиля о тебе реже спрашивает, хотя ко мне она очень ласкова. Сегодня Лиля говорит Феде: дай-ка я погадаю тебе на ручку, будто я цыганка. — Ну погадай! — Она взяла его руку и стала рассматривать: «У тебя будет счастливая женка, ты пойдешь гулять, у тебя будет золотой гривенник, ты будешь здоров, у тебя будет золотой пояс, золотое колечко, ты будешь богат!». Он ее выслушал и говорит: «Ну, цыганочка, много же ты мне наврала!». Узнав, что я пишу тебе письмо, Федя просил тебе передать, что «мы не вольничаем». Лиля часто помогает Феде, расстегивает и застегивает его штанишки и сейчас сама оделась и его одела во все чистое и без посторонней помощи, чтоб идти к батюшке. У нашего батюшки поселилось семейство купца Сытова, у которых девять человек детей. Наши дети с ними познакомились и ходят гулять. Мое настроение несколько улучшилось (я объясняю это действием ванн), я спокойнее, не так раздражаюсь и не думаю о ближайшем и страшном для меня будущем. Бог даст, все пройдет благополучно, и мы устроимся; дорогой мой, не горюй и не тоскуй, мы бывали в очень тяжелом положении, и бог помогал нам; поможет и не оставит нас и теперь.

Пятьдесят четвертый год!
Припечалился народ
Царь записочку пришлет
Он такую, не простую
Про солдатчину большую.
Писаря ночи не спали,
Главно дело исполняли,
Закричали во весь рот
Собирайся весь народ
Собралось народу тесно
Во присутственное место.
Наезжает Соловьев [478]
Для исправности делов,
Для подъема жеребьев
Братцы жребьи кидали,
Отцы плакали-рыдали
Послужить надо царю
За Россию за свою.
Ты Россия, мать Россия
Мать российская земля!
Про тебя, моя Россия,
Широка молва и шла
Да такая — широкая
Про младого казака
Казак с пушечек палил.
Выше лесу дым валил.
Далеко пыли летели,
Через синие моря,
Через Улански острова.
Чуть завидишь во дыму
Воронцов [479] гулял в полку,
Курил трубку табаку,
Чтобы пьяному быть,
Поспелее поступить,
Французу голову срубить.
Француз голову повесил,
Индо слезы потекли,
Что со этих со слезец
Мы совьем царю венец!
Нашей песенке конец!

Лиля очень просила послать тебе эту песенку, которую она мне сейчас сама продиктовала, а Федя ее поправлял.

Дорогой мой, ты просишь писать факты, но у нас все так тихо и так по-прежнему, что решительно затрудняешься, что тебе сообщить. Купила полотна и бумазеи и шью ей или ему приданое. Благодарю тебя, мое дорогое и милое сокровище, что ты пожелал назвать нашу будущую девочку Анной, но имя это самое мое нелюбимое, а потому и назовем ее иначе. Я тоже хожу на ванны, а также на музыку, а сегодня отправляюсь со всей нашей компанией на «Свадьбу Кречинского». Это уже третий раз в это лето; не сердись, голубчик, что я без тебя так кучу и трачу деньги на пустяки.

Какой-то Егор Мих‹айлович› Кублицкий, литератор, умер в Москве 6 июня! Не твой ли это Кублицкий? [480]

Погода у нас стоит восхитительная, но бывают сильные ветры, и вот недавно на озере разбило около 90 барок с разным грузом.

Дорогой мой, целую и обнимаю тебя миллионы раз и люблю бесконечно, и буду так любить всегда, если только бог положит мне жизни. Я сама себе завидую, вспоминая, как я счастлива была все эти 8 лет. До свиданья, дорогой мой, целуем тебя крепко Аня, Лиля, Федя и...

Следующее письмо напишу и отошлю в четверг 19-го.

126. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 15/27 июня ‹18›75. Воскресенье.

Милый мой голубчик Аня, письмо пошлю завтра, в понедельник, пишу же его теперь в воскресение, с вечера, для того что по утрам теперь намерен работать, а писание писем уже, конечно, очень бы отвлекало меня

от работы; и так всегда теперь будет. — Письмо твое от понедельника (9-го) получил вчера в [пятницу] субботу; каждый раз, получая твое письмо, радуюсь хоть тому, что с вами ничего не случилось худого, но на другой же день, каждый раз, опять начинаю сомневаться и опасаться за вас. Скоро ли кончится моя здешняя мука — не знаю. Но вряд ли больше $2^1/_2$ недель здесь проживу, много трех. Лечение мне, кажется, идет на пользу, но бог знает, особенно при такой погоде; впрочем, вчера и сегодня по крайней мере дождь нейдет, хотя барометр упорно продолжает стоять на Regen und Wind.* Про работу мою думаю так, что пропало дело: начал писать, но чтоб я поспел к 25 июля доставить в редакцию,[481] то этого, видимо, быть не может. А не поспею доставить, тогда Некрасов рассердится и денег не даст в самое нужное время; да и роману плохо. Здесь же, в таком уединении и такой тоске, чувствую, что не напишется хорошо; кроме того, — каждый день жду припадка. Голубчик мой милый, Аня, мне тебя не достает, вот что. При тебе все пошло бы лучше во всех отношениях. Если б не было ежечасной, тяжелой думы об этой работе, может быть, мне было бы легче. Особенно тоска подступает ко мне всегда к вечеру; по утрам же легче; вот почему и выбрал утреннее время для работы.

Спасибо тебе за подробности о детях, они меня здесь ужасно оживляют. Непременно заведи такую книжечку и слова их записывай. Спасибо тебе тоже за то, что отгоняешь от себя дурные мысли и мечты насчет своего положения, как ты пишешь; только правда ли? Если ты и впрямь стала умнее и отгоняешь опасные фантазии, то зато я здесь об тебе думаю и опасаюсь за тебя день и ночь, и все потому, что мы в разлуке. Кроме того мечтаю о тебе и цалую тебя день и ночь беспрерывно... Я стараюсь много ходить и утомлять себя, сплю даже мало, почти менее семи часов. Да как ходить здесь, когда вот только теперь, сегодня чуть-чуть просохло. Развлечений же здесь никаких, да и не пошел бы я никуда и без того, если б и были. Все кажется, что я время теряю, а в результате хоть и дома сижу, ничего не работается: едва лишь начал первую страницу, да и тем недоволен. — Пуцыкович прислал мне 2 № Гражд<анина> разом. Ну уж до чего дописался князь Мещерский в своем «Лорде-апостоле», так это ужас.[482] А Порецкий уже окончательно с ума сошел на Толстом.[483] — Из развлечений была у нас здесь одна «Regatta», т<о> е<сть> попросту призовая гонка на здешней речонке лодок, на пари франкфуртцев с Кёльном. Избрали же нашу речонку, потому что здесь император, так чтоб потешить его и проехать мимо него. При этом, разумеется, нескладные немецкие хоры, похожие на рев, музыка, а пуще всего то, что дело происходило в проливной дождь, но буквально вся публика высыпала к перилам набережной и так простояла более $2^1/_2$ часов под сильнейшим дождем. Император же смотрел из окна воксала. Публика здесь прескучная, всего больше немцев. Наших русских довольно, мужчины еще туда-сюда, но дамы русские ужасны. Пищат, визжат, сме-

---

* дождь и ветер (*нем.*).

ются, наглы и трусихи вместе. По смеху уже слышно, что она смеется не для себя, а для того, чтоб обратили на нее внимание. Немки не таковы: та и захохочет, и закричит, и кавалера по плечу ударит чуть не кулаком, но видно, что она смеется для себя и не думает, что на нее глядят. И как бы наши русские, особенно grand mond'a, где-нибудь на Елагином острове осмеяли ее за манеры, да жаль, нельзя. Одна при мне закричала, подзывая кавалера: pst, pst, а как он подошел, шлепнула его по плечу. И вдруг слышу подле русские дамские голоса: «Это что еще, кто такая? что за манеры», и один русский вдруг отвечает им: это княгиня Tourn et Taxis (т‹о› е‹сть› считается владетельным домом). Но наплевать на наших русских холопов. Газеты тоже русские я не могу читать: ни на одну минуту не свободны, все читают русские. Один русский молодой человек держит в салоне «Голос» по целым дням, не вставая с места. Ждешь, ждешь и уйдешь.

Впрочем мне нечего, решительно нечего здесь описывать. Вот не знаю только, когда мне уведомить тебя, чтобы ты перестала писать, чтобы не посылать писем даром, когда уже я уеду отсюдова. Впрочем, лучше не уведомлять: пиши до последнего раза. Уведомь меня, не забудь, насчет твоего решения о квартире; непременно ли я должен ее сыскать теперь, проездом по возвращении, или уже потом, когда мы воротимся и станем хоть в гостинице. — Но до этого еще далеко, предстоят еще недели три муки и — работа, работа, ужас! Эта поездка в Эмс была ужасна во всех отношениях, и хоть бы я здоровье-то отсюдова вывез.

Ты пишешь о деньгах, что идут; идут и у меня, голубчик, а они однако нам ух как нужны. Ну а насчет няньки и кухарки как ты думаешь? Ведь не одним же нам с детьми в Петербург возвращаться.

Все боюсь, что ты получишь какие-нибудь дурные вести об Ив‹ане› Григорьевиче и затревожишься. Ну до свидания, ангел мой бесценный, будь здорова (и не снись мне по ночам, сделай одолжение). Обо мне не беспокойся, как-нибудь перемелется. Детишкам обо мне напоминай. Помнят ли они меня в лицо? Спроси, пожалуйста, Федю, какой я собою. Бедные, в середине лета принуждены будут в Петербург воротиться.

Благословляю вас всех, люблю, цалую и жду с бесконечным нетерпением, когда брошу проклятый Эмс и ворочусь к вам. Люблю вас всех четверых. До свидания, обнимаю тебя. Поклон кому следует

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. Голубчик Анечка, прошу тебя очень, пошли немедленно хоть 3 рубля (не меньше) на моршанских погорельцев [484] в редакцию Московских Ведомостей. Письмо же напиши так:

В редакцию газеты «Московские Ведомости».

Покорнейше просят принять прилагаемые три рубля на моршанских погорельцев о т Ф. Л. и н е и з в е с т н о г о.

Ф. Л. и неизвестный

т<о> е<сть> от Феди, Любы и неизвестного, но лучше написать буквами: от Ф. Л. и неизвестного, чтоб не догадались, пожалуй, что неизвестный есть будущий.

Подписка же на моршанских погорельцев открыта по разным ведомствам и в редакциях всех почти газет.

Твой Д.

Еще раз всех вас обнимаю.

127. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Старая Русса.
<В Эмс.> Среда, 18 июня 1875 г. 4 часа дня.

Твое дорогое письмо от пятницы (13 июня) я получила вчера, во вторник, мой милый и бесценный Федочка, и рада была, что ты здоров; ужасно меня раздосадовало известие о том, что в Эмсе постоянно дурная погода; мне кажется, что это непременно отзовется на твоем лечении и что при хорошей погоде оно бы пошло несравненно успешнее. Надо впрочем надеяться, что, может быть, во вторую половину погода переменится и ты успеешь наверстать потерянное время. Беспокоит меня тоже твое настроение: все-то ты тоскуешь и беспокоишься, а потому и работа не идет; как мне тебя жаль. Молю бога, чтоб он послал тебе в работе успеха! На наш счет, пожалуйста, не беспокойся, мы живем тихо и благополучно, все здоровы, а детки веселы и послушны. У меня страшная моя раздражительность исчезла и заменилась какою-то по временам беспредметною тоскою, потому что я всем довольна и счастлива; приписываю все моему болезненному состоянию и думаю, что все пройдет со временем. Дети взяли 14 ванн и вообще охотно ходят купаться. Вчера Федя на что-то рассердился, лег на доски на дворе у самых ворот и так крепко заснул, что не слышал, как мы ему подложили подушку, как лаяли собаки и проезжали извозчики; проспал часа три и проснулся ужасно веселый; нянька все время подле него сидела и отгоняла мух. Сегодня Лиля пришла в страшных слезах: оказалось, что роза, которую я ей вчера подарила, сегодня завяла, а она и не подозревала, что она может завять! Чтоб ее утешить, я ей сорвала другую розу, но растолковала, что и она скоро завянет. Детки очень дружны и возвращаются с ванн под руку и распевая песни, но подчас и дерутся. Голубчик мой, больше не знаю, что об нас написать, до того у нас все тихо и по-всегдашнему.

Ты пишешь о найме квартиры: сообщу тебе мои на этот счет мысли. Я много думала о нашем ближайшем будущем и раздумывала, как нам лучше поступить. Сначала я предположила остаться в Руссе на наше критическое время, но потом решительно отбросила эту мысль и вот на каком основании: предположи, что роды будут неудачны, тогда мы имеем здесь одного Рохеля (бог ведает, искусен ли он?), но ведь он может отлучиться на несколько дней, что с ним часто бывает, и вот мы пропали.

Но даже при самых благоприятных родах и тут предвидятся трудности: роды могут произойти от 24 июля по 12 августа; возьмем среднее, т‹о› е‹сть› 5 августа;[485] я буду первое время очень слаба, даже если все произойдет благополучно, и ранее 1-го сентября нечего и думать ехать в Петерб‹ург›. Затем наем квартиры, сборы и укладка в Руссе, устройство и раскладка в Петерб‹урге› и, наконец, переезд меня истощат в сильной степени и непременно отзовутся на моем хилом здоровье, да и на здоровье новорожденного. Не говорю уже и о том, что при переезде в начале сент‹ября› мы сильно рискуем простудить детей. Но даже при самых счастливых обстоятельствах ты можешь сесть за работу не ранее 12—15 сентября, итак с самого твоего приезда в половине июля ты теряешь два рабочих месяца, ибо разве можно работать в Руссе, в крохотных комнатках, имея возле больную жену и предвидя впереди разные хлопоты по переездке и устройстве. На мой взгляд, положительно следует оставить мысль пробыть критическое время в Руссе. По-моему, нам следует перебраться от 28 июля до 1-го августа и постараться устроиться; тогда *уже на месте и без хлопот и переезда впереди* совершатся роды и, если бог даст, они будут счастливы, то я хоть и буду слаба дней 15, но все-таки могу наблюдать за детьми, и дать тебе возможность работать, а бог даст, могу тебе помочь и в переписке. Таким образом, ты для работы выигрываешь около месяца, а я выигрываю то, что сохраню свои силы. Теперь, дорогой мой, о квартире: величина и цена ее решительно зависят от твоего решения издавать или нет.[486] Постараться надо нанять от 60 руб. до 80 р. в мес‹яц›, а впрочем, как сам рассудишь. Ты предлагаешь приехать сюда и затем нам вместе ехать искать квартиру. Но ты можешь приехать сюда числа 15, затем пробудешь здесь дня 3, затем дорога и приискивание квартиры, и вот может произойти такая вещь, что я могу застрять совсем в Петерб‹урге› при ранних родах. Голубчик, как ты взглянешь на другую комбинацию: я буду знать, когда ты приедешь в Пет‹ербург› (ты можешь мне телеграфировать из Вильно или откуда), и я приеду в Петерб‹ург› (детей пришлось бы оставить и при твоем предположении, а я их поручу надежным лицам, да и пробуду в Пет‹ербурге› не более 3-х дней), и мы вместе отыщем и устроим квартиру. Я бы посоветовалась в Пет‹ербурге› и, может быть, узнала бы мой срок. Если эта комбинация никуда не годится, то постарайся приискать квартиру сам, ты отлично сыщешь, а я заранее на все согласна. Напиши свое мнение, дорогой мой папочка.

Наделала я тебе хлопот, ну да ты сам наполовину виноват, не меньше моего.

Цалую и обнимаю тебя горячо и люблю бесконечно.

Аня.

128. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 18/30 июня ‹1875.› Среда.

Милый друг Анечка, письмо это пишу в среду, а пойдет оно завтра, в четверг, как я уже и писал тебе.

Только сегодня, в среду, получил я письмо твое, которое ты писала от 12 июня, в четверг, и которое, по словам твоим, должно было отправиться на другой же день, т‹о› е‹сть› в пятницу, стало быть, 13 числа. Между тем на конверте печатью старорусского почтамта помечено от 14-го числа, т‹о› е‹сть› оно пошло лишь в субботу, а получил я его не вчера, во вторник, как бы должен был получить, а лишь сегодня только, в среду. Ясное дело, что письма в старорусском почтамте задерживают и непременно вскрывают, и очень может быть, что Готский.[487] Непременно, Аня, говори, кричи в почтамте, требуй, чтоб в тот же день было отправлено. Это черт знает что такое!

Письмо твое, разумеется, прочел с наслаждением, и рад, что все здоровы, тем более, что всегда перед письмами начинаю очень беспокоиться о тебе и о детях. Жаль только, Аня, что ты ничего мне не пишешь об очень важном деле, несмотря на неоднократные мои запросы: именно: как мне нанять квартиру в Петербурге. 1) Непременно ли я должен нанять ее, проездом, и 2) что мне будет делать, если квартира долго не наймется? Уведомляю тебя, Аня, что мне время теперь очень дорого, что в Петербурге, если я уже очень долго заживусь, я не в состоянии буду и нанимать квартиру, и писать в то же время роман. А главное, если я очень заживусь, более недели в Петербурге, то что мне тогда делать? И не лучше ли нам всем вместе нанять квартиру, уже возвратясь? Если остановимся и в гостинице, то столько же переплатим за № (если не гораздо меньше), сколько переплатим за квартиру за время, пока еще она будет стоять пустою и пока-то мы двинемся из Старой Руссы. Я, конечно, готов пробыть два или три дня в Петербурге, но желал бы не больше. Во всяком случае прошу тебя (и наконец настоятельно) обратить внимание на этот вопрос мой, который я уже неоднократно задаю тебе, и написать мне, наконец, твое решение. Если на это письмо ответишь тотчас же (с понуждением на почте отправить его тотчас же, а не через день или через два), то очень успокоишь меня. Ко всем моим, уже и так многочисленным, беспокойствам беспокойство о найме квартиры и об житии для нее в Петербурге примешивается самым мучительным образом. По крайней мере одно из сомнений моих будет разрешено.

Я могу отсюда скоро выехать, но ты не сомневайся и продолжай мне писать. Я напишу, когда тебе перестать писать. А в настоящую минуту сам не знаю, когда выеду. Завтра 1/19 июня будет ровно 3 недели моему здешнему лечению. Доктор же говорит, что более 4-х недель здесь почти не лечатся (да и совсем не надо), 5 же недель назначается только в самых исключительных случаях, ввиду особых соображений. Итак через

8 дней, в следующий четверг, т. е. по [нашему] здешнему стилю 8 июля, а по нашему 26 июня, я могу и кончить лечение и уехать по-нашему 27 или 28 июня. Но только к тому времени доктор посмотрит грудь мою. Теперь же, когда не вышло курса лечению (т<о> е<сть> 4-х недель), решить этого нельзя, т<о> е<сть> о том, кончить или еще неделю остаться. Очень может быть, что я останусь и еще на неделю, а в таком случае выеду отсюда уже не 27-го июня по нашему стилю, а около 5 июля. Итак *верно только то*, что я далее 5-го июля по нашему стилю здесь не пробуду. (Значит, мог бы, правильным путем, быть около 10-го июля в Руссе, если не останавливаться в Петербурге). Впрочем, повторяю, на 3 дня я готов остановиться. Можно и в три дня что-нибудь нанять; это ведь на счастье.

Что же касается до лечения моего, то я решительно не могу сказать ничего положительного об успехе. Кажется, будет облегчение. Сам же я здоров. Здесь скверно то, что лечат почти одни воды, а доктор не вмешивается и даже не укажет порядком. Докторов хоть и много, но все осаждены и так, что придешь, и ждет буквально по 50 человек очереди. А потому они говорят с больными наскоро, почти небрежно. Пример со мной: неделю назад я был у Орта и жаловался, что все простужаюсь и кашляю. Он осмотрел горло и велел мне в тот же день взять у источника стакан Кессельбрунена (другой горячий источник) и прополоскать горло (это называется gargariser, gargarisation). Я исполнил и в тот же вечер почувствовал облегчение. 3-го дня прихожу к доктору и говорю: так как мне уже раз gargarisation Кессельбруненом принесло пользу, то нельзя ли мне постоянно полоскать горло, потому что у меня постоянно раздражено горло, уже несколько лет (как муха в горле), так не будет ли, дескать, облегчения? Он удивился на это и вдруг спрашивает: «Так вы один только раз и ходили полоскать, а ведь я же вам велел постоянно! Вот вы неделю потеряли! Непременно в день по 2 раза». Итак я неделю потерял, но решительно по его вине, потому что он положительно *не сказал*, чтобы продолжать постоянно, а доказательство тому, что о полоскании 2 раза в сутки, и подробности о том, что наблюдать при этом, объяснил только третьего дня, а если б велел 8 дней назад, то я знал бы об этих подробностях еще тогда, потому что при гаргаризации они всеми здесь неуклонно наблюдаются, и их непременно надо растолковать больному заране, а он 8 дней назад ничего не растолковал о подробностях.

Таким образом к лечению моему присоединилось и полоскание горла Кессельбруненом. Если в эту 4-ю неделю увижу пользу и поздоровеет горло, то рискну сам остаться еще на неделю (т<о> е<сть> до 5-го июля), потому что раздражительность горла один из самых главных припадков моей болезни. — Я и не знал, что на водах, тут же при источниках, устроено 2 кабинета, собственно для гаргаризации, мужской и дамский. В кабинете до 20 мест, вроде как писсуаров, и все 20 человек полоскают горло разом. Такая музыка. А полоскает несколько сот больных.

Ну так вот обо мне главнейшее. Что же до остального, то у меня нет совсем новостей и подробностей. Я здоров, и погода у нас дня три уже не дурная (хотя не жаркая). Я по-прежнему один. Знакомых никого. Сосед мой немец уехал в Берлин, а рядом со мною нанял один приехавший русский (имени его не знаю и знать не хочу). Русских множество — все незнакомые. Какой-то один господин Сорокин подскочил ко мне сегодня и уведомил, что видел меня у Лизаветы Атамаровны (Барановой).[488] Я его совсем забыл. Пошел рядом и заговорил тотчас об литературе. Я очень рад был, когда он повернул в свое место. Что же касается до моей работы, то и не пишу тебе ничего о ней: все стоит и не двигается, план только составил уже окончательный, а работа еще не начиналась. — Ни страницы не написано. Что со мною будет — понять не могу. Сверх того страшно боюсь припадка.

Подробности, которые сообщаешь о детках — живят меня и радуют, но что ты, Ангел мой милый, так мало пишешь о себе? Разве не знаешь, как я люблю тебя и как мне весело узнать хотя бы малейшее о тебе происшествие. Целуй детей, напоминай им обо мне, чтоб не забывали. Песни лиличкины записывай особо в книжку, пожалуйста (это очень важно и нужно). То, что ты пишешь об Иване Григорьевиче, просто ужасно. Нет, с этой сукой надо поступать как с собакой, а не с человеком.[489] Она еще наделает ему неприятностей, небось. Вот если б он решился, наконец, окончательно разойтись с ней (т<о> е<сть> отречься от надежды и намерения жить опять вместе), то тогда бы он мог поступить и спокойно, и строго, и это бы могло ее, наконец, вразумить. Но увидим, что далее, только бы спас бог его голову. Не столкнулись бы как нибудь с Кукарекиным? и что ему Кукарекин? [490] Кукарекин и бросит Ольгу, так та сейчас другого заведет. Боюсь, чтоб ты об них как-нибудь не беспокоилась и не тревожилась.

А об тебе и о *двух* я очень тревожусь. И почему два? Уж не имеешь ли ты какого намека от бабки? Как бы я желал быть с вами! А тут еще найди здесь столько душевного спокойствия, чтоб работать, роман писать — да разве это возможно!

Ну до свидания, голубчик, следующее письмо напишу в субботу, а пошлю в воскресение. Обнимаю тебя крепко, целую тебя тысячу раз. Деток благословляю. Милые! Ты не поверишь, в каком я здесь заточении, Аня! Главное, этого вообразить нельзя постороннему.

Твой весь Ф. Достоевский.

Музыка сегодня исправилась (с погодою должно быть), играли две пьесы Бетховена — верх восхищения!

129. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Старая Русса.

‹В Эмс.› 21-го июня 1875 г. 2 часа дня. Суббота.

Благодарю тебя, мой дорогой и милый папочка, за аккуратность в письмах; ты не поверишь, как меня радуют и оживляют они и как я жду вечера того дня, в который думаю получить от тебя весточку. Но теперь перестали приносить письма вечером, а приносят рано утром, так и сегодня принесли письмо твое от воскр‹есенья› 15-го июня. Отвечаю тотчас же и сегодня сама отнесу на почту, чтоб пошло завтра, именно через 3 дня (последнее пошло в четв‹ерг›, следующее пошлю в среду). Я рада, дорогое мое сокровище, что ты начинаешь лучше себя чувствовать; боюсь, не вздумал бы ты кончить раньше, чем следует, своего леченья из желания поскорее приехать сюда. Голубчик, ты ведь знаешь, как я буду счастлива и как рада приезду моего неоцененного муженька, но хочу, чтоб ты возможно больше вылечился, так как собираюсь прожить с моим дорогим Федочкой еще по крайней мере 30 лет (как жаль, что нельзя больше). Не прими это за шутку! Голубчик, если б ты знал мое сердце получше, то поверил бы искренности моих слов. Я считаю нашу семью образцом семьи (несмотря на некоторые стычки), и вряд ли из тысячи семейств найдется одно, где муж и жена так глубоко и прочно сошлись и поняли друг друга, а главное, чем дальше, тем больше любили и уважали друг друга (могу ли надеяться, что ты разделяешь мои мысли на этот счет?) и дорожили своею семьей. Дорогой мой, я считаю себя самою счастливою из женщин и часто даже завидую себе, т‹о› е‹сть› считаю, что моя жизнь до того хороша, что не может продолжаться очень долго, а след‹овательно›, что мне не долго ею наслаждаться. Я бы желала, папочка, чтоб ты хоть вполовину так ценил и дорожил нашею теперешнею жизнью, как я.

Деточки все трое здоровы и веселы как нельзя более, ходим все на ванны. Билеты наши кончились и для новых пришлось позвать опять Васильева. Позволил мне брать ванны через день и уверяет, что они мне принесут огромную пользу, облегчив разрешение. Детям велел продолжать соленые. Феде я купила тросточку, и он с ней не расстается; вчера пришел разносчик с товарами, и дети упросили купить Федя — плеточку, а Лиля браслет; оба в восторге. Федя просит меня написать, что он съел два яичка. (Заметь, что это он по своей воле просит тебе написать, лишь только увидит, что я тебе пишу). На днях Федя мало ел, я ему и говорю, что «вот доктор говорит, что ты очень похудел, что мешок у тебя большой, да ты мало в него кладешь». Он мне пресерьезно отвечает: «Вы мне мало супу наливаете, вот я и похудел! Вы только папе не пишите, что я похудел, а то он не приедет!». Затем отлично поел супу и съел полкотлеты.

Дорогой мой, насчет квартиры я тебе писала в прошлом письме очень подробно и думаю, что всего бы лучше мне приехать на три дня ко дню твоего приезда в Петерб‹ург› или же, если ты сам не полагаешь возмож-

ным найти квартиру, то по приезде сюда не поехать ли мне одной и отыскать? Говорят, квартир пропасть, но цены огромные; но что же делать, надо будет переплатить. Что же касается до предположения приехать в Пет<ербург> со всею семьею, не имея квартиры и остановившись в гостиницах отыскивать ее, то это вещь невозможная, ибо уйдет пропасть денег, а мы квартиры недели две не найдем. Ты горюешь по поводу твоей неуспешной работы, мне это очень больно и хотелось бы тебе помочь, да возможности нет, ну бог даст, как-нибудь устроится, и хоть что-нибудь напишешь. Ты боишься, что Некр<асов> рассердится и не даст нам денег; но, золотой мой папочка, я не вижу, почему ты так беспокоишься; положим, у тебя не останется ни копейки, но у меня в настоящее время кроме детских 200 р. есть дома слишком 600 руб. (Было оставлено 875 руб., семьдесят пять руб. отдано за дачу, 28 руб. за склад, где стоит наша мебель, около 30 руб. пошло на разные наши наряды, рублей 30 — на доктора и леченье ваннами, остальное на житье). Следоват<ельно>, на первый случай мы будем располагать суммою около 750 или более рублей, а это более чем достаточно, чтоб начать жизнь. А там бог поможет!

До свидания, дорогой мой Федочка, цалую и обнимаю тебя горячо, твоя Анька, Федя, Люба и неизвестная, но дорогая особа. На морш<анских> погорельцев пошлю завтра же.

Еще раз цалую тебя в твои розовые, милые, сладкие губки. [Дорогой мой, купи для меня марки в 5 Pf. и в]

130. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 3 июля/21 июня <18>75. Суббота.

Милый мой голубчик Аня. Пишу тебе это письмо сегодня после обеда, в субботу, а пойдет оно к тебе лишь завтра, в воскресение, по примеру последних двух писем.

Ты как-то писала, что к тебе мои письма запаздывают. Да и ко мне твои письма непременно запаздывают лишним днем. Сейчас получил письмо твое от воскресения, 15 июня. Ты в нем пишешь положительно, что завтра, в понедельник (т<о> е<сть> 16 июня) снесешь его на почту в свое время (т<о> е<сть> не опоздав ни часу) и что, таким образом, оно непременно должно отправиться ко мне в понедельник, 16-го числа. И вот на конверте печатью старорусского почтамта помечено, что оно пошло [а не 15-го в понедельн<ик>] 17 июня* (все конверты я сохраню). Ясное дело, что письма задерживают и читают. Разве брать в почтамте расписку, что письмо принято и будет отправлено такого-то числа? Да не дадут они такой расписки.

---

* а не 16-го в понедельник, пошло 17 во вторник. (*Примеч. Ф. М. Достоевского*).

На это письмо мое *еще отвечай* мне сюда в Эмс. Но на следующее письмо мое, которое пошлю тебе в среду, 27 июня/6-го июля, уже не отвечай, потому что, как полагаю, оно уже не застанет меня в Эмсе. А я все-таки буду продолжать писать тебе в прежние сроки. Ты же мне (немедля впрочем) напиши тогда письмо уже в Петербург, до востребования, чтоб я мог найти его, туда приехав. Да еще прошу тебя очень, если б с тобой что случилось, то все-таки отправь в Эмс телеграмму Hôtel Luzern, à m-r Dostoewsky, № 10.

Из письма твоего, голубчик ты мой, замечаю, что ты очень мучаешься разными сомнениями по случаю предстоящего события и точно собираешься умирать. Эх, Аня, как мне это тяжело! Я знаю, ты очень мужественна, но ты ужасно мнительна. Но случаи несчастных родов не только реже случаев заболевания горячкой или какой бы то ни было болезни, но даже реже случаев раздавления на улице лошадьми! Это положительный факт, спроси кого хочешь. Не пугайся же, друг мой, вспомни, что ты родишь в четвертый раз, а с теми, которые уже привычны рождать, еще реже несчастные случаи, чем с непривычными рождать. К тому же здоровье твое, благодаря тому, что мы долго жили вне Петербурга, улучшилось сравнительно с прежним. И потому прошу тебя очень, подумай обо всем этом и постарайся ободриться. Впрочем, что писать об этом! Думаю, что за всеми задержками, начиная от сего числа, через три недели я уже буду вместе с вами, а тогда будем толковать (и тосковать, если надо) вдвоем. Я кладу на все три недели, но полагаю, что это maximum, а что и очень может быть, что и раньше трех недель (от сего числа) свидимся. В следующий четверг, на будущей неделе, т<о> е<сть> 26 июня/8 июля, минет ровно месяц моему здешнему лечению, а в понедельник, послезавтра, т<о> е<сть> 23 июня/5 июля, пойду к доктору и спрошу его окончательного мнения: оставаться ли мне еще, на 5-ю неделю, или уезжать? Полагаю, что он оставит меня непременно еще на одну неделю, значит я тогда 3/15 июля кончу лечение и 4-го или 5-го выеду; затем со всем, с житьем в Петербурге, еще надо положить неделю, и так, значит, около 12-го июля (нашего стиля), я могу быть уже в Старой Руссе. Так я полагаю, но может случиться, что доктор и не оставит на 5-ю неделю. Здесь считают *важным* не перелечиться. Лишнее лечение считается даже во вред. Я здесь купил книжку об Эмсе и его водах, русскую, изданную в Петербурге прошлого года.[491] В книжке этой, между прочим, высоко ценятся некоторые мнения моего доктора, Орта, об Эмском лечении. Говорится тоже и о вреде слишком долгого и большого питья вод. — Но особенно упоминается о мнении врачей (по свидетельству бесчисленных примеров), что часто весьма бывает так, что больные, кончив курс, не только не чувствуют большого или даже заметного облегчения, но напротив, некоторые так чувствуют себя даже хуже в сравнении с тем, как приехали, и только впоследствии, несколько месяцев спустя, уже зимой начинают чувствовать нередко огромное облегчение и благословляют судьбу, что съездили в Эмс. Я могу засвидетельствовать [уже] несомненно, что то же самое случилось со мною после поездки в Эмс прошлого

года. Не будет ли так же и в нынешнем году? А если такова моя природа, то не тем ли объяснять, что я до сих пор, пролечившись уже $3^1/_2$ недели, особенного облегчения не замечаю никакого. Так, конечно, было со мной и прошлого года, сколько помню. Теперь же, правда, кашель, исключая беглых простуд, гораздо уменьшился, но хриплость груди почти та же. Впрочем, гаргаризация горла, кажется, приносит пользу. Одним словом: как решит Орт. Потребую от него послезавтра, чтоб он осмотрел меня как можно внимательнее.

В этой же книжке я вычитал ужасную вещь; именно — что необходимо вполне изменить свой прежний образ жизни во время лечения, строго соблюдать диету и не предаваться н и - к а - к и м умственным занятиям, а не то не только не окажется пользы от лечения, но н е п р е м е н н о происходит вред, и болезнь, по многим опытам несомненно ухудшается. Умственные же занятия в диете поставлены на п е р в о м п л а н е, в смысле вреда. Каково мне! Это же говорил мне и Орт еще в прошлом году, но я мало обратил внимания. Но в прошлом году я вовсе не так работал, или по крайней мере заботился и тосковал, как в нынешнем. Значит теперь, только лишь я серьезно сел за работу — бросить ее? А Некрасов? А Отеч<ественные> записки?

Я решился и написал сегодня Некрасову письмо,[492] где все это изложил. Я очень извиняюсь и очень прошу его о следующем. 1) Чтоб позволил мне начать печатать не в августе, а с сентябрской книжки. За это обещаю, что напишу хорошо (да и действительно, кажется, напишу хорошо, план вышел восхитительный, и не даром я здесь над ним сидел.).[493] 2) Если никак нельзя ему принять это предложение, то уведомил его, что более $2^1/_2$ листов на августовскую книжку доставить не могу, а главное — уничтожится всякий эффект.[494] На этот вопрос мой я прошу его немедленного ответа, но не в Эмс, а в редакцию Отеч<ественных> Записок, где, проездом через Петербург, получу его ответ. Письмо адресовал в редакцию Отеч<ественных> Записок, с просьбою к редакции переслать прилагаемое к Некрасову письмо туда, где он теперь находится (конечно, они знают его адрес). Какой-то ответ будет — не знаю, но я все-таки работу здесь не оставлю, а лишь уменьшу занятия наполовину. Ну вот как я решил, уведомляю тебя об этом. Но заметь, что во всяком случае произойдет задержка в деньгах в самое нужное для нас время: нельзя же взять вперед, если уже и без того забрано.

<...> Об здешних новостях решительно ничего не имею написать: все по-прежнему, все мне надоело, ни одного знакомого, все та же пестрая многоязычная толпа. Два дня было жару, а сегодня опять дождь. Впрочем я чувствую себя довольно бодрым, и желудок мой хорош, а это все хорошие признаки. За известия о детях благодарю; ради бога, записывай их словечки и песенки в особую книжку; слишком прошу. Почему, Анечка, ты не хочешь, чтоб, если дочка, назвать Аней? Тебе не мило имя, так мне мило! Очень, очень прошу.

Расскажи деткам, когда меня ждать. Что им привезти только, не знаю. Напиши мне в Петербург и о квартире, т<о> е<сть> сидеть ли мне напи-

мать или нет? Если, н<а>прим<ер>, нет, а между тем вдруг представится в Петербурге удобная для нас квартира, то нанять ее или нет? несмотря на ранний срок?

Бедный Кублицкий. Это тот самый; хороший был человек. Он тогда был в заседании любителей словесности, когда читали о том, как Анна Каренина ехала в вагоне из Москвы в Петербург. Так и не дождался окончания Анны Карениной!

До свидания Аня, милочка, может быть, уже и до близкого. Целую тебя тысячи тысяч раз и все буду тосковать о тебе, потому что ты тоскуешь. Ах, мне надо быть с тобой поскорее. Целую деток и благословляю. Говори им обо мне. До свидания, милая, обожаю тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поклоны.

131. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Старая Русса.

<В Эмс.> Вторник 23 июня 1875 г. 3 часа дня.

Сегодня утром я была испугана ужасно, дорогой и милый мой Федичка, и до сих пор не могу прийти в себя от беспокойства. Я еще была в постели, как мне принесли письмо от Полякова, в котором он пишет, что в № 159 С<анкт>-П<етербургских> Ведомостей от 20-го июня он прочел известие о том, что «известный писатель Ф. М. Достоевский серьезно захворал»; он просит меня уведомить его, правда ли это? [495] Ты можешь себе представить мой испуг и мое беспокойство. Я тотчас побежала на ванны и прочла в № 159 это объявление. Потом пошла на телеграф и подала телеграмму,[496] спрашивая тебя, действительно ли ты болен, и просила отвечать. Телеграмма подана в 10 час<ов> утра, а ответ может придти сегодня поздно вечером или завтра утром. Сегодня я плакала и мучилась бог знает как и одно время боялась, чтоб это не повлияло и чтоб не случились раньше роды. Жду с нетерпением шести часов вечера, чтобы пойти на почту; сегодня третий день, и могло бы прийти от тебя письмо; может быть, оно бы меня успокоило. Господи, как я терзаюсь и беспокоюсь! Неужели это правда и ты действительно опасно болен? Я не знаю, что делать, как поступить. Если получу телеграмму, что ты действительно болен, то поеду к тебе, иначе я с ума сойду от беспокойства. Господи, господи, сжалься над нами, не посылай нам такого несчастия! Дети здоровы, я тоже, но выплакала себе все глаза. Дорогой мой, как я тебя люблю и как я теперь страдаю от неизвестности.

Твоя любящая жена Аня.

На всякий случай адрес: Старая Русса, по р. Перерытице дом Гриббе.

132. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹Телеграмма›

В‹Старую› Руссу. Ems. 5 июля 1875 г. 2 ч‹аса› 35 м‹инут›.

Ems. Starja Russa Madame Dostoewsky. Jch bin ganz gesund; warum fragen Sie. Schreibe alle drei Tage einen Brief. Dostoewsky *

133. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Эмс. 5 июля/23 июня ‹1875.›
‹В Старую Руссу›. Понедельник вечером.

Письмо это пойдет завтра, во вторник, милая Аня, сегодня, в час пополудни получил от тебя телеграмму. Она меня очень удивила и измучила. С чего ты взяла, что я болен? Значит, ты совсем перестала получать мои письма, т‹о› е‹сть› пропало одно письмо. Но чего же из-за этого беспокоиться? Поверь, бесценный друг мой, что со мной ровно ничего не может случиться. Последнее письмо я тебе отправил вчера, в воскресенье. Перед тем отправил в четверг (т‹о› е‹сть› предпоследнее), и затем, перед четвергом, отправлено было письмо в понедельник, т‹о› е‹сть› ровно 8 дней назад. Таким образом, три письма в 8 дней. Я пишу постоянно и аккуратно в каждые три дня по письму. — Я ответил тебе сейчас же телеграммой, которая и пошла во 2-м часу. Теперь уже девятый час, и она уже должна дойти; но я продолжаю ужасно беспокоиться. Во-первых, телеграмма твоя была на немецком языке и дошла вся перевранная. Старая Русса названа Skraja Russe, имени моего и следа не осталось. Дошла единственно потому, что обозначено было Haus Luzern, № 10. Таким образом, переврут (в Берлине) и мою телеграмму, и что, если не дойдет в Руссу или пошлют ее в Рузу? И вот, если не дойдет до тебя телеграмма, мне и мечтается все теперь, что в пятницу или субботу ты вдруг отворишь мою дверь и вбежишь сюда ко мне в Hôtel Luzern. Ты не поверишь, Аня, как это мучительно! Как можно лечиться в таком расположении духа. Давеча я помертвел, получив твою телеграмму, и упал на стул. Я написал в телеграмме: Ich bin ganz gesund, и теперь кляну себя, зачем написал ganz: ничего не стоит в Берлине перековеркать ganz в nicht gesund.** Судя по тому, как переврана твоя телеграмма, все возможно. Теперь всю неделю буду в страшном беспокойстве.

Я сегодня в 4 часа был у доктора после целой недели отсутствия и попросил его, ввиду истекающих через три дня 4-х недель моего лечения, подробно и серьезно осмотреть меня. Он осматривал меня долго, подробно и серьезно, и нашел, что грудь в превосходном состоянии, все зажило.

---

* Эмс. Старая Русса, госпоже Достоевской. Я вполне здоров; почему спрашиваете. Пиши письмо каждые три дня. Достоевский (*нем.*).

** нездоров (*нем.*).

Но осталась хрипдость и затруднительность дыхания; он сказал, что это может пройти само собою и что, если я хочу, то в четверг (ровно после 4-х недель лечения) могу уехать. Полоскание же горла Кессельбруненом, хотя и произвело в эту последнюю неделю большие успехи, но горло все еще раздражено, «так что если б еще неделю, с сегодня начиная, полечиться, то не было бы ничего дурного». Так и решили. Итак ровно неделю, начиная с сегодня, буду еще лечиться. Сегодня 5 июля/23 июня, а в следующий понедельник будет 11 июля/30 июня, и вот в этот следующий понедельник (т<о> е<сть> по нашему стилю 30-го июня) — ровно через неделю я и выеду отсюда. Итак ты уже более сюда ко мне не пиши, а напиши мне сейчас с получением сего письма в Петербург, poste restante. В письме этом напиши: нанимать ли мне квартиру в Петербурге, несмотря на такой ранний срок, или не нанимать и сколько времени сидеть нанимать и проч.? Об этом настоятельнейше и уже в последний раз прошу тебя.

Ты понимаешь, что со вчерашнего письма, которое ты верно уже получишь перед этим письмом, со мной нового ничего не могло произойти, кроме того разве, что роман мой совсем не двигается и не пишется. Жду покоя, когда-то будет. А здесь до того тошно, до того тошно жить, что буду долго вспоминать этот адский месяц.

Не забудь черкнуть мне хоть что-нибудь в письме про детей.

Если выеду 11/30, то значит, в пятницу или даже в четверг могу быть в Петербурге. А если б не сидеть в Петербурге очень долго, то в понедельник, 7-го июля, мог бы уже быть в Старой Руссе. Это значит ровно через две недели.

До свидания, ради Христа, будь покойна; осталось так немного до свидания. Обнимаю и цалую тебя и буду все мечтать о тебе. Благословляю деток; поклоны. (Черкни, не надо ли что купить в Петербурге?). Скажи деткам, что скоро приеду.

Твой весь вечный и неизменный

Ф. Достоевский.

Чуть что с тобой случится (не дай боже) в известном отношении,[497] то тотчас же телеграмму ко мне сюда, до 30-го июня нашего стиля я здесь. С твоею нервностью [все], пожалуй, и случится. Ах, Аня, как тяжела разлука в такое время!

134. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<Старая Русса.>

<В Эмс.> 10 часов утра. 24 июня 1875 г. Вторник.

Ты не знаешь, дорогой и бесценный мой Федичка, в каких страшных сомнениях и мучениях я провела весь вчерашний день до получения от тебя телеграммы. Из вчерашнего моего письма ты узнал, что в 159 №

С<анкт>-П<етербургских> Вед<омостей> от 20 июня было помещено извещение о *серьезной* болезни известного писателя Достоевского. Это же известие было перепечатано в четырех других газетах. Я сама ходила на ванны, чтоб прочитать, и затем подала телеграмму. Весь день я была как сумасшедшая, плакала, рыдала, представляла, что ты умер, упрекала себя, зачем я все эти дни была так покойна и весела, тогда как ты, может быть, в это время лежал на столе. У меня от беспокойства разболелся живот и поясница, так что я одно время сильно боялась, не произошло бы выкидыша. Я представить себе не могла, чтоб это известие не имело ни малейшего основания, и думала, что, верно, с тобой был сильный припадок и тебе пустили кровь, а ты вследствие этого отчаянно болен. Я решила, если от тебя получу телеграмму, что ты действительно болен или вовсе бы не получила телеграммы, то сегодня поехала бы к тебе; я бы с ума сошла или выкинула, если б знала тебя там больным и одиноким или оставалась в неизвестности. Дорогой мой, вот тут-то и поймешь, как любишь человека и как он дорог! Вечером пошла на почту и получила твое письмо от 18-го (отослано 19 июня); это меня несколько успокоило; но я окончательно успокоилась по приходе твоей телеграммы. Однако с чего они взяли, что ты болен, и какой это мерзавец им сообщил. Этого негодяя следовало бы повесить. Подумай, дорогой и неоцененный мой Федичка, что могло бы выйти? Я могла бы выкинуть вчера и, может быть, поплатилась бы жизнью и оставила тебя и моих бедных деточек одних. Страшно об этом и подумать. Милый мой ангел, мы с тобой предрянные люди, нужно нам было так привязаться друг к другу; лучше бы и спокойнее было бы, если б мы равнодушно относились и все предоставляли воле божьей. Бедные мои ребятишки вчера очень присмирели, а Федя шепотом спрашивает няньку: «Няня, да разве наш папа умер, что мама так плачет?». Нет, Федичка, не умер, а болен, ты помолись за него. И Федя, и Лиля за тебя жарко молились. Я спрашиваю: Федя, ты папу жалеешь? Жалею. Как же ты его жалеешь? Я его жалею, да не знаю, как жалею. Потом, когда получили телеграмму и я им сказала, что ты здоров, то Федя сказал, что он рад, но еще больше будет рад, когда ты к нам совсем приедешь. Лиля же выразилась, что сегодня верно такой день (1-ое апреля), когда всех обманывают. Вчера дети прыгали через траву, как здесь в обычае накануне Иванова дня.[498]

Ты мне пишешь про квартиру; мое мнение об этом я писала в двух письмах и потому не хочу повторять; если же ты находишь, что лучше приехать всей семьей и остановиться в гостинице, то сделай так, хотя всего бы лучше приехать на готовую квартиру. Если же в три дня не успеешь найти, то приезжай сюда. Если же найдешь, что тебе выгоднее приехать прямо сюда, чтоб хоть несколько написать романа с моею помощью, то, конечно, не трать этих трех дней в Петерб<урге>, а приезжай прямо. Вообще все предоставляю на твою волю.

От Ивана Гр<игорьевича> ни малейшего известия, но я не беспокоюсь. За вчерашний день поплатилась жестокою головною болью, от которой не спала всю ночь, а теперь хожу с подвязанной головой и не рассчитываю,

что поправлюсь дня три. Мне говорят, что я похудела и даже постарела за вчерашний день ужасно. Негодный папочка, постараюсь тебя разлюбить, если это только возможно. Дорогой, ты ведь должен вознаградить меня за мою любовь, а потому купи мне марки в 3, 4, 6 Pfennig и в 1, 2, 3, 7 Kreuzer. Надеюсь, что это тебя не очень затруднит. Голубчик мой, напоминаю тебе еще раз, что следует купить для Анны Гавриловны сумочку для работы из красной кожи с украшениями, да и для Алекс‹андры› Павловны[499] тоже сумочку попроще, талера в $1^1/_2$, она так обо мне заботится. Для меня, пожалуйста, ничего не покупай. Не беспокойся, двойни не будет, я шутила. Целую и обнимаю тебя горячо твоя Анька, Федя, Лиля.

135. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 25 июня/7 июля ‹1875› Среда.

Милый друг Аня, письмо это пойдет завтра, в [среду] четверг. — Пишу тебе всего несколько строк, тебе же отправил письмо вчера во вторник. Но вчера получил и твое письмо (писанное в среду, от 18-го, но которое пошло из Старой Руссы не в четверг, 19, а в пятницу, 20, судя по штемпелю почтамта Старой Руссы). В письме этом ты пишешь, между прочим, о найме квартиры проездом чрез Петербург и предлагаешь сама приехать, чтоб вместе со мной искать квартиру. Вот на этот-то пункт и спешу поскорее написать тебе. Приехать тебе ко мне — было бы сущею нелепостью в твоем положении. Ради бога, не приезжай и не думай; только напрасно измучаешь себя. Найду квартиру я сам, только больше 3-х или 4-х дней искать не буду. Надеюсь, что найду и в этот срок. Ты, видно, меня не так поняла прежде: я не предлагал тебе приехать ко мне в Петербург, чтобы вместе отыскивать квартиру, а я думал, что уже собравшись из Руссы совсем в Петербург переехать, с детьми и со всеми вещами, стать в гостинице, в номерах, или у родственников и тут-то вместе сыскать квартиру; об этом я и написал тебе в одном из моих последних писем. — Но теперь я сыщу один. Во всяком случае увидим, но ты во всяком случае не трогайся с места. В Петербург мне напиши до востребования. Я вчера написал тебе, что выеду в понедельник. Так и сделаю. (В субботу, впрочем, пошлю письмо). В Петербург приеду в пятницу, но вернее, что в четверг. Из Петербурга сейчас напишу тебе. Прошу тебя, голубчик милый, будь покойна во всех отношениях. Здоровье мое прекрасно, только бы нам поскорее свидеться. Предстоит длиннейший путь. Деток целую, скажи им, что приеду скоро. Благословляю и люблю вас всех.

Твой весь

Ф. Достоевский.

136. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<Старая Русса.>

<В Эмс.> Пятница 27 июня 1875 г. 5 час<ов> вечера.

Пишу тебе это письмо, милый и дорогой мой Федичка, чтоб отправить завтра (последнее пошло в среду 25-го), хотя не получила вчера от тебя писемца, а по-настоящему следовало бы мне его получить; последнее получила от тебя в понедельник, 23-го июня, и потому могла рассчитывать получить вчера. На случай, если я получу письмо сегодня (это почти невероятно) и найдутся вопросы, на которые нужно тотчас ответить, то я напишу завтра, не откладывая в долгий ящик.* Дорогой мой, все мы, слава богу, здоровы, и все у нас благополучно. Детки и я, мы ходим на ванны, много гуляем, так как погода чудесная, дождей не было недели три сряду. Дети об тебе часто вспоминают и зовут домой. Получила № Отечеств<енных> Записок, где от редакции помещено следующее объявление: «Ф. М. Достоевский известил нас, что по случаю поездки его в Эмс печатание романа „Подросток" должно приостановиться на два месяца. Таким образом роман возобновится печатанием с августовской книжки и в нынешнем году будет окончен».[500] Книжка суха и скучна донельзя, нет Щедрина и пробавляются переводными романами.[501] Получаю и Гражданин с бреднями Мещерского.[502]

В прошлую субботу относила сама тебе письмо и узнала на почте, что меня или тебя спрашивал какой-то господин, именно наш адрес. Я решила, что это кто-нибудь из твоих знакомых, и принялась ждать. Во вторник господин этот явился с письмом от Я. П. Полонского. Это оказался профессор зоологии при Медиц<инской> академии Николай Петрович Вагнер (спирит, отличившийся в эту зиму, его статья в Вестнике Европы и споры с Марковым), он же автор сказок Кота Мурлыки.[503] Полонский рекомендует и просит его полюбить, говорит, что тот нуждается в беседе с людьми. Он, кажется, очень возжелал с тобою познакомиться, ибо только что приехал, как разыскал тебя. На вид это маленький смешной человечек с женским визгливым голоском, с огромною соломенною пастушескою шляпою и с огромнейшим пледом в руках. Просидел он у меня три четверти часа и все расспрашивал о подробностях жизни в С<тарой> Руссе. Сам объявил, что он в настоящее время в стесненных обстоятельствах и желал бы подешевле устроиться; у него жена, 4 детей и гувернантка; поместились очень далеко от ванн в трех комнатках и платят 60 руб. Просил позволения привести жену; я выразила свое удовольствие. По-видимому, очень простой, хотя несколько смешной человек. На другой день я видела его в парке на скамье читающим письмо (вероятно, от кого-либо с того света) и до того погруженным в чтение, что никого не видел (меня тоже не видел). Затем вскочил и три раза пробежал взад и вперед по длинной аллее, а затем пропал. Вообще в этот раз

* Письмо от воскр<есенья> 22 июня получила сейчас, но не нашла ничего прибавить. Кроме разве поцелуя.

имел вид полусумасшедшего человека (как и следует спириту). Если увижу его, то об нем напишу. В Москву на Моршанск я послала 3 рубля. Новостей больше никаких.

Голубчик мой, опять насчет квартиры: если ты найдешь, что тебе лучше, если ты приедешь прямо сюда и здесь примешься за работу с моею помощью, то приезжай прямо, не заботясь о квартире, а мы всей семьей приедем в Петерб<ург> и там отыщем. Зато может твоя работа поспеет к 25-му. Вообще, дорогой мой, поступи, как тебе покажется лучше и удобнее; знай, что я на все заранее согласна и одобряю. Голубчик, мне самой ух как бы хотелось повидать моего милого, дорогого, бесценного Федочку и расцеловать его в его милые, вкусные чудные губки. [О прочем я не говорю, ибо говорить не принято; Федочка же немножко знает свою дрянную женку и некоторые ее слабости].

От мамы по-прежнему ничего. Я начинаю беспокоиться. Цалую и обнимаю моего дорогого, доброго, единственного Федочку, детки тоже цалуют и папочке кланяются. Вообще за нас не беспокойся, бог даст, все будет благополучно и мы радостно с тобою свидимся. Голубчик мой, цалую тебя еще раз крепко, крепко.

Твоя Анька.

Лукерья согласна с нами поехать, если мы возьмем себе в няньки ее сестру, тоже очень хорошую девушку. Наша нянька тоже не прочь с нами. Одним словом, embarras du richesses.*

137. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 9 июля/27 июня <1875> Пятница.

Милый друг, Анечка, пишу тебе еще несколько строк; пойдет письмо завтра, в субботу.

Я вчера получил твое письмецо от субботы (пошло оно из Старой Руссы, на этот раз, правильно, т<о> е<сть> 22-го, в тот же день, как подала в воскресение). Письмо это доставило мне много радости, я прочел в нем, как ты меня любишь, тем более, что вот уже несколько дней, и день и ночь, все мечтаю о том, как сам тебя люблю. Бог даст, скоро свидимся, и тогда наговоримся, а я в тебя влюблен более, чем накануне свадьбы. — Теперь несколько нужных слов. Я писал тебе, друг мой, что выеду в понедельник, но по некоторым соображениям я это отменил: выеду я не в понедельник (30 июня), а в среду, 2-го июля. Впрочем, может быть, во вторник, но знай, что ни за что не позже среды. Таким образом, буду в Петербурге или в пятницу, или в субботу. Если поеду во вторник, то отсюда уже более не напишу, а прямо из Петербурга напишу тебе. Если же поеду в среду то напишу отсюда несколько

* затруднения от избытка (*франц.*).

строк во вторник от 1-го июля. Таким образом, не получая от меня какой-нибудь лишний день писем — не беспокойся: значит, я в дороге. — Побудили меня отложить отъезд на целых 2 дня главное две причины: 1) Что из письма твоего от субботы вижу, что все было исправно и письма мои хоть запаздывали, но регулярно доходили, а потому и не понимаю, что такое произошло, что в [понедельник] вторник ты прислала мне телеграмму? Если я выеду в понедельник, то, может быть, и не дождусь здесь от тебя письма в объяснение (отсюда Шнель-цуг в 6 часов 20 м. утра) и буду дорóгой беспокоиться, и потому останусь до твоего письма, которое, вероятно, придет в понедельник или во вторник. (Есть у меня и еще мысль страшная: не переврана ли телеграмма, и вместо Sind Sie wirklich krank,* не было ли: Ich bin wirklich krank?).** Что если так? Во всяком случае, узнáю это здесь наверно и дождусь письма. А вторая причина замедления та, что все-таки я два дня лишних пропью воду и буду полоскать горло. Таким образом, будет всего 4 недели и 5 дней лечения. Это почти столько же, что и прошлого года, когда болезнь была хуже.

— Ну, а теперь обнимаю тебя, голубчик, может быть, до петербургского письма. Но вернее, что еще напишу во вторник. Только, ради бога, ты, Анечка, не езди из Старой Руссы в Петербург. Это безумие. Этого только и трепещу теперь.

Может, увидимся 8-го или 9-го июля.

Обнимаю тебя и целую несчетно. Детей тоже. Наконец-то я увижу их.

Твой весь Ф. Достоевский.

Выеду ни за что не позже среды.

N. B. В Петербурге у меня денег достанет, чтобы отдать за месяц вперед за квартиру.

Post Scriptum. 10 июля/28 <июня>. Суббота.

Сейчас, в половину 12-го утра, только что я запечатал письмо, чтобы нести на почту, вошел почтальон и подал мне твое письмо от вторника (23 июня, день телеграммы). Так вот разгадка телеграммы! А я думал, что письма не доходят. Но только какая странность! И надо же было непременно подвернуться этому бегемоту,[504] чтоб так напугать тебя. А я именно никогда не чувствовал себя лучше здоровьем, как в этом скверном Эмсе: припадки, бог знает, сколько времени не были, груди очевидно лучше, а телом совершенно бодр и свеж. Ах, голубчик, как это они тебя так испугали и огорчили! Утешаюсь одним, что ты получила вовремя телеграмму, но когда? Очень поздно. Ты выслала в 10 часов, это значит по нашему в 8 (для телеграфа меридианов не существует). Стало быть, тащилась твоя телеграмма ко мне 5 часов (получил в час пополудни, отвечал в 2). А что если мою телеграмму как-нибудь еще пере-

* Вы действительно больны? (*нем.*).
** Я действительно больна (*нем.*).

врали! И кто эту глупость мог напечатать (конечно, серьезно, а не в насмешку, да и к чему бы такая насмешка?). Ох, беда быть *«великим человеком»*! Голубчик милый, во всяком случае ты теперь можешь быть и спокойна, но я-то неспокоен, не повлияло бы в самом деле на роды! Может быть, еще дождусь здесь от тебя последующих писем! Выезжаю же я по-прежнему во вторник или в среду, но если что-нибудь в *письме* напишешь о здоровьи своем беспокойное, то, разумеется, немедленно выеду. — До свидания, голубчик, обнимаю тебя и цалую сто тысяч раз.

Твой весь Ф. Достоевский.

У нас стояли три жарких дня, а сегодня буря, дождь, вихрь, холод. Барометр стоит на Sturm.

N. B. Впрочем, очень может быть, что выеду и во вторник 1-го июля.

138. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Петербург.> Старая Русса. Понед<ельник>, 30 июня 1875 г.

Дорогой мой Федичка, вчера я получила твое письмо из Эмса, в котором ты извещаешь, что намерен выехать в этот понедельник, т<о> е<сть> сегодня; значит, в четверг или в пятницу можешь быть в Петербурге. Ты спрашиваешь насчет квартиры, нанимать ли ее теперь, несмотря на ранний срок, или нет, и сколько времени оставаться для этого в Пет<ербурге>? Ты мне писал о твоем предположении нанять квартиру тогда, когда мы всем семейством приедем в Петербург; может быть, это будет удобнее, и если ты так решишь, то приезжай прямо в Руссу, не разыскивая квартиры. Но знай, что если ты согласился на мое предложение, чтоб я приехала к твоему приезду в Петерб<ург> и чтоб мы вместе отыскали квартиру, то по получении от тебя в этом роде письма или телеграммы я отправлюсь в Петерб<ург> и буду искать тебя в Знаменской гостинице. Итак, реши, как знаешь, я вперед на все согласна, но очень боюсь, что ты замешкаешься с квартирой в Петерб<урге>; так что, может быть, всего лучше будет именно в конце июля найти квартиры, тем более что придется платить за пустую квартиру, а на эти деньги мы можем остановиться в гостинице. Мы все здоровы. Голубчик мой, если ты ничего за границей не купил для Анны Гавриловны, то купи для нее в Петерб<урге> небольшой саквояж красной кожи с украшениями, а также какой-нибудь саквояж попроще Александре Павловне. Цалую тебя бесчисленное множество раз и как я хочу тебя увидеть! Для детей можно купить здесь игрушек, так что лучше их не привозить из Петербурга.

Твоя Аня.

Реши, голубчик, насчет квартиры сам, а в случае если б теперь же нашел случайно хорошую квартиру, то, разумеется, займи ее.

139. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Вторник 1/13 июля <18>75. Эмс.

Пишу тебе, голубчик Анечка, последнее письмо отсюда, а пойдет оно сегодня же. Все не соберусь выехать и отложил отъезд до послезавтра, т<о> е<сть> до четверга (в $6\frac{1}{2}$ часов утра). Все разные мелочи мешают: то прачка белья не несет, то бьюсь с укладкой чемодана: много вещей, трудно уложить. А между прочим захотелось хоть один лишний день еще полечиться. Завтра в среду будет ровно 5 недель моему лечению без одного дня. Я к тому, что действие вод в последнюю неделю оказывается столь ощутительным, что если б была возможность, то, ей богу, я бы остался еще на неделю или, по крайней мере, до субботы включительно (т<о> е<сть> до 5-го нашего стиля). Особенно удачно полоскание горла. Мерзавец Орт! Он до того небрежен с больными, благо что у него собирается по 50 больных в приемные часы! Он еще прошлого года должен бы был мне сказать о полоскании горла Кессельбруненом, а он ни слова, от грубейшей небрежности. [Но ужасно меня взволновали вот эти последние события] А впрочем думаю, что и 5 недель леченья довольно. К тому же здесь я беспрерывно простужаюсь: вот уже 4-й день дождь, ветер, вихрь и холод. Сегодня утром в 7 часов термометр показывал *одиннадцать* градусов Реомюра. От сырости у меня разболелись зубы, и я невыносимо страдаю. Я этому не мог бы поверить: все корни зубов, которые все у меня остались — заболели, как будто и впрямь зубов полон рот, а передний уцелевший зуб до того болит, что за ночь вспухла десна и теперь тяжело носить вставную челюсть. В четверг постараюсь наверно выехать. Не знаю, получу ли еще от тебя здесь письмецо и не перестала ли ты уже писать в Эмс, по моей же просьбе. Последнее письмо, в котором пишешь, что у тебя головная боль, меня сильно беспокоит. Бог знает, может, ты что и скрываешь. Ну до свидания, ангел мой, писать больше нечего, а надо стараться поскорее увидеться. Тяжелая мне дорога предстоит. Да и роман меня мучает. — Денег у меня, кажется, не достанет, если придется в Петербурге заплатить за месяц вперед за квартиру; впрочем, не знаю, но не беспокойся; в случае нужды прихвачу капельку у Тришиных[505] (с тем, чтоб сейчас же по приезде отдать им). — Представь, княгиня Шаликова третьего дня приехала-таки, вместе с племянницей, дочерью Каткова (16 лет), которой предписано пить воду в Эмсе. Пелагею Егоровну[506] она оставила в Венеции, где та купается в море. Мы на лету только сказали несколько слов; но вчера и сегодня я их не встречал; вероятно, так и уеду, не встретив.

Милый Федя, милая Лиля! Как они меня любят! Наконец-то выберусь из этой подлейшей дыры и обниму вас всех. *До свидания*, целую вас бессчетно, в виде предисловия, а потом

Твой тебя обожающий муж

Ф. Достоевский.

140. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Петербург. Воскресенье 6 июля <18>75.

Бесценный друг Аня, сегодня, в воскресенье приехал я в Петербург в 7 часов пополудни, на скором поезде. Значит, тащился из Эмса с 6-ти часов утра четверга. Правда, ночь четверга и всю пятницу промучился от скуки в Берлине, а выехал из Берлина в пятницу в 11 часов вечера. В самую ночь отъезда из Эмса, с середы на четверг, произошел у меня припадок падучей, так что я спал всего в ту ночь не более 4-х с $^{1}/_{2}$ часов. В Берлине же опять не выспался. Можешь себе представить, как в таком состоянии и духа, и тела могла подействовать на меня дорога, особенно с Берлина до Петербурга. Я был очень расстроен нервами и думаю, что не совсем в здравом рассудке; да и теперь тоже, особенно когда еще не выспался. Завтра придется идти нанимать квартиру, а мне так хотелось бы к вам и у вас отдохнуть. — Ты, Анечка, вероятно поймешь, как я устал, а потому мне не до описаний дороги; пишу же теперь потому, что предчувствую, сколько завтра будет хлопот, так чтоб отправить письмо пораньше. Первым делом поеду в почтамт узнать, нет ли от тебя писем? Денег у меня меньше, чем я ожидал. Надо будет занять у Тришиных: это меня несколько беспокоит. Если не займу у Тришиных, то постараюсь как-нибудь найти на квартирный задаток. Потом расскажу, каким образом у меня так много вышло денег. В дороге я встретил Писемского и Павла Анненкова, ехали в Петербург из Баден-Бадена (где теперь Тургенев и Салтыков). Я не вытерпел и заплатил Анненкову (т<о> е<сть> для передачи Тургеневу) 50 талеров![507] Вот что и подкузьмило меня. Но *никак* не мог сделать иначе: тут честь. И Писемский и Анненков превосходно обошлись со мной, но мне и голове, и телу было очень тяжело. Здесь в гостинице (в Знаменской) встретили меня восклицаниями: «А мы читали в газетах, что вы опасно так больны!».

Обнимаю тебя, дорогая моя, может, скоро увидимся. Но на это письмо все-таки ответь мне на редакцию Гражданина. Только на это, а там не пиши. В случае же какой надобности телеграфируй в Знаменскую гостиницу *мне*.

Детей обнимаю крепко, цалую. — Скажи им, что я приехал. Ах, проклятая квартира, еще не видя ее, проклинаю. До свидания, ангел мой.

Твой весь Достоевский.

1876

141. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Берлин. Среда 7/19 июля ‹1876›

Милый друг мой Анечка, сегодня, в половину седьмого утра я приехал в Берлин и остановился в Britisch-Hotel Unter den Linden. Но где-то ты теперь, вероятно, еще в Новгороде? [508] Я ужасно беспокоился о тебе, Аня, всю дорогу. Главное, что ты все последние дни ничего не спала, а работала и металась за четверых, а теперь опять этот переезд. Пока не получу от тебя письма (а когда еще это будет), беспокоиться не перестану и все время для меня будет отравлено, я теперь это узнал по опыту, несмотря на развлечения дороги и хлопоты. Что до меня, то я доехал порядочно, без больших оказий, и в вагоне, за эти двое суток, успел таки поспать. Впрочем и в русском, и в немецком вагонах было не просторно, а напротив, набито, но люди были сносные ‹...› В Эйдкунене разменял 100 руб., и дали с первого слова 265 марок с дробью, а в Петербурге едва-едва дали 262 марки. Пожалел, что остальные деньги были запрятаны и нельзя было разменять тут же. Затем вагон полетел. Товарищи — все немцы, народ превежливый и преласковый, все купцы, все об деньгах и о процентах, и не понимаю только, чем я им показался, но все просто ухаживали за мной и относились ко мне почти с почтением. Они-то и дали мне поспать, выдвинув для меня подушки вагона и проч. Один был молодой немец из Петербурга и все рассказывал остальным, что у него в Петербурге торгует папаша, что он бывает в Петербурге в высшем обществе, ездил в одном самом высшем обществе на охоту за медведями, представлял, как медведь встает на дыбы и ревет, как он выстрелил и ранил медведя и как тот, раненый, пустился бежать, выбежал на железную дорогу и бежал рядом с поездом, летевшим по дороге в Москву, и только на 8-й версте помер. Этот немецкий Хлестаков имел чрезвычайно солидный вид и, по-видимому, дельно толковал об гешефтах и процентах, потому что остальные немцы, (и особенно один) были, кажется, знатоки дела и люди весьма солидные. Но и в русских, и в немецких вагонах— все только об гешефтах и процентах, да об цене на предметы, на товары, об веселой матерьальной жизни с камелиями и с офицерами и только. Ни образования, ни высших каких-нибудь интересов — ничего! Я решительно не понимаю, кто теперь может что-нибудь читать и почему Дневник Писателя еще имеет несколько тысяч покупщиков? Но все-таки эти немцы народ деликатный и ласковый, если не выведут из терпения, конечно, когда нельзя не обругать их. В Бромберге в час ночи объявил кондуктор, что стоим 8 минут. Этот шнель-цуг, коли 8 минут, то значит три. Я побежал поспеть в известное место на минутку, едва отыскал и вдруг слышу два звонка, бросился бежать назад (ужасно далеко) и вдруг слышу, что кондуктор уже захлопывает ва-

гоны. Бегу сколько сил есть, прибегаю и не могу отыскать вагона, а № 163 в темноте не видно. Кондуктор уже ушел дальше, свисток, хотят трогать. Вдруг в одно отворенное окошко, вагона за два от места, где стою, слышу: pst, pst, hier, hier! А, думаю, это наши: увидали меня и кличут, подбегаю, смотрю; выставил немец голову из вагона и — незнакомый. Я ему кричу однако: Ist das hier? * Он мне: Was hier? ** Эй черт! хочу бежать дальше, а он мне: Hören Sie, hören Sie, was suchen Sie? — A, der Teufel, mein Wagon! [Ist das] 163, ist das hier? — O, nein, das ist nicht hier... *** — Ну так чего же ты зовешь, олух! и вдруг начинают трогаться, и вдруг я узнаю рядом мой вагон! На лету отворил, мои помогли, и успел вскочить, а то бы остался. Это со мной другой раз в жизни на этой дороге случается. Помнишь, как в Дрездене мы спрашивали немца, где Gemälde-Galerie? [509]

Затем, с одним немцем, весьма почтенной и богатой наружности, вдруг сделалась рвота, и его рвало до самого Берлина, в окно, разумеется. Мы все, шесть человек, приняли участие, и каждый ему что-нибудь советовал — один выпить пива п о б о л ь ш е, и он на первой станции вскочил и выпил — не помогло. Я посоветовал коньяку. — «Коньяку, я и сам это думал!». Выскочил на следующей станции и выпил. Советы доходили до того, что один посоветовал съесть марципанный пряник (они начали продаваться с самого Эйдкунена), и он съел пряник. Наконец, немец-Хлестаков посоветовал шампанского, но уже подъезжали к Берлину, и тот сказал, что как только войдет в Берлине в отель, то немедленно спросит шампанского. Ночью поднялся дождь, и мы въехали в скучный Берлин в проливной дождь, который продолжается и теперь. Между тем надо ехать на почту, потому что не знаю, как афраншировать **** письмо. Вечером в Эмс отправляюсь в 10 часов.

Голубчик Аня, поцалуй деток милых и Лешиньку [510] особенно. Как-то мне его особенно жалко. Как жалею, что не могу походить по Берлину, а должен сидеть в отеле. Вижу, что надо бы купить плед: ночи холодны, не забудь написать адрес Прохоровны,[511] и как вы порешили с пальто? Прости, голубчик, за все беспокойства, которые я тебе наделал. Жалею эти 500 руб. на Эмс. Одним утешаюсь, что из этих 500 сделаю 5000, если получу здоровья. Милая моя, как мне хочется тебя поцеловать. Поцелуй Лилю и Федю, и Лилю особенно, и Федю тоже. Поговори с ними обо мне, с Федей побольше. Как скучно мне будет. Дай тебе бог отдохнуть и поправиться, ангел мой.

Цалую тебя всю, много раз, столько же, с к о л ь к о н а к а н у н е о т ъ е з д а. Вспоминай меня.

Твой весь и весь ваш Ф. Достоевский.

---

* Это здесь? (*нем.*).

** Что здесь? (*нем.*).

*** Послушайте, послушайте, что Вы ищете? — А, черт, мой вагон! 163 здесь? — О, нет, его нет здесь (*нем.*).

**** affranchir une lettre — оплачивать письмо маркой (*франц.*).

P. S. Пиши об всем, поболее частностей, мелочей. Теперь напишу не раньше как послезавтра, когда уже буду у Орта и успею нанять квартиру. Твой

Достоевский.

142. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Старая Русса.
<В Эмс.> 7-го/19 июля. Среда 1876 г. 10 час<ов> вечера.

Все благополучно!

Пишу тебе первое мое письмо, дорогой и золотой мой голубчик, чтобы тебя поскорей успокоить насчет нас, хотя устала невероятно и едва держу перо. Начну ab ovo.* Уехала я в понедельник вечером, провожал меня Николай Михайл<ович>,[512] которому я и отдала ключи. Доехала до Новгорода хорошо и даже спала дорогой. Вчера, во вторник, пошла к нотариусу и подала ему выпись,[513] он взял и велел прийти через несколько дней, хотя мог выдать через два часа; я с ним поспорила, наговорила ему нелюбезностей, но и этим ничего не взяла. Одним словом, не стоило останавливаться. День прошел страшно долго и, чтоб его сократить, мы с теткой[514] отправились в столь нелюбимый тобою Юрьев монастырь;[515] здесь видела богатства и им завидовала. Ночевала у тетки. Утром выехала и благополучно приехала в Руссу. Дома застала только Лешу (дети пошли меня встречать и со мною разошлись), очень поздоровевшего. Он долго и внимательно <на> меня смотрел, потом стал улыбаться и сам протянул свои ручки. Кажется, узнал. Очень развился и большой говорун, все твердит та та-та, а, о-о. Очень, очень поправился. Приехали дети, и Федя первым словом: привезла ли сачок для рыбы. Дети удивительно поздоровели, а Федя потолстел и сделался мягкой булкой. Мне очень рады и подаркам тоже. Но что особенно понравилось, так это качели. Фома тотчас вбил винты и повесил, и дети принялись качаться. Но всего более понравились качели Леше, который качается и прищелкивает язычком и даже взвизгивает от радости. Дома все благополучно и как нельзя лучше. Писем много, но все от подписчиков с переменою местожительства и от Полякова. Есть несколько повесток (в след<ующем> письме напишу подробно). Дети повели меня в сад показывать огурцы и ягоды и срывали их для меня. В саду ужасно все поправилось вследствие дождей. По тебе скучаю очень, дорогой и ясный ты мой голубчик, жду от тебя письма из Берлина и тогда только буду покойна. Напишу тебе в пятницу вечером (пойдет в субботу) более подробно, а пока целую и обнимаю тебя бессчетно раз.

Твоя любящая жена Аня.

---

* с самого начала (*лат.*).

Детки кланяются и цалуют крепко своего папочку. Про тебя спрашивали, а я им про тебя рассказала и поцаловала от твоего имени. Дорогой мой, люблю тебя очень.

143. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. Пятница 9/<21> июля <18>76.

Милая моя Анечка, вчера в половину двенадцатого прибыл благополучно в Эмс.[516] В Берлине, после того как написал тебе письмо, отправился на извощике, в проливной дождь, на почту, и отдав письмо, вместо того, чтоб лечь спать (потому что все же я две ночи не спал), отправился в музей, смотреть картины, статуи и древности, где пробыл часа три. Выйдя из него и в продолжавшийся дождь, пошел в берлинский Aquarium, в котором платят за вход одну марку и о котором я еще и в Петербурге слышал много, и провел там часа два, рассматривая различные чуда, огромных крокодилов, змей, черепах, морских живых диковин, рыб, птиц и, наконец, настоящего живого орангутана, которого видел первый раз в жизни; затем обедал, затем хотел купить плед и не купил, отложив до обратного пути, и, наконец, поехал на железную дорогу, от скуки и чтоб не опоздать, за два часа до срока. Дорогой тоже кое-как заснул, немцы опять были вежливы, но влезли в вагон один русский с дочерью — все, что есть казенного, пошлого, надутого из скитающихся за границею, а дочь труперда и дуботолка, они меня даже рассердили. На рассвете не доезжая до Гиссена, [случилось] видел одну картинку Шама (Scham) в натуре.[517] Остановились на десять минут, перед тем долго не останавливались, и все естественно побежали в местечко pour Hommes, и вот, в самый разгар, в местечко pour Hommes, наполненное десятками двумя посетителей, *вбегает* — одна прекрасно одетая дама, по всем признакам англичанка. Вероятно, ей было очень *нужно*, потому что она добежала почти до половины помещения, прежде чем заметила свою ошибку, то есть что вошла к Männer, вместо того чтоб войти рядом в отделение für die Frauen. Она вдруг остановилась, как пораженная громом, с видом глубочайшего и испуганного изумления, продолжавшегося не более секунды, затем вдруг чрезвычайно громко вскрикнула, или вернее взвизгнула, вот точь-в-точь как ты взвизгиваешь иногда, когда вдруг испугаешься, затем всплеснула перед собой, размашисто и подняв их несколько над головой, свои руки, так что раздался звук от всплеска. Надобно заметить, что она увидела все, т<о> е<сть> буквально *все* и во всей откровенности, потому что никто ничего не успел припрятать, и напротив, все смотрели на нее в таком же остолбенении. Затем после всплеска она вдруг закрыла обеими ладонями свое [глаза] лицо и довольно медленно повернулась (все пропало, все кончено, спешить уже нечего!) и, наклоняясь всем станом вперед, неторопливо и не без величия вышла из *помещения*. Не знаю, пошла ли она für die Frauen;

если англичанка, то, я думаю, тут же и умерла от целомудрия. Но замечательно, что хохоту не было, немцы все мрачно промолчали, тогда как у нас наверно бы захохотали и загоготали от восторга. Остановился я здесь сперва в гостинице, день довольно холодный, 14 Реомюра, ветер и изредка дождь, а говорят, что все была хорошая погода. Сходил в ванну, затем, переодевшись, пошел на почту и на телеграф, разумеется, ничего не нашел. Но на почте, да и везде, во всем Эмсе (лавочники, трегеры, бабы, продающие фрукты, магазинщики), все меня узнают и все мне с улыбкою кланяются. Эмс показался мне до безобразия скучным. Толпа большая. Затем пошел к Орту. Он тотчас узнал меня и осмотрел всего внимательно, раздевши догола. Результат постукиванья и осмотра тот, что в верхних частях груди, справа и слева, — улучшение (оттого и не ноет орган как прежде), но зато место под правым соском, под 5-м ребром, на которое я иногда зимой жаловался, что болит, и которое еще одиннадцать лет тому назад указал Боткин,[518] предсказав, что отсюда разовьется болезнь, — это место ухудшилось и, может быть, очень. Орт впрочем говорит, что еще не может определить, потому что я позволил себе большую надсадку, почти не выходя из вагона с понедельника до четверга, но что дня через три, когда я отдохну, он еще раз меня осмотрит. Затем, на мой усиленный вопрос сказал, что смерть еще далеко и что я еще долго проживу, но что, конечно, петербургский климат, — надобно брать предосторожности и т. д. и т. д. Прописал мне Кренхен, сначала по два стакана утром и по стакану вечером, с молоком, и по стакану гаргаризации горла, утром и вечером, Кессельбруненом. Ну вот и все пока про лечение. Затем пошел искать квартиру: в Люцерне все занято, но встретили меня чуть не с восторгом и рекомендовали мне разом две или три квартиры; но третьегодништняя m-me Бах, владетельница отеля Vill d'Alger, в котором я жил третьего года, поймала меня — на дороге, у своих ворот (она почти рядом с Люцерном) и заманила меня к себе. Я прямо ей объявил, что она очень дорога, хотя мне у ней было очень покойно, но она, поторговавшись, спустила охотно все цены, так что за комнату с спальней, прекрасно меблированную, и которая третьего года ходила (я помню это) за 14 талеров в неделю, взяла теперь с меня всего десять. Равномерно спустила с завтрака, с чая и с ужина, и даже обед мне будут приносить на дом лишь за 1½ марки, вместо 2-х, как третьего года. Сторговавшись, я тотчас и переехал. Моя комната рядом с той комнатой (точно такой же, как моя), в которой я прожил третьего года. Но переехав, я тотчас наткнулся на неприятность: эту комнату рядом (мою третьегодняшнюю) и отделенную от теперешней моей лишь запертою дверью, заняли две только что приехавшие дамы, мать и дочь, кажется, из Греции, говорят по-гречески и по-французски, но можешь себе представить — они говорят без умолку, особенно мать, но не то что говорят, а кричат буквально, и главное без умолку, ни одной секунды перерыва. В жизнь мою я не встречал такой неутомимой болтливости, и однако мне надо будет работать, читать, писать, — как это делать при такой беспрерывной болтовне? и потому

очень бы желал перебраться в верхний этаж, который дешевле и без балкона, и хуже, но в котором тихо. Но m-me Бах говорит, что ту квартиру уже обещала и что не знает, как решить. Хорошо, кабы она решилась. Во всяком случае, мой адрес: Bad-Ems, Allemagne, à Mr. Th. Dost-y poste restante, а в экстренных случаях (телеграммы, например) Allemagne, Bad-Ems, hôtel Ville d'Alger.

Я прожил вчера вечером очень тяжелые минуты. Мне ужасно всегда оставаться одному. Пока в дороге — еще не было так больно, а теперь как уже ж и в у без вас, один, — очень тяжело. Думаю, что ты уже у детей. Как-то ты, бедная, доехала? Поскорей бы от вас хоть что-нибудь. Вчера на ночь горячо об вас молился; тебя видел во сне. Хотел поспать подольше, но в шесть часов раздались стуки по всему дому и затрещали за дверью чечетки. Лечение я начну завтра, ибо день надо отдохнуть, но сегодня вечером все-таки схожу пополоскать горло Кессельбруненом, а может быть, и выпью вечерний стакан Кренхена. Анечка, голубчик, смотри за детьми, ради бога; води их в чистоте и говори им обо мне. Что Леша? Феди скоро рождение. Обнимаю тебя крепко накрепко. Люблю душой и еще другим образом до последнего атома, пошли бог тебе здоровье. Кланяйся маме[519] и всем нянькам. Целуй детей. Теперь напишу в п о н е д е л ь н и к. Вероятно, получу до того времени от тебя письмо. Целую твои руки и глазки.

Твой весь
Ф. Достоевский.

Был вчера в курзале. Там, к удивлению моему, не нашел ни одной русской газеты. [Там в курзале] Прошлого года было 5 или 6 газет. Не знаю, чему приписать. Впрочем, схожу еще раз.

Купил печатный лист посетителей: русских множество, но все или Strogonoff, или Golitzin, или Kobyline, chambellan de la cour,* да и то их только жены с семействами, а самих нет<...> и немцы из банкиров и закладчиков. Ни одного знакомого.

144. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Эмс.> <Старая Русса.> Пятница, 9 июля 1876 г. Вечер.

Пишу тебе по обещанию в субботу и сообщу тебе, что мы все здоровы и все у нас как нельзя более благополучно. Детки здоровы и просто цветут. Я хотела начать завтра купанье, но отложила, так как явились регулы, которые у меня продолжаются 10 дней. Итак, прощай возможность взять много ванн; удастся взять ванн 15 не более; ну да и это бы хорошо. Мне все говорят, что я как бы поправилась, но я что-то не верю. Вот все об

---

* Строгонов, или Голицын, или Кобылин, камергер двора (*франц.*).

нас. Сегодня я отправляла тем подписчикам, которых здесь нашла; их 12 челов<ек> — на 29 рублей, из них иные послали по 2 руб. и по 1, иные по 3 руб., за досылку пришлось заплатить 1 р. 40 коп.[520] В числе подписчиков подписался Саул Соломонович Лурье из Минска<...> по печатному конверту, кажется, банкир. Из писем, полученных, заслуживает внимания письмо Соловьева[521] и Полевого, который тебя благодарит за «скорый и любезный ответ», просит приготовить биографические данные к концу августа и сам за ними явится;[522] портрет собирается взять от Третьякова[523] и отдать гравировать. Письмо Соловьева прилагаю. Голубчик, что тебе еще написать? Мне говорили, что Кузьмин[524] продает январ<ский> вып<уск> по 40 коп. за №. Одна госпожа (не Хохрякова)[525] написала где-то про тебя хвалебную статью, надо узнать где?[526] Милый мой, я еще не пришла в себя после всей этой суматохи, а потому и не знаю, что тебе писать, кроме того, что очень, страстно, невозможно тебя люблю. Все мы тебя целуем, твои Аня, Люба, Федя, Леша. Напишу во вторник.

Твоя Анька.

Дорогой мой: кого я встретила в последний день? Его!!! Отгадай кого и ревнуй! Подробности в следующем письме.

145. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Эмс.> <Старая Русса.> Понедель<ник>, 12 июля 1876 г.

Только сегодня утром в 10 часов получила я твое первое дорогое письмо из Берлина, золотой мой Федичка, и очень счастлива, что ты благополучно доехал до Берлина; буду ждать с нетерпением следующего письма, чтобы окончательно успокоиться. У нас все благополучно, хотя и бывают иногда неприятности. Та молодая нянька, которую мы оставили, ушла еще до меня, а на ее место поступила старуха, которая прожила неделю и тоже отказалась; таким образом, у нас в месяц переменилось три няньки, и теперь мы без няньки (обещали хорошую, придет послезавтра). Все они, отходя, говорят, что нельзя жить, когда у детей такие дурные характеры (это у наших-то!), а молодой Федя, действительно, исцарапал лицо, впрочем за дело, так как она на гуляньи его била и щипала. Я думаю, их сбивают наши девушки, которым хочется, чтобы взяли их сестру. Досада большая, я сбиралась отдохнуть, а тут смотри за детьми. Но бог даст, все уладится. С батюшкиными детьми мы не видимся, так как у Сергуши и Фаины коклюш, и я боюсь, чтобы он к нашим не перешел. Дети купаются, а с завтрашнего дня начну купаться и я. Леша очень поумнел, его спрашивают: где у него язычок, где головка? и он показывает; знает, кто баба, кто няня. Дети сами сбирают ягоды (малину), которых у нас пропасть; но сами едят немного. Были на крестном

ходу, который проходил мимо нас; Лиля очень хлопотала, чтобы побольше набросать на улицу цветов перед крестами, потому что «надо потрудиться для бога».

Писем никаких нет, кроме одного москвича, который благодарит от имени всех москвичей за то, что ты затронул‹...› Повест‹ок› получено на 4 руб. 50. Газетных новостей не знаю, буду ходить и читать газеты. Мама уезжает 17 в субботу, Ваня просит приехать, так как он нездоров. И вот мы останемся одни. Вообще до тебя буду скучать изрядно. Книг со мной нет, места не было положить, а здесь достать неоткуда. Остается одно шитье. Ходить же на музыку страшно неохота. До свиданья, дорогой мой папочка, целую и обнимаю тебя крепко-крепко и ужасно хочу тебя увидеть. Дети крепко целуют тебя.

Твоя любящая женка
Аня.

Последний раз пошло письмо в субботу, опять пошлю в пятницу 16-го.

Дорогой мой, чтоб ты очень не беспокоился над загадочным окончанием прошлого письма, расскажу в чем дело: в последний день часов в 6 я встретила моего бывшего жениха в Гостином дворе. Обрадовался мне ужасно, но и смутился и покраснел до того, что и меня сконфузил. Я терять времени не могла, и потому мы зашли вместе к Исакову, Надеину (кот‹орого› не было дома и кот‹орый› мне ничего не оставил, ни денег, ни векселя), к Кузьмину и так‹им› обр‹азом› наглядно показала ему обширность наших операций.[527] Расстались мы друзьями; очевидно, правда, что старая любовь не ржавеет; что бы сказала Марья Михайловна!!![528] А право, я была тронута таким искренним и восторженным приемом. Хороший человек, а нужно же жить ему какими-то прошлыми воспоминаниями. Советовала жениться; покачал головой и серьезно сказал: Вы-то, пожалуйста, не советуйте. Говорит о Дневнике с восторгом, сам сшивает №. Не разберешь, право.

146. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 25/13 июля, вторник ‹18›76.

Бесценный голубчик мой Анечка, твое (первое) письмо от середы получил только сегодня, во вторник, и теперь припоминаю, что, кажется, и прошлого года приходили на 5-й только день. Это задерживают в проклятом петербургском почтамте. Но только я такую муку вынес вчера, что и не знаю, каких только мыслей не перебывало у меня в голове о тебе. Главное, у меня какое-то убеждение было, что с тобой что-нибудь случится в дороге, болезнь или что-нибудь. Вспомни, и прощаясь в Петербурге я об этом все говорил тебе. [И во сне и] Вчерашнюю ночь спал не более 4-х часов, все не мог заснуть и думал. Это лечению не поможет,

здесь главное, чтоб был покой. Но слава богу, теперь я так р а д и пишу сейчас. Вчерашнее письмо мое,[529] может быть, тебе очень не понравилось; что мне делать, голубчик, я чуть с ума не сошел. В зачеркнутых строчках во вчерашнем письме я было написал, что если и по телеграфу во вторник не получу ответа, то в среду уеду отсюда, и так бы непременно сделал. Но, слава богу, все хорошо, а тебя цалую и обожаю. Ужасно рад тому, что ты написала о детях. Как ты удивительно хорошо умеешь писать, Аня! Твое письмо я каждые три или четыре строчки цаловал, читая. Рад за Федю и за Лешу особенно, но об Лиле ты мало упомянула. Вообще жду от тебя больше подробностей в следующем письме, которое получу, стало быть, послезавтра, в четверг. Должно быть, я имел очень отчаянный вид вчера на почте, потому что, представь себе, почтмейстер прислал мне твое письмо сам, на квартиру, узнав, где я живу по кур-листу адресов, в 10 часов утра, только что пришла почта и когда почтамт был еще заперт для всей остальной публики. Какова любезность! Главное, сделал это сам, потому что уж, конечно, я не в праве был его просить об этом. Сделает это какой-нибудь наш гав. ...й чиновник!

Теперь расскажу тебе о себе. Вообще приключений никаких, и скука нестерпимая. Два дня стояли до того жарких, что надо было по нескольку раз менять рубашку. А между тем вчера, в жарчайший день вдруг, два раза, утром и вечером, все померкло, начинался вихрь, налетали тучи (совершенно как бы неожиданно) и лил дождь, правда, не подолгу. Здесь ужасно легко простудиться, и я уже простуживался. Третьего дня со мной было некоторое действие вод (чего не было в прошлые годы); вдруг в роде обморока (eblonissement), но не более как на секунду, я тогда шел по аллее и ухватился за дерево. Затем настало сердцебиение, продолжавшееся до ночи, и чрезвычайный прилив крови к темени. Но я нисколько не растревожился: все это написано в книге об Эмских водах,[530] только разница в том, что надо мной действие вод оказалось слишком поспешно. т<о> е<сть> в первые трое суток. Орт сказал мне вчера, что это и прекрасно, и увеличил прием Кренхена до трех стаканов поутру. Я встаю в 6 часов утра, в 7 пью воду, и это берет $1^1/_2$ часа. Тут играет музыка и снует кругом и везде шеститысячная толпа. Затем в половину девятого пью кофей с сухарями, — сквернейший кофей, но с ужасным аппетитом. Впрочем, такой кофей пью не я один, а вся Германия. Во всей Германии не знают лучше. Затем в час обедаю — два грубые блюда супу и говядины с картофелем и компот (2 марки) — но аппетит от вод усиливается, и я ем как будто обед Дюссо. Вечером в 5-м часу пью опять воду и слушаю музыку. затем иду гулять, а в 8 часов пью чай, съедаю маленький кусочек говядины и в 10 ложусь спать. Беда только в том, что все не могу выспаться, вчера, например, да третьего дня, к тому же будят соседи, особенно слишком рано по утру. — Я моих греческих чететок-соседок не вынес (возможности не было), и m-me Бах пустила меня наверх, и теперь я занимаю две комнаты, несколько пониже и хуже меблированных, но дешевле. Не

знаю только, будет ли мне в этом Ville d'Alger хорошо, хотя m-me Бах очень внимательна. Она овдовела, и оказалось, что она француженка, но из Алжира, а я и не знал этого, по крайней мере теперь говорю по-французски. Ей тридцать три года, и к ней ходит жених — степеннейший сорокалетний эмзец, тоже Гутбезитцер,* и которого она не принимает в комнатах, а сидит с ним лишь на скамейке у ворот, но зато все сутки. Когда я выхожу, то она вся краснеет, как виноватая. Я ей сказал, что самое лучшее ей поскорей выйти замуж, хотя у ней трое детей и на лицо она уже старенька. — Затем купил галстучки, записался на библиотеку, разложился с вещами, отдал мыть белье, пожертвовал на blödige Kinder [531] и т. д. и т. д. Знакомых никого, русских пропасть, в курзале есть четыре русские газеты, «Нового Времени» нет. Двое русских попались на променаде навстречу и один сказал другому (я слышал это) — «знаешь, ведь это Достоевский». А меж тем знакомых нет.

Многие мысли меня мучат, мучат буквально и ужасно. Главное то, что надо писать Дневник, а у меня и мыслей нет, и когда начну — не знаю, а Орт, когда я его спросил о литературных занятиях, положительно запретил их. Разумеется, я его не послушаюсь, но вот уже 5 дней прошло, а я еще ничего не сделал. — Про детей, об которых думаю с какой-то болью в сердце, я не беспокоюсь, потому что ты с ними, а на тебя ли не понадеяться. Но беда в том, чтоб не захворала ты, вот об чем мучаюсь. Ты очень надорвалась в последнее время. Тогда кто за вами всеми присмотрит?

Анечка, голубчик, я только и делаю, что об тебе думаю; думаю во всевозможных картинах и представлениях. Ты знаешь, что я каждый раз после длинной разлуки в тебя влюбляюсь и приезжаю в тебя влюбленный. Но, ангел мой, этот раз несколько иначе: вероятно ты заметила, что я и уехал из Петербурга, этот раз, уже в тебя влюбленный. После нашей крупной ссоры я мог брюзжать и, укладываясь в дорогу, быть нетерпеливым (это уж мой характер), но в то же время я начал в тебя влюбляться и тогда же дал себе в этом отчет, даже подивился. Во время нашего девятилетнего супружества я был влюблен в тебя раза четыре или пять, по нескольку времени каждый раз. (Раз и теперь с наслаждением вспоминаю, как, года 4 назад, я влюбился в тебя, когда мы как-то крупно поссорились и друг с другом несколько дней не говорили; мы куда-то поехали в гости, и я сел в угол и смотрел оттуда на тебя и с замиранием сердца любовался, как ты весело с другими говорила). Представь себе, мне здесь пришло в голову, что я влюбился в тебя в Петербурге в последние дни отчасти и потому, что мы вместе спали. Мы давно уже с тобой не спим вместе, много лет (начиная с детей), и это вдруг на меня могло подействовать. Не говори, Аня, что эта мысль слишком матерьальна; тут не одна матерьяльность. Мысль, что это существо *мое*, всецело, не хочет от меня обособляться и даже спит со мной в од-

---

* der Gutbesitzer — помещик (*нем.*).

ной постеле, — эта мысль ужасно действует. Правда я был эгоист; ты спала на стульях, и тебе было неловко, но все-таки, каждый раз как я, к утру, ложился сам, мне становилось так приятно, что ты подле, что уж, конечно, это ощущение было для меня совсем н о в о е, хоть прежде мы и спали, но я это давно забыл. Суди же теперь, когда уже мы в разлуке, с какою сладостью я об тебе вспоминаю. И хоть, повторяю это, я и был в тебя влюблен раза четыре по нескольку дней, в разное время, но никогда как теперь. Думаю о тебе и представляю тебя каждую минуту, перебираю все, что мы переговорили. Но ты была так занята, только один раз и было, когда мы возвращались с обеда накануне отъезда, да еще безумные (*зачеркнута одна строчка*). Вспоминаю теперь, ангел мой, что я тебе позволил (*зачеркнуто одно слово*), а теперь боюсь. Ты может смеешься слову [позволил]. Божество мое Аня, знаю, что в с е в о д н о й т в о е й в л а с т и и (*зачеркнуто несколько слов*), но я так высоко ценю и верю в твой ум и характер, что знаю одно: (*зачеркнуто несколько слов*), но если моя Аня скажет сама себе в сердце своем (*зачеркнуто пять строк*), но Аня, верю в твой огромный ум (*зачеркнуто несколько слов*). Пиши мне, голубчик, хотелось бы тебе исписать страниц 10 на эту тему. Цалую тебя всю до последнего атома, а сам здесь цалую тебя поминутно всю, всю решительно. Я до мучения тебя люблю, Аня, не смейся надо мной. Мне сладостно даже признаваться тебе в любви. Цалуй детей. Благословляю их всех.

Твой весь Ф. Достоевский.

Всем поклоны. Дома ли мама или уехала?

147. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› ‹Старая Русса.› Четверг, 15 июля ‹1876›

Начинаю мое письмо, дорогой и милый мой папочка, обычным «все благополучно» и ужасно была бы рада, если б мне ничего иного не пришлось бы сообщить тебе во все это время. Мы здоровы, веселы и приготовляемся завтра праздновать федины именины; но праздновать не как-нибудь, — а торжественно. Так как, дорогой Федичка, мы, купив дом, не святили его, то я и хочу завтра попросить батюшку прийти к нам и отслужить у нас молебен; кстати, и федино рождение. Кроме батюшки будут Ал‹ександра› Павл‹овна› и Анна Гавриловна.[532] Надеюсь, голубчик мой, что ты не посердишься за то, что мы собираемся покутить без тебя. Вчера мы с детишками ходили покупать разности; на этот раз подарок не составил для Феди неожиданности: он сам выбирал лошадь и вожжи и был очень доволен. Прочие птенцы тоже получили подарки. Дорогой папочка, во вторник, 13-го июля я получила твое первое письмо из Эмса и немного успокоилась, узнав, что ты благополучно доехал. Но

ты меня ужасно поразил известием, что болезнь твоя усилилась; неужто это правда? Я все об этом думаю и тоскую. Напиши, что сказал Орт? Ради бога, лечись усерднее, если надо все шесть недель, только бы была польза. Дорогой мой, ты скучаешь, как мне тебя жаль! Я тоже в вечной тревоге и грусти: тебя нет, мама уезжает в субботу, слуги грубят, няньки нет, просто такая мука! Впрочем не тужи обо мне, все обойдется. Тебе пришло два письма: одно от 1-го провинциала с грубыми примечаниями на твои статьи (не стоит пересылать), другое из Царского Села, которое и выписываю, чтобы не прилагать лишней марки.

Глубокоуважаемый, дорогой писатель!

Назовите это письмо эксцентричностью, аффектом, как хотите, но я не могу удержаться, чтобы не выразить Вам, не имея счастия лично знать Вас, того чувства, которое вызвала во мне Ваша статья о смерти Жорж З‹анд›.[533] Та сила симпатичности, с которою Вы отозвались о Ж‹орж› З‹анд› и ее святых произведениях, подействовала на меня электрически; к несчастью, я так мало встречала людей, которые могли бы так глубоко понимать личность и умели бы так честно оценивать ее деяния. Примите же, уважаемый писатель, выражение самой искренней признательности за то хорошее чувство, какое я испытывала, читая Вашу статью. Крепко жму Вашу руку. Сельская учительница.

Повесток получила на 12 руб. Сегодня ужасно удивилась, получив № Нового Времени, тогда как он нам все это время не высылался; думаю, не с намерением ли он прислан. О тебе ничего нет, но говорится о Русском Обозрении, вырезку тебе высылаю. Николай Алексеевич Киреев, член Славянского комитета, твой знакомый, убит турками в Сербии, и по нем служат торжест‹венные› панихиды в Славя‹нском› комитете.[534] Больше ничего не имею сообщить. Целую твои глазки и ручки и остаюсь тебя горячо любящая твоя Аня.

Послала посл‹еднее› письмо во вторник, напишу (т‹о› е‹сть› пойдет) в понедел‹ьник› 19. Еще раз целую и обнимаю тебя крепко. Мама хочет что-то приписать.

148. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 15/27 июля. Четверг. ‹18›76.

Милый друг мой Аня, вчера получил 2-е крошечное письмо твое, от 9-го июля, и спешу, не дожидаясь наших сроков, тотчас тебе ответить. Дело в том, что письмо твое произвело на меня тяжелое впечатление. Значит, тебе трудно будет поправиться здоровьем; но почему же ты пишешь, что придется взять лишь 15 ванн. Но может быть, регулы и не 10 дней будут, а в новом воздухе и при новых условиях жизни пройдут обыкновенно, и к тому же, если даже и 10 дней, то все же останется

тебе с лишком месяц для ванн: разве ты их берешь через день? И разве нельзя брать каждый день? Ангел мой, я только и мечтаю здесь об том, что ты, после этого года родов, кормления и трудов за Дневником, поправишь, наконец, в Руссе свое здоровье. Ах, родная моя, у меня сердце болит по тебе; я здесь перебрал все, как ты мучилась, как ты работала — и для какой награды? Хоть бы мы денег получили больше, а то ведь нет, и если есть что, так разве еще в надежде на будущий год, а это журавль в небе. Я, Аня, до того влюбился в тебя, что у меня и мысли нет другой, как ты. Я мечтаю о будущей зиме: поправилась бы здоровьем в Руссе и, переехав в Петербург, уже больше не будешь мне стенографировать и переписывать, я это решил, а если будет много подписчиков, то *непременно* возьмешь помощницу, хоть Никифорову.[535] Но впрочем подробнее изложу все мои мысли, когда свидимся. Рад за детей, если здоровы. Люби Лешу, мне так хотелось бы видеть Федю. Не пренебрегай Лилей, и если можно, начни ее хоть помаленьку учить читать. У Лили, по-моему, твой характер: будет и добрая, и умная, и честная и в тоже время *широкая*; а у Феди характер мой, мое простодушие. Я ведь этим только, может быть, и могу похвалиться, хотя знаю, что ты, про себя, может быть, не раз над моим простодушием смеялась. Так ли, Аня? Но впрочем тебе все позволено: ты хозяйка моя и повелительница, ты владычица, а мне счастье подчиняться тебе. То есть я свое за собой оставляю и уж от капризов и ипохондрии моей избавиться не могу, но ты никогда не знала, Аня, сколько у меня, несмотря на все это, любви к тебе было, а теперь, я чувствую, точно обновился и точно вновь начал любить тебя, да и никогда не любил тебя так, как теперь. Подожди, ангел мой, я еще тобой займусь, и ты, может быть, увидишь и во мне хорошее.

Про себя мне почти нечего написать: умираю здесь от скуки, а главное — *без тебя*. Лечение мое до сих пор идет просто плохо. Нервы расстроены ужасно, бывает горловая спазма, что, в последние годы, чрезвычайно редко случалось, разве при крайнем расстройстве нервов. Вчера и третьего дня начинал чувствовать как бы наступление припадка, т<о> е<сть> захватывало душу, как бывает в последнее мгновение перед припадком, когда он случался наяву. Возможность припадка пугает меня, тогда что станется с «Дневником», за который еще я не принимался? Да и напишу ли еще что, потому что чувствую себя расстроенным и как-то расслабившимся. Впрочем хожу, гуляю, аппетит есть, но сплю мало, часа по три. по четыре в ночь, потому что все потею. Потею и днем ужасно, и это не от того, что стоят жаркие дни: это кризис вод, я знаю это, и кто знает — может быть, мне и не пойдут на этот раз впрок воды, ибо они оказывают хорошее влияние под непременным условием спокойствия нервов. По ночам же, когда в поту, является скверный сухой кашель. Здесь, несмотря на прелестные дни, не проходит дня, чтоб не налетал часами вдруг вихрь, в буквальном смысле слова, а третьего дня была страшная гроза. С этим вихрем ужасно легко, при постоянной испарине, простудиться.

Приготовляясь писать, перечитываю мои прежние заметки в моих письменных книгах и кроме того перечитал всю захваченную мною сюда переписку. — Подписался в Библиотеке для чтения (жалкая библиотека), взял Zolà, потому что ужасно пренебрегал за последние годы европейской литературой, и представь себе: едва могу читать, такая гадость.[536] А у нас кричат про Zolà как про знаменитость, светило реализма. — Что до житья моего, то кормят меня скверно, и не скажу, чтоб мне было очень покойно: жильцы ужасно бесцеремонны, стучат по лестницам, хлопают дверями, кричат громко. Не знаю, что скажет Орт; ему бы только поскорей отвязаться от больного, никогда не рассмотрит подробно, кроме 1-го разу, да и первый-то этот раз единственно смотрит из приличия, чтоб не испугать больного небрежностью с самого первого разу. Впрочем, может быть и поправлюсь; только бы нервы успокоить, тогда лечение пойдет на лад. Но непременно пошло бы на лад, если б мы приехали сюда с тобой вместе, т<о> е<сть> если б только это было возможно. Без тебя я не могу оставаться подолгу, это положительно. А между тем, уезжая, я хоть и знал, как мне тяжело будет, но все же, в основе, радовался что отъездом — облегчу тебя, потому что слишком заморил тебя при себе и скукой, и работой, так что ты отдохнула бы от меня и освежилась душой. И вот в своем post-scriptumé ты вдруг поражаешь меня.[537] Да и написаны-то эти 4 строки таким быстрым почерком и такими разбежавшимися литерами, точно у тебя рука дрожала от волнения. Значит, ты встретила его в самый последний час, в субботу утром. Да еще прибавляешь: «Подробности после» — это значит, мне дожидаться до воскресения! А между тем, Анька, я просто боюсь. Друг мой милый и единственный: хоть я знаю, что муж, не скрывающий в этаком случае своего страху, сам ставит себя в смешной вид в глазах жены, но я имею глупость, Аня, не скрывать: я боюсь, действительно боюсь, и если ты, смеясь своим милым смехом (который я так люблю), приписала: «Ревнуй», то достигла цели. Да, я ревную, Аня! У меня характер федин, и я не могу скрыть перед тобой моего первого ощущения. Голубчик, я тебе сказал: «Веселись, [поиграй с кем захочешь», но это потому позволил], что люблю тебя даже до невозможности. Твой богатый, милый, роскошный характер (сердце и ум), при твоей широкости, небывалой у других женщин, завял и соскучился подле меня, в тоске, и в работе, и я мог [позволить] (*зачеркнута целая строчка*) веря в широкость, в совесть и главное в ум Аньки. (*Зачеркнуто далее 10 строк*).

Веселая и очаровательная... (*зачеркнуто 11 строк*). Милая, прелестная ты моя, я пишу это все и* [как бы еще надеюсь, а между тем это так мучает всего меня. Пишешь, что ты любишь меня и скучаешь, но ведь ты это писала еще до встречи с ним, до postscriptum'а! Анечка! ты хоть... а попомни меня, не обидь очень, потеряю в тебе тогда моего друга.

---

* *Далее зачеркнуто 16 строк, из которых удалось восстановить часть; неразобранное отмечено точками.*

Главное, ведь ты мне всего не расскажешь, это наверно. Повторяю тебе: все в твоей воле...].

Анька, идол мой, милая, честная моя (*зачеркнуто слово*), не забудь меня. А что идол мой, бог мой — так это так! Обожаю каждый атом твоего тела и твоей души, и целую всю тебя, всю, потому что это мое, мое! До свиданья — а когда оно будет! Напиши все подробности [(хоть все то и скроешь)]. В каком платье ты была? Становлюсь перед тобой на колени и целую каждую из твоих ножек бесконечно! Воображаю это поминутно и наслаждаюсь. Анька, бог мой, [не обидь].

Детей благословляю, целую, говори с ними обо мне, Аня! Еще раз целую тебя, да каждую минуту тебя целую и даже письмо твое, это самое, 2-е, целовал, целовал раз 50.

Твой весь Ф. Достоевский.

149. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Стар‹ая› Русса. Воскресенье, 18 июля 1876 г.

Ты меня очень огорчил, дорогой мой Федичка, твоим вчерашним письмом в несколько строк.[538] Я вижу, что ты в страшном беспокойстве на наш счет; ты упрекаешь меня, что я тебе не написала. Но, голубчик мой, ведь я тебе написала тотчас же как приехала, т‹о› е‹сть› в среду, а пошло оно в четверг, след‹овательно›, ты бы должен его получить в понедельник. По всей вероятности, ты его получил во вторник и теперь на меня не сердишься (ишь какой злой, что-то, должно быть, нехорошее жене написал, если нашел нужным сам зачеркнуть). Дай мне слово, золотой мой муженек, что ты не будешь так беспокоиться, если не получишь письма в назначенный день. Я не могу отвечать за неисправность почты; ты ведь сам знаешь, что я тебе аккуратно пишу и непременно тебе бы написала или телеграфировала в случае чего-либо особенного. Жду от тебя письма завтра, чтобы узнать что-нибудь о тебе. У нас все благополучно, детки здоровы и веселы. В Федины именины у нас был пир горой; батюшка служил молебен и освятил дом, а затем было обильное угощение. Дети в этот день причащались. Вчера уехала мама с батюшкой, который уехал к своим в Череповец и проводит маму до Твери. У нас сделалась такая скука. Деточки велели тебя поцеловать, но просили не говорить, что я их ставила в угол за царапанье. Леша ужасно полюбил Биксу и заливается слезами каждый раз, когда Бикса ляжет на землю или убежит; тогда только и утешится, когда Бикса опять встанет. Начинает очень болтать и говорит папа. Вчера бабушка подарила детям по рублю, и эти деньги их очень беспокоили: они уговорили меня пойти с ними вечером в лавки, уверяя, что назад повезут меня «на свой счет». Это было так соблазнительно, что я не могла устоять. Лилька проектировала купить на свои деньги всем подарки и мне галстучек и

очень мило покупала и выбирала вещи. Сегодня идем в первый раз на музыку. Нервы у меня чуточку успокоились, но скука смертная, тем более что и книг у меня нет. Письма приходят от нетерпеливых подписчиков, меняющих местожительства, да еще письмо пришло от одного гимназиста (не подписано), очень длинное, но которое не стоит быть посланным; не согласен с тобою, влюблен в Михайловского,[539] которого ставит выше тебя. Пришли две повестки на 5 р., еще их не взяла с почты. В газетах ничего нет о тебе, прочитываю их, когда хожу на ванны. Ну что же мне тебе написать еще, дорогой мой, право не знаю, так однообразно идет жизнь. Пальто твое взяла Прохоровна, вот ее адрес: в Измайловском полку, Заротная улица, д. № 9, кв. № 2, Шахова (там питейное заведение). Погода у нас чудесная, ягод пропасть. До свиданья, дорогой мой, крепко обнимаю и горячо, горячо целую тебя, мой дорогой Федочка, и остаюсь любящей тебя навсегда Аней. Все детки тебя цалуют и обнимают. Напишу в четверг, 22, писала в пятницу.

Воскресенье 11 час<ов> вечера.

Дорогой мой папочка, письмо твое от [вторн<ика>] до того меня тронуло, что я чуть не заплакала. Как я тебе благодарна и как я счастлива твоим письмом. Дорогой мой, я горжусь твоей любовью чрезвычайно, но часто думаю, что совсем не заслужила такой любви. Я такая обыкновенная женщина, золотая середина, с мелкими капризами и требованиями и имеющая разве одно достоинство, что искренно и беззаветно вас всех люблю четверых. И вдруг меня любит самый великодушный, благородный, чистый, честный, святой человек! Ты не знаешь, Федя, как я иногда горжусь про себя твоею любовью и как ее высоко ценю. Я всегда тебе говорила: «Ты мое солнце, ты на горе, а я лежу внизу и только молюсь». Поверь, что это не фраза, я себе всегда это так представляю и лучше не умею выразить. А тебя я не только люблю и уважаю, а именно обожаю и молюсь. Знаешь, я ведь наши ссоры, даже крупные, ни во что ни ставлю; я тотчас подхожу и прошу простить, вполне уверенная, что они и на тебе не оставили следа, я знаю на себе, что это лишь нелепые подлые слова и дурная привычка, а на душе никогда против тебя зла не было, да и быть не может. Золотой ты мой, если б ты знал, как я раскаиваюсь в иных глупых словах и как этим мучусь: а все хлопоты да заботы, а главное, эти скверные нервы, с которыми не справишься. Чего бы я не дала, чтобы мы не ссорились. Хочу дать себе слово не набрасываться на моего дорогого папочку, как это иногда со мною случается. Еще нужно убить в себе глупую ревность, кот<орая> нет-нет да и начнет меня мучить. Голубчик мой, если б я была с тобой, то была бы теперь у твоих ног за твое письмо. Как жаль, что я не умею выразить того, что у меня на сердце. Насчет медиков будь покоен: все они вместе взятые твоего мизинца не стоят; да и все люди глупы, пошлы, мелки, злопамятны, ты же мой достигнутый идеал и выше всех! Как же могу я подумать о ком другом. До свиданья, дорогой мой, цалую твои ручки

и ножки и остаюсь счастливая, счастливее всех женщин в мире, но увы, сумасбродная и брюзжащая

Анька.

Хотела давеча бросить письмо на почту, да не удалось, а теперь принесли, а потому и приписываю.

Дивлюсь я на тебя, Федичка. Как ты можешь любить такую старую и некрасивую женщину, как твоя Анька.

Дорогой папочка, странные мы с тобой люди: десять лет прошло, а мы все больше и больше любим друг друга.

150. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс 18/30 июля. Воскресение <18>76.

Милый друг мой Аня, получил вчера твое письмецо (от понедельн<ика> 12 июля). В том, что ты пишешь об няньках, вижу большие затруднения и предчувствую, что, может быть, и совсем не придется, коли все так, добыть хорошую няньку, а это и для тебя, и для детей очень будет вредно. Как это, право, несносно, вот тебе Старая-то Русса, а что всему вредят Прасковья и Аграфена, то в этом сомнения нет. И какая же мерзкая эта нянька, если била Федю. Помнишь, 4 года назад, когда мы вдруг уехали в Петербург из Руссы с Любочкой, то оставили Федю на Прохоровну; ну вдруг теперь бы случилось уехать и пришлось бы оставить детей лишь на няньку, как тогда, и она бы принялась бить их — что бы они вынесли одни, без папы и без мамы? Как тосковали бы в грусти их маленькие обиженные души. — Кстати, ради бога, береги их от коклюша, про который ты пишешь. Но все-таки дал бы бог тебе няньку, а то в самом деле тебе отдохнуть и успокоиться нельзя будет. Это меня очень беспокоит. Обрадовало меня однако же то, [что ты пишешь], что сама со вторника начнешь (т<о> е<сть> теперь в эту минуту давно начала уже) купаться. Значит, регулы были не 10 дней, а всего только три-четыре дня. Это прекрасно; я верю водам и что они тебя непременно поправят, а я об этом только и мечтаю. Напиши мне и о няньках, и о твоем купаньи в подробности. — То, что пишешь об Леше, и что он умнеет, меня очень позабавило. Поцалуй и Лилю от меня за то, что хочет «потрудиться для бога»; а Федю поцалуй и скажи, что здесь все большие и дети катаются на ослах, и что очень много собачек возят тележки, и что я непременно когда-нибудь повезу его с Лилей заграницу посмотреть и покататься. Мне здесь по-прежнему ужасно скучно, хотя нервы поправились, сплю я хорошо и вошел мало-помалу в силу. Орт утверждает, что все это — самое обыкновенное действие вод, над всеми наблюдаемое, и утверждает, что лечение мое идет правильно и успешно и что у меня расширилась и очистилась грудь, так что воздуху я вдыхаю

за раз больше и легче. Это и действительно так. Я в третьем этаже, 4 лестницы, а я всхожу по ним без малейшей одышки. У Орта я бываю каждые 6 дней и даю ему каждый раз 10 марок, т<о> е<сть> 3 талера 10 грошей (малый золотой), чтоб был внимательнее. Думаю описать Эмс в «Дневнике»,[540] но Дневник еще только составляю, а все еще не начинал, и он ужасно меня беспокоит. Когда гуляю, все останавливаюсь у детей и любуюсь ими или заговариваю. Останавливаюсь и у маленьких годовых ребят — все воображаю в каждом Лешу, который наверно меня не узнает. Какой-то Мельницкий, из Москвы, еще молодой человек подошел раз ко мне и объявил, что мы познакомились в Эмсе еще третьего года; [когда] я обошелся вежливо, но его не помню, и он теперь не подходит. Здесь много чрезвычайно даже хорошеньких женщин и прекрасно одетых, но я на них не смотрю. Читаю газеты и изредка Zolà. Табак у меня кончился, и я сел на сквернейшие папиросы. Деньги-таки идут, хотя я сильно экономизирую. Много думаю (с тоской и мукой) об окончании года, о Дневнике и обязательстве Некрасову.[541] Ужасно, ужасно! А главное, я совсем один, совсем один.

Ты, «чтоб я не очень беспокоился» (твои слова), разъясняешь мне встречу «с ним» — встречей в Петербурге твоего прежнего жениха В. Милый друг Аня (хотя друг коварный), я думаю, что ты меня капельку обманываешь, с самым впрочем добрым намерением с твоей стороны, именно «чтоб меня успокоить». Ты, будучи в приятном и веселом волнении, кончила запрошлое письмо известным post-scriptum'ом. Этот post-scriptum совсем не гармонирует с письмом: видно, что он вдруг приписался, от волнения, почти нечаянно, а кончая письмо, ты и не знала, что напишешь его, если б в промежутке не последовало встречи с ним (*зачеркнуто несколько слов*). Да и почерк другой, литеры поставлены как попало, рука дрожала — это все видно, ну могло ль бы это быть, если б встреча эта относилась к В-ну еще 4 дня назад? Отчего же ты в первом своем письме не написала об этой встрече, а только во 2-м? И наконец, ты сама знаешь, я никогда, никогда не ревновал тебя к В-ну, да и знаешь, что не буду ревновать, а ты пишешь: «отгадай кого и [ревну] ревнуй». Просто запросто я объясняю так: встретила его (*зачеркнуто одно слово*), хорошо танцующего и похожего на меня, была увлечена, сердечко вспрыгнуло и вот, чтоб подразнить папу (что впрочем очень было мило, потому что невинно и весело) — написала post-scriptum: «угадай кого и ревнуй». Затем, отослав, одумалась, раскаялась, пожалела папу: «начнет, дескать, ревновать», дай напишу ему про В-на. (*Зачеркнуто 3 строчки*). Что же до В-на, то конечно и того повстречала в понедельник в Гостином дворе, и я этому совершенно верю. Вот он и пригодился теперь как отвод. Весь этот вывод, Аня, я сделал невольно, на тебя не сержусь, ножки твои цалую, а все-таки мне тяжело, что ты отнимаешь от меня доверие, потому что это дурной для меня знак. — Ты уж не вздумай рассердиться на меня; я надеюсь на твой ум, ты не рассердишься. Но, голубчик мой бесценный, очень тяжело здесь мечтать и соображать, подводить выводы, шансы и проч. Ну довольно, цалую тебя

беспредельно, а любовь моя прибавляется с каждым днем. Не вздумай, что это ревность прибавляет любви и что помучить человека ревностью в таком случае иногда очень полезно.

Что же до г-на В., то я, ангел мой, с большим, с большим удовольствием прочел, что ты обошлась с ним ласково и приветливо и что вы «расстались друзьями». Об этом г. В. я здесь довольно много думал и сообщу о нем тебе мои мысли при свидании. Что же до мнения Марьи Михайловны, то она хоть и премилая женщина, но и довольно ограниченная и никогда не поймет иных вещей. По-моему, твои слова: «А право я была тронута таким восторженным приемом» — самые естественные и благородные. Нельзя не интересоваться таким искренним и совершенно бескорыстным чувством, как его чувство к тебе. Сколько я о нем получил через тебя понятия, — это не такой человек, который бы решился загрязнить свое чистое чувство к тебе исканием интриги: тогда разрушился бы его идеал, воплощенный в тебе, и он бы разочаровался и стал несчастным. Равно и ты. Ты до того развита и великодушна, что сама понять можешь, что перейдя через меру — только горестно удивишь его и не только не станешь ему милее, но даже выйдет совсем напротив. К нему-то уж я никогда ревновать не буду, да ведь ты и сама это знала. Вот почему и слова твои в Post-Script.: «Отгадай кого и ревнуй» и восклицание: «Его!» — я совсем не могу отнести к нему: совсем неправдоподобно. Напротив, если я ревновал (а я тебя всего и ревновал-то однажды), то это именно к тому,* [...к которому ты сама мне призналась в чувстве, 2 года назад...] не сердись, не сердись, ангел мой Анька, женка ты моя бесценная, согласись, что если и есть во мне маленькая ревность, то ведь это чувство «невольное»...

Целуй детей покрепче; меня не забывай. Дай вам всем господь покой и порядок, чтобы хоть недели-то три отдохнуть. Пиши, Анька. Всякое известие о тебе и о всех вас — обновляет меня здесь и оживляет, точно лекарство. Письмо твое каждое по обыкновению перечитываю раз по десяти. А обо мне не беспокойся, я сам об себе беспокоюсь. Кстати, здесь ужасно легко простудиться. Например, третьего дня: накануне стоял жар в 24 градуса в тени. Утром в 6 часов просыпаюсь — туман сел на все, все белое, как зимой. Выхожу ровно в 7 часов на источник и вдруг чувствую такой холод, что воротился и надел пальто. Когда пришел к источнику и взглянул на термометр, — то увидал, верить ли, 10° в тени — ведь это зима! Прошел час, взошло солнце, туман исчез, подхожу к термометру — 18° в тени. В тот же день в час пополудни — 24° в тени. На расстоянии шести часов — 14° разницы! Ангел мой, сегодня утром слышал увертюру из Фиделио Бетховена. Выше этого ничего не создавалось! Это в легко-грациозном роде, но с страстью, у Бетховена везде страсть и любовь. Это поэт любви, счастья и тоски любовной! Ну

---

* *Далее зачеркнуто 2½ строчки, из которых разобрана только часть; неразобранное отмечено точками.*

до свидания, до свидания все! Молюсь за тебя. Итак мама уехала. Дай вам бог покоя. Боюсь за вас ужасно!

Если б случилось что с тобой или с детьми, — то ничего не скрывай, пиши тотчас.

Твой весь Ф. Достоевский
целует тебя бессчетно, день и ночь.

151. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› ‹Старая Русса. 19 июля 1876 г.›

... был бы такое совершенство, что наверно бы улетел.* Успокойся, дорогой и ясный мой Федочка, и не думай об этом: никогда в нашей жизни не случится такого пятна, такого несчастья, с моей стороны по крайней мере (за Федочку моего я иногда боюсь и даже очень). А что ты меня ревнуешь — так это мне слишком дорого: ревнует, значит любит. Правда? Голубчик мой, не брани меня (*одна строчка зачеркнута*), потому что не признаю в тебе никаких недостатков, а одни совершенства.

Дорогой мой, как мне жаль, что у тебя расстроены нервы; ради бога, успокойся и спи больше. Лучше отдохни, выжди, когда справишься с нервами, и тогда примись за дело. Торопливость только повредит делу. Послушайся меня, голубчик. Ты лучше приготовь, а я тебе в миг перепишу, так как успею отдохнуть. Пожалуйста, не думай обо мне (не выдумай воспользоваться моим позволением в другом смысле), я наверно поправлюсь и потолстею, потому что беру ванны аккуратно. Детки все здоровы и веселы. Что тебе сказать об них: ничего они особенного не говорят и не делают. Недавно Лилька говорит: «Я жду, а какой-‹то› офицер говорит: если б эта хорошенькая девочка была большая, я бы на ней женился. А я-то думаю: так бы я за тебя и пошла». Каково! Федя взялся съесть 5 кусочков говядины и начал считать да и просчитал 5, так что съел 20 кус‹ков› и говорит: «Ну, мама, я никак 5-то пропустил». Ходим на ванны и на музыку, в воскресенье ели мороженое. Сегодня народное гулянье, но мы не пойдем в толкотню, а будем смотреть фейерверк с берега на нашей улице. Писем не было, повест‹ок› две на 5 р. 50 коп. Что же сказать тебе еще, мой трижды или, вернее сказать, биллион раз любимый папочка. Дорогой мой, верь в меня и знай, что никогда в жизни тебе не придется краснеть за твою Аньку.

Тебя крепко целуют твои любящие Анька, Лиля, Федя и Леша.

И ведь выдумал же: P. S. писала я будто бы дрожащею от волнения рукою, негодный ты.[542] Писала 19, это пойдет 22, следующее письмо пошлю в воскресенье 25-го.

---

* *Начало письма утрачено.*

152. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 21 июля/2 августа <18>76. Среда.

Милочка Анечка, вчера получил твое письмо от 15 июля. Во-первых и прежде всего, расцалуй Федю и поздравь с прошедшим днем рождения; если я и не написал прежде, то здесь про себя помнил о его празднике и мысленно поздравил его. Во-вторых, напиши маме и поблагодари ее от меня за ее приписку и поздравление. Милый друг, если мама уехала, а у тебя еще и няньки нет, то воображаю, как тебе тяжело оставаться одной с детьми при нашей дрянной прислуге. Да неужели нет возможности переменить их всех, — иначе они нас просто в кабалу возьмут, а тебя измучают. Все это меня беспокоит немало, верь мне, Анька. Я очень рад, что ты вздумала отслужить молебен, так и надо. — Всего больше скучаю о том, что так редко получаю твои письма: из двух дней в третий (а в сущности в 4-й) получать от тебя известия очень тяжело. Нельзя ли, голубчик, через день; хоть ничего нового не будет в письме, а все-таки я прочту твое: «Мы здоровы» и буду спокойнее. Я не требую больших писем, пиши хоть по одной страничке (да и нельзя иначе при переписке очень частой), а все-таки присылай почаще. Все-таки я буду покойнее. Я, мой ангел, замечаю, что становлюсь как бы больше к вам всем приклееннным и решительно не могу уже теперь, как прежде, выносить с вами разлуки. Ты можешь обратить этот факт в свою пользу и поработить меня теперь еще более, чем прежде, но порабощай, Анька, и чем больше поработишь, тем буду я счастливее. Je ne demande pas mieux.* — С 18 на 19 число я вынес ночью ужасный кошмар, то, что я тебя лишился. Если б ты знала, Аня, как я мучился. Вся твоя жизнь со мною припомнилась мне, и я укорял себя, как мало ты была вознаграждена, и поверишь ли, кошмар продолжался и весь день после того, как я пробудился, так он был жив. Все 19-е число я продумал о тебе и протосковал, и если б возможно было хоть на 10 минут с тобой свидеться, то, кажется, я был бы безмерно осчастливлен. Напиши непременно, не случилось ли с тобой чего-нибудь восемнадцатого или 19-го числа. А в следующую ночь, т<о> е<сть> наутро в 5 часов, когда проснулся и встал ногами с постели, то почувствовал такое сильное головокружение, что не мог держаться на ногах и падал, и так было минуты три. Затем головокружение, хоть и в меньшей степени гораздо, продолжалось весь день. Я был на источнике, потом у обедни, но все не проходило. Когда стал читать, то буквы мелькали тускло, хотя и мог читать. Вечером пошел к Орту (о котором отчасти переменяю мнение: он человек довольно симпатичный и когда очень надо, то вникнет, а знание его как врача здесь не подвержено сомнению, и он пользуется даже славой). Я попросил его осмотреть меня и сказать, не будет ли со мной удара? Он осмотрел меня чрезвычайно внимательно, со всеми приемами; сжи-

---

* Я не прошу лучшего (*франц.*).

мал мне голову, прислушивался, закрывал мне глаза и внезапно открывал их, — и положительно сказал мне, что нет ни малейшей опасности, [но что все] что не только удара не может быть, но что у меня даже и не к голове прилив крови, а только так кажется; но что все это происходит от моей болезни (легких), что вследствие аффекта действия вод несколько парализирован был желудок, который в моей болезни совершенно подчинен расстроенным легким, но что все это временное и при дальнейшем питье Кренхена уничтожится; кроме того, воды действуют на меня, на этот раз, несколько сильнее, чем прежде, но что все это по ходу болезни и что все эти припадки, головокружения через два-три дня пройдут сами собой. Впрочем, дал мне порошки (Зейдлица) от нервов и желудка и приказал, не ужинав, принять на ночь, «и вы проспите прекрасно, и все пройдет». Так я и сделал, принял порошок и спал превосходно и сегодня, 21-го чувствуя себя как всегда. На вопрос же мой (положительный) — так ли развилась моя болезнь, что мне уже недолго жить? — он даже засмеялся, и сказал мне, что я не только 8 лет проживу, но даже 15 — но прибавил: «разумеется, если климат, если не будете простужаться, если не будете всячески злоупотреблять своими силами и вообще если не будете нарушать осторожную диету». Все это, милый мой ангел, пишу тебе в такой подробности, чтоб ты за меня не беспокоилась (что видно из письма твоего): все, стало быть, по-старому; болезнь хоть не пройдет, но будет действовать очень медленно, разумеется, при некоторых мерах всегдашней предосторожности; но мало-помалу ведь и это можно устроить.

Здесь, вчера утром на водах я встретил Елисеева[543] (обозревателя «внутренних дел» в Отеч‹ественных› Записках), он здесь вместе с женой, лечится и сам подошел ко мне. Впрочем не думаю, чтоб я с ними сошелся: старый «отрицатель» ничему не верит, на все вопросы и споры, и главное, совершенно семинарское самодовольство свысока. Жена его, тоже, должно быть, какая-нибудь поповна,[544] но из разряду новых «передовых» женщин, отрицательниц. Он хотел здесь, по случаю приезда священника, склонить его торжественно отслужить молебен за успех черногорского оружия (была телеграмма о большом сражении и победе черногорцев)[545] и склонял меня уговаривать Тачалова (священника). К обедне сам не пошел, а я Тачалову сказал, но тот благоразумно уклонился под предлогом, что известие о победе еще недостаточно подтвердилось (и правда), но я уговорил Тачалова сделать русским приглашение подписаться на славян. Это он сделал, был у меня, написал бумагу (воззвание), под которой подписался и сам пожертвовал 15 марок, я подписался сейчас после него и тоже дал [несколько] 15 марок, затем от меня он пошел к Елисееву: не знаю только, подпишется ли Елисеев, ибо семинаристы любят лишь манифестации, а пожертвовать что-нибудь очень не любят. Затем бумага пойдет, через церковного сторожа, по всем русским. Составится ли что-нибудь, неизвестно. Сегодня я Елисеевых на водах не встретил. Не рассердился ль он на меня, за то что я вчера кольнул семинаристов. Жена же его на меня по-

ложительно осердилась: она заспорила со мной о существовании бога, а я ей между прочим сказал, что она повторяет только мысли своего мужа. Это ее рассердило очень. — Вообрази характер и самоуверенность этих семинаристов: приехали оба лечиться, по совету петербургского доктора Белоголовова,[546] а здесь не взяли никакого доктора, свысока уверяют, что это вовсе не нужно, и принялись пить Кренхен без всякой меры: «Чем больше стаканов выпьем, тем лучше» — и не имея даже понятия о диете.

Голубчик мой, я всё еще не принимался за работу и клянусь тебе, Аня, отчасти виною ты: все об тебе думаю, мечтаю, жду твоих писем, — и не работается. В такой тоске, в которой я пробыл 19-е, можно ли было работать? Но ради бога, пиши мне о всех своих обстоятельствах и не скрывай в письмах неприятностей: иначе я буду мучиться и преувеличивать. — Есть ли, наконец, нянька? Ах, ангел мой, тяжело мне здесь без вас. Я впрочем все исполняю: пью воды, делаю моцион. С кушанием только справиться не могу: дают страшную скверность. Напрасно, милочка, не прислала мне письмо того провинциала, который ругается.[547] Мне это очень нужно для «Дневника». Там будет отдел: «Ответ на письма, которые я получил».[548] И потому, если можно, пришли его с первой почтой, не жалея марок и не уменьшая письма своего. Напиши мне тоже ясно и точно и непременно о моем пальто: где я его, приехав в Петербург, найду? Ну до свидания, ангел мой, целую тебя до последнего атома и в особенности ножки твои. Госпожа ты моя и владычица, не стою я тебя, но обожаю, и женку мою никому не отдам, хоть и не стою. Цалуй детей, Федю, Любу, особенно Лешу. Благословляю их.

Твой весь всем сердцем

Ф. Достоевский.

153. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. Суббота, 24 июля 1876 г. Вечер.

Сегодня утром я получила твое письмо, мой бесценный муженек, и счастлива, что ты чувствуешь себя лучше. Дай бог, чтобы поездка принесла тебе здоровье. Все мы здоровы и веселы, ходим отлично на ванны, и я уже взяла 11 ванн, а дети взяли 24. Носим и Лешу на ванны, и он премило сидит в ванне. Леченье мне приносит пользу: у меня успокоились нервы и усилился аппетит, а это главное. Дети тоже очень много кушают. Няньки у нас пока нет, является их много, да ни одна не годится, все такая дрянь. Но я с детьми справляюсь: я даже положительно думаю, что это будет полезно детям; Федя привык сам одеваться и раздеваться (не говорю уже о Лиле) и, возвращаясь из ванн, сам прибирает свое хорошее платье. Сидя в ванне, я им рассказываю сказки и учу басни, и они собираются к твоему приезду выучить три басни. Лиля отлично считает до тысячи и помнит, сколько 2^два^—4—8,2—5—10. Няньку

нам обещали хорошую, но будет она свободна только 25 июля. Но так как нервы у меня успокоились, то я не очень затрудняюсь детьми. Федя на сообщение мое об ослах и о том, что ты повезешь его за границу смотреть их, серьезно сказал: ну так пусть ослы возят теперь других, пока мы приедем. Недавно он упрекал мальчишек в трусости, «что вы за воины будете, этак вы на войне прятаться будете, трусы вы этакие». Леша более всего на свете любит Биксу, ваву, как он ее называет, и так и затрясется и защелкает язычком, когда ее увидит. У Леши вышел еще зуб. Пришли два длинные письма без подписи, но я их не посылаю, потому очень грузны, а ответа не требуют. Повест‹ок› на два руб. Не знаю, известила ли я тебя в прошлом письме о Сл‹авянском› комитете.[549] В день отъезда я сама была в Слав‹янском› комитете, но никого там не застала; швейцар мне сказал, что Янкулио[550] приезжает в среду и тогда его можно застать, а что в зале устроен ящик, в который и бросают пожертвования, а в среду Янк‹улио› их разбирает и если приложен адрес, то извещает о получении пожертвования. Я взяла со стола бумагу, надписала, что 25 руб. от Ф. М. Достоевск‹ого› из Ст‹арой› Руссы по Перерытице, вложила бумажку и сама опустила в ящик. Никакой квитанции я до сих пор не получила, да и думаю, что их нет, а что Сл‹авянский› комитет просто публикует в Голосе, кто именно пожертвовал.[551] При мне и другие клали в этот же ящик. В Р‹усском› Мире Соловьев напис‹ал› в прошлое воскр‹есенье› о июньском «Дневнике».[552] Что тебе еще сказать, дорогой и бесценный папочка; [ты не хочешь верить, что под словом Его я разумела К. и непременно этого неизвестного]. Но, голубчик мой,* [чем же я могу наконец тебя уверить, что... здесь и я его вероятно никогда в жизни более не встречу. Поэтому ни за себя, ни за меня не бойся]. Оканчиваю это письмо утром и поскорее посылаю на почту, хотя не знаю, отнесет ли его вовремя эта [подлая] Лукерья. Если получишь днем позже, на меня не сердись, так как сама я бежать не могу, ибо занята с ребятишками, а должна послать. Целую тебя бессчетно раз и остаюсь тебя любящая страстно и беспредельно твоя Анька, Люба, Федя, Леша.

154. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› ‹Эмс.› 24 июля/5 авгус‹та›. Суббота. ‹18›76.

Бесценная моя женка, Анечка, целую тебя за твое ангельское письмецо от 18 июля взасос. Дорогая моя радость, с чего ты взяла, что ты «золотая средина»? Ты редкая из женщин, кроме того, что ты лучше всех их. Ты и сама не подозреваешь своих способностей. Ты ведешь не только целый дом, не только дела мои, но и нас всех, капризных и хло-

* *Далее зачеркнуто 4 строчки, из которых разобрана только часть; неразобранное отмечено точками.*

потливых, с меня начиная до Леши, ведешь за собою. Но ты в моих делах лишь разменялась на мелкую монету. Ты ночей не спишь, ведя продажу книг и «контору» Дневника, а между тем мы пока еще собираем гроши, да и будут ли рубли-то впоследствии? Но сравнительно с тобою это все мелочь. Сделай тебя королевой и дай тебе целое королевство, и клянусь тебе, ты управишь им как никто — столько у тебя ума, здравого смысла, сердца и распорядительности. Ты приписываешь, «как могу я любить такую старую и некрасивую женщину как ты». Тут ты уж совершенно лжешь. Для меня ты прелесть, и подобной тебе нет. Да и всякий человек с сердцем и вкусом должен сказать это, если приглядится к тебе, — вот почему я иногда и ревную тебя. Ты сама не знаешь, какая прелесть твои глаза, твоя улыбка и твое иногда одушевление в разговоре. Вся вина в том, что ты мало бываешь в людях, а то сама бы подивилась своим победам; но мне, впрочем, это на руку, хотя Анька, царица моя и госпожа души моей, я пожертвовал бы всем и даже приливами ревности, если б ты полюбила выезжать и развлекаться. Как бы я был счастлив мыслью, что тебе весело. А если б и ревновал, то мстил бы тебе любовью. Я вправду тебе скажу, Анька, что когда ты чуть-чуть принарядишься для выезда и капельку оденешься, то ты не поверишь, как ты вдруг делаешься безмерно моложе на вид и хороша удивительно! Я много раз даже дивился. Вся беда, что ты вечно дома в работе, а потому иногда просто [неряшлива]. Нет, Анька, повторяю это, ты должна в эту зиму наделать себе костюмов и выезжать со мною или без меня, все равно. Ты должна веселиться для моего наслаждения. Работы должно быть меньше, и с Дневником во что бы ни стало надо устроиться иначе, что и введем постепенно, но как можно в скором времени. И, наконец, как ты можешь дивиться, что я так люблю тебя, т<о> е<сть> как муж и мущина? Да кто же меня так балует как ты, кто слилась со мной в одно тело и в одну душу? Да все тайны наши *на этот счет* общие. И я не должен после того обожать каждый твой атом и целовать тебя *всю* без насыщения, как и бывает? Ведь ты и сама понять не можешь, какая ты на этот счет ангел-женочка! Но все докажу тебе, возвратясь. Пусть я страстный человек, но неужели ты думаешь, что (хоть страстный человек) можно любить до такой ненасытности женщину, как я тысячу раз уже тебе доказывал. Правда, все те бывшие доказательства — ничто; а теперь, возвратясь, я тебя, кажется, съем. (Ведь это письмо никто не прочтет, и ты никому не покажешь).

Ну теперь о деле: мама уехала, а ты одна, а про няньку ни слова, значит, ее все еще нет, ну так какое же после того твое спокойствие? Не успокоюсь прежде чем узнаю о няньке. Рад, что берешь ванны. Милый Лешка, я ужасно буду рад, когда его увижу. Пиши тоже мне и об Феде. Милая Лилька! Ах, Анька, как бы нам что-нибудь заработать. Ты пишешь мне свою обыкновенную поговорку, что мы странные люди: десять лет прожили, а все больше любим друг друга. Но проживем и 20 лет, и пророчу тебе, что и тогда ты напишешь: «Странные мы, 20 лет прожили, а все больше и больше любим друг друга». Я по край-

ней мере за себя отвечаю, но проживу ли 10 лет, за это не отвечаю. Впрочем, здоровье мое хорошо, но не знаю, успешно ли будет лечение. Нервами я несравненно крепче, во время прогулок мне надобно вдвое против прежнего пройти, чтоб устать. Впрочем, и лечение, кажется, будет успешное. Здесь мне встретился некто барон Ган, артилерийский генерал в Петербурге, с которым мы вместе сиживали у Симонова под колоколом.[553] Он рассказал мне, что Фрёрах[554] в Берлине сказал ему, что он неизлечим, но он (прошлого года) ездил к Вундерфрау в Мюнхен (ты, вероятно, слышала; она лечит от всех болезней каким-то своим секретным способом и всех вылечивает, и к ней съезжаются со всего света, а доктора в Германии — ни слова не смеют сказать против, потому что вылечивает совсем неизлечимых) и что та очень помогла ему, так что и теперь он себя чувствует прекрасно. Впрочем он тоже пьет здесь Кренхен. Вот бы на будущее лето мне съездить в Мюнхен, да и с тобой бы (от малокровия), тем более, что она денег почти не берет. Все лечение у ней не более 10 дней, так что в случае неудачи всегда можно отправиться потом на Кренхен. Это я, разумеется, в том случае говорю, когда твердо буду уверен, что 500 руб. на поездку воротятся потом пятью тысячами. — Но во всяком случае здесь, теперь, и здоровье, и, кажется, лечение мое как нельзя лучше идут. Но вот в чем страшная беда, Анька: Дневник, Дневник! — Я только что сел писать и вижу по всему, что запоздал до невозможности. Мне остается здесь писать дней 12, но что это за дни! Веришь ли, совсем нет времени! Встаю в 6, одеваюсь и в 7 пью воду. Возвращаюсь в 9, завтракаю и отдыхаю до 10 (ибо все моцион делал). С 10 писать, полчаса на приготовку, и пишу до 12, но с 12 до часу опять моцион, так предписано. В час обед, после обеда нельзя сейчас приниматься, а главное это время у меня на письма иногда уходит (вот почему, Анька, не сердись, если теперь начну писать маленькие письма). В 4 часа опять на воды, в 6-м домой; тут надо сесть за переписку, но в 7 опять вставать и делать большой моцион. В 8 чай, а затем в 10 спать, — так что в сущности всего часа 2 на сочинение и часа $1^{1}/_{2}$ на переписку — ужас, ужас! что я написать могу? То ли дело дома ночью? Да и Дневник выходит такой дрянной, такой мизерный, а его, как нарочно, надо бы издать как можно щеголеватее, иначе капут! Одним словом, Анька, я в тоске, в литературной тоске. Да кроме того — тоска об вас: не случилось ли с вами чего? От этого я уже решил, что не могу избавиться. Я думаю, Аня, что выеду отсюда 7-го августа. Я рассчитал, что могу еще дней 9 заниматься и писать в Старой Руссе, то-то бы хорошо. Ангел, я у твоих ног, цалую и обожаю тебя. Молюсь тебе и за тебя. Цалую взасос, всю, всю. Цалуй деток. Скажи им, что папа приедет скоро. Ах, голубчики, кабы вас уберег господь! Ах, Анька, кабы бог тебе послал хоть капельку поздороветь. Пишешь, что нет книг. Но, друг мой, ведь есть Библиотека для Чтения, на которую можно подписаться. Не жалеть же грошей.

Твой весь, обожатель твой и влюбленный в тебя муж твой

Ф. Достоевский.

P. S. Анька, радость, вспомни* [что ты мне сама обещала... Все, все...]. Сдержи слово моя (*зачеркнуто одно слово*). Это очень важно, очень важно. Слышишь ли, понимаешь ли? (*зачеркнута строчка*).

Цалую 5 пальчиков на твоей ножке.

Цалуй детишек.

155. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 26 июля/7 августа <18>76. Понедельник.

Бесценная Анечка, спешу тебе ответить на твое письмо от 21[555] (именно спешу, потому что времени совсем нет из-за Дневника). Напрасно, ангел мой, так встревожилась моею ревностью, я хоть и помучился, но теперь я опять во все [время] хорошее верю, а в Аньку я всегда верил и буду верить. Но об этом потом, приеду, наговоримся. Аня, я решил что 7-го августа (т<о> е<сть> в субботу на будущей неделе) непременно отсюда выеду, потому что в пятницу кончится ровно 4 недели моему леченью. Орт говорит, что и не надо больше. Вот только не знаю, пойдет ли впрок мне леченье. Боюсь, что мало, хотя уже теперь чувствую себя сильно укрепившимся: нервы спокойны, и даже физической силы больше, нужно вдвое пройти пешком против прежнего, чтоб почувствовать усталость. Зато здесь с самого приезда чувствую усиление хрипоты (орга́н), но вместе с тем ощущаю ясно и чрезвычайное расширение дыхания, т<о> е<сть> уменьшение одышки. Что-то скажет конец лечения. Гаргаризирую горло и боюсь, не простужусь ли, потому что беспрерывно осипаю. Завтра схожу к Орту. Елисеевы находят, что я очень поправился и удивлялись, когда я сказал, что мне 54 года; они дают мне 40 лет с небольшим. (Ужасно странные люди, она же пресмешная нигиляшка, хотя и из умеренных). Но во всяком случае выеду 7-го, и потому, милый ангел, на это письмо ты мне ответишь, а потом напиши 2-го августа (непременно, т<о> е<сть> напиши 1-го, а чтоб непременно пошло 2-го). Я получу его 6-го, т<о> е<сть> накануне отъезда. Ты же после этого письма, т<о> е<сть> которое отправишь 2-го, уже не пиши больше. Я же буду продолжать писать до конца и даже напишу накануне, чтоб ты успела выслать мне Андрея туда, где пристают пароходы (у Звада, что ли?). Но вот беда: хоть и решил, что выеду 7-го, но не знаю, приеду ли в Руссу 12-го, ибо, пожалуй, замешкаю день и приеду 13-го. Впрочем напишу еще накануне выезда, а если надо будет, то и из Берлина, потому что письмо из Берлина во всяком случае прибудет в Руссу раньше моего.

Пишешь о детях и опять ничего о няньке! Стало быть, все еще нет этой проклятой няньки и тебе не удастся отдохнуть! Да и не понимаю,

---

* *Далее зачеркнуто* $1^{1}/_{4}$ *строчки, часть удалось воспроизвести, неразобранное отмечено точками.*

как же живут теперь дети без няньки. Не можешь ты все за ними ходить, а они не могут подле тебя сидеть. — Цалуй детей крепко. Ангел мой, за работой бьюсь и тоскую: нет времени работать да и только; подвигаюсь ничтожно, выходит дрянно. Вообрази, сегодня мог только писать, но ни строчки не успел переписать, Давно надо сходить в ванну и не нахожу времени. Письма писать буду маленькие. Вс. Соловьев прислал мне ответ на мое письмо[556] и статью свою в Р‹усском› Мире об июньском Дневнике, наполненную самыми восторженными похвалами. Статья длинная. Пишет, что отрывки из нее перепечатало «Новое Время» и отозвалось с величайшей похвалой.[557] Он пишет, что июньский Дневник производит сильнейшее впечатление, и что он знает это наверно, и что слышал и слышит беспрерывно множество хвалебных отзывов. — Ты, ангел мой, пишешь, чтоб я не беспокоился и как приеду, ты мне все перепишешь. Но, добрейшая ты моя, каково же мне-то, только что приеду, и сейчас опять тебя впрячь в работу. Это мне слишком тяжело, слишком огорчительно. Впрочем хотя медленно, а все же подвигаюсь. Главное, я надеюсь, что, приехав, буду иметь еще дней 9 или даже 10 работы и что-нибудь все же успею сделать. Хоть бы в два-то с $^1/_2$-й листа выдать, и кабы не совсем дрянь.

До свидания, моя бесценная, моя жена и [любовница] (*зачеркнуто* $1^1/_2$ *строчки*). Голубчик, обещаешься [потолстеть, потолстеть], — вот это так прелесть: и здоровья больше и всего будет больше. А́нгел мой, не взыщи за слова, я тебя во сне вижу. Цалую тебя беспрерывно. Цалуй детей. Твой весь, весь до капли муж

Ф. Достоевский,
а ты его госпожа.

P. S. Да любишь ли ты меня? Правда ли?

P. P. S. Не беспокойся за меня, что я мучаю себя работой. Я не мучаю. Напротив, время от 8 до 10 вечера перед сном положил совсем не работать, чтоб свежее была голова, и тем сам у себя уменьшил часы работы. Во всяком случае работа тем хороша, что ужасно сокращает время. А то скука, скука!

Цалую твою ножку и пяточку. (Цалую и не нацалуюсь, все воображаю это).

А ты меня ни разу во сне не видала?

156. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. Вторн‹ик› 27 июля 1876 г.

Дорогой мой папочка, вчера я получила твое письмо, где ты просишь писать почаще, т‹о› е‹сть› через день, а не через два в третий, как теперь. Я бы рада была это исполнить, но вот беда; ведь нужно относить

на почту, а это очень затруднительно. Ты ведь знаешь, бесценный мой папочка, что мы ходим на ванны от 12 до 2-х, и все утро занято приготовлениями, т‹о› е‹сть› чищением, глажением и пр‹очим›, след‹овательно›, писать утром нет возможности и нельзя бросить в ящик на ваннах; всегда приходится идти на почту, а ведь это довольно далеко. Я каждый раз отношу сама, т‹ак› к‹ак› не доверяю этим чучелам. Поэтому, дорогой мой муженек, оставим как есть; ты ведь знаешь, что в экстр‹енном› случае я тебе напишу и даже телеграфирую, и поэтому будь спокоен на наш счет. Если же ты мне прикажешь, то я, конечно, буду писать, ибо как я могу устоять против слова моего обожаемого повелителя. Ну так как решишь, так и будет. Ну теперь, дорогой мой, о нас: у нас все благополучно. Няньки по-прежнему нет, обещают хорошую на днях. Но веришь ли, не знаю почему (вероятно потому, что успокоились нервы), но дети меня не тяготят нисколько, они так умны, что просто диво. Начиная с пятницы, мы ходим с ними по гостям, и они ведут себя премило. Леша делается все милей и милей, и дети его ужасно любят, все с ним играют, а он на них машет ручками от радости. Качаться любит очень. Я написала, чтобы непременно печатали 1-й № в 1500;[558] по-моему, довольно бы и 1000, но 500 лишних следует сделать из самолюбия, да он и разойдется, может быть. Письма есть от «не другого» и от Гребцова из Киева, кот‹орый› уже раз писал тебе;[559] их присылаю. Получена повестка на 7 рублей. Деньги, дорогой мой, и у меня идут, хоть я и скуплюсь, как Плюшкин; можешь представить, не была ни разу в театре, ни в одном концерте, даже в концерт Славянского[560] (певческая капелла) и тут поскупилась пойти, т‹ак› к‹ак› за вход 1 р. 50. Приезжал сюда Вейнберг[561] читать еврейские рассказы, но и у него я не была. О том, что ты часто ходишь к Орту, я прочла с удовольствием. Что ты мне ничего не пишешь про гаргаризацию, полощешь ли себе горло, и помогает ли это? Дорогой, биллион раз дорогой Федочка, мы еще с тобой поживем много, много лет (не 8 и не 15, а 25) и под конец жизни будем так же счастливы и так же любить друг друга, как и теперь. Я себе наколола иголкой палец, и теперь у меня на пальце нарыв, кот‹орый› не дает мне ни много писать, ни шить, а потому хожу в гости. Дорогой мой папочка, крепко прижимаю тебя к сердцу и люблю так, как ни одна жена еще не любила своего мужа. Детки дорогие тебе кланяются и целуют, а Федя настаивает непременно, чтобы я в большом конверте послала тебе конфет от Феди и чтоб ты удивился.

Пока я писала это письмо, ко мне явился какой‹-то› господин с письмом от Михаила Алекс‹андровича› Языкова,[562] который спрашивает у меня в письме: * вернулся ли ты, когда вернешься и куда: сюда или в Петерб‹ург›. Если в Пет‹ербург›, то где твой петерб‹ургский› адрес. Затем, выйдет ли июльский номер. Я ответила самым подробным образом на все эти вопросы. Зачем ему это — не знаю. Затем обнимаю

---

* *Надписано над строкой* он был у нас, живет в Новгороде.

и крепко моего милочку. Прилагаю при сем 4 письма: от гимназиста ругательное, от Гребцова и из Харькова, конец харьков<ского> письма здесь переписываю:

«Теперь спрашивается, кто должен решить вторую половину вопроса: сохранить целость и независимость психического мира таких детей. Вопрос этот крайне важен, а решение его необходимо для блага самого общества. Ведь общество в лице своих судебных учреждений крайне заинтересовано тем, чтобы придать как можно более справедливости своим поступкам с разного рода преступниками, а потому, отчего же то же самое общество, будучи преступным перед лицом своих „вышвырков“, не позаботится загладить свою вину и внести в эту область тот же дух справедливости и человечности, какими проникнуты все другие сферы общественных отношений.

Не „другой“».

Дорогой мой, ты мне снишься часто, и я просыпаясь, тоскую, что тебя нет. И нужно же нам разъезжаться!

157. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 30 июля 11 августа <18>76. Пятница.

Бесценная моя Аня, вчера получил твое письмо от 24 июля, суббота (а пошло из Ст<арой> Руссы в воскресенье 25-го, что значится по конверту) и отвечаю лишь сегодня, потому что страшно занят работой, а подвигаюсь ужасно медленно и ничтожно; что из этого выйдет — и думать боюсь. Но не беспокойся обо мне. Итак няньки нет. Нет, Аня, что ты там ни пиши, а без няньки худо, и не верю я, чтоб дети не мучили тебе нервы? Да неужели, опять-таки, нельзя прогнать совсем Лукерью и Аграфену, иначе они нас в кабалу возьмут. Я из письма твоего даже замечаю, что ты недовольна Лукерьей. За известие о детях спасибо, милый друг. И как ты умеешь хорошо это все заметить и написать. Федины слова об ослах верх совершенства. Верю, что ты возишься с детками и наблюдаешь их не хуже няньки, но это худо, худо. — Правду ли ты пишешь, что леченье тебе приносит пользу? Ах, кабы так, милочка. Ты была очень расстроена и устала, и трудно представить, чтоб уж одиннадцатью ваннами ты начала поправляться. Обещалась потолстеть, дай тебе бог не для одного *того*. *То* само собою, и мы спуску не дадим. Но дай тебе бог совсем поправиться и стать к 30 годам толстой, здоровой барыней. Вот уж целовать-то буду за это и утешаться на тебя. И совесть, и дух, и сердце мое будут спокойны.

Я уже тебе написал в последнем письме, что 7-го августа, в субботу, наверно отсюда выеду. Так и постараюсь сделать. Если правильно поеду,

без особых задержек и приключений, то 12-го буду в Руссе. Во всяком случае двенадцатого вышли лошадей в то место, куда пристает пароход. Впрочем напишу об этом накануне выезда отсюдова. Леченье, кажется, принесет мне пользу наверно и даже приносит и теперь. Язык у меня совершенно чистый, чего никогда не бывает в Петербурге, а аппетит у меня жестокий, хотя кормят меня решительно дрянью. И веришь ли, я потолстел и если не похудею к 12-му, то сама заметишь, потолстел наверно больше твоего. Вот только нервы иногда расстроены и боюсь, не навернулся бы припадок: вот уже будет некстати. К тому же здесь, наконец, скука становится до безобразия невыносимою, и хоть и тяжело работать, но работа все же сокращает время. Елисеевы, кажется, на меня рассердились и сторонятся. Дряннейшие казенные либералишки и расстроили даже мне нервы. Сами лезут и встречаются поминутно, и третируют меня, вроде как бы наблюдая осторожность: «Не замараться бы об его ретроградство». Самолюбивейшие твари, особенно она, казенная книжка с либеральными правилами: «Ах, что он говорит, ах, что он защищает». Эти два [гад. гавна] думают учить такого, как я. Сюда приехала Лихачева (Лихачевой и Сувориной издания),[563] была в Белграде из либерализма, нечто засушенное в либерализме и только и говорит, что о гуманном сострадании к сербам, но кажется, сплетница. Узнав, что я фельетонов Суворина из Константинополя не читал с Петербурга, она предложила мне Новое Время, которое было при ней,[564] и прислала его мне с своим сыном 16-<летни>м подростком. Он тоже был в Белграде и мне понравился. Я оставил его у себя на четверть часа и начал его учить не либерализму, причем ввернул, что семинаристы у нас многому повредили, не намекая ничуть на Елисеева. Вечером же встретив их, увидал холодность и полагаю (по некоторым данным), что мальчик передал мой разговор матери, а та им. Очень рад буду не встречать их. Встречаясь с ними, я только расстраивал мои нервы.

До свидания, ангельчик мой, красавица моя, свет мой и надежда моя. Ты лучше и выше всех женщин; ни одна-то не стоит тебя. Мы сошлись по душе. Дай бог еще нам подольше прожить вместе. А что я буду чем дальше, тем больше тебя любить — это факт! Ну, до свидания, до близкого, кажется, слава богу! Но только как тяжело будет тянуться это неделя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Деток благословляю, перецалуй их.

Цалую обе твои ножки и все, все. Часто очень тебя вижу во сне. Госпожа ты моя, а я тем счастлив.

158. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Эмс.> Старая Русса. Пятница, 30 июля 1876 г.

Сегодня я получила твое дорогое письмо, бесценный мой Федочка, и безмерно тебя цалую за те неумеренные и незаслуженные похвалы, которые ты мне расточаешь. Я рада, безумно рада, что ты так обо мне думаешь и так меня любишь; радость ты моя вечная, как я счастлива, что *такой* человек меня любит. Мы все здоровы и веселы как нельзя более; ходим на ванны, ездим на извозчиках (это первое счастье для Феди), едим гостинцы и вообще наслаждаемся жизнью. Я теперь опять принялась за переписку и шитье, а тут несколько дней мой палец не давал мне работать, и я ходила по гостям. Вчера была даже в театре. Знаешь, у меня вышел весь июньский выпуск,[565] и я послала Алекс<андру> Христоф<оровичу> [566] письмо, в котором просила выслать мне *сто* экз<емпляров> за июнь. Он выслал мне по второму моему письму, но не *сто*, а только *пятьдесят* экз<емпляров>. Письма мне он, конечно, не написал, и я теперь не знаю, проданы ли у него остальные 150 экз<емпляров> или он своей волей решил, что мне больше не надо как 50. Писем больше никаких не получала, все бывшие отправила к тебе в прошлом письме в среду. Это письмо пойдет в субботу, а след<ующее> пошлю во вторник 2 августа. Дорогой мой, ты хочешь уехать 7-го августа, но ведь это будет только 4 недели леченья. Дорогой мой, не следует ли тебе остаться 5-ую неделю; мне бы страстно хотелось тебя видеть, но что портить леченье, не взяв полного курса. Ради бога, спроси Орта, что тебе делать, и если он велит остаться, то оставайся *непременно*. А Дневник мы здесь напишем, я готова работать день и ночь, чтобы помогать тебе. Да и что Дневник, здоровье важнее. Затем извести меня, сколько времени ты пробудешь в Петерб<урге>, вероятно, не более 2-х дней. Остановись не дома, а в гостинице, по-моему, это лучше. Ключи от квартиры у Никол<ая> Михайловича,[567] а пальто и шуба у Прохоровны (шубу ты не бери, пусть хранит до нашего приезда), на случай вот ее адрес: Измайл<овский> полк, Заротная улица.

Милый мой, вот к тебе еще просьба, пожалуйста, не покупай для меня никаких украшений или пустяков; ты ведь знаешь, я их не ношу, и они меня не веселят; лучше вместо этого купи хороший плед, а детям по костюму, но не очень нарядных, потому что куда они нарядные оденут? Да у тебя и денег, я думаю, едва хватит для себя, какие тут покупки. Дорогой мой, в Петерб<урге> зайди к Кузьмину и спроси у него, довольно ли у него июньского? Если будешь в квартире, то, пожалуйста, привези 50 экз<емпляров> за июнь, страшно нужны, они в буфете и в хорошем шкафу. Дорогой мой, цалую твои ручки, ножки, а главное губки, эти обожаемые губки.

Дети цалуют тебя крепко.

Твои Аня, Лиля, Федя, Леша.

159. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. 1-го августа 1876 г. Воскресенье.

Ты пишешь в письме (которое я получила сегодня), дорогой и бесценный мой папочка, что ты положительно рассчитываешь приехать 7-го и что это нисколько не повредит твоему леченью. Я очень, очень рада этому известию, а дети так начали тебя уважать, а когда я говорю, что это еще не скоро, то Федя просит тебя написать «по крайней мере», что ты ему везешь. Дорогой мой, как ты велишь мне, так я и исполню, т‹о› е‹сть› более писать не буду, а напишу короткое письмо с извещением о здоровье детей в Петербург на имя Александрова[568] в типографию Оболенского. Ты у него спроси, а то ты долго не будешь ничего о нас знать и, пожалуй, будешь беспокоиться. Золотой ты мой, вот я буду рада, когда ты приедешь. Няньку я наняла, и она придет 3-го августа, а пока я смотрю за детьми и вовсе этим не тягочусь, а совсем напротив.

Я в прошлый раз не дописала адреса Прохоровны: Измайл‹овский› полк, Заротная улица, д. № 9, кв. № 2. Постарайся остаться в Петерб‹урге› как можно меньше, так хочется тебя увидать. Дорогой мой, ведь если ты пойдешь на квартиру, то ведь дворник спросит за квартиру, потому что я заплатила по 13 августа, а мы платим вперед. Ты ведь можешь известить Никол‹ая› Мих‹айловича›, чтобы он принес тебе ключи от квартиры, или я его извещу. Дорогой мой, в Петерб‹урге› не забудь купить (*две строчки зачеркнуто*). Дети все здоровы, а Леша кладет ручку на голову, показывая, что у него есть головка. Недавно дети разговаривали о войне; Лиля и говорит: «Вы-то пойдете, а нас, баб, оттуда метлой погонят». Не знаю, что тебе и писать, дорогое ты мое солнышко, кроме того, что рада тебя увидеть.

Твоя женочка Анька.

Ты можешь сказать дворнику, что я хотела выслать сама к 13 числу, а потому ты и не отдашь. А я по приезде твоем вышлю ему отсюда.

160. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 2/14 августа. Понедельник. ‹18›76.

Дорогая моя милочка Анечка, вчера получил твое письмецо от вторника 27 (пошло 28). Рад, что вы все здоровы, но ты наколола палец, боюсь, чтоб не разболелось, как у меня 10 лет назад. Во всяком случае с нарывом, должно быть, страдала. Сумела ли лечить-то? — Насчет няньки я все тех же мыслей, как и прежде, и не успокоюсь до тех пор, пока не будет няньки. Пойми, голубчик, что когда я приеду, то тебе

втрое тяжелее будет ходить за детьми, да и нам будет это страх не сподручно во всех отношениях. Ты говоришь, что дети ведут себя хорошо, но смотреть-то ведь все-таки за ними надо же. Хорошо, кабы ты взяла побольше ванн еще до моего приезда. — Я все в той же уверенности, что выеду в субботу, 7-го августа; так и готовлюсь. Надоело мне здесь, как каторга, несмотря на то, что дни стоят восхитительные, зато просто замучила удушающая невозможная жара. 26 градусов в тени, и это почти уже две недели. Поди работай в такое время. Ты спрашиваешь насчет гаргаризации? Но ведь я об этом писал; не знаю, что будет, а полощу горло прилежно. Непременно что-нибудь будет, эмские воды действуют сильно. Если хочешь всю правду, то я склоняюсь к одному заключению, к тому именно, что курс мой должен быть в 6 недель, а не в 4. Здесь курс двух видов: в 4 и в 6. На одних довольно 4-х, другим мало и им 6. Это здесь по старому вековому опыту. Мне страшно помогли воды 3-го года, когда они совсем переродили меня. Тогда я лечился 5 недель и 5 дней. Прошлый же год я лечился всего 4 недели и 5 дней, и уже действие вод было не совсем такое. Если б возможно было пробыть и нынешний раз 6 недель, то, может быть, что-нибудь и вышло бы вроде 3-го года. Но ведь нет никакой возможности пробыть 6 недель ввиду Дневника. К тому же утешаюсь, что все это — лишь одно мое предположение. Иные лечутся всего 3 недели. Прошлая зима была очень тяжела погодой, а потому и чувствовал себя хуже, чем 3-го года. К тому же ощущаю, что питье вод сильно на меня действует, т‹о› е‹сть› нынешний год. В первую половину лечения обыкновенно расстраиваются нервы, снятся кошмары и проч.: это признак, что воды сильно подействовали. Никогда не было этого расстройства и таких кошмаров, как в этот раз. Стало быть, и думаю, что воды подействовали. Теперь у меня нервы здоровы, аппетит хороший, силы больше и проч. и проч. Об этом я писал уже.

Письма, присланные тобою (от корреспондентов), и не развертывал вовсе, некогда. Целый день занят, пишу и переписываю, а подвигаюсь так медленно, как никогда. Приехав в Петербург, сдам в типографию, по расчету, не более 1 листа и 4-х страниц. Значит, большую половину придется кончить в Ст‹арой› Руссе. О содержании уже и не говорю, плох.[569] На этот счет я в очень дурном расположении духа. А впрочем, увидим. В Ст‹арой› Руссе выгадаю себе minimum 10 дней работы, если только не будет припадка.— Очень сержусь на тебя, зачем не ходила ни к Славянскому, ни к Вейнбергу, ни в театр. Несравненно бы сделала мне больше удовольствия, если б пошла, да мало того: взяла бы ложу, а в ложу детишек. Им пора повидать комедию. Ну да не будет же этого. Ворочусь, и всю эту зиму ты должна не отказывать себе в удовольствиях. Я так хочу, слышишь ли, иначе я буду несчастлив.

Здесь у меня все по-прежнему. За небольшие письма и наскоро — не сердись. Право, слишком много дела. Ну да скоро встретимся, тогда обо всем переговорим. (Ради бога, к тому времени найди няньку, и не торопись, а получше). Деток перецалуй, говори им, что я скоро приеду.

Полагаю, что буду 12. Распорядись насчет лошадей. Жду не дождусь, когда обниму тебя. Долго я пробыл без тебя (не в одном в этом отношении я говорю, а душа истосковалась. Иногда нападает вдруг ужасный и внезапный страх: не случилось ли с вами чего?). Да и говорить с тобой хочется, душой поделиться, слишком долго я пробыл один. Да и в этом отношении пора бы нам встретиться (ух пора!), Анька, Ангел ты мой, все мое, альфа и омега! А, так и ты видишь меня во сне и, «просыпаясь, тоскуешь, что меня нет». Это ужасно как хорошо, и люблю я это. Тоскуй, ангел мой, тоскуй во всех отношениях обо мне — значит, любишь. Это мне слаще меду. Приеду, зацалую тебя. А ты мне снишься не только во сне, но и днем. Но обожаю и не за одно это. Ты в высшей степени мне друг — вот что хорошо. Не изменяй мне в этом, напротив, умножь дружбу собственной откровенностью (которой у тебя иногда нет), тогда у нас пойдет еще в 10 раз лучше. Счастье будет, Анька, слышишь.

Не понимаю, для чего я так понадобился Языкову. Пустяки какие-нибудь. Елисеевы опять [вчера] повернули ко мне и любезнее чем когда-либо. Ну да все равно. Хотели уехать 5-го, но теперь как-то оттягивают. Боюсь, чтоб не пришлось возвращаться с ними в одном поезде. Это беда. Но довольно. Еще раз напишу в пятницу. Тогда напишу наверно, когда выеду, и все-таки ты письмо получишь дня за 2 до моего приезда. А теперь цалую тебя всю, жадно, с мучением и ножку твою бессчетно. Люби меня и жди меня. Деток благословляю, сохрани их бог.

Твой весь весь
Ф. Достоевский.

161. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Пятница, 6/18 августа ‹18›76 Эмс.

Бесценная моя Аня, получил твое письмо и сегодня, в пятницу последнее. Хорошо, что пришло сегодня, а то завтра, в субботу отправляюсь отсюда в $6^1/_2$ часов утра, и если б пришло в субботу, то я бы не получил. Теперь же пишу лишь несколько строк, потому что занят ужасно, а укладываться даже и не начинал, и скверная прачка не приносит белья. — Таким образом, если не будет задержек в дороге, прибуду 12 августа (вышли лошадей). Если будет задержка (которой не предвижу вовсе), то уведомлю из Берлина, а если не будет — не напишу уже больше ничего. Пишешь о квартире и о 50 экземплярах. То-то и беда, что если ключи у Коли,[570] то как успею я дать ему знать и взять их у него, когда в Петербурге буду всего одни сутки? У меня с одной типографией будет сколько возни: все написанное мною и что сдам в типо-

графию, надо будет еще раз перечитать с пером в руках, потому что здесь не успел. И потому, если ты сама не напишешь Коле, то и не знаю, как это сделать. (N.B. С получением же этого письма нечего уже Коле писать: будет поздно). Думаю, что достану 50 экз‹empляров› в типографии.[571] Впрочем как-нибудь дело решится. Пишешь тоже, что Федя ждет, что я привезу: но, голубчик, если мне и удастся купить им платьице, то это не произведет никакого эффекта: он ждет диковинок, игрушек, а как я привёзу игрушки? Я об этом много и сам думал, а теперь еще больше озабочен. —

Медлить мне здесь лечиться совсем невозможно было, иначе ни за что бы не был кончен Дневник, а теперь еще есть надежда, что я допишу его в Ст‹арой› Руссе.[572] Приехав, расскажу мои расчеты. Вчера простился с Ортом: он осмотрел меня подробно и положительно сказал мне: Vous aurez un bon hiver.* На мое сожаление о невозможности остаться дольше он ответил мне, что дольше 4-х недель и совсем мне не надо оставаться, потому что для приезжающих каждое лето совершенно довольно 4-х недельного срока. Но довольно, голубчик, спешу: тысячу мелочей еще сделать надо. Обнимаю тебя и целую крепко, детишек тоже и благословляю их. Боюсь в дороге припадка. Спасибо, что хочешь написать еще письмецо на имя Александрова.[573] Елисеевы едут завтра же, но — в Париж. Обнимаю тебя и целую.

Твой
Ф. Достоевский.

Твоя чрезвычайная забота ** [о покупке... меня очень раздразнила]. Эта забота так мила, что я размечтался. [Значит, ты очень готовишься, готовься], прелесть моя, [готовься в самом настоящем смысле], а я только целую тебя отсюда миллион раз. [Расходы на... как-нибудь покрою]. Кстати, о петербургских расходах: ужасно будет жаль мне, если не удастся сделать, по недостатку денег или почему-нибудь, один тоже совершенно дозволенный расход в Петербурге. Это меня очень озабочивает, тем более, что и здесь слишком много думал об этом расходе. Сокровище ты мое, ангел моя женочка, целую твои ножки, о которых мечтаю со страстью. Но до свидания, до свидания.

---

* Зима у вас будет хорошая (*франц*).

** *Далее зачеркнуто 6 слов; из них удалось восстановить 5; неразобранное слово отмечено точками.*

1877

162. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Петербург.> Киев <5> июля 1877 г. Вторник.

Милый мой папочка, пишу тебе из Киева[574] во вторник рано утром. Приехали в понед<ельник> благополучно в 8 час<ов> утра, остановились в Европейской гостинице, № отличный (1 р. 25) на главной улице Крещатике, все близко. Были во многих монастырях, но в лавру поедем сегодня к обедне. Детки ведут себя восхитительно, везде смотрят и расспрашивают. Мы все ездим, а потому нисколько не устали. Была у продавцов. Оглоблин (Литов)[575] принял нас как родных, познакомил с семьей, угостил кофеем и непременно потребовал, чтоб мы сегодня у него обедали. Эту ночь мы спали как убитые. Не знаю, придется ли мне уехать сегодня. У Гинтера вышло разногласие насчет коммис<сионных> книг, хотели спросить хозяина, который теперь на даче. Если сегодня не будет в магазине, то пошлют к нему человека. Может быть, придется уехать завтра. Вообще на наш счет ты, пожалуйста, не беспокойся, все хорошо и благополучно. Остальные книгопродавцы обещали выдать мне расчет сегодня. Как-то ты, дорогой мой папочка. Теперь, когда я пишу письмо, ты только что подвигаешься к Петерб<ургу>.[576] Верно, очень устал. Как мне тебя жаль; и проститься-то не удалось хорошенько.

Я забыла тебе сказать, что когда выйдет №, [577] напр<имер>, положим, 10, то тебе надо будет написать Марье Николаевне[578] 2 строки, чтоб она пришла к тебе 12-го проверять, а то как же она узнает, когда именно прийти?

Дорогой мой, цалую тебя очень, очень, детки также.

Вместе с этим письмом посылаю письмо и инструкцию Марье Николаевне.

Адрес Марии Никол<аевны> Сниткиной, на углу Глухого и Фонарного, д. Воронина, кв. 48.

Адрес няньки: Заротная улица, д. 9, кв. 2.

Напишу тебе в субботу непременно, но не ранее, ибо, верно, доберусь домой только в пятницу утром.

Кстати, вот еще что: отыщите все месяцы, янв<арь> (он в кладовой), февр<аль>, март, апрель, май, июнь[579] и дай переплетчику, для того чтоб он заклеил все 6 №№ в один пакет в виде бандероли, и таких бандеролей приготовил 20 или 30. Это надо отдать Марии Николаевне, а то у ней нет сложенных бандеролей по 6 №№ в каждом для отправки подписчикам.

163. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Малый Прикол.› Петербург. Среда, 6 июля ‹18›77 г.

Милый друг мой Аня, обнимаю тебя и цалую. Деток тоже всех поголовно. Как вы съездили? Жду с нетерпением твоего письма. Только об вас и думаю.

Я приехал вчера весь изломанный дорогой. Подробностей не пишу, потому что спешу как угорелый, дела ужасно много, и застал много хлопот. Приехал поезд в 11 часов утра. Приезжаю на квартиру, а Прохоровна только что передо мной ушла, ждала меня со вчерашнего дня. Послал за ней. (*Зачеркнута 21 строка*).

Как приехал, сей же час, не дожидаясь Прохоровны, за которою отправил дворника, отправился в типографию. Александров сказал мне, что они все набрали, но ничего не отпечатали, потому что нет цензора. Ратынский[580] уехал в Орловскую губ‹ернию› в отпуск, Александров ходил и к Пуцыковичу (чтоб тот, в Комитете, выхлопотал мне цензора) и сам ходил в Комитет. Секретарь и докладывать не захотел, а выслушав, объявил, что я из-под цензуры вышел, так пусть и издаю без цензуры. Это значит, если все отпечатано будет к 9-му июля, то выйдет (накинув еще 7 дней) 16-го числа. Затем стали считать набор. Вдруг оказывается, что и с привезенным мною пакетом вчера и с объявлениями не будет доставать 5 стран‹иц›. Стало быть, предстоит сочинять. Полчаса считали строки, и вдруг мне пришло в голову спросить самый пакет, и я увидел, что они, последней отсылки, от 1-го июля еще не получали, т‹о› е‹сть› 5 дней, и я приехал раньше. Предпоследнюю же посылку от 30 июня получили 4-го числа, т‹о› е‹сть› накануне моего приезда.— Я по крайней мере обрадовался, что сочинять не надо будет. Затем поспешил в Цензурный комитет. И секретарь, и Петров,[581] все хоть и вежливы, но уговаривали меня изо всех сил печатать нецензурно, не то у вас будут сплошь вычеркивать. (Вероятно, у них какие-нибудь особые инструкции насчет теперешней литературы вообще, так что, очевидно, они мне не лично угрожали, а вообще такой ход дела, что велено строже). Я этого ужасно боюсь, но я все-таки стоял на том, чтоб мне дали цензора, обещали вчера же, но вот уже сегодня утро, а известий никаких нет, и опять сейчас придется ехать в Комитет, а между тем можно бы первый лист уже печатать. Навалили на меня корректур. Вчера отдержал лист, но более не мог. В мое отсутствие заходила Марья Николавна, написала мне записку, чтоб я ей назначил день, когда ей ко мне явиться. Ясно, что я должен сам заехать. Между тем времени ни минуты. Сейчас еду в типографию и цензуру. Затем буду сидеть за корректурами. И проч. и проч. Вчера поздно вечером пришел в типографию пакет с текстом от 1-го июля. Никого не видал. Николя[582] заходил и вчера (без меня) и 3-го дня. Все думают, что у меня времени куча, только к ним ездить да болтать с ними. Не съезди я сегодня к Марье Николавне — ведь обидится.

На днях, послезавтра, если не завтра, напишу подробнее. А сегодня ничего не знаю, как еще меня решат. В этом и забота и обида. Цалую вас всех: ты мне снилась в вагоне. Снилась и вчера. Цалую вас всех тысячу раз.

Твой вечный и *неизменный* Ф. Достоевский.

Кланяйся всем.

P. S. Сейчас заходил переплетчик. Бог знает, как они все узнали, что я приехал. Он хоть и хворый, но сам ведет дела. Я ему сказал, что дам знать, когда надо. — Потом заходил подписчик и подписался. (Сколько их, должно быть, перебывало, да с тем и ушли). — Давеча, когда еще спал, изо всех сил звонил один мальчишка из Садовой от какого-то купца Николаева с требованием и с деньгами продать книгу, роман: Униженные и Оскорбленные (!). Разбудили меня. С тем и отправил.

Пиши подробности о детях. Будь терпелива. Цалую твои ножки и еще всю, т<о> е<сть> в каждое место, и об этом много думаю.

164. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Малый Прикол.> Четверг 7 июля <18>77 Петербург.

Милый друг Аня, пишу тебе это уже в полночь, так что письмо пойдет только в пятницу, завтра, 8-го июля. — Сегодня (т<о> е<сть> в четверг) утром, в 6 часов, во сне, со мной был припадок и разломал меня так, как редко когда. И устал, и обессилел, и нервы расстроены, и *мрак* в душе! — А между тем дел и хлопот бездна, дела не перестают, а еще пуще нарастают. Цензора мне дали, Лебедева,[583] но все же я не знаю, *когда я выйду*? Цензор вряд ли завтра [9-го], т<о> е<сть> в пятницу, все отчитает, а затем все-таки третья корректура, просмотр, печатание, а вдобавок Александров сегодня заболел и в типографию не приходил! Ну что если разболеется и не придет завтра и послезавтра! Тогда все пропало, потому что никто в типографии, кроме него, не может рассчитать и определить числа строк, а я, со вставками и вымарками в корректуре до сих пор не знаю: достает ли у меня тексту или перешло за 3-й лист? Если перешло, тогда ничего нельзя будет сделать, потому что и выкинуть уже невозможно, так как по мере получения от цензора они сейчас же уж и печатают. С другой стороны, если хоть и выздоровеет Александров, то когда я выйду? — вот вопрос. В субботу 9-го уж конечно не выйдет, 10-го же воскресение, да и выйдет ли еще и 10-го-то? Ничего не знаю! А меж тем надо нести объявление о выпуске № в газеты.[584] (N. B. А формы-то объявления я не имею, надо вновь сочинять).

Вчера заехал к Сниткиным и видел Марью Николавну. Все Сниткины (т<о> е<сть> Мих<аил> Ник<олаевич>) дома, но уезжают в начале будущей недели в деревню. О тебе много расспрашивали. Но Марья Нико-

лавна приняла меня свысока и дерзко: была в большой претензии, как это ты написала ей когда-то, чтоб она пришла ко мне 5-го, «и вдруг прихожу, вижу самовар на столе — и нет никого дома, признаюсь, я была чрезвычайно обижена!». Чем она могла быть обижена? Когда ты написала ей, чтоб она зашла 5-го, ты написала тоже, что и я приеду к 30-му июня; но я всего только успел приехать к 5-му. В письме ко мне, которое она мне оставила, она просит уведомить меня: когда она должна ко мне явиться. Мне она (хотя я и не спрашивал) объявила, что она все объяснения посылает тебе по почте, а что ей мне нечего объяснять. «Оставила мне Анна Григорьевна какие-то там пачки, под буквами и под цифрами, будут где-то на окнах лежать, а я все это забыла теперь и ничего не помню». — Вообрази, как мне приятно это теперь слышать. И вообще, она тонирует и говорит свысока, чувствует, что в ней надобность. Полагаю, что она наговорит мне каких-нибудь грубостей и выведет из терпения. Вообще, теперь я и без того в болезненном настроении, а все это, и ожидание дня выхода, производит на меня чрезвычайно гадкое впечатление. Впрочем постараюсь с своей стороны избегнуть этой дряни, не замаравшись об нее, и буду терпелив.

Вчера вечером получил письмо от Победоносцева.[585] Пишет наугад, беспокоясь за меня и не зная, где я, на прежний адрес; «Не выходит, дескать, Дневник, не сделалось ли чего с вами?». Сам он в Ораниенбауме, живет во дворце. Напишу ему, но вряд ли сам поеду — некогда. — На тараканов уже высыпал две склянки купленного порошка — Много [выбили] вымели мертвых, но остальные еще кишат, особенно в кухне, в дровах. Вот тут их главные гнезда. Завтра велю вытаскать дрова в сарай. Дворник не сказал мне, что 13-го июня по 13 июля у тебя все забрал: значит, я ему заплатил по 13-го августа, да еще 4 руб. сверх того вперед. Прошу тебя очень, отыщи у меня на столе (или в зале на столе, но вернее это в моей каморке) статью Северн‹ого› Вестника, фельетон, о Корниловой, против меня.[586] Так как Сев‹ерный› Вестн‹ик› мы совсем не получаем, то будет легко отыскать, всего какой-нибудь один номер. Отыщи и припрячь особенно, чтоб, сохрани бог, не пропало, для того и пишу. Иначе у меня статьи на следующий № не будет.

Одним словом, послезавтра, или когда только будет свободная минута, напишу и еще тебе. А теперь голова кружится, и весь изнурен, и мысли не собираются! Кстати, Марья Николавна сообщила мне, что Овсянников[587] воротил ей 280 экз‹емпляров› за апрель. Каково! Значит, он всего 200 продал. Стало быть, двойных № за май-июнь, может быть, и совсем не возьмет, кроме тех, которые выменяет за 280 апрельских.

Марья Николавна дала мне 74 р. Но подробного счета не дала, говорит, что тебе напишет. Из этих 74 р. прислал 42 какой-то купец из провинции, он пишет, что ему надо вместо 60 экз‹емпляров› присылать всего 40. Одним словом, Дневник, видимо, падает.

Что дети? Пиши, целую их всех и благословляю, Аня, береги их! Напомни им об папе. Сегодня в $6^1/_2$ часов, очнувшись от припадка, по-

шел к тебе, и вдруг Прохоровна говорит мне в зале, что барыни нету. — Где же она? — Да она в деревне на даче. — Как это можно? Она должна быть здесь, когда она уехала? — И едва поверил, когда Прохоровна уверила меня, что я сам только 3-го дня приехал. Как мне тяжело было давеча пробуждаться!

Прощай Аня, обнимаю тебя, цалую крепко, всех вас [втр] вчетвером.

Тв<ой> весь Ф. Достоевский.

P. S. Александров заболел, а помощник его уведомляет его,* что выйти раньше 12-го, т<о> е<сть> вторника, невозможно. Черт знает, что делается на свете. — Погода у нас со вчерашнего дня вдруг переменилась на холодную и пасмурную.

165. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Малый Прикол.> Понедельник 11 июля <18>77. Петербург.

Милый друг мой Аня, цалую тебя и обнимаю. Деток тоже. По них болит сердце. Скучно мне без вас здесь ужасно.

Сегодня вышел №.[588] Он еще в субботу ночью был готов, и можно бы было выйти в воскресение, но в воскресение они не работали, а готово было всего 300 экз<емпляров> к тому же в воскресенье. Вот я и отложил в понедельник. Довольно все неудачно. Во-1-х, публиковать успел только в Новом Времени. Правда, и это оказалось довольно, потому что все как будто только и ждали в Петербурге, когда выдет №? По всем продавцам публика беспрерывно спрашивала, и ко мне приходили все эти дни довольно, звоня и осведомляясь: когда выйдет. Переплетчикова дочь пришла еще вчера с вечера, но вчера и сегодня утром больше 500 экз<емпляров> заклеить не могли, так и свезли в 3 часа только эти 500 экз<емпляров>. (Само собою, городские были утром отправлены), тоже и 22 пакета городск<их> равно как сданы на почту в обертках по 5, по 4 и по 2. Большую половину посылок успели зашить, отправили раньше 3-х часов, там уже печати приложили, и что же: в конце концов чиновник отказался принять! «Поздно, дескать, и посылок много». Так и привезли их назад. Ездил сын переплетчика. Марья Николавна, как он рассказывает, сдала только 500 в бандеролях, а посылок не хотела дожидаться и уехала из почтамта, думая, что сын переплетчика один сдаст. Так и не знает теперь, что их не приняли. Сын переплетчика уверял, однако, что еще 4-х часов тогда не было и у других принимали. Сегодня вечером дочь переплетчика заклеила все бандероли, а нянька и дочь ее зашили

---

* *Вероятно, описка. Надо* меня.

и приготовили посылки. Остается только завтра поутру Марье Николавне проверить бандероли, что делает она очень мешкотно, например, сегодня. Сегодня же, например, утром переписывала и адреса тех, которые переменили их, все это взяло время, а можно бы было с ее стороны раньше сделать. Наконец, она долго провозилась с посылками в синей бумаге, заклеила их все, и не так, так что сама оставила до завтра переделывать. Думаю однако, что завтра, 12-го, все пошлем, до капли, и гораздо раньше трех. Марья Николавна работала усердно, но она большая размазня, хотя мы однако совсем не ссорились и вели себя по-приятельски. Кстати, ты мне ни слова не сказала и в инструкции ни одного слова не написала о тех бандеролях, которые лежали в дубовом шкафе (продолжение арабских цифр и проч.). Я их уже отыскал случайно, а их несколько сот! Поздно приехал Коля. Капельку и он помог, съездив к Исакову.[589]

№ брали в розничную продажу, но не так, как в старину. Овсянников сдал 290 № апрельского Марье Николавне, пришел ко мне сегодня и взял ровно 145 май-июньского, с тем и ушел, ни на копейку больше: «Денег теперь нет». Я не предлагал на комиссию. Оглоблину я выдал 100 экз<емпляров>, Кузьмину 200, Глазунову 50, Попов взял всего только 40 экз<емпляров>. Магаз<ин> иногород<них> 200 экз<емпляров>, Невск<ая> кн<ижная> торговл<я> — 50 экз<емпляров>, Кехрибарджи — 25 экз<емпляров>, Р<усская> книжная торговля 25 экз<емпляров> (и 10 подписч<икам>). Мамонтов 78 экз<емпляров>, Конопытин 30 экз<емпляров> (и 6 за 12 возвратн<ых>), Семенников 16 экз<емпляров> (и 2 подп<исных>). Кроме того, доставили Черкесову 10 экз<емпляров>, Соловьеву в Москву через Исакова 30. Исаков взял 33 экз<емпляра> (и 87 подписчик), Егоров 10 на деньги и 10 на комиссию, и, наконец, пришел некто содержатель уличных торговцев, как и Овсянников, некто Димитриев (знаешь ли ты?) и спросил было 200 экз<емпляров> на деньги, но узнав, что Овсянников взял всего только 140 экз<емпляров>, отказался и взял всего только 150 на деньги. — Всего на все на деньги наторговал сегодня только 110 или 115 руб. (еще не сосчитал аккуратно). Может быть, и еще соберу в эти дни, но разве очень немного. — Вечером заходил в пассаже к Кузьмину, он все болен и лежит дома, а торгует вместо него жена. Нарочно спросил у ней: хорошо ли продается Дневник, не боятся ли полтинника? Она отвечала, что точь-в-точь как прежде берут, ничего не боятся. — Заходили несколько незнакомых покупать № на дому, единственно, чтоб узнать о моем здоровье.

Голубчик мой, я устал ужасно. Сегодня 5-й день припадка, а у меня все мрак в душе, усталость, рассеянность. Сегодня встал в 8 часов утра, завтра, верно, тоже подымут рано. Ни на кого пожаловаться не могу, все служат и помогают, а дело все-таки туго идет, но, авось, завтра все кончу. Хочу сейчас лечь, потому что очень устал. Обедал сегодня в 8 часов. — Думаю об вас и беспокоюсь ужасно: все мне кажется, что с вами какое-нибудь несчастье. Молюсь за вас беспрерывно богу. Напиши мне

об Леше, как вы его носили, а потом о впечатлениях Феди и Лили в Киеве. Постараюсь как можно скорее отсюда. О тебе думаю (и мечтаю) беспрерывно. Думаю *хорошо*. Цалую твои ножки, стоя перед тобой на коленях. По ночам доходит до странного состояния души от припадка: «Хоть бы раз только, думаю, их увидать перед тем как умереть». Прошу тебя, Аня, об мне не беспокойся, отдыхай, если можешь, купайся. Здесь три дня не показывалось солнце, свинцовые тучи, ветер и 8 градусов тепла в 4 часа пополудни. Тараканов сколько ни морю, не могу вывести. Порошку всякого [купил] истратил уже на 4 руб., а все ползают. Куплю еще хоть до 10 руб. всего и рассыплю по комнатам, но вывести их отчаялся.

Ни у кого не был, ни к кому не хожу. Заходил Пуцыкович, я об деньгах не говорил. Был у меня вчера Мещерский, он случайно дней на 5 в Петербурге, из Москвы, едет в Ревель, а потом в Азиатскую Турцию. — Прохоровной я очень доволен, она очень работает, чистит, гладит и твои вещи проветривает и посылки зашивает. Без нее я бы пропал. Обнимаю тебя и цалую, цалую каждый пальчик на твоей ножке, мечтаю о тебе, и сверх того жму тебя прямо к сердцу, как мою добрую милую Аню, друга моего. До свидания. Деток благословляю. Господи! неужели с ними что случится.

До свидания же. Постараюсь отсюда вырваться поскорее.

Всех вас цалую бессчетно.

Тв‹ой› Ф. Достоевский.

166. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› ‹Малый Прикол.› 14-го июля. Четверг. 1877 г.

Милый, тысячу раз милый и дорогой папочка, не сердись на меня, пожалуйста, за мою неаккуратность. Верь, что я в ней не виновата. Думала послать в понед‹ельник› — не поехали в город, во вторник ездила Ольга Кирилловна — к нам не заехала, в среду не было оказии, наконец, обещали сегодня в четверг. Поэтому все откладываешь да откладываешь, а сама беспокоишься, думая, что сколько времени ты о нас ничего не знаешь. Я получила твои два письма, дорогой мой Федичка, и с горем прочла, что у тебя был припадок. Бедный мой, бедный, как я о тебе жалею. Как мне тяжело, что у тебя столько хлопот и забот, и как я боюсь, что ты с ними не справишься. Помогла бы тебе, да не могу. Не обращай внимания на глупую М‹арью› Н‹иколаевну›, что с ними делать, все они таковы. У нас все благополучно, детки здоровы и веселы, я тоже, хотя скучаю и думаю о тебе беспрерывно. О путешествии нашем не пишу подробностей, всего не напишешь, а лучше рассказать при свидании. Лелька обрадовался нам чрезвычайно и часто вспоминает тебя. Дети спрашивают, скоро ли ты приедешь. В субботу рождение Феди, и мы будем его праздновать.

Север‹ный› Вестник, о котором ты писал, я сберегла.

В Москве у Салаева[590] надо будет получить деньги по след‹ующему› счету:

10 экз‹empляров›	Преступл‹ения› и Нак‹азания›	—	35 руб.
10 экз‹empляров›	«Подростка»	—	35 руб.
50 экз‹empляров›	Записок	—	20 руб.
5	Идиота	—	17 руб. 50
5	Бесов	—	17 руб. 50
	Всего на	—	125 руб.
	Уступка 30%	—	37 руб. 50
		—	87 руб. 50

Значит, получить 87 р. 50 к. Живет он на Мясницкой, д. княгини Гагариной.

Как бы хотелось тебя увидать и крепко, крепко расцаловать и обнять, да и не придумаю, когда ты освободишься и будешь у нас. Очень без тебя скучно, дорогой мой папочка.

Рудин[591] внес Печаткину[592] 5-го июля 151 р. Не знаю, внес ли он за квартиру, надо бы узнать у дворника. Я тебе написала 2 письма, одно из Киева от вторника 5-го, другое отсюда от субботы 9-го, это третье, надеюсь, что ты их получил.[593]

Писать больше нечего, цалую и обнимаю тебя много, много раз, и люблю бесконечно. Детки кланяются и цалуют своего милого дорогого папочку. Я присоединяюсь к ним. Мама кланяется. Остаюсь твоя горячо любящая тебя женочка Аня.

Больше тебе писать в Пет‹ербург› не буду, а может быть, напишу в понед‹ельник› к Елене Павловне[594] с передачею тебе. Голубчик, не забудь моей розовой тетрадки, а также зеленой в толстом переплете, она тут же находится.

Еще раз крепко цалую тебя.

167. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Малый Прикол.› ‹Петербург› 15 июля ‹18›77.

Милый друг мой Аня, завтра, 16 июля, хочу выехать из Петербурга, вечером с курьерским поездом. С самого 8-го июля, когда получил от тебя письмо из Киева, от 6-го июля, н е п о л у ч а л о т т е б я д о с и х п о р н и о д н о й с т р о ч к и! Что с вами сталось, что сделалось, понять не могу! Неужели письмо пропало на почте? Почему же ни одно твое письмо, ни к дворнику, ни к Коле, ни к Марье Николавне, за все лето, не пропадало? Как мне не думать и не сомневаться? Вот уже трое суток хожу как пришибленный. Ночью сплю часа по 4 не больше и все вижу кошмары. Удивительная задалась мне поездка: приехал — хлопоты, неудача и сейчас припадок. Тут в болезненном состоянии выпуск №, и вот только чуть-чуть освежилась голова — муки об вас, об тебе и об

детках! Дальше выносить не могу и завтра выезжаю. Завтра подожду до 2-х часов: если не придет от тебя письмо, то телеграфирую с нарочным (если только примут телеграмму в Мирополье или в Суджу, с доставкою в Малый Прикол). В телеграмме буду просить тебя телеграфировать мне немедленно (а для того попросить послать для этого нарочно Гордея в Суджу) к Елене Павловне в Москву, на Знаменке, дом Кузнецова, у которой нарочно для этого остановлюсь. В воскресение, 17 июля я буду в Москве и прожду в Москве телеграммы до понедельника до 2-х часов. Если не получу от тебя ответной телеграммы, то уже не поеду в Даровое, взглянуть на места моего детства, а отправлюсь прямо к вам в Прикол.[595] Что делать, Аня, тяжело мне теперь в эту минуту. Сегодня с вечера началось сердцебиение и не проходит. Все думаю, думаю, и бог знает что приходит в голову. Мне все представляется, что дорогою из Киева, который-нибудь из них, Федя или Лиля, попал под вагон, и ты [не знаешь] в отчаянии.

Таким образом, это письмо придет, может быть, вместе со мною, а потому о подробностях по выпуску № и проч. писать здесь не буду, тем более что во всяком случае скоро увидимся. Что-то будет, как-то свидимся!

Сегодня перед вечером ездил к Марье Николавне, отвозил ей №№. — Она мне сообщила, что ты ей еще очень недавно писала, что намерена съездить в Киев и в Харьков. Это меня заставило задуматься: очень может быть, что ты поехала и в Харьков, тем более, что тебе, помнится мне, этого желалось. Таким образом, и особенно с детьми, ты спешила и рвала; устала, устали и дети, письма мне из Харькова писать не хотела, домой, в Прикол воротилась поздно, а тут еще, пожалуй, Гордей пьян напился, — и вот письмо ко мне пошло вместо обещанной субботы — в понедельник или во вторник. — Только и тут ведь надо было бы ему уже прийти. Подожду до завтра. В Москве буду ровно столько времени ждать твоей телеграммы, пока нужнейшие дела покончу, т<о> е<сть> буду в понедельник у Салаева и куплю себе 8 бутылок Ессентуки (по настоянию Михаила Николаевича Сниткина).[596] Если же получу в Москве телеграмму, то проеду на сутки в Даровое.

Если ты была в Харькове, то в этом одно только дурное: то, что ты сделала это, по обыкновению твоему, скрытно от меня. Да, Аня, ты во все 10 лет нашей жизни была ко мне недоверчива, и не знаю, виноват ли я в этом? Думаю, что нет, а недоверчивость в твоем характере. Насчет же поездки в Харьков ведь ты знаешь, что я бы не воспротивился. Все что ты делаешь — то хорошо. Твоему уму и расчету я [во всем] давно во многом доверяюсь, но ты мне не доверяешься, а если б доверилась, то написала бы мне, не ожидая возвращения в Прикол, из Харькова, и я не сидел бы в такой муке, как теперь. Не знаю почему, но мне очень хочется поверить толкованию Марьи Николавны, что ты была в Харькове. Потому что иначе приходится думать о несчастьи, о смерти кого-нибудь из детей. (*Зачеркнуто несколько слов*).

Об делах, повторяю, при свидании. Да и мало их было, денег получил [всего ли] немного, а истратил много. N. В. Рудин внес (очень недавно) 150 р. Печаткину, но хозяину не заплатил. Я не видал его.

Завтра упаковка и хлопоты, равно как и телеграмма. Завтра 16-го рождение Феди: целую его и благословляю, равно Лилю и Лешу, поздравляю их всех, а тебя особенно. Милый Ангел мой Аня: становлюсь на колени, молюсь тебе и целую твои ноги. Влюбленный в тебя муж твой! Друг ты мой, целые 10 лет я был в тебя влюблен и все crescendo, и хоть и ссорился с тобой иногда, а все любил до смерти. Теперь все думаю, как тебя увижу и обниму. А думаешь ли ты обо мне сколько-нибудь? Ну, до свидания, до близкого! В Троицкую лавру, если б и получил телеграмму, не поехал бы, так хочется поскорее с вами увидаться. А в Даровое, если получу телеграмму, хотелось бы съездить всего только дня на $1^1/_2$: иначе я эти места никогда уже не увижу более! Обнимаю вас всех еще раз.

Твой весь Ф. Достоевский.

Суббота 16 июля. 2 часа пополудни.

Прождал письма до 2-х часов. (Киевское письмо тогда пришло ко мне в полдень). Не получил ничего, а теперь в сомнении и решил сегодня не выезжать, а выехать завтра — единственно потому, что, как мне кажется, пускать теперь телеграмму поздно. Пойдет она в 3 часа. Пока дойдет в Суджу, пока пошлют из Суджи нарочного — и приедет он в Прикол, пожалуй, в полночь, тебя разбудят, ты не выспишься, на меня рассердишься. Лучше пошлю завтра, в воскресение, 17-го, часов в 9 утра, и дойдет она к вам еще засветло. Если в понедельник (18-го) отправите Гордея в Суджу подать ответную телеграмму, то он даже в полдень поспеет подать ее, ну в 2 часа, и все-таки я к вечеру в понедельник могу получить ее у Елены Павловны. Я же, выехав завтра в Москву, поспею в Москву в понедельник утром. В понедельник будний день, и я все успею сделать: и у Салаева буду и Ессентуки куплю и даже, пожалуй, увижусь с Аксаковым.[597] Затем, если не получу телеграммы, то выеду, если не успею в понедельник же вечером, то во вторник утром (все судя по поезду) и в среду буду у вас. Если же получу телеграмму и у вас благополучно, то съезжу в Даровое. Милый друг мой, сегодня ровно 8 дней, как я не получал от тебя известия, и ровно 10 дней, как ты мне писала из Киева! Срок тяжелый, нельзя не задумываться. Не только одно, но и 2 письма могли бы уже прийти! До свидания, Ангел мой, храни вас всех бог. Буду опять сегодня мучиться. Но авось придет еще письмо в продолжение дня или завтра. Целую тебя и детей, а тебя крепко-крепко

Твой весь Ф. Достоевский.

Федю поздравляю.

Адрес Елены Павловны: Москва, на Знаменке, дом Кузнецова, Елене Павловне Ивановой, [г-ну Достоевскому].

168. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<Телеграмма> Петербург 17 июля.

В город Суджу с нарочным в Малый Прикол Сниткину.

Кроме из Киева ни одного письма. Живы ли? Мучаюсь. Сегодня выезжаю в Москву. Немедленно телеграфируйте в Москву, на Знаменке, дом Кузнецова, [г-же] Елене Павловне Ивановой. Для меня.

Ф. Достоевский.

169. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Воскресение, 17-го июля <18>77. Петербург.
<В Малый Прикол.> 4 часа пополудни.

Бесценная, миллион раз милая Анютка, целую твои ножки, сейчас только получил твое письмо от четверга (14-го), а телеграмму уже послал в 10-м часу. Что делать, дорогая моя, такова судьба. Я уже писал тебе вчера. Кроме киевского, ни одного твоего письма до сегодня я *не получил*. От субботы письмо пропало. Я мог рассчитывать, что одно письмо могло пропасть, и не тревожиться очень. Но вот уже 9-й день как я без письма, а в этот срок могло прийти и другое. По уговору нашему ты хотела писать каждые три дня. Следов<ательно>, если написала в субботу, то должна была написать во вторник. Ну в среду, так как в среду ездят от Ив<ана> Григорьевича в Мирополье. Рассчитывая единственно на эту среду, я не послал телеграммы вчера, считая, что от среды придет в субботу, ну в воскресение утром. Но вчера в субботу не пришло *ничего*, и ту ночь, которую я провел вчера, буду помнить всю мою жизнь. Мучило, главное, соображение, что 2 письма не могли оба пропасть. Следственно, что-нибудь случилось или с тобой, или с детьми. Аня, последние три дня я провел здесь ужасно. Особенно ночи. Не спится. Думаю, перебираю шансы, хожу по комнате, мерещутся дети, думаю о тебе, сердце бьется (у меня в эти три дня началось сердцебиение, чего никогда не было). — Наконец, начнет рассветать, а я рыдаю, хожу по комнате и плачу, с каким-то сотрясением (сам не понимаю, никогда этого не бывало) и только стараюсь, чтоб старуха не услыхала. А старуха поминутно по ночам кричит, что довершает картину. Наконец, солнце, жара (здесь нестерпимо жарко), бросаюсь на постель часов в 5 утра и сплю всего часа четыре, и все страшные кошмары. Ну да довольно описывать. Я только для того, чтоб ты не сердилась очень за телеграмму. *Не мог выдержать*. Стоила телеграмма 6 руб. Вся причина, что посылала письма на имя дворника Василия Ивановича.[598] Не говоря уже о том, что мне стыдно получать письма через Василия Ивановича, заходить к нему 15 раз справляться, молить и просить его, чтоб не потерял как-нибудь — я не понимаю, почему нельзя было прислать прямо на

мое имя, на которое пришло в последний год 400 писем? Не понимаю. А про письмо я уверен, что оно на дворе затерялось.

Но довольно. Спешу, боюсь опоздать. Сегодня выезжаю. Ответной телеграммы от тебя, может быть, и не дождусь в Москве. Проеду сейчас же почти в Даровое и поскорей к вам, ибо смертельно хочется обнять детей, а главное тебя, жестокая и холодная Анька, холодная женка! Если б горячо любила — не дотянула бы до четверга с письмом. Если б горячо тоже любила, написала бы (по-прежнему), что видишь меня во сне. Значит, или не видишь меня во сне, или видишь кого другого. Анька, жестокая, зацалую тебя всю, всю до последнего местечка и, выцаловав все твое тело, буду молиться на тебя, как на божество. — Проклятая поездка в Даровую! Как бы я желал не ехать! Но невозможно: если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чем писать писателю! Но довольно, обо всем переговорим. А все-таки знай, в ту минутку, когда это читаешь, что я покрываю все тельце твое тысячами самых страстных поцалуев, а на тебя молюсь, как на образ. Цалуй детей бессчетно. Вчера Федино рождение, какой грустный день я вынес. Господи, да выносил ли когда что мучительнее.

Про какие тетрадки, розовую и зеленую, ты пишешь? Ничего подобного не нашел нигде; из столов же взял все по твоему приказанию и везу к тебе.

Твой вечный и весь и нераздельный

муж Ф. Достоевский.

Люби меня, Анька!

Детей цалую без счету.

Пришел Коля[599] и подал совет опустить письмо в кружку в Москве. Действительно, по расчету скорее дойдет, так и сделаю.

Если будет окладной дождь или просто очень худая погода, то не поеду в Даровое.

1878

170. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› ‹Петербург. Не ранее 24 апреля 1878.›

Милый Федя!

Не сердись, что меня нет дома: я отправилась до 5 час‹ов› и буду у Исаевой,[600] Семеновой,[601] Жаклар,[602] Ковалевской[603] и Рыкачевой.[604] Твою рукопись можно отправить завтра в субботу, и она будет там в воскресенье;[605] все равно в субботу работать не станут. Не сердись на меня за это, прошу тебя очень.

Обожающая тебя Аня.

171. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Москва. Вторник, 20 июня <1878>, вечером.

Здравствуй, милая Аня. Как твое здоровье — это главное. Здоровы ли Федя и Лиля? Смотри за ними, ради Христа. — А теперь опишу тебе лишь самое главное, без больших подробностей, которые доскажутся при свидании. Дорогой я устал ужасно, так что и теперь еще невмочь, да сверх того схватил такой кашель в вагоне (все сквозной ветер), какого почти и не запомню. Приехали в Москву в 12-м часу вечера.[606] Нанял в Victorію на Страстном бульв<аре>. — Везет меня извозчик, я и спрашиваю его: хорошая это гостиница? — Нет, сударь, нехорошая. — Резкий и твердый ответ удивил меня. — Чем же нехорошая? — Да там ни один порядочный гость не остановится никогда. — Как так? — А так что только для виду. Там никто никогда не остановится, разве самый незнающий. Эти номера, как в банях. Как ночь, так с Страстного бульвара кавалеры девок водят, на час времени и занимают. Все знают, и скандалы бывают. Я спросил, какая же гостиница лучше. Он мне очень расхвалил Европу, против Малого театра (тоже очень недалеко от Страстного бульвара). Я и велел ехать в Европу. Действительно, стоят все семействами и видимо почтенные люди. Мне дали номер в 2 р. 50 к., дорогонько и в третьем этаже, но лезть в 4-й этаж показалось мне тяжело, и я занял. Всю ночь напролет не спал, мучаясь удушливым, разрывным кашлем. Встал в 10 часов утра, кашель кончился (теперь вечером опять подымается). В 1-м часу поехал к Каткову и застал его в редакции. (Он живет на даче и только наезжает). Катков принял меня задушевно, хотя и довольно осторожно.[607] Стали говорить об общих делах, и вдруг поднялась страшная гроза. Думаю: заговорить о моем деле, он откажет, а гроза не пройдет, придется сидеть отказанному и оплеванному, пока пройдет ливень. Однако принужден был заговорить. Выразил все прямо и просто. При первых словах о желании участвовать лицо его прояснилось, но только что я сказал о 300 рублях за лист и о сумме вперед, то его как-будто что передернуло. — Видите ли что, сказал он мне, мы всего только на прошлой неделе совещались общим советом, продолжать ли вести Русский Вестник или закрыть его на будущий год, потому что я сам по нездоровью не в силах наблюдать за обоими изданиями (Москов<ские> Вед<омости> и Р<усский> В<естни>к), а потому позвольте мне подумать, что вам ответить, так как придется решиться опять продолжать журнал и значительно на него затратить. Узнав же, что я всего в Москве на 3—на 4 дня, обещал мне дать ответ завтра, в среду, 21 числа, для чего и просил меня заехать к нему в редакцию в 2 часа пополудни.

Я теперь, в 10 часов вечера, во вторник, 20-го сижу и думаю, что завтра он мне несомненно откажет. Если же не откажет, то будет хлопотать на сильной сбавке с 300 р. Письмо это пошлю тебе завтра, 23, после того, как увижусь с Катковым, и потому оставляю на завтра Post Scriptum, из которого разом все и узнаешь.

Ливень прошел на минутку, и между 1-м и 2-м ливнем я успел проехать к сестре Варе,[608] у которой и выждал перемены погоды почти до 5 часов. Возвратясь в гостиницу, пообедал и в 7-м часу отправился в Нескучный сад к Соловьеву.[609] (Извощик туда и назад 2 руб.). Соловьева застал, очень странный, угрюмый и поношенный. Я ему рассказал тоже откровенно. Он очень удивился, что Лавров (и еще другой кто-то) у меня не были.[610] Теперь он не знает, где Лавров (но не в Москве). А Юрьев[611] в другой губернии в деревне. Тем не менее, желание их приобресть мой роман[612] — верное, и люди состоятельные. Итак с ними теперь ни видеться, ни списаться нельзя, а разве только состоится их предложение мне в сентябре.[613] Но думаю, что тогда и еще кое-кто предложит. Во всяком случае, возвратясь в Старую Руссу, примусь работать. Но если откажет Катков, то придется жить, примерно до октября, бог знает чем.

С Соловьевым решили ехать в Оптину пустынь[614] в пятницу (Калужской губер‹нии› на границе Тульской, Козельского уезда). Завтра Соловьев ко мне приедет в гостиницу в 5 часов пополудни.

У книгопродавцев не был, буду завтра. У Елены Павл‹овны› еще не был, тоже завтра. До свидания, Аня, обнимаю тебя. Завтра Post Scriptum, решающий в нашей участи многое. Устал ужасно. Поцалуй детей, скажи, что папа цалует. Поцалуй и Ваню. Поклон Анне Николавне. Очень жутко за детей. Цалую тебя очень. Итак до P‹ost› Scrip‹tum›.

(Москва. Гостиница Европа, против Малого театра, занимаю № 21-й).
Post Scriptum. Среда 11 часов утра (21 июня).

Новости: сейчас ко мне Катков прислал из редакции рассыльного с извинением, что сегодня он дать мне ответа не может, потому что, по встретившимся внезапно обстоятельствам, должен немедленно съездить в деревню (рассыльный выразился: в именье), а потому и просил меня побывать у себя завтра, в четверг, 22, т‹о› е‹сть› прийти в редакцию, где и получу от него ответ. Он, стало быть, завтра воротится.

Не вижу изо всего этого ничего для себя доброго. Ничего. — До свидания, голубчик. Завтра напишу о результате и отправлю к тебе вечером. А теперь отправляю это письмо. Сегодня обойду книгопродавцев. (*Зачеркнуто две строки*).

Детей цалую. Твой Ф. Достоевский.

N. B. Ночью спал опять всего 4 часа. Нервы расстроены ужасно. Желудок тоже.

172. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Москву.› ‹Старая Русса.› 20-го июня 1878 г.

Милый и дорогой Федя, пишу тебе во вторник, 20-го, с тем, чтобы сообщить, что у нас все благополучно. В воскресенье с машины пошла на музыку и кормила деток мороженым. Вчера ходили на ванны, а ве-

чером шел дождь, и мы сидели дома. Сегодня дождь из ведра, и на ванны не пойдем. Детки спят отлично, и их Настасья подымает аккуратно. До свиданья, дорогой мой, желаю тебе успеха, остаюсь твоя Аня.

Напишу в четверг.

173. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Москва. Четверг 22 июня <1878.>

Милая Аня, пишу тебе совсем наскоро, столько дела, беготни и проч., что совсем спутался, и времени ни минуты. Получил сейчас от тебя письмо: позволь попенять на краткость, могла бы хоть капельку распространиться. Любочку расцалуй, да уж и Федю тоже. Сегодня был у Каткова и не знаю, как тебе и написать. Надо пересказать, потому что очень длинно, а на письме не упишешь. Короче, он рад, деньги вперед, 300 р. и проч. — за это ничуть не стоят, а меж тем все еще не решено, будет ли мой роман в Р<усском> В<естни>ке, и даже будет ли еще и сам Р<усский> В<естни>к. *В октябре* решится, и я обещал приехать в Москву. Деньги же Катков не только даст, но и *особенно просил* меня взять вперед: то есть 2000 теперь, 2000 в октябре (или в конце сентября и проч.). Одним словом, *все расскажу на словах при свидании*. От денег же я *не отказался* и тебе в Петербург *незачем* будет ехать.

У книгопродавцев был у всех, все расскажу при свидании, но получил лишь от Преснова (7 руб.). Да от Васильева пока 50 руб., а перед отъездом моим доставит полный счет. И про это все расскажу при свидании.

Был у Аксакова,[615] встретил Пуцыковича. Очень все интересно, но все при свидании. Завтра утром поеду с Соловьевым в Оптину пустынь. Во вторник буду в Москве (вероятно). Был у меня Прохоровщиков (почитатель), вот тот, который [прошлого] третьего года был у государя в Ливадии, московский миллионер.[616] Очень хочет и зовет меня Новикова (Киреева).[617] Не знаю, когда к ней. Много рассказывать придется, когда приеду. Тороплюсь.

Итог: с Катковым я *в наилучших отношениях*, в каких когда-либо находился. — Он *особенно велел кланяться тебе*. Сегодня мы просидели и проговорили более 2-х часов. У него отчасти до тебя просьба. При Лицее есть Ломоносовские стипендиаты. Это<т> Лицей содержит даром из сирот беднейшего класса, но дает им высшее образование.[618] Один ученик, *Александров*, страдает золотухой, болью в ноге и проч. Ему 15 лет. Доктора решили — выключить из Лицея. Катков по доброте сердца и на свой счет, не выключая, посылает его в Старую Руссу (завтра). Но не знает совсем, куда и как послать. А потому посылается формальная (не от Каткова) казенная бумага от Лицея к Рохелю[619] — в том смысле: что вот, дескать, воспитанник Александров, под ваше покровительство и т. д., поместите удобнее, лечите

и пришлите счет содержания. Так они и сделают. Но Катков особенно просит меня и *тебя* принять в этом деле участие, т‹о› е‹сть› (это я говорю) или позвать к себе, или *отправиться тебе самой к Рохелю* и предупредить об воспитаннике Александрове; и чтоб он особенно взял бумагу Лицея во внимание (не с Катковым же ему ссориться). Но так как в бумаге просят Александрова и поместить и кормить, а не только что лечить, то допытайся у Рохеля, какие он может сделать распоряжения, чтоб *приютить* мальчика. Если же возможно, прибавил Катков, то нельзя ли нанять ему квартиру, где-нибудь у какого-нибудь священника, который бы надзирал над ним и проч., а он бы лечился тем временем. — Главное в том, что воспитанник вовсе не аристократ, а из беднейшего народного сословия. Катков прибавляет, что очень не худо, если б Рохель представил счет *поскромнее*, потому что за этого мальчика *некому* платить, сказал Катков, у него ничего нет, и плачу за него лишь я.[620] Приехав, примусь за м-м Рохель в этом смысле.

Ну вот пока все, Аня. Во вторник, в среду я буду обратно в Москве, тут будут всякие дела. Нервы расстроены. Рвусь возвратиться в Старую Руссу, где все расскажу тебе. А теперь прощай. Целую тебя. Вижу тебя во сне. Цалуй детишек, будь весела. Молился у Иверской.

Твой Ф. Достоевский.

Детишек цалуй. Елену Павловну[621] видел 10 минут, она живет на даче в Сокольниках и наезжает в №№ раз в неделю. Дала мне золотые часы Ольги Кирилловны,[622] которые и привезу.

Деток обнимаю. Цалую Ваши ручки и ножки, хотя и не стоите вы того по краткости ваших писем.

Твой Ф. Достоевский.

174. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Москву.› ‹Старая Русса.› 25 июня 1878 г.

Дорогой мой Федя! Пишу тебе от воскресенья, 25-го; мы все здоровы, и все идет хорошо, хотя погода переменилась и после твоего отъезда идет непрерывный дождь. Получила твое первое письмо и узнала нерадостные вести; не задается нам, дорогой мой, что будешь делать! Сегодня получу твое второе письмо, не сообщишь ли чего доброго? Насчет нас будь совершенно покоен. Детки шалят порядочно, и Федя чуть не поджег дом, вдруг ему вздумалось.

До свиданья, голубчик, постарайся приехать, ибо мне без тебя очень скучно.

Твои Аня, Федя, Лиля.

Детки дожидали твоего письма и очень интересовались его содержанием.

Сюда ожидают великих князей, каких — неизвестно.

175. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Москва. Четверг 29 июня ‹18›78, вечером.

Милый голубчик Аня, только что сейчас воротился из Оптиной пустыни.[623] Дело было так: мы выехали с В. Соловьевым в пятницу, 23 июня. Знали только, что надо ехать по Москов‹ско›-Курской жел‹езной› дороге до станции Сергиево, т‹о› е‹сть› станций пять за Тулой, верст 300 от Москвы. А там, сказали нам, надо ехать 35 верст до Опт‹иной› пустыни. Пока ехали до Сергиева, узнали, что ехать не 35, а 60 верст. (Главное в том, что никто не знает, так что никак нельзя было узнать заране). Наконец, приехав в Сергиево, узнали, что не 60 верст, а 120 надо ехать и не по почтовой дороге, а наполовину проселком, стало быть, на *долгих*, т‹о› е‹сть› одна тройка и ту останавливаться кормить. Мы решили ехать и ехали до Козельска, т‹о› е‹сть› до Оптин‹ой› пустыни, ровно два дня, ночевали в деревнях, тряслись в ужасном экипаже. В Опт‹иной› пустыни были двое суток. Затем поехали обратно на тех же лошадях и ехали опять два дня, итого, считая со днем выезда, ровно *семь дней*. Вот почему и не писал тебе долго, а из Оптиной пустыни писать было слишком неудобно, потому что надо было посылать нарочного в Козельск и т. д. Обо всем расскажу, когда приеду. Приехал в Москву, остановился опять в Европе и тотчас поехал к Елене Павловне за письмами. Ее, разумеется, не застал, она в Сокольниках, но уговорено было еще прежде, что письма будет получать и сохранять швейцар. Итак получил все три твои письма, за которые очень благодарю и тебя целую. — Но пока деньги не в кармане — радоваться нечему. Там (у Каткова) не разберешь, за неделю могли передумать. Завтра отправлюсь к Каткову. Если получу, то одну часть возьму на себя (т‹о› е‹сть› на груди, попрошу зашить Варю), а другую вышлю по почте. Но все дела, по расчету моему, не могу окончить скоро, а потому, вероятно, выеду в Старую Руссу в воскресенье в 8 ч. 30 м. утра и приеду к вам в понедельник 3-го июля, в 1-м часу пополудни. — Если же *не получу* денег, то приеду раньше. Вообще, милый друг, тут много может быть для тебя непонятного, т‹о› е‹сть› неизвестного. Но все подробности оставляю до приезда, расскажу при свидании.

Целую тебя очень, целую деточек. Вероятно, получишь это письмо в воскресенье, хотя я сейчас же, т‹о› е‹сть› в четверг, несмотря на ночь, иду опустить его в ящик. Целую еще раз вас всех очень, целую Ваню, поклон Анне Николаевне. А тебе еще раз особенно ручку и все остальное.

Твой весь Ф. Достоевский.

Может быть и то, что в редакции Каткова не застану, а распоряжение сделать забыто, и потому придется получить (если получить) не завтра, а послезавтра и т. д. А потому и не дивись, если запоздаю против обещанного.

Весь ужасно изломан, припадков не было, но боюсь, что будут, пора.

176. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Москву.› ‹Старая Русса.› 29-го июня 1878 г.

Дорогой мой Федя, пишу тебе последнее письмо, так как думаю, что ты долго не останешься и письмо не дойдет. Все благополучно, хотя тоскливо ужасно. Приезжай, дорогой мой, поскорее, а то я все беспокоюсь без тебя. Получила только два письма, последнее от 22 июня. Что ты не пишешь? Все мы цалуем тебя крепко, крепко. Твои Аня, Лиля, Федя.

Сегодня Петров день,[624] и мы идем на ярмарку покупать Феде пистолет. Детки очень ждут тебя.

177. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Москва 1 июля ‹18›78 г.

Милый друг Аня, посылаю тебе *восемьсот* рублей из тех денег.[625] Вероятно, прибудут к тебе, когда уже я сам буду дома.

Твой весь
Ф. Достоевский.

178. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Москва. 7 ноября ‹18›78.

Сегодня, милый друг мой Аня, после самого мучительного путешествия, прибыл в Москву.[626] В вагонах, закупоренных, с гадчайшей вентиляцией была такая духота, что думал умереть. Кроме того закурили воздух так, что я кашлял всю ночь до надрыва. Ни на минуту не заснул. Обессилел ужасно. Ночью холод и дождь повсеместный всю дорогу, а в Тверской губернии мокрый снег. Здесь в Москве дождь и туман. Мрак ужасный. У нас в Петербурге только один день был такой скверный во весь октябрь, как сегодня здесь.

Остановился в Европе, № комнаты 25. Оделся, умылся (в нетопленном нумере) и поехал к Каткову. *Не застал* и не застал действительно, а не нарочно. Сказал, что буду сегодня вечером у него в 8 часов. Так как я сам назначил, что приеду, а не он звал, то боюсь, что, пожалуй, откажет и не примет. Бог их знает, какие у них в Москве порядки. Это было бы для меня унизительно и я в настоящую минуту (6 часов пополудни) в самом скверном расположении духа. Не застав Каткова, поехал к Соловьеву-книгопродавцу. Не застал дома. Буду у него завтра. — Затем поехал к Любимову:[627] не застал дома. Затем поехал к Рассохину. Сказал мне, что *всей суммы* отдать мне не может,

а отдаст лишь 20 р. А что если б я подождал денька два, то отдаст *больше*. Я сказал, что зайду 9-го ноября.

Затем был у Кашкина.[628] Этот был готов и выдал мне сейчас 65 р. 35 к. и объявил мне, что мы в *расчете*. Номеров же оставленных у него большая пачка. Обещался сам обшить в рогожу и прислать мне в №. Я попросил его сосчитать цену №. Он обещался приготовить все через 2 дня. Таким образом твой счет: 213 р. А он отдал в разные сроки с теперешним 130 р. и говорит, что в расчете. Он твердо уверен, что по оценке оставшихся №№ они наверно окажутся не менее 83 р. Таким образом, и выйдет твой счет, т<о> е<сть> 213 р.

Все это, как кажется, люди хорошие, прекрасные и плательщики, только в деньгах нуждающиеся. Деликатность их побеждает, а неделикатность отвращает. Соловьев, конечно, особая статья, потому что он богат.

Затем был у Вари: поговорили, ничего особенно любопытного.

Что ты, что детки? Спать хочу ужасно, до невероятности. Нервы расстроены. Еще больше расстроил, прочитав давеча в вагоне брошюру Цитовича. Дело его правое, но такого дурака я еще и не видывал. Вот не посылай дурака защищать правое дело.[629] Измарал! Теперь на эту тему и писать более нельзя.

Обнимаю тебя, Ангел мой, цалую, ангельчиков тоже цалую.

Надеюсь приехать как можно скорее. Скучно мне ужасно. Спать хочу ужасно.

Цалую тебя 50 тысяч 335 раз. Столько же раз поцалуй за меня детей. Само собою разумеется, завтра опять напишу.

Твой весь Ф. Достоевский.

179. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Москву.>
В гостиницу Европа
против Малого театра № 25.

<Петербург.> 8-го ноября 1878 г.

Здравствуй, мой милый светик Федичка. Все мы, слава богу, здоровы и провели две ночи благополучно, без *неприятных* приключений; я просыпалась ночью вовремя, хотя потом трудно было заснуть. Вчера у нас был Навроцкий, редактор Русской Речи;[630] ему сказали, что ты уехал вчера в Москву, и он оставил свою карточку. Не передала ли ему Философова,[631] и он поспешил? Была какая-то содержательница книжного магазина в Минске и купила 1 Записки и 1 Преступление. Был, наконец, Павел Алекс<андрович>,[632] который объявил, что пришел к нам обедать; но так как это было в 6 час<ов>, а мы отобедали в 4, то ему в этом было отказано, а предложена лишь закуска. Выканючил-таки должные ему за картины 5 р. из моего малого капитала. Вечером была с детками у Рудиных, и детям было очень весело. Вчера подморозило,

и дети ходили гулять; сегодня уже опять слякоть. Сегодня располагаем ехать к Сниткиным обедать на именины к Мише. Дорогой мой, вспомнил ли ты меня сегодня? Ведь сегодня день нашей помолвки, помнишь? Целую тебя много, много раз, остаюсь твоя жена Аня и детки Лиля и Федя.

Благополучно ли ты доехал, очень меня это беспокоит.

Пойдет это письмо 8-го, получишь 9-го, напишу 10-го, получишь в субботу 11-го, а об нас не беспокойся.

Если найдешь нужным сходить к Шеру, то вот его адрес: Покровка, Лялин переулок, д. Ляшкевич, Шер.

Лиля посылает письмо, а Федя начал огромное послание, но потом раскаялся и бросил писать.

180. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Москва. 8 ноября <18>78.

Милая и дорогая моя Аня, вчера ровно в 8 часов был у Каткова. Он меня уже ждал и принял превосходно и любезно, но видимо был занят. Я впрочем просидел с час. Говорил об романе. Он оставил рукопись и на мое сожаление, что многое (поправки) неразборчиво, отвечал, что он твой почерк умеет превосходно разбирать и что это самый лучший почерк. Затем сказал, что он *все* это прочтет. «Ведь вы наверно у нас дней пяток али недельку пробудете». Таким образом, я вывожу, что мне надо будет *до того времени, как он прочтет*, и не беспокоить его, т<о> е<сть> не то, чтоб он сам об этом намекнул, а мне-то самому кажется, что мне это будет приличнее, ибо посещая его и на другой день и на третий, как-будто буду торопить его, сгорая нетерпением: что скажет он о моем произведении. Я оставил в редакции мой адрес, так что если в эти два-три дня, пока я не буду ходить, ему понадобится мне сказать что-нибудь, то всегда можно будет мне [прислать] дать знать об этом. Во время моего посещения к нему входили все его дочери, сын его и кн. Шаховской, муж его старшей дочери. Они приходили прощаться на ночь, но видимо желали меня видеть, а потому и просидели с полчаса. Все были очень милы, любезны и внимательны — особенно кн. Шаховской и моя знакомая (эмская) дочка его, которая чрезвычайно похорошела. Прощаясь, я упомянул о деньгах. Он сказал, что конечно так, и очень можно, *но* что всех 2000 руб. ему будет зараз выдать затруднительно, так как подписка еще не началась, а что не соглашусь ли я частями получить. Впрочем, прибавил он, если вам очень нужно, то я и разом выдам, но мне будет трудно. Я, разумеется, согласился частями, примерно 1000 р. теперь, а остальные (как он сам сказал) недельки через три. Теперь не знаю, как все решится на деле. Мне грустно то, что я было хотел попросить на этот раз не две, а *три* тысячи, но так как он и на двух замялся, то я и спросил две.

Ну вот ход дела: не знаю, хорошо ли это все или нет. Во всяком случае, надо подождать здесь в Москве дня три бесплодно, потом еще дня два получения денег, а мне ужасно скучно, Аня, так скучно, что я уж тоскую по вас.

Теперь вот что: так как он сам, несмотря на всю искреннюю любезность, меня на сегодня (8-ое число) не пригласил обедать и так как не только не пригласил, а сам сказал об этих двух или трех днях жданья, не заботясь о том, что я в антракте буду делать, то я и решил окончательно не ездить сегодня поздравлять. Это значило бы просто заискивать у него. Не знаю, правильно ли я рассуждаю, но однако мне так окончательно показалось, и я не поеду.

Выспался я хорошо. Сегодня в 12 часов приходил Кашкин с визитом, принес экземпляры Дневника (обшиты рогожей) и письмо к тебе со счетом и просьбою о высылке экз‹емпляров› всех моих сочинений. Письмо тебе привезу. По его проверке своего счета с твоим выходит всей разницы всего на три рубля, причем он представил и причину этой разницы, все увидишь из его письма к тебе, которое привезу.

Сегодня заеду к Соловьеву и, может быть, опять к Любимову.

Ну вот и все. Жду твоего письма. Скучно мне очень. Погода скверная, сегодня, впрочем, дождя нет. Обнимаю тебя и детишек крепко. Как-то вы живете. Были бы здоровы. Читаю процессы[633] по вечерам. Очень мне скучно. До свидания. Очень тебя люблю, ты мне снилась ночью. Перецалуй наших ангелов. Пусть не ссорятся. До свидания, еще раз цалую тебя бесконечно.

Твой весь Ф. Достоевский.

Завтра, вероятно, еще напишу.

P. S. Кстати: вчера в 8-м часу, отправляясь к Каткову, понес и вчерашнее письмо к тебе, чтоб бросить по дороге в ящик. Шел дождик, и было очень грязно. На углу улицы, не найдя ящика, спросил у городового: где же ящик? Он ответил, что перенесен на ту сторону улицы (шагах в 40 от прежнего места); «да пожалуйте письмецо, — вызвался он, — я его сейчас снесу и опущу». Я ему отдал письмо, и он дошел до ящика на моих глазах, а все-таки меня берет сомнение: ну как он не опустил и ты не получила вчерашнего письма?

181. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Москва. 9 ноября ‹18›78.

Милый мой голубчик Аня. Вчера, отправив тебе письмо, уже в четвертом часу пополудни, пошел к книгопрод‹авцу› Соловьеву. Застал его дома. Он приготовил счет и деньги. Что-то говорил мне весьма неясно о счете, и я его попросил лучше написать о всем тебе самой; выдал он мне

109 руб. 90 к. При этом на одно Преступ‹ление› и Наказание пришлось 87 р. Что же до Бесов, то у него еще прежних своих есть, говорит он, экземпляров двести, так что он «сотенку бы и возвратил с удовольствием». Мертвого же Дома есть еще Базуновского (доставшегося ему от Базунова) 300 экз‹емпляров›. Был очень любезен и по обыкновению своему хитрил и путался. — Между прочим, сказал мне: «А у Михаила Никифоровича были с поздравлением?».[634] И когда я сказал, что нет, прибавил: как же это не сходить, там такой был съезд, молебен и проч. Как же это вам не сходить? Я подумал: в самом деле, зайти поздравить можно, и пошел. Действительно, съезд был и продолжался. На этот раз меня прямо пригласили к хозяйке Софье Петровне. Она встретила меня необыкновенно любезно и даже не пустила в кабинет Каткова, а просила посидеть сначала у ней. Было в ее гостиной много гостей, ее дочери и проч. Дам, впрочем, одна или две, и то родственницы, остальное все мужчины и все какие-то старички — родственники (князь Шаховской-отец, например, и другие). Я посидел с 1/4 часа, и она все время со мной проговорила; сидела же нездоровая в мигрени. Затем прошел в кабинет к Каткову. У него сидели только два каких-то светских московских старичка. И вдруг вошел сам генерал-губернатор кн. Долгорукий,[635] в четырех звездах и с алмазным Андреем первозванным. — Раскланявшись сановито и с соблюдением всего своего сана (немного комическим) с Катковым, начал подавать руки гостям и первому мне. — Тут Катков поспешил сейчас же сказать ему мое имя, и Долгорукий изволил вымолвить: «Как же, та-ка-я зна-ме-ни-тость, гм. гм. гм» — решительно точно 40 лет назад, в доброе старое время. Затем происходил общий разговор, в котором Катков показал себя в высшей степени порядочным человеком, ибо, начав рассказ о приобретении им подмосковного имения, поминутно обращался от Долгорукова ко мне, несмотря на то, что я сидел несколько сзади Каткова, у окна. Посидев немного, я встал и простился. Катков проводил меня до дверей. К Софье Петровне я уже не заходил, а прошел другим ходом, между прочим через столовую, и заметил, что стол накрыт не более как на 20 или даже на 18 кувертов.* А так как только Каткова семейство садится за стол не менее 12 человек, то я и заключил, что званого обеда никакого нет, а обедают лишь ближайшие родственники. — Затем отправился (уже в 5-м часу) к Любимову. Того не застал, но встретила жена его, почти совсем еще моложавая дама (хотя есть взрослая уже дочь). Она меня удержала с попреками, зачем я еще вчера второй раз не зашел (как обещался было), и что она меня весь вечер ждала. Пришел затем Любимов, удивительно любезный. Говорили о романе. Катков непременно хотел сам читать, и как Любимов (еще 7-го числа вечером) ни упрашивал его дать ему прочесть, но Катков не согласился и оставил у себя, ему же сообщил и план романа и все, что я слегка, во время свидания передал ему о романе. (Значит, интересуется очень). Любимов обещал мне, по просьбе

---

* couvert — столовый прибор (*франц.*).

моей, ускорить чтение. «Я буду приставать к нему», — сказал он. — После того пристал ко мне, чтоб я остался обедать, «чем бог послал». Я согласился. И вот не знаю, так ли они всегда обедают или был у них праздничный день (обедали кроме меня еще две дамы гостьи и один профессор Архипов[636]): закуски, вина, 5 блюд, из которых живая разварная стерлядь по-московски. Если это каждый день у них, то, должно быть, хорошо им жить. Обед был очень оживленный. Любимов подтвердил, что у Катковых никакого званого обеда нет. Обед и разговор был очень оживлен, затем уже в 7 часов поехал к Елене Павловне и не застал ее дома. Узнал от детей Елены Павловны, что Машенька (Иванова) в Москве, и хочу непременно к ней сегодня съездить. Адрес же узнал уже сегодня от Вари, которая зашла ко мне в гостиницу. Вот и все, до сей минуты, мои здесь похождения. Завтра, может быть, еще напишу тебе, но вот уже теперь 2 часа, а письма от тебя нету. Заеду, может быть, сегодня к Рассохину, а может, и завтра. По вечерам сижу в № и читаю п р о ц е с с ы. Завтра собираюсь пойти в Малый театр.

Беспокоюсь об вас. Что-то ты, мой голубчик, и что-то детки? Хочется поскорей получить от вас письмецо. Не знаю, придется ли отправиться отсюда к вам в субботу (вероятно, нет), но не думаю, чтоб задержали дальше воскресения. Обнимаю вас всех и цалую. Тебя особенно и деток особенно. Опять ты мне снилась во сне. До свидания, ангел мой.

Твой весь Ф. Достоевский.

Корректуры Любимов сам вызвался присылать ко мне в Петербург. Маркевичу они посылают.[637]

Очень цалую тебя.

P. S. Книгопродавцы все в восторге от нового журнала «Лилины выдумки», просят на комиссию, обещают большой успех.[638] Передай обоим авторам и издателям и крепко их поцалуй.

182. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Москву.> <Петербург.> 10 ноября 1878 г. Пятница.

Дорогой и неоцененный мой Федя, здравствуй. Вот тебе отчет за эти два последние дня, т<о> е<сть> 8 и 9-го: все мы здоровы как нельзя более и веселимся напропалую. В среду были у Сниткиных на обеде, и детям было очень весело, танцевали, играли. Вчера мы с Никифоровой[639] отправились в Александринку, и на наше счастье давались все превеселые вещи, не то, что в прошлый раз. Дети даже визжали от восторга, и сегодня нет конца их разговорам о театре. Шел «Станционный Смотритель», переделка из Пушкина,[640] и Новиков[641] великолепно играл. Лиля

в антракте говорит: «Зачем это она отца бросила, бедный он». Сегодня, пользуясь тем, что у меня остается Никифорова, я намерена сделать визиты некоторым дамам.

Благодетели мои книгопродавцы тоже меня не забывают: Борзневский прислал за 3 Идиотами 7 р. 35 к., а Архипов за 2 Идиотами — 4р. 90, 1 Бесы, 2 р. 45, 1 Записки — 1 р. 40, 1 Прест<упление> 2 р. 45. А всего Архипов на 11 р. 20 к. Спасибо тебе за твои хлопоты по книгопродавцам. Береги себя, моя деточка, пожалуйста, и не скучай. Знай, что мы тебя очень, очень любим и часто о тебе думаем. Детки очень заинтересовались твоим письмом и требовали, чтоб я им все прочла. Цалую тебя много раз. Твои Аня, Федя и Лиля. (Как ужасно больно, что не могу приписать «и Лелька», как подписывалась в счастливые времена).

Напишу послезавтра, т<о> е<сть> 12-го в воскресенье, получишь в понедельник.

Оба твои письма получила зараз, вчера, 9-го ноября и с радости не знала, с которого начать.

183. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Москва. 10 ноября <18>78.

Дорогой мой голубчик Аня, вчера в 6 часов вечера получил твое милое письмецо, которое очень меня обрадовало и успокоило. Слава богу, что вы здоровы, деток поцалуй и поблагодари Лиличку за письмецо, а Федю за старание. Известие о Навроцком показывает разве то только, что они все-таки в своей Русской Речи не будут моими явными ругателями.[642] Что же до посещения Шера, то я к нему, *вероятно*, не поеду, потому что он все же не был у меня сам в Петербурге. Не знаю, впрочем. Времени-то у меня совсем мало, а то, может быть, заехал бы к Ольге Федор<ов>не Шер,[643] — что совсем уже другое дело. Но времени мало. Вчера заходил ко мне в 6 часов Любимов — отдать визит и кой о чем поговорить. Он сказал, что насчет денег все решено, Катков передал ему рукопись, не успев прочесть всю, но *перелистовав* всю, он же (Любимов т<о> е<сть>) прочел 1-ю треть и нашел все очень *оригинальным*. Но скверно то, что выдача денег зависит главное от кассира ихнего Шульмана, который всем командует, до такой степени, что и Катков у него насчет выдачей вообще в полной зависимости. Скажет «нет денег в кассе», и *ничего* не поделаешь. Тысяча впрочем будет, но хотелось бы мне, чтоб не задержали меня и чтоб выехать если не завтра, в субботу, то уж непременно бы в воскресенье. А тут еще, говорил Любимов, Катков захворал. Теперь час пополудни, и пойду сейчас к нему для окончательного решения. Затем схожу к Рассохину, у которого вчера быть не успел. Затем к Варе, которая звала к себе. Вчера же, узнав от Вари адрес Машеньки Ивановой, поехал к ней, не застал дома и узнал от детей, Оли и Наташи, что и Верочка только что приехала,

с Юлей, из деревни на три дня в Москву и остановилась у Машеньки. Ее тоже не было дома. Сказав, что приеду вечером, поехал домой и после обеда отправился сперва к Елене Павловне, которую еще не видал, и пробыв у ней с полчаса, поехал к Верочке. Там всех нашел в сборе и просидел у них до полночи. Верочка предобрая и премилая, она не знала о смерти Алеши. Итак вот все мои дела. Вчера имел глупость взять билет в театр, на бенефис, идет комедия Островского в первый раз.[644] — Итак, милый мой ангел, вероятно, выеду отсюда в воскресение, хотя и желал бы завтра, в субботу. Целую тебя крепко. Больше не пиши писем. Лилю и Федю целую. Обнимаю всех, а с тобой хочется увидеться особенно поскорее сверх всех других причин. Во всяком случае, здесь мне очень скучно. Еще раз целую. Как вы живете? Здоровa ли ты, ангел мой.

Твой вечный
Ф. Достоевский.

184. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Петербург.> Москва 11 ноября <18>78. Суббота.

Милый друг Аня, дела, кажется, совсем застряли и решительно не удаются. Дело в том, что Катков, кажется, серьезно расхворался. Вчера не мог принять меня и выслал сказать, чтоб я пожаловал денька через два. Если через два, то значит, завтра, в воскресение. (Конечно, он не отговаривается, а в самом деле болен). Но в воскресение у них все в редакции заперто, и денежных выдач быть не может. Один из редакционных чиновников вышел ко мне и сказал, что Шульман (кассир) сам ко мне придет завтра (т<о> е<сть> сегодня) в гостиницу и принесет деньги. Я назначил час — но вот назначенный час прошел, и никого не было. Результат: если сегодня не получил денег, то завтра, по поводу воскресения, наверно не получу. — Теперь недоумеваю, что делать: ехать ли опять в редакцию? Но мне как-то стыдно приставать. Мелькает у меня мысль уехать без денег, написав Каткову письмо (если только нельзя увидеть его завтра лично), чтоб прислали деньги в Петербург. Но и это хорошо ли? Потому что, например, если я завтра, в воскресение выеду (сегодня-то уж никак нельзя) без денег, а они между тем могли бы выдать в понедельник, — то значит, всего только дня не мог выждать. Совсем не знаю, как быть, и нахожусь в прескверном расположении духа.

Вчера получил от Рассохина 25 р., — а «всей суммы отдать не могу». Заметил я некоторую даже грубость и фамильярность в его ответе. Я ему ничего не сказал. Вчера был у Вари, а вечером в театре. Все гадко. Скучно мне здесь, наконец, до нестерпимости. Вдобавок мокрый снег и сквернейшая погода. К тому же опять затянуло желудок, надо бы опять принять капсюлей, но и это неудобно.

Пишу наскоро. В редакцию все-таки загляну. До свидания, милая моя. Только и думаю, что о тебе и о детках. Люблю вас очень. Поцалуй милых ангелов. Думаешь ли ты обо мне? Каждую ночь ты мне снишься.

Обнимаю крепко.

Твой весь Ф. Достоевский.

Все чиновники в редакции Каткова ужасно обращаются свысока и небрежно со всеми. Я полагаю, что и Шульман даже важничает, хочет показать свою силу. Начинает мне это надоедать. А что если Катков в самом деле очень расхворается? Может повлиять и на все дальнейшее.

Достоевский.

1879

185. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

19 июня <18>79. 8 часов вечера.
<В Петербург.> Старая Русса.

Здравствуй Аня, как ты доехала, напиши.[645] Очень беспокоюсь за тебя, что в Новгороде тебя измочило и измучило. Я, как ты уехала, почувствовал себя не совсем здоровым, насморк сильнейший и неимоверный, туманность и боль головы. Лег спать и спал часа три. День был хороший, но как я встал, тотчас пошел дождь-ливень, и так продолжалось с перерывами до 6 часов. Еще до дождя дети, как я встал, выпросились в парк, оделись и пошли, а тут вдруг и ливень. Я сидел в беспокойстве, но прибежала нянька и сказала, что они не в саду, а у батюшки, зашли за Анфисой,[646] но пошел дождь и остались, так что ни одной капли на них не капнуло. Сама матушка[647] прислала няньку ко мне, чтоб меня успокоить. Затем пришли дети, переоделись, и явились поповские дети, сидели чуть не до ночи, мне надоели, но я рад за детей, что им не скучно. Скверно то, что оба порядочно кашляют, но хуже Лиля, очень худо кашляла, часто и с заливчатым кашлем. Даю лекарство и по возможности не даю выходить на двор. Лиля слушается, а Федя мало, теперь, впрочем, дождя нет, ясно, но сыро и даже не очень тепло. Я их пустил посидеть за воротами.

Пришли газеты — и одно письмо от Созонович из Москвы. Ничего особенного, но присылает несколько автографов.[648] Пишет тебе, конечно. Ну до свидания, жду с нетерпением и беспокойством от тебя письма. Боюсь, что ты промокнешь и простудишься. Твоя поездка сильно пара-

лизовала мою работу. Приезжай поскорее. Дай бог тебе всякого успеху. Обнимаю тебя и цалую, дети тоже. Привези капсюлей Gudot (дегтярных), у меня ничего нет.

Твой Ф. Достоевский.

P. S. Боюсь соболезнований,[649] боюсь визитов — Жакеляр,[650] батюшки. Пожалуй, Анна Ивановна [651] придет.

Достоевский.

Дети говорят о тебе, и Федя спрашивает, где ты теперь, на Любани или нет, и почему так медленно.

Милая моя мамочка как ты здарова цалую тебя Люба.

Мамаа прежяй скорее Федя.*

186. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Старую Руссу.› Петербург. Среда, 20 июня ‹1879.›

Федор Михайлович,

Когда ты получишь это письмо, я буду на всех парах приближаться к Берлину...

Ну это все вздор: я сейчас в 9 час‹ов› утра прибыла благополучно в Петерб‹ург›. Я здорова. В Новгороде получила все бумаги,[652] но провела скучнейший день. Шел 4 раза дождь. Устала изрядно; но намерена вернуться сегодня. Милых моих птичек крепко цалую. Купила им по образку большому. Нежно тебя цалую. Аня.

Спала почти всю ночь, но ужасно зябла, так как не взяла ничего теплого.

187. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Петербург 19 июля ‹18›79. Четверг.

Милый друг Аня, пишу тебе в 8 часов вечера, а сам падаю от усталости. Никогда я больше не страдал усталостью и бессилием, как в эту минуту. Голова кружится, в глазах рябит. Пишу и не вижу, что пишу. — Дорогой хотя и все почти спал, но ослабел, как 5-ти летний ребенок, и что со мною будет до Берлина — не понимаю. Остановился в Знаменской гостинице. Сначала дали № отвратительный, в котором я в пер-

---

* *Здесь и в дальнейшем приписки детей приводятся со всеми синтаксическими и орфографическими особенностями подлинников.*

вый же час простудился — окнами на север, тесно, мрачно. Перешел в другой № (250 к.), и теперь хорошо. Ахенбах и Колли деньги дали,[653] но очень долго качали головами и ахали, не знаю, почему. Затем визировал паспорт в Болванском посольстве,[654] затем был у Победоносцева, не застал дома, каждый день бывает, вчера был, а сегодня нет. Оставил карточку. Затем купил сак — несколько больше моего, 8 р., и я уверен, что содрали лишнее. В Гостином же купил и носки 3 пары по рублю и 3 пары по 65 коп. (насилу нашел и не знаю еще, хорошо ли). Купил гребенку 80 к. (мою оставил дома). Был на квартире. Квартиру напротив нашей наняли, только сегодня и переехали жильцы. Сак старый отвез к Кранихфельдам,[655] они были дома, у них все чисто, но жалуются на тараканов-пруссаков. Ужасно много. Черных же в моем кабинете ни одного. Действительно, может быть, черные к деньгам (прослышали Карамазовых),[656] а перебрался Кранихфельд, мигом и исчезли. К ним нанялась в кухарки Пелагея (Поля) — можешь представить. Я ее видел, стряпает, жалко смотреть. — Финикова, прикащик у Кузьмина,[657] Филипп парикмахер, только что взглянув на меня, все восклицали: «О боже, как вы изменились, как вы похудели, что, вы были больны?». И это конечно не потому, что я измучился ночью. Нет, Аня, плохо мне, и если Ems не поможет, то уж и не знаю, что будет. В Старой Руссе я себя хуже почувствовал. Но в Петербурге, все здесь говорят, было еще сырее, еще дождливее.

Что вы все? Все об вас думал. Что мои ангельчики, Лилюк да Федул? Голубчики, если б только знали, как я их люблю. До свидания, Аня, обнимаю тебя. Кладу перо, если буду еще писать, упаду в обморок. Целую тебя, и всех вас, Федю и Лилю. Скажи, чтоб были тебе послушны и меня любили.

Твой весь
Ф. Достоевский.

188. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Петербург.› Старая Русса. 19-го июля 1879 г.

Пишу тебе, мой милый и дорогой папочка, мое первое письмо в четверг вечером. Пойдет оно 20 июля, завтра. Мы, слава богу, совершенно здоровы. Вчера вернулись домой пешком и очень устали; вскоре пришла Грушенька Меньшова[658] и провела у нас вечер. Спали детки отлично, и я, оказалось, пречутко сплю, так что поднимала их вовремя. Сегодня ходили все на музыку, на которой встретили Анну Ивановну. У ней сегодня была m-me Рохель[659] с букетом цветов. Во время нашего отсутствия заходила к нам Жаклар и жалела, что нас не видала. Вчера я получила из редакции Р‹усского› В‹естника› перевод на 500 р. на твое имя на Ахенбаха и Колли. Что я теперь буду делать? Без договоренности твоей Ахенбах не выдаст мне, и значит, я денег не получу. Я подожду

дня два и отправлю перевод обратно и напишу письмо Любимову, в котором очень вежливо попрошу его выслать мне деньги или же перевод на мое имя. Ну уж порядки, нечего сказать. Я вчера ужасно сердилась на редакцию. Сегодня был у нас доктор и совершенно меня успокоил насчет детишек. Купила я кумысу, и Лиля, хотя с гримасами, а выпила 2 рюмки. Больше ничего нет нового. Скучно без тебя, мой дорогой. Целую тебя и обнимаю и желаю тебе здоровья. Детки тебя целуют. Остаюсь любящая тебя Аня.

Напишу в субботу вечером, а пойдет письмо в воскресенье, 22-го июля. Детки часто о тебе спрашивают.*

Милый мой папочка цалую тебя я только что сегодня начала пить Кумыс и нашла его очень не вкусным пращай мой папочка твоя Люба

189. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

22 июля/3 августа <18>79.
Berlin
Hôtel St. Petersbourg. Unter den Linden.
<В Старую Руссу.> Комната № 15.

Милый друг мой, дорогая моя женочка Аня, сейчас приехал в Берлин, утром в 7 часов (воскресение), и, во-1-х, об себе: приехал совершенным молодцом, хоть еще столько же проехать. Даже спать совсем отучился. Правда, в вагоне случалось дремать и даже спать скрючившись, но что это за спанье! А потому подивись, какой богатырь твой муженек, я и не надеялся, тем более, что в Петербурге, в Знаменской гостинице, до того были расстроены нервы, что совсем не выспался, много что проспал ночью часов 5. Может быть, и теперь мое молодечество есть только напряжение нервов. Ну вот об моем здоровьи. Историческая часть дороги не богата: одно хорошо, что погода была прекрасная. Да и в Петербурге оба дня, как я пробыл, были восхитительные. Значит, я увез от вас хорошую погоду, потому что до меня в Петербурге был ливень, и куда ни явлюсь, везде хорошая погода. Что же до Старой Руссы, то там мое благодетельное влияние было пересилено злым влиянием Анны Ивановны,[660] а потому погода была постоянно дурная. Но о сем довольно. Еще по дороге в Петербург встретился мне в вагоне доктор Тицнер и был очень искателен, да подходил рекомендоваться и знакомиться Львов,[661] которого ты видела на станции, был чрезвычайно любезен и дал мне знать, что имеет придворное звание (камер-юнкер, вероятно) и командовал санитарным одним отрядом в войну по поручению Александры Петровны.[662] Великолепный букет Кат<ерины> Прокофьевны[663] до того пустился пахнуть ночью, что у меня голова даже разболелась: подъезжая к Чудовой, я его бросил из вагона в лес (не везти же было далее), и тем

* *Далее приписка Л. Ф. Достоевской.*

кончилось его существование. Она только не дала мне с вами проститься. Ты не поверишь, как мне грустно было, особенно по вечерам, вспоминать всю дорогу об детках и о тебе! И чем дальше, тем больше будет это. Надо копить, Аня, надо оставить детям, мучает меня эта мысль всегда наиболее, когда я приближусь лично к коловращению людей и увижу их в их эгоизме, например, в дороге. — Выехал из Петербурга удобно, в вагоне было просторно, и кое-как даже спал, но со 2-ой половины дороги поминутно подсаживались поляки и немцы, и было не до спанья. — Когда пересели на немецкую дорогу, рекомендовался мне один<...> доктор, из Петербурга, лет 50 (друг Тицнера, служит в Максимил‹иановской› лечебнице, едет в Висбаден от ревматизма) — очень меня развлекал дорогою и служил мне переводчиком с немцами. Но особенно заботился об нас один колоссального росту пожилой немец, укладывал меня спать и оберегал от мошенничества кельнеров на станциях. А мошенники невообразимые и на станциях и в Берлине: стоит 15 пфеннигов, а он запросит 40, дашь полмарки за кофей (25 пфеннигов), а он сдачи 25 пфеннигов не принесет вовсе, и это случилось 3 раза. Кормили в Германии на станциях нестерпимо гадко, цены же возросли против нашего времени 8 лет назад втрое. В Берлине привезли меня сначала в Кайзергоф отель, 4-й этаж, тускло, лестницы темные, как ночью, и за каморку, в которой повернуться нельзя, спросили 7 марок. Я поехал (заплатив лишнее извощику) в Hotel Petersbourg и здесь за 7 марок (ведь это 3 руб. по-нашему!) имею чуть-чуть сносную комнатку, в которой можно повернуться (N. B. Денег разменял в Эйдкунене 200 руб., дали мне за них 425 марок, это еще хорошо, а в Петербурге меняла давал лишь 200 марок за 100 руб., да я не взял). На немецкой дороге все время была такая пыль, что мы все были как в саже, и я перепортил (буквально) платье. Здесь, в отеле, едва отмылся и сел писать тебе. Ну вот и вся моя дорога. Теперь не знаю еще, когда поеду в Эмс: сегодня вечером — значит, не выспаться. Кроме того хотелось бы заказать пальто портному, но сегодня воскресение и все портные заперты. Придется остаться до завтрашнего вечера до 10 часов, а послезавтра в 9 часов утра я в Эмсе. Пуцыковича[664] еще не видал, боюсь его ужасно: во-1-х, прилипнет и не отстанет, будет сидеть передо мной с своим длинным (благородным) носом и смотреть вкось, а во-2-х, займет денег <...>: страшно не хотелось бы давать. Однако пойду к нему. Скука в Берлине, а с Пуцыковичем и еще пуще.

Теперь напишу из Эмса, как приеду. Но ты-то когда мне напишешь? Уезжая и не условились! Неужто не догадаешься написать раньше получения моего письма? Ради Христа, описывай о себе всякую мелочь (и о здоровьи твоем, главное) и об детках — об них все. Ну как они спят без меня по ночам? Вспоминают ли обо мне? А ты-то? Ты мне снилась дорогою, только в грустном виде, за что-то на меня сердилась, меня упрекала: ты не поверишь, как мне тяжело было это увидеть. Обнимаю и целую тебя бессчетно, всю. — Деток цалую особенно, скажи им, что я их люблю, молю о них бога и прошу их тебя слушаться и тебя беречь. В дороге я видел под ручку мальчика и девочку (из пассажиров), точно

Лиля с Федей, сзади особенно, даже одеты были похоже! Ради бога, пиши. Обнимаю тебя и цалую еще раз (да и всегда, уж ты теперь пошла у меня из мыслей не выходить). Как приеду в Эмс, сейчас начну писать Карамазовых, боюсь опоздаю выслать. До свидания же, пиши, ради бога, пиши, а я твой вечно — твой муж.

Ф. Достоевский.

Поклоны всем. Анне Васильевне и мужу ее[665] особенно. Рохельше про букет не говори.

Ради бога, береги свое здоровье, но если чуть-чуть заболеешь, трудно — мигом телеграмму в Эмс (я дам адрес). Бог с тебя спросит, если так не сделаешь. Но лучше всего будь здорова, а потому береги здоровье изо всех сил. Еще раз цалую тебя.

190. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹Старая Русса.›

‹В Эмс.› 24-го июля 1879 г. Вторник вечер.

Милый мой папочка как ты здаров, мы все слава богу здавы.* Сегодня у нас был доктор и позволил нам ехать к Нилу столбенскому.[666] Мы без тебя очень кутем и были уже на двух прагулках в деревни описание которых я пришлю тибе. Пращай милый папочка. Твоя Люба.

Сегодня, дорогой мой папочка, Лиля выпросилась начать письмо, и я ей уступила. Дорогой ты мой, как-то ты доехал и как себя чувствуешь. Я еще не имею никаких от тебя известий и жду их, не дождусь. Получу же от тебя первое письмо лишь в пятницу. Мы, слава богу, все здоровы, и сегодня доктор отпустил нас на все четыре стороны, равно как и к Нилу, куда мы и хотим ехать числа 6—7 августа. Погода с самого твоего отъезда дивная, и мы все гуляем, за исключением Феди, который настойчиво требует, чтоб его оставили дома. Вчера он вбежал в восторге, крича, что поймал маленьк‹ую› рыбку «своими руками»! Наконец-то! Сегодня целый день удил и, увы, ничего не поймал. Учатся оба хорошо, но, по правде сказать, мало слушаются меня, а потому напиши, чтоб меня слушались, особенно Федя. В воскресенье ходили на музыку, и Жаклары угостили нас с Анной Ив‹ановной› мороженым. Вчера мы с Жакларами ходили на бал, представь себе это (батюшка по этому поводу хотел послать тебе телеграмму), и я была в ненавистном тебе синем платье. Видела Рохельшу, которая была донельзя любезна ко мне, а Жаклара чуть совсем не проглотила. Сегодня ходили с матушкой в деревню. В пятницу будет народное гулянье, на которое мы с детишками пойдем. Вот все наше времяпрепровождение, довольно

* Начало письма написано Л. Ф. Достоевской.

скучное, ибо тебя нет. Письма получила от мамы, Ольги Кирилловны[667] и Пуцыков‹ича› с газетами. Ольга Кирил‹ловна› сообщает, что муж Веры Кир‹илловны›[668] отнял от нее все деньги и прогнал ее тетку, которая и уехала вместе с ее дочкой. Наверно, он скоро прогонит и Верочку.

Дорогой мой Федичка, не знаю, что тебе больше и писать, новостей нет никаких, жизнь такая однообразная. Одно скажу: мы по тебе скучаем и желаем твоего скоро возвращения. Поправляйся, голубчик мой. Ах, если б письмо поскорее из Эмса, то-то я была бы рада и успокоена.

Напишу теперь в пятницу, пойдет в субботу 28-го, а теперь прощай, мой дорогой, не сердись на неинтересные письма. Цалую и обнимаю тебя много раз и остаюсь любящая тебя Аня, но горячо и нежно тебя любящая, заметь себе это (je vous aime tendrement,* — как она всегда говорит, на что ей милый голосок все двенадцать лет отвечал: «Et moi aussi» **). Дети крепко тебя цалуют. Батюшка уже вернулся и велел тебе кланяться, Жаклары тоже.

191. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 24 июля/5 августа ‹18›79.

Милый дружочек Анечка, сегодня утром в 11 часов, после совершенного неспанья во всю ночь, прибыл в Эмс и чувствую себя хорошо. Остановился пока: Hôtel de France, № квартиры 21, у железной дороги. Сейчас пошел в ванну, затем, вымывшись, пришел на почту и прочел твое милое первое письмецо, за которое тебя горячо цалую и Лилю, да и Федичку — всех трех ангелов. — Теперь, голубчик, о делах. Пошел в Stadt-Alger — хозяйка очень обрадовалась, показала мне комнату и страшно жалела, что уже ее отдала по почте. Но если сегодня в 7 часов наемщик не явится в Эмс, то я после 7 часов занимаю сегодня же квартиру. Но так как все еще это наверно, то зашел в Luzern (рядом). Там очень, очень меня помнит хозяин (жена его умерла, оставив ему милых малолетних деток с Лилю и Федю возрастом). В Luzern'е квартира есть, та самая, которую я занимал, но занята теперь, хотя будет свободна через день, через два или через 3. А пока есть у него одна небольшая комната, где я бы мог эти 3 дня переждать. Итак квартира мне ассюрирована *** или в Luzern'е или в Alger'е сегодня же (ибо сегодня же перееду). Теперь главное в том, что скажет Орт; принимает он от 4-х до 6-ти, и я в ожидании четырех сел писать тебе это письмо, которое сейчас же и опущу в ящик, идя к Орту, с тем, что завтра же напишу тебе еще письмо, в котором объявлю решение Орта и в какой именно дом я переехал.

Теперь нечто важное: милый друг Аня, рассчитали мы плохонько, со страхом предчувствую, что 600 р. будет мало и понадобится мне не

---

* я люблю вас нежно (*франц.*).
** И я тоже (*франц.*).
*** assurer — обеспечивать, страховать (*франц.*).

менее как еще сто руб. — Главное и в Alger'е и в Luzern'е огорошили и показали мне книги моего содержания здесь за 4 и за три года назад. В неделю 12 талеров одни стены, теперь, так как сезон почти прошел, спускают два талера, и выходит 30 марок в неделю, за 5 недель 150 марок; кофе и завтрак утрешний стоил 5 талеров в неделю, обед не менее того никак, итого 100 талеров в 5 недель. Затем табак, лечение, Орт — на все кладу 150 марок да 300 марок (100 талеров = 300 марок), итого вот уже 450 марок. Проезд от Эмса до Берлина с багажом и содержанием в дороге ровно 50 марок, итого 500 марок. Затем портному в Берлине [100] 80 марок (N. В. Заказал в Берлине пальто лучшему портному, содрал 160 марок, 80 я заплатил, а 80 проездом через Берлин), итого 580 марок. Да от Берлина до Петербурга с багажом 55 [талеров] руб., да содержание 5 [талеров] руб., итого 60 р. = 125 марок, итого 705 марок, да из Петербурга до Старой Руссы, да Знаменская гостиница, где надо спать, да хоть каплю на непредвиденные расходы — итого 800 марок надо. — Я же имею теперь на руках всего по курсу 680 или 690 марок (еще не менял 200 р.). Итак уже наверно недостает. Истратил же я до сих пор, как оказывается, до 500 марок, со Старой Руссы начиная: проезд, Петербург, покупки в Петербурге кой-какие, дорога до Берлина, багаж, дорога сюда, Hôtel de France, в Берлине пальто и тебе бинокль (не сердись, не знаю, угожу ли биноклем, купил на свой вкус, а цены не скажу), да Пуцыкович мне стоил до 60 марок. (Обещает 40 марок воротить под клятвою, еще сюда в Эмс, с тем ему и дал). — Одним словом, не знаю, не наврал ли я по счетам, но у меня всего только до 700 марок в руках, а надо больше, и потому, может быть, придется тебе еще прислать мне 100 р. сюда, до выезда моего. Буду экономить изо всех сил, но на всякий случай будь предуведомлена.

Теперь об Ахенбахе и Колли. Письмо мое Любимов должен был получить, ибо послал его недели за две до выезда.[669] Прошу тебя убедительнейше непременно отправь перевод на имя Любимова назад, я же отсюдова напишу чрезвычайно вежливо, но твердо о том, что уже на этот раз не сомневаюсь ни одной минуты, что он исполнит просьбу и немедленно вышлет тебе 500 руб. деньгами. Будет прекрасно написано, но твердо. Так должно, и я не сомневаюсь, что ты отошлешь назад перевод, ибо письмо мое будет тогда глупостью. Любимову напишу завтра.

В Берлине тосковал с Пуцыковичем. О нем после. Он меня однакоже развлекал, возил в Aquarium, в музеум, в Тиргартен, пили пиво, ходили по Берлину и проч. Вообще он живет недурно, гораздо лучше, чем мы полагали. Говорит, что прежде было худо. Живет он уже не там, платит дешево, имеет хорошенькую комнату, обед и кредит. (Как эти люди делают). Кроме Аксакова[670] ему прислал 100 р. и Голицын,[671] что он нам (в письмах) скрыл. Затем и до сих пор продаются его вещи в Петербурге, и присылаются ему деньги, да брат сверх того присылает.[672] Почем я знаю, может быть, есть и еще присылающие. Даже есть подписка на Гражданин.[673] У меня просит на 1-й № не статью, а лишь письмо

к нему, что я не прочь участвовать когда-нибудь, хотя и занят, дескать, Карамазовыми.[674] Ну это еще не много. 45 марок он взял у меня на бумагу и на марки (почтовые) для 1-го №, который выйдет через неделю. В комнате у него есть даже галантерейные вещицы (пресс-папье и проч., до которых он охотник), им здесь в Берлине купленные. Я с него 45 марок сдеру, а остальные 15 марок платил я за него за пиво, в ресторане, за извощика и проч. Но о нем еще напишу. Немного рассердило меня твое известие об Любимове. — Ах, милые, дорогие мои существа, в вагоне молился за вас всех богу. Противный Эмс скучен как никогда. Жарко и солнце, но до сих пор все были дожди. 5 недель муки да неделю дороги — итого 6 недель не увижу вас мои Ангельчики. Аня, цалую тебя всю, ручки, ножки, обнимаю. Никогда ты не понимала вполне, как я тебя люблю — вот что скверно. Лилю и Федю благословляю. Всех обнимаю. Пишите чаще, чаще, иначе я здесь умру с тоски.

Твой весь Ф. Достоевский.

Не думай, Аня, что я такой эгоист, что не могу здесь сократить расходы по содержанию. Но квартир дешевле нет вовсе. А диета, т<о> е<сть> утренний кофе и легкий завтрак с говядиной и проч. — все это до последнего куска предписано доктором.

Завтра еще письмо.

Достоевский.

192. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс 25 июля/6 авг<уста> <18>79. Среда.

Милый ангел и дружочек мой Аня, вчера ходил к Орту; сейчас меня вспомнил и принял чрезвычайно радушно. Осмотрел очень старательно и все расспросил (три года промежутка!). Сказал, что есть анфизема, но еще только вначале, и хоть искоренить ее уже невозможно, но побороться с нею можно с большим и вероятным успехом. «То, что вы не приезжали три года, усилит действие Кренхена, и Кренхен вас воскресит. Но сначала Кренхен, а потом попробуем Кессельбрунена». Нашел, что у меня какая-то часть легкого сошла с своего места и переменила положение, равно как и сердце переменило свое прежнее положение и находится в другом — все вследствие анфиземы, хотя, прибавил в утешение, сердце совершенно здорово, а все эти перемены мест тоже не много значат и не грозят особенно. Конечно, он как доктор обязан даже говорить утешительные вещи, но если анфизема еще только вначале уже произвела такие эффекты, то что же будет потом? Впрочем, я сильно надеюсь на воды и уже сегодня начал пить. Начинаю с гаргаризации Кессельбруненом и потом 2 стакана Кренхена. Вечером тоже гаргаризация, а потом 1 стакан

Кренхена. Всего важнее погода: будет хорошая погода, будет и хорошее действие. Это здешний всеобщий приговор. Вчера в день приезда сияло солнце, и было страшно горячо. Ночью же была гроза с громом и проч., а сегодня так даже и прохладно и сумрачно и нет-нет, а перепадет дождь. — Теперь 12 часов дня, и я сейчас только переехал в Ville d'Alger, а не в Люцерн. Во-1-х, невысоко, бельэтаж, во-вторых, комнаты изящнее, больше и светлее, а цена та же: 30 марок в неделю. Уговорился с обедом, будут приносить, как и в прежние разы, из соседнего отеля полный обед за 3 марки в день; из этого обеда я намерен откладывать кусочек на ужин. Кофей утром с хлебом 80 пфеннигов, чай же вечером мой, но за горячую воду, прибор и проч. хозяйка ничего не берет, а в Люцерне бы взяли, это я знаю. Орт сейчас же спросил меня: не ощущаю ли я ослабления сил, и только что я сказал ему, что даже по временам — сонливость, то, я видел по лицу, он принял это в большой серьез и прописал мне, во время вод, обильную и питательную мясную пищу и непременно вино, но только красное. В Люцерне за вино спросят много, а эта хозяйка достает от кого-то вино предешево, это я помню. Поэтому и переехал в Alger, надеясь сэкономить. Главное же потому, что хозяин Люцерна Meuser теперь без жены и ведет дело сам, а потому думаю, что будет уже не так аккуратно, как прежде. — Итак вот мои обстоятельства, милый мой ангел. Чтоб кончить об этих делах на этот раз, прибавлю, что денег, кажется, наверно не достанет и что впоследствии надо будет мне выслать еще рублей сотню (100 р.). Весьма вероятно, что я половину этой сотни привезу домой, но на всякий случай выслать необходимо. Три года назад это было 70 марок лишних на каждую сотню, т‹о› е‹сть› 350 марок лишних на 500 р. против теперешнего. Ну да и пальто возьмет деньги. К тому же Пуцыкович, весьма может быть, не отдаст мне 45 марок, хотя и клялся всем миром. Но довольно пока.

Вчера получил твое милое письмецо и уж как был рад. Мне было ужасно грустно вчера. Тут много детей, и я не могу без боли сердечной проходить мимо них. Все мерещатся Лиля и Федя. Пиши, Аня, ради бога, хоть вначале-то, почаще. Завтра, я думаю, сяду за работу. Письма Любимову еще не написал, но пошлю непременно. Напишу очень вежливо, но настоятельно. Вчера этот Любимов меня очень расстроил. И это сейчас после моего письма (которое он не мог, по времени, не получить), и в котором я так обстоятельно изложил ему всю невозможность получить деньги через Ахенбах и Колли в Старой Руссе. Мне все кажется, что они делают так умышленно, чтоб я не забывался. — Пиши мне больше о своем здоровьи и о детках, и об вашей погоде. Дай бог и вам хорошей погоды. Тебе бы покупаться хоть немного, не откладывай. Очень об тебе думаю. Крепко обнимаю и цалую тебя. Цалуй деток. Люблю их. Скажи Феде, что здесь и ослики, и мулы, и собачки. Кстати, в Эмсе много новых построек, выстроили новых 2 моста через Лан. Много фруктов — удивительные вишни, сливы и абрикосы, но все запрещено мне. Публики в приезде 11 с $1/2$ тысяч человек, давка, но скоро многие разъедутся. Ожидаю холодных дней, особенно в конце лечения, а в летнем пальто

моем шелковая подкладка висит лохмотьями. — До свидания, ангел мой, напишу тебе дня через 2. Целую тебя бессчетно, деток благословляю и целую, молюсь за них. До свидания, друзья мои милые.

Твой весь
Ф. Достоевский

Ну как и сегодня получу от тебя письмецо — как хорошо будет.

Я совершенно выспался с дороги и чувствую себя бодро.

Поклон от меня батюшке, матушке, Анне Васильевне и мужу, Рохельше и Анне Ивановне (даже ей).

Пиши обо всем, что услышишь нового. — Посещение Грушеньки Меньшовой считаю предисловием к Ниловой пустыни.[675]

193. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. 27 июля 1879 г. Пятница.

Милый, дорогой мой Федочка, я до того беспокоилась о тебе, что не вытерпела и послала вчера Лилю на почту к приходу поезда за твоим письмом и получила его. Ты не поверишь, дорогой мой, до чего я была рада известию, что ты доехал до Берлина, не особенно устав. Теперь буду ждать с нетерпением письма из Эмса о том, как ты устроился и что сказал тебе Орт. Мы, слава богу, здоровы, ведем себя ночью хорошо и все о тебе вспоминаем. Вчерашнее письмо твое я прочла и тому и другой, и оба очень внимательно и с интересом выслушали. Лиля пишет сегодня тебе, а Федя велел передать, что он хотел тебе написать, да не знает, что написать, и уж напишет тебе, когда съездит к Нилу Столб‹енскому›. Только что я успела получить твое письмо и порадоваться, как мне принесли телеграмму. У меня и ноги подкосились: бог знает что пришло в голову, но, по счастью, оказалось телеграмма от Любимова в ответ на мое письмо, в котором я просила его прислать деньги мне, и не переводом, а наличными. Он отвечает, что деньги высылаются наличными, а секретарь его прибавляет, что мне выслан еще перевод на 800, который и просит возвратить обратно. Письмо мое к Любимову было деловое, но очень вежливое. Нового у нас нет ничего. В среду 25 были Анны, и ко мне явилась m-me Рохель с великолепным букетом и поздравила меня с именинами (а ты-то и не догадался меня поздравить). Просидела с час и была донельзя любезна. Вечером была у меня Анна Ивановна, которой, как настоящей имениннице, я и поднесла мой букет. Просидела целый вечер и была очень сердечна. Вчера ни у кого не была и никого не видала. Сегодня (пятница) вечером идем на народное гулянье в пользу Оренбурга, но без Феди, который ни за что не хочет идти в парк и берет с меня 15 к., ту плату, которую я бы отдала за него. Погода восхитительная, и мы все си-

дим на воздухе. Я писала к Анне Петровне Бергеман[676] и просила ее приехать погостить, но не получила ответа: ни сама не едет, ни письма не шлет. Это очень жаль, так как нам бы хотелось ехать к Нилу Ст‹олбенскому›. Писем никаких (кроме Пуцык‹овича›, который извещает о твоем приезде и присылает две загранич‹ные› почтовые марки) не получала, и ничего не случилось особенного, разве вот корова больна (потеряла жвачку) и мы боимся, чтоб она не пала. Лиля пьет кумыс. Мое здоровье очень хорошо, хотя сплю не так крепко, так как надо выжидать часа и 4-х часов, поэтому просыпаюсь в 12 и не сплю до 1-го, затем просыпаюсь в 3 и не сплю до 4-х. Но впрочем высыпаюсь отлично. Вижу самые соблазнительные сны, а в них одного очень, очень милого и дорогого человека, тебе коротко известного, — угадай кого? Дорогой мой, мы часто о тебе вспоминаем, вероятно, чаще, чем ты об нас. Дай бог тебе здоровья, это главное, а затем успешной работы. Но прошу тебя, ради бога, не работай через силу, а лучше заботься о своем здоровье, чтоб достигнуть цели, для которой приехал в Эмс. Лучше опоздать в Русский Вестник,[677] лишь бы поправить здоровье. Ну до свиданья, мой дорогой и вечно милый мой муженек, крепко обнимаем и цалуем тебя и остаемся твои Аня, Люба, Федя.

След‹ующее› письмо напишу в понедел‹ьник› 30-го, пойдет во вторник 31-го.

194. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Эмс. 28 июня/9 августа ‹18›79. Суббота.
‹В Старую Руссу.› Hôtel d'Alger, комната № 5.

Милый дорогой друг мой Аня, третьего дня получил твое письмецо от 21-го июля[678] и очень благодарен тебе. А так как я уже послал тебе много писем, то и отвечал не вчера, а пишу сегодня, а то и надоем тебе, пожалуй, письмами. Но однако ты пиши почаще, хоть коротенькие письма, но только почаще, чтоб я всегда знал, что с вами. Но лучше если б ты писала и подлиннее. Как хочешь, впрочем, не стесняю никого. Мне же здесь до последней крайности скучно и противно. Огромная толпа, пасмурная погода, а сегодня так всю ночь и весь день дождь. Сижу в глубоком уединении. Выхожу гулять, все так же, как и три года назад, в те же места, и скука до смерти. Вечером в ½ 8-го уже ночь (горы), чуть закат — сырость. Здоровье мое не совсем хорошо: страшно раскашлялся, по ночам особенно, грудь разорваться хочет. Общее ослабление, тоска, давление в груди, а ночью мучительнейшие кошмары. Сплю ночь прескверно, по пяти раз просыпаюсь и каждый раз от кошмаров (все разных), каждый раз в поту, так что ночью ровно пять раз переодеваю рубашку. Был сегодня в 8 часов утра у Орта (это уже 2-й раз). Он нашел, что если хорош желудок, то все хорошо (а желудок хорош); раздражительность же происходит всегда у всех от Кренхена в начале лечения. Усилил прием, теперь уже по 4 стакана в день. Он что-то гонит вперед. Пожалуй, при-

дется и раньше 5 недель окончить лечение, потому что все тут говорят, что в сентябре лечение плохое. Но уж если приехал сюда, то решаюсь взять все, что можно, и пробыть здесь до nec plus ultra.* А то столько жертв, а лечение скомкано. Вещи здесь страшно дороги, ничего нельзя купить <...> Купил бумаги (писчей) и перьев гадчайших, заплатил чертову кучу, точно мы где-нибудь на необитаемом острове <...> Из русских хоть есть имен тридцать (по курлисту), но все имена неизвестные, какой-то Семенов из Петербурга, какой-то князь Мещерский (но не наш). Кажется, здесь Чичерин.[679] Есть несколько княгинь и графинь с семействами (Долгорукая, Оболенская, Радзивил) — но все это незнакомые <...> Принялся вчера за работу, а вот сегодня опять за письма: тебе и Пуцыковичу. Прислал вчера письмо и умоляет, чтоб я поскорей прислал ему условленное письмо для напечатания. Письмо это надо сочинить осмотрительно, чтоб не компрометировать себя очень участием в эфемерном Гражданине.[680] Но помочь ему в этом смысле, конечно, надо. Пишет, что началась подписка. Может, и в самом деле что-нибудь будет. Тогда я сдеру с него хоть что-нибудь. Любимову отослал письмо 3-го дня, до невероятности мягкое, но однако же с твердым требованием, чтоб присылали деньги тебе и кредитными билетами.[681] Если получишь, то вышли мне немедленно сюда (poste restante) 100 р. И вообще чем раньше вышлешь, тем лучше. Это хоть и на всякий случай, т<о> е<сть> может быть, и не истрачу, но положительно необходимо.

Милый друг мой, думаю о всех вас беспрерывно, а как вечер — так до тоски и до мнительности. Я знаю, что ты хорошая мать деткам и благодарю тебя. Не давай им простужаться. Если износят сапожки или башмачки — купи новые. Думаю, что вы скоро поедете к Нилу. Помолитесь и за меня, но пишите с дороги. Деток цалую и благословляю. Скажи Лилечке, что жду от нее цвета лица. Пусть Федя не простужается. Береги свое здоровье. Что если ты заболеешь — кто за ними посмотрит? Мне это даже снилось в кошмаре. Обнимаю тебя и цалую, люби меня, а я тебя люблю. В отеле мне хорошо, обед мне приносят сытный, так что я оставляю одно блюдо на ужин. Пью один стакан пива и одну рюмку вина (здешнего, очень дешевого), маленькая бутылка на несколько дней. Из газет здесь Московские Ведом<ости> и Голос, да Journal de S. Petersbourg.[682]

Пиши чаще, а то я неспокоен. Еще раз цалую вас всех, тебя и деток. Ты тоже мое дитя, да еще иногда блажное, а я твое и тоже блажное.

Твой весь Ф. Достоевский.

Всем поклон.

---

* до предела (*лат.*).

195. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Ст‹арая› Русса. 30 июля 1879 г.

Здравствуй мой дорогой и золотой муженек, как ты поживаешь, мое золотое сокровище, как твое здоровье? Вчера, в воскресенье, я получила два твои письма из Эмса; хоть ты и послал их во вторник и в среду, но пришли они оба в воскресенье. Я ужасно рада, милочка мой, что ты благополучно доехал и уже начал свое леченье. Господи, если б оно принесло тебе пользу! Ничего бы я более этого не желала! Я думаю, Орт преувеличил и для пущей важности объявил, что у тебя «сердце не на месте». Бог даст, воды принесут тебе пользу и ты вернешься здоровый. Ради бога, лечись хорошенько и не скупись для своего лечения. Ты пишешь, чтоб я прислала тебе 100; изволь, дорогой мой, я непременно пришлю их 15 августа. Мы, слава богу, здоровы, но с Федей произошел казус: у него на щеке около уха из маленького прыщика образовался нарыв величиною в грецкий орех. Я ужасно испугалась и послала вчера за Рохелем. Он пообещал приехать вчера, а приехал сегодня. В это время нарыв созрел, и Рохель его проколол. Вышло ужасно много гадости и еще выйдет. Он непременно настаивал на купанье, и мы завтра начинаем купаться. Можно еще взять ванн 20, а с них это и довольно. Бедный Федя перенес и нарыв и прокол его очень терпеливо. Федя велел тебе написать, что «без папы все дурно: кушанье то горячо, то солоно, то без соли». По поводу ванн поездка к Нилу откладывается на неопределенное время. Время мы проводим довольно скучно, хотя никто нас не бранит (это тебе в пику сказано). Были мы в пятницу на народном гуляньи и очень остались довольны, но более всего г-н Жаклар, который очень всем интересовался и остался до самого конца праздника. M-me Рохель продавала на празднике на аукционе и продавала папиросы из своих рук по 4 руб. Находились-таки любители. Жаклар очень жалел, что не взял с собой денег, чтоб купить что-либо из рук m-me Рохель. В субботу я была у батюшки и Анны Иван‹овны›, а в воскресенье у меня собралось много гостей, Анна Васильевна с мужем, Анна Ивановна и батюшка с матушкой. Сегодня Анна Вас‹ильевна› была у меня целое утро и оставила у нас Юрика[683] на весь день, чем дети были премного довольны. Письма я получила от Елены Андреевны[684] (не важное), от Полякова[685] (глупое) и от Любимова вежливое, где он очень извиняется, что высылал на Ахенбаха, и просит, чтоб я у тебя за него извинилась. Прислали перевод на 800 р., который просят возвратить, а затем сегодня прислали и 500 р. наличными, и Любимов просит меня сказать ему, хочу ли я получить 800 на свое имя и на Старую Руссу. Я попрошу выслать к 20 августа. Погода у нас восхитительная; не знаю, долго ли продолжится. Мне присылают корректуры «Оскорбленных», и я поправляю и отсылаю.[686] Затем работаю. Анна Ив‹ановна› уезжает в воскресенье, а 15 уедут Жаклары, и я останусь одна. Дорогой мой, письма все неинтересные, но что тут делать! Ничего не случается особенного, да это и слава богу. Вчера по поводу нарыва я плакала

целый день, а ночью видела сон, очень меня поразивший: приходит Лиля и говорит грустным голосом: «Мамочка, пойдем». — «Где Федя, где Федя?» — Молчит. — «Боже мой, что случилось, где мой Федя?» — Молчит и идет за мной. Я схватила ее на руки и бегу с лестницы: «Веди меня, веди меня, что с Федей?» — Она молчит и затем сказала: «А как он мучился-то!» — Тут я все поняла. Значит его нет, вскрикнула, вскочила с постели, побежала к нему и увидя, что он мирно спит, раз восемь перекрестилась и сказала «слава богу». Ужасно поразил меня сон. До свиданья, дорогой мой Федичка, целую и обнимаю тебя горячо и люблю бесконечно. Лиля приписывает,[687] а Федя откладывает свое письмо до другого раза. Напишу тебе в четверг 2-го, пойдет 3-го августа. Целую тебя твоя Аня.

Ты мне часто снишься, дорогой мой папочка, знаешь ли ты это?

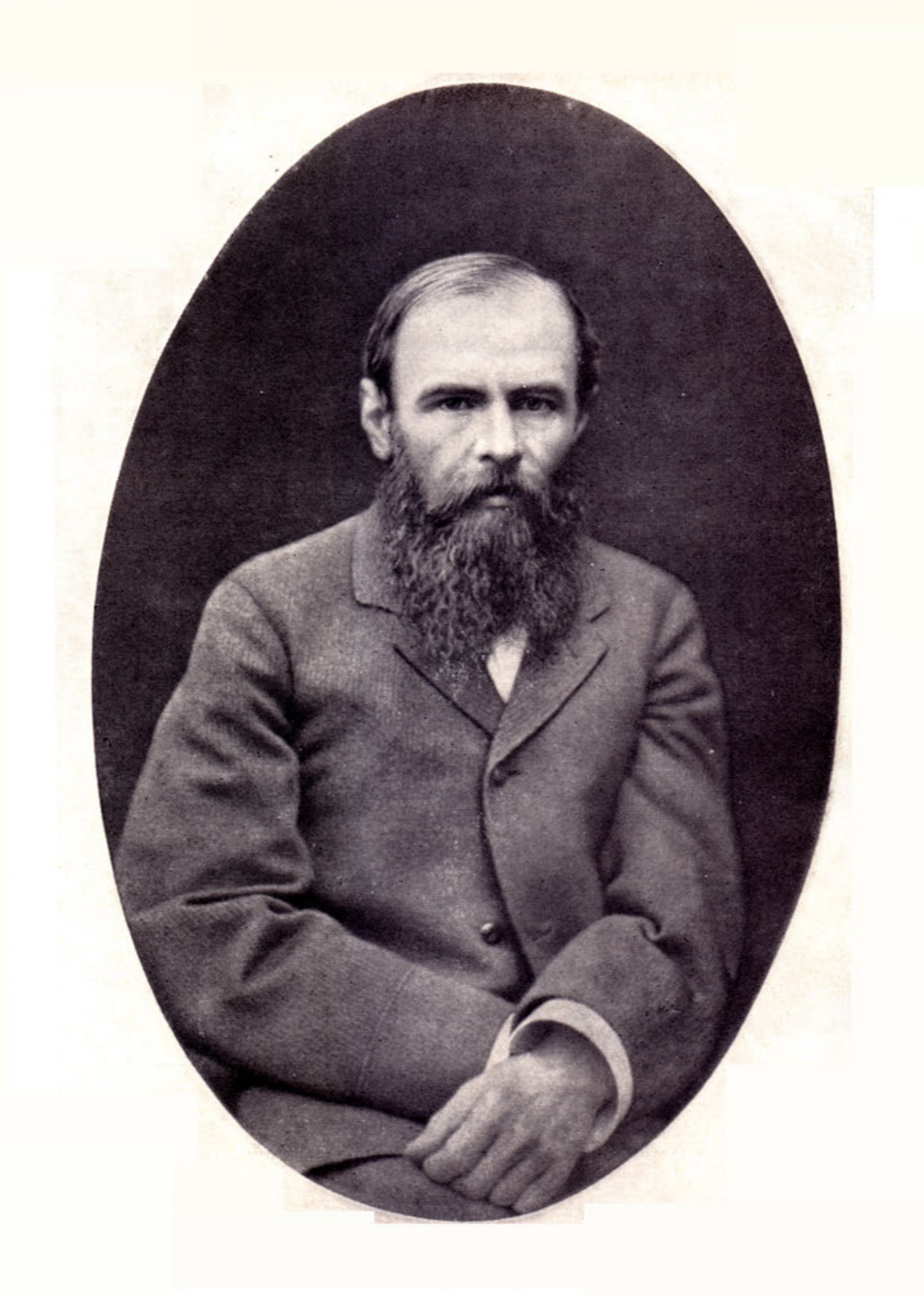
196. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 30 июля/11 <августа> <18>79. Hôtel d'Alger.

Милый друг мой и несравненная моя женочка Аня, вчера получил твое письмецо от 24-го, отвечаю сегодня, 30-го, пойдет завтра. Теперь уж, конечно, ты получила все мои письма из Эмса и знаешь всю суть. Но ужасно то, что нам надо столько дней промежутка, чтоб получить ответ на письмо, преневыносимая мысль. Целую тебя и обнимаю, благодарю Лилечку за письмецо, а Федю поздравляю с рыбкой. Пусть поймает три налима к моему приезду, сварим уху. Как я их люблю, моих ангелов, про вашу милость и говорить нечего. Только бы поскорей нам свидеться. Здесь мне тоскливо и скучно более чем до мученья. Ни души знакомых, все чужие иностранные рожи. По утрам туманы и холода. Кренхен действует раздражительно и мучит кошмарами, почти не сплю. Спазмодический мой кашель продолжается по-прежнему, но, может быть, и будет какая-нибудь помощь, начинаю надеяться. Дышать как будто легче, движений могу делать больше, отхаркивание хорошо, хотя кашель и не останавливает. Мучит меня ужасно и мысль о работе. Думал жить в уединении и все работать, а выходит, что всего могу работать лишь 2 часа в сутки, да и то днем, а не ночью. Встаю в 6, в 7 на водах и в 9 возвращаюсь пить кофей. Час на кофей и на отдых, и вот уже 10 часов. От 10 до 12 работаю. В двенадцать перед обедом иду на почту и гулять. В 1 час обедаю. От 2-х до 4-х после обеда или пишу письма (Пуцыкович тоже не дает покою, бомбардирует письмами, да еще хочет прислать мне свои корректуры для поправки — точно есть мне время!), или иду читать газеты. От 4-х до 1/2 6-го опять воды. Затем в седьмом часу прогулка, — это обязательно. В 8 часов уже ночь, свечи, и я пью чай, в 10 ложусь, — вот и весь день. А к тому же всю ночь кошмары, расстроенные нервы и беспокойство за работу. Вот будет праздник, если отошлю наконец Р<усский> Вестник![688]

А. Г. Достоевская.
Фотография К. Аразима (1867—1871). Дрезден.

Ф. М. Достоевский.
Фотография М. М. Панова. 9 июня 1880 г.

Само собою, приключений здесь со мною никаких, кроме разве пустяков. Так, наприм<ер>, потерял дневную рубашку (кажется, не из лучших), хватился только вчера. Между тем ее украли наверно еще в Hôtel de France, но туда теперь идти поздно. На другой день как я переехал в d'Alger из Hôtel de France вдруг вспомнил, что в de France остались мои штаны. Прихожу, лакей сконфузился. Оказывается, что он уже их прибрал куда-то далеко в сундук себе. Я взял штаны и унес с собою, но уж конечно, вместе с штанами осталась и рубашка. Здесь же в Hôtel d'Alger некому было украсть. 2-е приключение в том, что я купил зонтик. Стал третьего дня, в субботу пополудни гаргаризировать горло. Это комната, в которой устроено 50 мест для гаргаризующих, поставил в уголок зонтик и вышел, забыв его. Через 1/4 часа спохватился, иду и не нахожу: унесли. В этот день шел дождь ночью и все утро, завтра, думаю, воскресение, завтра заперты лавки, если и завтра дождь, то что со мной будет. Пошел и купил, и кажется, подлейший, конечно, шелковый, за 14 марок (по нашему до 6 руб.). Продав, купец <...> говорит мне: а вы спрашивали про ваш зонтик в полиции? — Да где же в курзале полиция? — А там есть отделение. А я и не знал. Пошел, спросил, и мне тотчас же возвращают потерянный зонтик, давно уже прибрали. Какова досада! Я предлагал 2 марки мерзавцу купцу, чтоб взял назад зонтик и возвратил назад 12 марок, не согласился. Решительно несчастье, только деньги выходят <...> Ну вот мои приключения. — Ночью начались у меня вздрагивания, боюсь очень припадка.

Теперь о вас. Значит, едете к Нилу 6-го числа. Голубчик мой милый, не хочу тебя мучить и стеснять тебя. Но на дорогу возьми 2 надписанные (адресами) конверта и очиненный карандаш, и где встретишь почту — кинь мне письмецо, всего хоть по 3 строчки карандашом. Да береги деток. Себя же, как зеницу ока, береги, для меня береги, слышишь, Анька, для меня и для одного меня. Так вы кутите и ходите на балы, сударыня? С какою же целью? (*Зачеркнуто* $2^{1}/_{2}$ *строки*). Анька, голубчик, здоровей, милая, не простудись, сохрани себя — ты нужна и мне, и деткам.

Молюсь об вас. А рядом с молитвой и всякие странные думы. Не могу удержать, а нервы расстраиваются. Уже и теперь накопилось кое-что секретное, что обыкновенно мы рассказываем друг другу, в первый же день по возвращении моем из долгого отсутствия, сейчас после обеда, в роде того, как, бывало, запираемся деньги считать. Анька, как хочется мне поскорее обнять тебя, не в одном этом смысле, но и в этом смысле, до пожару. [А Б-в чтобы не было, забудь и думать, по крайней мере даже не мечтай о них, хотя в мечте моей женочки я не властен]. (*Зачеркнуто несколько слов*) пусть она останется моей женкой. (*Зачеркнуто три строчки*). Целую тебя в губки, потом ручки, потом ножки, потом всю. Целуй деток. Скажи им, что прошу их быть тебе послушными, особенно в дороге к Нилу. Сохрани их, голубчик, я беспокоюсь ужасно. Мне здесь еще чуть не месяц, ужас, ужас!

Ф. Достоевский.

На балы, сударыня, вам ходить позволяется, *но помни меня*. Поклон всем, батюшке и Анне Васильевне особенно. — А 100 руб. пришли. Что не истрачу, то назад привезу. Курс-то опять падает.

Завтра жду твоего обещанного письмеца.

Аня, милая, отнюдь не смей похудеть, а *потолстей*. А главное здоровья и здоровья. Еще раз целую детишек.

197. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<В Старую Руссу.> Эмс. 1 авг<уста> /13 ав<густа> <18>79.

Милый ангел мой Аня, сейчас получил от тебя письмо от 27 июля. Думал было получить вчера, так мне показалось, но ошибся в расчете. Милый голубчик мой, пишешь, что 25-го были твои именины, и до крайности меня тем удивила: никогда бы и не подумал я, что ты именинница летом, да еще в июле! Я знаю, что рождение твое 30 авг<уста>, но именины твои в феврале, это всегда так было. И никогда, никогда не запомню я, чтоб мы праздновали твои именины в июле. Или ты ошиблась, или у меня никакой нет памяти. В самом деле, хоть и люблю бесконечно мою Аньку, но, кажется, никогда не достигну того, чтоб раз навсегда запомнить ее рождение и именины. Да еще попрекнула: «А ты-то меня и не поздравил». Да еще бы, если я наверно предполагал, что ты именинница в феврале. Цалую твои ручки и ножки и кроме того *всю* и прошу прощения. А затем поздравляю Вас, милая и дражайшая моя супруга, с прошедшим днем вашего ангела. От всего сердца поздравляю тебя, Анька, и дай бог тебе в жизни праздновать свои именины еще раз 75, не менее.

Вы все пишете об Ниле; а потому и отвечаю тебе на письмо твое сейчас же, рассчитывая, что, может быть, письмо мое еще и застанет тебя в Старой Руссе. Но надобно сознаться тебе, что я пишу по крайней мере вдвое чаще письма, чем ты ко мне. А еще пишешь, что я, наверно, не так часто вспоминаю о вас, чем вы обо мне. Но я не ропщу на тебя, не хочу тебя мучить, потому что письмо во всяком случае работа, хотя даже во сне вижу, что получаю от тебя письма, до того жажду от вас хоть какого-нибудь известия. Поблагодарите Любочку за ее прелестное письмецо, а Федулку за доброе намерение. Смерть люблю их. Тоскую также об вас чрезвычайно, т<о> е<сть> об вашей участи: что с вами и как вы? Кстати, есть ли у вас Фома[689] и ночует ли у вас? Пишешь, что не спишь по ночам: ради бога, спи, Анька, и высыпайся, и к чему такая регулярность. Если проснулась в 12, то в 12 и сажай их, если в 3, то не дожидайся до 4-х, сажай в 3. Иначе расстроишь нервы, да еще, сохрани боже, похудеешь, ты мне обещала, что постараешься потолстеть хоть *отчасти*, но об этом ниже.

Я очень рад, что Любимов поспешил, да еще прислал телеграмму, и рад тому, что я написал ему письмо чрезвычайно вежливое, так что уж не может обидеться. Значит, если 500 и 800, то, стало быть, рассчи-

тываются до последней строки. Это недурно. — А у меня здесь все непредвиденные расходы: сегодня утром уронил на водах свой хрустальный бесподобный стакан на каменный пол и разбил его вдребезги, стоил 5 марок. Тотчас же купил себе другой в 4 марки, но вот уже девять марок убытку. Да и предзнаменование нехорошо. Я все в раздражении от вод, сплю гадко, вздрагиваю, пью 4 стакана в день. Что будет дальше, не знаю. Но судорожный кашель не унимается, особенно ночью и вставая. Здесь по утрам туманы, днем же жарко. Никого знакомых, русских мало. Скучно, грустно. Сел писать, пишется пока хорошо.[690]

Лиле и Феде я как-нибудь напишу отдельное письмецо.[691]

Всем нашим поклон. Анне Васильевне особенно. Ну стоила ли Анна Ивановна, чтоб ей отдавать букет Рохельши. Здесь цветов ужасно много, и продают их кучами. Но я не покупаю, некому подарить. Царица моя не здесь. А кто моя царица — вы моя царица. Я так здесь решил, ибо, сидя здесь, влюбился в вас так, что и не предполагаете. Теперь об интимном очень: пишете, царица моя и умница, что видите [«самые соблазнительные сны»] (*зачеркнуто две строки*). Это привело меня в восторг и в восхищение, потому что я сам здесь, не только по ночам, но и днем думаю здесь о моей царице и владычице непомерно, до безумия. Не думай, что только с одной этой стороны, о нет, нет, но зато искренно признаюсь, что с этой стороны думаю до воспаления. Ты пишешь мне письма довольно сухие и вдруг выскочила эта фраза (*зачеркнуто десять с половиной строк*), которой бы она не схватывала мигом, оставаясь вполне умницею и ангелом, а стало быть, все происходило лишь на радость и на восхищение ее муженька, ибо муженек особенно любит когда она [вполне откровенна]. Это-то и ценит, этим-то и пленен. И вот вдруг фраза: [«самые соблазнительные сны»] (*зачеркнуто шесть строк*). Позвольте, сударыня (*зачеркнуто шесть строк*), ужасно целую тебя в эту минуту. Но чтоб решить о сне (*зачеркнуто две строки*) то, что сердечко моей обожаемой женки (*зачеркнуто полторы строки*). Анька, уже по этой странице можешь видеть, что со мной происходит. Я как в бреду, боюсь припадка. Целую твои ручки и прямо, и в ладошки, и ножки, и всю.

Тв‹ой› весь Ф. Достоевский.

Буду писать теперь сообразно с приходом твоих писем и с известиями о твоей поездке к Нилу. А помолитесь-ка кстати и за меня. Слишком ведь уж я грешен. Батюшке особенный поклон.

Философова [692] прислала мне сюда письмо. С Кавказа она едет в Псковскую губернию.

Пиши по возможности с дороги тоже. Ангелов моих Аню * и Федю целую и умоляю быть послушными. В дороге не позволяй Феде около колес и лошадей бегать. Да и не потеряй их как-нибудь в толпе. Аня, молю тебя!

---

* *Очевидно, описка: надо* Лилю.

198. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс 4/16 августа ‹1879.› Суббота.

Милый друг мой Аня, сейчас получил твое милое письмецо от 30 июля и сегодня же отвечаю. Итак выходит, что путешествие к Нилу откладывается: этому я даже рад, потому что беспокоился бы, да и известия от вас приходили бы не столь регулярно. Известие о Феде меня обеспокоило, именно прав Рохель, именно нужны ванны, хоть несколько ванн. Надеюсь, что ты уже начала. Вот я уже 11-й день здесь лечусь, а ты отвечаешь мне лишь на мое первое письмо из Эмса! Как это далеко и как тяжело. Об вас беспрерывно думаю, и хоть надеюсь на тебя во всем, но все беспокоюсь. Особенно мне тяжело и уныло здесь, когда начинается вечер. Мне, Аня, здесь невыносимо тяжело и гадко, почти не легче и не гаже каторги, которую я испытал. Без *преувеличения* говорю. Один, ни лица знакомого ‹...› Хоть и редко, но слышен иногда и русский говор, но кто эти русские — никто не знает, все из окраин России. Лечусь однако усердно и хоть бы и предугадывал заранее, что пользу не получу, а все-таки доведу лечение до срока, чтоб уж потом ни на кого не пенять. Пью я по четыре стакана утром и по одному после обеда и гаргаризуюсь Кессельбруненом утром и вечером. Здесь тепло, но сегодня целый день дождь, теперь только проглянуло солнце. Аппетит у меня есть, но нервы расстроены ужасно. Орт уверяет, что это действие Кренхена. По ночам сплю ужасно дурно, долго не засыпаю и в ночь раза три вспотею. Спазмодический кашель ужасный, по получасу и более сряду, и пред засыпанием и пробуждаясь, сильнее, чем бывал зимой. Сходил к Орту, он говорит, что этот кашель даже хороший признак, что это действие вод (у него все действие вод), что кашель оттого, что Кренхен, несмотря на анфизему, очищает легкие, которые *вновь* становятся способными вбирать в себя гораздо более воздуху, чем прежде, и что этот воздух-то, в таком количестве, и раздражает легкие, уже отвыкшие от такого количества. Кто его знает, может, тут есть капля и правды, и какой бы он ни был тупой доктор, но бесчисленно долгая практика здесь на месте дала же ему какую-нибудь опытность. Я же в самом деле как-будто вдыхаю глубже и даже замечаю это сам. Но что будет, то будет. О своем здоровьи, Ангел мой, ничего не пишешь, а ты у меня зеница ока, ты мне дорога, во-1-х, как мать детей, а во-2-х, как жена моя, а в-третьих, как бесценное сокровище, другого которого нет, хотя в тебе ужасно много недостатков; недоверчивость ко мне, неумение оценить меня в любви моей к тебе и нервы — нервы и нервы, не хуже моих. А все-таки я влюблен в вас (вовсе не шучу), и вы моя госпожа и повелительница навеки, ведь сознаю же я это изо всех сил.

Происшествий здесь никаких, ни малейших. Пишу и переписываю, чтоб поскорее отослать Pater-Seraphicus,[693] кажется, отошлю 7-го, господи, если б удалось отослать! По вечерам гуляю — самая грустная прогулка. Читаю в воксале Голос и Моск‹овские› Вед‹омости› — все скука. Вече-

ром в 8 часов пью чай (уже при свечах), в 9 начинаю ложиться, а в 10 уже в постели, но засыпаю только лишь к 12, все кашляю. — Спасибо тебе, голубчик, за готовность прислать мне 100 руб., ни копейки не трачу лишней, но, представь себе, даже и здесь, как я стал припоминать, за последние три года все вздорожало. — Немного у меня разыгрывается здесь геморрой, который в Петербурге и в Руссе совсем почти в последние годы прекратился, а сверх того туг желудок, все от одной только мясной пищи, ни зелени ни приправы ничего нельзя, все запрещено.

Федя говорит, что без меня все дурно, этому я верю, одна только Анечка хороша, но ведь за кухней она смотреть не охотница. Меня очень поразил твой сон, это значит, у тебя кошмары. Но дай бог, чтоб сон к лучшему. — Наконец, Анна Ив‹ановна› уезжает, скатертью дорога. Но и Жаклары тоже, останешься ты одна. Все развлечение ходить на ванны. Не *найди* чего-нибудь на ваннах, голубчик. Найди здоровье и только и утешишь меня ужасно. Ты как будто хотела что-то заметить о Жакларе: да неужели он приударил за Рохельшей? А тож, французский вкус, но чего же смотрит Анна Васильевна?

Хотел деточкам написать особое письмецо, да некогда. Отошлю работу, тогда напишу. Лиличка пишет премило, все письма ее берегу и всегда поцалую.

‹...› Все боюсь припадка. Ангел мой, пишешь мне милую приписочку, что часто снюсь тебе во сне и т. д. А я об тебе мечтаю больше наяву. Сижу пью кофей или чай и только о тебе и думаю, но не в одном этом, а и во всех смыслах. И вот я убедился, Аня, что я не только люблю тебя, но и влюблен в тебя и что ты единая моя госпожа, и это после 12-ти лет! Да и в самом *земном* смысле говоря, это тоже так, несмотря на то, что ведь уж конечно ты изменилась и постарела с тех пор, когда я тебя узнал еще девятнадцати лет. Но теперь, веришь ли, ты мне нравишься и в этом смысле *несравненно более*, чем тогда. Это бы невероятно, но это так. Правда, тебе еще только 32 года, и это самый цвет женщины (*зачеркнуто пять строк*) — это уже непобедимо привлекает такого, как я. Была бы вполне откровенна — было б совершенство. Цалую тебя поминутно в мечтах моих *всю*, *поминутно* взасос. Особенно люблю то, про что сказано:

И предметом сим прелестным восхищен и упоен он. — Этот предмет цалую поминутно во всех видах и намерен цаловать всю жизнь. Анечка, голубчик, я никогда, ни при каких даже обстоятельствах, в этом смысле не могу отстать от тебя, от моей восхитительной баловницы, ибо тут не одно лишь это баловство, а и та готовность, та прелесть и та интимность откровенности, с которою это баловство от тебя получаю. До свидания, договорился до чертиков, обнимаю и цалую тебя взасос.

Достоевский.

Деток цалую и благославляю. Ах, Аня, скучно мне, скучно. Всем поклон. Пиши непрерывно, как теперь, из двух дней в третий. Еще раз цалую всех вас троих.

199. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. 5-ое августа 1879 г.

Дорогой мой папочка, неоцененное мое сокровище, вчера я получила твое письмо от 30 и рада, что оно не такое сумрачное, как было предыдущее. Но мне больно, что ты ничего не пишешь утешительного о своем здоровьи, а напротив, говоришь, что кашель все в той же ужасной степени. Ничем ты не мог бы меня так порадовать, как сказав, что тебе лучше, в самом деле лучше. Дорогой мой, как мне тебя жаль.

Мы, слава богу, здоровы, и детки купаются, взяли пять ванн. Кашель у них давно перестал, разве в неделю раз кто кашлянет, ночью же никогда. Я тоже здорова, но плохо сплю и вижу кошмары, больше воров, хватающих меня за руки (домовой, как объясняет Александра[694]). Вчера мы наняли маляра, и он сегодня с 6 час‹ов› красит окна и двери (дом не буду красить). Запах по дому невозможный, и мы завтра переберемся вниз дня на три. Нового у нас ничего нет, Жакларов не видала, а вчера уехала Анна Ивановна, оставшись очень недовольною результатами лечения своего Аполлоши.[695]

Дни у нас идут ужасно скоро и ничего-то не сделаешь путного. Встаю в 9 (дети раньше), приготовляемся на ванны, в 12 на ванны до часу, в два дома и завтракаем (я очень устала от хождения каждый день на ванны), в 4 обедаем, а в 9 ложимся. Так что когда оглянешься на весь день, то в результате окажется лишь две пришитых пуговицы. Такая беда. Впрочем прочла два-три франц‹узских› романа и Русскую Речь, где помещено окончание романа Капустиной.[696] Федя, узнав, что ты велел поймать трех налимов, просил написать, что «погода бурная и рыба не клюет». Вернее же то, что ему наскучило это занятие, так как более интересно смотреть, как работает столяр (работал два дня) и как красит маляр. Федя сам выкрасил себе пушку в белый цвет, причем выкрасил себе и панталоны. Лиля пьет кумыс, но все еще нет цвета лица. Ждут не дождутся 20-го, чтоб ехать к Нилу Столб‹енскому›. Вчера я получила письмо от Шера, где он извещает, что наследники обещают приехать к 14-му августу в Москву.[697] Зовет меня приехать или прислать поверенного. Он предлагает выбрать сначала части по большому плану, находящемуся у него в Москве, а затем всем ехать в имение и, осмотрев имение, решить окончательно. Андрей Мих‹айлович›[698] тоже будет. Очень я жалею, что не могу поехать, опять дело затянется надолго. Погода у нас хорошая, но довольно холодная, особенно по ночам; я так мерзну, детей встаю и покрываю раза по три в ночь. За твои бедствия с рубашкой и зонтиком тебя бы следовало поставить в угол, но так и быть я тебя, моего голубчика, поцалую, да очень, очень крепко и нежно. Я очень по тебе, дорогой мой, скучаю, хотя надеюсь, что время скоро пройдет и мы с тобою увидимся. Лишь бы ты поправился, вот что главное, а остальное, скука — ничего. Дай бог тебе силы работать, дорогой мой, но пожалуйста, не зарабатывайся. Лучше не поспеть, но лишь бы не повре-

дить здоровью. За нас не беспокойся и не скучай очень. Я смотрю за детьми, и авось с ними ничего дурного не случится. С дороги буду писать тебе, где только почта, боюсь только, что из монастыря послать будет нельзя. Большое для меня лишение будет, что не буду получать от тебя писем, ты же их не прекращай, а то ты, пожалуй, воспользуешься случаем и не будешь писать, мой дорогой Федичка. Ведь может случиться, что мы и вовсе не поедем (дурная погода, нездоровье) или же поедем немного раньше (если того потребуют попутчики), во всяком случае за нас не беспокойся. Ничего нового не могу тебе сообщить, разве то, что тебе велел кланяться сам Рохель, который объявил, что твое здоровье необходимо. До свиданья, дорогой мой Федичка, цалую и обнимаю тебя горячо, от всей души и люблю бесконечно, уж конечно, больше, чем ты меня. Жду не дождусь, когда ты приедешь. Деньги пришлю на днях. Я хоть и экономлю, но деньги и у меня выходят, на ванны, гостинцы, прислугу, житье, рабочим, просто хоть плачь, да и только. Цалую тебя еще 1 000 000 000 раз. Твоя Аня. Детки тебе кланяются и цалуют папочку.

Следующее письмо напишу в среду 8-го, пойдет в четв‹ерг› 9-го.

200. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 7/19 августа ‹18›79. Вторник.

Сегодня, ангел мой, получил от тебя письмо (от 2-го авг‹уста›),[699] за которое очень тебя благодарю. Ждать теперь следующего письма, значит, до пятницы. Кстати, ты обижаешься, что я написал, что «никого не стесняю», но я ни малейшей обидной мысли не имел, клянусь тебе, дружочек мой Анечка, милая, хорошенькая женка моя (не хорошенькая, а красавица, вот как!). Все известия о тебе и о детках читаю всегда с наслаждением, по крайней мере в тот день, как приходит от тебя письмо, я всегда за вас спокойнее. Итак, вы начали купаться, непременно хоть 20 ванн возьми. А Нил, стало быть, не отложен. Пусть так, но если поедете после 20-го, то, пожалуй, нарветесь на холода и уже на осенние дожди, вот что беспокоит меня. А к тому же, если вдруг я ворочусь в Старую Руссу к 1-му или 2-му сентября и вас дома не застану, то-то будет прелестно! А ведь я именно к этим числам располагаю воротиться, ибо 28 августа (нашего стиля) будет ровно 5 недель лечения, т‹о›е‹сть› ровно сколько надо, а больше пяти недель я не останусь. — Ты пишешь, что раз у вас была буря и ты спала одетая, даже в башмаках, но зачем же так трусить. Вот этим, да слишком усердным вставанием по ночам к детям отвыкнешь много спать и расстроишь здоровье. (А пуще всего похудеешь). Спасибо, что обещаешь скоро выслать деньги, веришь ли, сижу и все рассчитываю, и можешь себе представить, что по расчету моему, из всех 700 руб. не только ничего не привезу домой, но даже деткам ничего не останется, чтоб привезть

гостинцу, как в прежние годы. Завтра в среду у меня здесь недельный расчет за квартиру и стол. Рассчитавшись, останусь ровно с 200 р. (еще не менял). Затем ты пришлешь 100 р., итого 300 р. Слушай же: останется 3 недели здесь. Каждую неделю за квартиру, стол, чай, сигары, прачка, непредвиденные мелочи minimum по 80 марок, выйдет 240, положим, 250 марок, затем Орту не менее 50 марок. До Берлина дорога с кладью во 2-м классе 55 м. (здесь всюду надбавлено на первые 2 класса). Затем портному в Берлине 80 марок, отель в Берлине 20 марок, да дорога из Берлина в Петербург 120 марок, да в Петербурге гостиница, да из Петербурга в Руссу — много ль останется из 636 марок, на которые разменял 300 р. Здешние <...> дают только 212 марок за 100 р., а курс опять начал колебаться ужасно. Да и вздорожало здесь все безумно против прежнего, кроме, разве, почты: сегодня, 7-го августа, отправил, наконец, толстейший пакет Любимову, т<о> е<сть> роман на август месяц 53 полулистка, и всего-то взяли 2 марки 25 пфеннигов recommandirt,* а я думал, возьмут наверно 5 марок. Чтó отправил, тем, кажется, доволен (т<о> е<сть> работой), выйдет очень хорошая вещь. К тому же не только 3 листа, но даже чуть ли не больше, рублей этак на 1000. Но более всего доволен тем, что, наконец, отправил! Долго сидел у меня на шее этот старец,[700] с самого начала лета мучился им. Сегодня, как уже отправил, получил вместе с твоим письмом и от Любимова, извинительное, почтительное и очень ласковое. Говорит, что был в Петербурге, а потому и не мог своевременно обратить внимание и т. д. Я опять-таки порадовался тому, что тогда написал ему, хоть и твердо, но чрезвычайно вежливо. Подтверждает, что вышлет тебе на днях 800 руб. Ты недоумеваешь: почему 800, а не 500, чтоб восполнить обещанные 2000? Но ведь они рассчитываются за все напечатанное доселе, и вышло 300 руб. лишних против 2000. — Кстати, ты боишься пожаров, а вот теперь могут узнать (по слухам из почты), что прибыло к тебе много денег, смотри, Аня, ночует ли у вас Фома или кто-нибудь? Это серьезнее пожару. В газетах только и читаешь, что по всей России убийства и грабежи. Я такой стал мнительный, что мучусь иногда здесь по вас, т<о> е<сть> чтоб не случилось чего-нибудь.

Анекдот с Лиличкой и ее сумасшествие прочел с неприятнейшим чувством.[701] Без сомнения, Анфиса,[702] но беда в том, что Анфиса будет еще и в будущем, года через 2, через 3, и пожалуй, преподаст ей, наконец, пресквернейшую какую-нибудь науку. Это надо крепко, крепко в виду иметь. Лиля умна и развита не по летам даже и теперь, а тогда будет очень худо. — Ангел мой, продолжай детям уроки, хоть бы Федя поскорей выучился читать. Да пусть к моему приезду выучат какую-нибудь молитву, «Верую», например, Лиличка по крайней мере.

Итак Жаклар приударил за Рохельшей, — ну-ну! Пишешь, что пьешь водку, а я именно хотел написать, чтоб пила больше. Я водку не пью

---

* заказным (*нем.*).

и мышьяк, который пил месяцев 6 сряду, перестал принимать, а между тем чувствую, что здесь как бы стал сильнее физически, от лечения, конечно. Хожу по 8 верст в день (никак не меньше) и не чувствую усталости, аппетит тоже есть. Но кашель прежний, а особенно в последние три дня. Все три дня был дождь и страшная сырость в нашем скверном ущельи, сегодня только проглянуло солнце. Ах, голубчик мой, ландшафт здесь восхитительный, но если б ты знала, до какой степени он прискучил мне, и как я его ненавижу! Кажется, здесь уже начинают разъезжаться <...> мои соседи выезжают на будущей неделе, и я квартиру не переменяю. Музыка здесь хоть и хороша, но редко Бетховен, Моцарт, а все Вагнер (прескучнейшая немецкая каналья, несмотря на славу свою) [703] и всякая дрянь. Ты пишешь, что у тебя от моего щипка синяк был, но ущипнул от любви, а так как любовь моя здесь усилилась, то обещаю и впредь щипаться до тех пор, пока разлюблю. Ангел ты мой: пишешь, что представляешь себе: что я теперь делаю и об чем думаю. Голубчик мой, на 9/10 о тебе и все представляю тебя. В мыслях цалую тебя поминутно, цалую и то, чем «восхищен и упоен я». Ах, как целую. как целую! Анька, не говори, что это грубо, да ведь что ж мне делать, таков я, меня уже нельзя судить. Ты сама (*одно слово зачеркнуто*) свет ты мой, и вся надежда моя, что ты поймешь это все до последней утонченности. До свидания, ангел мой (ах, кабы поскорей свидание). Цалую пальчики ног твоих, потом твои губки, потом опять (*одно слово зачеркнуто*).

Твой весь Достоевский.

Ты для меня красавица, красавица, да ты и в самом деле красавица, для всех красавица.

Деток благословляю и цалую. — Всем поклон.

201. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Эмс.> Старая Русса. Среда 8-го августа 1879 г.

Только что отправила тебе письмо, милый, дорогой и золотой мой Федичка, третьего дня, в понедельник, а вечером получила письмо и от тебя. Благодарю тебя за него и за те милые, прелестные слова, которые оно в себе заключало, но еще более за твои чувства. Что оно искренно, я не сомневаюсь, зная моего дорогого Федичку. Твоя «царица» цалует и обнимает тебя горячо и еще горячее любит. Ну как твое здоровье, поправляешься ли ты? Меньше ли кашляешь? Ты не поверишь, с каким нетерпением я жду известия, что тебе лучше. Мы все, слава богу, здоровы и ведем себя хорошо. Одна беда: затеяли красить двери и окна и, веришь ли, навязали на себя ужасную муку: ужасная пачкотня, запах! Пришлось перебраться вниз, и мы живем три дня внизу. Ты не поверишь, до

чего мне надоело караулить моего солдата и поминутно остерегаться, чтоб где-нибудь не запачкаться. Хорошо еще, что тебя нет, вот бы ты, бедный, натерпелся от этой муки. Нет, лучше ничего не переделывать, чем делать это при себе. А между тем у нас еще на неделю работы, так как хочу выбелить и оклеить потолки и стены. Погода у нас отличная, и детки ходят аккуратно на ванны, взяли их восемь. Вчера была у Анны Васильевны, которую не видала почти неделю. Застала их всех больными гриппом и кашлем, все не выходили больше недели из дому. Просидела вечер и очень была довольна: Анна Вас‹ильевна› рассказывала многое про себя и очень интересное. Жаклар подарил мне письмо какой-то франц‹узской› знаменитости. От них зашла к батюшке за Любой. У них, оказалось, празднуют рождение Сонечки[704] и много гостей. Между прочим и Верховцевы,[705] с которыми я и познакомилась. Засадили ужинать, и я вернулась с Любой в 12 час‹ов›. Федя не был. Замечательно, Федя положительно никуда не ходит, ни на музыку, ни к Жаклapaм, ни к батюшке. «Скучно у них, пойду лучше на заднюю улицу к мальчишкам». Теперь играет в рюхи. Вчера получили письмо от Бергеман. Пишет, что приедет к нам 22-го августа и прогостит неделю. А мы хотели ехать 21 к Нилу. Дети в ужасном огорчении, что не поедем, и я, может быть, решусь поехать 12—13—14 авг‹уста›, чтоб воротиться к 22-му. Еще не решила, так как многое зависит и от наших попутчиков. Все тебе кланяются, Анна Васильевна особенно.

Очень тяжело сообщить тебе печальное известие. Вчера я получила телеграмму от Ф. М. Достоевского,[706] что умерла Эмилия Федоровна.[707] Она скончалась 6-го августа, хоронят сегодня 8-го. Очевидно, они не знают, что ты заграницей, потому что зовут на похороны. Я, конечно, не поехала. Да если б и ты был здесь, то не успел бы приехать на погребение, так как получена телеграмма после отправления машины. Бедная Эмилия Федоровна, мне очень ее жаль. Не тоскуй, голубчик мой, прошу тебя. Я было не хотела писать тебе этого, но, может быть, ты захочешь им написать. Я завтра пишу Федору Мих‹айловичу› сочувственное письмо. Пожалуйста, дорогой мой, не печалься и не тоскуй о ней очень, это тебе повредит, а ты должен для нас беречь себя. Целую и обнимаю тебя горячо и прошу тебя любить меня, твою дрянную женку, которая однако любит тебя без ума и без памяти. Целуем тебя еще 1 000 000 000 000 раз. Твои Аня, Федя, Лиля.

Милый и дорогой мой папа как твое здоровье очень очень люблю тебя незнаю какия новости соопщить тебе разве вот что унас красят окна. Цалую тебя мой не оцененый папочка твоя Люба.*

Напишу в субботу 11-го, пойдет 12 августа.

---

* *Приписка Л. Ф. Достоевской.*

202. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 10/22 августа ‹18›79. Пятница.

Получил твое письмо от 5-го авг‹уста›. Благодарю за него чрезвычайно, но мне до того здесь скучно, что и письма уже не веселят. К тому же мысль: что это писано 5 дней назад, а теперь, сейчас, могло бог знает что с вами произойти, а потому хоть и рад письму, но все-таки остаюсь с беспокойными подозрениями. Ты, голубчик, пишешь, что скука ничего: ах, как ты ошибаешься. Эту каторгу почти уже нельзя выносить больше, каждый раз как я прежде бывал в Эмсе, всегда находились какие-нибудь знакомые русские — нынче никого и все подлейшие ‹...› рожи и все молчание и уединение. Даже музыка подлейшая: капельмейстер играет только свои вальсы, да какую-нибудь самую безвкуснейшую шушеру. Даже в читальной журналов русских всего только Москов‹ские› Ведомости, страшно опаздывающие, и мерзкий Голос, который меня только бесит.[708] Все развлечение смотреть на детей, которых здесь много, и заговаривать с ними. Да и тут пакости: сегодня встречаю ребенка, идущего в школу, в толпе других, 5 лет, идет, закрывает ладонями глаза и плачет. Спрашиваю, что с ним, и узнаю от прохожих немцев, что у него уже целый месяц воспаление в глазах (сильное мучение), а отец сапожник не хочет свести его к доктору, чтоб не истратить несколько пфеннигов на лекарство. Это меня ужас как расстроило, и вообще нервы у меня ходят, и я очень угрюм. Нет, Аня, скука не ничего. При скуке и работа мучение. Да и лучше каторга, нет, каторга лучше была! Ты смеешься, хорошо тебе.

Орт пересадил меня совсем на Кессельбрунен. Что до Орта, то каждый раз, как придешь к нему, он имеет такой вид, как будто забыл о тебе совсем и обо всем, что предписал тебе. Но Кессельбрунен он, на мои расспросы, разъяснил мне, что химический состав его почти тот же, что и у Кренхена, и эффект на болезнь тот же, но сильнее действует, потому что 10-ю градусами горячее и содержит в себе больше железа, чем Кренхен. Кессельбрунен-де укрепит организм железом и сильнее подействует. Таким образом я по утрам выпиваю 4 стакана Кессельбрунена, а после обеда 2 стакана Кренхена, но думаю, что и после обеда Орт предпишет Кессельбрунен. К возбуждающему действию Кренхена я под конец привык было, и кошмары прекратились, а пуще всего вздрагивание и пот по ночам (до 3-х раз переменял рубашку). И вот вчера, только что успел пересесть на Кессельбрунен — опять ночью кошмары и опять потение, так что уж тут решительно действие воды. Но какова же моя восприимчивость к действию воды. Серьезно думаю, что и мрачное расположение духа в последние два дня у меня от Кессельбрунена. Но скука, скука невыносимая. С кашлем как будто полегче по ночам, но вообще много кашляю. Отхаркивание легкое, но мало помогает при кашле. От этих кошмаров и вставаний ночью сплю я мало, часов 6 или даже 5 всего в ночь, а потому еще пуще расстраиваются нервы.

К ночи, вечером — такая тоска, что хоть бы и не смотреть ни на что. Ты пишешь, что скоро кончится, а меж тем завтра только наступает половина срока моего лечения и остается целая вторая такая же половина. А рожи и морды на ваннах, особенно женские, <...> а толпа, а давка — черт знает что такое! И на это было тратить 700 р.! Одно только утешение в надежде, что подействуют воды, так как, видимо, я к ним ужасно восприимчив. Силами я, кажется, поправляюсь, есть и аппетит большой, но желудок варит жестко. Всюду стоят лотки с фруктами; превосходные персики, виноград, груши, и все довольно дешево, и все мне запрещено, ешь одну говядину. Обед мне приносят сытный, но грубый. Рыба всего раз в неделю. Грубейшие пудинги каждый раз и 3 мясных блюда, из которых хоть на одном да сплутуют. Например, присылали мне одно немецкое блюдо: свиную кожу, содранную с мясом и так зажаренную. Здесь кормят этим слуг, и служанка сказала мне, что ее каждый раз тошнит. Сказала она по поводу того, что меня при ней вырвало. Присылали же ее часто, каждый раз тошнило и наконец вырвало. Я запретил приносить. А то вчера прислали курицу жареную. Стал я ее есть и, можешь себе представить, какой фокус: взята курица и с нее сняли все мясо, все до атома, так что голые кости как бы отполированы, а затем все прикрыто превосходно зажаренной куриной кожицей, так что сверху кажется как бы целая курица, но чуть тронешь вилкой, и под кожей 1 скелет. Я запретил приносить такое немецкое блюдо впредь, равно как и мороженое; 24 град<уса> в тени, девушка выходит из отеля Гедека, откуда я беру обед, и несет его 200 шагов до нашего Hôtel d'Alger. Мороженое наполовину растает. Затем я сажусь за суп, за жаркое, за соус и все время смотрю, как дотаивает последнее мороженое. В результате кислая красная вода.

Но довольно, все письмо только о себе. Наверно назовешь меня эгоистом. — Главное в твоем письме это Нил. Писать буду непрерывно, но боюсь, чтоб не простудились дети дорогою, у вас все дожди и холода, да чтоб не случилось чего, боже сохрани. Деток поцалуй. В Москву хоть и съедутся зачем-то, но раздел наверно не состоится.[709] Не написать ли Андрею Михайловичу, чтоб он нам сам, по совести (я ему верю) выбрал участок. А впрочем, не знаю. Начал писать далее роман. Так как ты присылаешь письма довольно постные, то и я на сей раз не выказываю чувств моих, как прежде, хотя и подтверждаю все, что писал прежде. Люблю-то тебя побольше, чем ты меня, это уж конечно. До свидания, крепко и горячо тебя обнимаю, так как обнимаю каждую ночь во сне.

Твой Достоевский.

Скажи: неужели маляр выкрасит и рамы и прекрасный дубовый натуральный цвет обратится в серовато-белую краску, как жаль.

Деток цалую и благословляю, каждый день благословляю их и молюсь за них. — Береги свое здоровье, здоровье, здоровье. А то расстроишь и свои нервы, и тогда на что мы оба будем похожи? Всем поклон.

Опять и еще 1000 раз целую тебя.

1000 раз поцаловать можно. Но написать, что целуешь 10 000 000 000, как ты написала — это уж явная ложь. Ноли-то легко ставить, а на деле?

Не в 100 000 000 000-х дело (*одно слово зачеркнуто*). Дорогая ты моя Анька.

Пиши, непременно пиши. А то если и от вас не будет писем — что будет со мною? Вот написал тебе письмо и как-будто душу отвел, развеселился. Накануне поездки к Нилу мне наверно напишешь, и я, конечно, пойму, что в дороге писать не так удобно.

Скажи деткам что-нибудь от меня милое. Я все об Алеше [710] думаю, здесь очень много таких, как он, с виду.

Присылай же 100 руб., не откладывай. — Бестья Пуцыкович, не отдаст мне 45 марок! Чувствую это.

203. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. Суббота, 11 августа 1879 г.

Пишу тебе, дорогой и золотой мой папочка, в субботу, как обещала. В сущности следовало бы подождать один день и, получив письмо твое (завтра я наверно его получу), завтра же тебе и ответить. Но боюсь сделать это, так как ты, верно, будешь беспокоиться. Дорогое мое сокровище, как твое здоровье, лучше ли тебе, вот что меня беспокоит? Меньше ли кашель? Хорошо ли спишь? В последнем письме (третьего дня) ничего ты не писал утешительного и просто меня огорчил этим ужасно. Неужели тебе и теперь не лучше? Только об этом и думаю. Мы, слава богу, здоровы и ведем себя хорошо. Дети взяли 11 ванн, и у Феди много высыпало на спине. У Лили же ничего. Погода удивительная, тепло, тихо, настоящее лето. Было бы все хорошо, если бы мы не затеяли обновить дом. Поверишь ли, дорогой мой, я просто с ума сошла от этой возни. Выкрасили все двери и окна (снаружи и снутри), выбелили потолки, оклеили лестницу обоями, обили толем гостиную и оклеили ее белыми прелестными обоями и видим, что еще много работы. Раз начали, надо продолжать. А теперь считаю, что лучше бы и не начинать, до того хлопотно, да и денег стоит порядочных. Наняла я солдата по 70 коп. в день. Работник он удивительный, приходит в 5 утра и уходит в 8 вечера, работает за двоих, но все дела много впереди. Кроме того запах по всему дому, все вещи запрятаны и уложены, и жизнь внизу. Ужасно мне все надоело и стало сердить. А то я тут была с удивительно хорошими нервами.

Вчера послала тебе обещанные сто руб. Послала сто один, потому что, посылая 101, платишь вдвое меньше, чем за 100 р., и я сэкономила 50 к. Рубль этот мне сохрани. Да и вообще, дорогой мой, храни деньги, как зеницу ока (забываю побранить тебя за бинокль, я тебя знаю, верно уж заплатил страшные деньги). Время проводим скучно. Вчера была у Анны Васильевны. Она какая-то вялая и чем-то как-будто расстроена. Жаклар каждый день на балконе у m-me Рохель, где сбирается многочисленное

общество, перезнакомился с всеми, а главное с хорошенькими дамами, о которых говорит с восхищением. Вчера при мне пошел на бал, куда его звала хорошенькая ученица институтка Готская и другие дамы. К этой Готской он хочет ехать в имение в Шимск. Познакомился и с m-lle Арнольди (ты ее видел, белобрысенькая). Анна Вас‹ильевна› рассказывает, смеясь, анекдот: третьего дня Жаклар и Арнольди поехали вдвоем гулять и пропали. Наступил вечер, и мать m-lle Арнольди начинает искать ее по всему городу и, наконец, является к Рохельше. Та успокоивает ее тем, что, вероятно, ее дочь зашла пить чай к m-me Жаклар. Та успокоивается и идет с m-me Рохель в театр и о ужас! первое, что она видит — это m-me Жаклар одну в театре. Спрашивается, где же ее дочь и m-r Жаклар? Вообще он ужасно оживлен и доволен, а ее, кажется, это тревожит, хоть она и смеется. Но вот видишь, дорогой мой, я пишу тебе сплетни. Завтра устраивается у Жакларов спектакль: придумали представить несколько басен Крылова в лицах. Актеры: Лиля, Федя, Юрик[711] и Анфиса.[712] Играть будут в костюмах из бумаги; клеили и резали бумагу наши дети и для этого два дня сряду уходили с ванн прямо к Жакларам. Даже хладнокровный Федя, никуда не ходивший все лето, ужасно заинтересовался, ходит к Жакл‹арам› и беспокоится о своей роли. Как сойдет спектакль, опишу тебе.

Спасибо тебе, мое золотое сокровище, за твои милые, дорогие письма. Радуют они меня несказанно. Люблю тебя я, дорогой мой, безумно и очень виню себя за то, что у нас идет иногда шероховато. А все нервы, все они виноваты. Тебя же я люблю без памяти, вечно тебя представляю и ужасно горжусь. Мне все кажется, что все-то мне завидуют, и это, может быть, так и есть. Не умею я высказать только, что у меня на душе, и очень жалею об этом. А ты меня люби, смотри же, голубчик мой, люби. Целую и обнимаю тебя горячо и остаюсь любящая тебя чрезвычайно Аня.

Все вижу восхитительные сны, но боюсь их рассказывать тебе, а то ты бог знает что пишешь, а вдруг кто читает, каково?

Напишу во вторник (14-го), пойдет в среду.

204. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс 13/25 августа ‹18›79.

Сейчас получил твое милое письмо от 8-го августа, друг мой Аня, и буду отвечать по порядку. Пишешь, что беспокоишься обо мне, т‹о› е‹сть› о моем лечении. Не знаю, что сказать тебе об успехах. Завтра ровно 3 недели, как я лечусь. Остается ровно еще 2 недели, так порешил сегодня Орт. 28 августа (нашего стиля) я, стало быть, кончу лечение и 29 же выеду отсюда. В дороге пробуду 5 дней, приеду в Старую Руссу, вероятно, 3-го, даже, может быть, и 2-го, но вероятнее, что 3-го. Так что последнее письмо от тебя может быть послано ко мне 23 или 24, а то не застанет. Впрочем, еще впереди 2 недели, и могут выйти изменения.

Чувствую я себя теперь, на [этой] теперешней точке лечения бодрее и сильнее, больше энергии, сонливость, например, исчезла вовсе — и это решительно надо приписать водам. Впрочем нисколько, кажется, не прибавляюсь в теле и не полнею. Разрывной кашель мой сильно утишился, почти исчез, но все же я кашляю и перхотливость сильная, хотя отхаркивание и очень легкое и кроме того начинает утолять кашель. Сплю же по ночам все-таки нехорошо, просыпаюсь часто и даже все еще потею, хоть и не столь, как прежде. Аппетит есть, но желудок не совсем в порядке. Ну вот и все, что могу сообщить теперь о себе, кроме, разве, того, что, кажется, лечение удастся. Но все это пальятивно,* на малое время, болезнь останется при мне, а истрачено 700 руб. — Здешняя погода тоже мешает лечению; хоть и тепло здесь, даже очень, но сыро, и хоть и сияет солнце, но раза по три в день дождь и особенно по ночам. Бывает, что всю ночь напролет идет, а мне сырость — первый враг. Была бы лучше погода, было бы успешнее и лечение.

Известие о бедной Эмилии Федоровне очень меня опечалило. Правда, оно шло к тому, с ее болезнью нельзя было долго жить. Но у меня, с ее смертию, кончилось как бы все, что еще оставалось на земле, для меня, от памяти брата. Остался один Федя, Федор Михайлович, которого я нянчил на руках. Остальные дети брата выросли как-то не при мне. Напиши Феде о моем глубоком сожалении, я же не знаю, куда писать ему, а ты не приложила адрес. (Не забудь сообщить адрес мне в следующем письме). Представь, какой я видел сон 5-го числа (я записал число): вижу брата, он лежит на постели, а на шее у него перерезана артерия, и он истекает кровью, я же в ужасе думаю бежать к доктору, и между тем останавливает мысль, что ведь он весь истечет кровью до доктора. Странный сон, и главное 5-го августа, накануне ее смерти.[713]

Я не думаю, чтоб я был очень перед ней виноват: когда можно было, я помогал и перестал помогать постоянно, когда уже были ей ближайшие ей помощники, сын и зять.[714] В год же смерти брата я убил на их дело, не рассуждая и не сожалея, не только все мои 10 000, но и пожертвовал даже моими силами, именем литературным, которое отдал на позор с провалившимся изданием,[715] работал как вол, даже брат покойный не мог бы упрекнуть меня с того света. Но довольно об этом. Я все, голубчик мой, думаю о моей смерти сам (серьезно здесь думаю) и о том, с чем оставлю тебя и детей. Все считают, что у нас есть деньги, а у нас ничего. Теперь у меня на шее Карамазовы, надо кончить хорошо, ювелирски отделать, а вещь эта трудная и рискованная, много сил унесет. Но вещь тоже и роковая: она должна установить имя мое, иначе не будет никаких надежд. Кончу роман и в конце будущего года объявлю подписку на Дневник[716] и на подписные деньги куплю имение, а жить и издавать Дневник до следующей подписки протяну как-нибудь продажей книжонок.[717] Нужна энергическая мера, иначе никогда ничего не будет. Но довольно, еще успеем переговорить и наспориться с тобою, по-

---

* paliativ — *облегчающий, смягчающий* (*лат.*).

тому что ты не любишь деревни, а у меня все убеждения, что 1) деревня есть капитал, который к возрасту детей утроится, и 2) что тот, кто владеет землею, участвует и в политической власти над государством. Это будущее детей и определение того, чем они будут: твердыми ли и самостоятельными гражданами (никого не хуже) или стрюцкими. Но довольно. Ты пишешь о Феде, что он все уходит к мальчикам. Он в таких именно летах, когда происходит кризис из 1-го детства к сознательному осмыслию. Я замечаю в его характере очень много глубоких черт, и уж одно то, что он скучает там, где другой (ординарный) ребенок и не подумал бы скучать. Но вот беда: это возраст, в котором переменяются прежние занятия, игры и симпатии на другие. Ему уже давно нужна бы была книга, чтоб он помаленьку полюбил читать осмысленно. Я в его лета уже кое-что читал. Теперь же, не имея занятий, он мигом засыпает. Но скоро начнет искать других и уже скверных утешений, если не будет книги. А он до сих пор еще не умеет читать. Если б ты знала, как я об этом здесь думаю и как это меня беспокоит. Да и когда же это он выучится? Все учится, а не выучится!

Про Нила опять у вас не решено по поводу приезда Бергеманши.[718] Но помилуй, Аня, что это такое? Ну зачем она приедет, для чего? Чтоб мешать? Ну зачем ты ее звала? Сделай ты мне такое одолжение, Аня, напиши ты ей (ты письмо это получишь 17-го, будет, стало быть, время) — напиши, что не можешь принять ее, что обстоятельства изменились и проч. Ну сделай же мне это одолжение, спрячь в карман хвастливый, пустой, ложный стыд перед нею! Если поедешь до нее, то она приедет без тебя и тебя не застанет, а ты всю поездку к Нилу сорвешь и скомкаешь, торопясь, без удовольствия, а может, и с опасностию. Если же она приедет позже (да еще на неделю, каково!), то пожалуй, доживет до того, когда я приеду, нарочно останется, чтоб меня встретить, то-то мне приятно будет [это]. Право не знаю, как ты это все устроишь. Лучше уж бы вы к Нилу ехали и совершили бы путешествие, не торопясь, а в свое удовольствие, на память деткам.

До свидания, голубчик, не сердись на мои наставления. Целую тебя крепко, тебя и все «прелестные предметы». Целую тебя 1000 раз, но не более. Завтра останется ровно 2 недели моему здешнему молчанию, ибо это не уединение только, а молчание. Я совсем разучился говорить, говорю даже сам с собой, как сумасшедший. Грустно мне здесь. Начал кое-как писать, но скука все убивает.

До свидания

Твой вечно Ф. Достоевский.

Аня, ты говоришь, что много выходит денег. Напиши, сколько у тебя теперь в руках денег. Не отчет о расходах я прошу, а только сумму. Переписку не прерву. Буду посылать по письму в каждые три дня.

Всем поклон. Пуцыкович выдал, наконец, № Гражданина. Прислал мне. Ждет подписки и обещается отдать 40 марок. № выданный обратится, конечно, в библиограф<ическую> редкость, и надобно сохранить

его. Написал так, что, кажется, не пропустят в Россию.[719] 40 же марок не отдаст.

Деток целую и благословляю. Лилю очень благодарю за ее миленькую приписочку, а Федю очень прошу утешить меня и выучиться читать. Затем, детки голубчики, слушайте маму. Цалую вас крепко.

205. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Старая Русса. 14 августа 1879 г.

Дорогой и милый мой папочка, бесценное сокровище. Я должна признаться тебе в одной хитрости, за которую прошу тебя не сердиться на меня. Завтра в среду мы едем с детьми в Рязанское имение на три дня. Видишь, как это вышло. Шер писал несколько раз о том, что наследники хотят разделиться и предлагал съехаться к 15-му числу в Москве, с тем, чтоб оттуда поехать вместе в Рязанск‹ое› имение и там, осмотрев его, решить, что именно нам выделить. Сегодня утром Шер прислал телеграмму, что Ставровские[720] приехали, а также Андрей Михайл‹ович›, и просил меня телеграфировать, приеду ли я? Я решила ехать, хотя сильно боюсь, что ты на меня рассердишься и будешь мною недоволен. Но рассуди сам, дорогой мой папочка, и ты сам увидишь, что ничего особенно дурного я не сделала. Во-первых, надо же когда-нибудь решить это дело, а не видав имения, как мы возьмем свою часть. Во-2-х, может быть, мы что-либо и решим в Москве. В-3-х: теперь я совсем свободна, тебя нет, дети здоровы и значит, может быть, долго не представится такого удобного случая. Наконец, ведь ты пускал же нас к Нилу на неделю, а тут даже удобнее, так как поедем по жел‹езной› дороге до Рязани, а там на лошадях в большом обществе под надзором Андрея Мих‹айловича›. Чего же бояться: если захвораем, то всегда найдется доктор. Да бог милостив, нельзя же все беспокоиться. Я обещаю тебе смотреть за детьми еще лучше прежнего, ведь люблю же я их, ты ведь это знаешь. Для твоего успокоения я напишу тебе из Москвы и из Рязани, а там будет маленький промежуток; пока будем в имении, ты не будешь получать известий. Из Москвы я напишу, сколько дней мы рассчитываем пробыть в имении. А кстати в Москве я получу кой-что из книгопродавческих долгов. Дорогой мой, я бы была совсем спокойна, если б знала, что ты на меня не сердишься, видишь, до чего тебя боюсь! Не писала тебе раньше лишь потому, что не знала, удастся ли нам поехать, а потому не хотела раньше тебя беспокоить. Нас не могут там убить, потому что нас будет много. Твои 2 письма я просила на почте пересылать в Рязань, так что при переезде через Рязань туда и оттуда я получу твои два письма и буду на твой счет спокойна. Дом я оставлю на верных слуг, кроме того будет смотреть наш жилец, ротный командир, который вчера приехал и пробудет у нас внизу дней 10 до своего отъезда в деревню. Главное, не беспокойся за нас, прошу тебя, а то эта мысль меня очень тревожит.

Теперь о другом, о спектакле, афишу которого при сем прилагаю.[721] Лиля играла муравья, петушка недурно, но лучше всего была в квартете мартышкой, просто прелесть. Но Мишка (Федя) поразил нас всех: он так отлично прошелся медведем, что рассмешил нас до упаду. Юрик тоже
так отлично прошелся медведем, что рассмешил нас до упаду. Юрик тоже
спокойно и без волнений опять играли. Был и батюшка. Детям Анна Вас‹ильевна› поднесла венки, а в них — маленькие подарки. Нас угощали шоколадом, мороженым и ягодами. Одним словом, спектакль удался на славу. Сегодня уезжает Жаклар, а 16 Анна Васил‹ьевна›, которая вчера просидела у нас до полночи и много говорила. Просила тебе кланяться. Ну дорогой мой муженек, отсюда вижу твое недовольное, но вечно милое лицо. Голубчик мой, не сердись на меня, пожалуйста, и люби меня. А я Вас, сударь, люблю чрезвычайно, невозможно и жду с ужасным нетерпением Вашего приезда. Знаешь, мне в последнее время было страшно скучно без тебя, только я тебе не писала. До свиданья, дорогое мое сокровище, цалую и обнимаю тебя горячо и люблю бесконечно. Твоя женка никуда не годная Аня

и детки очень, очень милые и добрые Федя и Лиля.* Милый мой папочка письмо тебе потом напишу твоя Лиля.

Следующее письмо из Москвы 17-го августа.

206. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс 14/26 августа ‹18›79.

Милый друг мой Аня, вчера отправил тебе письмо, а о главном-то написать и забыл. А между тем я в беспокойстве, которое постепенно возрастает с каждым днем, чем дальше, тем больше. Что же деньги, что же ты не высылаешь денег (100 р.)? Давно еще ты мне написала, что вышлешь к 15-му августа, и вот 15-е августа завтра, а завтра не только денег, но и письма простого от тебя не придет. Во вчера полученном от тебя письме ты уведомляешь, что напишешь 11-го, а пойдет 12-го (придет, стало быть, ко мне 16-го), а между тем вовсе умалчиваешь, какое это будет письмо, с деньгами или без денег. Вероятнее выходит, что без денег, если не предупредила. И однако ты сама обещала прислать к 15-му. Я в страшном беспокойстве: мне думается, что ты забыла и вспомнишь, когда уже поздно будет. Вот почему экстренно пишу, чтоб напомнить. И до присылки денег все буду в беспокойстве. Мне и так здесь не весело, а тут и это прибавилось. И почему ты откладываешь, когда я несколько раз, чуть не в каждом письме просил тебя выслать не откладывая, не медлить. (*Зачеркнуто полторы строки*) я больше писал в приписках. Главное беспокоит меня, что ты забудешь и поздно вспомнишь. Отправив вчера письмо и вспомнив, что забыл это приписать, я почти всю ночь не

* *Далее приписка Л. Ф. Достоевской.*

спал в беспокойстве. Повторяю тебе: я непременно хочу выехать 29-го августа, я ни дня не хочу оставаться больше в этой яме и скорей заложу часы и отправлюсь в 3-м классе, а в Берлине не возьму пальто, чем останусь здесь. Письмо это придет к тебе 18-го. Умоляю тебя, тотчас же по получении его, не откладывая даже до завтра, выслать мне 100 р. Если пойдет письмо из Старой Руссы даже 20-го, то придет ко мне 24-го. Если же и 24-го не получу денег, то телеграфирую в Москву Любимову, авось пришлет 100 р., и если по медленности своей даже и замедлят, то все же 2-три дня каких-нибудь, а пришлют же. Голубчик Аня, исполни просьбу мою, а то я как буду мучиться. А что если вы уедете к Нилу, да за хлопотами сборов забудешь выслать, а письмо это пролежит до твоего возвращения?

Не сердись, голубчик, я просто даже в тревоге. Я ни одного дня не хочу здесь сидеть долее. В 3-х последних письмах своих ты о высылке даже и не упоминаешь.

Цалую тебя и детей.

Ваш Ф. Достоевский.

Не сердись, Анечка.

207. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 16/28 августа ‹18›79.

Сейчас только получил твое дорогое письмецо (от 11-го), дорогая моя Анечка. Очень жалею, что послал тебе мое последнее нетерпеливое письмо о деньгах. Клянусь, я ужасно беспокоился: откладывая со дня на день, можно было действительно спохватиться, когда уже будет поздно. Мне же притом казалось, что ты ожидаешь моего возвращения гораздо позже, чем это должно быть. Выеду я отсюда (постараюсь изо всех сил) непременно 29 (нашего стиля). Не сердись на меня. Я от уединения стал мнителен, и мне все мерещится что ни есть худого и безотрадного. Тоска моя такая, что и не опишешь: забыл говорить даже, удивляюсь на себя даже, если случайно произнесу громкое слово. Голосу своего вот уже четвертую неделю не слышу. — Пишешь, что уже выслала мне 100 руб. «вчера», это значит 10-го, а я однако сегодня, получив на почте твое письмо уже от 11-го, еще не получил никакой посылки. Странно, что так запоздало. Но, конечно, получу и, может быть, завтра. Пишешь, чтоб я берег деньги и о бинокле. Но деньги у меня идут регулярно, и всякая трата моя здесь обрегулирована, разве вот на табак трачу лишнее, за неимением обычного моего табаку. Трата же на все чертовская, хоть и регулярная. Повторяю тебе, вряд ли и рубль оставшийся с собой привезу. Начнешь рассчитывать и только руками разводишь — почти не хватает. Что же до бинокля, то он стоил мне большой досады, потому что

очевидно меня надули, и я переплатил лишнее, больше, чем он стоит. Но ужасно хотелось купить. Но только никогда в России не было таких мошенников-купцов, какие теперь в Германии <...> Пишешь, что очень думаешь о моем здоровье. Повторяю: я сам не знаю, что выйдет из моего питья вод, хотя про себя и начинаю надеяться, что выйдет что-нибудь путное. Я положительно укрепляюсь в силах, и это чувствую. Кашель мой очень уменьшился и ослабел, но все еще есть, и уж конечно, излечить его невозможно. К тому же здесь так сыро, что я беспрерывно простужаю горло, и у меня вдруг на целые сутки начинается страшная перхотливость. Но дыхание чище и глубже, задышки гораздо меньше. С завтрашнего дня останется ровно 12 дней лечения, т<о> е<сть> одна последняя треть. — Впрочем дело моего здоровья обозначится осенью и зимою. Но ты-то о своем здоровьи мало пишешь, вот что, Аня, а я очень боюсь за тебя. Я хочу, чтоб ты возвратилась в Петербург, за лето серьезно поправившись. Теперь твое здоровье для детей становится дороже, чем мое. Я очень о тебе беспокоюсь и много думаю. Твои милые слова о том, что ты меня любишь, прочел с упоением. Ты пишешь: «люби меня», да я ль тебя не люблю? Мне только высказываться словами претит, а многое ты и сама могла бы видеть, да жаль, что не умеешь видеть. Уж один мой постоянный (мало того: все более с каждым годом возрастающий) супружеский мой восторг к тебе мог тебе на многое указать, но ты или не хочешь понять этого, или по неопытности своей этого и совсем не понимаешь. Да укажи ты мне на другой, какой хочешь, брак, где бы это явление было в такой же силе, как и в нашем 12-летнем уже браке. А восторг и восхищение мои неиссякаемы. Ты скажешь, что это только одна сторона и самая грубая. Нет, не грубая, да от нее, в сущности, и все остальное зависит. Но вот этого-то ты и не хочешь понять. Чтоб окончить эту тираду свидетельствую, что жажду расцаловать каждый пальчик на ножке вашей, и достигну цели, увидишь. Пишешь: а ну если кто читает наши письма? Конечно, но ведь и пусть; пусть завидуют.

Извещаешь о страданиях своих насчет ремонту дома. Что делать, сама затеяла. Но вот проходит время — и что же ваше путешествие к Нилу? К тому же трепещу за посещение Бергеманши: будет стоить это тебе и хлопот и расстройства нервов необъятного. Дай бог, чтоб все у вас уладилось к лучшему и веселому. Я здесь все мечтаю об устройстве будущего и о том, как бы купить имение. Поверишь ли, чуть не помешался на этом. За деток и за судьбу их трепещу. Сел писать роман [722] и пишу, но пишу мало, буквально некогда, можешь ты этому верить. К приезду моему (3-го или 4-го сентября) дай бог, чтоб привезть половину на сентябрьский-то номер, а остальную половину сяду дописывать на другой же день по приезде, ничего не отдыхая. А между тем работа должна быть чистая, щегольская, ювелирская. Это самые важные главы [723] и должны установить в публике мнение о романе. Тем, что послал на август, я доволен, но предчувствую (знаю их), что они наделают самых роковых опечаток. — Но это все потом, а здесь мне покамест скука, не простая, а болезненная, с ума сойти можно. Кажется, начи-

нают сильно разъезжаться отсюда, но все же толпа огромная. Русских ужасно мало, все незнакомые. Последние три дня все дождь.

Каков Жаклар, ай, ай! Молодец, впрочем. Вот это человек как следует, рвет цветы удовольствия, не то, что мы — народ забитый и запуганный. Мне очень интересно было, что ты писала о представлении басен Крылова. Это очень мило и хорошо. — Сознаюсь тоже, что путешествие к Нилу было бы для деток чрезвычайно назидательно и оставило бы воспоминание на всю жизнь их. И уж, конечно, Нил лучше, чем Бергеманша. Поблагодари голубчика Лилю за ее милейшее письмецо; Феде же скажи, что его письмо прелесть как удалось, мне очень понравилось, и что сохраню его на всю жизнь. До свидания, мой ангел, золотое ты мое сокровище, умненькая моя красавица. Красавица ты моя, вот что. И если б не смущало то, что ты говоришь про почтовую цензуру, бог знает бы что написал тебе. Ц а л у ю о д н а к о ж о п я т ь т в о и н о ж к и. (*Вычищено резинкой две строки*). Цалую его мысленно беспрерывно. Сердечко твое золотое тоже люблю ужасно, чту его и поклоняюсь ему. Нервы же вещь излечимая, неправда ли? Цалую и благословляю деток. Все мечтаю о них. Но довольно.

Твой вечный Ф. Достоевский.

Ждут ли меня детки, говорят ли обо мне иногда? Учи Федю читать. Неужто у Лилички нет цвета лица. Смотрю часто на их фотографические карточки.

Сплю по-прежнему мало, и все кошмары. Аня, ходи за своим здоровьем.

Идея: застанет ли это письмо тебя в Старой Руссе? А ну вы пуститесь к Нилу? А впрочем не препятствую, только бы обошлось без трудов и без хлопот особенных.

Боюсь в длинное и спешное путешествие мое простудиться и, таким образом, повредить лечению. Еще раз (1000 раз) цалую тебя. Всем поклон.

208. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› ‹Москва.› 17-го августа 1879 г.

Пишу тебе из Москвы, дорогой мой Федичка, и очень боюсь, что ты на меня сердит, до того боюсь, что не знаю, с чего начать. Лучше расскажу по порядку. Выехали мы 15 августа в среду в $^1/_2$ 7-го на пароходе до Новгорода, а от Новгорода до Волхов‹ской› станции. Погода была восхитительная, не жаркая, и дети были в восторге от путешествия. Федя почти все время стоял на носу и сообщал мне разные свои мысли про барки, рыбаков, охотников и пр. На пароходе с нами ехала жена отца Ивана Соборного[724] (она везла дочь в Новгород учиться). Узнав, что мы в Москву, она познакомила нас с одним академич‹еским› студентом, ко-

торый ехал в Троицкую Лавру, и поручила ему оберегать нас. Студент оказался твоим почитателем, да таким архипламенным, который почитает тебя до благоговения. Он убедил нас ехать в 3-м классе и выбрал нам места в некурящем отделении. Дети с ним ужасно подружились, особенно Федя, который от него и не отходил всю дорогу. Он же смотрит за детьми лучше трех нянек. Сам он бедный (сын дьячка) и сам перетаскивает свои вещи, чтоб не платить 10 к., а детям много раз приносил винограду, вишен, орехов, пряников и все услуги оказывал потому, что это дети Достоевского, «единственного русского огромного таланта». Видишь, папочка, и нас любят за тебя! Приехали мы в Москву в ½ 2-го и поместились на Никольской в Шереметевском подворье, в центре моих книгопродавцев. Тотчас оделись и направились к Шер. Оказалось, что из наследн‹иков› приехал один Ставровский (другой прислал Шеру доверенность), а вместо Андрея Михайловича приехал его старший сын[725] (Андрею Мих‹айловичу› отказали в отпуске). Решили ехать сегодня, 17, вечером с тем, чтоб завтра, 18, выехать в имение. Шер едет с курьерским, а мы раньше с почтовым. Разговоров пока мало было, успеем там наговориться. От Шеру я зашла к Преснову, обещал сегодня выдать деньги. К другим книгопрод‹авцам› не могла зайти, так как по случаю предпраздника[726] все магазины заперты с 3-х часов. Буду ходить сегодня. Затем, проходя мимо Большого театра, увидала, что дают балет «Конек-Горбунок».[727] Дети стали ужасно просить меня взять билет, и так как я никогда не была в театре, то и исполнила их просьбу. До театра мы отправились к Варваре Михайловне.[728] Нам сначала очень долго не отпирали, но потом она увидала нас из окна и была нам, кажется, рада. Просидели у ней больше часу. Много о тебе расспрашивала и велела тебе кланяться. От нее пошли в театр и очень приятно провели время. Дети были в восторге. Вообще им нравится путешествовать, и они ничуть не устали, так как спали всю ночь на жел‹езной› дороге. Я же ничего не спала в течение 42 час‹ов›, зато же в эту ночь спала как убитая. Теперь ½ 8-го, и дети спят, я же пишу тебе, чтоб поскорее отправить, хочу, чтоб сегодня пошло.

Дорогой и золотой мой папочка, умоляю тебя, голубчик мой, об нас не тужить. Видишь, ½ дороги сделали и благополучно, авось, все будет хорошо и далее. Так как у нас оберегателя не будет, то я поеду назад во 2-м классе, это я тебе обещаю. Завтра из Рязани напишу еще, чтоб ты не оставался без известий. Шер велел взять с собой побольше провизии, так как в деревне ничего не достанешь. Также взять хорошие сапоги и калоши себе и детям. Больше нечего писать (кстати: в день отъезда я получила 800 р. от Любимова, но не взяла их с почты, пусть полежат, назад не отошлют). Деньги и вещи я отдала батюшке на время моего отъезда, а % бумаги на хранение Рохельше. Жаклар велел тебе очень, очень кланяться, Рохельша и батюшка тоже. Теперь на прощанье крепко обнимаю и цалую тебя, дорогой и золотой мой папочка, и люблю бесконечно. Жду нашего свиданья чрезвычайно. Что твое здоровье, ужасно о нем беспокоюсь. Завтра надеюсь получить письмо твое в Рязани, так

как просила на почте туда переслать твои два письма. Целую и обнимаю моего бесценного муженька и люблю бесконечно.

Лиля напишет из Рязани, будить жалко, а она просила тебе приписать.

209. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Рязань. 18 августа ‹1879.›

Пишу тебе в субботу, 18, из Рязани, куда мы приехали вчера ночью в $^1/_2$ 1-го. Выехали же из Москвы в $^1/_2$ 6-го на почтовом, в 3-м классе. С нами ехал Александр Андреевич (сын Андрея Михайл‹овича›). Шер и Ставровский приехали на курьерском сегодня в 5 час‹ов› утра. Решили все собраться в одной и той же гостинице Морозова, и сегодня через два часа едем в имение. Погода отличная. За ночь мы выспались отлично. Сейчас хочу пойти на почту спросить от тебя письмо. Вчера мы очень много ходили по книгопродавцам, но без особенного результата; получила от одного Преснова 52 р. 50 к., другие же обещали дать при моем возвращении в Москву, следоват‹ельно›, придется при возвращении остановиться на день в Москве, третьих не застала дома, но известила о своем приезде. Была у Соловьева,[729] спросила, надо ли ему «Униженных и Оскорб‹ленных›». Тот просил прислать 30 эк‹земпляров›, а также спросил, почему я ему не выслала «Преступление и наказание», тогда как он тебя просил в ноябре выслать ему, когда ты получал с него деньги. Ты же мне передал тогда, что он сказал, что ему наших книг не надо. Я обещала выслать осенью. Были мы на Антропологической выставке и два часа по ней ходили. Детям очень понравилось. Были у Иверской,[730] но в Кремль не попали. Дети здоровы и ведут себя хорошо. Теперь, дорогой мой, я долго тебе не напишу, дней пять или шесть, но, ради бога, не беспокойся за нас. Я узнала, что там поблизости есть доктор. Я их буду беречь изо всех сил. Целую и обнимаю тебя крепко и нежно и остаюсь любящая женка твоя Аня. Напишу на возвратном пути из Рязани, а если будет возможно послать из деревни, то и тогда пошлю. Твои Аня, Федя, Лиля.

Милый мой папочка давно тебе не писала мы уже в рязани хороший город и извощики здесь очень не дороги я вижу из окна множество Арбузов мы в Москве порядочно покутили Кро́ме театра мы были на выстывке. Я очень была довольно особенно мне понравилась Мамонт ужасно велик больше горы.

Твоя Люба.*

Сейчас получила в Рязани письмо твое от 10 августа, пересланное мне из Руссы, и ужасно рада. Теперь я за тебя совершенно спокойна. За то, что ты не веришь в поцалуи 10 000 000 000 раз, целую тебя всего лишь один раз, да и то ты этого не стоишь за твое недоверие.

---

* *Приписка Л. Ф. Достоевской.*

210. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 19 августа/1 сентября ‹18›79.

Милая Аня, так как все-таки ты к 23-му или к 24-му намерена воротиться (пишешь, что едешь на 3 дня, а до 24-го выйдет 9 дней), то и пишу тебе сейчас, не откладывая до завтра. Разумеется, весь этот план [731] мне не очень по нутру, но еще в прежнем одном письме твоем, недели две тому назад или три, когда ты в первый раз уведомляла о Шере, я разглядел нечто подозрительное (очень помню это) и подумал, что ты что-нибудь предпримешь. Но если я и сержусь (очень), то за легкомысленное письмо твое, написанное так бегло и так наскоро, что ничего нельзя понять, и все остается предугадывать с большим беспокойством. Например, пишешь что едешь с детьми и не извещаешь, берешь няню иль нет. В Москве где остановишься? Поедешь на общее сборище — где детей оставишь? Или их вместе с собой потащишь? У Вареньки [732] остановишься что ли? Если же оставишь детей где-нибудь у Ивановых,[733] то хорошо ли с ними обойдутся и добродушно ли их примут? Затем деревня. Конечно, ты не поехала на авось и условилась письмами с Андреем Михайловичем или с кем-нибудь: где и как вы там остановитесь и надолго ли? Где же остановитесь? В избе, где, пожалуй, тебя обворуют и ограбят? А дети где будут оставаться, когда ты будешь, вместе с прочими, леса осматривать. Пишешь, что будет Андрей Михайлович, а я полагаю, что ровно никому нет дела до наших детей и что вообще дети от этой поездки что-нибудь да потерпят. Распоряжение же о том, чтобы почтамт старорусский пересылал тебе мои письма в Рязань, считаю почти безумным. Это верное средство сделать, чтоб они расстрелись с тобой и пропали. И это с аккуратностью-то нашей почты! А впрочем, полагаю, что ты уж вернулась; не на месяц же поехала. (*Одно слово зачеркнуто*).

Благодарю за извещение о детском спектакле, хотя и тут слишком краткое: видно, что ты занята. Писем твоих буду ждать с ужасным нетерпением, и если напишешь 17-го, то, пожалуй, дня три еще придется ждать. О себе не знаю, что написать. У нас все эти дни валил дождь как из ведра, и прилив мокрот у меня в груди был ужасный, а потому по утрам усилился и кашель. Да пришлось еще недоспать сряду несколько ночей, а потому нервы расстроились ужасно. В пустую надо мной квартиру въехали два немца и подымают страшный стук ночью. Только что я к одиннадцати часам засну, как вдруг, в половину 12-го, возвращаются они оба и подымают шум по лестнице и наверху прямо над моей головой такой, что будто целый табун лошадей пришел. Я просыпаюсь, вздрагиваю и уже не могу потом заснуть часа два, и так три ночи сряду, да и теперь почти так же. Я жаловался хозяйке, те обещали не топать ногами. Но при этом лечении нужен покой, спокойные нервы и хороший сон. Иначе лечение не принесет пользы. Я очень раздражен и в уединении моем весь даже озлобился. Пусть уж бы скорее из этой мокрой ямы. Хоть бы быть уверенным, что вас-то застану це-

лыми и невредимыми. Поцелуй детей. Скажи им спасибо, что были умники на спектакле. В эту минуту ты, может быть, где-нибудь уже в Рязани или дальше. Не успокоюсь до тех пор, пока не получу от тебя письма из Старой Руссы, уже по возвращении твоем. А что если настолько замедлишь, что оно уже меня не застанет? Я выезжаю 29 и надеюсь, что не задержит что-нибудь. Стало быть, надо чтобы последнее письмо твое ко мне было написано 23-го и пошло не позже 24, тогда еще получу его здесь, 28-го, если же напишешь позднее этих чисел, то уже не получу, 29-го поезд отходит рано утром.

К Нилу-то, я думаю, теперь не поедете. Или поедете? Деньги 100 р. я получил здесь 17-го, третьего дня, шло, стало быть, 8 дней. Курс наш упал ужасно, может быть, и еще упадет. Сижу и работаю, да вот теперь, за беспокойством, не знаю, много ли наработаю. Ух, сколько дела останется сделать по возвращении в Руссу. И еще в какой короткий срок. Не знаю, как-то тебя примут в Москве. Во всяком случае целую тебя крепко. Дай бог, чтоб ты получила это письмо в Старой Руссе без пересылки в Рязань. Я вот теперь пишу, а сам думаю, что не дойдет оно до тебя ни за что, расстренетесь. Так что даже писать не хочется. Однако тороплюсь. Обнимаю тебя еще раз, а об детках все будет теперь ныть душа. Благословляю их и молюсь за них. Над Федей непременно в Москве будут смеяться, что не умеет читать. Смеялись и надо мной в детстве, что отстал от брата.

До свидания, голубчик, твой нежный очень, хотя и сердитый муж.

Ф. Достоевский.

Всем поклон. И как же можно было написать такое беглое и не обстоятельное письмо. Лучше бы совсем не уведомляла до возвращения в Руссу.

Главное в Москве не загостилась бы! Еще целую и деток благословляю.

211. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Эмс.› Спас-Клепики.[734] 19 августа 1879 г.

Милый папочка, вчера выехали, 18-го, в $^1/_2$ 12 дня, ехали весь день и всю ночь с остановками и сегодня в 6 час‹ов› приехали в Клепики; отсюда в имение 12 верст, туда приедем в 12 час‹ов›. Пишу тебе потому, что завтра отсюда идет почта (один раз в неделю). Мы живы и здоровы. Дорогу в 72 версты от Рязани провели чудесно; Федя в восторге от лошадей, сам правил. Погода хорошая. Местность тоже хороша. Извини меня, дорогой мой, что мало пишу, да меня торопят на почту. Целую и обнимаю тебя горячо. Вот видишь, мой голубчик, я тебя не оставляю без известий, за это люби меня. Зато теперь напишу лишь через 3-4 дня.

Твоя Аня.

212. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 24 августа ‹6› сентября ‹18›79.

Милая Аня, сейчас получил твое письмо, писанное карандашом, из Рязани от 18-го августа, и опять повержен в беспокойство и сомнения. Опять тайны, опять вечные секреты. Не можешь ты никак удостоить меня полной откровенности. Списываешься и соглашаешься с червонными валетами, а от мужа все еще тайны и секреты. И к чему эта таинственность, если уж решилась исполнить задуманное? Неужели ты рассудить не можешь, что, видя тайну, не могу же я не быть расстроен, вечно предугадывая, сомневаясь и разгадывая здесь, за 2500 верст: что бы это было такое? Слушай: первоначально ты извещаешь меня, что едешь в имение (для чего? никто не может понять, а ты, может быть, менее всех) *на три дня*, и вот теперь извещаешь наскоро карандашом, уже от 18-го числа, что «*теперь я тебе долго не напишу, дней шесть*» (уезжая т‹о› е‹сть› в деревню из Рязани), и тут же прибавляешь, что напишешь мне из Рязани. Ясно, стало быть, что все эти 6 дней (а может, и больше, ибо число 6, как первоначальное *три дня*, очевидно, выставлено для моего успокоения, так что 6 значит minimum, а может, и 10, и 12, и две недели) — что все эти 6 дней ты намерена жить в деревне. Но для чего же 6 дней жить в деревне, где есть нечего, в курной избе с детьми и с червонными валетами, к чему понадобилось *столько* дней — все это загадка, которую я, очевидно, не в состоянии разрешить и которую ты, очевидно, все еще не хочешь мне открыть, не считаешь благонадежным и благоразумным открыть такому *неблагонадежному* человеку как я, и лучше решаешься меня повергнуть в смертельное беспокойство (не могу же я в самом деле не беспокоиться), чем удостоить меня полною откровенностью. Я здесь теперь ломаю голову и придумать не могу: для чего понадобилась целая неделя сроку житья в деревне? Межеваться вы что ли собираетесь, но ведь этого нельзя без полного всеобщего согласия, а остальные Достоевские могут не согласиться. Что же вы там будете делать? На простой осмотр достаточно бы и двух дней. Значит, что-то твердо положено сделать и условлено заранее с червонными валетами, но я только этого не могу и не должен знать. 6 дней, но тут непременно твердая и определенная цель, когда такой срок ясно предназначен *вперед*. Ну, а по прошествии этих 6 дней — что тогда будет? Что-нибудь в Рязани, какие-нибудь акты, купчие совершатся, или черт знает что еще — так от чего бы от меня-то так таить? Пустое, дескать: побеспокоится и перестанет. Из Рязани хочешь писать мне после 6 дней в деревне, но это уже будет 24-го числа minimum, а ведь я писал тебе сколько раз, что выезжаю 29-го, стало быть, *последнее* письмо твое ко мне должно быть написано 23-го, чтоб дошло. Стало быть, ты читаешь мои письма наскоро и не дочитываешь даже, может быть. — Ездишь в третьем классе с малыми детьми. У червонных валетов такие души и такие понятия, что твой вид принижен-

ности и бедности (в 3-ем классе) должен в них возбудить презрение к тебе. Останавливаешься с этими забубенными в одних и тех же трактирах, а в деревне, пожалуй, в тех же избах; тут тысячи непочтительных фамильярностей можешь увидеть от них. Шеры, Ставровские — все это одного корня народ, мошенники, надувалы и валеты. И уж ежели ты сама написала, что там нечего есть (это на 6-то дней), то воображаю, какой комфорт и чему могут подвергнуться дети. Не сердись, ради бога, но ведь я же не дерево в самом деле, не могу же я не беспокоиться. Охота даже пропадает писать, ибо, очевидно, и это письмо пойдет в Рязань из Руссы (если на такой долгий срок, то, конечно, мои письма надо было пересылать тебе из Руссы), но ведь всякому сроку конец, и очевидно, что одно или два письма должны расстреться, так что не знаю, дойдет ли это и в чьи попадет еще руки? К моему-то приезду будешь или нет в Руссе? До отъезда моего отсюда я уж и не рассчитываю теперь что-нибудь от тебя получить. — На всякий случай поздравляю тебя с днем твоего рождения, 30 августа. Напишу еще несколько строк в понедельник, и это уже будет последнее мое письмо отсюда. О себе писать нечего. Поблагодари Лиличку за ее милую приписку. Деток цалую и благословляю и очень за них беспокоюсь, душа не на месте. Цалую тебя тоже. Не сердись, повторяю: не деревянный же я.

Твой весь Ф. Достоевский.

Еще раз цалую тебя.

213. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Эмс. 27 августа/9 сентября ‹18›79.

Милый голубчик мой Аня, получил от тебя вчера вечером (по поводу воскресения у нас раздают переписку вечером) твой клочочек бумажки карандашом из каких-то Клепиков и чрезвычайно как благодарен тебе за него. Но однако же из Рязани до *имения*, значит, 80 верст с лишком и езды $1\frac{1}{2}$ дня; я думал, что гораздо ближе. Стало быть, из 6 дней три уходят на дорогу. Оно теперь мне понятнее, и 3 дня в деревне не возбуждают теперь во мне такого удивления. Но следовало с твоей стороны писать обстоятельнее, а то я совсем потерялся в моих расчетах: «Что, дескать, будешь ты делать в деревне 6 дней?». Да и теперь впрочем не знаю, но думаю по крайней мере, что к 28-му или 29-му вы возвратитесь же, наконец, в Руссу. (Ох, только бы дал бог благополучно). То, что ты пишешь о детях, меня несколько ободрило. Но опять-таки в твоем письме как будто недомыслие. Рассуди сама: пишешь ты от 19-го и приписываешь, что теперь уже дня 4 не будешь мне писать более. А я здесь ясно вижу, что ни в каком уж случае не получу здесь от тебя ничего более, ни одного то есть письма, ибо сам выезжаю послезавтра, 29-го. Дело в том,

что это твое письмецо из Клепиков, от 19-го, помечено на конверте в московском почтамте 22-м августом, ко мне же в Эмс пришло 26-го, шло, значит, неделю. Положим, ты мне напишешь (через 4 дня, как ты говоришь) из Рязани, значит 23-го числа августа, придай 6 дней ходу до Эмса, и будет 29-го, а 29-го утром мне уже нельзя будет идти в почтамт, ибо поезд идет в $6^1/_2$ часов утра, т<о> е<сть> когда еще и почта не приходит. (Приходит в $^1/_2$ 8-го). Из этого заключаю, что уже более от тебя известий никаких не получу. Это значит с 19-го до 3-го сентября, т<о> е<сть> ровно 2 недели! Это жутко. Я, голубчик мой, помнится тебе уже много раз писал, что последнее письмо твое должно пойти непременно не позже 24-го (из Руссы), чтоб я мог еще получить его, а теперь из Рязани. Полагаю, что ты мало обратила внимания на то, что я писал об этих строках, и забыла. — Но уж теперь нечего делать. По крайней мере сам-то отсюда выезжаю, и в дороге тоска по вас будет конечно сдерживаться чувством, что все же я приближаюсь к вам, к вам же еду и, наконец, приеду. Так как сегодня 27-е, то полагаю уже наверно, что письмо это застанет тебя уже в Руссе, так что тебе не будут уже никуда пересылать его из Руссы, и оно не пропадет. Не знаю только, много ли ты опять останешься в Москве? Хороша ли погода, не простудились бы дети? Поедешь ли ты во 2-м классе? и проч., и проч., вопросы так и кишат у меня в голове. На бога однако же надеюсь и на тебя тоже, хотя и взбалмошная, но деловая женочка. Жаль только, что не всегда откровенна с мужем, который так ее любит и ценит. Об себе скажу, что, кажется, лечение мое здесь не принесло мне особенной пользы. Говорить заране, конечно, нельзя, может быть, потом, к зиме, объявится польза, но теперь, я точно так же кашляю, как и приехал сюда, а всю последнюю неделю чувствовал даже особенную тесноту в груди, как в худшие времена. Полагаю, что всему виноват Орт, черт знает с чего пересадивший меня 3 недели назад с Кренхена на Кессельбрунен. А я именно после 2-х недель Кренхена почувствовал было себя несравненно лучше. А он пересадил. — Кессельбрунен, как мне кажется теперь, после 3-х недельного испытания — вода для меня сильная, больше той меры, которой требовал организм мой, а потому только раздражал мне нервы и, может быть, уничтожил доброе действие Кренхена. Впрочем не знаю, может быть, я ошибаюсь. — Что до денег, то, кажется, приеду в Руссу лишь с последними копейками, едва хватит. 100-<рубле>вую бумажку меняют здесь за 208 марок. Как-нибудь ухитрюсь. В дороге, должно быть, очень устану и расстроюсь. Роман же (на сентябрь) не довел и до половины. Как приеду, сейчас надо будет садиться и писать. — Проклятой здешней диетой (одна говядина и пудинги) расстроил только желудок, точно деревянный стал. — Кончается, наконец, скука моя безысходная, наконец-то начну громко говорить, а то 35 дней молчания. — Черт знает что такое. Погода здесь хоть и очень непостоянная, но теплая: какую-то у вас застану? И не простудиться бы дорогой. Поцалуй милых ангелов деток. От Победоносцева еще получил письмо и отвечал ему.[735] Если в Петербурге будет время, то схожу к нему. В Петербурге я буду, кажется, в воскресение — это скверно, все заперто.

Пуцыкович уже уведомил меня, что денег мне не отдаст.[736] До свидания, мой Ангел. Ну что если ты как-нибудь в дороге простудишься, расхвораешься? Мне жизнь ваша в деревнюшке и в лесу, хоть и 3-х дневная только, очень не нравится. И разве не случалось тебе простужаться, простужать горло, например, что простужала уже и прежде, — твое больное место. Слишком ты рискуешь, Аня. А тут 2 недели без известий. Но надеюсь на бога. Ворчать нечего, убереги вас только бог. Еду наконец. Ну до свидания и все-таки не до близкого: неделя целая еще пройдет. Деток целую и благословляю, а тебя целую 1000 раз и намерен скоро всласть целовать, голубчик ты мой.

Твой весь Ф. Достоевский.

Всем поклон. Еще раз всех вас целую. — Теперь у меня хлопоты, укладывать чемодан, покончивать все дела, а погода, кажется, переходит к дождю.

1880

214. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Старую Руссу.› Москва. 23/24 мая ‹18›80.[737]

Милый друг мой Аня, ты представить не можешь, как меня расстроило дорогой известие о кончине императрицы[738] (мир ее душе, помолись за нее). Услышал я про это в вагоне, только что выехали из Новгорода, от пассажиров. Сейчас у меня явилась мысль, что празднества Пушкину состояться не могут.[739] Думал даже вернуться из Чудова, но удержался от неведения: «Если празднеств — дескать — не будет, то могут открыть памятник без празднеств, с одними литературными заседаниями и речами». И вот только 23, уже выехав из Твери, купил Москов‹ские› Ведомости и в них прочел извещение от генерал-губернатора Долгорукого, что государь повелел отложить открытие памятника «до другого времени».[740] Таким образом, приехал в Москву уже совсем без цели. Думаю выехать во вторник, 28, утром в 9 часов. До тех пор по крайней мере воспользуюсь случаем, что попал в Москву и кое-что узнаю, повидаю Любимова и переговорю о капитальном,[741] тоже Каткова, обойду книгопродавцев и проч. Только бы успеть. Узнаю, наконец, и об литературных интригах подноготную.[742] С Анной Николавной[743] расстались в Чудове, задушевно облобызавшись. Обещала воротиться, если только будет какая возможность. День был жаркий. Я буквально ничего не спал и усталый и совершенно изломанный добрался в Москву к 10 часам по-московскому. В воксале ждали меня с торжеством Юрьев,[744] Лавров[745] [и] вся редакция и сотрудники Русской Мысли (Николай Аксаков,[746] Барсов[747] и человек 10 других). Перезнакомился. Тотчас же стали звать к Лаврову на

нарочно приготовленный ужин. Но я так был измучен дорогой, до того немыт, в грязном белье и проч., что отказался. Завтра 24-го поеду к Юрьеву во 2-м часу. Лавров сказал, что самая лучшая и комфортная гостиница в Москве Лоскутная (на Тверской, сейчас близ площади, где Иверская божия матерь), и тотчас же побежал и привел кучера, сказав, что это извощик, но он, кажется, был не извощик, а лихач или его кучер. Привезя в гостиницу, денег не хотел брать, но я ему дал насильно 70 коп. В Лоскутной все занято, но мне отыскали № в 3 р., очень порядочно меблированный, но окнами выходящий во двор и в стену, так что думаю, что завтра будет темно. — Предвижу, что статья моя[748] до времени напечатана не будет, ибо странно ее печатать теперь. Таким образом, поездка до времени не окупится. Теперь уже час ночи. Очень тяжело без вас троих, без тебя и без милых деток.

Цалую всех вас крепко, тебя первую, а затем Лилю и Федю. Поцалуй их за меня покрепче и скажи, что я их ужасно люблю. С книгопродавцев, вероятно, не успею ничего получить, ибо в 2 дня они не справятся. Ну до свидания. Не знаю, получу ли от тебя письмецо. Пиши на имя Елены Павловны.[749] Полагаю, однако, что тебе отвечать на это письмо мне нельзя, ибо получу не раньше 29, а 29 я хочу уже быть в Руссе. Вот если ты бы сама догадалась написать Елене Павловне, было бы прекрасно. Если случится (боже сохрани) какое несчастье, то телеграфируй мне уже в гостиницу Лоскутное, на Тверской, Ф. М. Достоевскому, занимаю № 32.

Еще раз обнимаю всех трех и крепко цалую.

Твой Ф. Достоевский.

215. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Москву.› Старая Русса. 24 мая 1880 г.

Милый Федор Михайлович, мы слава богу все здоровы и ждем тебя обратно, так как открытие памятника отложено. Детки кланяются тебе и цалуют.

Твоя Аня.

216. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. Воскресение 25 мая ‹18›80.
Лоскутная гостиница на Тверской.

Милый друг мой Аня, вчера утром посетили меня в торжественном визите Лавров, Ник‹олай› Аксаков и один доцент университета Зверев,[750] пришли заявить почтение. Должен был в то же утро отдавать всем троим визиты. Взяло много времени и разъездов. Затем отправился к Юрьеву. Встреча восторженная с лобызаниями. Узнал, что они хотят

просить, чтоб дозволили открыть памятник осенью, в октябре, а не в июне и в июле, как, кажется, наклонно сделать начальство; но тогда открытие будет эскамотировано,* ибо никто не приедет. О ходе дел от Юрьева не мог добиться толку, человек беспорядочный, в новом виде Репетилов. Однако же с хитростью. (Интриги, однако, были несомненные). Между прочим я заговорил о статье моей, и вдруг Юрьев мне говорит: я у вас статью не просил (т<о> е<сть> для журнала)! Тогда как я помню в письмах его именно просил.[751] Штука в том, что Репетилов хитер: ему не хочется брать теперь статью и платить за нее. «Но на осень, на осень Вы нам дайте, никому как нам, мы просим первые, слышите, а к тому времени Вы ее тщательнее отделаете» — (т<о> е<сть> точно уж ему известно, что она теперь не тщательно отделана). Я, разумеется, тотчас же прекратил о статье и обещание на осень дал лишь вообще. Не понравилось мне это ужасно.— Затем поехал к Новиковой, был встречен очень любезно. Затем визиты, затем к Каткову: не застал дома ни Каткова, ни Любимова. Отправился по книгопродавцам. Двое (Кашкин) переменили квартиры. Все обещали что-нибудь дать в понедельник. Не знаю, дадут ли. Поеду, однако, в понедельник и постараюсь записать новые квартиры. Затем заехал к Ив. С. Аксакову. Он еще в городе, но дома не застал, в банке.[752] Затем, воротясь домой, обедал. Затем в 7 часов поехал к Каткову: застал и Каткова и Любимова, был встречен очень, очень радушно и переговорил с Любимовым насчет доставки Карамазовых. Очень настаивают, чтоб на июнь. (Воротясь, придется чертовски работать). Затем упомянул о статье, и Катков настоятельно стал просить ее себе, т<о> е<сть> все-таки на осень. Взбешенный на Юрьева, я почти обещал. Так что теперь, если Русская Мысль захочет статью, то сдеру непомерно, иначе Каткову. (Статью к тому же времени можно еще распространить).[753]

У** Каткова (у которого опрокинул чашку с чаем и весь замочился) — отправился к Варе. Застал, и хоть было уже около 10 часов, но мы поехали с ней к Елене Павловне. Варя только что получила письмо от брата Андрея (насчет дворянских документов)[754] для передачи мне. Письмо взял [получил] себе. Елена Павловна, оказалось, переехала на другую квартиру и содержать номера бросила. Отправились на другую квартиру и застали у ней в гостях Машу и Нину Ивановых[755] (с которыми Елена Павловна помирилась) и Хмырова.[756] Ивановы отправляются дня через три в Даровое, тоже и Хмыров, ибо там тоже гостит его жена у Веры Михайловны. Посидели с час. Воротясь домой, нашел письмо, занесенное лично Ник. Аксаковым и Лавровым: зовут 25-го (т<о> е<сть> сегодня) на обед и явятся за мной в 5 часов. Устраивают [кажется] сотрудники Русской Мысли, но [кажется] будут и другие. Я думаю, будет человек от 15 до 30, по намекам Юрьева (еще когда был у него). Кажется, обед делается по поводу моего приезда, т<о> е<сть> в честь меня, будет же где-нибудь, верно, в ресторане. (Эти все московские молодые

---

* escamoter — обмануть, провести кого-нибудь (*франц.*).

** *Вероятно, описка: надо* от.

литераторы восторженно хотят со мной познакомиться). Теперь 3-й час. Через 2 часа они придут. Не знаю только, в сертуке ли быть или во фраке. Но вот и весь мой бюллетень. Денег у Каткова не спрашивал, но сказал Любимову, что, может быть, летом понадобится. Тогда Любимов ответил, что по первому востребованию вышлет, куда я прикажу. Завтра надо объехать книгопродавцев. Заехать к Елене Павловне: нет ли от тебя письма, быть у Машеньки, которая ужасно просила меня, и проч. Послезавтра, во вторник, 27 выеду в Руссу, но не знаю еще, с утренним или с полуденным поездом. Боюсь, что завтра мне не дадут дела делать: Юрьев все кричал, что ему «надо со мной беседовать, беседовать» и проч. Очень мне вообще скучно, и нервы расстроены. Более я думаю тебе не напишу, разве в случае чего-нибудь очень характерного. До свидания, голубчик. Целую тебя крепко и деток. Очень поцалуй Лилю и Федю. Очень вас люблю.

Твой Ф. Достоевский.

Post-Scriptum.

25 мая, 2 часа пополудни.

Милая Аня, распечатал вчера еще запечатанный к тебе конверт, чтоб сделать приписку. Сегодня утром пришел ко мне Иван Серг‹еевич› Аксаков с тем, чтоб настоятельнейшим образом просить меня остаться на открытие, так как оно произойдет, как все ожидают, до 5-го. Он говорит, что мне нельзя уехать, что я не имею права на то, что я имею влияние на Москву, и главное, на студентов и молодежь вообще, что это повредит торжеству наших [коренных] убеждений, что слышав вчера за обедом конспект моей речи, он проникся убеждением, что я должен говорить, и проч. и проч. С другой стороны, объявил мне, что я как депутат от Слав‹янского› благот‹ворительного› общества и не могу уехать, ибо все депутаты ввиду слуха о близком открытии остались ждать. Он ушел, и тотчас пришел Юрьев (у которого я сегодня обедаю), говорил то же самое. Долгорукий[757] сегодня (25-го) уехал в Петербург и дал слово прислать телеграмму из Петербурга о точном дне открытия памятника. Телеграмму ждут не позже среды, 28, а может быть, и завтра. Я решил так: остаться ждать телеграммы о дне открытия, и если действительно открытие назначено между 1-м и 5-м июня, то остаться. Если же позже, то уехать в Руссу 28-го или 29, об этом и сообщил Юрьеву. — Главное, я все не могу узнать, где Золотарев.[758] Юрьев дал слово, что сегодня узнает и приедет мне скажет. Тогда я могу уехать даже и как депутат Слав‹янского› благотв‹орительного› общества, возложив присутствовать на торжестве на одного Золотарева. (Кстати; венки на памятник заготовляются на свой счет, а венок стоит 50 руб. (!). (*Далее зачеркнуто четыре строки*). Затем Юрьев начал приставать, чтоб статья была напечатана в Русской Мысли.[759] Тут я высказал ему все, т‹о› е‹сть› что почти обещал Каткову. Он страшно взволновался и огорчился, извинялся, утверждал, что я его не так понял, что вышло

Могила Ф. М. Достоевского.
Фотография. 5 февраля 1881 г.

qui pro quo,* и когда я намекнул, что беру за мою работу деньги, то закричал, что Лавров определил мне заплатить за работу мою все, что я спрошу, т<о> е<сть> даже 400 или 500 руб. — Я и сказал Юрьеву, что я, почти обещав статью Каткову, именно имел в виду просить отсрочку Карамазовых именно по поводу того (перед публикой), что вместо Карамазовых явится статья о Пушкине. Теперь же, если я отдам в Р<усскую> Мысль, то выходит, что я выпрошу у Каткова отсрочку именно с целью воспользоваться этой отсрочкой, чтоб работать на врага его Юрьева.[760] (Представь таким образом в каком я положении! Но Юрьев сам виноват). Катков обидится. Правда, Катков 400 руб., например, не даст, (да и 300 руб. дает лишь за Карамазовых, а за статью, пожалуй, и не дадут 300 р.), так что лишние сотни полторы от Юрьева окупили бы мое здесь промедление до открытия памятника. Одним словом, хлопот и затруднений бездна. Как и что будет, не знаю, но решил пока остаться до 28. Таким образом, если не назначат открытия памятника до 5-го, то 29-го или 30-го ворочусь в Руссу (постаравшись где-нибудь поместить статью). — Ты же мне хоть что-нибудь напиши немедленно (опять повторяю просьбу). Неужели же я так ни строчки от тебя не получу? Пиши непременно по тем адресам, которые я вчера в письме (которые вместе с P<ost>-Scriptum этим получишь) назначил. Если хочешь, телеграфируй. — Юрьев рассказал, что сегодня множество лиц приходили к нему ругаться: зачем он скрыл от них вчерашний обед? Приходили даже 4 студента просить места на обед. Между прочим приходили Сухомлинов[761] (который здесь), Гатцук,[762] Висковатов[763] и другие. — Сейчас поеду по книгопродавцам. До свидания. Еще раз цалую вас всех.

Твой весь Ф. Достоевский.

Юрьев имел уже статью Ив. Аксакова о Пушкине.[764] Вот почему, вероятно, 3-го дня и отвиливал. Услышав же то, что я вчера на обеде говорил о Пушкине, вероятно, решил, что и моя статья необходима. Тургенев тоже написал статью о Пушкине.[765]

217. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва 25/26 мая <18>80. Гостиница Лоскутная на Тверской.

<В Старую Руссу.>

Милый друг мой Аня, вот и еще тебе письмо (пишу во 2-м часу ночи). Может быть, придет к тебе после моего приезда (ибо все-таки намерен выехать во вторник 27-го), но пишу тебе на всякий случай, ибо обстоятельства так складываются, что, может быть, я и еще на не-

* недоразумение (*лат.*).

которое время останусь. Но по порядку. Сегодня 25-го в 5 часов приехали за мной Лавров и Ник. Аксаков и повезли меня в собственной коляске в Эрмитаж. Они были в сертуках, и я поехал в сертуке, хотя обед, как оказалось, был именно устроен в честь меня. В Эрмитаже уже ждали нас литераторы, профессора и ученые, всего 22 человека. Юрьев с 1-го слова заявил мне, в торжественной встрече, что на обед рвались многие и что если б только был дан сроку еще всего один день, то собрались бы сотни гостей, но устроили они слишком поспешно, а потому и боятся, что когда узнают многие другие, то станут их упрекать, что их не позвали. Было 4 профессора Университета, один директор гимназии Поливанов[766] (друг фамилии Пушкиных), Иван Сергеевич Аксаков, Николай Аксаков, Николай Рубинштейн[767] (московский) и проч. и проч. Обед был устроен чрезвычайно роскошно. Занята целая зала (что стоило немало денег). Балыки осетровые $1^1/_2$ аршина, полтороаршинная разварная стерлядь, черепаший суп, земляника, перепела, удивительная спаржа, мороженое, изысканнейшие вина и шампанское рекой. Сказано было мне (с вставанием с места) 6 речей, иные очень длинные. Говорили Юрьев, оба Аксаковы, 3 профессора, Николай Рубинштейн. За обедом получены были две приветственные телеграммы, одна от одного самого уважаемого профессора, выехавшего внезапно из Москвы.[768] Говорилось о моем «великом» значении как художника «всемирно отзывчивого», как публициста и русского человека. Затем бесконечное число тостов, причем все вставали и подходили со мной чокаться. Дальнейшие подробности при свидании. Все были в восторженном состоянии. Я отвечал всем весьма удавшеюся речью, произведшею большой эффект, причем свел речь на Пушкина. Произвело сильное впечатление. — Теперь одно пренесносное и затруднительнейшее дело: депутация от Любителей р‹оссийской› словесности была сегодня у кн. Долгорукого, и он объявил, что открытие памятника последует между 1-м и 5-м числом июня. Точного, однако, числа не обозначил. И вот все они в восторге. «Литераторы, дескать, и некоторые депутации не разъедутся, и хоть не будет музыки и театральных представлений, то все же будут заседания Любителей словесности, речи и обеды». Когда же я объявил, что уезжаю 27-го, то поднялся решительный гам: «Не пустим!». Поливанов (состоящий в комиссии по открытию памятника), Юрьев и Аксаков объявили вслух, что вся Москва берет билеты на заседания, и все берущие билеты (на заседания Люб‹ителей› р‹оссийской› словесности) берут, спрашивая (и посылая по нескольку раз справляться): будет ли читать Достоевский? И так как они не могли всем ответить, в каком именно заседании буду я говорить, в первом или во 2-м, — то все стали брать на оба заседания. «Вся Москва будет в огорчении и негодовании на нас, если вы уедете», — говорили они мне все. Я отговаривался, что мне надо писать Карамазовых; они серьезно стали кричать о депутации к Каткову просить отложить мне срок. Я стал говорить, что ты и дети будут беспокоиться, если я так надолго останусь, и вот (совсем не в шутку) не только предложили послать к тебе телеграмму, но даже депутацию

в Старую Руссу к тебе, просить тебя, чтоб я остался. Я отвечал, что завтра, т<о> е<сть> в понедельник 26-го, решу.

Сижу теперь в страшном затруднении и беспокойстве: с одной стороны, упрочение влияния моего не в одном Петербурге, а и в Москве, что много значит, с другой — разлука с вами, затруднения по Карамазовым, расходы и проч. Наконец, хоть «Слово» мое о Пушкине теперь уже непременно будет напечатано, но где — ведь я *почти* что, в субботу, обещал ее Каткову. А стало быть, Любители и Юрьев будут в горе. А отдать им, рассердится Катков. Думаю, пока, непременно уехать, если не 27-го, то 28-го или 29-го, когда от Долгорукого получен уже будет *точный* срок открытия. Может быть, до этого получения ответа придется выждать. С другой же стороны, опять-таки, Долгорукий говорит еще *сам от себя*, из Петербурга же точного *срока* пока не получил (да и сам, кажется, на несколько дней едет в Петербург), так что я, положим, что остался бы до 5-го июня, а вдруг получится повеление отложить еще до 10-го или до 15-го, тогда все мне ждать? Завтра скажу Юрьеву, что уеду 27-го, но если останусь, то в случае каких-нибудь точных и серьезных обстоятельств. Во всяком же случае теперь в ужасном беспокойстве. После обеда заезжал к Елене Павловне, но от тебя не нашел. Конечно, еще рано из Руссы, но неужели и завтра не получу? С Еленой Павловной доехал к Машеньке Ивановой и рассказал ей, что обедал с Рубинштейном, была восхищена. Во всяком случае, как получишь это письмо мое, непременно мне ответь: все равно, если я выеду, то Елена Павловна перешлет письмо нераспечатанным в Руссу. И потому непременно и сейчас же ответь. Адрес самый точный Елены Павловны: *на Остоженке, в приходе Воскресенья, что на Остоженке, дом Дмитревской, с передачею Ф. М. Дос-му.* Если же захочешь телеграфировать, то телеграфируй или к Елене Павловне, или прямо ко мне, в гостиницу Лоскутную, на Тверской, — также верно получу. (Письма же лучше адресуй на Елену Павловну).

N. B. Я выбран в члены Общества люб<ителей> российской словесности еще год назад, но прежний секретарь Бессонов,[769] по небрежности, не уведомил меня о выборе, в чем мне и принесли извинение. Обнимаю тебя, дорогая моя, крепко, деток цалую, вижу странные и знаменательные сны по ночам.

Твой весь Ф. Достоевский.

А речь я сказал хорошо. Еще раз обнимаю тебя. Деток расцалуй, расскажи им о папе.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. Думаю все-таки настоять и выехать 27-го, правда тогда, пожалуй, речь не придется напечатать, ибо будет иметь значение не как речь, а как статья. Это надо обделать.

Утонченность обеда до того дошла, что после обеда за кофеем и ликером явились две сотни великолепных и дорогих сигар. Не по-петербургски устраивают.

218. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 27 мая ‹18›80. 3 часа пополудни.
‹В Старую Руссу.› Гостиница Лоскутная в № 33.

Милый друг мой Аня, опять новости. Когда я приехал, меня тогда Юрьев и Лавров препроводили в гостиницу Лоскутную, и я тогда занял 32-й № за 3 руб. На другое утро явился ко мне управляющий гостиницей (еще молодой человек, имеющий вид образованного господина) и нежным голосом предложил мне перебраться в другой № напротив, 33-й. Так как № 33-й был несравненно лучше моего 32-го, то я тотчас же согласился и перебрался. Подивился только про себя, как такой хороший № ходит по той же цене, т‹о› е‹сть› по три рубля; но так как управляющий ничего не говорил о цене №, а просто просил перебраться, то я и заключил, что тоже в три рубля. Вчера, 26-го, я обедал у Юрьева, и вот Юрьев вдруг говорит, что в Думе я записан в Лоскутной гостинице № 33-й. Я удивился и спросил: почему знает Дума? — Да ведь вы же стоите на счет Думы, ответил Юрьев. Я закричал, Юрьев начал твердо возражать, что я не могу иначе поступить, как приняв от Думы помещение, что все гости стоят на счет Думы, что дети даже Пушкина,[770] племянник Пушкина Павлищев[771] (стоит в нашей гостинице) — все на счет Думы, что отказавшись принять гостеприимство Думы, я оскорблю ее, что это наделает скандалу, что Дума гордится, считая в числе гостей своих людей как я и проч., и проч. Я решил, наконец, что если и приму от Думы квартиру, то не приму ни за что содержания. Когда я воротился домой, то управляющий опять ко мне зашел спросить: всем ли я доволен, не надо ли мне еще чего-нибудь, покойно ли мне — все это с самою подобострастною вежливостью. Я тотчас же спросил его: правда ли, что я стою на счет Думы? — Точно так-с. — А содержание? — И все содержание Ваше тоже-с от Думы. — Да я этого не хочу! — В таком случае вы оскорбите не только Думу, но весь город Москву. Дума гордится, имея таких гостей, и проч. Что мне теперь, Аня, делать? Не принять нельзя, разнесется, войдет в анекдот, в скандал, что не захотел, дескать, принять гостеприимство всего города Москвы и проч. Потом вечером я спрашивал Лаврова и Юрьева, — и все удивляются моей щепетильности и прямо говорят, что я оскорблю всю Москву, что это запомнится, что об этом толки будут. Таким образом, решительно вижу, что надо принять полное гостеприимство. Но зато как же это меня стеснит! Теперь буду нарочно ходить обедать в рестораны, чтоб, по возможности, убавить счет, который будет представлен гостиницей Думе. А я-то два раза уже был недоволен кофеем и отсылал его переварить погуще: в ресторане скажут: ишь на даровом-то хлебе важничает. Два раза спросил в конторе почтовые марки: когда представят потом счет Думе, скажут: ишь обрадовался, даже марки на казенный счет брал! Так что я стеснен и иные расходы непременно возьму на себя, что, кажется, можно устроить. В результате: сколько бы я ни прожил в Москве, непременно не очень проживусь.

(N.B. Получил вчера с Соловьева, с Кашкина и с Преснова, всего в сложности до 170 руб., счеты увидишь сама, как приеду. Из Центрального маг‹азина› и от Морозовых еще не получил).[772]

Вчера в 4 часа пополудни всем стало известно со слов Долгорукого (твердых слов), что открытие памятника последует 4-го июня и что так настоятельно хотят в Петербурге. Окончательная телеграмма от Долгорукого о точном дне открытия придет лишь завтра, но все здесь твердо уверены, что открытие будет 4-го. Получены, кроме того, об этом же письма из Петербурга. Депутации (множество) от разных городов и учреждений ждут и не разъезжаются. Господствует сильнейшее оживление. Меня решительно не пускают. Решил теперь, что, кажется, непременно останусь, и если открытие произойдет 4-го, то выеду отсюда в Руссу, стало быть, 8-го и 9-го буду у вас. Сейчас утром приходил Григорович[773] и приходил Юрьев, кричат: что отсутствие мое почтется всей Москвой за странность, что все удивятся, что вся Москва только и спрашивает: буду ли я, что о моем отъезде пойдут анекдоты, скажут, что у меня не хватило настолько гражданского чувства, чтоб пренебречь своими делами для такой высшей цели, ибо в восстановлении значения Пушкина по всей России все видят средство к новому повороту убеждений, умов, направлений. 2 причины стоят у меня препятствием и мучают мою душу: 1-я — Русский Вестник и принятая еще месяц назад обязанность доставить Карамазовых на июньский №. Воротясь 10 июня, что я напишу в какие-нибудь 10 дней? Любимов же 4-го дня ответил, что отсрочка дальнейшая, на июль, зависит от Маркевича,[774] если он что-нибудь доставит из своего романа, то можно отсрочить, а то так нет. Ответ же от Маркевича получится не ранее 10 июня. Таким образом я в неизвестности и в беспокойстве. Думал бы начать здесь Карамазовых, но ввиду беспрерывной суетни, посещений и приглашений почти невозможно. 2-я причина, меня мучащая, это тоска по вас: ни одной-то строчки до сих пор не получил от тебя, а ведь уговорились, что ты будешь писать на адрес Елены Павловны! Что с тобой делается, скажи ради бога, почему не пишешь, здорова ли ты, целы ли, здоровы ли дети? Если б ты что написала мне по поводу того: ждать или не ждать мне здесь открытия, я бы был спокоен. Ведь по газетам узнала же ты, что скончалась императрица, как бы тут-то не написать, предвидя, что я непременно должен находиться в затруднении. Каждый день, вчера в дождь, езжу в ужасную даль к Елене Павловне справляться: нет ли письма? Туда и назад рубль извощику. — Напиши, напиши непременно.

Но, кажется, решусь остаться наверно. Вот хоть бы узнать наверно число, а то что если опять отложат! Вчера по настоятельному приглашению был на вечере у Лаврова. Лавров — это мой страстный, исступленный почитатель, питающийся моими сочинениями уже многие годы. Он издатель и капиталист Русской Мысли. Сам он очень богатый неторгующий купец. Два брата его купцы, торгуют хлебом, он же выделился и живет своим капиталом. 33 года, симпатичнейшая и задушевная фигура, предан искусству и поэзии. На вечере у не‹го› было человек 15 здешних

ученых и литераторов, тоже некоторые из Петербурга. Появление мое вчера у него произвело восторг. Не хотел было оставаться на ужин, но видя, что огорчу смертельно всех — остался. Ужин был как большой обед, утонченно приготовленный, с шампанским. После ужина шампанское и сигары в 75 руб. сотня. (Обед 3-го дня был по общей подписке, весьма скромный, не свыше 3-х руб. с персоны, но всю роскошь, цветы, черепаший суп, сигары, залу — все это Лавров прибавил уже от себя). Воротился домой в 4-м часу. Сегодня Григорович сообщил, что Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошел и даже, может быть, совсем сошел.[775] Приехал и Анненков, то-то будет наша встреча.[776] — Надо мне опять повидать Каткова и Любимова, чтоб еще уговориться, Юрьев же приезжал сейчас за статьей, умоляя непременно ее в Русскую Мысль. Золотарев приедет (получено известие). От вас только одних не получаю известия. Аня, ради Христа, напиши, по адресам, какие я дал. Все ли письма от меня получила? До сих пор писал каждый день. Ты, Аня, любишь говорить, люблю ли я тебя? а у самой обо мне тоски никакой, а я об тебе тоскую. Что детки! Хоть бы капельку об них услышать. Шутка ли, почти еще две недели разлуки. До свидания, голубчик мой, цалую тебя крепко, детишек цалую и благословляю. Если будет что особенное, напишу и завтра.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. В нашей гостинице, кроме меня стоят от Думы еще трое: два профессора из Казани и из Варшавы и Павлищев, родной племянник Пушкина. Кланяйся батюшке.

219. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 27—28 <мая 1880.> 2 часа пополуночи.
<В Старую Руссу.> Гостиница Лоскутная в № 33-м.

Милый друг мой Аня, наконец-то получил от тебя, сегодня вечером 5 строк карандашем от 24 числа. И вот я получаю только 27-го вечером! Долго же идет письмо. Ужасно обрадовался, да и огорчился, ибо всего только 5 строк, да и то с «милым Федором Михайловичем». Ну да бог с тобой. Надеюсь получить впредь получше. Ты теперь уже все знаешь по моим письмам: кажется, придется непременно остаться на открытие памятника. Вечером был у Каткова. Выслушав все (он уже и от других слышал, как меня ждет «Москва») — он твердо сказал, что мне нельзя уезжать. Завтра будет телеграмма от Долгорукого и будет назначен точный день открытия. Но все говорят про 4-е число. Если 4-го будет открытие, то выеду, вероятно, 8-го (если даже не 7-го) и 9-го буду

в Руссе. К Каткову я заехал с целью получить отсрочку на Карамазовых до июльской книжки. Он выслушал все очень дружественно (и вообще был донельзя ласков и предупредителен, как никогда со мной прежде), но об отсрочке не сказал ничего точного. Все зависит от Маркевича, т<о> е<сть> пришлет ли он продолжение своего романа. Я рассказал Каткову о знакомстве моем с высокой особой у графини Менгден и потом у К. К.[777] Был приятно поражен, совсем лицо изменилось. В этот раз я у него чаю не пролил,[778] зато подчивал дорогими сигарами. Провожать меня вышел в переднюю и тем изумил всю редакцию, которая из другой комнаты все видела, ибо Катков никогда не выходит никого провожать. Вообще думаю, что с Р<усским> Вестником дело как-нибудь уладится. О статье же о Пушкине я не упомянул ни слова. Авось забудут, так что можно будет передать Юрьеву, с которого наверно получу денег больше. Мечтаю даже найти до 8-го числа капельку времени и приняться здесь за Карамазовых на всякий случай, только вряд ли это возможно. — Если будет успех моей речи в торжественном собрании, то в Москве (а стало быть, и в России) буду впредь более известен как писатель (т<о> е<сть> в смысле уже завоеванного Тургеневым и Толстым величия. Гончарова, например, который не выезжает из Петербурга, здесь хоть и знают, но отдаленно и холодно). — Но как я проживу без тебя и без деток это время? Шутка ли, целых 12 дней, о детках сижу и мечтаю, и все мне грустно. Воротилась ли бабушка?[779] Как ты одна сидишь, не боишься ли чего, не тревожишься ли? Ради бога, пиши почаще и, если, боже сохрани, что случится, тотчас же телеграфируй. Кстати (и обрати внимание): впредь адресуй мне все письма прямо ко мне Москва, в гостиницу Лоскутную, на Тверской, [Москва], Ф. М. Достоевскому, в № 33-м. А то что мне каждый-то день по вечерам ездить к Елене Павловне за твоими письмами? Во-первых, очень от меня далеко, а во-2-х, теряю время, так что если б случилось чем заняться (Карамазовыми), то совсем некогда. Да и надоем там. Сегодня ездил к ней от Каткова, получил твое письмо и застал у ней опять Ивановых, Машенька играла Бетховена очень хорошо. У нас дождички пополам с солнцем и довольно ветрено и свежо. Машенька едет с Наташей[780] послезавтра в Даровое, а Ниночка[781] остается. Ниночка дика и неразговорчива, ничего из нее не вытащишь, точно конфузится. Все живут подле Елены Павловны. Ну, до свидания. Кажется, все написал, что надо. Если завтра будет что нового, напишу и завтра, а если нет, то послезавтра. О Льве Толстом и Катков подтвердил, что, слышно, он совсем помешался. Юрьев подбивал меня съездить к нему в Ясную Поляну: всего туда, там и обратно, менее двух суток. Но я не поеду, хотя очень бы любопытно было. Сегодня обедал в Московском трактире нарочно, чтоб уменьшить счет в Лоскутной. Но рассудил, что Лоскутная пожалуй все-таки проставит в счете Думе, что я каждодневно обедал. В Лоскутной утонченно вежливы, ни одно письмо твое не пропадет, и так как я ни в каком случае теперь уже не переменю гостиницу, то ты смело можешь мне посылать письма, адресуя прямо в Лоскутную. До свидания, целую вас, «милая Анна Гри-

горьевна». Обними покрепче и погорячее деток, скажи, что так папа велел.

Твой весь Ф. Достоевский.

Дети Елены Павловны при ней и очень милые.

220. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 28/29 мая ‹1880.› 2 часа пополуночи.
‹В Старую Руссу.› Гостиница Лоскутная в № 33-м.

Милая моя Аня, нового только то, что пришла от Долгорукова сегодня телеграмма об открытии памятника 4-го числа. Это уже твердо. Таким образом, я могу выехать 8-го или даже 7-го из Москвы и уж, разумеется, поспешу. Но остаться здесь я должен и решил, что остаюсь. Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни Любители р‹оссийской› словесности, а вся наша партия, вся наша идея,[782] за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь Университет)[783] решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая самую народность.[784] Оппонентами же им, с нашей стороны, лишь Иван Серг‹еевич› Аксаков (Юрьев и прочие не имеют весу), но Иван Аксаков и устарел, и приелся Москве. Меня же Москва не слыхала и не видала, но мною только и интересуются. Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы. Уж когда Катков сказал: «Вам нельзя уезжать, вы не можете уехать» — человек вовсе не славянофил — то уж конечно мне нельзя ехать.

Сегодня утром, в 12 часов, когда еще я спал, приехал ко мне с этой телеграммой Юрьев. Я при нем стал одеваться. В это время вдруг докладывают, что приехали две дамы. Я был не одет и послал спросить: кто такие? Человек воротился с запиской, что какая-то г-жа Илина[785] хочет просить у меня позволения выбрать из всех моих сочинений места, подходящие к детскому возрасту, и издать книжку для детского чтения. Каково! Да ведь эту мысль мы давно бы должны были с тобой сами исполнить и издать такую книжку для детей, которая непременно пойдет и даст, может быть, 2000 р. выгоды. Подари ей 2000 рублей — вот дерзость! Юрьев тотчас же пошел (так как он же, по ветрености своей, и направил ее ко мне) объяснить ей, что я отнюдь не согласен, принять же ее не могу. Он ушел, и вдруг приехала Варвара Михайловна и не успела войти, как вошел Висковатов. Узнав, что у меня гости, Варя тотчас убежала. Воротился Юрьев и объявил, что другая посетившая дама была сама по себе, фамилью не сказала, а объявила только, что пришла заявить свое беспредельное уважение, удивление, благодарность за все, что

я ей доставил моими сочинениями, и проч. С тем однако и ушла, я ее не видал. Я посадил гостей за чай, и вдруг вошел Григорович. Все они просидели часа два, и когда Юрьев и Висковатов ушли, Григорович остался, не намереваясь уходить. Начал мне рассказывать разные разности за все тридцать лет, вспоминать старое и проч. Наполовину, конечно, врал, но было и любопытное. Затем в 5-м часу объявил, что разлучаться со мною не хочет, и стал упрашивать меня вместе идти обедать. Мы пошли опять в Московский трактир, где обедали долго, а он все говорил. Вдруг пришли Аверкиев и его супруга. Аверкиев подсел к нам, а дона Анна[786] объявила, что зайдет ко мне (очень мне ее надо!). Оказалось, что подле нас обедают родственники Пушкина, два племянника его, Павлищев и Пушкин,[787] и еще один какой-то. Павлищев тоже подошел и объявил, что тоже ко мне придет. Одним словом, мне, как и в Петербурге, не дают покоя. После обеда Григорович стал упрашивать меня ехать с ним в парк «подышать чистым воздухом», но я отказался, расстался с ним, воротился домой пешком и через 10 минут отправился к Елене Павловне за письмом. Но письма у ней не оказалось, а встретил только Ивановых. Машенька завтра уезжает. Просидел до 11 часов и воротился домой пить чай и писать тебе письмо. Вот весь мой бюллетень.

Главное скверно, что письма наши ходят по три и по четыре дня. Уведомленная мною, что я возвращусь, ты, конечно, перестанешь писать ко мне, ожидая меня 28-го, и когда-то еще дойдут до тебя вчерашнее и сегодняшнее письмо мое о новом решении! Боюсь, что ты будешь в недоумении и беспокоиться. — Но нечего делать. Худо только то, что от тебя, может быть, не получу 2 дня писем, а я по вас изныл. Грустно мне здесь, несмотря на гостей и обеды. Ах, Аня, как жаль, что не могло так устроиться (конечно, никак), чтоб и ты со мной приехала. Даже Майков, говорят, изменил решение и приедет.[788] Будет много хлопот, надо являться в Думу в качестве депутата (еще не знаю когда) для получения билета на церемонию. Окна домов, окружающих площадь, отдаются в наем по 50 рублей за окно. Кругом устраиваются деревянные эстрады для публики тоже за непомерную цену. Боюсь тоже дождливого дня, чтоб не простудиться. На обеде в день открытия говорить не буду. В заседании же Любителей, кажется, буду говорить на 2-й день. Кроме того, взамен театрального представления думают устроить чтение известными литераторами (Тургенев, я, Юрьев) произведений Пушкина по выбору (меня просят прочесть сцену инока-летописца и из Скупого рыцаря монолог скупого). Кроме того, Юрьев, я и Висковатов прочтем по стихотворению на смерть Пушкина, Юрьев — Губера,[789] Висковатов — Лермонтова, а я Тютчева.[790]

Время идет, а мне мешают. До сих пор не заехал за деньгами в Центр‹альный› магазин и к Морозовым. Не был у Чаева,[791] надо заехать к Варе, хотел бы тоже познакомиться с архиереями Николаем Японским[792] и здешним викарием Алексеем[793] — очень любопытными людьми. Сплю нехорошо, во сне вижу только кошмары. Боюсь в день открытия простудиться и кашлять на чтении.

С страшным нетерпением буду ждать от тебя письмеца. Что-то детки, господи, как мне хочется их увидеть. Здорова ли ты, весела ли иль сердишься? Тяжело мне без вас. Ну до свидания. Завтра к Ел<ене> Павловне не поеду, обещалась сама прислать письмо, если будет. Обнимаю вас всех крепко, деток благословляю.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. Если что случится, телеграфируй в Лоскутную. Письма пиши в Лоскутную. Верно ли доходят мои письма? Вот беда, если какое-нибудь пропадет!

Золотарева еще нет (*дальше четыре слова зачеркнуто*).

221. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Москву.> Старая Русса. 29 мая 1880 г.

Дорогой мой Федичка, я получила сегодня твое третье письмо и очень рада твоим успехам. Мы все здоровы донельзя; но скучаем по тебе и желали бы, чтобы ты сюда приехал. Но если открытие произойдет около 5-го, то, конечно, непременно останься. Я писала тебе всего раз на прежнюю квартиру Елены Павловны, а затем решила, что ты воротишься, а потому и не писала. Но если б у нас что-либо было недоброе, то я бы наверно тебе телеграфировала. А потому будь покоен. Мы все тебя крепко целуем и остаемся любящие тебя Аня, Федя, Лиля.

Мама приехала, но останется у нас лишь до 5-го июня.

Не забудь попросить у Ивана Серг<еевича> Аксакова автографы Гоголя,[794] да и вообще у кого-либо. Да если тебе придется пробыть до 5-го, то не воспользуешься ли ты этим временем, чтобы вписать Федю в дворянство или по крайней мере узнать, как это делается.[795] Как жаль, что «Русская мысль» не послала мне телеграммы; я бы ответила просьбою оставить тебя в Москве до октября. Нет, голубинька, я бы попросила воротить мне тебя скорее.

Поцалуй Олиньку,[796] если увидишь.

Твоя негодная Аня.

222. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Москву.> Старая Русса. 30 мая 1880 г.

Милый мой и дорогой Федичка, сейчас получила твое четвертое письмо и спешу перед тобою оправдаться по поводу моих писем. Дорогой мой, ведь я была убеждена, что ты пробудешь лишь день или два в Москве и тотчас вернешься назад, а потому и написала в воскресенье, на имя Елены Павловны, на с т а р у ю квартиру три словечка н а в с я-

кий случай, чтоб тебя успокоить. Мы все, слава богу, здоровы, как только можно. Происшествий у нас, слава богу, никаких, что вчера, то и сегодня. По вечерам гуляем, а днем я шью, а детки учатся. Из первого письма я вывела, что ты приедешь в среду, и вышла тебя встречать, но вместо тебя приехала мама. 5-го июня она уезжает, так как в деревне она необходима Ване.

Получила два письма, от г-жи Герке[797] и от Соловьева[798] (просит сведений об Алфимовой),[799] на оба письма ответила. На днях позову Рохеля и начну купать детей. Федя меня ни в чем не слушается и грубит, но затем обнимает меня и просит простить. Вчера он по какому-то случаю объявил, что зарежется, если его станут к чему-нибудь принуждать, и сейчас же потом обнял меня и объявил шепотом, что когда он рассердится, то тотчас начинает говорить разные глупые слова, первое, что попадется на язык, что у него такая привычка. Лиля умница, бабушка подарила ей куклу, и Лиля кладет ее на ночь рядом с собою. Была у меня как-то Рохельша и по обыкновению привирала. У нас ни музыки, ни спектаклей нет. Разумеется, дорогой мой Федичка, ты должен остаться на открытие, даже если б оно совершилось 10-го. В самом деле, это было бы слишком неловко не присутствовать на празднике. Положим, золотой мой, мы по тебе скучаем, но что же делать. Жалею очень, что мы не богаты, так бы и прикатила к тебе. Вот моя серьезная к тебе просьба: не воспользуешься ли ты теперь до четвертого числа (письмо получишь 1-го июня, значит, в твоем распоряжении 2, 3 июня) вписать Федю в дворянство. Андрей Михайлович дал тебе, вероятно, указание, куда обратиться. Ты хоть попытайся и узнай пути, а может быть, успеешь подать и просьбу. Не поможет ли тебе кто в этом указаниями. Вот бы твоя поездка и оказалась плодотворною. Да подумай, кстати, и об автографах, напр‹имер›, у Новиковой — Гладстона,[800] у Аксакова — Гоголя, а у Павлищева — Пушкина. Не съездишь ли ты к старичку Муравьеву-Апостолу, Матвею Ивановичу, он всегда был таким твоим почитателем.[801] Мог бы ты попросить у него письмо Муравьева.[802] У него находится Сазанович.[803] Угоди мне, привези хоть какое-либо письмецо, потешь свою автографку, а за это я тебе присылаю след‹ующие› автографы *

милый папочка, у нас кончились гостинцы, напиши станции, Федя твой.

Милый папочка! Приезжай к Троице. Скверно написала извини. Люба.**

Цалую, обнимаю тебя горячо, твоя Анька, которую ты однако не любишь.

Адрес Муравьева-Апостола: у старых триумфальн‹ых› ворот по Садовой, д. Зайцева.

Напишу 1-го июня.

---

* *Далее каракули Феди Достоевского, «переведенные» Анной Григорьевной.*

** *Приписка Любы Достоевской. Далее — полуграмотные каракули А. Н. Сниткиной* (не воспроизводятся).

223. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва, 30 мая ‹18›80. Гостиница
‹В Старую Руссу.› Лоскутная в № 33-м.

Пишу тебе хоть письмо, пойдет лишь завтра, милая Аня. Нового почти ничего. Предстоит только очень много хлопот и разных чиновничьих церемоний: являться в Думу, выхлопатывать билеты, где стоять и сидеть в празднестве, и проч. А главное венки: их надо два, говорят, их Дума же и выдает — за 30 р. оба. Глупо. А Золотарев не едет, но приедет (*несколько слов зачеркнуто*), и я всю церемонию у памятника взвалю на него: в одном фраке и без шляпы можно простудиться. — Вчера утром были Аверкиевы и приходили племянники Пушкина Павлищев и Пушкин познакомиться. Затем ездил к Юрьеву (насчет всех этих билетов и церемоний), не застал дома. Обедал дома, а после обеда пришел Висковатов, изъяснялся в любви, спрашивал, отчего я его не люблю? и проч. Все-таки был лучше, чем всегда. Кстати: передал мне, что Сабуров (министр просвещения), его родственник, читал некоторые места Карамазовых, буквально плача от восторга.[804] В девять часов мы отправились [опять] к Юрьеву, опять не застали. Висковатов вдруг припомнил, что здесь Анна Николавна Энгельгардт,[805] и предложил к ней заехать. Мы поехали и прибыли в 10 часов, в гостиницу Дюссо. Она уже спала, но была очень рада, и мы просидели час, говорили о прекрасном и высоком. Она приехала не на памятник, а для свидания с какими-то родственницами, а теперь больна: у ней распухла нога. Сегодня утром, когда я спал, был у меня Ив‹ан› Сергеевич Аксаков и не приказал будить. Затем ездил к Поливанову (секретарю Общества, директору гимназии). Поливанов объяснил мне все шаги в Думе и билеты и откомандировал молодого человека мне помогать. Познакомил меня с семейством, сошлась целая ватага учителей и гимназистов, и мы пошли (в том же здании) рассматривать вещи и портреты Пушкина, которые пока хранятся в этой гимназии. Затем, придя домой, застал записку Григоровича, приглашающего к 6-ти часам обедать у Тестова. Не знаю, пойду ли? Покамест сел написать тебе мой бюллетень. В 8-м часу потянусь к Елене Павловне за твоим письмом. (Вчера 29-го [ничего не] получил). Затем домой и сяду за мою статью, которую надо подделать. Вообще житье гадкое, погода здесь прекрасная. Все-то здешние у себя дома, а я один в гостях. Вечером еще припишу.

30/31 мая. Час ночи.

В трактире у Тестова Григоровича не нашел, воротился домой и обедал дома. Потом поехал к Елене Павловне; ее дома не застал, а дети ее сказали мне, что письма от тебя не было. — Рассчитываю, что, может быть, завтра будет от тебя письмо наверно. Сообразив теперь, понимаю, что по всем прежним письмам моим ты все заключала, что я приеду 28-го. Но теперь уж, верно, ты получила и те письма, где я колебался:

остаться или нет, стало быть, уж теперь ответишь. Дурно то, что уезжая, мы как-то не договорились, ибо ты могла бы мне все-таки, хотя и рассчитывая, что я ворочусь, писать на имя Елены Павловны, на всякий случай, чтоб не оставить меня в неведении о тебе и о детях. Рассчитываю тоже, что ко 2-му числу получу от тебя письмо уже прямо в Лоскутную. (Письма же на имя Елены Павловны, т<о> е<сть> прежние, ты, конечно, и прежде могла бы писать безбоязненно, ибо хоть я бы и уехал, все же бы их никто не распечатал, и она переслала бы их обратно в Руссу). В Лоскутную же адресовать ко мне для меня будет гораздо выгоднее, чтоб не ездить к Елене Павловне, потому что теперь скоро (со 2-го числа) наступит большая возня, надо будет рано вставать и весь день маяться, так что ездить к Елене Павловне даже и не нашел бы вовсе времени. Да и к тебе перестану писать подробные бюллетени, как теперь: не будет совсем времени. 3-го числа будет Дума принимать гостей, речи, фраки, клаки * и белые галстухи. А там открытие, думский обед, затем 5-го и 6-го по утрам заседания, а вечером литературные чтения. Да 2-го вечернее заседание «Любителей», где решат, кому в какое время читать. Я, кажется, буду читать уже во 2-й день, т<о> е<сть> 6-го. Ездил к Морозову и в Центральный магазин. От Морозова получил всего 14 рубл., а в Центральном хоть и сказали мне, что ты писала к ним, чтоб мне выдали [отсрочки] 50 руб., но просят отсрочки до 6-го или 7-го числа. Так как 7-го надо сверх того сделать прощальные визиты, а их много, то выеду разве только 8-го, с каким поездом уведомлю потом. Но 8-го постараюсь выехать наверно. Заезжал к Варе. Много мне рассказывала про своих внуков и спрашивала совета. Умная она и хорошая женщина. — Вечером кой-что успел просмотреть в рукописи. Что детки? Очень тоскливо по них, не слышно их голосочков. И все думаю, не случилось ли у вас чего? Если что, боже сохрани, случится, непременно телеграфируй. До свидания, голубчик, ах кабы получить от тебя хоть что-нибудь завтра! Обнимаю тебя и деток и крепко вас всех цалую. А Карамазовы-то, Карамазовы! Эх, в какую суетню въехал. Но теперь все-таки озабочен открытием: партия у них сильная. Обнимаю тебя опять и опять.

Твой Ф. Достоевский.

Вчера сломалась днем моя золотая рукавная запонка, которую чинили. Одна половинка осталась в рукаве рубашки, а другая, должно быть, где-нибудь вылетела на улице.

---

* claque — группа людей, нанятых для создания искусственного успеха или провала актера или целого спектакля (*франц.*).

224. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Москву.> Старая Русса. 31 мая 1880 г.

Дорогой мой папочка, получила я твое письмо с «Милой Анной Григорьевной» и была на тебя страх как недовольна: подумай, я писала тебе «милый Федор Михайлович», боясь, что письмо мое попадет в чужие руки, а ты этого оправдания не имеешь. Вообще же, мой дорогой, я замечаю из твоих писем явную ко мне холодность. Но довольно о чувствах, а то ты рассердишься. Мы, слава богу, здоровы, и ничего с нами не случается. Грустим по тебе и начали было тебя ждать, ну, а теперь опять отложили. Останься, а то право будет неловко, если ты не будешь присутствовать. Но прошу тебя не очень кутить, а главное, не заглядываться на хорошеньких барынь, чего я совсем недолюбливаю. Дети просят опять приписать. Очень внимательно слушают твои письма, а Федя не верит, что ты приедешь лишь 9-го. У нас кончились гостинцы, и Федя раза по три навещал твой ящик в письменном столе, осведомляясь, не явились ли откуда-либо гостинцы. Вчера мы ходили в Царский сад и по дороге купили пряников. Федя все толкует, чтоб ты записал станции железн<ой> дороги, он почему-то этот вопрос считает необыкновенно важным. Это можно выписать здесь из календаря, чтоб ему угодить. Федя весь почернел от загару. По вечерам читает и на третьего дня прочли «Вия». Очень поразило. Прочли и про Ивана Никифоровича. Право не знаю, что теперь и писать, до того у нас все однообразно. Кстати, совсем забыла: на другой день после твоего отъезда, 23 мая, утром Победоносцев прислал тебе телеграмму об отмене Пушкинского торжества. Он думал, что ты еще не уехал, и предупредил тебя, чтоб ты не проехался даром. Это очень любезно, особенно со стороны такого сановника.

Вчера я послала тебе письмо с «позволением» остаться на празднество, но очень боюсь, что оно вчера не пошло, а пойдет сегодня, и ты получишь разом два письма и, пожалуй, испугаешься, не случилось ли чего. А я все с тем же: прошу тебя, если 2 июня у тебя найдется время, съезди и узнай про дворянство,[806] вероятно, это узнают в канцелярии Дворянского собрания (присутствие там от часу до 3-х). Там тебе скажут, нельзя ли как-нибудь тебе послать просьбу из Петерб<урга> и как это сделать. Ну до свиданья, мое золотое сокровище, но признайся, что ты без меня не можешь жить, а? Я так признаюсь, что не могу и что нахожусь, увы! под сильным твоим влиянием. Крепко обнимаю тебя и целую тебя нежно-нежно и остаюсь любящая тебя Аня, а также Лиля и Федя. Хотели приписать, но куда-то оба разбежались, а потому не стану ждать.

225. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 31 мая ‹18›80. час пополуночи.
‹В Старую Руссу.› Гостиница Лоскутная в № 33-м.

Милая Аня, хотел было сегодня тебе не писать, потому что почти не об чем, но так как получил, наконец, твое письмецо (от 29-го) и так как действительно предстоят скоро дни, что за суетой ничего тебе писать не буду или много что по две строчки, то и решился написать теперь. Очень рад, что вы все здоровы, рад за деток и за тебя, и как будто тоска свалилась с сердца, хотя все-таки скучно. Неприятно мне, что бабушка не [доживет] подождет до моего приезда. Автограф Гоголя Аксаков мне обещал, хотя не знаю, успею ли теперь взять у него. К тому же я перезабыл и смешал в голове все адреса, так что надо опять справиться у Юрьева, где кто живет. Сегодня заходил ко мне какой-то (забыл фамилью) математик и долго сидел в ресторане в читальной, ожидая, когда я проснусь. Когда я проснулся, он вошел и пробыл ровно 3 минуты, и даже не сел: зашел объявить о своем глубоком уважении, удивлении к таланту, преданности, благодарности, высказал *горячо* и ушел. Седоватый человек, пресимпатическое лицо. Затем посетил меня Лопатин,[807] тот молодой человек, на которого возложил Поливанов хлопотать о моих билетах в Думе, о доставлении мне всех нужных сведений и проч. Я с ним разговорился и к приятному удивлению моему нашел в нем человека чрезвычайно умного, весьма мыслящего, чрезвычайно порядочного и в высшей степени моих убеждений. Одним словом, весьма приятная встреча. Затем был Григорович, много врал и злословил. Там, кажется, действительно приготовляются что-то сказать нам в пику в заседаниях и на обедах. [В заседаниях и] Григорович тоже депутатом от Литер‹атурного› фонда, в числе четырех: Тургенева, Гаевского, Краевского. Всем выдал фонд по 150 р. на расходы. Наше только Славянское общество не выдало ничего, да и не могло. Григорович жалуется, что 150 р. мало. Действительно так, здесь деньги идут, и хоть я и мало здесь заплачу в гостинице, но проживусь все-таки крепко: извощики, табак, особые расходы, покупка венков и проч. Кстати, 2 *обязательные* венка приготовляет Дума за 30 р. с депутата за оба. Если Золотарев не приедет, то уж конечно, я заплачу. Надо тоже купить запонки. Обедал в Московском трактире. Затем был у Елены Павловны и получил твое письмецо. Маня ее премилая девушка 20 лет, и в гостях у них я заметил одного молодого доктора, интересовавшегося очень Маней.[808] Затем с Висковатовым отправились к Ан‹не› Ник‹олаевне› Энгельгардт, которая все сидит дома с больной ногой, и застали у ней доктора, который говорит, что болезнь довольно серьезна, если чуть-чуть пренебречь. Затем воротились с Висковатовым домой пешком. Утром были две грозы и ливень, а теперь ночь прелестная. Ну вот и все пока мои похождения. Как-то я прочту мою речь? Аксаков объявил, что у него то же самое, что у меня. Это дурно, если мы так уже буквально сойдемся в мыслях.

Как-то прочту потом на вечерних литературных чтениях сцену Пимена и Скупого рыцаря и тоже (главное) на смерть Пушкина Тютчева? Любопытно, как встречусь с Анненковым? Неужели протянет руку? [809] Не хотелось бы столкновений. Ну до свидания, голубчик Аня. Расцалуй деток крепко, напомни им обо мне. Кланяйся Анне Николавне, что она, хорошо ли съездила? Я-то неудачно. Надо бы зайти к Каткову. Прощай, обнимаю тебя крепко.

Твой весь Ф. Достоевский.

Деток благословляю.

P. S. [Оринька] подле тетеньки играет с ней в карточки, где ему сюда.[810]

226. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Москву.› Старая Русса 1 июня 1880 г.

Дорогой мой Федичка, ты так об нас тужишь, что я решаюсь лучше почаще писать, чтоб ты был на наш счет покоен. Но ведь вот беда: у нас все так тихо и смирно, что решительно не о чем писать: все будет одно и то же; живы и здоровы. Писем интересных не получаю (кроме твоих, разумеется, которые я перечитываю по нескольку раз и которые прочла даже батюшке). Почтамт петерб‹ургский› перепутал, и стала получать денежные пакеты на книжную торговлю [811] сюда и принуждена отправлять их обратно в Петербург. До свиданья, милый мой папочка, напишу тебе 3-го июня, т‹о› е‹сть› послезавтра, а последнее письмо пошлю 5-го, так как ты получишь его 7-го, а 8 верно уже выедешь. Ты мне снишься в очень соблазнительном виде, и я утром думаю о том, как бы ты поскорее приехал.

На Елену Павловну больше писать не буду, а прямо в Лоскутную.

Цалую и обнимаю тебя горячо и остаюсь любящая тебя очень, очень, очень, очень, очень, очень Аня, т‹о› е‹сть› более, чем ты меня, в 1000 раз.

227. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Гостиница Лоскутная в № 33-м.
‹В Старую Руссу.› Москва 2/3 июня ‹18›80 г. 2 часа ночи.

Милый дружочек мой Анечка, вчера вечером ездил к Елене Павловне за твоим письмом и ничего не получил, а сегодня пришло от тебя в Лоскутную 2 письма, одно в 4 часа пополудни, а другое вечером. Одним словом, в Лоскутную, по-видимому, скорее доходит, чем к Елене Павловне. Как я рад, что вы все здоровы и меня помните. Детишек крепко поцалуй за их славные приписки и непременно купи им гостинцев, слышишь

Аня. Детям и медицина предписывает сладкое. — Про замечание твое, что я тебя мало люблю, скажу, что оно глуписсимо: я только о тебе и думаю, да еще о детках. И во сне тебя вижу. — Здесь у нас опять была кутерьма. Вчера вдруг отложили опять празднество, но теперь уже твердо известно, что открытие будет 6-го. [Известно] Венки изготовляет Дума по 8 р. за венок, надо 2, закажу завтра. Золотарева нет. Поезд из Петербурга с разными депутатами на празднество придет только послезавтра. — Теперь дальше: 3-го дня вечером было совещание у Тургенева почти всех участвующих (я исключен), что именно читать, как будет устроен праздник и проч. Мне говорят, что у Тургенева будто бы сошлись нечаянно.[812] Это мне Григорович говорил как бы в утешение. Конечно, я бы и сам не пошел к Тургеневу без официального от него приглашения; но простофиля Юрьев, которого я вот уже 4 суток не вижу, еще 4 дня назад проговорился мне, что соберутся у Тургенева. Висковатов же прямо сказал, что уже три дня тому получил приглашение. Стало быть, меня прямо обошли. (Конечно, не Юрьев, это дело Тургенева и Ковалевского, тот только спрятался и вот почему, должно быть, и не кажет глаз). И вот вчера утром, только что я проснулся, приходят Григорович и Висковатов и извещают меня, что у Тургенева составилась полная программа праздников и чтений вечерних. И так как-де позволена музыка и представление «Скупого рыцаря» (актер Самарин[813]), то чтение Скупого рыцаря у меня взято, взято тоже и чтение стихов на смерть Пушкина (а я именно эти-то стихи и желал прочесть). Взамен того [я могу] мне определено прочесть стихотворение Пушкина «Пророк». От «Пророка» я, пожалуй, не откажусь, но как же не уведомить меня официально? Затем Григорович объявил мне, что меня просят прибыть завтра в залу Благородного собрания (подле меня), где будет окончательно все регламентировано. Они ушли, и приходит Лопатин, молодой человек, прикомандированный от Поливанова (председателя комиссии) руководить меня. Тот объявляет, напротив, что уже все регламентировано (значит, моего мнения не спрашивали), меня же просят прибыть в Благородное собрание уже на генеральную репетицию, с публикой, и главное с воспитанниками гимназий (бесплатными), и репетиция главное устраивается для них, чтоб и они могли слышать. Таким образом, я поставлен в прещекотливое положение: решено без меня, моего согласия на чтение назначенных мне сочинений не спрашивали, а между тем нельзя не быть на репетиции и не прочесть для молодежи: скажут, Достоевский не хотел читать для молодежи. Наконец, совсем неизвестно, в чем прибыть завтра: во фраке ли, так как публика, или в сертуке. Я был очень вчера недоволен. Обедал один, вечером заехал к Анне Николавне,[814] у ней сидел доктор (ее знакомый и даже родственник), я посидел полчаса, и они оба меня проводили до гостиницы. Сегодня утром опять зашли Григорович и Висковатов, и Григорович стал приставать обедать всем троим вместе в Эрмитаже, а потом идти в сад Эрмитажа провести вечер. Они ушли, и я поехал к Каткову, у которого дня три не был. У него как раз застал Любимова, только что получив-

шего письмо от Маркевича, который и обещает доставить роман на июнь. Так что я с этой стороны могу теперь быть спокоен. Это очень хорошо. У Каткова застал новости: он только что получил официальное письмо от Юрьева как председателя Общ‹ества› люб‹ителей› рос‹сийской› словесности (и которого Катков с незапамятных годов членом). Юрьев уведомляет, что билет пригласительный на празднества был послан в Московские Ведомости *ошибочно* и что совет Любителей по устройству празднеств отменил это приглашение как несогласное с решением совета, так что приглашение надо считать не бывшим. Форма письма самая сухая и грубая. Меня уверял Григорович, что Юрьева заставили это подписать, главное Ковалевский, но, конечно, и Тургенев. Катков был, видимо, раздражен. «Я бы и без них не поехал», — сказал он мне, показав письмо. Хочет все напечатать в Ведомостях. Это уж, разумеется, просто свинство, да и главное, что и права они не имели так поступать. Мерзость, и если б только я не ввязался так в эти празднества, то, может быть, прервал бы с ними сношения. Резко выскажу все это Юрьеву. — Затем спросил у Каткова: кто здесь лучший зубной врач, и он мне назвал Адельгейма на Кузнецк‹ом› мосту, сказав, чтоб я объявил Адельгейму, что прислал меня он, Катков. Пружинка моя *совсем* уже сломалась и держалась на ниточке. Съездил к Адельгейму, и тот вставил мне новую за 5 руб. От него приехал домой, и с Григоровичем и Висковатовым поехали в Эрмитаж, обедали по рублю. Между тем начался дождь. Чуть утихло, мы вышли и уселись на одного извощика втроем до саду Эрмитажа. Дорогой поднялся дождик. Приехали в сад мокрые и спросили в ресторане чаю. Билеты же взяли рублевые с правом входа в театр Эрмитажа. Дождь не унимался. Григорович врал разные рассказы. Затем пошли в театр уже на 2-й акт: шла опера Paul и Virginie,[815] театр, оркестр, певцы — все недурно, только музыка плоха (в Париже выдержала несколько сот представлений). Прелестная декорация третьего акта. Не дослушав, вышли и отправились по домам. Я у себя в Лоскутной застал твое 2-е письмо. Чрезвычайно волнует меня завтрашняя репетиция. Григорович обещал за мной зайти, чтоб ехать вместе. Немного промок. Я еще прежде с дороги простудил немного левую руку, и она мозжит. Вчера утром заезжал к архиерею викарию Алексею и к Николаю (Японскому). Очень приятно было с ними познакомиться. Сидел около часу, приехала какая-то графиня, и я ушел. Оба по душе со мной говорили. Изъяснились, что я посещением сделал им большую честь и счастье. Сочинения мои читали. Ценят, стало быть, кто стоит за бога. Алексей глубоко благословил меня. Дал вынутую просвирку. — До свидания, голубчик, если можно будет, то напишу и завтра. Очень люблю тебя. Деток крепко цалуй. Анне Николавне глубокий мой поклон, и сверх того поцалуй у ней за меня ручку. Твой весь без раздела.

Ф. Достоевский.

Но ты ошибаешься. Сны прескверные. Слушай: ты все пишешь о записке в дворянство. Во-1-х, если б и можно было, то мне некогда, а главное, это дело надо делать из Петербурга, *через людей*. Лично все объясню тебе. Непременно сделаю в Петербурге. Здесь же все хлопоты ни к чему не послужат: я знаю твердо, убежден.

Был у Ив<ана> Аксакова — на даче. Чаев тоже на даче. К Муравьеву[816] съезжу, если найду время. Еще раз весь твой тебя любящий.

228. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<В Москву.> Старая Русса. 3-го июня 1880 г.

Дорогой мой Федичка, пишу тебе по обещанию 3-го июня, но опять-таки не могу тебе сообщить ничего нового: все, слава богу, у нас хорошо, и все мы здоровы. Пользуясь тем, что у нас гостит мама, мы ходим с нею и с детками гулять, напр<имер>, ходили вчера на кладбище и все читали стихотворения на памятниках. Дни у нас хорошие, но ветрено. Вечером читаем. Мама уезжает в пятницу к Ване, и это нам очень грустно. Сделай одолжение, постарайся выехать 8-го утром в 9 час<ов> 30 мин<ут>, т<о>е<сть> в половине 10-го, и тогда ты приедешь 9-го в 11 час<ов> 25 м<инут> утра. Это будет Духов день, и мы придем тебя встречать. Если же ты выедешь в 1 час дня 8-го, то приедешь 9-го в 11 час<ов> ночи. Следовательно, в Москве пробудешь всего лишних $3^{1}/_{2}$ час<а> (с $^{1}/_{2}$ 10-го до часу), а зато в дороге будешь выжидать и приедешь в Руссу 12 часами позже. *Ни на каком другом поезде* ты в Руссу не попадешь. Сегодня пишу письмо и представляю, что ты сегодня был депутатом в Думе и мучился. До свиданья, моя прелесть, целую и обнимаю моего «милого депутата» крепко и нежно и остаюсь любящая тебя чрезвычайно (в миллион раз больше, чем ты; ты нынче такой ко мне равнодушный; да, голубинька, это так!) и вечно Аня. А потому прикончи все дела к 8-му и 8-го выезжай. К тому же в Троицу вряд ли кого ты и застанешь. А мы лишний день должны будем без тебя проскучать. Я написала к книгопродавцу Александрову, чтобы он принес тебе деньги; может быть, он и принесет. Бабушка тебе кланяется, равно как и мы все тебя любим и крепко обнимаем и целуем. Твои Аня, Федя, Люба.

Напишу не завтра, а послезавтра 5-го, и буду адресовать в Лоскутную.

Без автографа, хотя бы Висковатова, не приезжай, назад отправлю.

А письма ты должен о празднике писать подлиннее, слышишь ты, голубчик мой, а то подумай, я ничего о нем не узнаю, а ты так пишешь, как никто. А главное, главное напиши, как ты читал и отличился ли и много ли хлопали и пр. и пр. Как мне жаль, что меня тут не будет! Право, зависть берет меня.

229. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Гостиница Лоскутная в № 33-м.
Москва. 3/4 июня ‹1880.› Вторник.
‹В Старую Руссу.› 2 часа пополуночи.

Милый мой голубчик Анечка, сегодня опять получил дорогое твое письмецо и очень тебе благодарен, что не забываешь своего Федичку. Со времени частых твоих писем я решительно стал за вас спокойнее и благополучнее. Рад и за детишек. Сегодня утром пришел ко мне Лопатин и принес расписание дней и церемоний. Выдал ему 17 руб. заказать венки в Думе (2 венка). Золотарева нет. Затем приходил один присяжный поверенный Соловьев[817] отрекомендоваться, человек ученый, и явился лишь говорить о мистически религиозных вопросах. (Новое поветрие). Затем пришли Григорович и Висковатов, а затем и Юрьев. Мы страшно все напали на Юрьева за письмо его к Каткову и распекли его ужасно. Затем обедал в Московском трактире с Григоровичем и Висковатовым и там познакомился с актером Самариным, старикашка 64 лет, все говорил мне речи. Он будет играть на празднестве в честь Пушкина Скупого рыцаря в костюме (отбил у меня). В Москов‹ском› трактире всегда очень полно, и редко кто не оглядывается и не смотрит на меня: все знают, что это я. Самарин рассказывал много анекдотов о московской артистической жизни. Затем, прямо с обеда, поехали в общее заседание комиссии «Любителей» для устройства окончательной программы утренних заседаний и вечерних празднеств. Были Тургенев, Ковалевский, Чаев, Грот,[818] Бартенев,[819] Юрьев, Поливанов, Калачев[820] и проч. Все устроили к общему согласию. Тургенев со мною был довольно мил, а Ковалевский (большая толстая туша и враг нашему направлению) все пристально смотрел на меня. Я читаю на второй день утренних заседаний 8-го июня, а 6-го июня вечером читаю на празднестве (разрешена музыка) сцену Пимена из Б‹ориса› Годунова. Многие читают, почти все, Тургенев, Григорович, Писемский и проч. На 2-й же вечер 8-го прочту 3 стихотв‹орения› Пушкина (2 из Запад‹ных› славян и Медведицу[821]) и в финале для з а к л ю ч е н и я празднества — «Пророк» Пушкина, — маленькое, страшно трудное для чтения стихотворение, меня назначили нарочно в финале, чтоб произвести эффект — не знаю, произведу ли? Ровно в 10 часов воротился домой и застал у себя 2 карточки Суворина с надписанными строчками, что придет в 10 часов. 2 карточки были ошибкой (склеились), и я, подумав, что он был уже и во второй раз, но меня не застал, поехал в Славянский базар (очень недалеко от меня), где он стоит, и застал его с женою за чаем. Ужасно был рад. Он у Любителей за статьи свои на фербанте,* как и Катков.[822] Ему даже не дали билета на утренние заседания. У меня же был один билет (Варин), от которого она отказалась, и я предложил ему. Очень был рад. Уж даст он

---

* der Verbannte — ссыльный, изгнанник (*нем.*).

им знать потом. Сказал, что здесь и Буренин.[823] Завтра условились быть у Чаева в Оружейной палате, где он нам все покажет в 1 час пополудни. Хотели прийти Григорович и Висковатов. Не знаю, придут ли в Оружейную. С заседания же они, в 10-м часу, укатили в Эрмитаж и ужасно просили, чтоб и я приехал, но я пошел к Суворину. Суворин, узнав, что мы завтра в Оружейную, упросил, чтоб и его с женой взяли, а затем стал просить, чтоб обедать вместе в Москов‹ском› трактире, он с женой, я, Григорович и Висковатов, а затем чтоб поехать в Эрмитаж. Он, кажется, бедный, с женою скучает. На вечерних чтениях, где билеты за деньги, он, конечно, будет. Репетиция чтений для воспитанников заведений отменена. Послезавтра, 5-го, начинаются мытарства; надо всем депутатам во фраках являться в Думу, и, боюсь, времени не будет тебе писать. Завтра же в нашу Лоскутную прибудет поезд петербургских депутатов. [Приеду] 8-го все кончится, 9-го, стало быть, сделаю визиты, а 10-го выеду — в котором часу, напишу потом. Майков телеграфировал, что приедет. Полонский тоже. Ну вот и все, моя радость. Таким образом, жди меня 11-го числа, и это, кажется, уж наверно. Суворин просит мою статью. Решительно не знаю, кому дать и как это устроить. А вот пусть послушает меня на чтении. Крепко обнимаю тебя, моя Анька. Крепко целую тебя за очень-очень и очень. Детишек целую и благословляю. Ты пишешь, что видишь сны, а что я тебя не люблю. А я все вижу прескверные сны, кошмары, каждую ночь о том, что ты мне изменяешь с другими. Ей богу. Страшно мучаюсь. Целую тебя тысячу раз.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поцалуй деток.

230. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Москву.› Старая Русса. ‹5› июня 1880 г.

Пишу тебе по обещанию 5-го июня, дорогой и золотой мой Федичка, хотя опять-таки, кроме как о чувствах, писать нечего: все здоровы, и все благополучно. Тишина у нас полнейшая, заняты теперь тем, что сбираем в дорогу бабушку, а потому сегодня топим баню. Но предварительно пойдем на музыку и звать к себе Рохеля. Думала об тебе сегодня очень и очень; как-то ты сегодня стоял на молебствии, не устал ли очень, не измучился ли? Но завтра и особенно послезавтра буду очень тревожиться, как-то ты прочтешь, удастся ли тебе, произведешь ли впечатление? Непременно, слышишь ли, непременно, опиши подробно, как все произошло, т‹о› е‹сть› на твоем чтении: подумай, меня не было, так сделай так, как будто я была. А то, дорогой мой, мне очень обидно, что я не присутствовала на твоих торжествах. Ничего бы я так не желала, как торжества вашей партии, а вместе и твоего. А затем, пожалуйста, не заживайся и выезжай 8-го утром в ½ десятого. Мы пойдем тебя встречать в поне-

дельник, и ты не заставь нас даром пройтись. Целую и обнимаю тебя горячо и остаюсь любящая тебя жена Аня.*

Милый папочка! Я здорова. Приезжай скорее. Твоя Люба.

Начала хорошо, но затем сплошала. Слышишь ли, дорогое мое сокровище, изволь описать мне твое заседание в мельчайших подробностях. я твои письма перечитываю по нескольку раз.

231. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

5 июня ‹18›80 год. Москва. 8 часов пополудни.
‹В Старую Руссу.› Гостиница Лоскутная в № 33-м.

Милая моя Анютка, милое письмецо твое от 3-го июня получил сейчас и спешу написать тебе поскорее, сколько успею. Нет, голубчик, не требуй теперь длинных писем, потому что и просто-то письма вряд ли можно теперь будет писать. Буквально, все время, все минуты теперь будут заняты, да и не достанет их, это наверно на здешнее даже, не то что на письма. По порядку: вчера утром я, Суворин, его жена, Буренин и Григорович были в Кремле, в Оружейной палате, осматривали все древности, показывал смотритель Ор‹ужейной› палаты Чаев. Затем ходили в Патриаршую ризницу. Все осмотрев, зашли в трактир Тестова закусить и остались обедать. Затем был на минутку у Анны Ник‹олаевны› Энгельгардт и разъезжал по мелким покупкам. Затем по условию отправились в сад Эрмитажа. Там уже были Суворины, Григорович и проч. В саду же встретил почти всех прибывших в эти дни из Петербурга депутатов. Множество всяких лиц подходили ко мне, и не запомню кто: Гаевский, Лентовский,[824] певец Мельников[825] и проч. Сидел и все время пил чай с Сувориными и с Бурениным и изредка с Григоровичем, который то подходил, то уходил. И вдруг разнеслась весть, что праздник отложен. Распустил слух Мельников. Было 11 часов, и я поехал [Мельникову] к Юрьеву. Его не застал, но застал его сына, и тот меня разуверил, что вздор. (Так и оказалось). Приехав домой, принялся готовиться к чтению 6-го числа вечером. Это, Аня, дело бедовое. Представь себе, что открытие памятника будет 6-го числа, с 8 часов утра я на ногах. В два часа кончится церемония и начнется акт в Университете (но ей богу, не буду). Затем обед в Думе, и в тот же день, вечером в 9 часов, я, усталый, измученный наевшийся и напившийся, должен читать монолог Летописца — самый трудный к чтению, требующий спокойствия и обладания сюжетом. Чувствую, что я еще не готов. Сверх того я почти начинаю вечер — самое неудобнейшее положение. Досидел до 4-х часов утра, и вдруг сегодня в 10-м часу разбудил меня Золотарев, наконец прибывший. Спал я всего $5^{1}/_{2}$ часов. За ним Федор Петрович Корнилов,[826] за ними Лопатин с венками (венки стоят 14, а не 17 рублей, но без лент). Ленты я навязал Золотареву, равно и завтрашние хло-

* *Далее приписка Любы Достоевской.*

поты. Таким образом, за венки 14 рубл., выходит, заплачу один я. Правда, Золотареву будут не меньше стоить дальнейшие аксессуары. В 2 часа поехали в Думу, все депутации (депутаций до 100) являлись к Ольденбургскому и проч. Церемониал, суетня, беспорядок — не описываю слишком, невозможно описать. Видел (и даже говорил) с дочерью Пушкина (Нассауской).[827] Подходил ко мне Островский — здешний Юпитер.[828] Любезно подбежал Тургенев. Другие партии либеральные, между ними Плещеев и даже хромой Языков, относятся сдержанно и как бы высокомерно: дескать, ты ретроград, а мы-то либералы.[829] И вообще здесь уже начинается полный раздор. Боюсь, что из-за направлений во все эти дни, пожалуй, передерутся. История исключения Каткова из празднеств возмущает ужасно многих. Пришел домой и обедал дома в надежде [выслать] получить от тебя письмецо, ответить тебе, затем просмотреть Пимена[830] и мою статью, затем приготовить рубашку, фрак к завтрому, а затем пораньше лечь спать. Но пришел Гайдебуров,[831] и вдруг затем Майков, а затем Висковатов. Майков приехал читать свои стихи. Ничего, мил и обнюхивает воздух. Я с ними поговорил, но однако их выпроводил. Дописываю теперь тебе эти строки. Золотарев не приходит, а эти (*одно слово зачеркнуто*) венки у меня еще не прибранные. Утром давеча был у Вари. Завтра весь день до ночи занят. Послезавтра заседание Любителей, но в этом заседании я не читаю, и потом обед человек в 500 с речами, а может быть, и с дракой.[832] Затем 8-го утром моя речь в заседании Любителей, а вечером на 2-м празднике Любителей между другими я читаю несколько стихотворений Пушкина, а заканчиваю «Пророком». Ты пишешь, чтоб я выезжал 8-го, а я только 9-го примусь делать визиты. Выеду 10-го и прибуду 11-го, да и то если не задержат на лишний день, а это очень возможно. Но я тогда уведомлю. Выезжать же мне гораздо выгоднее с поездом в 1 час пополудни, чем с утрешним, ибо тут только одна ночь не спать, а с утрешним две, потому что ночь накануне я не буду спать или просыпаться в 6 часов. Письма же собственно о моих торжествах и писать нечего, ибо мой день 8-го числа, а 6-го я только Пимена прочту. Подумай, надо будет статью поместить. Хоть три претендента, но Юрьев что-то опять отлынивает, Катков, после своей истории, станет, пожалуй, совсем равнодушным ко всему делу открытия, а Суворин пожалуй что и не повторит желания. Тогда плохо. А потому очень могу опоздать день. Давеча от Александрова получил 18—75 к. — Заезжал к Варе и, кажется, совсем простился. Она уезжает к дочери на дачу. — До свидания, голубчик, разумеется, 1000 вещей не успел написать, что упишешь в письме? Но теперь писем совсем, совсем писать некогда! [Дело] Да и в эту минуту истощен и обессилен весь. А еще долго надо сидеть. А когда выспаться? Обнимаю тебя крепко накрепко, детишек цалую ужасно и благословляю.

Ваш весь Ф. Достоевский.

О любви писать не хочу, ибо любовь не на словах, а на деле. Когда-то доберусь до дела? Давно пора.

Но хоть по нескольку строк все-таки буду писать.

232. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Москву.› ‹Старая Русса.› 6-го июня 1880 г.

Наконец-то, наконец-то и у нас совершилось событие: мы купили жеребенка. Произошло это совсем неожиданно: бабушка подарила детям по 2 руб. и, проводив ее на железную дорогу, дети стали просить купить жеребенка. Начали присматривать и купили чудесного конька за три руб. Возник важный вопрос: как назвать его? Лиля предлагала назвать Бегунчиком, а Федя настаивал, чтоб назвали Султаном, Богданом, Бочонком. Порешили назвать «Буйным» собственного завода Фед‹ора› Федор‹овича› Достоевского. Восторг необыкновенный: каждую минуту ходят смотреть: как он ест, что делает и т. д.

Сегодня, 6-го, уехала мама, и нам стало очень грустно. Теперь ты должен скорее воротиться, а то дом совсем опустел. Все мы здоровы и живы, но однообразие томит, и даже ты перестал писать: напр‹имер›, вчера от тебя не было письма. Боюсь, что письмо тебя уже не застанет, если ты, послушавшись моего совета, поедешь в воскр‹есенье› 8-го. А что это за слух, что празднество отложено до 6-го? Неужели это правда, и нам придется проскучать. Цалую и обнимаю тебя и остаюсь любящая тебя жена Аня, Федя и Лиля.

Как ты зажился в Москве. Что же твоя работа. Просто ужасно!

233. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Гостиница Лоскутная в № 33-м.
‹В Старую Руссу.› Москва. Июня 7-го ‹18›80 г. Полночь.

Милый мой дорогой голубчик Аня, пишу тебе наскоро. Открытие монумента произошло вчера, где же описывать? Тут и 20 листков не опишешь, да и времени ни минуты. Вот уже 3-ю ночь сплю только по 5 часов, да и эту ночь тоже. — Затем был обед с речами. Затем чтение на вечернем литературном празднестве в Благородном собрании с музыкою. Я читал сцену Пимена. Несмотря на невозможность этого выбора (ибо Пимен не может же кричать на всю залу) и чтение в самой глухой из зал, я, говорят, прочел превосходно, но мне говорят, что мало было слышно. Приняли меня прекрасно, долго не давали читать, все вызывали, после чтения же вызвали 3 раза. Но Тургенева, который прескверно прочел, вызывали больше меня. За кулисами (огромное место в темноте) я заметил до сотни молодых людей, оравших в исступлении, когда выходил Тургенев. Мне сейчас подумалось, что это клакеры, claque, посаженные Ковалевским. Так и вышло: сегодня ввиду этой клаки, на утреннем чтении речей Иван Аксаков отказался читать свою речь после Тургенева (в которой тот унизил Пушкина, отняв у него название на-

ционального поэта),[833] объяснив мне, что клакеры заготовлены уже давно и посажены нарочно Ковалевским (все его студенты и все западники), чтобы выставить Тургенева как шефа [настоящего] их направления, а нас унизить, если мы против них пойдем. Тем не менее прием, мне оказанный вчера, был из удивительных, хотя хлопала одна лишь публика, сидевшая в креслах. Кроме того: толпами мущины и дамы приходили ко мне за кулисы жать мне руку. В антракте прошел по зале, и бездна людей, молодежи и седых и дам бросались ко мне, говоря: вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли Карамазовых. (Одним словом, я убедился, что Карамазовы имеют колоссальное значение). Сегодня, выходя из утреннего заседания, в котором я не говорил, случилось то же. На лестнице и при разборе платьев меня останавливали мужчины, дамы и прочие. За вчерашним обедом две дамы принесли мне цветов. Некоторых из них я узнал по фамилии: Третьякова,[834] Голохвастова,[835] Мошнина[836] и другие. К Третьяковой поеду послезавтра с визитом (жена имеющего картинную галерею). Сегодня был второй обед, литературный, сотни две народу. Молодежь встретила меня по приезде, подчивала, ухаживала за мной, говорили мне исступленные речи — и это еще до обеда. За обедом многие говорили и провозглашали тосты. Я не хотел говорить, но под конец обеда вскочили из-за стола и заставили меня говорить. Я сказал лишь несколько слов, — рев энтузиазма, буквально рев. Затем уже в другой зале обсели меня густой толпой — много и горячо говорили (за кофеем и сигарами). Когда же в $^1/_2$ 10-го я поднялся домой (еще 2 трети гостей оставалось), то прокричали мне ура, в котором должны были участвовать поневоле и несочувствующие. Затем вся эта толпа бросилась со мной по лестнице и без платьев, без шляп вышли за мной на улицу и усадили меня на извощика. И вдруг бросились целовать мне руки — и не один, а десятки людей, и не молодежь лишь, а седые старики. Нет, у Тургенева лишь клакеры, а у моих истинный энтузиазм. Майков здесь и был всему свидетелем, должно быть, удивился. Несколько незнакомых людей подошли ко мне и шепнули, что завтра, на утреннем чтении, на меня и на Аксакова целая кабала. Завтра, 8-го, мой самый роковой день: утром читаю статью, а вечером читаю 2 раза, Медведицу и Пророка. Пророка намерен прочесть хорошо. Пожелай мне. Здесь сильное движение и возбуждение. Вчера на думском обеде Катков рискнул сказать длинную речь и произвел-таки эффект, по крайней мере, в части публики. Ковалевский наружно очень со мной любезен и в одном тосте, в числе других, провозгласил мое имя, Тургенев тоже. Анненков льнул было ко мне, но я отворотился. Видишь, Аня, пишу тебе, а еще речь не просмотрена окончательно. 9-го визиты и надо окончательно решиться, кому отдать речь. Все зависит от произведенного эффекта. Долго жил, денег вышло довольно, но зато заложен фундамент будущего. Надо еще речь исправить, белье к завтрому приготовить. — Завтра мой главный дебют. Боюсь, что не высплюсь. Боюсь припадка. — Центральный магазин не платит, хоть ты что. До свидания, голубчик, обнимаю тебя, цалуй деток. 10-го, вероятно,

выеду и приеду 11-го к ночи. Готовься. Крепко вас всех обнимаю и благословляю.

Твой вечный и неизменный Ф. Достоевский.

N. В. Письмо это, должно быть, будет последним.

234. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Гостиница Лоскутная в № 33-м.

<В Старую Руссу.> Москва. 8 июня <18>80. 8 часов пополудни.

Дорогая моя Аня, я сегодня послал тебе вчерашнее письмо от 7-го, но теперь не могу не послать тебе и этих немногих строк, хоть ужасно измучен, нравственно и физически, так что это письмо ты получишь, может быть, вместе с первым. Утром сегодня было чтение моей речи в Любителях. Зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она! Что петербургские успехи мои!: ничто, *нуль*, сравнительно с этим! Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями, и мне долго, очень долго не давали читать. Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать — ничто не помогало: восторг, энтузиазм (все от Карамазовых!) Наконец, я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнем. Все, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом. (Это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений!). Когда же я провозгласил в конце *о всемирном единении* людей, то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить*. Порядок заседания нарушился: все ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — все это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня, и целовали, все, буквально все, плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдруг, например, останавливают меня два незнакомые старика: «Мы были врагами друг друга 20 лет, не говорили друг с другом, а теперь мы обнялись и помирились. Это вы нас помирили. Вы наш святой, вы наш пророк!». «Пророк, пророк!» — кричали в толпе. Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи,[837] бросился меня обнимать со слезами, Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо.[838] «Вы гений, вы более, чем гений!» — говорили они мне оба. Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя — *есть не просто речь, а историческое событие*! Туча облегала горизонт, и вот слово Достоевского, как появившееся солнце, все рассеяло, все осветило. С этой поры наступает братство, и не будет недоумений. Да, да! закричали все и вновь

обнимались, вновь слезы. Заседание закрылось. Я бросился спастись за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное, женщины. Целовали мне руки, мучили меня. Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств.[839] Полная, полнейшая победа! Юрьев (председатель) зазвонил в колокольчик и объявил, что Общество люб‹ителей› рос‹сийской› словесности единогласно избирает меня своим почетным членом. Опять вопли и крики. После часу почти перерыва стали продолжать заседание. Все было не хотели читать. Аксаков вошел и объявил, что своей речи читать не будет, потому что все сказано и все разрешило великое слово нашего гения — Достоевского. Однако мы все его заставили читать. Чтение стало продолжаться, а между тем составили заговор. Я ослабел и хотел было уехать, но меня удержали силой. В этот час времени успели купить богатейший, в 2 аршина в диаметре, лавровый венок, и в конце заседания множество дам (более ста) ворвались на эстраду и увенчали меня при всей зале венком: «За русскую женщину, о которой вы столько сказали хорошего!».[840] Все плакали, опять энтузиазм. Городской голова Третьяков[841] благодарил меня от имени города Москвы. — Согласись, Аня, что для этого можно было остаться: это залоги будущего, залоги всего, если я даже умру. — Придя домой, получил твое письмо о жеребенке, но ты пишешь так неласково о том, что я засиделся. Через час пойду читать на 2-м литературном празднестве. Прочту Пророка. Завтра визиты. Послезавтра, 10-го, поеду. 11-го приеду — если что очень важное не задержит. Надо поместить статью, но кому — все рвут![842] Ужас. До свидания, моя дорогая, желанная и бесценная, целую твои ножки (*несколько слов зачеркнуто*). Обнимаю детей, целую, благословляю. Целую жеребеночка. Всех вас благословляю. Голова не в порядке, руки, ноги дрожат. До свидания, до близкого.

Твой весь наивесь Достоевский.

235. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 11 августа ‹18›80. Полночь.

Милый друг Аня, как-то ты доехала?[843] Хотелось бы получить от тебя поскорее хоть строчку. Как живешь? Где спишь? Где ешь? Что Дневник?[844] — Проводив тебя, мы с Федей оставили Любу с Соней, Анфисой и Марьей,[845] все они пошли к батюшке, а мы с Федей на извозчике (узнав от него про гулянье) отправились в Городской сад, что на Красном берегу, рядом с Дворцовым садом. Там было много народу, спускали шар и пели военные песельники. Федя очень слушал. Но так как было сыро, то мы рано воротились, зашли за Любой, и затем дети полегли спать. Я ночь всю просидел. Встал в 12 часов. Детки уже ходили отправлять тебе письмо,[846] ведут они себя очень хорошо. Федя пошел было ловить на берег рыбу, но я, застав его над обрывом, велел

ему воротиться, и он тотчас же беспрекословно исполнил. У Лили все утро сидела Анфиса, потом все пошли к батюшке, а я гулять. Батюшка, видимо, принимает участие и беспрерывно зовет детей к себе, конечно, чтоб меня облегчить. Федя теперь не отстает от Сергуши,[847] у которого объявилось какое-то ружье, из которого можно стрелять горохом. С прогулки зашел за детьми, пообедали вместе, говорили о тебе и «что-то ты там?» — а после обеда дети опять отправились к батюшке. Я опять с прогулки за ними зашел. Дорогою Федя справлялся о тебе: «Папа, когда уехала мама, ведь вчера? Ну, так приедет она завтра? Али послезавтра?». Воротясь домой, напились чаю и полегли, а я сел тебе писать. Вот и все наши происшествия. Одним словом, все ладно и спокойно, детки ведут себя хорошо и х о т я т вести себя хорошо. Исполняют данное тебе слово. Погода восхитительная. У Феди совсем нет шляпы. Летняя вся разорвалась (Лиля зашивала ее), да и не по сезону, а от фуражки (очень засаленной) оторвался козырек. Хорошо, если б ты привезла ему. В Гостином дворе, близ часовни, в угловом игрушечном магазине были детские офицерские фуражки с кокардочкой по рублю.

Хорошо, кабы ты поскорее воротилась. Должно быть, устанешь. Боюсь, что заболеешь. Выйдет ли Дневник завтра? Сегодня в Нов‹ом› Времени второе объявление о Дневнике, и ни слова в газете, хотя бы в хронике. Икни Гончаров, и тотчас закричали бы во всех газетах: наш маститый беллетрист икнул, — а меня, как-будто слово дано, игнорируют. Я убежден, что у Пантелеева какая-нибудь задержка.[848] Хоть бы поскорее. А затем воротись и ты, не мешкая долее. Поклонись Марье Николаевне[849] и попроси ее по крайней мере до 25 августа уведомлять почаще о ходе Дневника. Не надеюсь на хороший ход. Но впоследствии наверно разойдется. Ну до свидания, до скорого. Напишу, может быть, еще раз завтра, на всякий случай. Только бы ничего не случилось с тобой! Много уж ты набрала себе комиссий. К этому письму завтра Лиля приложит и от себя, да и Федя что-то хочет нацарапать. Они же и снесут на почту. Теперь спят. Марья спит в комнате, где рукомойник. Гарсон ночует на дворе. До свиданья, обнимаю тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

236. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹Петербург.›
‹В Старую Руссу.› Понед‹ельник›. 11 августа 1880 г.

Дорогие мои, я доехала самым благополучным образом и здорова, хотя не спала ни минуты. Дома все нашла благополучно и теперь отправляюсь по делам. Во-первых, пошла в редакцию «Голос», и завтра выйдет публикация, которая повторится и в пятницу. В «Новом Времени» публикация была в субботу, воскресенье и будет завтра, в четверг и

субботу. Пантелеевых № готов, и я сегодня уже разошлю его разным лицам. Раздала я много, но все на комиссию, а именно в контору Хлебникова[850] для отсылки по всем желез‹ным› дорогам 400 экз‹емпляров›

в Новое Время в Москв‹у› — 1500
в Общую контору для разносчиков — 100

все верное, но когда получу деньги, неизвестно.

Но все лучше позже, только бы разошлось. Сейчас отправляюсь по всем книгопродавцам, а затем отнесу письмо на почту, чтоб тебя успокоить. «Новое Время» обещало мне деньги за книги завтра. Купила Хомякова, до свиданья, дорогули мои, цалую и обнимаю вас горячо и остаюсь ваша

Нюта.

237. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

‹В Петербург.› Старая Русса. 12 августа ‹1880.› Вторник.

Милый друг мой Аня, пишу тебе только несколько строк на всякий случай, хотя твердо надеюсь, что это письмо тебя не застанет в Петербурге и что ты выедешь затра, т‹о› е‹сть› 13-го. У нас все хорошо, и ровно ничего особенного не произошло. Дети здоровы и ведут себя хорошо. Получил сегодня твое письмо. Поместила ты много экземпляров, по как-то продадутся? А дай бог, чтоб удалось, хотя я все более и более теряю надежду.[851] Отчасти запоздали, надо бы месяц назад. — Сегодня в Нов‹ом› Времени прочел телеграмму из Нижегор‹одской› ярмарки, что там удавился купец Зизерин, в своей пушной лавке, он петербургский, Григорий Павлович, приехал на ярмарку. Наши шубы, кажется, хранятся летом у Зизерина (я, впрочем, не знаю). Если у Зизерина, то не у того ли?[852] Конечно, он повесился от плохих дел. В таком случае не лишиться бы нам шуб. Если письмо тебя застанет в Петербурге, то не наведалась ли бы ты к Зизерину?

До свиданья, голубчик, не знаю, получу ли от тебя что-нибудь завтра, а очень бы хотелось. У нас здесь очень скучно. Погода прекрасная, но холодноватая, а по ночам очень холодно. Ты поехала очень налегке. Не простудись.

До свиданья, дети тебя цалуют, и я тоже.

Твой Ф. Достоевский.

238. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Старую Руссу.› ‹Петербург.› 12 августа 1880 г.

Дорогой мой Федичка, сегодня знаменательный вторник. Дела подвигаются плохо: на деньги я продала лишь на 6 р. 75 к.

15 Кехр‹ибарджи›[853]	— 3 р.	75
10 Семян‹ников›	— 2 р.	40
2 господин		60
	6 р.	75

Остальные просят в кредит и приходится дать, иначе ничего не продать: до сих пор взяли:

желез‹ные› дороги	— 300
Общая контора	— 100
Маг‹азин› иногородних	— 100
Мамонтов	— 100
Новое Время	— 100
Овсянников для разносчи‹ков›	— 300
Кузьмин	— 50
Кехриб‹арджи›	— 15
Семянн‹иков›	— 10
	всего — 1200 экз‹емпляров›

Но и еще возьмут, я все рассылаю по книжникам, великим князьям,[854] Толстой[855] и прочим выслала.

Вчера вечером была у Леши на могилке.[856] Ночью побоялась спать одна и ночевала у Сниткиных.[857] Вас очень цалую всех, особенно Лилю и Федю и особенно Федю старшего.

Твоя Аня.

Теперь всего 9 час‹ов› утра, но посылаю тебе письмо, ибо Петр[858] идет на почту. Многие покупают у нас на дому и притом изъясняются в любви к тебе.

239. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

‹В Старую Руссу.› ‹Петербург.› 13 августа 1880 г.

Милый Федичка, пишу это тебе на всякий тот случай, что может быть, и не приеду. «Дневник» пошел, и уверяют, что его рвут на части. У меня из 4000 экз‹емпляров› дома только 1600, остальные розданы и разосланы. Но из этих только 610 экз‹емпляров› куплены на деньги, а остальные даны на комиссию, и результат их еще неизвестен. Хочу подождать еще день, чтобы поглядеть, не придется ли сделать второе издание. Человек сорок приходило покупать по 1-ому экз‹емпляру› у меня на дому. Я здорова, но нервы расстроены, так как сплю только по 4 часа в ночь. Береги деток, письмо одно я получила. Поцалуй их покрепче, люблю вас всех донельзя. Но устала так, что едва ноги волочу. Не беспокойся за меня, приеду в пятницу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕПИСКА ДОСТОЕВСКОГО С ЖЕНОЙ

Письма Ф. М. Достоевского легко делятся на несколько самостоятельных циклов. Самые значительные и большие — письма к брату, М. М. Достоевскому, сибирскому знакомому А. Е. Врангелю, литературным друзьям — А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову, любимой племяннице С. А. Ивановой, редактору «Русского вестника» М. Н. Каткову, видному славянофилу И. С. Аксакову, многочисленным корреспондентам, появившимся у Достоевского в 70-е годы, в период издания «Дневника писателя». Но больше всего (почти четверть эпистолярного наследия) сохранилось писем Достоевского к жене, Анне Григорьевне. Они составляют цельную книгу и достаточно резко отличаются от других писем Достоевского тематикой и тональностью. Ответы Анны Григорьевны ценны уже одним тем, что помогают лучше и точнее понять содержание писем Достоевского. А в совокупности письма Достоевского и Анны Григорьевны составляют своеобразную семейную хронику. В этой «хронике», понятно, много пробелов, но они частично восстанавливаются при помощи «Дневников», «Воспоминаний» А. Г. Достоевской, мемуаров как близких знакомых семьи, так и случайных очевидцев. Семейная хроника — важное, незаменимое подспорье будущим создателям летописи жизни и творчества и научной биографии Достоевского. Письма открывают читателям личность Достоевского с самой интимной и очень человечной стороны: они откровенны, исповедальны, поразительно ненарочиты. Собственно литературных фактов в переписке немного. Исключение — «пушкинские» письма 1880 года, заслуживающие особого анализа.

1

В основном письма Достоевского Анне Григорьевне супружеские, семейные, узколичные. Естественно, что в них содержится много такого, что явно не предназначалось для посторонних глаз. Но «этических» преград для публикации писем уже давно не существует. Письма Достоевского к жене были изданы — Н. Ф. Бельчиковым и А. С. Долининым, а письма Анны Григорьевны значительно суше, сдержаннее, создавались не без оглядки на «случайных» читателей. Достоевский писал, пожалуй,

слишком откровенно и, кажется, абсолютно не задумывался над будущим «судом» потомков. Правда, в 1867 г., на заре переписки, он обратился с просьбой к жене скрыть от других его письма: «Аня, дай мне слово, что никогда никому не будешь показывать этих писем. Не хочу я, чтоб этакая мерзость положения моего пошла по языкам. „Поэт так поэт и есть“» (№ 5).[1] Позднее, однако, он стал совершенно равнодушен к возможным свидетелям их семейных «тайн»: «Пишешь: а ну, если кто читает наши письма? Конечно, но ведь и пусть; пусть завидуют» (№ 207).

Что же касается Анны Григорьевны, то письма мужа были для нее драгоценнее всего творчества Достоевского. По словам ее подруги М. Н. Стоюниной, «с письмами Достоевского она не расставалась ни днем, ни ночью и всюду их с собой возила».[2] А. Измайлову она с гордостью говорила: «Может быть, самое интересное в наследстве Федора Михайловича — его письма ко мне. <...> В письмах <...> он так преувеличивал мои достоинства и не замечал недостатков, как это часто бывает с любящими, что мне казалось, это должно было остаться между нами, чтобы меня не обвинили в безмерном честолюбии, в любви к рекламе и т. д. <...> Он видел во мне то, чего, разумеется никто не видел, и это преувеличение любви поначалу мне было так странно, ну, как было бы странно, если бы кто-нибудь стал называть вас „вашим сиятельством“. Нужно ли говорить, что эти письма были и есть моя величайшая радость и гордость, что я читала и перечитывала их сотни раз».[3]

Анна Григорьевна тщательно подготовила письма Достоевского к публикации, подвергла их строгой цензуре, зачеркнув, а в иных случаях даже вычистив резинкой особенно интимные места. Снабдила письма комментарием. Оставила распоряжение в книжке «En cas de ma mort ou d'une maladie grave»: «Письма Федора Михайловича ко мне, как представляющие собою чрезвычайный *литературный и общественный интерес*, могут быть напечатаны после моей смерти в каком-либо журнале или отдельною книгою... Желательно, чтобы письма были напечатаны в хронологическом порядке. Если нельзя напечатать целиком, то можно бы было напечатать лишь письма, относящиеся к Пушкинскому празднику».[4]

Анна Григорьевна оказалась права: письма Достоевского к ней — единственный в своем роде литературный памятник жене. В них личность Анны Григорьевны предстает в отраженно-восторженном, идеальном свете. Именно таким воспринимается ее образ русским и

---

[1] Здесь и в других случаях указываются номера, под которыми письма вошли в настоящее издание.

[2] Стоюнина М. Н. Мои воспоминания о Достоевских. Публикация Р. В. Плетнева. — «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1955, 1 мая, № 15709.

[3] Измайлов А. А. У А. Г. Достоевской (к 35-летию со дня кончины Ф. М. Достоевского). — «Биржевые ведомости», 1916, 28 января, № 15350.

[4] Письма Ф. М. Достоевского к жене. М., 1926, стр. IV—V.

зарубежным читателем. Показательны в этом смысле слова японского профессора Кохэя Тани: «Перед войной, в 1935 г., я, впервые в Японии, осуществил полный перевод „Писем к жене“ Достоевского с оригинала, а после войны, внеся необходимые поправки, выпустил в двух томах, большим тиражом. Благодаря этим „Письмам“ японский читатель может сегодня в полной мере представить себе, какой она была, Анна Григорьевна ‹...› ее облик, и то, какой глубоко любящей женой она была, и то, что, в известном смысле, она была единственным и самым лучшим сотрудником Достоевского в его литературной работе, — всем тем, что японец понимает под словом „совершенная жена и мудрая мать“».[5] Письма Достоевского — «супружеские», страстные, что, кстати, вовсе не мешает им быть чистыми и целомудренными. С годами страстность даже возрастает, заставляя особенно часто Анну Григорьевну прибегать к резинке. Достоевский и от жены требовал откровенности, внушал ей, что в супружеских отношениях видит вовсе не одну только грубую и материальную сторону: «Не говори, Аня, что эта мысль слишком матерьальна; тут не одна матерьяльность. Мысль, что это существо мое, всецело, не хочет от меня обособляться и даже спит со мной в одной постели, — эта мысль ужасно действует» (№ 146), «Ты скажешь, что это только одна сторона и самая грубая. Нет, не грубая, да от нее, в сущности, и все остальное зависит» (№ 207). Достоевский сетовал на то, что Анна Григорьевна не желает или неспособна («по неопытности») его понять, ожидал от нее таких же «супружеских восторгов», и когда она уступала ему и сообщала о «соблазнительных» снах, которые ей случалось увидеть, очень радовался, хотя и не доверял искренности таких писем. Чаще, однако, Достоевский был недоволен сухим и, так сказать, официально-семейным, сдержанным тоном «прюдствующей» Ани: «Слишком уж коротко пишете-с» (№ 30), «присылаешь письма довольно *постные*» (№ 202). В тех же случаях, когда Анна Григорьевна, охваченная какими-то подозрениями или минутным женским капризом, искусственно вызывала моментально вспыхивавшую у Достоевского ревность, он ей посылал в ответ странную и хаотическую смесь из неистовых любовных признаний и упреков в неискренности, неверности, жестокости. Впрочем, она и сама была подстать Достоевскому: болезненно ревновала его к умершей жене — М. Д. Исаевой[6] и Аполлинарии Сусловой и в первые годы супружества, и гораздо позднее, когда все «соперницы» Анны Григорьевны отодвинулись в область воспоминаний и художественно преломились в творчестве Достоевского (Полина «Игрока», Настасья Филипповна и Аглая «Идиота»). Некоторые простодушные признания юной «стенографки» в дневнике 1867 г. рассказывают, до каких пароксизмов доходила ее ревность. Записка, оказавшаяся,

---

[5] Цит. по: Бурсов Б. Личность Достоевского. — «Звезда», 1970, № 11, с. 117.

[6] В дневнике А. Г. Достоевской очевидна неприязнь ее к Марии Дмитриевне: «Сегодня мы говорили, — стенографирует она, — о его прежней жизни и Марии Дмитриевне и толковал, что ей непременно следует поставить памятник. Не знаю, за что только?» — «Литературное наследство», т. 86. М., 1973, с. 197.

как потом выяснилось, вовсе не от «одной особы» (Аполлинарии Сусловой. — *Авт.*), вызывает нервный припадок у Анны Григорьевны: «Значит, ему не хотелось показать записку, значит, ее не следовало мне показать. Меня это до такой степени поразило, что я начала плакать, да так сильно плакала очень редко, я кусала себе руки, сжимала шею, плакала и просто не знала, боялась, что сойду с ума. <...> Я плакала бог знает как и страдала невыносимо. Одна мысль об этой подлой особе, которая меня, вероятно, не любит, что она способна нарочно ему отдаться для того, чтобы только насолить мне, зная, что это будет для меня горько, и вот теперь, должно быть, это действительно и случилось, и вот они оба считают, что могут обманывать меня, как прежде обманывали Марию Дмитриевну».[7] Таких «романов» не сочинял и Достоевский, как известно, включивший в «Братья Карамазовы» маленький трактат о ревности. Нам неизвестны письма А. Г. Достоевской 1867 г., но «Дневник» сполна заменяет их отсутствие: он откровеннее, искреннее, простодушнее, наивнее писем и тем более «Воспоминаний», в которых много идеализации и часта фигура умолчания. Понятно, что в отличие от писем мужа, опубликование которых ей было желательно и лестно, Анна Григорьевна так настаивала на уничтожении стенографических дневников в упоминавшейся книжке «En cas de ma mort ou d'une maladie grave»: «...мне бы вовсе *не* хотелось, чтоб чужие люди проникали в нашу с Ф. М. семейную интимную жизнь. А потому *настоятельно* прошу уничтожить все стенографические тетради».

Вычеркнув все то, что сочла неудобным для всеобщего ознакомления, «прюдствующая» Анна Григорьевна в неприкосновенном виде оставила традиционные «формулы» любви, которыми так изобилуют письма «вечного мужа» к «бесценному и бесконечному другу» Ане. В первом сохранившемся письме Достоевский еще довольно сдержанно обращается к ней, возлагая надежды на будущее. Затем звучит варьирующийся, но постоянный мотив сближающей его и «милого ангела» разлуки. Вдали от жены Достоевский с некоторым удивлением обнаружил, что процесс их «сростания» начался и даже существенно продвинулся. Конечно, этот процесс не был ни мирным, ни безболезненным. Напротив, первые годы совместной жизни были тяжелым испытанием, особенно для Анны Григорьевны. Достоевского всегда преследовали материальная нужда и нескончаемая литературная каторжная работа, но никогда он так часто и близко не приближался к черте, отделяющей бедность от нищеты, как во время затянувшегося «свадебного» путешествия по Европе. Если к этому добавить эпилепсию Достоевского, его сумрачный и мнительный характер, беременность Анны Григорьевны, увлечение Достоевского рулеткой, смерть первенца — дочери Сони, то невольно можно ужаснуться, даже не читая стенографических дневников — этих уникальнейших личных документов, в которых необыкновенно подробно и открыто регистрируются мельчайшие события семейной жизни. Бесконечные

---

7 «Литературное наследство», т. 86, с. 179.

ссоры из-за пустяков, взаимное недоверие, взаимные оскорбления. Конечно, все ссоры заканчивались примирениями, ничего чрезвычайного и особенного тут нет, но сама форма дневников обусловила монотонность повторений, к тому же Анна Григорьевна придавала мелким неприятностям и ссорам почти трагическое значение. А с другой стороны, точно передавая все узкосемейное, она редко заносила в свои подробные и обстоятельные дневники то, что выходило за пределы их личной жизни, даже тогда, когда это, казалось бы, диктовалось необходимостью. «Потом вечером у нас обыкновенно идут разговоры,— повествует, строго соблюдая хронологическую последовательность, Анна Григорьевна,— так, вчера мы говорили о Евангелии, о Христе, говорили очень долго. Меня всегда радует, когда он со мной говорит не об одних обыкновенных предметах, о кофее, да о сахаре, а также когда он находит меня способной слушать его и говорить с ним и о других, более важных и отвлеченных предметах» [8]. Тщетно искать в дневниках, что именно говорил Достоевский о «важных и отвлеченных предметах», в данном случае по крайней мере названы темы бесед, в других — и этого нет. Не больше «отвлеченных предметов» и в письмах Анны Григорьевны: они или коротенькие информационные сообщения, или отчеты мужу (иногда пространные) о состоянии семейных дел, причем, и, конечно, по настоянию мужа, преобладает рассказ о детях, подробнейший, иногда живой и остроумный. Для Достоевского письма жены жизненно необходимы, хотя бы они были слишком краткими. Но когда Анна Григорьевна отступала от обычного делового, сдержанного стиля, он искренне радовался и, не скупясь на похвалу, всячески превозносил эпистолярный дар жены: «Твоими же письмами я любуюсь и читаю их с наслаждением, и говорю про себя каждый раз: какая она у меня умница. Я, например, пишу 8 страниц и всего не выскажу, а у тебя на 4-х все прекрасно высказано, все что надо, дельно, толково, ничего лишнего, ум в понимании, что именно надо сказать непременно, и тонкость чувства. Ты именно догадалась, что мне очень будет приятно читать про разговоры детей. Кроме того ты мне пишешь милые слова и говоришь, что любишь (если не обманываешь)» (№ 65).

Впрочем, Достоевский не так уж много требований предъявлял к письмам Анны Григорьевны. Он больше настаивал на регулярности переписки.

Достоевский часто любил возвращаться к этапам семейной жизни, как бы расставляя вехи и подводя итоги, анализируя свое отношение к Анне Григорьевне обычно в восторженном, приподнятом тоне, давая ей самые лестные оценки: «Друг ты мой, целые 10 лет я был в тебя влюблен и все crescendo, и хоть и ссорился с тобой иногда, а все любил до смерти» (№ 167), «...я сам здесь, не только по ночам, но и днем думаю здесь о моей царице и владычице непомерно, до безумия. ⟨...⟩ Я как в бреду, боюсь припадка» (№ 197) и т. д. Анна Григорьевна, должно

---

[8] «Литературное наследство», т. 86, с. 197.

быть, навсегда запомнила слова мужа, сказанные ей в 1867 г. в минуту крайнего раздражения: «...Федя очень злопамятный нынче стал, он меня долго упрекал и потом обидел, сказав, что считал меня 10 из 100, а я оказалась 100 из 100».[9] Приведенное в дневнике арифметическое рассуждение Достоевского означало лишь то, что он ее отнес к разряду самых обыкновенных женщин, к «золотой середине». А девять лет спустя Достоевский напишет Анне Григорьевне в ответ на ее жалобы и «самокритику» целый трактат-опровержение: «Дорогая моя радость, с чего ты взяла, что ты „золотая середина"? Ты редкая из женщин, кроме того что ты лучше всех их. Ты и сама не подозреваешь своих способностей. Ты ведешь не только целый дом, не только дела мои, но и нас всех, капризных и хлопотливых. <...>Сделай тебя королевой и дай тебе королевство, и клянусь тебе, ты управишь им как никто — столько у тебя ума, здравого смысла, сердца и распорядительности» (№ 154). Аналогичны по духу и тону восторженные, несколько экзальтированные слова Достоевского и в других письмах.

Достоевский остро переживал вечные материальные бедствия семьи, бремя которых с ним мужественно разделяла подлинная «хозяйка» дома Анна Григорьевна. Огорчало Достоевского, что он так и не смог обеспечить будущее детей, мысль об этом омрачала и его последние дни. Столь же горько было ему видеть, как мало он смог дать в материальном смысле своей «царице», «владычице», «повелительнице», «королеве»: «Ах, родная моя, у меня сердце болит по тебе; я здесь перебрал все, как ты мучилась, как ты работала — и для какой награды? Хотя бы мы денег получили больше, а то ведь нет, и если есть что так разве еще в надежде на будущий год, а это журавль в небе. <...> Я мечтаю о будущей зиме: поправилась бы здоровьем в Руссе и, переехав в Петербург, уж больше не будешь мне стенографировать и переписывать, я это решил, а если будет много подписчиков, то *непременно* возьмешь помощницу...» (№ 148). Так в 1876 году, и точно так же было раньше и позднее: все те же надежды, мечты и все те же журавли в небе. Иногда немного лучше, иногда хуже. Но в тяжелом и обременительном труде Анна Григорьевна обрела счастье и высший смысл жизни. После смерти Достоевского пришло материальное благополучие, но она почувствовала не радость, а скорее обиду на странные гримасы судьбы, вручившей ей наконец синицу, но слишком поздно.

Достоевский редко и скупо писал родственникам и ближайшим друзьям о своей семейной жизни. Как видно из этих немногих писем, далеко не со всеми своими сомнениями он знакомил «врученное ему богом» юное существо, видимо, чтобы не испугать и без того весьма растерявшуюся Анну Григорьевну. Об итогах первого года супружеской жизни, не щадя себя (откровенный и жесткий самоанализ) и очень выгодно обрисовывая Анну Григорьевну, не скрывая нисколько своих тревог и даже удивляясь тому, что мрачные предчувствия пока не оправдались, он писал А. Н. Май-

9 Там же, с. 183.

кову. Оказывается, Достоевский уезжал в Европу «с смертью в душе», уверенный, «что нравственное влияние заграницы будет очень дурное», совершенно не полагался и на себя («Характер мой больной, и я предвидел, что она со мной измучается»), т. е. предчувствовал неизбежную катастрофу (II, 26).[10] Катастрофы не произошло, все, что «мерещилось», не осуществилось благодаря Анне Григорьевне, которая «оказалась сильнее и глубже», чем он «знал», «рассчитывал», «думал». И все же: «я <...> и до сих пор не спокоен» (II, 26). Неуверенный, пессимистический тон письма понятен: слишком мало еще прошло времени, чтобы можно было делать *окончательные* выводы, но надежда, вера в будущее, несомненно, заметно возросли. Три года заграничной жизни вдвоем, «один на один» сцементировали супружеский союз настолько прочно, что Достоевский уже смело мог писать брату Андрею Михайловичу о наладившихся отношениях вопреки тяжелым внешним обстоятельствам, огромной разнице в возрасте и его мрачному характеру (Достоевский, как всегда, трезв и беспощаден в самооценках, с легкостью способен доходить и до крайнего самоуничижения): «Я уж три года, без малого женат и очень счастлив, потому что лучшей жены, как моя, и не может быть для меня. Я нашел и искреннюю, самую преданную любовь, которая и до сих пор продолжается» (IV, 292). Тон спокойный и безмятежный. Констатируется факт, но ведь он вовсе не обычен — совершилось, собственно, «чудо», на которое Достоевский не смел надеяться. В дальнейшем Достоевский почти не касается в переписке с «чужими» своих семейных дел. Лишь изредка промелькнет: «Без жены — без детей я жить не могу» (IV, 300). Невольно вырвавшееся признание в письме к М. П. Погодину — как бы случайная цитата из очередного послания к Анне Григорьевне. К ней он, правда, писал эмоциональнее, красноречивее. Вот одно из «типичных» обращений Достоевского к жене: «Я, мой ангел, замечаю что становлюсь как бы больше к вам всем приклеенным и решительно не могу уже теперь, как прежде, выносить с вами разлуки. Ты можешь обратить этот факт в свою пользу и *поработить* меня теперь еще более, чем прежде, но порабощай, Анька, и чем больше поработишь, тем буду я счастливее» (№ 152). Достоевский в первое время благословлял разлуку. Теперь разлука мучительна, невыносима, отравляет жизнь, обостряет мнительность и подозрительность, поминутно рождая страхи и мрачные предчувствия.

Идеализировал ли Достоевский Анну Григорьевну? Конечно, как любящий, более того, — «влюбленный» муж. Возможно, что иногда преднамеренно льстил, чувствуя, что ей это будет приятно. В их жизни было то своеобразное нервное устойчивое равновесие, которое устраивало и Достоевского и Анну Григорьевну. В письмах Достоевского много «детского», непосредственного, да и Анна Григорьевна отвечала ему тем же, идя на-

---

[10] Все ссылки на сочинения и письма Достоевского даются в сокращенном виде (римская цифра — том, арабская — страница). Цитируются по следующим изданиям: Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений. Т. I—XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. М.—Л., 1926—1930; Достоевский Ф. М. Письма. Т. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. Л.—М., 1928—1959.

встречу его капризам и требованиям. Поступала она так вовсе не потому, что была женщиной «домостроевских» понятий. В ее отношении к мужу было что-то от материнской любви к «блажному» и капризному, но дорогому ребенку. Впрочем, они оба стоили друг друга. Достоевский написал ей совершеннейшую истину, проясняющую главную сущность их союза: «Ты тоже мое дитя, да еще иногда блажное, а я твое и тоже блажное» (№ 194). Они вечно ссорились и мирились, драматизировали обычные житейские факты и, не уставая, обменивались любовными признаниями, остро переживали семейные трагедии и радости, тщетно бились над материальным устройством жизни. Словом, как тонко определила Стоюнина, «жили душа в душу, обожание даже у них какое-то взаимное было».[11]

Конечно, Достоевский находил в Анне Григорьевне и «недостатки»: мнительность, гордость, нервозность («нервы и нервы, не хуже моих»), но они, кажется, только необходимо оттеняли, с его точки зрения, совершенство.[12] Единственно, к чему Достоевский не мог относиться спокойно, — это постоянно мерещившаяся ему недоверчивость Анны Григорьевны. Он часто упрекал ее в скрытности, тайнах, секретах, нежелании быть с ним *полностью* откровенной. Требовал Достоевский непременно *полной* откровенности и, естественно, часто ее не обнаруживая, раздражался, язвил, упрекал: «Опять тайны, опять вечные секреты. Не можешь ты никак удостоить меня полной откровенности. Списываешься и соглашаешься с червонными валетами, а от мужа все еще тайны и секреты» (№ 212). Тут же и упрек, вовсе не заслуженный Анной Григорьевной, благоговейным образом относившейся к его письмам: «Ты читаешь мои письма наскоро и не дочитываешь даже может быть» (№ 212). Но таких упреков в письмах Достоевского немного, и они больше характеризуют его самого, чем Анну Григорьевну.

2

Даже дневники и воспоминания Анны Григорьевны, плод многолетних и пристальных наблюдений, рассказывают меньше о личности Достоевского, чем его письма, — и особенно к ней, где он был более самим собой, доверял такие движения, мысли, чувства, о которых другим знать не полагается. Безыскусный стиль писем Достоевского становится еще безыскуснее в письмах к жене. Это единодушно отмечали Н. Ф. Бельчиков, А. С. Долинин, Б. И. Бурсов, М. Л. Слоним. Долинин приходил к выводу, что «именно <...> по письмам *к ней* мы и получили впервые

---

[11] Стоюнина М. Н. Мои воспоминания о Достоевских.

[12] Анну Григорьевну, как и Достоевского, часто мучали предчувствия бед. Телеграмма, которую принесли вскоре после грустного письма мужа, производит в ней настоящее нервное потрясение: «...я страшно закричала, заплакала, вырвала телеграмму и стала рвать пакет, но руки дрожали, и я боялась прочесть что-нибудь ужасное, но только плакала и громко кричала» (№ 58). В других письмах рассказывается, как остро она переживала ошибочное газетное известие о серьезной болезни Достоевского (№№ 132 и 134).

возможность восстановить этот истинный, живой облик его. Ибо писались они с той исключительной откровенностью, какая возможна только тогда, когда корреспондента либо совсем не уважают, либо сливаются с ним воедино так, что и последние грани, отделяющие человека от человека, даже самого близкого, как бы перестают вовсе ощущаться» (I, 29). Сомнительна в выводе ученого только альтернатива — ее не было; после смерти Михаила Михайловича у Достоевского не осталось ни одного существа, с которым он мог быть сердечно откровенен без ущерба для самолюбия, не прибегая к экивокам и не заботясь об «условностях». Анна Григорьевна стала таким корреспондентом Достоевского: ей он беспрерывно и «исповедовался», доверяя ее доброте и чуткости, — не ради же красного словца называл он жену своим «ангелом-хранителем». Достоевский имел право требовать от Анны Григорьевны откровенности, так как сам был абсолютно без затей и чистосердечен. Причем исповедоваться Достоевский начал еще до писем, чуть ли не с самой первой встречи, поразив Анну Григорьевну неожиданностью рассказов о своей жизни, обнаженной откровенностью тона. Письма Достоевского перенасыщены автооценками, ретроспективными и мгновенными: он разъясняет, ничего не скрывая, свой нелегкий характер, и только просит правильно его понять (а заодно отдать должное полноте его искренности) и принять таким, каков он есть: «Я часто бываю очень грустен, какая-то беспредметная даже грусть, — точно я совершил перед кем-нибудь преступление», — пишет он вчерашней невесте, видимо, нимало не смущаясь странностью таких признаний молодой женщине, которая его еще так плохо знает, да и которой он сам еще не может довериться по-настоящему (№ 2). Больше, правда, он умоляет Анну Григорьевну не судить о нем скоропалительно по внешнему виду и разным поступкам. Умоляет горячо, с какой-то нервной дрожью: «Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным: это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой, внутри же другое, поверь, поверь!» (№ 5).

Очень скоро Анна Григорьевна узнала, что она стала женой *игрока*: письма к ней Достоевского долгое время были отравлены «мономанией», «фантазией», изжить которую помогло Достоевскому в сущности «случайное», но для него весьма знаменательное событие. Мощное давление неподвижной идеи придало письмам Достоевского в течение пятилетнего периода лихорадочный, безумный оттенок, судорожный ритм, нервное напряжение, превосходящее интенсивностью переживаний больную страсть Алексея Ивановича и эксперименты одержимого мыслью о «миллионе» Аркадия Долгорукого. «Ах, голубчик, не надо меня и пускать к рулетке! — чистосердечно писал Достоевский. — Как только проснулся — сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют» (№ 16). В другом письме — уже в который раз сообщает Анне Григорьевне заведомо ей известное: «...я пошел играть в 8 часов и — все проиграл! У меня теперь те же 50 сантимов. Друг мой! Пусть это будет моим последним и окончательным уроком, да, урок ужасен!» (№ 19). Анна Григорьевна,

конечно, не поверила, что урок пойдет на пользу и, тем более, что он будет последним. Десять лет потребовалось Достоевскому, чтобы освободиться от «гнусной фантазии». Его оправдания и объяснения стали для Анны Григорьевны обычными и малозначащими фразами, к которым она относилась недоверчиво, скептически. Слишком часто обещал Достоевский окончательно бросить игру и столько же раз нарушал обещания. «Проклятая мысль» была сильнее всех логических и «материальных» соображений. Несправедливо в свое время утверждал Бельчиков: «Без сомнения, надежда поправить безденежье, материальный расчет гораздо больше играли роль в поездках Федора Михайловича в Saxon les Bains, чем психологическая предрасположенность, душевная страсть».[13] Все обстояло как раз наоборот: материальная сторона — предлог и внешняя подоплека, плохо скрывающая «неподвижный», страстный характер идеи-чувства, поработившей натуру Достоевского. Оправдания, объяснения ничего не меняют. Да и оправдывается ли Достоевский? Он нередко называет себя «скотом» (даже — «я хуже чем скот»), «скверным, гнусным вором», мучающим своего «ангела божьего», «беспутным и низким, мелким игрочишкой». С обреченностью, без надежды, без веры в себя «традиционно» извещал жену о проигрышах, проклиная себя за то, что поехал, просил последний раз его простить, с необыкновенной легкостью доходя до самоуничижения. Но самоосуждениями не ограничивался. Чем больше увлекался обличениями, тем энергичнее переходил к неожиданно гордым заверениям. И в конце концов заключал, что игра на рулетке не только не рядовое, грубоматериальное увлечение, а *необходимое* занятие, идущее на благо его здоровью («я теперь в такой бодрости, в такой бодрости!») и литературным делам. Получается, по парадоксальной логике Достоевского, что «проигрыши» крайне полезны, закладывают прочный фундамент будущего: «...знай, мой Ангел, что если б не было теперь этого скверного и низкого происшествия, этой траты даром 220 фр., то, может быть, не было бы и той удивительной, превосходной мысли, которая теперь посетила меня и которая послужит к окончательному *общему нашему спасению*! Да, мой друг, я верю, что может быть бог, по своему бесконечному милосердию, сделал это для меня <...> вразумив меня и спасая меня от игры, — а стало быть, и тебя и Соню, нас всех, на все наше будущее» (№ 19).

Поразительное, но вовсе не исключительное, не *выдающееся* рассуждение. Оно обычно. Достоевскому неоднократно еще придется испытать горечь окончательного поражения (о чем бы Достоевский ни писал, у него все всегда окончательное), необходимого для окончательного же возрождения. Достоевский и после приведенного красноречивого послания еще четыре года будет во власти «фантазии». Достоевский испытывал потребность доходить до черты, за которой должна была последовать неминуемая «гибель». Тут-то он и возрождался, самозабвенно уходя

[13] Письма Ф. М. Достоевского к жене, с. V.

в работу и обращая взоры в будущее, представлявшееся в эти мгновения «падения» особенно светлым: «О, Ангел мой, не печалься и не беспокойся! Будь уверена, что теперь настанет, наконец, время, когда я буду достоин тебя и не буду более тебя обкрадывать <...> Теперь роман, один роман спасет нас, и если б ты знала, как я надеюсь на это! Будь уверена, что я достигну цели и заслужу твое уважение. <...> С любовью и с надеждой примусь за работу, и увидишь что будет через 2 года. <...> Друг мой, не печалься, что я разорил тебя, не мучайся за наше будущее. Я все, все поправлю!» (№ 17). Возрождается надежда в сердце, как никогда бодро себя чувствует Достоевский, в голову приходят блестящие мысли, требующие немедленного воплощения. Так было неоднократно. Долгие годы увлечения рулеткой не прошли даром: Достоевский досконально изучил собственную психологию игрока, вывел законы. И сам тесно связал творческие импульсы с «проклятой фантазией». Не просто фантазия, а творческая фантазия, равно необходимая ему — человеку и художнику: «...давеча, мне хотя и мерещилось, но я все-таки окончательно еще не выяснил себе эту превосходную мысль, которая мне пришла теперь! Она пришла мне уже в девять часов или около, когда я проигрался и пошел бродить по аллее (точно так же, как в Висбадене было, когда я тоже после проигрыша выдумал *Преступление и Наказание* и подумал завязать сношения с Катковым. Или судьба, или бог!)» (№ 19). Снова бог, правда, еще названа и судьба. В любом случае нечто высшее, неумолимое, роковое: не проигрался бы в Висбадене — не было бы «Преступления и наказания»; и опять проигрыш совпал с «превосходной мыслью», вдруг вышедшей из туманно-неопределенного состояния и стройно оформившейся. Речь идет о романе «Идиот», напряженную работу над которым Достоевский не случайно связал с «мономанией», игрой — «рискнул, как на рулетке».

Письма из «Рулетенбурга» к Анне Григорьевне образуют небольшой самостоятельный цикл. Они по-своему не менее значительны, чем знаменитые письма-отчеты о Пушкинском празднике. «Пушкинские» письма ценны богатым историко-литературным материалом, они отличаются своим «несемейным» содержанием. Личность Достоевского полнее, обнаженнее предстает в отчаянных, исполненных самоуничижения и гордыни, энтузиазма и «подлого жара» письмах игрока. Так Достоевский не писал никому, а после того как многолетнее наваждение будет преодолено, он и Анне Григорьевне не будет посылать подобных писем.

Вряд ли был во всем прав А. С. Долинин, утверждавший, что письма Достоевского к жене из Висбадена, Saxon les Bains и Гомбурга были «написаны в том особенном сентиментальном стиле, в каком он обычно писал только ей одной, на темы интимно семейные, когда ему не нужно было напрягаться, чтобы идейно удовлетворять своего собеседника, и можно было позволить себе быть крайне примитивным в выражении своих чувств и будничных мыслей» (II, с. VII—VIII). Конечно, Достоевский никогда не ставил (и редко вообще это делал) перед собой цель удовлетворить «идейно» Анну Григорьевну, хотя и сильно противился

тому, чтобы она всецело замкнулась в семейной сфере. В конце концов Анна Григорьевна не только была первой и восторженной читательницей Достоевского, но и очень помогала ему в работе.

В семейной переписке Достоевских важное место занимают и литературные вопросы, хотя освещение их специфичное и они не на первом плане. Но это еще не означает, что письма Достоевского к жене так же просты и, тем более, сознательно примитивны. Разумеется, Достоевский не заботился о композиции писем и стилистических красотах, они создавались сразу и запечатлевали мгновения, но в этом как раз их непреходящее значение — маленьких бесформенных исповедей. И это не примитивный, упрощенный пересказ «чувств» и «будничных» мыслей, рассчитанный на недалекого и неприхотливого читателя, с которым можно обходиться без церемоний, а потрясающе взволнованный, взвинченный, усложненный, психологически уникальный монолог. Сколько нравственных терзаний, самоуничижения и одновременно восстающей гордости, оправданий, просьб простить его и все-таки верить, не оскорбляя подозрительностью. Одно из гомбургских писем Достоевский начинает с резкой, щемящей ноты, деформируя традиционное обращение неприятным словом «подлец», не желая, видимо, оттягивать открытие истины и сразу же заявляя «главное»: «Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я все проиграл, что ты мне прислала, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл» (№ 11). После такого приступа, когда факт передан в голом и неприглядном виде, начинаются, постепенно усложняясь, психологические вариации. Обнаруживается, что сильнее всего Достоевского волнует «суд» Ани, сам же он относится к проигрышу равнодушно, как к событию неизбежному и почти желательному. Чувствует облегчение и уверенность в себе и своем будущем. С неиссякаемым оптимизмом и жизнелюбием восклицает: «Теперь работа и труд, работа и труд, и я докажу еще, что могу сделать». И в то же время понимает, что им совершено «преступление», просит не винить его. Понимая, что требует невероятного, просит не винить «окончательно». Пытается повлиять на обвинительный приговор, хоть немного смягчить: «Но ты не можешь же не произнести своего суждения над моим поступком, и вот это-то и смущает меня и мучает». Предпринимает жалкую попытку оправдания, но, ощутив зыбкость и уязвимость аргументов, гордо отказывается от изложения «высших» причин, заставивших его спустить последние деньги: «Но не оттого я истратил, что был легкомыслен, жаден, не для себя, о! у меня были другие цели! Да что теперь оправдываться». Все мысли устремлены к Ане, желание увидеть ее огромно, но это невозможно сделать, так как не на что выехать и желание обнять жену фатально зависит от ее благородства и долготерпения: «*Присылай скорей, сию минуту денег на выезд, — хотя бы были последние*».

Тон приказа, явно находящийся не в ладах с предшествующим ему безудержным самобичеванием. Подозрительность пугает Достоевского.

Прекрасно зная, как трудно ему после стольких клятвонарушений ждать доверенности жены, он тем энергичнее настаивает на вере, несмотря ни на что, даже на столь очевидные и прискорбные факты. «Ангел мой, не подумай как-нибудь, чтоб я и эти проиграл. Не оскорбляй меня уж до такой степени! Не думай обо мне так низко. Ведь и я человек! Ведь есть же во мне сколько-нибудь человеческого. Не вздумай как-нибудь, не доверяя мне, *сама приехать* ко мне. Эта недоверчивость к тому, что я не приеду — убьет меня». Все перепуталось и смешалось в этом странном, взволнованном, нелогичном, гордом и жалком одновременно письме, почти графически точно передающем душевный строй личности Достоевского.

А личность Достоевского дает ключ к пониманию его творчества. И в этом смысле письма Достоевского к жене не менее *литературны*, чем огромные специальные послания-трактаты Майкову и Страхову. Причем дело вовсе не в случайных совпадениях-параллелях: в одном из писем Достоевский характеризует себя почти такими же словами, как и его герой Лев Мышкин; «теория» и «психология» игры прямо соотносятся с идеями Алексея Ивановича и Подростка и т. д. Все это знаменательные, интересные, но единичные и «случайные» совпадения. Речь идет о большем: о сложной структуре личности Достоевского, о неповторимых, единственных свойствах натуры писателя. Конечно, письма Достоевского-игрока — пример яркий и исключительный, в них специфическая тематика и интонация. В письмах после прощания с «фантазией» Достоевский не так открыт. Это будничные письма, в которых мотив «скуки» преобладающий, а повествование монотонно, сведено к нескольким повторяющимся темам. Все, что таким эмоциональным потоком изливалось в письмах игрока, здесь приглушено. Тем более, пожалуй, примечательно, что и в обычных письмах личность Достоевского остается такой же неуемной, «нервической». Он вечно недоволен текущим и также постоянно затевает нечто колоссальное и окончательное.

Грустен, тосклив тон писем Достоевского к жене счастливого периода семейной жизни, когда уже завершился процесс «сростания» и «склеивания». Конечно, немало значили болезни Достоевского, но не в одних лишь болезнях дело, да и невозможно такую болезнь писателя, как эпилепсию, назвать узкобиографической подробностью. Преодолев увлечение рулеткой, Достоевский утратил и главную причину, заставлявшую его заниматься усиленным самобичеванием, каяться, исповедоваться, умолять. Исповедь не исчезла, но в значительной степени исчерпала свои психологические и эмоциональные ресурсы. Достоевский ограничивается сжатым психологическим отчетом, традиционными жалобами, сомнениями и предчувствиями.

Особенно часты жалобы на полную невозможность спокойно работать. Достоевский своеобразно сочувствует тяжелому положению Анны Григорьевны, «подлее и сквернее» которого быть не может, и очень боится ее болезни, так как тогда он не сможет ничего написать за лето и ему останется только «повеситься». После такого энергичного утешения, в ко-

тором «литературный» эгоизм положительно преобладает над состраданием, следует настоящий вопль, безнадежный бунт против проклятой судьбы, вечно его преследующей, посылающей одни только нескончаемые мучения. А в основе «бунта» лежит все та же работа, а она, как обычно, не продвигается, и все, в том числе семейные дела и скверное положение жены, мешают ей: «Когда-то добьемся хоть одного месяца спокойствия, чтоб не заботиться сердцем и быть всецело у работы. Иначе я не в состоянии добывать денег и жить без проклятий. Что за цыганская жизнь, мучительная, самая угрюмая, без малейшей радости и только мучайся, только мучайся!» (№ 33).

После проигрышей у Достоевского чудодейственным образом воскресала вера в себя и он с пафосом писал о будущем. Позднее таких резких психологических взрывов не стало, жизнь потекла размеренно и однообразно, а тон писем стал как-то тоскливее и безнадежнее. Настоящее тяжело, да и в будущем ничего отрадного не предвидится: «Мне все думается, Аня, что с осени начнется для нас очень скучное, а может и тяжелое время» (№ 77), «Никогда в жизни не было у меня времени подлее» (№ 120), «Я думаю, я с ума, наконец, сойду, от скуки, или сделаю какой-нибудь неистовый поступок» (№ 122), «Жить мне гадко, нестерпимо» (№ 124) и т. д. до бесконечности. Лучше припадок, каторга, что угодно, лишь бы только изменилось монотонное, скучное течение жизни — если не «смерть», то уж, несомненно, «мрак в душе». Все раздражает Достоевского: громкие голоса и фамильярные жесты, русские барыни и греческие чечетки, висбаденский поп и гнусные немцы. Он бежит от всякого общества в одиночество, но и там не находит успокоения. Отчаяние и скука принимают экстраординарные размеры. Страшно возрастает мнительность, мучат какие-то темные предчувствия (обостряется «второе зрение»), льются беспричинные слезы, фантазия рисует самые мрачные картины. Нет почти ни одного письма Достоевского, в котором бы такие настроения не присутствовали. Достоевский так живописует один свой день вдали от семьи: «Думаю, перебираю шансы, хожу по комнате, мерещатся дети, думаю о тебе, сердце бьется. ‹...› Наконец, начнет рассветать, а я рыдаю ‹...› с каким-то сотрясением (сам не понимаю, никогда этого не бывало) и только стараюсь, чтоб старуха не услыхала» (№ 169). «Никогда» — сказано в минутном отчаянии. Все, что переживает Достоевский, он переживает как бы заново и каждый раз по-особенному; давление «мига», впечатление «минуты» необыкновенно сильно. Почти каждый день — «самый», исключительный. Еще недавно Достоевский, описывая свое душевное состояние в Эмсе, утверждал, что это самое «подлое» и «мрачное» время в его жизни. Через три года вновь: «Вчера Федино рождение, какой грустный день я вынес. Господи, да выносил ли когда что мучительнее» (№ 169). Анна Григорьевна в конце концов привыкла к традиционным жалобам мужа и не всегда принимала их всерьез, что не ускользнуло от Достоевского, упрекавшего ее за неспособность понять остроту и глубину его нравственных терзаний: «Тебе никогда не понять мое здешнее одиночество» (№ 50).

Нет такого периода жизни, который Достоевский не проклинал в свое время, и почти нет произведения, которое в процессе создания не возбуждало его ненависти, отвращения. Один день хуже другого, все утопает в мрачном колорите, редко освежаемом светлыми красками. Не разобрать, где начинается и где кончается каторга. Между тем каторги нет, а есть совершенно особенное, нервное, сверхэмоциональное мироощущение. Уникальный дар переживания и сопереживания, никогда не покидавший творца «Бедных людей» и «Братьев Карамазовых». Нет рулетки — есть другое, а сущность все та же, его, Достоевского, им самим лучше всего и проанализированная: «Здоровье мое *превосходно*. Это нервное расстройство, которого ты боишься во мне — только физическое, механическое! Ведь не нравственное же это потрясение. Да того и природа моя требует, я так сложен. Я нервен, я никогда покоен быть не могу и без того! <...> Я здоров *как нельзя больше*...» (№ 9). Так «успокаивает» Достоевский Анну Григорьевну после нового проигрыша, знакомя заодно с законами своей «природы».

А. Жид в статье «Переписка Достоевского», иронизируя над «чрезмерно стыдливыми», «щепетильными любителями литературы, предпочитающими «бюст великого человека» правде, особенно если она неэстетична, неприглядна, повторяющими изречение: «Оставим человека; важны произведения», — подчеркивает исключительную важность личных интимных документов. Это, конечно, справедливо. Но необоснованно противопоставление личности писателя и творчества: «...изумительно, и для меня бесконечно поучительно то, что он их создал, *несмотря на свои слабости*».[14] Слово «слабости» неудачно, точнее и справедливее говорить о характерных чертах личности, свойствах натуры, остерегаясь оценок, как правило, субъективных и неуместных. Резко индивидуальна и терминология Достоевского: слова «подлый» и «страстный» почти «психологические» синонимы на его языке. Достоевский предупредил своих будущих биографов автопризнаниями. Широко известны, в частности, слова Достоевского из письма к Майкову: «А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная, везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил» (II, 29). Перед такой обезоруживающей откровенностью меркнут все наговоры, сплетни, субъективно-пристрастные свидетельства современников.

Неудачнее всего в тезисе А. Жида противопоставление — «несмотря». Напротив. Достоевский создавал произведения не преодолевая себя, не в борьбе с какими-то личными «слабостями». Страстность и нервность натуры Достоевского — conditio sine qua non его творчества. Достоевский хорошо понимал это сам; знание законов собственной «природы», родившееся из частых и беспощадных исследований своего «я», требовало в интересах искусства, творчества сильных потрясений, «судорог», высвобождавших творческую энергию, прогонявших литературную тоску. Достоевского мало волновала проблема личного самоусовершенствования.

---

[14] Жид А. Собр. соч. Т. II. Л., 1935, с. 346.

Он ни от чего не отрекается и мало о чем жалеет. Никому не обещает стать другим. С проклятиями, с какой-то своеобразной увлеченностью повествует о своих «грехах», однако вовсе не кается. Скорее констатирует, исследует. И просит принимать его таким, каков он есть, был и будет. Видимо, изменить свою личность, по мнению Достоевского, было равносильно измене литературе, искусству, тому, что дано ему богом и судьбой и что он не в праве «улучшать» и поправлять. Не жажда самоусовершенствования, а заботы о раскрытии содержащихся в натуре (в потенции) неисчерпаемых запасов творческой энергии. Всю жизнь он «начинает», только приступая к созданию главного труда, который окончательно установит его литературную репутацию. Жить он тоже только начинает. Очень спешит, так, что и о смерти подумать некогда. «Братья Карамазовы» — последний роман Достоевского, но он менее всего похож на «последнее», предсмертное произведение писателя.

3

Письма Достоевского нетрадиционны, безыскусны, нередко бесформенны, хаотичны, небрежны. Он не был внимательным и аккуратным корреспондентом. Только к Анне Григорьевне писал регулярно, следуя раз и навсегда заведенному правилу. Часто Достоевский вообще не отвечал или немилосердно затягивал ответ. Сочинял Достоевский письма наскоро, нередко чтобы просто отделаться. Беспрерывно извинялся за помарки. Создатель «Бедных людей» постоянно возвращается к одной и той же теме: сочинять письма необыкновенно трудно, утомительно, мучительно. Есть такие жалобы и в письмах к жене: «Ах, Аня, как ненавистны мне всегда были письма! Ну что в письме расскажешь об иных делах? и потому напишу только сухие и голые факты...» (№ 3), «В письме не упишешь; да я и сам тебе прежде говаривал, что я не умею и не способен письма писать...» (№ 6). Коллекцию из аналогичных высказываний Достоевского приводит А. Жид в упоминавшейся статье «Переписка Достоевского».[15] Ее нетрудно расширить. Нелюбовь Достоевского к сочинению писем достигает кульминации в 70-е годы, когда сильно увеличился круг корреспондентов, обращавшихся к автору «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых» с просьбами ответить на разные вопросы и разрешить нравственные муки каким-нибудь благим советом. Одному «случайному» корреспонденту Достоевский разъяснял с мрачноватым юмором: «Сам люблю получать письма, но писать самому письма считаю почти невозможным и даже нелепым: я не умею положительно высказываться в письме. Напишешь иное письмо, и вдруг вам присылают мнение или возражения на такие мысли, будто бы мною в нем написанные, о которых я никогда и думать не мог. И если я попаду в ад, то мне, конечно, присуждено будет за грехи мои писать по десятку писем в день, не меньше» (IV, 6).

[15] Там же, с. 338.

Адские муки, о которых с ужасом думает Достоевский, были обычным, ежедневным занятием И. С. Тургенева. Отношение Тургенева к письмам и корреспондентам буквально противоположно письмофобии и небрежности Достоевского. Сохранилось громадное количество писем Тургенева — и все еще находят новые, круг его корреспондентов во много раз больше нескольких близких и родственных особ, с которыми более или менее регулярно переписывался Достоевский. Современникам запомнилась картина, наверняка показавшаяся бы Достоевскому апокалиптической — груда писем на столе Тургенева, аккуратно сложенных и ожидающих своей очереди. Когда в конце 70-х годов поток читательских писем к Достоевскому увеличился, он, хотя и дорожил такими признаками внимания публики, махнув рукой на приличия, условности и общественное мнение, просто «решился прекратить переписку с спрашивающими...» (IV, 21). Сочинение писем отвлекало Достоевского от работы, отбирало время, которого ему всегда остро не доставало, рассеивало внимание. К тому же Достоевский испытывал неловкое чувство и растерянность, когда вынужден был отвечать на серьезные вопросы или оповещать о своем душевном состоянии. Возможны только деловые письма, по убеждению Достоевского. Все остальное — мука или фальшь, так как форма письма неудобна, стеснительна для выражения личных переживаний. К таким выводам он пришел уже в 40-е годы. Брату он сообщал, что «совершенно согласен с Гоголевым *Поприщиным*: „*Письмо вздор, письма пишут аптекари*". Что мне было написать тебе? Мне нужно было бы писать томы, если бы начать говорить так, как бы хотелось мне» (I, 88). А. Е. Врангелю, кажется, так и не собрался написать «настоящее», а не «пустяшное» письмо. Да и мог ли исполнить Достоевский обещание, если он тому же Врангелю жаловался: «Впрочем что ж бы я вам стал писать? Не упишешь ничего, *что надобно* на письме» (I, 189). Те же стереотипные признания в письмах к И. Л. Янышеву, С. А. Ивановой, Н. Н. Страхову.

Во многом под впечатлением таких высказываний Достоевского А. Жид создает выразительный, но не во всем справедливый, субъективный образ: «Пожалуй, у нас еще не было примера писательских писем, написанных так дурно, то есть столь ненарочито. Достоевский, так прекрасно умеющий говорить от чужого лица, затрудняется, когда ему надо говорить от своего лица; кажется, что мысли ложатся под его перо не одна за другой, а одновременно, или что, подобно тем «ветвистым ношам», о которых говорил Ренан, они царапают его, пока он извлекает их на свет, и за все цепляются по дороге; отсюда — то путаное изобилие, которое, будучи обуздано, обусловит мощную сложность его романов. Достоевский, такой упорный, такой суровый в работе, неустанно исправляющий, уничтожающий, переделывающий написанное, страницу за страницей, пока ему не удастся вложить в него тот глубокий смысл, который в нем содержится, — пишет здесь, как попало, должно быть, ничего не вычеркивая, но постоянно перебивая самого себя, стараясь сказать как можно скорее, на самом деле бесконечно затягивая. И ничто

не позволяет лучше измерить расстояние, отделяющее произведение от создающего его автора».[16] Наблюдения А. Жида образны, остры и во многом верны. То, что он склонен квалифицировать как «недостатки» (ненарочитость, многотемье, ретардация, «путаное изобилие»), с неменьшим основанием можно отнести к достоинствам писем Достоевского. Расстояние, отделяющее письма Достоевского от его произведений, действительно велико. Но очевидно также, что письма и творчество Достоевского связаны многими нитями.

Не следует преувеличивать «ненарочитость» и «безыскусственность» писем Достоевского. Часто это так, но нередко приходится сталкиваться с тонкой политикой и мудрым расчетом. Об одних и тех же лицах, событиях, произведениях Достоевский очень неодинаково сообщает разным людям. Форма и содержание писем Достоевского сильно зависят от того, к кому он обращается. Даже «литературно-идеологические» письма к Страхову и Майкову несхожи, неоднотипны, особенно разнятся по тону. Хаотичность писем Достоевского — не непременный закон: есть много исключений, и они не подтверждают «правило». Достоевский вовсе не равнодушен к своим письмам, может быть, потому так ими недоволен. Он только раз, и то в 40-е годы, с гордостью и удовлетворением отозвался о своем письме к опекуну П. А. Карепину: «Я ему какое письмо написал! — Одним словом, образец полемики. Как я его отделал. Мои письма chef d'oeuvre летристики» (I, 74). Впоследствии Достоевский создавал и не такие шедевры «летристики». Другое дело, что он сам их не считал шедеврами. Напрасно, в частности, он извинялся перед Врангелем за «пустяшные» и «предварительные» письма: в сущности они прекрасны.

«Извините за бессвязность письма, — обращается Достоевский к Майкову. — В письме никогда ничего не напишешь. Вот почему я терпеть не могу M-me de Sevigne. Она писала уже слишком хорошо письма» (I, 168). Выходит, что Достоевский не только не способен сам сочинять «хороших» писем, но и терпеть не может «слишком хороших» чужих, особенно «классических». Он не доверяет письмам мадам Севинье, подозревает их в неискренности. Традиции внушают не уважение, а раздражение. «Формальному» мастерству и изяществу мадам Севинье он противопоставляет свои бесформенные, нетрадиционные, «грубоватые» письма. Это оригинальная, осознанная позиция художника, бросающего вызов традициям, канонам. Письмо Майкову создавалось «наскоро, урывками», оно не может заменить разговора «глаз на глаз», так как нужно, «чтоб душа читалась на лице, чтобы сердце сказывалось в звуках слова». И оно, безусловно, шедевр «летристики» Достоевского — большое, но компактное, энергичное, многотемное, включающее исповедь писателя, тонкий анализ поэмы Майкова, короткие, но профессиональные и ориги-

[16] Там же, с. 338. Логично, что А. Жид приходит к такому категоричному выводу, оттеняя его, правда, едва уловимой иронией: «Если есть читатели, надеющиеся увидеть здесь мастерство, литературные достоинства или позабавить свой ум, я сразу же скажу, что они лучше сделают, если оставят это чтение» (там же, с. 336).

нальные по мысли оценки произведений Тургенева, Толстого, Писемского, Островского, Тютчева, Жорж Санд, свои творческие планы («реляция о моих занятиях»). Изложение свободное: непринужденная разговорная манера, исключающая позу. В письме четко выделяются главные темы, уверенной рукой «распределены» личные, общественные и литературные сюжеты. Недовольство же Достоевского объясняется тем, что он ощущает «невозможность высказать себя после стольких лет не только в одном, но даже и в 50 листах». Высказаться до конца обо всем не смог Достоевский и в «Записках из Мертвого дома». Тем более трудно это было сделать в письмах к Майкову и даже в огромных посланиях М. М. Достоевскому. Знаменитое письмо Достоевского к брату от 22 февраля 1854 г. сопровождается такими же оговорками, еще энергичнее сформулированными, что и в письме к Майкову: «Что главнейшее? И что именно в последнее время было для меня главное? Как подумаешь, так и выйдет, что ничего не упишу я тебе в этом письме. Ну как передать тебе мою голову, понятие, все, что я прошел, в чем убедился и на чем остановился во все это время. Я не берусь за это. Такой труд решительно невозможен. Я ни одного дела не люблю делать вполовину, а сказать что-нибудь, ровнешенько ничего не значит. Впрочем, главная реляция перед тобой. Читай и выжимай, что хочешь. Я обязан это сделать и потому принимаюсь за воспоминания» (I, 133).

Достоевский, пожалуй, чересчур серьезно относился к труду создания писем. Смело вводил в них исповедь, идеологические и литературные трактаты, полемику, воспоминания, бухгалтерию. То есть стремился осуществить то, что сам осознавал как невозможное в письмах, где уже хотя бы один объем стесняет. Письмо ведь не роман-фельетон, который можно растянуть до бесконечности; тут особенно должно быть виртуозным умение рассказать сжато, стройно, логично о многом и в немногих словах. Тем более немыслимо «уписать» 5 каторжных лет. Отрывистый, эмоционально перенасыщенный, нервный рассказ о целом периоде жизни Достоевского, втиснутый в жанр «письма-реляции», гениален. Сетования на молчание брата, рассредоточенная исповедь, просьба, яркие портретные зарисовки (на неисчерпаемом и разнородном каторжном человеческом материале), нескончаемые вопросы, сведенные к 2—3 словам, меткие литературные оценки, разнообразные планы на будущее составляют такой чудодейственный сплав, из которого жаль, да и трудно что-либо выделить, или, как советует Достоевский брату, «выжать».

Достоевский смотрел на свои письма как на совершенно особенное, утомительное, но необходимое дело, «читательский» успех его мало волновал, а к литературным заботам он обращался лишь в тех случаях (естественно, частых), когда этого неотлагательно требовали обстоятельства. Здесь снова уместно для контраста упомянуть Тургенева, чьи письма гораздо сильнее, очевиднее связаны с творчеством и нередко представляют собой первоначальные наброски художественных произведений. Близость писем и художественной прозы Тургенева отмечали еще Н. М. Гутьяр и К. К. Истомин. Б. М. Эйхенбаум находил, что эта бли-

зость — явление необычное: «Его письма полны „литературы“ и идут от нее, — от ее традиций и штампов; его произведения, идя оттуда же, сливаются с письмами. <...> Он, по-видимому, сохранял черновики некоторых писем или делал из них выписки, чтобы потом воспользоваться ими как «заготовками». Но эти заготовки совсем не похожи на сырой материал — они скорее похожи на литературные цитаты».[17] Развивая мысль Эйхенбаума, М. П. Алексеев приходит к выводу, что некоторые письма Тургенева напоминают «варианты к его художественным текстам».[18]

Ничего подобного в письмах Достоевского нет, если же изредка и встречаются в его произведениях текстуальные совпадения с письмами, то они всегда случайны и непреднамеренны. Во всяком случае его письма менее всего похожи на «заготовки» к художественной прозе и публицистике. Творчество и письма Достоевского — разные, но, конечно, не обособленные сферы. Если в письмах Тургенева (и дневниках Толстого) обнаруживают первоначальные наброски будущих произведений, то у Достоевского этюды и моментальные фотографические («дагерротипные») зарисовки людей и нравов в письмах представляют собой нечто, живущее самостоятельной и оригинальной жизнью, параллельное его романам и публицистике.

Автор «Дневника писателя», выехавший на лечение в Эмс, решает использовать время как можно «утилитарнее» и сухо информирует жену о теме будущего выпуска «Дневника»: «Думаю описать Эмс в „Дневнике“, но Дневник еще только составляю, а все еще не начинал, и он ужасно меня беспокоит» (№ 150). Дальнейшие этапы работы над выпуском бессмысленно разыскивать в письмах. Они — в записных тетрадях, куда Достоевский обычно вносил планы и где он пробовал темы, идеи, стиль. Впечатления Эмса стали сердцевиной двойного выпуска «Дневника» за 1876 год (июль и август). Достоевский перенес в «Дневник» отдельные дорожные сцены из писем к Анне Григорьевне, но изложил их обстоятельнее и художественнее и — главное — они на периферии «Дневника». В остальном письма и «Дневник» при близости тем и общих немецких «реалий» вполне автономны. Функционально различны даже некоторые равно присутствующие в «Дневнике» и письмах общие литературные, общественные и бытовые явления. Достоевский сообщает жене о чтении Золя: «...едва могу читать, такая гадость. А у нас кричат про Zolá как про знаменитость, светило реализма». В «Дневнике» о том же: «У Zolá, так называемого у нас реалиста, есть одно очень меткое изображение современного французского рабочего брака, то есть брачного сожития, в романе его „Ventre de Paris“» (XI, 375).

В письме и «Дневнике» присутствует полемика с «нашими» критиками, превозносящими «реализм» Золя. У Достоевского свое и особен-

[17] Эйхенбаум Б. М. Артистизм Тургенева. — В кн.: Мой временник. Л., 1929, с. 95—96.

[18] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма, т. I. Л., 1961, с. 39.

ное понимание реализма, и он часто и полемично высказывался по этому вопросу. Разумеется, его понимание имеет мало общего с «теорией» и «практикой» натуралиста Золя. В «Дневнике» Достоевский ограничивается лишь легким ироническим выпадом против «Вестника Европы» — замечание между прочим и вовсе здесь не обязательное. Неприязнь к творчеству Золя не мешает Достоевскому отдать должное наблюдательности писателя, правдивости созданных им картин. Романы Золя, по мнению Достоевского, представляют несомненный если не эстетический, то общественный, «социологический» интерес. Он охотно и воспользовался его романом для капитального обоснования главного тезиса выпуска — о пагубности «плодов царства буржуазии» и выгодном положении России, где «и по сих пор уцелел в народе один принцип и именно тот, что земля для него *все*, и что он все выводит из земли...» (XI, 377). Этот основной аспект обращения Достоевского к роману целиком отсутствует в переписке, но там зато сильнее выражено личное, эмоциональное восприятие творчества Золя.

На водах Достоевский ознакомился с книгой Гирщторна «Эмс и его целебные источники». Книга его заинтересовала и опечалила. Сугубо личное свое отношение он сообщает жене: сведения о докторе Орте, решительное требование прекратить для блага здоровья всякие *умственные* занятия. Последнее — «ужасная вещь», выполнить медицинское требование немыслимо, для Достоевского это не равносильно, а даже хуже смерти. В «Дневнике», отказываясь от специального и подробного описания Эмса, Достоевский просто рекомендует книгу как обстоятельный, хороший путеводитель. Повод удобный и позволяющий Достоевскому без обиняков сосредоточиться сразу на важнейших проблемах. Какое-то описание Эмса Достоевский все-таки дает в «Дневнике», но оно не передает сложной гаммы разнородных впечатлений в письмах. Достоевский из всех эмских пейзажей отбирает радостное первое впечатление. Эмс в «Дневнике» 1876 г. сродни солнечному и прекрасному Эмсу, колоритное изображение которого содержится в письме от 15 июня 1874 г. (№ 64). Кстати сказать, это и единственное восторженно-поэтическое описание Эмса, дальше пойдет все дождливое, «мрачное и тоскливое» — подлое, гадкое, свинское, ненавистное место, даже хуже Петербурга. А в «Дневнике» Эмс идеальный, райский уголок, «искусственный сад», «подобие золотого века». Очевидно, что такой райский Эмс нужен Достоевскому для развития мечты о будущем вселенском Саде, Золотом веке, подобие которого, и то при соответственном настроении и освещении, можно усмотреть в немецком курортном городке. Настоящий же Золотой век весь еще «впереди», сегодня — торжествует «промышленность».

Достоевский в зарубежные письма 70-х годов часто вводит дорожные и путевые «картинки», зло и выразительно передает дорожные разговоры и впечатления, обрисовывает нарядную толпу отдыхающих в Эмсе, немцев и русских «культурных людей», «шлющихся» по Европе. Специально не задаваясь «литературной» целью, он непринужденно делится с Анной Григорьевной своими наблюдениями. Оценки и

портреты подчеркнуто субъективны и личны. Обобщения редки, преобладают «эмпирические» наблюдения без претензии на серьезные выводы и синтез. Но по существу это обычная литературная работа, только в самом облегченном, неотделанном виде. Европейские страницы в «Дневнике» — сжатые многолетние наблюдения и мысли Достоевского, соотнесенные идеологически и «формально» с «Зимними заметками о летних впечатлениях» и литературными произведениями на ту же тему Тургенева, Герцена, Салтыкова-Щедрина. Они, наконец, не вполне самостоятельны — подчинены высшим идеологическим, публицистическим целям, фундамент многотемного и полисемантического выпуска «Дневника», на котором Достоевский искусно возводит тенденциозное злободневное, политическое здание. Устраняется «слишком личное и частное», оставляются необходимейшие, тщательно отобранные личные ощущения, преподнесенные в предельно обобщенной форме: «глубокое, глубочайшее уединение» автора в блестящей толпе Эмса — буквально все, что осталось в «Дневнике» от нескончаемых мотивов скуки, отчаяния, одиночества в письмах.

Немцы и русские одинаково зло и неприязненно выведены в письмах. Портреты преимущественно сатирические. Сам Достоевский рад бежать от любого общества; какой-то мизантропический оттенок свойствен его курортным письмам. О немцах пишет суммарно и брюзгливо: «народ грубый и неотесанный», «подлейшие», «безо всякой деликатности» и т. п. Эти субъективные эмоции или совершенно не попадают в «Дневник», или деформируются до неузнаваемости. Достоевский перебивает сегодняшние впечатления воспоминаниями о Дрездене 1871 года и вносит серьезные коррективы в свои собственные суждения времен публицистики 60-х годов и «Игрока». Иронические интонации и монтаж анекдотов о немцах не мешают Достоевскому вступать в спор с собой, а также с традиционным русским (и французским) взглядом. Русские анекдоты «про туготу и тупость немцев» представляются Достоевскому поверхностными, пристрастными, хотя и показательными: «...у немцев, кажется мне, лишь слишком сильная своеобразность, слишком уж упорная, даже до надменности, национальная характерность, которая и поражает иной раз до негодования, а потому и доводит иногда до неверного о них заключения» (XI, 356).

О русских (в отличие от немцев) Достоевский в письмах говорит часто и много: Елисеевы, Штакеншнейдеры, Случевский, дама-директриса с парадоксальными понятиями («космополитка и атеистка, обожает царя, но презирает Отечество»), «висбаденский поп» Тачалов, который «глуп, как бревно, и срамит нашу церковь перед иностранцами» («заносчивая скотина», «интриган и мерзавец. Сейчас и Христа, и все продаст»), «один русский с дочерью — все что есть казенного, пошлого, надутого из скитающихся за границею, а дочь труперда и дуботолка...» и т. д.

Беглые, но индивидуализированные и шаржированные портреты. Столь же выразительны и общие суждения о русской скитающейся публике: «всегда грустно смотреть на русских, толкающихся за границей; бес-

содержательность, пустота, праздность и самодовольство во всех возможных отношениях» (№ 69).

В «Дневнике» те же темы, но от *конкретных* эмских впечатлений сохранено немногое. Только иногда можно предположить, что в основу язвительных замечаний легли знакомые по переписке наблюдения. «Здесь есть одна русская дама, которая очень любит человечество», — не то всерьез, не то «смеясь» роняет парадоксалист (XI, 366). Возможно, что это та самая дама, обожающая царя и презирающая отечество. Но твердой уверенности и здесь быть не может — индивидуальные черты почти совершенно стерты. Достоевский в «Дневнике» типизирует, устраняя подробности. Личности присутствуют в письмах; в «Дневнике» — обобщенные, условные фигуры, представляющие этику, убеждения, замашки определенных сословий. Конструируется образ «маменьки высшего света», во многом обязанный своему литературному «рождению» крайне раздражавшим Достоевского русским дамам в Эмсе и в вагонах железной дороги. В форме монолога, обращенного к ней, строится главка «На каком языке говорить будущему столпу своей родины?».

«Парадоксалист» — еще в большей степени лицо условное — двойник, alter ego Достоевского, и нет никаких оснований в курортных знакомых писателя искать его «прототипов». Словом, какой аспект темы Эмса в письмах и «Дневнике» ни сопоставляй, результаты будут одинаковыми: это, несомненно, параллельные, частично перекликающиеся, но в главном различные, автономные явления. Письма — «для себя» и Анны Григорьевны, сочиняются спонтанно и свободно. «Дневник» — «для публики», его «надо бы издать как можно щеголеватее, иначе капут!» — и лишь отчасти «для себя». Эмский выпуск «Девника» создавался в «литературной тоске»; в письмах — тоже тоска, но подноготная ее личная, усугубляемая «муками слова».

4

Письма Достоевского Анне Григорьевне, помимо «семейных» и узколичных сюжетов, содержат большое количество специальных, историко-литературных фактов, рассказывающих об этапах работы над «Идиотом», «Бесами», «Подростком», «Братьями Карамазовыми», «Дневником писателя». Конечно, их меньше, чем в письмах к Страхову, Майкову, Каткову, и они специфичны. В переписке с литераторами Достоевский неспешно, обстоятельно, квалифицированно обсуждает различные идеологические и эстетические проблемы — это profession de foi художника, публициста, общественного деятеля. Личная и узкоделовая стороны литературных занятий заметно преобладают в письмах к жене. Исключительно редки даже такие кратчайшие замечания, как вдруг вырвавшееся у Достоевского о Зосиме: «Долго сидел у меня на шее этот старец, с самого начала лета мучился им» (№ 200). Чаще встречаются типичные для Достоевского жалобы на мучительное придумывание «планов». Анна Григорьевна так привыкла к этим постоянным сетованиям мужа, что, из-

меняя своей привычке не касаться литературных дел, выходящих за конторские пределы, однажды даже дает совет Достоевскому, возвращая ему его же слова: «...с торопливостью можно испортить дело: придется переделывать план, а это помешает художественности» (№ 66).

Письма Достоевского жене «остановили» много ценнейших мгновений. Они знакомят с закулисной стороной, литературной «кухней»: встречи, беседы, столкновения с Некрасовым, Елисеевым, Катковым, Мещерским, Победоносцевым, Майковым, Страховым. Запоминается рассказ Достоевского о визите к Победоносцеву (№ 52). Кто в этой, «рембрандтовски» освещенной сцене психолог, сердцевед и тонкий политик, совершенно ясно. Вне сферы творчества Достоевский беспомощен, непрактичен, уязвим. Немного подчеркнутой «трогательной» заботливости — и вот уже завязались дружеские и теплые отношения. Достоевский неравнодушен к лести, славе, вниманию, чем прекрасно пользуется Победоносцев, имеющий свои далекие виды на крайне «нужного» человека. Письма Победоносцева к Достоевскому раскрывают, в каких целях желал он использовать талант художника и публициста. Достоевский не раз декларативно соглашался со взглядами Победоносцева в беседах и письмах. Но как только дело доходило до творчества («Братья Карамазовы», Пушкинская речь), неизменно и неизбежно возникали недоразумения.

Почти все литературные страницы семейной переписки Достоевского связаны с текущими делами: переговоры с Некрасовым и Катковым и постоянно сопутствующие им денежные просьбы; история трудного редакторства «Гражданина» — конфликты с князем Мещерским, завершившиеся к обоюдной радости супругов уходом из еженедельника; ухудшение отношений с Майковым и Страховым, вызванное публикацией «Подростка» в «Отечественных записках», и т. д. Редко Достоевский уходит от злобы дня; исключением выглядят поэтические строчки о «Книге Иова»: «...она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача, и если б только не подлейшие примечания переводчика, то может быть я был бы счастлив. Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!» (№ 122). Совсем иначе, пристрастно, глазами литературного соперника читает Достоевский «Анну Каренину». Первое же извещение о новом романе Толстого больно задевает самолюбие Достоевского, пустившегося в обычную огорчающую его арифметику: Л. Толстому заплатили 500 рублей за лист, да еще «с готовностью», а ему с трудом 250 дали (№ 82). Достоевского тревожит, что известие о романе Толстого усилит позицию Некрасова и его постараются «идеологически» стеснить в «Отечественных записках», а он не собирается уступать «в направлении ни строчки». В то же время литературные знакомые Достоевского Майков и Страхов держатся как-то «со складкой», морщатся при упоминании имени Некрасова, молчат о «Подростке» или довольно кисло о нем отзываются и «до смешного» восторженно хвалят «Анну Каренину». Личное впечатление Достоевского от первых частей романа Толстого в результате предвзятое, «несвободное», полемичное; он

соответственным образом настроил себя и, естественно, «разочаровался»: «Роман довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются, понять не могу» (№ 88). Мнение Некрасова об «Анне Карениной» Достоевского откровенно радует, и он склонен считать его особенно авторитетным: «„У Льва Толстого в последнем романе лишь повторение того, что я и прежде у него же читал, только в прежнем лучше“ (это Некрасов говорит)» (№ 92).

Достоевский, несмотря на занятость, оставляет все дела ради каждого нового номера «Русского вестника» с «Анной Карениной». Внимательно следит за откликами и общественными демонстрациями, связанными с романом. По поводу прибытия в Эмс Д. И. Иловайского вспоминает сказанное им в Обществе любителей российской словесности (иронически и лично перелагая): «...им (любителям) не надо мрачных романов, хотя бы и с талантом (то есть моих), а надо легкого и игривого, как у графа Толстого» (№ 122). Чувствуется, что Достоевский принимает «вызов» и в любой момент готов на него ответить. Как-то странно скорбит Достоевский о смерти М. Е. Кублицкого: сообщает о его кончине с мрачноватым юмором, в подкладке которого обида на всех почитателей и «клакеров» Л. Толстого, участвовавших в «историческом» для него заседании любителей словесности: «Бедный Кублицкий. Это тот самый; хороший был человек. Он тогда был в заседании Любителей словесности, когда читали о том, как Анна Каренина ехала в вагоне из Москвы в Петербург. Так и не дождался окончания Анны Карениной!» (№ 130).

Письма содержат предысторию и начальный период знакомства Достоевского с романом Толстого. Суждения Достоевского передают настроение «минуты». Они пристрастны и, при всей искренности, не очень оригинальны: близки к отзывам о романе Некрасова и Салтыкова-Щедрина, видимо, не в малой степени повлиявших и на мнение Достоевского. Впоследствии Достоевский резко изменит взгляд на «Анну Каренину», но и от своих первоначальных суждений в статьях «Дневника» не откажется. Однообразно, сословно, талантливое повторение уже бывшего (но не так свежо, как в автобиографической трилогии и «Войне и мире») — те же «предубеждения», что и в письмах, с той лишь огромной разницей, что там присутствуют только «предубеждения», в «Дневнике» же им уделено несколько беглых фраз. Все остальное — о «злобе дня», великолепно явившейся «из самой художественной сущности романа», «великой и вековечной жизненной правде», разом все «озарившей» (XII, 53—54). Уязвленное авторское самолюбие, приговоры современной критики, литературное соперничество исчезли вмиг, уступив место объективному, беспристрастному признанию романа Толстого как факта громадного, всеевропейского значения. Правда искусства оказалась сильнее, выше всех личных соображений. Это в статьях 1877 года.

Ранее, когда Достоевский мучался над планами «Подростка», новый роман Толстого обострил внимание писателя к творчеству «любимого» современного художника. «Подросток» — роман о случайном герое из случайного семейства — создавался в противовес «Детству», «Отроче-

ству», «Войне и миру» Толстого, как антитеза этим «*историческим картинам давно прошедшего*», нечто противоположное (хаос и гармония) «стройному и отчетливому изложению Толстого». В письма не попала эта существенная сторона «творческой истории» «Подростка». Пропасть разделяет отзывы о романе в письмах и статьи «Дневника». Зато есть в письмах другое, не перешедшее в творчество: глубоко личный, эмоциональный, динамичный процесс восприятия Достоевским романа Толстого.

Личное— в основе всех эпистолярных литературных сюжетов. Не так уж много нового сообщает Достоевский о Каткове-человеке, редакторе, политике. А вот писательская психология Достоевского, его отношение к Каткову переданы детально, обнаженно — об этом он преимущественно и рассказывает Анне Григорьевне. После «измены» «Русскому вестнику» (история с «Подростком») Достоевский направляется к Каткову, обуреваемый разнообразнейшими эмоциями, настороженный, не уверенный в успехе предприятия. По обыкновению сильно преувеличивает нерасположенность Каткова. Не рассеивает его подозрений и «задушевный» прием. Как бы то ни было, но он в положении «просителя», и психология у него соответственная «чину». Катков же в роли дающего, хозяина — и не очень щедрого. Достоевскому тяжко заговорить о деле, а тут еще «поднялась страшная гроза», окончательно его встревожившая и сбившая с толку: «Думаю: заговорить о моем деле, он откажет, а гроза не пройдет, придется сидеть отказанному и оплеванному пока пройдет ливень». Предполагается худшее, моментально созданный воображением собственный образ «оплеванного» и «отказанного», вдобавок вынужденного сидеть в кабинете литературного «промышленника», заставляет Достоевского пойти напролом, «рискнуть, как на рулетке» и выложить Каткову дело *прямо* и *просто*. Переговоры шли как нельзя более успешно, о чем с торжеством и сообщал Достоевский. Небольшая, однако, заминка, и от надежд и торжества он мгновенно переходит к сомнениям, растравляет старые раны, приходит в ужас от одной мысли о возможном будущем унижении. И все потому, что не застал Каткова дома, — «и не застал действительно, а не нарочно».

Достоевскому очень хочется, чтобы его не принимали за «просителя», «искателя», страдает и авторское самолюбие. Вот почему он так строго обдумывает стратегию поведения, боясь показаться назойливым: «...я вывожу, что мне надо будет, *до того времени как он прочтет*, и не беспокоить его, т. е. не то чтоб он сам об этом намекнул, а мне-то самому кажется, что мне это будет приличнее, ибо посещая его и на другой день и на третий, как будто буду торопить его, сгорая нетерпением: что скажет он о моем произведении» (№ 180). Достоевскому неловко в мире Каткова. Он чужой здесь. Тем более не желает унижаться. Демократ, человек 40-х годов, он не без иронии описывает «короткое» знакомство с генерал-губернатором Долгоруким: очень доволен своим независимым поведением и «светским», деликатным обращением с ним Каткова. Катков решительно победил нехитрыми и утрированными приемами недо-

верчивость Достоевского, которая все-таки сохранилась, переключившись на журнальную челядь редактора: «Все чиновники в редакции Каткова ужасно обращаются свысока и небрежно со всеми. Я полагаю, что и Шульман даже важничает, хочет показать свою силу. Начинает мне это надоедать. А что если Катков в самом деле очень расхворается? Может повлиять и на все дальнейшее» (№ 184).

Совершеннейшие мелочи. Но Достоевского они сильно волнуют. Он придает им чрезвычайное значение, и в этих пустяшных треволнениях и сомнениях характерно отражается личность писателя, психологически очень мало изменившаяся со времен 40-х годов. А ведь не «Хозяйку» или «Двойника» предлагает Достоевский Каткову, а «Братьев Карамазовых». Удовлетворение Достоевского не было бы полным, не окажи Катков ему еще одну громадную услугу, возвысив в глазах редакции «Русского вестника»: «Он выслушал все очень дружественно (и вообще был донельзя ласков и предупредителен, как никогда со мной прежде). <...> В этот раз я у него чаю не пролил, зато подчивал дорогими сигарами. Провожать меня вышел в переднюю и тем изумил всю редакцию, которая из другой комнаты все видела, ибо Катков никогда не выходит никого провожать» (№ 219). Странные наступили времена, завелась мода почтительно провожать Достоевского: сравнительно недавно в роли услужливого проводника выступал Победоносцев, а теперь — всесильный Катков, возбуждая необычным поступком удивление надменной редакции. И вновь Достоевский испытывает радость, тем более значимую, что есть свидетели его торжества, да еще такие, у которых он даже не подозревал способности удивляться чему-либо. Бесподобны в этой сцене дорогие сигары и личная (тоже большая) радость по поводу того, что на этот раз он не был так неуклюж и не пролил чаю. Наивность, простодушие Достоевского придают его «историческим» встречам с вдохновителями и идеологами реакции вовсе не мрачный, а скорее юмористический оттенок. О будущем романе по существу ни слова, а вот психологическая «реляция» удивительная.

5

«Пушкинские» письма достойным, блистательным образом завершают длившуюся 15 лет семейную переписку. В них меньше всего семейного и узколичного. Захваченный предпраздничной суетой и заботами о будущей речи, Достоевский сильно отошел от обычных сюжетов супружеских писем, чем несколько встревожил и огорчил Анну Григорьевну, настойчиво определявшую точные сроки его возвращения из Москвы. Но литературные события развивались так стремительно, что в данном случае бессильны были любые аргументы и просьбы. От письма к письму нарастает нервное напряжение: настоящая литературная горячка, чем-то напоминающая страстную игру на рулетке и безумное сватовство к М. Д. Исаевой. Сначала Достоевский еще относительно спокоен: его

уговаривают, а он медлит с согласием, но с удовольствием внимает хвале. Достоевский подробно рассказывает Анне Григорьевне о том, какие лестные слова были сказаны о нем и его будущей речи Аксаковым, Юрьевым, Поливановым, Катковым, Григоровичем. Особенно обхаживает Достоевского Иван Аксаков: его оценки, советы, прогнозы занимают видное место в письмах, и, судя по всему, Достоевский к ним очень прислушивается. Москва необыкновенно гостеприимно встречает Достоевского, и он, представитель «петербургской» литературы, явно не привык к такому приему. Достоевского чествуют на обедах, произносят «бесконечное число тостов», зачитывают телеграммы о его «великом» значении как художника «всемирно-отзывчивого», как публициста и русского человека. Хором упрашивают остаться.

Долго выдержать такой натиск Достоевский не в состоянии, к тому же ему и самому очень хочется выступить, и хор «просителей» сильно подогревает желание. Достоевского очаровывает, волнует праздничный шум, он постепенно входит в тонкости ситуации, тщательно взвешивает разные обстоятельства, особенно пристально наблюдает за движениями и планами во враждебном «западническом» лагере, где его внимание приковывается к Тургеневу, Ковалевскому, Анненкову. Отношения с Тургеневым и Анненковым плохи до чрезвычайности, хуже быть не может. Как произойдет их встреча? Не возникнут ли инциденты, скандал? Достоевский боится скандала и раздора: нежелательные столкновения с литературными врагами могут испортить впечатление от его будущей речи. Но как их избежать, он с большим трудом представляет себе. Предпраздничная борьба захватывает: сказывается темперамент Достоевского-полемиста, жаждущего одержать корректную и оттого еще более убедительную победу. Будущей речи теперь придается символическое, «партийное» и очень важное для него лично значение: «Если будет успех моей речи в торжественном собрании, то в Москве (а стало быть, и в России) буду впредь более известен как писатель (то есть в смысле уже завоеванного Тургеневым и Толстым величия...)» (№ 219).

Не ссора и вражда, а великое слово примирения, достойное Пушкина, не сведение старых счетов, а проповедь согласия и братства — вот постепенно вырисовывающаяся цель речи Достоевского. Такой замысел в общих чертах, видимо, был у Достоевского еще до приезда в Москву; события и встречи, предшествовавшие речи, помогли вернее, точнее определить не только дух и направление, но и крайне необходимые для успеха дела нюансы и компромиссные ходы. Всеобщий успех речи — во многом следствие интенсивной «внутренней» перестройки Достоевского в эти дни.

Письмо, в котором Достоевский рассказывает о своем триумфе, сочинялось в упоении, в особом, экзальтированно-приподнятом, возбужденном состоянии. Достоевский потрясен происшедшим: он ждал и боялся выступления, но, видимо, даже в самых радужных и фантастических мечтах не представлял, что это так будет. Гранд-дамы, государственные секретари, студенты и студентки, Тургенев, Анненков, Аксаков — все

пришло в движение и устремилось в общем порыве к нему, «все это обнимало, целовало меня». Два враждовавших целый век старца обнялись и примирились: вот он, первый «практический» результат речи. Достоевский засыпан цветами и высшими «титулами»: гений, пророк, святой, учитель. В тот миг Достоевскому кажется, что ему наконец-то удалось свершить главное дело в жизни: «это залоги будущего, залоги *всего*, если я даже умру». Почти невыносим исступленный восторг публики: «Целовали мне руки, мучили меня». Он в лихорадке, близок к припадку, изнемог от счастья: «Голова не в порядке, руки, ноги дрожат».[19] Единственное в своем роде письмо, стиль которого со стенографической точностью передает нервную, к концу письма резко возросшую дрожь.

Пройдет немного времени, опомнятся многие из чествовавших писателя. Остынут и восторги Достоевского. Но не пыл. Он в ярости бросится в полемику, так как не может позволить, чтобы его «идею» замолчали и исказили, стерли то впечатление от речи. Примется за срочный ответ Градовскому — «наш profession de foi на всю Россию», как сообщает Достоевский Е. А. Штакеншнейдер (IV, 182). «Наш», — следовательно, не личный, а «партийный». Но какой «партии» отстаивает интересы Достоевский? Анне Григорьевне он ранее писал, что в нем нуждается «вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет ‹...› с нашей стороны лишь Иван Серг‹еевич› Аксаков (Юрьев и прочие не имеют весу), но Иван Аксаков и устарел и приелся Москве. ‹...› Мой голос будет иметь вес, а стало быть и наша сторона восторжествует» (№ 220). Еще раньше информировал Победоносцева: «Мою речь о Пушкине я приготовил, и как раз в самом *крайнем* духе моих (*наших* то есть, осмелюсь так выразиться) убеждений ‹...› дело общественное и большое, ибо Пушкин именно выражает идею, которой мы все (малая кучка пока еще) служим, и это надо отметить и выразить...» (IV, 144). В Москве он с удивлением узнает, что не только И. Аксаков, но и Катков возлагает особые надежды на речь Достоевского и тоже, очевидно, в *нашем* смысле, а ведь «человек вовсе не славянофил».

Таким образом, понятие «наша партия» расширяется, теряет определенные контуры: слишком разнороден и пестр круг людей, интересы которых будет выражать Достоевский. Писатель дорожит самостоятельностью своей позиции, оригинальностью, новизной будущего слова. Он настороженно воспринимает слова Аксакова о близости, идентичности их взглядов. Пожалуй, не желает и боится близости: «Аксаков объявил, что у него то же самое, что у меня. Это дурно, если мы так уже буквально сойдемся в мыслях» (№ 225). «Друзья»-славянофилы тревожат Достоевского не меньше «врагов»-западников. Впоследствии он проговорится в письме к И. Аксакову, что ничего, кроме непонимания, от славянофилов («своих») и не ожидал: «Кстати, Кошелева статью в Р. Мысли до

[19] «Я до сих пор как размозженный», — писал Достоевский 13 июня С. А. Толстой (IV, 175).

сих пор не читал. И не хочу. Известно, что *свои*-то первыми и нападают на своих же. Разве у нас может быть иначе?» (IV, 212). Многозначительное признание. Уверяя разных корреспондентов и собеседников, что выступит «в нашем духе», Достоевский готовился к речи, которую трудно было бы обвинить в тенденциозной, резко определенной лагерной окраске, стремился к согласию, требующему от него устранения всего одностороннего и крайнего. Вот почему, в частности, речь Достоевского вызвала столько многочисленных и разных откликов критики.

Споры о речи затянулись, продолжаясь всю вторую половину 1880 г. Полемика хронологически делится на несколько этапов: первые отклики собственно на речь Достоевского; реакция на опубликованный текст речи в печати, а затем на ответ Достоевского Градовскому. Завершил дискуссию сам Достоевский, оставивший чрезвычайно ценные наброски ответа К. Кавелину.

В чем тайна успеха Достоевского, успеха невиданного и прочно сохранившегося в памяти современников? Причин много. Главнейшая — в острой злободневности речи. Причем злободневность ее не была назойливо прямолинейной, она вошла в речь сразу, незаметно и, что особенно существенно, неразрывно слилась с главной темой: о великом и пророческом значении личности и творчества Пушкина. Просто и без рисовки начал Достоевский юбилейную речь, «совершенно так, как бы разговаривал с знакомыми людьми...» — передавал свои впечатления Г. Успенский, подчеркивая превосходство тихой речи Достоевского над юбилейно выспренными, утомляюще торжественными выступлениями других ораторов. «Просто и внятно, без малейших отступлений и ненужных украшений, он сказал публике, что думает о Пушкине как выразителе стремлений, надежд и желаний той самой публики, которая слушает его сию минуту, в этом же зале. Он нашел возможным, так сказать, привести Пушкина в этот зал и, устами его, объявить обществу, собравшемуся здесь, кое-что в теперешнем его положении, в теперешней заботе, в теперешней тоске».[20]

В Пушкинской речи не так уж много совершенно новых идей, ранее не встречавшихся в произведениях Достоевского. Но, конечно, совершенно оригинальны и не имеют аналога в творчестве Достоевского тональность и композиция речи: Достоевский не статью писал, а готовил речь — слово к пестрой и не слишком в большинстве своем доброжелательно расположенной публике, собиравшейся чествовать его противника — Тургенева. Сохранились черновики речи, ее варианты: они говорят о том, как тщательно готовился Достоевский сразиться с противниками на «поле битвы». Много весьма ценных наблюдений и вполне оригинальных мыслей Достоевский не включил в речь: они украсили бы статью, но им не место в речи, где необходимы четкость и определенность мысли, а отступления только мешают, излишнее же количество аналогий и фактов утомляет,

---

[20] Успенский Г. И. Собр. соч. Т. 9. М., 1957, с. 91, 92.

сбивая с толку слушателя. Требовалась строгая последовательность изложения и та простота, что исключает опрощение и упрощение мысли. Лично-интимный, сердечный тон речи также очень способствовал ее успеху. Главный оппонент Достоевского, Тургенев, не согласившись с основными идеями речи, найдя их фальшивыми и ложными (впоследствии — в тот день он целиком разделил восторг публики), отдал должное ее, так сказать, внешним, формальным достоинствам: «...очень умная, блестящая и хитро искусная при всей страстности речь ‹...› была действительно замечательная по красивости и такту».[21]

Критиков речи Достоевского, однако, не так уж интересовало риторическое искусство писателя, их занимали центральные идеи речи, направление мысли оратора. И тут взгляды современников разошлись буквально по всем основным пунктам, они придавали самый различный смысл словам Достоевского о скитальце, смирении, всемирной отзывчивости, очень разно их оценивая и обвиняя писателя в том, что он дал повод для недоразумений и толков, не пожелав заявить свою мысль яснее и проще. Но Достоевский тут повинен нисколько не больше своих оппонентов. Они — даже самые тонкие и талантливые — услышали то, что хотели услышать, пропустив неугодное. Так, Страхов выделил призыв к смирению, Г. Успенский сначала почти не заметил его, а потом истолковал очень отлично и от К. Леонтьева, и от Кавелина. Некоторую роль сыграли и лагерные антипатии: не случайно самые резкие отзывы о речи появились в либерально-западнических органах — журнале «Вестник Европы» и газете «Страна». В других журналах единодушие отсутствовало. Не было его в «Отечественных записках», где точка зрения Успенского, как бы потом ни разъяснял и исправлял он ее, оставалась все-таки особенной и еретичной, противостоящей мнению Щедрина и Михайловского. Не было согласия и в журнале «Дело», и в славянофильском лагере.

Ничего «нашего» в речи Достоевского не нашел Победоносцев, дипломатично посоветовавший ему познакомиться с недоброжелательной статьей Леонтьева, в которой правильное, церковное православие Победоносцева противопоставлялось красному, еретическому Достоевского. У И. Аксакова было больше оснований торжествовать и радоваться, но он безмерно преувеличивал славянофильские тенденции речи. Спокойной и догматичной критике подверг речь Достоевского другой видный славянофил, А. И. Кошелев. Почтительный и доброжелательный тон его статьи лишь яснее оттеняет несогласие Кошелева с центральными идеями речи. Кошелев отказывается видеть в Пушкине поэта-пророка, считая, что пророком в русской литературе можно назвать одного Хомякова; не согласился Кошелев и с тем, что «всемирная отзывчивость» есть «главнейшая способность» русской национальности. Не понравилось ему вообще все то, что говорилось о «всемирности» и «всечеловечности». Затем Кошелев выписал, как самые удачные, слова о русском скитальце, особенно по-

---

[21] Тургенев И. С. Письма, т. XII (кн. 2), Л., 1968, с. 272.

радовавшись «фантастическому деланию», но истолковал их так произвольно, что и это согласие в конечном счете стало еще одним несогласием. Как мечтательность, не свойственную народу, присущую оторвавшейся от почвы интеллигенции, осудил Кошелев стремление ко «всемирному счастью». Он писал: «Стремление к осуществлению мечтательных затей не составляет свойства русского духа; напротив, как произведение нашей оторванности от народа, нашего искусственного одиночества и всей окружающей нас обстановки, оно составляет принадлежность только меньшинства русских людей, хиреющих и чуть-чуть не безумствующих».[22] Кошелев похвалил как раз те слова, которые вызвали крайнее неудовольствие Г. Успенского (еще резче Михайловский — «змеиная насмешка») и упреки во «всезаячьих» свойствах, и произвольно придал иронический смысл другим, поразившим Успенского созвучием с его собственными мыслями и тоской. Словом, славянофил Кошелев тоже увидел мало «нашего» в речи Достоевского и вежливо, но твердо усомнился вообще в ее славянофильском духе.

Упреки из стана «своих» Достоевский воспринимал особенно болезненно. Не только, оказывалось, не получилось всеобщего примирения, но даже ближайшие, по убеждению Достоевского, друзья и союзники не проявили ожидаемого им энтузиазма, а с холодным рассудком, бесстрастно-критически восприняли самые сердечные идеи речи. Полемика показала ясно и недвусмысленно, что содержание речи, ее смысл, главные идеи, тон целиком не удовлетворили никого именно потому, что никак не укладывались в рамки какого-либо одного направления.

Среди полемических выступлений современников Достоевский выделил статьи К. Леонтьева и К. Кавелина. Достоевского возмутили «православные» аргументы К. Н. Леонтьева, а в статье К. Д. Кавелина писатель увидел только западнически-либеральные искажения дорогих ему идей.

К. Леонтьев в большой статье о Пушкинской речи в основном сосредоточился на критике ее ведущих положений. Он увидел в ней ересь и шаг назад по сравнению с «Братьями Карамазовыми». Достоевский, прочитав статью, вернул в свою очередь К. Леонтьеву обвинение в ереси. Богословский спор Достоевского и Леонтьева важен потому, что в его «подкладке» лежат ясные социальные, политические и этические проблемы. Леонтьев отвергал любые демократические и либеральные идеи XIX в., считая, что Россию необходимо «подморозить».

Консерватизм К. Леонтьева — злой, отвергающий с презрением любые уступки и компромиссы, — имел законченно пессимистический, апокалиптический характер. Надежд на какие-либо улучшения в будущем у него никаких, они, считает Леонтьев, вредны и противоречат догмам истинно православного христианства. «Терпите!

---

[22] Кошелев А. Отзыв по поводу слова, сказанного Ф. М. Достоевским на Пушкинском торжестве. — «Русская мысль», 1880, октябрь, с. 6.

Всем лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли — вот единственно возможная на земле *гармония! И больше ничего* не ждите».[23] Поэтому гармония, проповедуемая Достоевским, — вредна и ересь, другое дело — «реально-эстетическая гармония», наиболее яркое выражение которой Леонтьев видит в «борьбе двух великих армий». Война, горе, страдание, разорение, телесные наказания, зло в «гармоническом» равновесии с добром — полезны и необходимы, а в основе всей этой «идиллии» лежит страх божий в живописном сочетании со страхом перед властями земными. Вот начало премудрости и идеал Леонтьева. Понятна отсюда ненависть его к современным учениям антинационального эвдемонизма, гармониям, гуманности и всякой «mania democratica progressiva».

К. Леонтьев выразил свое неудовольствие гуманистическими идеями Достоевского, осудил «розовое христианство» писателя. Свои возражения на речь Достоевского он изложил, ничем не погрешив против логики и нигде не покинув стези реакции. Любопытно, что, исходя из совершенно противоположных идеалов и преследуя другие цели, К. Леонтьев совпал отчасти в некоей общей пессимистической точке с другим оппонентом Достоевского — либералом и западником Кавелиным. Кстати, в своей статье Леонтьев согласился с рядом упреков Достоевскому из «Вестника Европы», в том числе и с обвинениями в гордыне и национальном самохвальстве, идеализации «смирения». Неудивительно, что соприкоснулись усталый скептицизм Кавелина и «суровый и печальный пессимизм» Леонтьева. Вот весьма типичные отрывки из письма Кавелина Достоевскому. «Не личное самосовершенствование, а, наоборот, разнузданность, своеволие лиц, необращение ими внимания на пользы и нужды других возвели условия правильного общежития в общественные идеи и формулы».[24] Еще: «Я <...> утверждаю, что человеческие общества только в виде редкого исключения, и то одни только добровольные, могут состоять из одних лиц нравственных, живущих только по внушению совести; огромное большинство человеческих обществ, напротив, состояли, состоят и во веки веков будут состоять из небольшого числа людей, живущих по внушениям внутреннего сознания правды и неправды; масса же людей везде и всегда поступают согласно с требованиями общества и его законов по привычке или из расчета и личных выгод; наконец, всегда будет более или менее и таких людей, которых удерживает от грубых нарушений общественного закона только страх наказаний...».[25]

Ответ Достоевского Кавелину (знаменитая тирада о государстве) широко известен. При всем утопизме точку зрения писателя отличает гораздо большее доверие к человеческой природе. Вечное «государственное» равновесие, исповедуемое Кавелиным, ему в такой же мере чуждо,

---

[23] Леонтьев К. Собр. соч. Т. 8. М.. 1912, с. 189.

[24] Кавелин К. Письмо Ф. М. Достоевскому. — «Вестник Европы», 1880, ноябрь, с. 452.

[25] Там же, с. 453.

как и «религиозное» равновесие Леонтьева. Если же его вера и идеалы окажутся ошибкой, то и в таком случае Достоевский не намерен соглашаться ни с «историческими» доводами Кавелина, ни с религиозными Леонтьева: «Это жгучее чувство говорит: лучше я останусь с ошибкой, с Христом, чем с вами».[26] Конечно, со своим Христом — не леонтьевским. К. Леонтьев прямо обвинил Достоевского в злоупотреблении Христовым именем и несколько раз повторил, что оно и не ново и вполне «западно», как и мечта о гармонии. К. Леонтьев справедливо называет те идеи, учения, произведения, к которым близка речь Достоевского своими демократическими, социал-утопическими, народническими и розово-религиозными тенденциями. Он по праву упоминает славянофилов 40—50-х годов и Тютчева, Беранже, Фурье, Ж. Санд, Прудона, Кабе, Гюго, Гарибальди. Утопический и проповеднический характер речи Достоевского отмечали и другие критики. Эти широкие аналогии, чаще всего назывные, далеко не всегда обязательные, иногда просто произвольные и случайные, помогают действительно выяснить некоторые важнейшие идейные и жанровые источники речи и точно схватывают одну ее немаловажную особенность: сочетание различных, нередко полярно противоположных тенденций, которые Достоевский стремится соединить в мирном синтезе. В сочетании разнородного идеологического материала кроется, может быть, основная причина бросающейся в глаза разноголосицы критических мнений.

Кавелин в своем открытом письме к Достоевскому попытался избежать ошибок других критиков и специально выделил объективность и беспристрастность избранной им позиции, упрекнув Достоевского и его противников в неумении вести спор. «Наши русские споры, — писал он, — отравлены, при самом их начале, тем, что мы редко спорим против того, что человек говорит, а почти всегда против того, что он при этом думает, против его предполагаемых намерений и задних мыслей. Оттого наши споры почти всегда переходят в личности <...> Объективный смысл слов и вещей в наших глазах имеет мало значения; мы всегда залезаем человеку в душу».[27] Кавелин не только попытался встать на точку зрения Достоевского, но и очень высоко оценил насущность, вековечность и серьезность поставленных им нравственных задач. Не относя Достоевского всецело к славянофилам, он признал, что поднимаемые им этические вопросы (особенно мощная проповедь нравственного самоусовершенствования) есть развитие некоторых сильных и наиболее симпатичных сторон славянофильства, ставившего «на первый план вопрос о внутренней, духовной, нравственной правде, о нравственной красоте, забытой и пренебреженной».[28]

Кавелин без труда уловил противоречия в Пушкинской речи, вежливо осудил ответ Достоевского Градовскому, но и с последним во многом не согласился. Критическая часть его статьи отличается строгой ло-

---

[26] «Литературное наследство», т. 83. М., 1971, с. 676.
[27] Кавелин К. Письмо Ф. М. Достоевскому, с. 433.
[28] Там же, с. 440.

гичностью и объективностью возражений. Но что касается обещанной им «новой правильной постановки вопроса о нравственности», то она ему решительно не удалась. На этой почве слишком заметно превосходство Достоевского, давно уже почти всецело сосредоточившегося на этических проблемах и перебравшего множество самых изощренных вопросов и ответов. Достоевский поставил под сомнение жизненность и справедливость формул и категорий, выдвинутых Кавелиным. Аргументация писателя: ваши категории — еще не жизнь, с которой вы, старец, претендующий на роль учителя общества, давно уже утратили связь. С их помощью не разрешить ни один из страшных вопросов века. Ваши доводы слишком холодны и абстрактны, и они в сущности безнравственны, так как оправдывают любые поступки. Ваш тезис: нравственный поступок — это такой поступок, который соответствует убеждениям человека, — сомнителен и неверен. Этому тезису Достоевский противопоставляет парадокс: «...иногда нравственнее бывает не следовать убеждениям, и сам убежденный вполне сохраняя свое убеждение, останавливается от какого-то чувства и не совершает поступка. <...> Это единственно потому остановился он, что признал остановиться и не последовать убеждению — поступком более нравственным, чем если б последовать».[29] Достоевский вовсе не согласился и с иллюстрациями Кавелина: Орсини, Шарлотта Кордэ, великий инквизитор, причисленный католической церковью к лику святых. Все эти примеры, по мнению Достоевского, только говорят против Кавелина. Инквизитор безнравствен «уже тем одним, что в сердце его могла ужиться идея о необходимости сожигать людей», причисление же его католической церковью к лику святых никоим образом не авторитетно для Достоевского.[30] Вопросы, обращенные к Кавелину, ставятся с необыкновенной силой, и они часто неотразимы: «Проливать кровь вы не считаете нравственным, но проливать кровь по убеждению вы считаете нравственным. Но, позвольте, почему безнравственно кровь проливать?».[31] И, наконец, «педагогическое» резюме: Кавелин («отец») с его путаными понятиями о нравственности и аристократически-нигилистическим отношением к народу ничего не может дать современной молодежи («детям»), которые честнее «отцов» и, не веря их формулам и категориям, «переходят прямо к делу».[32]

С неменьшей силой, но короче и не пускаясь в сотый раз в привычные рассуждения отверг Достоевский и суждения Кавелина о русском народе и его «психее». Кавелин резонно упрекнул Достоевского в идеализации одних народных черт и полном забвении других. Но, не ограничившись этим, он вообще уничтожил проблему национальной самобытности русских. Он не видит ничего, что бы отличало русский народ от европейских народов, кроме печальных азиатских «добродетелей» и младенче-

[29] «Литературное наследство», т. 83, с. 676.
[30] Там же, с. 675.
[31] Там же, с. 695.
[32] Там же, с. 680.

ских, неустоявшихся понятий, говорящих о юности не нашедшей еще себя нации. Отвергая мнения Достоевского как иллюзию, гордыню и самообольщение, Кавелин пренебрежительно-высокомерно рассуждает о народе, имеющем тысячелетнюю историю. Этот взгляд сверху, традиционный и узкий, побудил Достоевского создать следующий типический образный портрет Кавелина: «Освободили крестьян отвлеченно, русского мужика не только не понимая, но и отрицая, жалея его и сочувствуя ему как рабу, но отрицая в нем личность, самостоятельность, весь его дух».[33] Возражая Кавелину, Достоевский по обыкновению нередко преувеличивает: Кавелин, конечно, не крепостник, он скептик, рационалист, но ненависти к народу в его статье нет. Да и сам писатель, отвечая запальчиво Градовскому, значительно отошел от высокого смысла слов о скитальце в Пушкинской речи и тем более от ее особого примирительного тона. Своими дополнениями и резкими филиппиками в ответе Градовскому он не только не разъяснил ее содержания, но, пожалуй, даже несколько затемнил его.

Полемика вокруг Пушкинской речи переросла границы пушкинского праздника, под конец утратив всякие следы юбилейности. Она вылилась в серьезный, принципиальный спор по всем центральным злободневным проблемам, четко отразив идеологический, нравственный, эстетический уровень русского общества в сравнительно благополучную, спокойную минуту и выявив беспочвенность и утопичность призывов к всепримиримости и всеединению. Не единение ждало русское общество и не мирный особенный путь развития, а все углубляющееся размежевание и очередная реакция. Пушкинская речь и вызванная ею полемика стали, пожалуй, самым заметным общественным событием 80-х годов. Вскоре исчезла сама возможность такой свободной, широкой дискуссии, да и возможность такого мирного, неофициального, негосударственного праздника. «Мирное торжество! — восклицал Г. Успенский. — Торжество в честь человека, который знаменит тем, что писал стихи, повести, — когда же это видывали мы все, здесь на торжестве присутствующие, когда видывала это Москва?».[34] Вершиной необычного на Руси торжества стала речь Достоевского. О ней существует огромная литература — критическая и мемуарная. Бережно сохраненные Анной Григорьевной письма Достоевского эмоционально и ярко освещают «закулисную» сторону Пушкинского праздника, предысторию знаменитой речи, рассказанную (и в очень личном плане) самим оратором. Неожиданный «литературный» конец семейной хроники и — в отличие от трагических финалов таких романов Достоевского, как «Идиот» и «Бесы», — счастливый и торжественный.

С. В. Белов, В. А. Туниманов.

---

[33] Там же, с. 680.
[34] Успенский Г. И. Собр. соч. Т. 9, с. 79.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письма Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской и письма А. Г. Достоевской к Ф. М. Достоевскому печатаются по подлинникам, хранящимся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Институте русской литературы АН СССР и Центральном государственном архиве литературы и искусства. Описание этих писем дано в книге «Описание рукописей Достоевского» (М., 1957, с. 163—182, 370—377).

Всего в настоящем издании печатается 164 письма Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской и 75 писем А. Г. Достоевской к Ф. М. Достоевскому. Все письма Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской уже дважды печатались, впервые в издании: Достоевский Ф. М. Письма к жене. Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова. Общая ред. В. Ф. Переверзева. М.—Л., 1926 — и вторично в четырехтомном издании «Писем» Ф. М. Достоевского под ред. А. С. Долинина. Две телеграммы Ф. М. Достоевского, вошедшие в настоящее издание, были впервые напечатаны в 3-м томе «Писем» Ф. М. Достоевского (от 5 июля 1875 г.)и в книге: Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.—Л., 1935 (от 17 июля 1877 г.).

Письма А. Г. Достоевской, за исключением нескольких, печатаются в настоящем издании впервые.

Часть переписки Ф. М. Достоевского и А. Г. Достоевской не сохранилась, а три письма Ф. М. Достоевского к жене (29 апреля 1871 г., 6 июля 1877 г., 16/28 августа 1879 г.) воспроизводятся по копиям, сделанным А. Г. Достоевской. Автографы этих трех писем не сохранились.

В настоящем издании соблюдены по возможности наиболее характерные орфографические и синтаксические особенности подлинников. Отдельные места в письмах Ф. М. Достоевского и А. Г. Достоевской были вымараны самой А. Г. Достоевской, очевидно, по соображениям личного и семейного порядка. Там, где удалось прочесть зачеркнутый текст, он восстановлен и дан в квадратных скобках. Все места, подчеркнутые автором в оригинале, даются в разрядку, пояснения редакции в самом тексте писем печатаются в круглых скобках курсивом; вводимые редакцией даты и недописанные места в рукописи заключены в угловые скобки.

А. Г. Достоевская оставила примечания к некоторым письмам Ф. М. Достоевского. Эти примечания были напечатаны в кн.: Достоевский Ф. М. Письма к жене. М.—Л., 1926, с. 312—318, 323—330, 342—345. Примечания А. Г. Достоевской, сверенные с автографами в Центральном государственном архиве литературы и искусства, частично использованы в настоящем издании со ссылками на их первую публикацию.

Некоторые письма Ф. М. Достоевского в настоящем издании печатаются с купюрами, обозначенными многоточиями в угловых скобках.

1866

1

[1] *Базунов* Александр Федорович (1825—1899) — представитель известной в России семьи книгоиздателей и книгопродавцев. Он выпустил отдельные произведения и многотомные собрания сочинений русских и иностранных авторов: Достоевского («Записки из Мертвого дома», 1862; «Преступление и наказание», 1867), Григоровича, Гейне, Гете, Данилевского, Чужбинского, Языкова, серию «Библиотека современных писателей», в которой были представлены Достоевский («Вечный муж», 1871), Г. И. Успенский, Н. И. Успенский, Засодимский. Однако попытка Базунова согласовать коммерческие начала с общественной полезностью своих изданий привела к тому, что «Библиотека современных писателей» расходилась медленно и не окупила затраченных на нее средств. В результате Базунов полностью разорился и в начале 70-х годов его фирма прекратила существование. Об А. Ф. Базунове см.: Книгопродавцы в бегах. — «Дело», 1876, № 2; С. Ф. Либрович. На книжном посту. М.—Пг., 1916. В *ГБЛ*, ф. 93, II.1.65 хранится неопубликованное письмо А. Ф. Базунова к Достоевскому от 8 VI 1866.

[2] Речь идет о романе «Преступление и наказание».

[3] В примечании к этому письму А. Г. Достоевская пишет: «На 9-е декабря приходились мои именины, а также именины моей матери, Анны Николаевны Сниткиной. По обычаю у нас собирались в этот день родные и знакомые. Я очень приглашала Ф<едора> М<ихайловича> приехать в этот день к обеду. Кроме слабости после недавнего припадка, следы которого не исчезли, Федора Михайловича стесняли незнакомые ему лица, которых он мог у меня встретить, а подобные встречи в его болезненном настроении были для него тягостны. Поэтому Ф<едор> М<ихайлович> предпочел не приехать, а прислал поздравить именинниц своего пасынка, Павла Александровича Исаева, который доставил мне это письмо и золотой браслет» (*Письма к жене*, 312).

2

[4] 8 ноября 1866 г. Анна Григорьевна стала невестой Достоевского.

[5] Семья любимой сестры писателя Веры Михайловны *Ивановой* (1829—1896). Достоевский писал к ней и ее мужу А. П. Иванову 1/13 января 1868 г.: «А кто же милее и дороже мне (да и Анне Григорьевне, кроме своих) — как не вы и ваше семейство?» (*Письма*, II, 66). О семье В. М. Ивановой см.: *Волоцкой*, 187—247. Как указывает Анна Григорьевна, семья Ивановых описана в романе «Вечный муж» под именем семейства Захлебининых (*Воспоминания Достоевской*, 129).

[6] В примечании к этому письму А. Г. Достоевская пишет: «Елена Павловна Иванова (1823—1883) была belle-soeur Веры Михайловны, т. е. жена брата ее мужа. Вера Михайловна, желая счастия Федору Михайловичу, мечтала о том, чтобы он женился на Елене Павловне, когда скончается ее муж, многие годы больной и смерти которого ждали со дня на день. Ф<едор> М<ихайлович>, мечтавший о семейном счастии, склонялся на уговоры сестры, признавая многие достоинства Елены Павловны. Живя летом 1866 г. в Люблине вблизи Москвы, вблизи дачи Ивановых и встречаясь иногда с Еленой Павловной, Ф<едор> М<ихайлович> спросил ее однажды, «пошла ли бы она за него замуж, если б была свободна?». Она не ответила ничего определенного, и Ф<едор> М<ихайлович> не считал себя с нею связанным никаким обещанием. Тем не менее Ф<едора> М<ихайловича> очень тяготила мысль, что он, может быть, внушил ей надежды, которым не суждено осуществиться. Муж Елены Павловны умер в 1869 г. Сама она до конца своей жизни сохраняла как с Ф<едором> М<ихайловичем>, так и со мною и моими детьми самые дружественные отношения» (*Письма к жене*, 313).

[7] *Иванова* Софья Александровна (1846—1907) — племянница Достоевского, дочь Веры Михайловны Ивановой, «славная, умная, глубокая и сердечная душа» (*Письма*,

II, 616). Достоевский посвятил С. А. Ивановой роман «Идиот» и назвал в честь ее свою первую дочь. О С. А. Ивановой см.: *Волоцкой*, 194—199.

[8] Когда Достоевский рассказал о предстоящей женитьбе профессору глазных болезней Эдуарду Андреевичу Юнге (1833—1898), лечившему его, «то Юнге, узнав, что между Федором Михайловичем и его будущею женою 25 лет разницы (мне только что минуло 20 лет, Ф‹едору› М‹ихайловичу› было 45), начал ему отсоветовать жениться, уверяя, что при такой разнице лет счастья в супружестве быть не может» (примеч. А. Г. Достоевской — *Письма к жене*, 312).

[9] Достоевский специально приехал в Москву, чтобы просить у Михаила Никифоровича *Каткова* (1818—1887) и упоминаемого далее профессора Московского университета физика Николая Алексеевича *Любимова* (1830—1897) — редакторов журнала «Русский вестник», где в 1866 г. печатался роман «Преступление и наказание», 3000 руб. в счет будущего романа на женитьбу и на поездку заграницу.

[10] *Иванова* Мария Александровна (1848—1929) — вторая дочь В. М. Ивановой, «отличная музыкантша, ученица Н. Г. Рубинштейна. Приезжая в Москву, Ф‹едор› М‹ихайлович› останавливался у Ивановых и просил М. А. играть его любимые пьесы, особенно Hochzeitmarsch Mendelsohn Bartholdi, который она художественно исполняла» (примеч. А. Г. Достоевской — *Письма к жене*, 313). М. А. Иванова оставила воспоминания о встречах с писателем в Люблине в 1866 г. (см.: «Новый мир», 1926, № 3, с. 138—144).

[11] *Достоевский* Федор Михайлович младший (1842—1906) — племянник писателя, сын его брата Михаила Михайловича Достоевского, пианист, ученик А. Г. Рубинштейна, директор Саратовского отделения Русского музыкального общества. О нем см.: *Волоцкой*, 106—108.

[12] *Иванова* Юлия Александровна (1852—1924) — третья дочь В. М. Ивановой.

[13] *Исаев* Павел Александрович (1846—1900) — пасынок Достоевского, сын его первой жены Марии Дмитриевны Исаевой (1825—1864). О тяжелых отношениях, сложившихся между нею и П. А. Исаевым, А. Г. Достоевская рассказывает в своих «Воспоминаниях».

[14] *Иванов* Александр Александрович (1850—?) — старший сын В. М. Ивановой, инженер путей сообщения.

[15] *Хмыров* Дмитрий Николаевич (1847—1926) — учитель математики, впоследствии муж Софьи Александровны Ивановой. См. о нем: *Волоцкой*, 200—202.

[16] Мать А. Г. Достоевской — *Сниткина* Анна Николаевна (1812—1893). О ней см.: *Воспоминания Достоевской*, 40—41.

[17] *Сниткин* Иван Григорьевич (1849—1887). Окончил Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве. О нем см.: *Воспоминания Достоевской*, 132—135, 190—191. По рассказам Анны Григорьевны, Достоевский очень сошелся с ее братом, несмотря на разницу лет (он был моложе писателя на 28 лет), любил и уважал его.

1867

3

[18] *Леонтьев* Павел Михайлович (1822—1874) — филолог и журналист, сотрудник «Русского вестника», автор ценных сборников по классической древности, с 1847 г. занимал в Московском университете кафедру римской словесности и древностей. Принимая активное участие в журнале «Русский вестник», Леонтьев оказывает влияние на М. Н. Каткова при выборе произведений, предназначенных для публикации. Именно влиянию Леонтьева Достоевский приписывал отказ редакции «Русского вестника» напечатать в 1859 г. его повесть «Село Степанчиково и его обитатели» (см.: *Письма*, I, 263).

[19] *Иванов* Александр Павлович (1813—1868) — врач Константиновского межевого института в Москве, муж Веры Михайловны Достоевской, «редкий и благороднейший человек», по характеристике писателя (*Письма*, II, 86).

[20] «Остроумием особенно отличалась Мария Сергеевна Иванчина-Писарева, подруга старших дочерей Веры Михайловны, — вспоминает Анна Григорьевна. — То была девушка лет двадцати двух, некрасивая, но веселая, бойкая, находчивая, всегда готовая поднять человека на смех ‹...› М. С. Иванчина очень рельефно выведена ‹в романе «Вечный муж»› в виде бойкой подружки „Марьи Никитишны“» (*Воспоминания Достоевской*, 129). Сразу же после смерти Достоевского М. С. Иванчина-Писарева сообщила Анне Григорьевне: «Я так счастлива, что знала лично Федора Михайловича! Сколько у меня отрадных воспоминаний сохранилось об этом дивном человеке и гениальном писателе» (*ЛН, т. 86*, 546).

[21] Знакомство Достоевского с врачом Степаном Дмитриевичем *Яновским* (1817—1897) произошло в 1846 г. Они подружились, хотя внутренней духовной близости между ними не возникло. Яновский всю жизнь сохранял к Достоевскому самые искренние и теплые чувства. В 1859 г., когда Достоевский приехал из Семипалатинска в Тверь, Яновский, как он сам писал об этом, «первый из близких его знакомых посетил его в этом городе ‹...› единственно с целью увидеть и обнять дорогого мне Федора Михайловича» («Новое время», 1881, 24 февраля/8 марта, № 1793). С. Д. Яновский оставил «Воспоминания о Достоевском», напечатанные в «Русском вестнике» (1885, № 4, с. 796—819). См. также *ЛН, т. 86*, 439, где опубликована фотография С. Д. Яновского 1872 г. с дарственной надписью: «Ф. М. и А. Г. Достоевским от искренно и неизменно любящего их и преданного им С. Яновского».

[22] Известый публицист-славянофил Иван Сергеевич *Аксаков* (1823—1886) издавал в 1867—1868 гг. политическую и литературную газету «Москва» и, как пишет далее Достоевский, хотел привлечь его для сотрудничества в этой газете. Но Достоевский участия в «Москве» не принимал. В начале 60-х годов Достоевский резко полемизировал со славянофильской газетой И. С. Аксакова «День» в статьях «Последние литературные явления. Газета „День“» («Время», 1861, № 11) и «Два лагеря теоретиков» (там же, 1862, № 1—2) (см.: *Достоевский, 1926—1930*, XIII, 145—154, 235—253). Сближение между И. С. Аксаковым и Достоевским начинается во второй половине 70-х годов. См. далее письма этого времени Достоевского к Анне Григорьевне.

[23] *Майков* Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт, переводчик и критик, большой друг Достоевского еще со второй половины 40-х годов, с того времени, когда он также был во многом близок к петрашевцам. Именно Майкову Достоевский доверяет тогда секретнейшие сведения о готовившемся государственном перевороте: рассказывает о намерении петрашевцев — Спешнева, Мордвинова, Момбелли, Филиппова, Григорьева, Милютина и его — выделиться из кружка Петрашевского и «образовать особое тайное общество с тайной типографией ‹...› с целью произвести переворот в России» (см.: «Исторический архив», 1956, т. III, с. 224—225). В ответ на вопрос Следственной комиссии о наиболее близких людях Достоевский назвал прежде всего семью Майковых (см.: Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971, с. 123). Дружественные отношения Достоевского и Майкова продолжались и в 60-е годы, причем, как справедливо указывает А. С. Долинин, «когда в конце первой половины 60-х годов началось у Достоевского перерождение убеждений, которые постепенно стали принимать славянофильскую окраску, то на этом пути он должен был еще ближе сойтись с Майковым, пережившим ту же эволюцию несколькими годами раньше (в конце 50-х годов)» (*Письма*, I, 519). Лишь во второй половине 70-х годов, в связи с публикацией «Подростка» в «Отечественных записках», между Достоевским и Майковым наступает некоторое охлаждение (см. далее письма Достоевского к Анне Григорьевне из Петербурга за 1875 г. и письма Майкова к своей жене — *ЛН, т. 86*, 482, 485).

[24] Две последние главы и эпилог «Преступления и наказания» были напечатаны в декабрьской книге «Русского вестника» за 1866 г.

[25] Ноябрьская книжка «Русского вестника» с «Преступлением и наказанием».

[26] Дружественные отношения Достоевского с Александром Петровичем *Милюковым* (1817—1897), педагогом и писателем, завязались еще в 40-е годы; не прерывались они и после возвращения Достоевского из ссылки (см. письма Достоевского к Милюкову от 10 XI 1860, VI 1866, 13 II 1867 — *Письма*, I, 299, 442, 456). Однако ду-

ховной близости между ними не было. Об этом свидетельствуют отрицательные отзывы Достоевского об А. П. Милюкове в заграничный период (1867—1871) в письмах к Э. Ф. Достоевской, Н. Н. Страхову, А. Г. Достоевской. В 1890 г. появилась книга А. П. Милюкова «Литературные встречи и знакомства», в которой целая глава посвящена знакомству и дружбе с Ф. М. Достоевским.

4

Датировка этого письма и следующих 4 писем произведена А. Г. Достоевской.

[27] А. Г. Достоевская сделала здесь примеч.: «Через два месяца после свадьбы, 14 апреля 1867 года, мы выехали за границу и на месяц поселились в Дрездене. Отсюда Ф<едор> М<ихайлович> поехал в Гомбург, где в то время была рулетка. Я же осталась в Дрездене на попечении квартирной хозяйки» (*Письма к жене*, 313).

[28] В 1854 г. в Семипалатинск, где находился в это время на солдатской службе Ф. М. Достоевский, был назначен прокурором юрист и дипломат Александр Егорович Врангель (1838—?). С этого времени и начались дружеские отношения Достоевского с Врангелем. В письме к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. Достоевский писал: «Александр Егорович, барон Врангель, человек очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца, приехавший в Сибирь прямо из Лицея с великодушной мечтой узнать край, быть полезным и т. д. Он служил в Семипалатинске; мы с ним сошлись, и я полюбил его очень <...> Чрезвычайно много доброты, никаких особенных убеждений, благородное сердце, есть ум, — но сердце слабое, нежное, хотя наружность с первого взгляда имеет некоторый вид недоступности <...> Добра он мне сделал множество <...> Но я его люблю и не за одно добро, мне сделанное» (*Письма*, I, 164—165). Врангель много помогал Достоевскому материально и после ссылки, в 60-е годы, хотя прежние дружеские отношения больше не возобновлялись. Сказалась разница интересов. Кроме того, Достоевского очень тяготил неуплаченный долг А. Е. Врангелю, «несноснейший и мучительный <...> долг чести, без векселя», как писал Достоевский в письме к С. А. Ивановой (Хмыровой) от 8/20 марта 1869 г. (*Письма*, II, 176), а судя по письму Достоевского к Врангелю от 9 мая 1866 г. (*Письма*, I, 436), Врангель настойчиво требовал вернуть деньги. Именно поэтому Достоевский и упоминает своего семипалатинского друга в одном ряду с обыкновенными заимодавцами. Перу Врангеля принадлежит книга «Воспоминания о Достоевском в Сибири в 1854—1856» (СПб., 1912). Подробнее о Врангеле см.: Geschichte der Familie von Wrangel vom Jahre zwölfhundertfünfzig bis die Gegenwart. T. I. Berlin und Dresden, 1887, S. 381—387.

5

[29] О причине ссоры Достоевского с дочерью своего старшего брата Марией Михайловной (1843—1888) рассказывает Л. Ф. Достоевская: «Одну из его племянниц (именно Марию Михайловну), его любимицу, полюбил студент, довольно бесцветный молодой человек, ненавидевший Достоевского „за то, что он в лице Раскольникова оскорбил русское студенчество“. Однажды во время спора с моим отцом по политическим вопросам он выразился непочтительно. Достоевский рассердился и велел своей невестке (Эмилии Федоровне) не принимать больше этого дерзкого человека. Они сделали вид, что послушались, но влюбленный студент тайно бывал у них в доме по-прежнему. Окончив курс университета и получив место в министерстве, он спешил жениться на моей двоюродной сестре. Неблагодарная с особым удовольствием отпраздновала свадьбу тайно, не пригласив своего дядю, между тем как он работал, как негр, для того, чтобы поддержать их семью. Когда новобрачная позже встретила у своей матери моего отца, она смеялась ему в лицо и обращалась с ним, как со старым дураком. Мой отец был глубоко огорчен этой неблагодарностью. Он любил свою племянницу Марию, как собственную дочь, ласкал и занимал ее, когда она еще была ребенком, а позже гордился ее музыкальным талантом

и ее девичьими успехами. Она была одной из лучших учениц Антона Рубинштейна» (*Л. Ф. Достоевская*, 42). Комментируя этот рассказ Л. Ф. Достоевской, А. С. Долинин справедливо отмечает, что «в этой истории есть, по всей вероятности, какая-то доля правды», но освещена она «грубо тенденциозно и в основе своей лжива» (*Письма*, II, 375). Жених Марии Михайловны, которого Л. Ф. Достоевская называет «бесцветным» студентом, впоследствии крупный русский философ-идеалист Михаил Иванович Владиславлев (1840—1890), еще до женитьбы (1865) был одним из основных сотрудников журналов «Время» и «Эпоха», и братья Достоевские ценили его и относились к нему с большой симпатией (см. письма к Владиславлеву М. М. Достоевского: «Искусство», 1927, кн. 1, с. 136—141). Тенденциозность рассказа Л. Ф. Достоевской становится особенно очевидной, когда она добавляет: «Муж Марии вскоре понял, какую глупость он совершил, порвав со знаменитым писателем. Спустя шесть или семь лет, когда мои родители возвратились из-за границы, он пытался возобновить дружеские отношения и привлечь моего отца к заботам о будущности его многочисленных детей. Достоевский согласился принять свою племянницу, но своей любви он не мог ей вернуть, ибо она угасла» (*Л. Ф. Достоевская*, 42). Однако именно в 70-е годы отношения Достоевского и Владиславлева проникнуты взаимным глубоким уважением (см. *Письма*, III, 24, 47).

[30] Речь идет о пасынке писателя Паше Исаеве и о семье покойного брата, драматурга и переводчика, издателя журналов «Время» и «Эпоха», Михаила Михайловича *Достоевского* (1820—1864). После смерти брата Достоевский взял на себя обязательство содержать его семью, а о своих обязательствах по отношению к пасынку Достоевский писал М. Н. Каткову 3/15 марта 1868 г.: «Обязанность эту я признаю, но только свободно в сердце, потому что искренне люблю его, взростив его с детства ‹...› Обязанности же официальной, формальной тут нет ни малейшей; она давно прекратилась, если и была» (*Письма*, IV, 284, 286). Запись А. Г. Достоевской в дневнике после получения этого письма свидетельствует о том, что она была недовольна денежными обязательствами, принятыми на себя Достоевским, и ее настроение сразу испортилось от «напоминания, что ему нужно выиграть для родных» (*Дневник Достоевской*, 57). В расшифрованном недавно женевском дневнике А. Г. Достоевской прямо записано: «Бедный Федя, как мне его жаль, ведь навязалась же эта проклятая обуза ему на шею, мало ему своей, так нужно еще кормить разных чужих щенят» (*ЛН, т. 86*, 174).

6

[31] Письмо не сохранилось.

[32] В своем «Дневнике» А. Г. Достоевская записывает: «Я была так счастлива этим письмом, что не знаю, как это и выразить. Прочла его 2 или 3 раза и украдкою поцеловала его. Как Федя умеет писать письма, — это удивительно, просто как будто говоришь с ним. Я просто с торжеством вышла из почтамта. Узнав, что сегодня вечером почта пойдет в Homburg, я решилась туда написать. Идти домой мне не хотелось, потому я пошла на бульвар, села на скамейку и на вырванных листках моей записной книжки написала ему письмо» (*Дневник Достоевской*, 55).

[33] Подробно описывая этот день в своем «Дневнике», Анна Григорьевна кончает эту запись словами: «Придя домой, я бросилась на диван и принялась читать. Опять ложиться было как-то неприятно. Я знала, что уже никто не придет разбудить меня поцелуями и речами, как два дня тому назад Федя, как он это делает обыкновенно, и что доставляет мне так много счастья. В этот день мне было очень грустно без него, такая тоска, потому-то я и ходила без толку по городу, чтобы как-нибудь убить время» (*Дневник Достоевской*, 54).

[34] А. Г. Достоевская вспоминает о дрезденских музыкальных впечатлениях Достоевского: «В те времена в парке ‹Grossen Garten в Дрездене› существовал ресторан „Zum grossen Wirtschaft“, где по вечерам играла то полковая, медная, то инструментальная музыка. Иногда программа концертов была серьезная. Не будучи знатоком музыки, муж мой очень любил музыкальные произведения Моцарта, Бетховена „Fidelio“, Мендельсона-Бартольди „Hochzeitsmarsch“, Россини „Air du Stabat

Mater“ и испытывал искреннее наслаждение, слушая любимые вещи. Произведений Рихарда Вагнера Федор Михайлович совсем не любил <...> Помню, что в программе концертов стояли вариации и попурри из оперы „Dichter und Bauer“, F. von Suppe» (*Воспоминания Достоевской*, 151). См. подробнее в кн.: Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка. Л., 1971, с. 106—110.

7

[35] Ср. со словами князя Мышкина из романа «Идиот», над которым Достоевский в это время работал: «Я всегда боюсь моим смешным видом скомпрометировать мысль и главную идею. Я не имею жеста. Я имею жест всегда противоположный, а это вызывает смех и унижает идею» (*Достоевский*, 1956—1958, VI, 624).

[36] Письмо Анны Григорьевны не сохранилось, но о содержании его можно догадываться по ее дневниковой записи от 19 мая, где она рассказывает о своем тяжелом душевном состоянии и «ужасном горе» без Достоевского (*Дневник Достоевской*, 59—62).

[37] Судя по дневниковой записи Анны Григорьевны от 15/27 мая 1867 г. (*Дневник Достоевской*, 85) и письму Достоевского к А. П. Сусловой от 23 апреля/5 мая 1867 г. (*Письма*, II, 3—5), А. С. Долинин предполагает, что Достоевский имел в виду письмо А. П. Сусловой, интимно близкого друга писателя в первую половину 60-х годов (см. о ней: Суслова А. П. Годы близости с Достоевским. М., 1928; Долинин А. С. Достоевский и Суслова. — В кн.: *Достоевский, II*, 153—285; Бем А. Л. «Игрок» Достоевского. (В свете новых биографических данных). — «Современные записки», [Париж], 1925, кн. 24, с. 372—392). Однако Достоевский мог иметь в виду и письма от матери Анны Григорьевны, А. Н. Сниткиной, или от П. А. Исаева, о чем и пишет сама Анна Григорьевна в указанной выше дневниковой записи.

8

[38] Комментируя получение этого письма, Анна Григорьевна пишет: «Я уже приготовилась к содержанию письма, именно, что все проиграно и что надо послать деньги, так что оно меня нисколько и не удивило. Но я была очень рада и счастлива, что Федя так меня любит, что он так испугался, когда не получил моего письма. Да, надо сильно любить, чтобы так чувствовать!» (*Дневник Достоевской*, 71).

[39] Очевидно, описка: не «деньги», а «вексель».

[40] Достоевский написал Каткову уже в Дрездене 29 мая (*Дневник Достоевской*, 87). Письмо не сохранилось, но из письма Достоевского к А. Н. Майкову от 28/16 августа 1867 г. видно, что Достоевский получил от Каткова 500 руб. (*Письма*, II, 30).

[41] В счет гонорара за будущий роман («Идиот»), печатавшийся в «Русском вестнике» в 1868 г.

[42] За публикацию романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» Достоевский получал от редакции «Русского вестника» по 150 руб. за лист; за роман «Подросток» от редакции «Отечественных записок» — по 250 руб. и только за последний свой роман «Братья Карамазовы» от редакции «Русского вестника» — по 300 руб. (См.: Ильинский Л. К. Гонорары Достоевского. — «Библиографические листы Русского библиологического об-ва», 1922, № 3, с. 4—9).

[43] Речь идет о статье «Знакомство мое с Белинским», заказанной Достоевскому беллетристом К. И. Бабиковым для литературного сборника «Чаша». Над этой статьей Достоевский долго работал в Дрездене. В письме к Майкову от 15 сентября 1867 г. Достоевский дал точные указания о способе доставки Бабикову статьи о Белинском: ее следовало послать для передачи ему в книжный магазин И. Г. Соловьева (*Письма*, II, 37). Майков выполнил просьбу Достоевского и доставил статью в магазин Соловьева. «С Бабиковым — сделано, как вы писали, но об нем ни слуху, ни духу. Говорят, пьет», — писал Майков Достоевскому 3 ноября 1867 г. (*Достоевский, II*, 342). Но статья до Бабикова так и не дошла. Что произошло с нею, —

до сих пор остается неизвестным (см.: Ланской Л. Утраченные письма Достоевского. — «Вопросы литературы», 1971, № 11, с. 201).

Точно нельзя сказать, каков был замысел статьи Достоевского о Белинском. Можно лишь предположить, что эта работа частично воплотилась в «Дневнике писателя» 1873 г. в очерке «Старые люди» (см.: *Достоевский, 1926—1930*, XI). Майков, читавший статью, пришел к убеждению, что она не может быть опубликована. «Статья вот какое впечатление производит, — писал он Достоевскому, — автор взялся рассказывать все, да как стал писать и увидел, что рассказывать нельзя. Нет, это только в посмертных мемуарах можно» (*Письма*, II, 390).

[44] Достоевский работал над романом «Идиот».

[45] Речь идет о проигрыше Достоевского на рулетке осенью 1865 г. в Висбадене, перед созданием «Преступления и наказания».

9

[46] Письмо не сохранилось.

[47] В день отправления своего письма (20 мая) Анна Григорьевна записывает в «Дневнике»: «Получила письмо сначала от Феди, а потом ‹...› от мамы ‹...› Федя писал, что почти все проиграл, а мама прислала только 35 рублей. Меня это ужасно огорчило, я пришла домой и страшно расплакалась; я плакала долго и много, но потом написала письмо Феде, в котором просила его лучше приехать домой поскорей, чем там оставаться» (*Дневник Достоевской*, 62—63).

[48] А. С. Долинин предполагает, что Анна Григорьевна поняла эту фразу «как замаскированную просьбу со стороны Достоевского о разрешении ему остаться в Гомбурге еще на несколько дней: с целью отыграться» (*Письма*, II, 378). В качестве доказательства А. С. Долинин ссылается на запись Анны Григорьевны в «Дневнике» 23 мая, т. е. в день получения этого письма: «Я уже заранее предчувствовала какое-нибудь еще более гадкое известие; пошла очень тихо на почту, получила письмо, прочла и увидела, что Феде, видимо, очень хочется еще остаться и поиграть. Я ему тотчас же написала, что если он хочет, то пусть и останется там, что я даже его не буду ждать раньше понедельника или вторника; я предполагаю, что он там и останется. Что же делать, вероятно, это так нужно. Пусть лучше эта несчастная идея о выигрыше у него выйдет из головы» (*Дневник Достоевской*, 74).

[49] См. примеч. 28 на с. 393.

[50] См. примеч. 40 на с. 395.

10

[51] Письмо не сохранилось.

[52] См. примеч. 53.

[53] Анна Григорьевна записывает 24 мая в своем «Дневнике»: «Получила Федино письмо. Он говорит, что мое письмо получил, а послания от банкира еще нет, и поэтому-то он еще не выезжает. Не предлог ли это, чтобы остаться там подольше? Федя мне написал смешное письмо, в котором жалуется на страшную зубную боль, просит, чтоб я немного потерпела. Ну, что же делать, я и написала письмо, что пусть так и будет, пусть он останется там подольше» (*Дневник Достоевской*, 76).

[54] В «Дневнике» Анна Григорьевна пишет, как она «тотчас же пошла по банкирам», чтобы отправить деньги, «но никто из них не имел сношений с Homburg'ом», пока, наконец, она не нашла «одного банкира Robert Thode, который взялся перевести на Франкфурт, сказав, что его Anweisung всегда примут и в Homburg'е» (*Дневник Достоевской*, 72).

11

[55] См. примеч. 40 на с. 395.

12

[56] После публикации «Преступления и наказания» в 1866 г. в «Русском вестнике» отдельным изданием роман выпустил в 1867 г. А. Ф. Базунов, а в 1870 г. готовился издать Ф. Т. Стелловский.

[57] Деньги из редакции «Русского вестника» пришли в конце июня (*Воспоминания Достоевской*, 161).

[58] Очевидно, Анна Григорьевна скрыла от Достоевского, что ее мать, А. Н. Сниткина, прислала еще 20 мая 35 руб. (*Дневник Достоевской*, 62—63).

13

[59] Достоевский вернулся из Гомбурга в Дрезден 27 мая в 6 часов вечера.

14

Датировка письма произведена А. Г. Достоевской.

[60] Комментируя это письмо, Анна Григорьевна пишет: «Считаю нужным, в объяснение письма от 5 октября 1867 г., сообщить, что в сентябре этого года мы приехали в Женеву, где и прожили до июня 1868 г. Из Женевы Ф‹едор› М‹ихайлович› три раза (в октябре и ноябре 1867 г. и в апреле 1868 г.) ездил в Saxon les Bains, где в то время существовала рулетка. Я с ним не могла ездить, так как была „в интересном положении“, а затем после рождения дочери Сони (22 февр. 1868 г.) не могла оставить ребенка» (*Письма к жене*, 314).

[61] В примеч. Анны Григорьевны есть пояснение: «Сонечка. Ф‹едор› М‹ихайлович› говорит о будущем нашем ребенке, который появился на свет в Женеве 22 февраля (5 марта). Но еще далеко до рождения дитяти мы решили назвать его, если родится сын — Мишей, в честь любимого брата, а если дочь — то Соней, в честь любимой племянницы, Софии Александровны Ивановой. Но Ф‹едору› М‹ихайловичу› почему-то думалось и желалось, чтобы была девочка. И в дальнейших письмах Ф‹едор› М‹ихайлович› упоминает о своих еще не родившихся детях как бы о существующих. Этим он как бы выражал свою нежную заботу и любовь к детям, которых всегда так желал иметь и появление на свет которых доставляло ему громадную радость и бесконечное счастье» (*Письма к жене*, 314).

15

Датировка письма произведена А. Г. Достоевской.

[62] Письмо не сохранилось.

16

[63] «Ф‹едор› М‹ихайлович› упоминает о будущем ребенке, — делает примечание Анна Григорьевна, — не зная, что будет: мальчик или девочка, но ради шутки представляя, будто у нас их зараз будет двое» (*Письма к жене*, 314).

[64] Квартирные хозяйки в Женеве, «две очень старые девицы m-lles Raymondin. Обе они так приветливо нас встретили, так обласкали меня, что мы, не колеблясь, решили у них поселиться» (*Воспоминания Достоевской*, 165—166). Достоевский рассчитывал на их помощь при родах Анны Григорьевны.

[65] О будущих детях.

17

[66] Роман «Идиот».

[67] См. примеч. 45 на с. 396.

[68] С поэтом Николаем Платоновичем *Огаревым* (1813—1877) Достоевский часто встречался в Женеве. «Знакомых в Женеве у нас не было почти никаких, — вспо-

минает Анна Григорьевна. — Федор Михайлович всегда был очень туг на заключение новых знакомств. Из прежних же он встретил в Женеве одного Н. П. Огарева, известного поэта, друга Герцена, у которого они когда-то и познакомились. Огарев часто заходил к нам, приносил книги и газеты и даже ссужал нас иногда десятью франками, которые мы при первых же деньгах возвращали ему. Федор Михайлович ценил многие стихотворения этого задушевного поэта, и мы оба были всегда рады его посещению» (*Воспоминания Достоевской*, 167). По всей вероятности, об Огареве говорит и Л. Ф. Достоевская, когда пишет, что ее родители встретили в Швейцарии «одного русского друга, часто посещавшего их» (*Л. Ф. Достоевская*, 63). Как свидетельствует В. В. Тимофеева (О. Починковская), любимыми стихами Достоевского был рефрен из поэмы Н. П. Огарева «Тюрьма», написанной в 1857—1858 годы:

Я в старой Библии гадал
И только жаждал и мечтал,
Чтоб вышла мне по воле рока
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка

(см.: *Достоевский в воспоминаниях*, II, 174).

[69] В 1862 г. в Лондоне состоялась встреча Достоевского и Герцена, на обоих она произвела самое благоприятное впечатление. Впоследствии, когда политические симпатии Достоевского во многом изменились и очевиднее стали разделяющие их идеологические расхождения, о чем и свидетельствует фраза из письма к Анне Григорьевне «он не Герцен», Достоевский в «Старых людях» дает весьма субъективную, но в то же время далекую от враждебности характеристику личности Герцена: «Это был художник, мыслитель, блестящий писатель, чрезвычайно начитанный человек, остроумец, удивительный собеседник (говорил он даже лучше, чем писал) и великолепный рефлектёр» (*Достоевский, 1926—1930*, XI, 7). И в 1876 г. Достоевский, потрясенный известием о самоубийстве дочери Герцена, пишет о ее отце как о мыслителе и поэте: «Заметьте — это дочь Герцена, человека высокоталантливого, мыслителя и поэта. Правда, жизнь его была чрезвычайно беспорядочна, полная противоречивых и странных психологических явлений. Это был один из самых резких русских раскольников западного толку, но зато из самых широких и с некоторыми вполне уж русскими чертами характера. Право, не думаю, чтобы кто-нибудь из его европейских друзей (из тех, кто потоньше и поумнее) решился бы признать его вполне своим, европейцем, до того сохранял он всегда на себе чисто русский облик и следы русского духа — его, обожателя Европы. И вот (думается и представляется невольно) неужели даже такой одаренный человек не мог передать от себя этой самоубийце ничего в ее душу из своей страстной любви к жизни — к жизни, которою он так дорожил и высоко ценил и в которую так глубоко верил» (*ЛН, т. 86*, 85—86). Об отношениях Достоевского и Герцена см. статьи: Долинин А. С. Достоевский и Герцен. — В кн.: Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963; Лищинер С. Д. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий — «Русская литература», 1972, № 2; Дрыжакова Е. Н. Достоевский и Герцен. (У истоков романа «Бесы»). — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, т. I. Л., 1974.

[70] Анна Григорьевна делает здесь примечание: «Заем 300 франков у Огарева не состоялся, так как были получены небольшие деньги из Петербурга от моей матери» (*Письма к жене*, 314).

[71] «Федор Михайлович говорит о заложенных моих платьях и бриллиантах. Эти вещи то закладывались, то выкупались и таким образом служили подспорьем в нашей полной денежных тревог жизни» (*Письма к жене*, 314).

[72] Роды произошли 22 февраля 1868 г. Родилась дочь Софья, скончавшаяся от простуды 12 мая того же года.

1868

18

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[73] Из переписки Достоевского с А. Майковым видно, что Майков должен был прислать в Женеву всего 25 руб., оставшиеся из 200, присланных на его имя из редакции «Русского вестника» (см. письмо Достоевского к Майкову от 20 марта/2 апреля 1868 г. — *Письма*, II, 98).

[74] «Начали мы нашу женевскую жизнь с крошечными средствами, — вспоминает Анна Григорьевна. — По уплате хозяйкам за месяц вперед, на четвертый день нашего приезда у нас оказалось всего восемнадцать франков, да имели в виду получить пятьдесят рублей. Но мы уже привыкли обходиться маленькими суммами, а когда они иссякали, — жить на заклады наших вещей, так что жизнь, особенно после наших недавних треволнений, показалась нам вначале очень приятной» (*Воспоминания Достоевской*, 166).

19

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[75] Ростовщица.

[76] С января 1868 г. роман «Идиот» печатался в «Русском вестнике».

[77] Анна Григорьевна делает здесь пространное примечание: «В начале было получено от Каткова в январе и феврале 1867 г. две тысячи, и они ушли на свадьбу и приготовления к ней (200 р.), на жизнь в течение 2-х мес. (400 р.) и уплату неотложных долгов. Затем мы поехали на пятой неделе поста в Москву, и здесь Ф<едор> М<ихайлович> просил Каткова дать еще 1000 р. для того, чтоб мы могли уехать за границу. Но когда пришлось уехать, то оказалось, что без уплаты самых тяжелых долгов не обойтись, иначе опишут имущество и возьмут подписку о невыезде из города. Но, уезжая, как мы предполагали, на 4—5 месяцев, нам следовало обеспечить на этот срок житье пасынка, брата Ф<едора> М<ихайловича> — Николая Михайловича и семью брата Мих<аила> Мих<айловича>, а также незаконного сына М<ихаила> М<ихайловича> — Ваню и его мать, Прасковью Петровну.

Когда мы с Ф<едором> М<ихайловичем> сосчитали предстоявшие нам расходы — мы ужаснулись: денег не хватало, а уехать на время за границу было необходимо по многим и важным причинам, главным образом, ради здоровья и возможности поработать над романом, чего при нашей суетливой и шумной жизни было немыслимо. Ф<едору> М<ихайловичу> предстояла самая важная часть работы, особенно для него трудная, именно обдумывание, творение (создание) плана романа. Самое писание романа давалось ему сравнительно легко, но создание плана представляло для него большие трудности. Вся беда была в богатстве фантазии и в недовольстве автора тою формою, в которой он хотел выразить идею, положенную в основу романа. Планы романа появлялись (создавались) десятками, с очерками героев, с фабулой, а иногда с небольшими сценами. (По оставшимся записным книжкам Ф<едора> М<ихайловича> видно, как зародилась в его уме известная идея, в каких формах она выражалась (развивалась) и что именно хотел выразить Ф<едор> М<ихайлович> в каждом из своих героев своего романа. Словом, в записках виден весь ход творчества Достоевского). Вот для этой-то работы Ф<едору> М<ихайловичу> и необходимо было полное уединение, которого достичь в Петербурге было невозможно. Кроме того, у обоих нас было горячее желание остаться вдвоем, без той шумливой толпы родных и друзей, которая нас окружала и которая мешала нам наслаждаться нашим лучезарным счастьем, тем счастьем, которое мы испытали отчасти в незабвенные для нас три месяца, когда мы были с ним жених и невеста.

Предполагая, по словам Ф<едора> М<ихайловича>, что мы вернемся в Петербург в сентябре 1867 г. (а мы вернулись в июле 1871 г.), и желая во что бы ни стало

уехать, я предложила, чтобы мы не оставляли за собой нанятой квартиры, а всю обстановку, как его, так и мою, заложили, а то, что нельзя было заложить — оставили у наших родных и знакомых на сбережение. Ф‹едору› М‹ихайловичу› было донельзя тяжело решиться заложить данные мне в приданое вещи, но я упросила его, и он после долгих колебаний согласился. Вся библиотека Ф‹едора› М‹ихайловича› (довольно обширная) была свезена к Эмилии Федоровне Достоевской, у которой поселился пасынок, и также к ней же комод с иконами и другими портретами, альбомами и прочими мелкими вещами, служившими для украшения комнат ‹. . .›.

Всех вещей, моих и Ф‹едора› М‹ихайловича›, было заложено на сумму около 1000 р. Таким образом, за год и 3 месяца мы имели в своем распоряжении около 6000 руб., считая с Катковскими. Из них на свадьбу пошло 200 р., на житье в Петербурге (3 месяца) — 600 р., поездка в Москву — 100 р. Наше житье за границей по 120—150 р. в месяц, считая с переездами, около 1600 р. Оставлено родным и выдавалось из высылаемых Катковым — 1200 р., % за вещи и уплата неотложных долгов — около 2000 р. Таким образом, по моему мнению, Ф‹едор› М‹ихайлович› за все эти 15 месяцев и всю свою игру на рулетке мог проиграть не более 500—600 р.» (*Письма к жене*, 314—315).

В своих «Воспоминаниях» Анна Григорьевна, рассказывая об утрате ею почти всего имущества за время пребывания за границей, пишет, что всего обиднее была потеря библиотеки Достоевского, «о которой он очень тосковал за границей. В ней было много книг, подаренных ему друзьями — писателями с их посвящениями; много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества, которым Федор Михайлович очень интересовался. При нашем отъезде Павел Александрович упросил моего мужа оставить эту библиотеку на его попечение, уверяя, что она нужна для его образования и обещая возвратить ее в целости; оказалось, что он, нуждаясь в деньгах, распродал ее по букинистам» (*Воспоминания Достоевской*, 206).

[78] См. примеч. 42 на с. 395.

[79] Это письмо Достоевского к Каткову неизвестно.

[80] Кто такие Ролан и упоминаемая далее Жосселен — неизвестно. Анна Григорьевна оставила место для примечаний к этим именам, но не сделала их (*Письма к жене,* 316). Скорее всего, это женевские ростовщицы.

[81] Няня Сони Достоевской.

[82] Мать Анны Григорьевны, Анна Николаевна Сниткина, приехала в Женеву к крестинам Сони в мае 1868 г. и пробыла с Достоевскими с небольшими перерывами по июль 1871 г., т. е. до возвращения их в Россию.

1870

20

[83] Достоевский выехал в Гомбург из Дрездена, где Достоевские жили с августа 1869 по июль 1871 г., т. е. до отъезда в Россию.

[84] Дочь писателя — Любовь Федоровна (род. в Дрездене 14/26 сентября 1869 г.) — впоследствии стала беллетристкой, автором романов «Адвокатка», «Эмигрантка» и сборника рассказов «Больные девушки». В центре этих произведений — вопросы наследственности. Литературные достоинства их очень невысоки, и они интересны лишь тем, что их написала дочь Достоевского. В 1913 г. Любовь Федоровна, как обычно, выехала для лечения за границу, однако больше уже в Россию не вернулась. За границей жила литературным трудом и издала на немецком языке книгу об отце под названием «Dostojewski, geschildert von seiner Tochter» (München, 1920). В русском переводе под ред. А. Г. Горнфельда эта книга вышла в сильно сокращенном (больше чем наполовину) виде под названием «Достоевский в изобра-

жении его дочери» (М.—Пг., 1922). См. также две новые главы, опубликованные С. В. Беловым (*ЛН, т. 86*, 297—307). Книгу Л. Ф. Достоевской нельзя назвать мемуарной в точном смысле этого слова: ведь когда умер ее отец, ей было всего 11 лет. Да и сама Любовь Федоровна это понимала, озаглавив свою книгу «Достоевский в изображении его дочери». И там, где Любовь Федоровна «в изображении» Достоевского строго придерживается документальных фактов, мемуаров современников, семейных преданий и, наконец, что самое важное, запомнившихся ей рассказов отца и матери, — там это изображение является верным.

Однако там, где Любовь Федоровна сознательно искажает известные факты из жизни Достоевского, ее книга приобретает нелепо тенденциозный характер. Вопреки фактам и документам, Любовь Федоровна почти в каждой главе, по любому поводу и без всякого повода, утверждает, что ее отец не был русским, а был нормано-литовского происхождения. Однако если отбросить это ошибочное утверждение Л. Ф. Достоевской, то книга ее, несомненно, представляет интерес, так как она сообщает много неизвестных фактов из жизни Достоевского.

Л. Ф. Достоевская скончалась в 1926 г. в Гризе (Тироль) от белокровия. О последних днях ее жизни оставила воспоминания жена ее брата, Ф. Ф. Достоевского, Е. П. Достоевская (см.: *Волоцкой*, 131—132). О Л. Ф. Достоевской см. некролог в газ. «Возрождение» (Париж, 1926, 18 ноября, № 534) и статью С. В. Белова (*ЛН, т. 86*, 291—296).

[85] Брат Анны Григорьевны Иван Григорьевич *Сниткин*, студент Петровской сельскохозяйственной академии, приехал в Дрезден в середине октября 1869 г. (*Письма*, II, 240). «Федор Михайлович, всегда симпатизировавший брату, — пишет Анна Григорьевна, — интересовался его занятиями, его знакомствами и вообще бытом и настроением студенческого мира. Брат мой подробно и с увлечением рассказывал. Тут-то и возникла у Федора Михайловича мысль в одной из своих повестей изобразить тогдашнее политическое движение и одним из главных героев взять студента Иванова (под фамилией Шатова), впоследствии убитого Нечаевым» (*Воспоминания Достоевской*, 190). Об И. Г. Сниткине см. также: *Л. Ф. Достоевская*, 68—70.

[86] Достоевский, очевидно, хотел скрыть от родных Анны Григорьевны свою поездку в Гомбург на рулетку.

1871

21

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[87] Речь идет о романе «Бесы».

[88] «Господин N.N. — это будущий наш ребенок, родившийся 16 июля 1871 г., первый наш сын — Федор» (Примеч. А. Г. Достоевской — *Письма к жене*, 316).

[89] К этому письму Анна Григорьевна сделала приписку: «Писана в 1871 году в Дрездене. Федор Михайлович иногда оставлял записки ночью на столе, не желая будить домашних и имея необходимость что-либо им сообщить» (*Письма к жене*, 40).

22

[90] Анна Григорьевна вспоминает о поездке Достоевского в апреле 1871 г. на рулетку в Висбаден: «Федор Михайлович так часто говорил о несомненной „гибели“ своего таланта, так мучился мыслью, чем он прокормит свою все увеличивающуюся и столь дорогую для него семью, что я иногда приходила в отчаяние, слушая его. Чтобы успокоить его тревожное настроение и отогнать мрачные мысли, мешавшие ему сосредоточиться на своей работе, я прибегла к тому средству, которое всегда рассеивало и развлекало его. Воспользовавшись тем, что у нас имелась некоторая сумма денег (талеров триста), я завела как-то речь о рулетке, о том,

отчего бы ему еще раз не попытать счастья, говорила, что приходилось же ему выигрывать, почему не надеяться, что на этот раз удача будет на его стороне, и т. п. Конечно, я ни минуты не рассчитывала на выигрыш, и мне очень жаль было ста талеров, которыми приходилось пожертвовать, но я знала из опыта прежних его поездок на рулетку, что, испытав новые бурные впечатления, удовлетворив свою потребность к риску, к игре, Федор Михайлович вернется успокоенным, и, убедившись в тщетности его надежд на выигрыш, он с новыми силами примется за роман и в две-три недели вернет все проигранное. Моя идея о рулетке была слишком по душе мужа, и он не стал от нее отказываться. Взяв с собою сто двадцать талеров <...>, он уехал в Висбаден» (*Воспоминания Достоевской*, 196).

[91] Письмо не сохранилось.

[92] Анна Григорьевна поясняет: «„Schreiben Sie mir" — в телеграмме были условные слова между мною и Ф<едором> М<ихайловичем>, которые обозначали, что Ф<едор> М<ихайлович> проиграл и что я должна перевести ему деньги. Сумма была заранее обусловлена. Ф<едор> М<ихайлович> чрезвычайно уважал и любил мою мать. Предвидя ее неодобрение по поводу игры на рулетке при тех обстоятельствах, в которых мы находились, Ф<едор> М<ихайлович> сказал ей, что поедет во Франкфурт по одному литературному делу. Возможно, что моя мать догадалась о цели его поездки, но сделала вид, что верит его словам» (*Письма к жене*, 316).

[93] Письмо не сохранилось.

[94] Анна Григорьевна делает примечание: «Ф<едор> М<ихайлович> придавал значение снам. Очень тревожился он, когда видел во сне брата Мишу и в особенности своего отца. Сновидение предвещало горе или беду, и я была несколько раз свидетельницею тому, что вскоре (дня 2—3 спустя) после подобного сновидения наступала чья-либо болезнь или смерть в нашей семье, доселе здоровой, тяжелый припадок с Ф<едором> М<ихайловичем> или какая-нибудь материальная беда. К счастью, на этот раз ничего с нами не случилось» (*Письма к жене*, 316). См. также примеч. 340 на с. 424.

[95] «Не могу сказать, кто был тогда священником в Висбадене (да и была ли там в те времена церковь), — комментирует Анна Григорьевна, — но мне почему-то не хотелось, чтобы Ф<едор> М<ихайлович> посетил его, а главное, просил взаймы на отъезд, а потому я просила Ф<едора> М<ихайловича> к нему не ходить, что он и исполнил» (*Письма к жене*, 316). Судя по дальнейшему тексту этого письма: «Он <священник> один из свидетелей старого, прошедшего, прежнего, исчезнувшего!» — это был священник Иоанн Леонтьевич Янышев (1826—1910), впоследствии писатель-богослов, ректор Петербургской духовной академии. Достоевский познакомился с ним в 1865 г. в Висбадене и с тех пор неизменно питал к нему искренние и дружеские чувства (см. 1-й том «Писем» Достоевского, где напечатаны два его письма к Янышеву).

[96] Анна Григорьевна добавляет в своих «Воспоминаниях»: «Конечно, я не могла сразу поверить такому громадному счастью, как охлаждение Федора Михайловича к игре на рулетке. Ведь он много раз обещал мне не играть и не в силах был исполнить своего слова. Однако счастье это осуществилось, и это был действительно п о с л е д н и й раз, когда он играл на рулетке. Впоследствии, в свои поездки за границу (1874, 1875, 1876, 1879 гг.) Федор Михайлович ни разу не подумал поехать в игорный город. Правда, в Германии вскоре были закрыты рулетки, но существовали в Спа, Саксоне и в Монте-Карло. Расстояние не помешало бы мужу съездить туда, если б он пожелал. Но его уже более не тянуло к игре. Казалось, эта „фантазия" Федора Михайловича выиграть на рулетке была каким-то наваждением или болезнию, от которой он внезапно и навсегда исцелился» (*Воспоминания Достоевской*, 197).

[97] Во время пребывания Достоевского за границей издатель Федор Тимофеевич *Стелловский* (?—1875) выпустил роман «Преступление и наказание» в качестве 4-го тома «Полного собрания сочинений» Достоевского, однако всячески оттягивал выплату гонорара. О деле со Стелловским см. письма Достоевского к А. Майкову за декабрь 1870 г. (*Письма*, II, 301—310).

23

[98] Деньги, которые А. Майков должен был получить с издателя Ф. Т. Стелловского за выпуск им «Полного собрания сочинений» Достоевского.

[99] Как свидетельствует Анна Григорьевна, деньги из редакции «Русского вестника» за роман «Бесы» были получены в последних числах июня 1871 г. (*Воспоминания Достоевской*, 198).

[100] Достоевский написал А. Майкову 21 апреля/3 мая 1871 г. (см. *Письма*, II, 354—356). Достоевский сообщил об окончательном решении вернуться в Россию и просил А. Майкова ускорить получение денег со Стелловского.

[101] Примечание Анны Григорьевны: «Иван Григорьевич — мой брат, у которого Ф<едор> М<ихайлович> предполагал взять взаймы 4000 руб. Эти деньги достались Ив<ану> Гр<игорьевичу> после отца, и он давно предлагал их Ф<едору> М<ихайловичу>, но до совершеннолетия сам не мог их получать. Но в этом же году осенью Иван Григорьевич увез из Дрездена свою будущую жену, Ольгу Кирилловну, в Вену и тайком обвенчался с нею у Греческого митрополита. Увоз и тайное венчание стоили громадных денег, так что он мог ссудить нас лишь небольшою суммою. Чтобы рассеять опасенья матери своей будущей жены, И<ван> Гр<игорьевич> решился уехать на 2—3 мес<яца> в Россию и хотел поселиться в Царск<ом> Селе у товарища» (*Письма к жене*, 317).

[102] В Петербург Достоевские вернулись 8 июля 1871 г. В своих «Воспоминаниях» Анна Григорьевна описала долгие колебания из-за кредиторов и материальных соображений: «Время шло, и в апреле 1871 г. исполнилось четыре года, как мы жили за границей, а надежда на возвращение в Россию у нас то появлялась, то исчезала. Наконец мы с мужем твердо положили непременно в скором времени вернуться в Петербург, какие тяжелые последствия не повлекло бы за собою наше возвращение. Но расчеты наши висели на волоске: мы ожидали новое прибавление семейства в июле или в начале августа, и если б мы не успели за месяц до ожидаемого события перебраться в Россию, то нам неизбежно пришлось бы остаться еще на целый год, до весны, так как везти новорожденного позднею осенью было бы немыслимо. Когда мы предполагали, что, пожалуй, нам еще целый год не придется увидеть России, то оба приходили в полное отчаяние: до того невыносимо становилось жить на чужбине. Федор Михайлович часто говорил, что если мы останемся за границей, то он „погиб“, что он не в состоянии больше писать, что у него нет материала, что он чувствует, как перестает помнить и понимать Россию и русских, так как дрезденские русские — наши знакомые, по его мнению, были не русские, а добровольные эмигранты, не любящие Россию и покинувшие ее навсегда» (*Воспоминания Достоевской*, 195—196).

[103] Роман «Бесы» печатался в журнале «Русский вестник» (1871, № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11; 1872, № 11 и 12). Вторым изданием роман вышел в Петербурге в 1873 г. в количестве 3500 экз.

24

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[104] На рулетку.

[105] Письмо не сохранилось.

[106] Достоевский вернулся 2 мая 1871 г. «бодрый, успокоившийся и тотчас принялся за продолжение романа „Бесы“» (*Воспоминания Достоевской*, 197).

25

[107] Сын писателя Федор Федорович *Достоевский* (род. в Петербурге 16 июля 1871 г.). Окончил гимназию в Петербурге, а затем два факультета Дерптского университета: юридический и естественный. Служил по коннозаводству и одно время имел в Петербурге довольно большую скаковую конюшню. В области коннозавод-

ства считался одним из крупнейших в России специалистов, и имя его часто встречается в специальных справочниках и изданиях по русскому коневодству. Скончался в Москве в 1921 г. и похоронен на Коммунистической площадке Ваганьковского кладбища. О нем см. подробнее: *Волоцкой.*

[108] В конце июля 1871 г. Достоевский ездил в Москву за получением гонорара от редакции «Русского вестника».

[109] В одном из примеч. к письмам Достоевского Анна Григорьевна указывает, что, уезжая за границу, они должны были обеспечить незаконного сына брата Достоевского, Михаила Михайловича, — Ваню и его мать, Прасковью Петровну (*Письма к жене*, 315). Других сведений об этих лицах найти не удалось.

[110] См. примеч. 13 на с. 391 и примеч. 30 на с. 394.

1872

26

[111] Достоевский выехал в Москву в декабре 1871 г., чтобы получить гонорар за роман «Бесы», печатавшийся в «Русском вестнике».

[112] Письмо не сохранилось.

[113] С драматургом Дмитрием Васильевичем *Аверкиевым* (1836—1905) Достоевский познакомился в 60-х годах, когда в журнале «Эпоха» (1864, № 10) была напечатана драма Аверкиева «Мамаево побоище». Достоевский высоко отозвался о «Комедии о российском дворянине Фроле Скобееве» Аверкиева (*Письма*, II, 187). В дальнейшем между ними сохранились дружественные отношения, иногда прерывавшиеся, по свидетельству Е. А. Штакеншнейдер, недоброжелательными выпадами Аверкиева против Достоевского (см.: *Достоевский в воспоминаниях,* II, 304).

В 1885—1886 гг. Аверкиев, продолжая идею Достоевского, выпускал периодическое издание «Дневник писателя», где напечатал отрывок из подготавливаемого им биографического очерка о Достоевском, что, по сообщению Е. А. Штакеншнейдер, было неприятно Анне Григорьевне («Голос Минувшего», 1919, № 1—4, с. 197).

[114] Сестра писателя, В. М. Иванова. См. о ней примеч. 5 на с. 390.

[115] Если в начале 60-х годов Достоевский полемизировал во «Времени» со славянофильской газетой И. С. Аксакова «День», а в 1867 г. отказался сотрудничать в газете Аксакова «Москва», то в 70-е годы, когда мировоззрение самого Достоевского принимает все более славянофильскую окраску, меняется и его отношение к Аксакову, а в последние годы жизни Достоевского между ними установились особенно тесные личные и литературные связи (см. письма Достоевского к И. С. Аксакову за 1880 г. — *Письма*, IV, 198, 210, 216, 220).

[116] *Поляков* Борис Борисович (?—1884), адвокат и поверенный Достоевских по делу о куманинском наследстве, по характеристике писателя, «мерзавец» и «тупица» (*Письма*, III, 56, 123). О нем см. также *ЛН, т. 86*, по указателю имен.

[117] Петербургская кредиторша Достоевского.

[118] *Карепин* Александр Петрович (1841—?), племянник писателя, сын его сестры Варвары Михайловны, врач. Достоевский познакомился с ним в 1866 г. в Люблине, где провел лето с семьей Ивановых. По характеристике второй дочери В. М. Ивановой, М. А. Ивановой, Карепин «отличался многими странностями. Все приключения диккенсовского Пиквика случались с ним. Несмотря на то что он окончил медицинский факультет и состоял врачом при Павловской больнице, в жизни он был почти идиотом. Он был предметом неистощимых шуток и глумлений для молодой компании Ивановых» (*Достоевский в воспоминаниях*, I, 366). По свидетельству М. А. Ивановой, Достоевский воспел Карепина в ряде шуточных стихотворений, которые она приводит в своих воспоминаниях (*там же*, 366—367). Многие черты Карепина угадываются в образе героя «Вечного мужа» Трусоцкого.

[119] *Плещеев* Алексей Николаевич (1825—1893) — друг юности Достоевского, поэт, петрашевец, во время чтения приговора петрашевцам о смертной казни 22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу в Петербурге находился вместе с Достоевским и С. Ф. Дуровым во втором ряду (см.: Ахшарумов Д. Записки петрашевца. М.—Л., 1930). Дружеские личные отношения между Достоевским и Плещеевым, возникшие еще в кружке петрашевцев, сохранились до конца дней, несмотря на их идейные разногласия (в 70-х годах Плещеев занимал пост секретаря «Отечественных записок»). См. об этом письма Плещеева к Достоевскому и предисловие Л. С. Пустильника к этим письмам в кн.: Литературный архив, т. 6. М.—Л., 1961. После смерти Достоевского Плещеев написал от имени Анны Григорьевны обращение ко всем лицам, приславшим ей телеграммы и письма с выражением соболезнования (см.: *ЛН, т. 86*, 557). Об отношениях Достоевского и А. Н. Плещеева см. работу В. Л. Комаровича «Юность Достоевского» («Былое», 1924, № 23, с. 3—43).

[120] Достоевский познакомился с драматургом Николаем Александровичем *Чаевым* (1824—1914) в 1864 г., когда в «Эпохе» появились его драмы и хроники из древней русской истории: «Сват Фадеич. Предание в лицах» (1864, № 2) и «Дмитрий Самозванец» (1865, № 1). Характеристику Чаева Достоевский дает в письме к брату от 20 III 1864: «Здесь есть некто Чаев. С славянофилами не согласен, но очень ими любим. Человек в высшей степени порядочный. Встречал его у Аксакова и у Ламовского. Он очень занимается историей русской. К удовольствию моему я увидал, что мы совершенно согласны во взгляде на Русскую Историю. Слышал я и прежде, что он пишет драматические хроники в стихах из Русской Истории (Князь Александр Тверской). Плещеев хвалил очень стихи. Теперь в „Дне" (№ 11-й) объявлено о публичном чтении хроник Чаева с похвалою, я поручал Плещееву предложить ему напечатать в „Эпохе"» (*Письма*, II, 614). См. также статью Л. Ланского «Утраченные письма Достоевского» («Вопросы литературы», 1971, № 11, с. 200), где напечатаны отрывки из писем Чаева к Достоевскому.

[121] В письме от 27 X 1891 к редактору близкого к славянофильству журнала «Беседа» С. А. Юрьеву, усиленно приглашавшему писателя в сотрудники, Достоевский обещал именно в эту поездку «лично засвидетельствовать уважение» (*Письма*, II, 369).

[122] Очевидно, детское название письма.

[123] Шоколаду.

27

[124] Инженер путей сообщения Николай Николаевич *Воскобойников* (1838—1882) стал в 70-е годы одним из активнейших сотрудников газеты М. Н. Каткова «Московские ведомости», а с 1875 г. — помощником редактора. Вероятно, Достоевский познакомился с ним еще в начале 60-х годов. У Воскобойникова «водилось немало знакомств в Петербурге в разных журналах, разумеется, не в кружке „Современника", а больше в том, что собирался у братьев Достоевских» (Боборыкин П. Д. Воспоминания, т. I. М., 1965, с. 340). Г. Ф. Коган предполагает, что Н. Н. Воскобойников был автором статьи «Очерк истории Польши», запрещенной к публикации в журнале «Время» (*ЛН, т. 86*, 587). Со статьей Воскобойникова мог быть знаком Достоевский, и, несомненно, эта статья была известна Н. Н. Страхову, как правильно указывает Г. Ф. Коган. Заглавие ставшей роковой для журнала «Время» статьи Страхова очевидно возникло не без влияния «Очерка истории Польши», где в предисловии отмечалось: «Роковой вопрос выдвигал на первый план Польшу с ее историей» (там же). Как свидетельствует П. Д. Боборыкин, «идеями социализма» Воскобойников не увлекался, «но в деле свободомыслия любил называть себя „достаточным безбожником" и сочувствовал в особенности польскому вопросу в духе освободительном» (Боборыкин П. Д. Воспоминания, т. I, с. 339). См. также отрывки из писем Воскобойникова к Достоевскому в статье Л. Ланского «Утраченные письма Достоевского» («Вопросы литературы», 1971, № 11, с. 201).

[125] Речь идет, очевидно, об «Исповеди Ставрогина», впервые полностью опубликованной в первом выпуске «Документов по истории литературы и общественности. Ф. М. Достоевский» (М., 1922). По вопросу о том, почему «Исповедь Ставрогина» не вошла в канонический текст «Бесов», установились две прямо противоположные точки зрения. По одной — «Исповедь» была исключена Достоевским добровольно в связи с тем, что в процессе работы образ Ставрогина изменился и «Исповедь», предполагавшая возможность подлинного покаяния Ставрогина и его религиозного просветления, оказалась в противоречии с образом Ставрогина, неспособным на акт живой веры. По другой — «Исповедь» является органической частью романа, его кульминационным пунктом, и ее выпадение зависело от причин чисто случайного характера (отказ М. Н. Каткова напечатать эти главы в своем журнале). Первой точки зрения придерживаются В. Л. Комарович в статьях «Неизданная глава романа „Бесы"» («Былое», 1922, № 18, с. 219—226), «Die inneren Motive für Weglassung der Berichte» (In: R. Fülop-Müller und F. Eckstein. Der unbekannte Dostojewskij. München, 1926, S. 373—385), Н. Л. Бродский в статье «Fragmente und ausgelassene Kapitel aus den „Dämonen"» (там же, с. 127—245), А. Шрейдер в своей книге «Тетрадь о Достоевском» (Париж, 1929, с. 19—21). На другой точке зрения стоит А. С. Долинин; см. его статьи: «„Исповедь Ставрогина" (в связи с композицией „Бесов")». — «Литературная мысль», вып. 1, М., 1922, с. 139—162; «Страницы из „Бесов" (в канонический текст не включенные)». — *Достоевский, II*, 544—556; «Die fremde Einflüsse bei der Weglassung von „Stawrogin's Berichte"». — In: R. Fülop-Müller und F. Eckstein. Der unbekannte Dostojewskij, S. 298—354; «Ausgelassene Seiten aus den „Dämonen"» (там же, с. 354—374). Обе точки зрения пытается синтезировать А. Л. Бем в статье «Эволюция образа Ставрогина. (К спору об „Исповеди Ставрогина")»: «Внешняя причина, оборвавшая печатание „исповеди" в журнале „Русский вестник", совпала с какими-то внутренними колебаниями Достоевского, не нашедшими себе, к сожалению, более полного выявления» («Труды V съезда Русских академических организаций за границей», т. I. София, 1931, с. 208).

[126] См. примеч. 18 на с. 391.

[127] В 1868 г. в Москве на средства М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева был основан лицей.

[128] Драма Д. В. Аверкиева «Каширская старина» шла в Малом театре с участием Г. Н. Федотовой.

[129] Племянница Достоевского С. А. Иванова (о ней см. примеч. 7 на с. 390) сотрудничала в «Русском вестнике» как переводчица.

[130] Возможно, речь идет о романе «Подросток».

[131] Речь идет об одном из домов Сниткиных, назначенных «к продаже с публичного торга» (*Воспоминания Достоевской*, 215).

[132] Жена брата Анны Григорьевны И. Г. Сниткина. Если сначала Достоевский пишет о ней с теплотой (см., например, письмо к С. А. Ивановой от 29 марта/10 апреля 1871 г.: «...она решительно высоких качеств девушка и необыкновенного характера» — *Письма*, II, 341), то постепенно его отношение к ней меняется, а после того как она ушла от мужа, становится резко отрицательным (см. дальнейшие письма к Анне Григорьевне).

28

[133] 15 мая 1872 г. Достоевский выехал вместе с женой и детьми из Петербурга. Был принят совет профессора Петербургского университета М. И. Владиславлева — мужа племянницы писателя Марии Михайловны — снять дачу в Старой Руссе. Однако через несколько дней после приезда в Старую Руссу Достоевские вынуждены были вернуться в Петербург ввиду необходимости сделать операцию неправильно сросшейся у дочери руки (она сломала руку в конце 1871 г.). Операцию делал главный врач Максимилиановской лечебницы Иван Мартынович *Барч* (1831—1890). После операции Анна Григорьевна осталась в Петербурге с девочкой, а Достоев-

ский поспешил обратно в Старую Руссу, чтобы ухаживать за десятимесячным сыном (см. подробнее: *Воспоминания Достоевской*, 220—233).

[134] Свой первый старорусский дачный сезон Достоевский провел в доме священника местной Георгиевской церкви Иоанна (Ивана Ивановича) *Румянцева* (?—1904). По свидетельству современников, это «был человек незаурядный. Вступив давно когда-то в управление Егорьевским приходом, он не продвинулся ни на шаг по пути духовной карьеры, за всю свою жизнь не заслужил ни одного знака отличия; начальство не благословило его даже простой камилавкой, так что его умное, лукавое лицо с глазами, укрытыми дымчатыми очками, овевалось свободными прядями волос, сперва черных, а позднее седых... Об отце Иване с полным основанием можно было сказать, как впоследствии Горький сказал об Егоре Булычеве, что он „не на той улице родился“» (Скарская Н. Ф. и Гайдебуров П. П. На сцене и в жизни. М., 1959, с. 255—256).

Между Румянцевыми и Достоевскими навсегда сохранились теплые отношения. Достоевский особенно сблизился с хозяином дачи. «Батюшка Румянцев есть мой давний и истинный друг», — писал он в одном из писем из Старой Руссы летом 1880 г. (*Письма*, IV, 187). После смерти писателя Румянцев остался другом А. Г. Достоевской. В 1883 г. в Старой Руссе по инициативе Анны Григорьевны открылась школа имени Ф. М. Достоевского. Ее заведующим стал И. И. Румянцев. См. о нем, а также о пребывании писателя в Старой Руссе в 1872 г. и в последующие годы в кн.: Рейнус Л. М. Ф. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971. О священнике И. Румянцеве см. также некролог «Друг Достоевского» («Новости», 1905 12/25 февраля, № 36) и статью А. В. Круглова «Поездка в Старую Руссу» (*ИВ*, 1895, № 4), где приводятся краткие воспоминания самого И. Румянцева о встречах с Достоевским в Старой Руссе.

[135] *Рохель (Ройхель)* Александр Ансельмович — доктор, директор Старорусских минеральных вод, автор кн. «Старорусские минеральные воды» (СПб., 1880), имевшейся в библиотеке Достоевского. См. о нем: *Воспоминания Достоевской*, 223—225, 228.

[136] *Шенк Н. А.* — главный военный врач Петербурга, приезжавший в Старую Руссу с больными солдатами, автор статьи «О Старорусских минеральных водах» («Современный лечебник», 1875, январь). См. о нем: *Воспоминания Достоевской*, 224, 228, 235—236.

[137] 200-летие со дня рождения Петра I.

[138] Письма Достоевского к И. И. Румянцеву не сохранились.

29

[139] Протопоп Иван *Смелков* был родственником проф. М. И. Владиславлева, женатого на племяннице Достоевского. Л. М. Рейнус на основании черновиков романа «Бесы» предполагает, что Смелков изображен писателем в романе «Бесы» в сцене пожара (глава «Окончание праздника») в толпе, окружавшей губернатора Лембке (Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971, с. 20).

[140] Имеется в виду третья часть романа «Бесы».

[141] Уезжая в Петербург на операцию Любы, Достоевские оставили И. И. Румянцеву на расходы 25 рублей.

30

[142] Сестра Анны Григорьевны М. Г. *Сватковская* (род. в 1841 г.) умерла в Риме 1 мая 1872 г. Ее муж, чиновник Павел Григорьевич Сватковский, не сообщил о смерти ее родным, и только случайно о кончине сестры узнал И. Г. Сниткин. «Мы с братом на первых порах решили скрывать от мамы смерть сестры, — пишет Анна Григорьевна. — Я предполагала уговорить маму поехать со мной в Руссу и хотела уже там сказать ей о случившемся несчастии, постепенно подготовив ее к печальной вести. Рассчитывала я в этом случае и на помощь своего мужа, всегда

очень дружного с моею матерью и имевшего влияние на нее. Но Федор Михайлович изо всех сил восстал против нашего плана, считая, что исполнение его только усугубит горе нашей матери. Он убедил нас в необходимости сказать ей теперь же, когда она может разделить свое горе с осиротевшими внуками» (*Воспоминания Достоевской*, 233).

[143] Письмо не сохранилось.

[144] Лилиной ручке.

31

[145] *Достоевская* Александра Михайловна (1835—1889) — младшая сестра Ф. М. Достоевского. У писателя с ней были более холодные отношения, чем с другими членами семьи. В 1854 г. Александра Михайловна вышла замуж за полковника Н. И. Голеновского, служившего в Павловском кадетском корпусе. После его смерти (13 IV 1872) вторично вышла замуж за В. В. Шевякова.

32

[146] Письмо не сохранилось.

[147] Имеются в виду предстоящие роды О. К. Сниткиной.

[148] После операции, произведенной Любе хирургом И. М. Барчем в Максимилиановской лечебнице, девочка должна была вместе с матерью оставаться в лечебнице три недели. У Анны Григорьевны было желание переехать к кому-нибудь из родных.

33

[149] Письмо не сохранилось.

[150] См. примеч. 133 на с. 406 и примеч. 148.

[151] *Гламма* (*Глама*) Николай Леонтьевич — доктор Максимилиановской лечебницы, ассистировавший И. М. Барчу во время операции Любы Достоевской. О нем см.: *Воспоминания Достоевской* (по указателю имен).

34

[152] Письмо не сохранилось.

[153] *Сниткин* Михаил Николаевич (1837—?) — двоюродный брат Анны Григорьевны, врач-педиатр, автор книг и статей по детским болезням, в 70-е годы служил в Министерстве внутренних дел. О нем см.: *Воспоминания Достоевской* (по указателю имен).

35

[154] Письмо не сохранилось.

[155] См. примеч. 153.

[156] Речь идет о третьей части «Бесов».

36

[157] П. А. Исаев.

37

[158] В квартире М. Н. Сниткина.

[159] *Достоевский* Николай Михайлович (1831—1883) — младший брат писателя,

по образованию гражданский инженер и архитектор, служил первое время в Ревеле, затем в Петербурге, но уже в начале 60-х годов был без службы по болезни. Он страдал предрасположением к запою. Ф. М. Достоевский всегда относился к нему с особенной любовью и состраданием, постоянно помогал ему, почти нищенствовавшему всю свою жизнь. А. Г. Достоевская вспоминает: «Как ни малы были наши средства, Федор Михайлович считал себя не вправе отказывать в помощи брату Николаю Михайловичу, пасынку, а в экстренных случаях и другим родным. Кроме определенной суммы (пятьдесят рублей в месяц), „брат Коля" получал при каждом посещении по пяти рублей. Он был милый и жалкий человек, я любила его за доброту и деликатность и все же сердилась, когда он учащал свои визиты под разными предлогами: поздравить детей с рождением или именинами, беспокойством о нашем здоровье и т. п.» (*Воспоминания Достоевской*, 217). О Н. М. Достоевском см.: *Волоцкой*, 348—355. См. также в настоящем издании письма Анны Григорьевны к Н. М. Достоевскому.

38

[160] Письмо не сохранилось.

[161] Достоевский должен был представить в «Русский вестник» еще весною, самое позднее летом, первую половину третьей части «Бесов» (см. письмо Достоевского к Н. А. Любимову от 19 VII 1872 — *Письма*, III, 42—43).

[162] Путь в Старую Руссу из Петербурга проходил по железной дороге до станции Чудово, затем на пароходе по Волхову до Новгорода и дальше на другом пароходе по озеру Ильмень и реке Полисти до Старой Руссы.

39

[163] Достоевский поехал в Москву для переговоров относительно публикации третьей части «Бесов» в двух последних книжках «Русского вестника» за 1872 г.

[164] Политический и литературный журнал-газета, издававшийся в Петербурге с 1872 г. князем В. П. Мещерским. Очевидно, у Достоевского уже возникло желание стать редактором «Гражданина» и он интересуется его номерами. Именно в это время в «Гражданине» помещается объявление об альманахе, издающемся при журнале, с участием Достоевского («Гражданин», 1872, № 26), а через месяц, в ноябре 1872 г., на одной из «сред» у Мещерского Достоевский предлагает взять на себя редактирование «Гражданина» (см.: Мещерский В. П. Мои воспоминания, ч. II. СПб., 1898, с. 175—176). Подробнее о работе Достоевского в «Гражданине» см. на с. 70—96 наст. изд.

[165] *Веселовский* Владимир Иванович — адвокат, член Московского окружного суда, с 1868 г. официальный опекун (совместно с А. М. Достоевским) впавшей в детство тетки Достоевского А. Ф. Куманиной. Из письма Достоевского к В. И. Веселовскому от 14/26 августа 1869 г. (*Письма*, IV, 286—288) видно, что Достоевский, со слов А. Н. Майкова (см. письмо А. Н. Майкова к Достоевскому от 7 VIII 1869 — *Письма*, II, 458), считал опекуном А. Ф. Куманиной вместе с В. И. Веселовским не А. М. Достоевского, а Н. М. Достоевского, в связи с чем, очевидно, и хотел просить у В. И. Веселовского в счет опекунской доли 140 руб. для больного Николая Михайловича. О В. И. Веселовском см. подробно в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского (Л., 1930, с. 318—319).

[166] В конце апреля—первой половине мая 1872 г. художник Василий Григорьевич *Перов* (1833—1882) писал портрет Достоевского, заказанный Павлом Михайловичем Третьяковым (1832—1898) для его картинного собрания. «Перов навещал нас каждый день в течение недели; заставал Федора Михайловича в самых различных настроениях, беседовал, вызывал на споры и сумел подметить самое характерное выражение в лице мужа, именно то, которое Федор Михайлович имел, когда был погружен в свои художественные мысли. Можно бы сказать, что Перов уловил на портрете „минуту творчества Достоевского" ‹...› Перов был умный и милый

человек, и муж любил с ним беседовать. Я всегда присутствовала на сеансах и сохранила о Перове самое доброе воспоминание» (*Воспоминания Достоевской*, 219—220). О своей работе над портретом Достоевского В. Г. Перов сообщал в письмах к П. М. Третьякову (см.: Письма художников П. М. Третьякову. 1870—1879. М., 1968, с. 76—77). Достоевский дважды пишет о творчестве Перова: первый раз по поводу его картины «Проповедь на селе» в статье «Выставка в Академии художеств за 1860—1861 гг.» (статья, приписываемая Достоевскому, — см.: *Достоевский, 1926—1930*, XIII, 544—545) и второй раз об «Охотниках на привале» в «Дневнике писателя» за 1873 г. в статье «По поводу выставки» (там же, XI, 73—74). Подробнее о работе В. Г. Перова над портретом Достоевского см. в статье И. С. Зильберштейна «Новонайденные и забытые письма Достоевского» (*ЛН, т. 86*, 118—124).

40

[167] После короткой остановки в Европейской гостинице в Москве Достоевский переехал к Е. П. Ивановой. См. о ней примеч. 6 на с. 390.

[168] Роман «Бесы» в ноябрьской и декабрьской книжках «Русского вестника» за 1872 г.

[169] По всей вероятности, речь идет о той части «Бесов», где рассказывается о забастовке рабочих (глава 10 «Флибустьеры. Роковое утро»).

[170] Главы 3-й части «Бесов», присылавшиеся в течение всего лета.

[171] См. примеч. 166 к предыдущему письму, а также: Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951; Белов С. В. Несобранные письма Достоевского. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971; Зильберштейн И. С. Новонайденные и забытые письма Достоевского. — *ЛН, т. 86*, — где приводится письмо Достоевского к П. М. Третьякову от 14 VI 1880, не вошедшее в 4-томное собрание «Писем» под ред. А. С. Долинина.

[172] См. примеч. 121 на с. 405.

[173] С. А. Иванова.

[174] М. А. Иванова.

41

[175] Братья *Мясниковы*, Александр и Иван Константиновичи, обвинялись в подлоге и подделке завещания купца Беляева. Дело слушалось в Петербургском окружном суде с 17 по 23 февраля 1872 г. Обвинителем выступал А. Ф. Кони (см. его речь в кн.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 3. М., 1967, с. 174—231). Присяжные вынесли оправдательный приговор. По протесту прокурора Сенат отменил оправдательный приговор, и дело было направлено в Московский окружной суд, который в октябре 1872 г. вновь вынес оправдательный приговор. См.: Иванов В. К. Взгляд на дело Мясниковых с общественной точки зрения. СПб., 1872.

[176] По просьбе брата Николая Михайловича Достоевский должен был встретиться с адвокатом В. И. Веселовским по делу о куманинском наследстве.

1873

42

[177] 19 мая 1873 г. Достоевский выехал в Москву с целью предпринять усиленные хлопоты по делу о наследстве А. Ф. Куманиной.

[178] См. примеч. 116 на с. 404.

[179] *Шеры*: Владимир Дмитриевич, архитектор, и Сергей Дмитриевич, врач, двоюродные братья Достоевского, претенденты на наследство А. Ф. Куманиной. Заве-

щание Куманиной оспаривалось Достоевским по той причине, что Шеры являлись *единокровными*, а не *единоутробными* родственниками покойной: дети единокровной сестры Куманиной — Ольги Федоровны (1815—1895), рожд. Нечаевой (от второго брака деда Достоевских, Федора Тимофеевича, с Ольгой Яковлевной Антиповой), бывшей замужем за Дмитрием Александровичем Шером. См. опубликованный Л. Р. Ланским проект письма Ф. М. Достоевского, его брата Николая Михайловича и племянника — Федора Михайловича младшего — к Б. Б. Полякову, где уясняются подробности продолжительной тяжбы, в которую втянут был Достоевский (*ЛН, т. 86*, 432). См. также: Ильин Н. Достоевский в споре за куманинское наследство. — В кн.: Звенья, т. IX. М.—Л., 1951, с. 547—559.

[180] *Достоевская* (по мужу Карепина) Варвара Михайловна (1822—1893), сестра писателя. По свидетельству Анны Григорьевны, Достоевский «особенно любил старшего брата Мишу и старшую сестру Вареньку» (*Воспоминания Достоевской*, 89). См. также письмо Варвары Михайловны к Достоевскому от 1 I 1881 в статье Л. Ланского «Утраченные письма Достоевского» («Вопросы литературы», 1971, № 11, с. 219).

[181] По завещанию Варвара Михайловна должна была получить такую же сумму, как и Шеры. Из письма В. М. Карепиной к А. М. Достоевскому от 28 мая 1873 г. видно, что она действительно боялась, что в случае опровержения завещания она ничего не получит из наследства Куманиной (*ЛН, т. 86*, 430—432).

[182] *Достоевский* Андрей Михайлович (1825—1897), младший брат писателя, по образованию гражданский инженер. Достоевский констатирует в отношениях с братом Андреем некую «прохладу» вследствие «обособленности». «Брат Андрей Михайлович, — пишет он 17 IX 1869 Майкову, — довольно в далеких со мной отношениях (хотя и без малейших неприятностей)» (*Письма*, II, 214). В 1875 г. А. М. Достоевский приступил впервые к составлению своих «Воспоминаний», которые были изданы в 1930 г. Это не только главный, но в сущности почти единственный источник биографии молодого Достоевского.

[183] См. примеч. 165 на с. 409. В письме Достоевского к брату Андрею Михайловичу из Дрездена от 16/28 декабря 1869 г. подробно изложена вся история, связанная с завещанием Куманиной и попыткой его оспорить (*Письма*, IV, 288—293).

[184] Московский адвокат, очевидно, друг детства брата писателя Николая Михайловича Достоевского.

[185] Николай Михайлович Достоевский.

[186] См. примеч. 10 на с. 391.

[187] *Иванов* Виктор Александрович (1854—1919), племянник писателя, сын В. М. Достоевской (Ивановой), инженер путей сообщения.

[188] Имение родителей писателя в Тульской губернии, доставшееся по наследству В. М. Достоевской (Ивановой).

43

[189] Анна Григорьевна была с детьми в Старой Руссе, а Достоевский, занятый редакционной работой в «Гражданине», оставался в Петербурге, лишь на несколько дней выезжая к семье.

[190] Письмо не сохранилось.

[191] И. Румянцева.

[192] Дача у И. Румянцева, которую Достоевские снимали в 1872 г., была занята, и Анна Григорьевна поселилась в доме А. К. Гриббе, на набережной реки Перерытицы. Последующие годы, за исключением нескольких месяцев 1874—1875 гг., Достоевские жили в Старой Руссе в этом доме и впоследствии приобрели его.

[193] Речь идет о привлечении Достоевского к судебной ответственности за статью князя В. П. Мещерского «Киргизские депутаты в С.-Петербурге», напечатанную в «Гражданине», № 5, от 29 января 1873 г. В этой статье сообщалось о комическом эпизоде, случившемся во время приема Александром II киргизских депутатов: «Старший из депутатов, Султан Магомет <...> начал произносить речь, которая была им самим от имени всего народа составлена: произнес первоначально твердо

и правильно: „Ваше императорское величество“, — но на этих словах, когда государь возразил: „А ты говоришь по-русски?“, — Магомет до того переконфузился, что далее мог произнести тихо только несколько слов по-киргизски из приготовленной благодарственной речи и потом положительно онемел». Однако этот сам по себе совершенно невинный эпизод не мог быть оглашен без особого разрешения министра императорского двора. Редакция «Гражданина» таким разрешением не располагала, и председатель СПб. цензурного комитета обратился к прокурору СПб. окружного суда с предложением возбудить преследование против отставного поручика Ф. М. Достоевского по ст. 1024 Уложения о наказаниях. (см.: Творчество Достоевского. Одесса, 1921, с. 69—71). Суд над Достоевским состоялся утром 11 июня 1873 г. Достоевский не признал себя виновным; его защитник, присяжный поверенный, председатель Литературного фонда В. П. Гаевский, заявил, что цензурный комитет вообще не имел юридического права возбуждать дело (см.: «Голос», 1873, 13 июня, № 162). Однако Достоевский был приговорен к двум дням ареста, который все время откладывался благодаря содействию тогдашнего прокурора СПб. окружного суда А. Ф. Кони, который, как пишет А. Г. Достоевская, «сделал все возможное, чтобы арест мужа произошел в наиболее удобное для него время» (*Воспоминания Достоевской*, 253). Достоевский отбыл арест на гауптвахте на Сенной площади 21 и 22 марта 1874 г. Об этом эпизоде А. Ф. Кони рассказал в своем мемуарном очерке «Ф. М. Достоевский»; правда, он неточно указывает, что Достоевский был осужден за напечатание «сведения о путешествии государя» (см.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 6. М., 1968, с. 432).

[194] *Александров* Михаил Александрович, познакомившийся с Достоевским во время работы метранпажем в типографии, где печатался журнал «Гражданин». Затем Александров работал метранпажем в типографии В. В. Оболенского, где в 1876—1877 гг. печатался «Дневник писателя» Достоевского. М. А. Александров оставил ценные и обширные воспоминания о встречах с Достоевским в 1872—1881 гг. (см.: «Русская старина», 1892, № 4, 5).

[195] *Мещерский* Владимир Петрович (1839—1914) — писатель и публицист. В конце 1872 г. он решил привлечь Достоевского в качестве редактора «Гражданина». Согласие Достоевского редактировать «Гражданин» было вызвано не только растроенным материальным положением писателя, но и его стремлением непосредственно включиться в литературную и политическую борьбу. Принимая решение стать редактором еженедельника, Достоевский надеялся на полную свободу действий и независимость. Однако опека и частое вмешательство Мещерского, усилившиеся нападки петербургской прессы мало способствовали свободной редакторской деятельности (см. об этом «Воспоминания о Достоевском» Вс. Соловьева: *Достоевский в воспоминаниях, II*, 196—197) Постепенно обострились и внутренние разногласия; особенно острое «идеологическое» столкновение между Достоевским и Мещерским, приведшее к разрыву, произошло в связи со статьей последнего, в которой была высказана мысль о желательности установления надзора за студенческой молодежью. Достоевский возмущенно писал Мещерскому в ноябре 1873 г.: «Ваша мысль глубоко противна моим убеждениям и волнует сердце» (*Письма*, III, 88). О работе Достоевского в «Гражданине» см.: Мещерский В. П. Мои воспоминания, ч. I. СПб., 1898 (крайне тенденциозные воспоминания, в которых Мещерский сознательно умолчал о столкновениях и расхождениях с Достоевским); мемуары В. В. Тимофеевой (О. Починковской) и М. А. Александрова в кн.: *Достоевский в воспоминаниях, II*, и специальную работу В. В. Виноградова «Ф. М. Достоевский как редактор „Гражданина“ и автор анонимных фельетонов в нем» в кн.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 556—576.

[196] Владелец типографии, в которой печатался «Гражданин», на углу Невского проспекта и Владимирской улицы.

[197] См. примеч. 11 на с. 391.

[198] *Кашпиревы:* Василий Владимирович (1836—1875), издатель журнала «Заря», где был напечатан «Вечный муж» Достоевского, и его жена Софья Сергеевна (?—после 1916), редактор и издатель детского журнала «Семейные вечера», — многолетние друзья Достоевского и почитатели его таланта.

44

[199] Письмо не сохранилось.

[200] А. С. Долинин предполагает (см.: *Письма*, III, 305), что это статья в № 25 «Гражданина» за 18 июня 1873 г. «По поводу новой драмы» («Дневник писателя» за 1873 г.).

[201] Сниткин Иван Григорьевич, брат А. Г. Достоевской.

[202] Хозяин дома на углу Лиговской улицы и Гусева переулка, граф *Сливчанский*. Достоевские жили в его доме с зимы 1873 до мая 1874 г. «Выбор квартиры был неудачен, — пишет Анна Григорьевна, — комнаты были небольшие и неудобно расположенные, но так как мы переехали среди зимы, то пришлось примириться со многими неудобствами. Одно из них было — беспокойный характер хозяина нашего дома. Это был старичок очень своеобразный, с разными причудами, которые причиняли и Федору Михайловичу и мне большие огорчения» (*Воспоминания Достоевской*, 253). О Сливчанском Достоевский пишет подробно Анне Григорьевне в письме от 19 VIII 1873.

[203] Прислуга в доме Достоевского.

45

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[204] Мать Анны Григорьевны.

[205] Неустановленное лицо.

[206] Письмо не сохранилось.

[207] Сестра писателя Вера Михайловна Достоевская (Иванова).

[208] *Казанские*: Александра Дмитриевна (урожд. Шер), двоюродная сестра писателя, и ее муж Павел Петрович, капитан Генерального штаба, позднее генерал, — претенденты на наследство А. Ф. Куманиной, которым по ее завещанию было оставлено несколько тысяч рублей (см.: *ЛН, т. 86*, 430—432). Судя по письму племянника писателя А. А. Достоевского к своему отцу от 30 X 1877, П. П. Казанский в борьбе за наследство между Шерами и Ф. М. Достоевским в конце концов перешел на сторону последнего (*ЛН, т. 86*, 459). В московской газете «Современные известия» (1873, 12 июня, № 159) действительно появилось объявление о том, что в Окружном суде «на 12 июня назначено дело об утверждении в правах наследства гг. Шер и Казанской».

[209] С философом и критиком Николаем Николаевичем *Страховым* (1828—1896) Достоевский познакомился в декабре 1859 г., сразу же после возвращения в Петербург из ссылки. С 1861 г. Страхов был ближайшим сотрудником журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». Несмотря на всю идейную близость Достоевского и Страхова, они все же никогда по-настоящему не были близки друг другу. Это особенно ярко вскрылось в известном письме Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. (см.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, с. 307—310), в котором Страхов, оклеветав Достоевского, кается в том, что так односторонне обрисовал фигуру писателя в своих «Воспоминаниях» о нем (см.: *Биография*, 177—329). Но и в «Воспоминаниях» Страхова о Достоевском уже намечалась (правда, очень осторожно) «обличительная» тенденция, так полно развившаяся в письме к Толстому. И сам Достоевский далеко не идеализировал Страхова. Почувствовав охлаждение к нему Страхова в связи с публикацией романа «Подросток» в «Отечественных записках» Некрасова, Достоевский писал Анне Григорьевне 12 II 1875: «Это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня, именно с падением „Эпохи“, и прибежал только после успеха „Преступления“» (см. с. 155 наст. изд.). См. также *ЛН, т. 83*, с. 620, где впервые опубликован отрицательный отзыв Достоевского о Страхове как об одном из «литературных типов наших», которых «надо обличать и обнаруживать неустанно». Об отношениях Достоевского и Н. Н. Страхова см. статью А. С. Долинина в его книге «Последние романы Достоевского» (М.—Л., 1963, с. 307—343) и статью Л. М. Розенблюм «Творческие днев-

ники Достоевского» (*ЛН, т. 83*, 16—23). О письме Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. см. *Воспоминания Достоевской*, 395—406.

210 Управляющий делами В. П. Мещерского.

211 В. П. Мещерский.

212 В третьем и четвертом томах «Писем» Достоевского напечатано 13 писем Достоевского к секретарю редакции «Гражданина», писателю и публицисту Виктору Феофиловичу *Пуцыковичу* (1843—1909), и одно письмо от 23 августа/4 сентября 1879 г. опубликовано С. В. Беловым в «Вопросах литературы» (1967, № 5, с. 167—169). Пуцыковичу принадлежат воспоминания о Достоевском, достоверность которых находится под вопросом; см.: О Ф. М. Достоевском. (Из воспоминаний о нем). — «Новое время», 1902, 16 января, № 9292; Предсказания Ф. М. Достоевского о конституции и революции в России. (Из моих воспоминаний). — «Берлинский листок», 1906, 25 января, № 2, 12 марта, № 3; Из воспоминаний о Достоевском. — «Московские ведомости», 1910, 28 января, № 22. Как видно из указанного выше письма Достоевского к Пуцыковичу от 23 августа/4 сентября 1879 г., их отношения не всегда носили такой дружественный характер, как это представляет Пуцыкович в своих воспоминаниях.

213 Государственный и общественный деятель, писатель и публицист Тертий Иванович *Филиппов* (1825—1899) был активным сотрудником «Гражданина». Его славянофильские идеи и концепции по восточному и церковному вопросам произвели большое впечатление на Достоевского в эпоху «почвенничества» (вероятно, не без участия Аполлона Григорьева). В ноябре 1871 г. Достоевский через А. Н. Майкова обращается за консультацией к Т. И. Филиппову как к знатоку церковной истории, и с этого времени между ними начинается духовное сближение и дружба (см.: *ЛН, т. 15*, 149—156, где опубликованы письма Т. И. Филиппова к Достоевскому).

214 См. примеч. 193 на с. 411.

46

215 Письма не сохранились.

216 Речь идет о брате Вл. С. Соловьева, авторе исторических романов Всеволоде Сергеевиче *Соловьеве* (1849—1903). Это был один из самых восторженных почитателей Достоевского, разделявший его взгляды на многие вопросы современности (см. первое письмо Вс. Соловьева к Достоевскому от 28 XII 1872 в комментариях А. С. Долинина: *Письма*, III, 298—300). Знакомство Достоевского с Вс. Соловьевым, состоявшееся в январе 1873 г., перешло в долголетнюю дружбу. О встречах и беседах с писателем Вс. Соловьев рассказал в «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» (*ИВ*, 1881, № 3, 4). Вс. Соловьеву принадлежат также статьи: Ф. М. Достоевский. — «Нива», 1878, № 1; Памяти Ф. М. Достоевского. — «Нива», 1891, № 7.

47

217 Из Старой Руссы.

218 Речь идет о судебном приговоре по поводу напечатанной в «Гражданине» статьи В. Мещерского о киргизских депутатах (см. примеч. 193 на с. 411).

219 См. примеч. 210.

220 *Печаткин* Вячеслав Петрович (1819—1898), владелец книжного склада в Петербурге.

221 См. примеч. 212.

222 Сотрудник редакции «Гражданина», ведавший в журнале библиографическим отделом.

223 *Тришин* Иван Ларионович, петербургский ростовщик. См. о нем в переписке современников Достоевского — *ЛН, т. 86*.

224 См. примеч. 202 на с. 413.

[225] А. С. Долинин предполагает, что деньги были специально посланы на имя священника И. Румянцева, а не на имя Анны Григорьевны для того, чтобы о них не узнали хозяева дачи, которым Достоевские были должны за нее (*Письма.* III, 307). Согласно статье 12 Устава о паспортной системе в России, жена вносилась в вид на жительство, т. е. в паспорт, мужа. Отдельный вид, «твердый паспорт», замужние женщины могли получить только с согласия мужа. Это положение существовало до 12 марта 1914 г., когда был издан закон о раздельном жительстве супругов, в силу которого замужние женщины, независимо от их возраста, могли получать отдельный вид на жительство без согласия их мужей.

[226] Хозяевами дачи в Старой Руссе были Александр Карлович *Гриббе* (1806—1876), отставной подполковник, и его жена Анна Гавриловна. Анна Григорьевна пишет об А. К. Гриббе как о человеке «всегда так сердечно относившемся к нашей семье» (*Воспоминания Достоевской*, 310), Достоевский в письмах, посылаемых в Старую Руссу, неизменно передавал «привет Александру Карловичу». Л. М. Рейнус предполагает очевидную связь между отставным подполковником в «Братьях Карамазовых», некогда построившим садовую беседку, в которой потом произошла встреча Дмитрия и Алеши, и реально существовавшим подполковником А. К. Гриббе (Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971, с. 24).

[227] Письмо не сохранилось. О Вс. С. Соловьеве см. примеч. к предыдущему письму.

[228] См. примеч. 132 на с. 406.

48

[229] Письмо не сохранилось.

[230] *Образцов* — купец, отчим О. К. Сниткиной.

[231] Лицо неустановленное.

[232] Сблизившись с Достоевским в год работы писателя в «Гражданине», Константин Петрович *Победоносцев* (1827—1907) поддерживал тесные отношения с ним до конца его жизни. Между ними было, по выражению Победоносцева, «много задушевных речей». Победоносцев возлагал большие упования на Достоевского, пытался влиять на направление его творчества, стремился использовать талант писателя и публициста в охранительных целях. Он писал после смерти Достоевского к будущему императору Александру III: «Смерть Достоевского — большая потеря для России. В среде литераторов он едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, — блуждающее, как овцы без пастыря, — к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благодетельно» («Красный архив», т. II, 1923, с. 252). В известной мере Достоевским — автором «Дневника писателя» — Победоносцев мог быть довольным; именно реакционные тенденции публицистики Достоевского 70-х годов и имел в виду Победоносцев в письме к Александру III. Но Достоевский-художник, романист внушал тревогу Победоносцеву; наиболее ярко это проявилось в его письме к Достоевскому по поводу 5-й книги «Братьев Карамазовых» «Pro и contra». Победоносцев даже советует предать огню бунтарские страницы романа. «Когда художнику не удалась его статуя, или он не доволен, весь металл идет опять в горнило. Впрочем и то сказать, что всякий художник творит по-своему, и вы, если бы выждали, может быть, никогда и не решились бы выпустить свое произведение» (*ЛН, т. 15*, 139). Об отношениях Достоевского и Победоносцева см.: Гроссман Л. П. Достоевский и правительственные круги 70-х годов. — *ЛН, т. 15*, 83—163; Byrnes R. F. Dostoevsky and Pobedonostzev. — In: Essays in Russian and Soviet History. New York, 1963, p. 85—102; Туниманов В. А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя». — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972, с. 165—210.

[233] Речь идет о «Маленьких картинках», напечатанных в № 29 «Гражданина» от 16 июля 1873 г.

[234] Ожидаемое приданое О. К. Сниткиной.

49

[235] Письмо не сохранилось.

[236] См. примеч. 233.

50

[237] Наталья — кухарка в доме Достоевского.

[238] Статья князя Мещерского «По поводу помолвки дочери Александра II, Марии Александровны, с английским принцем Альфредом Великобританским» («Гражданин», 1873, 23 июля, № 30).

[239] *Достоевский* Михаил Михайлович (1846—1896) — младший сын М. М. Достоевского, учился в Петербургской консерватории по классу скрипки, с 1869 г. служил в банке, а с 1875 — в Обществе взаимного кредита. См. о нем: *Волоцкой* (по указателю имен).

[240] *Клейн* Иван Иванович (?—1899), петербургский книгопродавец, продававший сочинения Достоевского.

[241] Племянник А. Г. Достоевской, сын И. Г. и О. К. Сниткиных. Лечился в детстве у известного русского педиатра-клинициста Карла Андреевича Раухфуса (1835—1915).

51

[242] Письмо не сохранилось.

[243] Речь идет о публикации в «Гражданине» статьи Мещерского «По поводу помолвки...» (см. примеч. к предыдущему письму). Письмо Мещерского к Достоевскому и ответ Достоевского не сохранились.

[244] *Белов* Евгений Александрович (1826—1896) — педагог, историк-славянофил, в 1873 г. был одним из деятельных сотрудников «Гражданина» по отделу «Библиографии». Ему принадлежит несколько рецензий в «Гражданине» за 1873 г. (№ 21, 26, 30, 31, 32). Интересно, что в молодости Е. А. Белов увлекался утопическим социализмом и в своем мировоззрении фактически проделал ту же эволюцию, что и Достоевский. См.: *ЛН, т. 83*, 341, где опубликованы отрывки из писем Белова к Достоевскому, свидетельствующие об их размолвке в 1873 г. по идеологическим мотивам.

[245] Статьи для очередного номера «Гражданина» Достоевский не написал, а следующий его «Дневник писателя» за 1873 г. под заглавием «Учителю» появился лишь в № 32 «Гражданина» от 6 августа 1873 г.

[246] Кухарка в доме Достоевского.

[247] Няня в доме Достоевского. Анна Григорьевна пишет о ней в своих «Воспоминаниях»: «Федор Михайлович очень дорожил Прохоровной за ее горячую любовь к нашему мальчику. О ней муж часто упоминал в письмах ко мне и выставил ее в романе «Братья Карамазовы» в виде старушки, подавшей за упокой души живого сына, от которого не получала известий. Федор Михайлович отсоветовал ей делать это и напророчил скорое получение письма, что действительно и случилось» (*Воспоминания Достоевской*, 272).

52

[248] Письмо не сохранилось.

[249] *Бретцель* Яков Богданович (1842—1918) — петербургский врач, лечивший Достоевского. Окончил Медико-хирургическую академию и много лет работал в Петербурге. Присутствовал при последних минутах жизни Достоевского. О своем знакомстве с писателем, о лечении его и смерти Бретцель оставил воспоминания: О Достоевском. Публикация Н. З. Серебряной. — *ЛН, т. 86*, 309—314.

[250] См. примеч. 230 на с. 415.

[251] Мать О. К. Сниткиной.

[252] См. примеч. 29 на с. 393—394.

[253] Речь идет об Александре III (тогда еще наследнике), который был в Англии в гостях у английской королевы.

[254] Возможно, Достоевский решил откликнуться на смерть Ф. И. Тютчева, последовавшую 15 июля 1873 г. Статьи Достоевский не написал, но, несомненно, имел отношение к редакционной заметке в «Гражданине» (1873, 23 июля, № 30): «Некролог. 15 июля в Царском Селе скончался Федор Иванович Тютчев, сильный и глубокий русский поэт, один из замечательнейших и своеобразнейших продолжателей Пушкинской эпохи. С горечью сообщая об этой утрате читателям, мы имеем в виду в непродолжительном времени, в отдельной статье, по возможности, оценить поэтическую деятельность покойного поэта». Статья Мещерского о Тютчеве под названием «Свежей памяти Ф. И. Тютчева», с редакторскими поправками Достоевского, была напечатана в № 31 «Гражданина» от 30 июля 1873 г. (см. об этом: Бельчиков Н. Ф. Достоевский о Тютчеве. С прилож. статьи В. Мещерского «Свежей памяти Ф. И. Тютчева». — «Былое», 1925, № 5, с. 154—162).

[255] Как видно из ответного письма Анны Григорьевны, речь идет о журнале «Дело», 1873, № 3, 4, в котором была напечатана статья критика Петра Никитича *Ткачева* (1844—1886) «Больные люди» о романе Достоевского «Бесы».

53

[256] См. письмо Достоевского от 23 VII 1873.

[257] Анна Григорьевна иронизирует над статьей П. Н. Ткачева «Больные люди».

[258] Речь идет о романе «Бесы», экземпляры которого Достоевский отпускал в долг для продажи книгопродавцу Клейну.

54

[259] Поправки Достоевского сводились в основном к двум мыслям: Тютчев «не переставал ни на минуту чувствовать, что все прекрасное и великое в человеческом обществе — есть вечное...» и «он чтил свободу русского народа и был одинок» (см.: Бельчиков Н. Ф. Достоевский о Тютчеве. С прилож. статьи В. Мещерского «Свежей памяти Ф. И. Тютчева». — «Былое», 1925, № 5, с. 154—162).

[260] Перечисляются кредиторы Достоевского, владельцы разных отраслей типографского, бумажного и печатного дела в Петербурге.

[261] Имение И. Г. Сниткин купил весною 1874 г. в Курской губернии около города Мирополья.

55

[262] Большая деревня у озера Ильмень, на берегу Ловати.

[263] *Вольф* Маврикий Осипович (1825—1883) — русский издатель и книготорговец. В 1853 г. основал собственную книжную торговлю. В 1882 г. основал на паях издательство, вскоре ставшее одним из крупнейших в России. Издательство выпустило более 4000 книг по философии, педагогике, литературе, искусству. После смерти Вольфа издательство существовало до 1918 г. как фирма «Товарищество М. О. Вольф». О Вольфе см. подробно в кн.: Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг.—М., 1916; 400 лет русского книгопечатания, т. I. М., 1964.

[264] Речь идет об отдельном издании романа «Бесы». «Этим изданием, — пишет Анна Григорьевна, — было положено основание нашей общей с Федором Михайловичем, а после его кончины — моей издательской деятельности, продолжавшейся тридцать восемь лет» (*Воспоминания Достоевской*, 245).

56

[265] Письмо не сохранилось.

[266] *Корш* Евгений Валентинович (1851—1913) — поверенный брата писателя Н. М. Достоевского. (См. найденный Л. Р. Ланским в ЦГАЛИ договор от 13 июня 1873 г. между Достоевскими и Е. В. Коршем, уполномочившим Корша предъявить законные права Достоевских к наследству Куманиной — *ЛН, т. 86,* 432). А. С. Долинин ошибочно указывает, что это был Ф. А. Корш, адвокат, а затем основатель «театра Корша» в Москве (см.: *Письма*, III, 311).

[267] См. примеч. 159 на с. 408—409.

[268] Александра Михайловна, сестра писателя.

57

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[269] Письмо не сохранилось.

58

[270] Речь идет о письме Достоевского от 13 VIII 1873.

[271] В своих «Воспоминаниях» Анна Григорьевна подробно рассказывает о каторжной работе Достоевского в «Гражданине»: «Я тоже сначала радовалась перемене занятий мужа, полагая, что редактирование еженедельного журнала не может представлять особых трудностей и позволит Федору Михайловичу хоть несколько отдохнуть после почти трехлетней работы над романом „Бесы". Но мало-помалу мы с мужем стали понимать, что он сделал ошибку, решившись приняться за такую неподходящую его характеру деятельность. Федор Михайлович чрезвычайно добросовестно относился к своим редакторским обязанностям и не только сам прочитывал все присылавшиеся в журнал статьи, но некоторые, неумело написанные, вроде статей самого издателя, исправлял, и на это у него уходила масса времени» (*Воспоминания Достоевской,* 251).

59

[272] См. примеч. 202 на с. 413.

[273] См. примеч. 222 на с. 414.

60

[274] Вероятно, описка — должно быть здесь, как и дальше, «с 1 сентября».

1874

61

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[275] Достоевский предпринял поездку в Москву с целью лично переговорить с Катковым относительно условий, на которых «Русский вестник» согласился бы печатать его будущий, вероятно, уже задуманный роман «Подросток».

62

[276] *Мельников-Печерский* Павел Иванович (1819—1883), писатель, автор романов «В лесах» и «На горах», сотрудничавший в «Русском вестнике». Мельников-Печерский и Достоевский никогда не были близки друг с другом. Известно лишь одно сухое, деловое письмо Мельникова-Печерского к Достоевскому от 12 III 1865. См.: Из архива Достоевского. М., 1923, с. 37—40.

63

[277] 4 июня Достоевский выехал из Старой Руссы в Эмс, через Петербург, лечиться от эмфиземы легких, семья же осталась на все лето в Старой Руссе.

[278] Мещерский.

[279] Роман «Идиот», изданный Достоевским в 1874 г., продавался в редакции «Гражданина».

[280] См. примеч. 239 на с. 416.

[281] *Шевяков* Владимир Васильевич (?—1889) — служащий Общества взаимного кредита, второй муж сестры писателя Александры Михайловны, с которой Достоевский был в ссоре из-за наследства тетки А. Ф. Куманиной.

[282] *Надеин* Митрофан Петрович (1839—1916) — издатель, основавший в Петербурге «Книжный магазин для иногородних». М. П. Надеин был тесно связан с народническими кругами. Именно ему поручил вести издательские дела Ф. Ф. Павленков, уезжая в ссылку в Вятскую губернию. После разорения А. Ф. Базунова Достоевский перенес в этот магазин городскую подписку на «Дневник писателя». См. о Надеине некрологи в «Речи» (1916, 27 марта) и в «Биржевых ведомостях» (1916, № 15468), а также письмо Достоевского к М. П. Надеину от 16 X 1876 (*Письма*, III, 247—248) и три неопубликованных письма Надеина к Достоевскому, хранящиеся в *ГБЛ* и *ИРЛИ*.

[283] Рязанское имение, оставшееся после А. Ф. Куманиной, состояло из 6000 десятин в 100 верстах от Рязани, близ посада Спас-Клепики. См. подробнее примеч. 709 на с. 456. Объявление было в «СПб. ведомостях», 1874, 6 июня, № 153.

[284] Объявление появилось в газете «Голос», 1874, 6 июня: «Продается большое имение Рязанской губернии и уезда, 6425 десятин, в том числе с лишком 5000 десятин строевого и дровяного леса, на сплавной реке Пре, впадающей в Оку. В имении залежи торфа и гонка дегтя. Ножовый завод. По имению пройдет Касимовская ветвь Московско-Рязанской железной дороги».

[285] *Губонин* Петр Ионович (1824—1894) — железнодорожный предприниматель и концессионер.

[286] Предложение Надеина, очевидно, не было одобрено и принято Анной Григорьевной, так как среди изданий полных собраний сочинений Достоевского издания Надеина не было.

[287] *Миллер* Орест Федорович (1833—1889) — историк литературы, этнограф, публицист, профессор Петербургского университета. Достоевский сначала относился к Миллеру скептически и несколько неприязненно: «Мы видим омерзительно застаревших либералишек (Оресты Миллеры), износивших свою чужую идейку, почти жалеющих, что состоялось освобождение крестьян и проч.» (*Письма*, III, 319). Сближение их следует, видимо, отнести к моменту появления в печати двух лекций О. Ф. Миллера, упоминаемых в этом письме Достоевским (двух, а не трех). Статьи О. Ф. Миллера были опубликованы в газете «Неделя» (1874, 19 мая и 2 июня). Это были 3-я и 4-я лекции Миллера из цикла «Русская литература после Гоголя (за исключением драматической)», в которых Миллер весьма высоко оценил творчество Достоевского. После смерти писателя Миллер вместе с Н. Н. Страховым готовит первую биографию Достоевского: «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883). См. в *ГБЛ*, ф. 93 письма О. Ф. Миллера к А. Г. Достоевской. См. также два письма О. Ф. Миллера к Достоевскому, опубликованные В. А. Тунимановым в сб. «Достоевский и его время» (Л., 1971, с. 278—279).

[288] Зубной врач. Его фамилия сохранилась в Записной тетради Достоевского (см.: *ЛН*, *т. 83,* 324—325).

[289] *Губин* Василий Иванович — публицист и общественный деятель, поверенный Достоевского по делу, связанному с судебным процессом писателя против издателя Стелловского.

[290] Речь идет о Славянском благотворительном комитете, учрежденном москов-

скими славянофилами еще в начале 1858 г. с целью усилить среди славян влияние России. Членом комитета был и А. Н. Майков.

[291] Тургенев пробыл в России всего около $2^1/_2$ месяцев (приехал в Петербург 7 мая, выехал заграницу 20 июля). См.: Гутьяр Н. М. Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева. СПб., 1910, с. 89—90. По мнению А. С. Долинина, рассказ Страхова о том, что Тургенев «опишет (в новом романе) всех ретроградов», — обычная литературная сплетня, до которой Страхов был особенно падок (*Письма*, III, 325).

[292] В августе 1866 г., после проигрыша на рулетке в Бадене, Достоевский обратился к Тургеневу с просьбой о ста талерах; Тургенев прислал только 50 (см. об этом подробно: *Воспоминания Достоевской*, 301—303).

[293] *Заенчковский* и упоминаемый далее Николай Михайлович *Соковнин* — опекуны издателя Ф. Т. Стелловского. Они и поверенные Достоевского В. И. Губин и Б. Б. Поляков принимали участие в процессе писателя со Стелловским, издавшим в 1870 г. роман «Преступление и наказание» (см. об этом письмо Достоевского к А. Н. Майкову от 30 XII 1870 — *Письма*, II, 306—310).

[294] «Гражданин» выходил до 1878 г. После десятилетнего перерыва Мещерский вновь начал издание под тем же названием.

[295] *Фрёрихс* Фридрих Теодор (1819—1885) — немецкий терапевт, специалист по легочным болезням, профессор Берлинского университета. Его главный научный труд «Klinik der Leberkrankheiten» (Berlin, 1861) был известен во всех европейских странах. В архиве Достоевского в *ГБЛ* сохранился адрес Фрёрихса, записанный писателем 22 июня 1874 г.

[296] См. примеч. 249 на с. 416.

[297] Дмитрий Иванович *Кошлаков* (1835—1891) — профессор Медико-хирургической академии, терапевт, лечивший Достоевского. См. о нем: *Воспоминания Достоевской* (по указателю имен).

[298] Софья Сергеевна Кашпирева. См. примеч. 198 на с. 412.

[299] См. примеч. 1 на с. 390.

[300] См. примеч. 247 на с. 416.

[301] См. примеч. 226 на с. 415.

64

На л. 1 дата «15/27» зачеркнута рукой А. Г. Достоевской и заменена на «13/25 июня» согласно признанию самого Достоевского о путанице чисел (см. след. письмо от 16/28 июня).

[302] Первый раз Достоевский пробыл в Эмсе с 11 (23) июня по 27 июля (8 августа) 1874 г. Подробнее о поездках Достоевского в Эмс в 1874, 1875, 1876 и 1879 гг. см. в специальной работе Н. А. Натовой «Ф. М. Достоевский в Бад Эмсе» (Frankfurt/Main, 1971).

[303] Вероятно, отзыв Достоевского «холодная аллегория» относится к картинам немецкого художника Вильгельма Каульбаха (1805—1874) «Битва гуннов» и «Разрушение Иерусалима», которыми был расписан вестибюль Берлинского королевского музея.

[304] Речь идет об опере Бетховена «Фиделио». Об особенной любви Достоевского к этой опере см. также письмо Достоевского к Анне Григорьевне от 18/30 июля 1875 г., *Воспоминания Достоевской* и книгу А. А. Гозенпуда «Достоевский и музыка» (Л., 1971, с. 109—110).

[305] Опера композитора Джакомо Мейербера (1791—1864) «Роберт-дьявол». Еще в 40-е годы Достоевский был увлечен романтизмом оперы Мейербера. Среди фантастических мечтаний героя «Белых ночей» есть впечатления и от оперы «Роберт-дьявол»: «Восстание мертвецов в Роберте (помните музыку? кладбищем пахнет!)» (*Достоевский, 1972*, II, 116).

[306] Роман, о котором будет идти речь и в дальнейших письмах к жене, — «Подросток».

65

[307] Задержка писем Анны Григорьевны и Достоевского объясняется их перлюстрацией старорусским исправником Готским, которому поручили вести негласный надзор за Достоевским. См. об этом: *Воспоминания Достоевской*, 277—278. Дело о секретном надзоре за Достоевским во время его пребывания в Старой Руссе опубликовано: Жаворонков А. З. и Белов С. В. Дело об отставном подпоручике Федоре Достоевском. — «Русская литература», 1963, № 4. Как установила В. С. Нечаева, секретный надзор с Достоевского был снят летом 1875, о чем сам Достоевский узнал только весной 1880 г. (см.: Нечаева В. С. Когда был снят секретный надзор над Достоевским. — «Русская литература», 1964, № 2). См. также: Коган Г. Ф. Разыскания о Достоевском. III. Достоевский в документах III Отделения (*ЛН, т. 86*, 596—605).

[308] Это письмо, как и упоминаемое далее второе письмо Анны Григорьевны, не сохранилось.

[309] А. С. Долинин отмечает, что «чтение Пушкина в момент размышлений над романом „Подросток" заслуживает особого внимания, поскольку идея подростка Аркадия Долгорукова («стать Ротшильдом») восходит к „Скупому рыцарю" Пушкина» (*Письма*, III, 326). См. также: Бем А. Л. «Скупой рыцарь» в творчестве Достоевского. — В кн.: Пушкинский сборник. Прага, 1929, с. 209—244.

[310] С поэтом и писателем Константином Константиновичем *Случевским* (1837—1904) Достоевский познакомился, вероятно, в 1873 г. у Е. А. Штакеншнейдер. В одном из вариантов к своим «Воспоминаниям» А. Г. Достоевская пишет: «В 1873 г. Ф‹едор› М‹ихайлович› возобновил старинное знакомство с семейством Штакеншнейдер, центром которого была Елена Андреевна, дочь знаменитого архитектора. Она была литературно образована и соединяла у себя по воскресеньям общество литераторов и художников‹...› На ее воскресеньях я встретила Я. П. Полонского, Майкова, Страхова, Аверкиева, Случевского и многих других» (*Письма к жене*, 348). В 1888 г. в 1-м томе Полного собрания сочинений Достоевского был напечатан «Очерк жизни и деятельности Достоевского» К. К. Случевского. В 70-е годы Случевский служил в Главном управлении по делам печати, однако редактором журнала «Иллюстрация» не был (он печатал в нем только свои стихи). Редактором «Иллюстрации», которая с 1863 г. называлась «Иллюстрированная газета», был писатель и критик В. Р. Зотов.

[311] Речь идет об Александре II, который часто гостил в Эмсе, лечась здесь водами вместе со своим дядей, императором Германии и королем Пруссии Вильгельмом.

66

Отрывок из этого письма опубликован Л. Р. Ланским (*ЛН, т. 86*, 440).

[312] Дочери старорусского священника И. Румянцева Анфиса и Софья.

[313] Сын В. В. и С. С. Каширевых.

67

[314] *Шаликова* Наталья Петровна (1815—1878) — дочь писателя П. И. Шаликова. Выступала в литературе под псевдонимом «Е. Нарская»; автор повестей «Елена», «Все к лучшему», «Первое знакомство со светом». По свидетельству Анны Григорьевны, Достоевский встречался с Н. П. Шаликовой еще раньше у М. Н. Каткова (она была сестрой его жены) (*Воспоминания Достоевской*, 263).

[315] Речь идет о несохранившемся письме Анны Григорьевны.

[316] А. С. Долинин предполагает, что в романе «Подросток» соединились 4 сюжета: подростка, Версилова и линии обеих сестер подростка (*Письма*, III, 327). См. также: Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. Изд. подгот. А. С. Долинин. М., 1965 (*ЛН, т. 77*).

[317] Вероятно, речь идет об отзыве Страхова о романе «Бесы» в письме к Достоевскому «Очевидно — по содержанию, по обилию и разнообразию идей Вы у нас первый человек и сам Толстой сравнительно с Вами однообразен... Но очевидно же: Вы пишете большею частью для избранной публики, и Вы загромождаете ваши произведения, слишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они бы действовали сильнее... Этот недостаток, разумеется, находится в связи с Вашими достоинствами. Ловкий француз или немец, имей он десятую долю Вашего содержания, прославился бы на оба полушария и вошел бы первостепенным светилом в Историю Всемирной литературы. И весь секрет, мне кажется, состоит в том, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вместо двадцати образов и сотни сцен остановиться на одном образе и десятке сцен... Мне все кажется, что вы до сих пор не управляете вашим талантом, не приспособляете его к наибольшему действию на публику» («Русский современник», 1924, кн. I, с. 200).

[318] В апреле 1874 г. Некрасов пришел к Достоевскому просить у него роман для «Отечественных записок» на 1875 год и предложил ему по 250 руб. с листа, тогда как «Русский вестник» платил всего 150 руб. Судя по воспоминаниям А. Г. Достоевской, писатель дал свое согласие, оговорив за собой право обратиться вначале в «Русский вестник» М. Н. Каткова, где печатались его предыдущие романы. Однако «Русский вестник» не мог удовлетворить просьбу Достоевского об авансе в 2000 руб., так как потратил большие деньги на покупку у Л. Н. Толстого «Анны Карениной». Некрасов же выразил согласие дать аванс, и вопрос о романе был решен в пользу «Отечественных записок» (см.: *Воспоминания Достоевской*, 259—261).

[319] Иван Смелков, родственник проф. М. И. Владиславлева. См. примеч. 139 на с. 407.

68

[320] С поэтом и критиком Яковом Петровичем *Полонским* (1819—1898) Достоевский сблизился в 1861 г. В журнале «Время» были напечатаны роман в стихах Полонского «Свежее преданье» (1861, № 6, 10; 1862, № 1), а также несколько его стихотворений и заметок. В 70-х годах они встречались в доме Е. А. Штакеншнейдер (см.: Штакеншнейдер Е. Дневник и записки. М.—Л., 1934, с. 454—465), а в зиму 1878—1879 гг. — в доме самого Полонского, на его популярных литературных «пятницах» (см.: Леткова Е. О Ф. М. Достоевском. Из воспоминаний. — В кн.: Звенья, т. I. М.—Л., 1932, с. 459—470).

[321] *Тачалов* Арсений Васильевич (?—1890) — протоиерей православных церквей в Висбадене и Париже, духовный писатель.

69

[322] *Голубева* Екатерина Филипповна (1833—1891) — владелица книжного магазина в Петербурге.

[323] У брата Анны Григорьевны, И. Г. Сниткина.

70

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[324] *Кублицкий* Михаил Егорович (1821—1875) — историк театра и музыковед, автор книг «Опыт истории театра у древнейших народов» (М., 1845), «История оперы» (М., 1874). Имя его Достоевскому было знакомо, вероятно, еще с 1846 года, так как в этом году в журнале «Репертуар и Пантеон», в том самом журнале, где годом раньше была напечатана «Евгения Гранде» Бальзака в переводе Достоевского, Кублицкий поместил одну из первых в России биографий Мольера. О М. Е. Кублицком см.: Русский биографический словарь, т. 9. СПб., 1903, с. 516.

[325] Очевидно, в несохранившемся письме А. Г. Достоевской.

[326] См. письмо Анны Григорьевны от 22 VI 1874.

[327] Речь идет о священнике И. Румянцеве и хозяине старорусской дачи А. К. Гриббе.

71

[328] Таков счет стаканов (5 и 6) в оригинале. Вероятно, или в перечне стаканов, или в общем их количестве Достоевский допустил ошибку.

[329] Упоминаемые здесь адвокат Б. Б. Поляков и поверенный писателя В. И. Губин принимали участие в процессе писателя с издателем Ф. Т. Стелловским.

[330] Речь идет о жене И. Г. Сниткина Ольге Кирилловне.

[331] День рождения Феди был 16 июля. Достоевский пробыл в Эмсе по 27 июля (8 августа) 1874 г.

72

[332] Письмо не сохранилось.

[333] В это лето в Эмсе отдыхали Александр II и его дядя Вильгельм I.

[334] Речь идет о несохранившемся письме Анны Григорьевны.

[335] *Штакеншнейдер* Адриан Андреевич (1841 — после 1916) — брат Елены Андреевны Штакеншнейдер. Анна Григорьевна вспоминает, что «в семье Штакеншнейдеров особенною симпатиею пользовался брат Елены Андреевны, Адриан Андреевич, человек большого ума и искренний почитатель таланта Федора Михайловича. С Адрианом Андреевичем как с талантливым юристом Федор Михайлович советовался во всех тех случаях, когда дело касалось порядков судебного мира, и ему Федор Михайлович обязан тем, что в „Братьях Карамазовых" все подробности процесса Мити Карамазова были до того точны, что самый злостный критик (а таких было немало) не смог найти каких-либо упущений или неточностей» (*Воспоминания Достоевской,* 354—355).

73

[336] Речь идет о братьях Григории Фомиче (1843—1901) и Петре Фомиче (1853—1905) *Пантелеевых*, владельцах типографии в Петербурге, печатавших произведения Достоевского.

74

[337] Достоевский хотел после Эмса заехать в Париж (*Воспоминания Достоевской,* 264).

75

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[338] Причиной задержки писем Анны Григорьевны была перлюстрация их старорусским исправником. См. об этом примеч. 307 на с. 421.

[339] Вспоминая о согласии Достоевского печататься в «Отечественных записках», Анна Григорьевна пишет: «В апреле приезжал к нам Н. А. Некрасов просить Федора Михайловича поместить его будущий роман в „Отечественных записках" на 1875 год. Муж мой был очень рад возобновлению дружеских отношений с Некрасовым, талант которого высоко ставил; были мы оба довольны и тем обстоятельством, что Некрасов предложил цену на сто рублей выше, чем получал муж в „Русском вестнике".

Но в этом деле была и тяжелая для Федора Михайловича сторона: „Отечественные записки" были журналом противоположного лагеря<...> В составе редакции находилось несколько литературных врагов Федора Михайловича: Михайловский, Скабичевский, Елисеев, отчасти Плещеев, и они могли потребовать от мужа измене-

ний в романе в духе их направления. Но Федор Михайлович ни в коем случае не мог поступиться своими коренными убеждениями. Отечественные же записки, в свою очередь, могли не захотеть напечатать иных мнений мужа, и вот при первом сколько-нибудь серьезном разногласии Федор Михайлович, несомненно, потребовал бы свой роман обратно, какие бы ни произошли от этого для нас печальные последствия» (*Воспоминания Достоевской*, 265—266).

[340] Анна Григорьевна вспоминает о словах Достоевского, сказанных им в первые дни их знакомства: «Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими. Когда я вижу во сне покойного брата Мишу, а особенно когда мне снится отец, я знаю, что мне грозит беда» (*Воспоминания Достоевской*, 75). См. также примеч. 94 на с. 402.

[341] Хозяин старорусской дачи А. К. Гриббе.

76

[342] Письмо не сохранилось.

[343] По словам Анны Григорьевны, «на поездку в Париж у Федора Михайловича денег не хватило, но он не мог отказать себе в искреннем желании побывать еще раз в жизни на могилке нашей старшей дочери Сони, память о которой он сохранял в своем сердце. Он проехал в Женеву, побывал два раза на детском кладбище „Plain Palais“ и привез мне с могилки Сони несколько веток кипариса, успевшего за шесть лет разрастись над памятником девочки» (*Воспоминания Достоевской*, 264—265).

[344] *Гамбетта* Леон Мишель (1793—1882) — французский политический деятель, прославившийся как организатор обороны Парижа во время франко-прусской войны, один из основателей Третьей республики. В 1873 г. имя Гамбетты не сходило со страниц русских и зарубежных газет с вопросом о том, кто явится преемником Тьера на посту президента Франции. О Гамбетте Достоевский не раз писал в «Гражданине» в 1873 г. и в «Дневнике писателя» за 1877 г. (см.: *Достоевский, 1926—1930*, XIII, указатель имен) и неоднократно упоминал его имя в записных тетрадях и книжках 1873—1881 гг. (см.: *ЛН, т. 83,* указатель имен).

77

[345] Племянник Достоевского, Михаил Михайлович Достоевский, должен был получить 400 руб. по векселю владелицы книжного магазина в Петербурге Е. Ф. Голубевой. Вероятно, речь идет о плате за купленные Голубевой экземпляры «Бесов» и «Идиота», отдельно изданных А. Г. Достоевской в 1873 г. (см.: *Воспоминания Достоевской*, 244—250, 275).

78

[346] «Дневник лечения в Эмсе», который Достоевский вел в это время и который сохранился в тетради с планами «Подростка», опубликован дважды. См.: *Письма к жене,* 351—352 и *Письма,* III, 331.

79

[347] 17 декабря 1874 г. Анна Григорьевна уехала в Петербург с целью продать экземпляры отдельного собственного издания «Записок из Мертвого дома» (*Воспоминания Достоевской,* 275).

[348] У Александра Ивановича Варгунина (1807—1880), совладельца известной в России писчебумажной фирмы братьев Варгуниных, Достоевские брали в кредит бумагу для собственного издания «Идиота», «Бесов», «Записок из Мертвого дома».

[349] Как указывает А. С. Долинин, Достоевского, скорее всего, беспокоила 3-я глава «Подростка», где воспроизведен процесс долгушинцев и содержится полемика с идеями утопического социализма (*Письма*, III, 337).

[350] Возможно, речь идет о студенческих волнениях и о многочисленных арестах в Петербурге.

[351] У братьев Пантелеевых печатались в это время «Записки из Мертвого дома» в собственном издании Достоевского.

80

[352] Из письма Некрасова к Достоевскому от 18 XII 1874 видно, что Некрасов обещал вскоре прислать корректуру «Подростка» (Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М., 1923, с. 50).

81

[353] Московский книгопродавец Михаил Михайлович *Черенин*, познакомившийся с Достоевским в Твери в 1859 г. (см. письмо М. М. Черенина к А. Г. Достоевской от 18 V 1874 — *ЛН, т. 86*, 440).

[354] Анна Григорьевна, наоборот, пишет, что их издание «Записок из Мертвого дома» имело большой успех и в несколько дней было распродано около 700 экз. (Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1925, с. 198).

82

[355] Письмо не сохранилось.

[356] Священник старорусской Георгиевской церкви И. Румянцев.

[357] Речь идет о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Сообщение о продаже Толстым романа в «Русский вестник» по 500 руб. за лист появилось в № 50 «Гражданина» от 16 XII 1874.

[358] Анна Григорьевна также пишет о разнице в гонорарах Достоевского и других писателей: «В литературе и в обществе часто сравнивают произведения Достоевского с произведениями Тургенева и других писателей и восторгаются стройностью и ювелирской обточенностью их романов в сравнении с романами мужа. И редко кому приходит на мысль взвесить те обстоятельства, при которых жил и работал тот и другой автор. В то время когда другие писатели, пользовавшиеся хорошим здоровьем и обеспеченные состоянием или службою, могли отделывать, переписывать по нескольку раз свои произведения, мой муж, страдавший двумя тяжкими болезнями, обремененный семьей, кругом в долгах, был всегда озабочен думами о насущном хлебе, о средствах к существованию<...> Да, всегдашний недостаток средств был истинным несчастием для Федора Михайловича. Это было бедой и в экономическом отношении: в то время когда обеспеченные писатели знали, что их произведения станут оспаривать журналы и они получат высший по тому времени гонорар (500 р., как получали Толстой и Тургенев), необеспеченный Достоевский должен был *сам* предлагать свой труд журналам, а так как предлагающий всегда теряет, то он получал значительно меньше других писателей» (Достоевская А. Г. Первое полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Публикация С. В. Белова. — Книга. Исследования и материалы, сб. 23. М., 1972, с. 200).

[359] Речь идет о куманинском наследии и об участии в затянувшемся деле по этому наследству адвоката писателя Б. Полякова. См. примеч. 179 на с. 410.

[360] Очевидно, Достоевский еще не получил письмо Некрасова от 18 XII 1874.

[361] Двоюродный брат Анны Григорьевны Михаил Николаевич Сниткин. В подлиннике описка: «Михаилу и Николаевичу».

[362] Мать Анны Григорьевны.

1875

83

[363] Достоевский выехал на две недели в Петербург для переговоров с Н. А. Некрасовым о сроках дальнейшего печатания «Подростка», а также посоветоваться с проф. Д. И. Кошлаковым относительно новой поездки в Эмс. Зимой в Петербург приходилось ездить лошадьми до Новгорода, а затем поездом, с пересадкой в Чудове.

[364] Анна Григорьевна ждала ребенка. «Неизвестным», или, как пишет дальше Достоевский, «incognito», оказался последний сын Достоевских — Алексей, родившийся в Старой Руссе 10 августа 1875 г. и внезапно умерший в Петербурге от припадка эпилепсии 16 мая 1878 г.

85

[365] А. Г. Гриббе.

86

[366] Речь идет о корректуре второй половины первой части «Подростка», напечатанной в февральской книге «Отечественных записок» за 1875 г.

[367] Имеется в виду вторая половина первой части «Подростка». Некрасов, как пишет далее Достоевский, читал обычно вторую, авторскую корректуру, а М. Е. Салтыков-Щедрин, соредактор Некрасова по «Отечественным запискам», читал, очевидно, эти страницы романа в первой корректуре.

[368] Петербургский врач Леонид Николаевич *Симонов* имел специальную лечебницу для легочных больных, где они проходили курс лечения посредством сжатого воздуха. См. воспоминания Л. В. Головиной о лечении Достоевского у Симонова в кн. «Звенья», т. I (М.—Л., 1932, с. 459—477).

[369] О Всев. С. Соловьеве см. примеч. 216 на с. 414. Под псевдонимом «Sine ira» Всев. С. Соловьев напечатал в «С.-Петербургских ведомостях» (1875, № 32, 58) две статьи о «Подростке», в которых дал высокую оценку роману.

[370] *Майкова А. И.* (1830—1911) — жена А. Н. Майкова.

[371] Вероятно, с этого момента начинается некоторое охлаждение между Достоевским и Страховым с Майковым, которые не могли простить Достоевскому публикации «Подростка» в демократических «Отечественных записках». Это охлаждение особенно стало заметным после ответа Достоевского на обеде профессоров и литераторов в честь Тургенева 13 марта 1879 г. на вопрос «кого-то из молодого поколения»: «Зачем только Вы печатаете в „Русском вестнике"» — «Потому что там денег больше и вернее и вперед дают». В этот же день А. Н. Майков написал письмо-протест Достоевскому, где с горечью спрашивал: «Я ждал, Вы как независимый должны были сказать, по сочувствию с Катковым и по уважению к нему, даже по единомыслию во многих из главных пунктов <...> Вы уклонились, не сказали. Как? из-за денег Вы печатаете у Каткова?» (*Достоевский*, *II*, 364).

[372] О романе «Анна Каренина», который с 1875 г. начал печататься в «Русском вестнике».

[373] Речь идет о статье Л. Н. Толстого «О народном образовании», напечатанной в 9-й книге «Отечественных записок» за 1874 г.

[374] Имеется в виду сближение Достоевского с Некрасовым.

[375] *Корнилов* Иван Петрович (1811—1901) — собиратель древних рукописей и книг. Достоевский сблизился с Корниловым в 70-е годы, и, как пишет Анна Григорьевна, зимой 1879—1880 г. Достоевский «бывал по субботам у достоуважаемого Ивана Петровича Корнилова (бывшего попечителя Виленского учебного округа), у которого встречал много ученых и лиц, занимавших высокое официальное положение» (*Воспоминания Достоевской*, 354).

[376] Критик Василий Григорьевич *Авсеенко* (1842—1913) напечатал о «Подростке» две статьи в «Русском мире» (1875, 29 января, № 27 и 27 февраля, № 55)

под общим заглавием «Очерки текущей литературы». В этих статьях Авсеенко дал резко отрицательный и оскорбительный для Достоевского отзыв о романе как о «ядовитой литературе, которая держит читателя в смрадной атмосфере подполья». И хотя далее Достоевский пишет, что не видел статьи Авсеенко, однако можно с уверенностью сказать, что вскоре он их прочел и запомнил надолго. В апрельском номере «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский написал уничтожающую статью об Авсеенко как о критике, который ничего не понимает в русской литературе (см.: *Достоевский, 1926—1930,* XI, 249—253).

377 *Ламанский* Порфирий Иванович (1824—1875), брат крупного экономиста Е. И. Ламанского и ученого-слависта В. И. Ламанского, познакомился с Достоевским еще в 40-е годы в кружке Петрашевского, в 60—70-е годы был известным общественным деятелем.

87

На первом листе А. Г. Достоевской ошибочно проставлен год «1874». Год установлен по числу, месяцу и содержанию письма.

88

378 Анна Григорьевна посылала свои письма на редакцию «Гражданина». О секретаре редакции Пуцыковиче см. примеч. 212 на с. 414.

379 Речь идет о романе «Анна Каренина», первая часть которого была напечатана в январском номере «Русского вестника» за 1875 г. Однако прочтя весь роман, Достоевский изменил свое сдержанно-холодное отношение к нему и дал высокую оценку «Анне Карениной» в февральском «Дневнике писателя» за 1877 г. (см.: *Достоевский, 1926—1930*, XII, 52—56). Об отношении Достоевского к роману Толстого «Анна Каренина» см.: Бем А. Л. Толстой в оценке Достоевского. — В кн.: Научные труды Русского народного университета в Праге, т. 2. Прага, 1929, с. 118—140.

380 Крупный русский историк Николай Иванович *Костомаров* (1817—1885). Хотя Достоевский относился к Костомарову отрицательно еще с первой половины 60-х годов, помня его дискуссию с М. П. Погодиным, когда Костомаров развенчал героизм Дмитрия Донского (см. газеты «День», 1864, № 4 и «Голос», 1864, № 32, 64), однако его идея о духовной истории народов была близка писателю и в какой-то мере повлияла на развитие его исторического миросозерцания в «Дневнике писателя».

381 С писателем Всеволодом Владимировичем *Крестовским* (1840—1895), автором «антинигилистических» произведений и широко известного романа «Петербургские трущобы», Достоевский познакомился в начале 60-х годов, когда Крестовский принимал активное участие в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». Судя по воспоминаниям А. П. Милюкова, Достоевский очень тепло отозвался о стихотворениях Крестовского, которыми он дебютировал в литературе (Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, с. 238—239).

89

382 Речь идет об отношениях Достоевского с Майковым и Страховым. См. письмо Достоевского от 6 II 1875.

90

383 К петербургскому градоначальнику Федору Федоровичу *Трепову* (1803—1889) в связи с паспортом, о котором рассказывается в предыдущем письме Достоевского.

384 Всеволод Соловьев напечатал в «Пчеле» (1875, № 1—7) повесть «Черная роща».

[385] В «Биржевых ведомостях» (1875, 6 февраля, № 36) под псевдонимом «Заурядный читатель» напечатан литературный фельетон критика Александра Михайловича Скабичевского (1838—1910) под заглавием «Мысли по поводу текущей литературы. — Нечто о романах Достоевского вообще. „Подросток“ — роман Ф. М. Достоевского, ч. 1-я».

[386] См. об этом следующее письмо от 9 II 1875.

[387] См. примеч. 351 на с. 425 и примеч. 116 на с. 404.

92

[388] Имеются в виду главы VI—X «Подростка», напечатанные в февральской книге «Отечественных записок» за 1875 г.

[389] «Сцена самоубийства» — кульминационная сцена IX главы «Подростка». Под первыми двумя главами разумеются главы VI и VII «Подростка», напечатанные в февральской книжке «Отечественных записок» за 1875 г. А. С. Долинин отмечает, что оттенок удивления, неожиданности в слове «вообрази» в письме Достоевского относится именно к VII главе, где Макар Долгорукий стилизован под некрасовского «Власа» (*Письма,* III, 342). В книге «Последние романы Достоевского» (М.—Л., 1963, с. 128) А. С. Долинин сопоставляет некрасовского Власа и Макара Долгорукова, образ которого, по его мнению, восходит к некрасовскому герою-страннику. См. также: Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 33—67.

[390] План был осуществлен неполностью: третья часть «Подростка» была напечатана в сентябрьской, ноябрьской и декабрьской книгах «Отечественных записок» за 1875 г.

[391] Анна Григорьевна подтверждает в своих «Воспоминаниях» возобновление дружеских отношений Достоевского с Некрасовым: «Вернувшись в Руссу, муж передавал мне многое из разговоров с Некрасовым, и я убедилась, как дорого для его сердца было возобновление задушевных сношений с другом юности» (*Воспоминания Достоевской*, 280). См. также: Гин М. Достоевский и Некрасов. — «Север», 1971, № 11, 12.

[392] И. П. Корнилов был председателем Петербургского славянского благотворительного комитета, из которого в 1877 г. образовалось Славянское благотворительное общество для оказания материальной помощи балканским славянам и обеспечения добровольцев, отправляющихся на театр русско-турецкой войны. Как член комитета Достоевский платил членские взносы.

[393] Речь идет о петербургском отделе Общества любителей духовного просвещения, о деятельности которого Достоевский напечатал информацию в «Гражданине» (1873, № 14) «Заседание общества любителей духовного просвещения 28 марта (1873)» (см.: *Достоевский, 1926—1930,* XII, 434—439).

[394] А. С. Долинин предполагает, что пари, по всей вероятности, Достоевский заключил с Анной Григорьевной: будет ли у них ребенок, — так как именно во второй половине января должно было окончательно выясниться, беременна Анна Григорьевна или нет (*Письма*, III, 342).

[395] *Корнилов* Федор Петрович (1809—1895) — член Славянского благотворительного комитета, в 1880 г. управляющий делами комитета по сооружению памятника Пушкину в Москве, в день открытия передавший его городу.

93

Год установлен по содержанию письма.

[396] Новгородским губернатором был знакомый Достоевского сенатор Эдуард Васильевич *Лерхе* (1827—1889). Об официальной переписке Э. В. Лерхе с петербургским градоначальником Ф. Ф. Треповым по поводу выдачи Достоевскому заграничного паспорта см. «Разыскания о Достоевском» Г. Ф. Коган (*ЛН, т. 86*, 596—605).

94

[397] См. примеч. 266 на с. 418.

95

[398] См. примеч. 239 на с. 416.
[399] Петербургский книгопродавец и издатель лубочных книг.
[400] См. примеч. 223 на с. 414.

96

[401] Речь идет о размолвке Достоевского со Страховым и Майковым в связи с публикацией «Подростка» в «Отечественных записках».

98

Обозначение месяца сделано А. Г. Достоевской.
[402] См. примеч. 159 на с. 408—409.
[403] О размолвке с Достоевским сразу же после прекращения «Эпохи» Страхов упоминает в составленной им биографии Достоевского (см.: *Биография,* 284), однако не указывает причины размолвки.
[404] Александр (1842—?) и Михаил Николаевич Сниткины — двоюродные братья Анны Григорьевны. См. примеч. 153 на с. 408.
[405] Под «известными лицами» Достоевский обычно имел в виду членов царской семьи. По всей вероятности, речь идет о скандальной истории с великим князем Николаем Константиновичем, который, страдая клептоманией, украл с иконы в комнате своей матери бриллианты и заложил за 3000 руб. Николай Константинович был объявлен психически ненормальным и над ним учреждена опека (см. «Голос», 1874, 11 декабря, № 346, где опубликован «Указ министру императорского двора»).

99

Обозначение месяца сделано А. Г. Достоевской.
[406] У священника И. Румянцева и у жены хозяина старорусского дома А. Г. Гриббе.
[407] См. примеч. 378 на с. 427.
[408] *Ламанский* Владимир Иванович (1833—1914), славист-историк, профессор Петербургского университета, познакомился с Достоевским, вероятно, в начале 70-х годов, так как 23 ноября 1871 г. проф. М. И. Владиславлев писал Достоевскому: «Не соберетесь ли, достоуважаемейший Федор Михайлович, к нам в четверг 25 числа? У нас будет Владимир Иванович Ламанский, не из едва неизвестных вам» (*ЛН, т. 86,* 418). Для Достоевского Ламанский представлял особый интерес как историк, пытающийся найти некий примиряющий синтез между западничеством и славянофильством, — идея, чрезвычайно близкая самому Достоевскому.
[409] *Достоевская Э. Ф.* (урожд. Дитмар) (1822—1879) — вдова М. М. Достоевского.
[410] Достоевский был знаком с М. Е. Салтыковым-Щедриным еще в 40-е годы. Салтыков-Щедрин сотрудничал в журнале «Время» в 1861—1862 годах. Но с 1863 г., когда начинается ожесточенная полемика между «Современником» и журналами «Время» и затем «Эпоха», личные отношения между Салтыковым-Щедриным и Достоевским надолго прерываются. См.: Борщевский С. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. М., 1956.
[411] Случайное знакомство в 1873 г. с Анатолием Федоровичем *Кони* (1844—1927) в связи с арестом по делу «Гражданина» (см. примеч. 193 на с. 411) положило начало многолетней дружбе писателя и выдающегося русского юриста. Благодаря Кони Достоевский получил возможность присутствовать на нескольких судебных

процессах в Петербурге в 70-е годы, Кони организовал Достоевскому поездку в колонию для малолетних преступников в 1875 г. После смерти писателя Кони написал о Достоевском очерк «Ф. М. Достоевский» и две статьи мемуарного характера «Федор Михайлович Достоевский» и «Еще о Достоевском» (см.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 6. М., 1968). См. также письмо А. Ф. Кони к Достоевскому от 26 XII 1875, опубликованное И. Волгиным в «Вопросах литературы» (1971, № 9, с. 178).

412 Писатель Александр Устинович *Порецкий* (1819—1879) познакомился с Достоевским еще в 40-е годы (см. письма Достоевского к Порецкому за 40-е годы — *Письма*, I). В. В. Тимофеева (О. Починковская) вспоминает: «К этому человеку я питаю особенное доверие, — признавался мне Федор Михайлович, — во всех тяжелых, сомнительных случаях моей жизни я всегда обращаюсь к нему и всегда нахожу у него поддержку и утешение» (*Достоевский в воспоминаниях*, II, 162). В 60-х годах Порецкий вел отдел «Внутреннее обозрение» в журнале братьев Достоевских «Время», а после смерти М. М. Достоевского он состоял официальным редактором «Эпохи» до прекращения журнала. Н. Н. Страхов в своих воспоминаниях характеризует Порецкого как человека «очень умного и образованного, отличавшегося сверх того редкими душевными качествами, безукоризненной добротою и чистотою сердца, сочувствовавшего всею душою направлению „Эпохи“» (*Биография*, 272). О роли Порецкого в «Эпохе» см. статью: Долинин А. С. К цензурной истории первых двух журналов Достоевского. — В кн.: *Достоевский, II*, 574—577. См. также: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972.

413 Речь идет о братьях *Печаткиных:* Вячеславе Петровиче, владельце книжного склада, и Евгении Петровиче (1838—1918), владельце типографии, издателе, деятеле революционного движения 60-х годов. Особый интерес представляет знакомство Достоевского с активным участником студенческих волнений 1861 г. Е. П. Печаткиным. В 1865 г. он становится владельцем книжного магазина, а затем открывает женскую переплетную мастерскую, в которой работали прогрессивно настроенные девушки, близкие к революционным кругам. Магазин Е. П. Печаткина являлся одним из центров пропаганды передовой революционной литературы. Е. П. Печаткин занимался и издательской деятельностью. В 1866 г. Е. П. Печаткин был арестован за участие в революционном движении, а его магазин закрыт. См.: Баренбаум И. Е. Из истории русских прогрессивных издательств 60—70-х годов XIX в. — Книга. Исследования и материалы, сб. XI. М., 1965, 223—241.

414 См. примеч. 288 на с. 419.

100

415 *Леонтьев* Евтихий Иванович — генерал-майор, на даче которого Достоевские жили зимой 1874/75 г. О нем см.: *Воспоминания Достоевской* (по указателю имен).

416 Ошибка. В рекламе журнала «Нива» на 1875 г. имени Достоевского не было.

101

417 См. примеч. 239 на с. 416.

102

418 *Кожанчиков* Дмитрий Ефимович (1820—1877) — издатель и книгопродавец, открывший книжный магазин в Петербурге в 1858 г. Он издал целый ряд книг, в том числе произведения И. С. Тургенева, А. Н. Островского, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, переиздал «Кобзаря» Т. Г. Шевченко. По совету Н. Г. Чернышевского и под его редакцией Кожанчиков издал «Новые повести и рассказы» Марко Вовчка. См.: Баренбаум И. Е. Из истории русских прогрессивных издательств 60—70-х годов XIX в. — Книга. Исследования и материалы, сб. XI. М., 1965, с. 223—241. О М. П. Надеине см. примеч. 282 на с. 419.

419 См. примеч. 240 на с. 416.

103

На первом листе А. Г. Достоевской проставлен ошибочно год «1874». Год установлен по содержанию письма.

[420] Жена владельца старорусского дома Е. И. Леонтьева.

105

Первоначально в подлиннике ошибочно был указан месяц март, затем апрель.

[421] Судя по дальнейшему тексту этого письма и по письму Анны Григорьевны от 8 апреля, она специально выехала в Петербург, чтобы уладить семейную драму своего брата И. Г. Сниткина. Жена И. Г. Сниткина, Ольга Кирилловна, неоднократно уходила от него к некоему Кукарекину (так называет его фамилию Достоевский в дальнейших письмах), однако порвать с мужем окончательно не могла, возвращалась к нему и вновь уходила. «Кукарекин», — вероятно, прозвище, данное Достоевским, но точную фамилию установить не удалось.

[422] См. примеч. 312 на с. 421.

[423] Имеется в виду ожидаемый ребенок.

[424] И. Г. Сниткин.

[425] Речь идет об имении «Малый Прикол» в Курской губернии, купленном на деньги жены И. Г. Сниткиным, хотевшим в связи с семейной драмой передать это имение в аренду.

106

Датировка произведена А. Г. Достоевской.

[426] И. Г. Сниткин.

[427] Возможно, задержка телеграммы объясняется перлюстрацией корреспонденции Достоевского старорусским исправником. См. примеч. 307 к письму от 16/28 июня 1874 г. Телеграммы Ф. М. Достоевского и А. Г. Достоевской не сохранились.

107

[428] Вероятно, в том же номере, где останавливалась Анна Григорьевна, когда ездила в апреле в Петербург.

108

[429] Речь идет о второй половине 2-й части «Подростка» (главы V—IX), напечатанной в майской книге «Отечественных записок».

[430] Вероятно, несмотря на сотрудничество Достоевского в «Отечественных записках», Мещерский все еще надеялся снова привлечь писателя к редактированию «Гражданина».

[431] Имеется в виду наследство А. Ф. Куманиной.

[432] Вероятно, О. К. Сниткина решила вернуться к мужу, о чем и сообщила Анне Григорьевне, а та переслала копию письма брату.

[433] См. примеч. 421.

[434] Ожидаемый младенец.

109

[435] См. примеч. 266 на с. 418.

[436] См. примеч. 208 на с. 413.

[437] Достоевский договорился с Некрасовым об авансе для поездки в Эмс и о сроках печатания 3-й части «Подростка».

[438] Федю, Лилю и ожидаемого младенца.

110

[439] 25 мая 1875 г. Достоевский выехал из Петербурга в Берлин, пробыл там сутки, а 28 мая (9 июня) во второй раз приехал в Эмс.

[440] Речь идет о повивальной бабке.

111

[441] К Мещерскому, который хотел помирить Майкова и Достоевского.

[442] См. примеч. 239 на с. 416.

[443] Сестра писателя, Александра Михайловна, по постановлению суда была лишена прав наследства. Как раз в это время она вторично вышла замуж, однако не сочла нужным сообщить о своем замужестве Достоевским, к которым питала самые недружелюбные чувства. «В кого она так грубо развита?» — писал о ней Достоевский еще в 1857 г. (*Письма,* II, 581).

[444] Достоевский познакомился с журналистом и издателем Алексеем Сергеевичем *Сувориным* (1834—1912) в 1875 г. и сблизился с ним во время русско-турецкой войны, когда издаваемая Сувориным газета «Новое время» заняла в славянском вопросе славянофильско-патриотическую позицию (см. об этом: Волгин И. Нравственные основы публицистики Достоевского. (Восточный вопрос в «Дневнике писателя»). — «Известия ОЛЯ», 1971, вып. 4). После смерти писателя Суворин написал его некролог («Художественный журнал», 1881, № 2) и воспоминания о встречах с ним («Новое время», 1881, 1 (13) февраля, № 1771), а в своем «Дневнике» (М.—Пг., 1923) привел слова Достоевского о продолжении «Братьев Карамазовых», где героем будет Алеша Карамазов, ставший революционером.

В письме речь идет, вероятно, о двухтомной книге Суворина «Очерки и картины. Собрание рассказов, фельетонов и заметок», вышедшей в начале 1875 г.

112

На листе 1 помета года рукой А. Г. Достоевской.

113

[445] См. примеч. 226 на с. 415.

[446] См. примеч. 344 на с. 424.

114

[447] Речь идет о предстоящих родах Анны Григорьевны.

[448] *Комаровский* Егор Евграфович (1803—1875), конногвардеец, адъютант принца Евгения Виртембергского, был другом одного из основателей славянофильства И. Киреевского, который значительно повлиял на его мировоззрение. В конце жизни Достоевский сблизился с дочерью Е. Е. Комаровского, фрейлиной при дворе великой княгини Александры Иосифовны, Анной Егоровной Комаровской (см. *Письма,* IV, 131; *ЛН, т. 86,* 538).

[449] Речь идет о Петре Андреевиче *Вяземском* (1792—1878), которому в это время было уже 83 года.

[450] Судя по этой характеристике и по следующему письму Ф. М. Достоевского от 13/1 июня 1875 г., речь идет о писателе по вопросам спиритизма, авторе книги «Спиритизм и наука» (СПб., 1872) Александре Николаевиче *Аксакове* (1832—1903). Именно в это время А. Н. Аксаков издавал в Лейпциге журнал по спиритизму «Psychische Studien» и мог быть вполне в Эмсе. В феврале 1876 г. Достоевский присутствует на медиумическом сеансе у А. Н. Аксакова (см.: «Гражданин», 1876, № 9) и затем упоминает его имя несколько раз в «Дневнике писателя» за 1876 г. (см.: *Достоевский, 1926—1930*, XI, 243, 273—274).

[451] Речь идет об Александре II.

116

452 Повивальная бабка.
453 За третью часть «Подростка».

117

454 Брат Анны Григорьевны И. Г. Сниткин и его жена Ольга Кирилловна.
455 См. примеч. 421 на с. 431.

118

456 См. примеч. 324 на с. 422.
457 День святого духа, отмечается в православной церкви через 51 день после пасхи.
458 *А. Г. Гриббе* — жена хозяина старорусской дачи и *А. П. Орлова* — актриса, жительницы Старой Руссы.
459 Речь идет о 3-й части «Подростка», которая должна была начать печататься с августа 1875 г. в «Отечественных записках».
460 Подразумевается рождение ребенка.

120

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.
461 Л. Н. Толстой прервал печатание «Анны Карениной» до января 1876 г.
462 Об отдельном издании «Дневника писателя» Достоевский, вероятно, думал уже во время редактирования «Гражданина». См. об этом в кн.: Гришин Д. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского. Мельбурн, 1966.
463 См. примеч. 307 на с. 421.

121

464 Писательницу Н. П. Шаликову Достоевский встретил в свой первый приезд в Эмс в 1874 г. См. о ней примеч. 314 на с. 421.
465 Достоевские жили на даче Е. Леонтьева.

122

466 Ветхозаветные пророки. А. С. Долинин предполагает, что Достоевский брал с собою Библию в связи с тем, что он хотел в Эмсе написать в библейском стиле поучение странника Макара Долгорукого в «Подростке» (*Письма*, III, 348). См. об этом: Плетнев Р. Der Stil Ausdruck der Religiösen Weltanschauung Dostoevskijs. — «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven» 1933. Bd. IX, H. IV, S. 518—542.
467 Речь идет о десятом выпуске «Песен», собранных П. Киреевским, под заглавием «Наш век в русских исторических песнях», изданных Обществом любителей российской словесности под редакцией и с дополнениями слависта и исследователя народного творчества Петра Андреевича Бессонова (1828—1898). Отрицательный отзыв Достоевского о редакторской работе Бессонова совпадает с мнением таких крупных ученых, как Ф. И. Буслаев (см.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 2. СПб., 1891, с. 333—346).
468 Чтение во время работы над «Подростком» библейской Книги Иова отразилось в романе в словах Макара Долгорукого об Иове. В «Братьях Карамазовых» Достоевский устами старца Зосимы рассказывает о глубочайшем впечатлении, которое

произвела на него еще в годы раннего детства Книга Иова. См.: Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930. См. об этом также статью Р. Плетнева «Достоевский и Библия» («Путь», Париж, 1938—1939, № 58).

[469] По свидетельству Анны Григорьевны, Достоевский «с неприязнью относился... к оперетке: сам не ездил в Буфф и меня не пускал. — Если уж есть возможность, — говаривал он, — идти в театр, так надо выбрать пьесу, которая может дать зрителю высокие и благородные впечатления, а то что засоривать душу пустячками!» (*Воспоминания Достоевской*, 100). Упоминаемый здесь же «Марш немецкой славы» — один из многочисленных «ураганатриотических» маршей, наводнивших Германию после франко-прусской войны.

[470] Речь идет, очевидно, о майском номере «Русского вестника» за 1875 г., в котором были напечатаны «На горах» Мельникова-Печерского, «Отец и сын» Де-Пуле, «Судебная реформа в царстве Польском» М. Соловьева, «Парламентское следствие о действиях правительства Национальной обороны», «Болезнь нашего времени» С. Эмануэля, «Искусство и позитивизм» Г. Струве, «По поводу спиритических сообщений Вагнера» С. Рачинского, «По поводу нового романа графа Л. Толстого...» ‹«Анна Каренина»› за подписью «А.», принадлежащей В. Г. Авсеенко.

[471] *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832—1920) — русский историк и публицист, консерватор и националист, автор «официозных» учебников истории для школ.

[472] Заседание Общества любителей российской словесности, на котором был прочитан указанный эпизод из «Анны Карениной», состоялось под председательством Д. И. Иловайского 16 февраля 1875 г. Л. М. Розенблюм высказала предположение, что эти слова Иловайского вспомнились Достоевскому, когда он в 1880 г. хотел спародировать один из проектов «спасения России». Пародией на один из таких проектов, получаемых Верховной распорядительной комиссией во главе с Лорис-Меликовым, должно было, по-видимому, стать сочинение героя Достоевского — «мечтателя, сумбуриста», о чем свидетельствуют наброски в записной тетради. Автор «Проекта» издевается над готовностью поклонников Европы в угоду ей предаваться только праздности и веселости, подчинив этой цели даже русскую литературу: «Тургеневых, Львов Толстых, заставить их, велеть ‹...› Плеяду, плеяду заставить ‹...› Ну Островский не годится, не тот род, нейдет, Писемский тоже, тебя тоже не надо, ты мрачен» (*ЛН, т. 83*, 77).

123

[473] См. примеч. 307 на с. 421.

[474] А. Г. Гриббе.

124

[475] Достоевский, очевидно, ждал критические статьи по поводу второй части «Подростка», а она прошла почти незамеченной. Однако критические статьи о «Подростке», которые начали появляться с 1876 г., свидетельствовали о том, что «Подросток» был принят гораздо лучше, чем «Бесы». Достаточно указать, что такой радикальный критик, как П. Н. Ткачев, назвавший в статье о «Бесах» талант Достоевского почти ничтожным, начинает статью о «Подростке» («Дело», 1876, № 5, 6) с того, что Достоевский «бесспорно крупный талант» (см. об этом специальную главу «Критика о „Подростке“» в кн.: Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963, с. 196—214).

[476] Речь идет о статьях на французском языке критика Михаила Андреевича *Загуляева* (1834—1900) за подписью «L. X.» в «Journal de St. Petersbourg» (1875, № 27 и № 55).

[477] И ожидаемого младенца.

125

[478] Установить, о ком идет речь, не удалось.

[479] *Воронцов* Михаил Семенович (1782—1856) — князь, генерал-фельдмаршал, с 1844 г. главнокомандующий русскими войсками на Кавказе и наместник Кавказа.

[480] Анна Григорьевна путает имя, отчество и неточно указывает день смерти историка Михаила Егоровича Кублицкого, скончавшегося 2 июня 1875 г. (см. некролог в «Музыкальном листке», 1875, № 2, с. 31). Достоевский встречался с ним год назад в Эмсе (см. письма Достоевского из Эмса за июль 1874 г. и примеч. 324 на с. 422).

126

[481] Рукопись третьей части романа «Подросток» была доставлена в редакцию «Отечественных записок» в конце августа 1875 г. и начала печататься с сентябрьской книги журнала за 1875 г.

[482] Речь идет о повести В. Мещерского «Лорд — апостол Петербургского большого света», печатавшейся в «Гражданине» в 1875 г. В образе «лорда-апостола» Мещерский изобразил английского проповедника оправдания верой Гренвиля Редстока, с 1874 г. выступавшего в Петербурге. Под влиянием его проповедей в России образовалась секта, известная под именем пашковцев. Сущность учения Редстока об оправдании верой заключалась в том, что «не за добрые дела дается прощение грехов, грехи могут быть смыты святою кровью, которая уже пролита и омывает всякого, кто принимает Христа как единого спасителя и единого ходатая между богом и человечеством». Свое восторженное отношение к проповедям Редстока Мещерский и выразил в упомянутой повести. Для Достоевского же учение Редстока было неприемлемо, о чем он и писал в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Настоящий успех лорда Редстока зиждется единственно лишь на „обособлении нашем", на оторванности нашей от почвы, от нации. Оказывается, что мы, то есть интеллигентные слои нашего общества, — теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтожненький, но имеющий, однако, уже свои привычки и свои предрассудки, которые и принимаются за своеобразность, и вот, оказывается, теперь даже и с желанием своей собственной веры» (*Достоевский, 1926—1930,* XI, 242).

[483] В № 23 «Гражданина» за 1875 г. в отделе «Текущая жизнь», который вел писатель А. У Порецкий (о нем см. примеч. 412 на стр. 430), есть такие слова по поводу статьи П. Ткачева об «Анне Карениной», помещенной в майском номере журнала «Дело» за 1875 г.: «Злая, глупая и безобразная бессмыслица. Автора фельетона я не могу себе представить иначе, как в виде человека, только что выскочившего из топкого болота... и махающего головой и руками, разбрасывая вынесенное им добро на все окружающее... Он пачкает грязью чистое и изящное литературное произведение, которого совсем не понимает, вероятно, по неимению в высших отправлениях его организма ничего кроме рефлексов головного мозга. Он позволял себе говорить о романе „Анна Каренина" и что говорить, и как, и в какой форме!».

[484] Моршанск, уездный город Тамбовской губернии на реке Цне, пострадал в 1875 г. от пожара.

127

[485] См. примеч. 364 на с. 426.

[486] Речь идет об издании «Дневника писателя» на 1876 г.

128

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[487] См. примеч. 307 на с. 421.

[488] Речь идет о жене тверского губернатора П. Т. Баранова графине *Е. А. Барановой,* с которой Достоевский познакомился еще в 40-е годы в Петербурге,

а затем встретился в Твери в 1859 г. См. письмо А. Е. Врангелю от 4 октября 1859 г. (*Письма,* I, 261).

[489] Речь идет о жене И. Г. Сниткина, Ольге Кирилловне.

[490] См. примеч. 421 на с. 431.

130

[491] Речь идет о книге доктора А. Гирштторна «Эмс и его целебные источники» (СПб., 1874). Эта книга сохранилась в библиотеке Достоевского (см.: Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919).

[492] Письмо не сохранилось.

[493] О планах «Подростка» см. специальный том «Литературного наследства» «Ф. М. Достоевский в работе над романом „Подросток". Творческие рукописи», подготовленный к печати А. С. Долининым (т. 77, М., «Наука», 1965).

[494] Примерно $2^1/_2$ листа занимают первые три главы 3-й части «Подростка», посвященные старцу Макару Ивановичу Долгорукому.

131

[495] Известие оказалось ошибочным. Анна Григорьевна пишет об этом в своих «Воспоминаниях» (с. 280—281).

[496] Телеграмма А. Г. Достоевской не сохранилась.

133

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[497] Речь идет о предстоящих родах Анны Григорьевны.

134

[498] День Ивана Купалы.

[499] См. примеч. 458 на с. 433.

135

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

136

Частично опубликовано в *ЛН, т. 86,* 444.

[500] Печатание «Подростка» в «Отечественных записках» возобновилось с сентябрьской книжки за 1875 г.

[501] В № 6 «Отечественных записок» за 1875 г. опубликованы романы Э. Линн-Линтона «Патриция Кэмбаль» и Джорджа Мередита «Карьера Бьючэмпа».

[502] См. примеч. 482 на с. 435.

[503] Как свидетельствуют пять писем Достоевского к Николаю Петровичу *Вагнеру* (1829—1907), не вошедшие в четырехтомное собрание «Писем» под ред. А. С. Долинина и опубликованные первоначально в Чехословакии Ф. Каутманом («Sbornik Národniho Muzea v Praze», Sv. VII (1962), čis. 4), а затем в СССР С. В. Беловым («Советские архивы», 1969, № 2), Достоевский познакомился с Н. П. Вагнером летом 1875 г., после возвращения из Эмса. Интерес к спиритизму был главной причиной сближения Достоевского с Н. П. Вагнером, писателем, выступавшим в литературе под псевдонимом «Кот Мурлыка», профессором зоологии, страстным пропагандистом медиумизма и спиритизма, напечатавшим две нашумев-

шие статьи в их защиту в «Вестнике Европы» (1875, № 4) и в «Русском вестнике» (1875, № 10). (О первой статье, где Н. П. Вагнер спорит с писателем и критиком Евгением Львовичем Марковым (1835—1903), упоминает Анна Григорьевна).

В 70-х годах XIX в. в русском обществе началось увлечение спиритизмом. В Петербург часто приезжали медиумы, в основном из Англии, устраивали спиритические сеансы, в которых принимали участие известные ученые и писатели — Бутлеров, Боборыкин, А. Н. Аксаков, Вагнер, Лесков (см. об этом: Лернер Н. Таинственные узелки. Случай с Достоевским. — «Красная панорама», 1928, октябрь, с. 36—42). Увлечение было настолько сильным, что физическим обществом при Петербургском университете была создана комиссия во главе с Д. И. Менделеевым с целью научного обследования спиритических явлений. Именно к этому времени относится письмо Достоевского в редакцию газеты «Новое время» — «Вопрос о четвертом измерении» (*Письма*, IV, 10—11), свидетельствующее и об интересе писателя к спиритизму (см.: П-ва В. [В. И. Прибыткова]. Воспоминания о Достоевском. — «Ребус», 1885, № 25, 26). Однако три заметки Достоевского о спиритизме в «Дневнике писателя» за 1876 г. говорят о том, что он постепенно охладел к спиритизму, считая его антихристианским течением. В последней заметке — «Опять только одно словцо о спиритизме» — Достоевский дважды упоминает имя Н. П. Вагнера (*Достоевский, 1926—1930*, XI, 274—275). О знакомстве Достоевского с Н. П. Вагнером Анна Григорьевна пишет в своих «*Воспоминаниях*» (с. 295—296), но ошибочно относит факт их знакомства к лету 1876 г. См. также письмо Вагнера к Достоевскому от 9 X 1877, опубликованное И. Волгиным в «Вопросах литературы» (1971, № 9, с. 190), а также: Волгин И. и Рабинович В. Достоевский и Менделеев: антиспиритический диалог. — «Вопросы философии», 1971, № 11, с. 103—115.

В 1889—1890 годах Л. Н. Толстой в комедии «Плоды просвещения» высмеял профессора-спирита, в общей обрисовке которого Н. П. Вагнер узнал себя и своего друга А. М. Бутлерова и написал по этому поводу резкое письмо Толстому. Толстой ответил Вагнеру письмом от 25 марта 1890 г. (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 65, М., 1953, с. 58—60), где, в частности, писал: «И главное мое с годами все усиливающееся отвращение, от которого я не отрекаюсь, ко всяким суевериям, к к‹оторым› я причисляю спиритизм».

137

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

504 Речь идет об адвокате Б. Полякове. См. письмо А. Г. Достоевской от 23 VI 1875.

139

505 Речь идет о петербургском ростовщике И. Л. Тришине и его брате, имена которых нередко упоминаются в переписке Достоевского за эти годы — обычно в связи с намерением занять у них ту или иную сумму (см. *ЛН, т. 83,* 365).

506 Речь идет о писательнице Пелагее Егоровне Гусевой, выступавшей в литературе под псевдонимом «А. Шумова». Сохранилось два письма Достоевского к П. Е. Гусевой — от 15 X 1880 и от 3 XI 1880 (*Письма*, IV, 201, 209). В первом письме Достоевский пишет, что постарается помочь П. Е. Гусевой с публикацией ее повести «На память Эмса». В *ГБЛ* (ф. 93. II. 2.40) сохранилось неопубликованное письмо П. Е. Гусевой к Достоевскому от 26 VII 1880.

140

507 В письме от 3 (15) августа 1865 г. из Висбадена Достоевский просил Тургенева срочно одолжить ему сто талеров (см. *Письма*, I, 410). Однако Тургенев

послал Достоевскому 50 талеров, за которые Достоевский благодарил письмом от 20 августа 1865 г. (см. *Письма*, I, 410). Но Тургенев, вероятно, забыл, что послал Достоевскому 50 талеров, так как через год после передачи Достоевским в поезде Анненкову для Тургенева 50 талеров к Достоевскому пришел от имени Тургенева парижский коллекционер А. Ф. Отто (Онегин) и попросил вернуть еще 50 талеров. Об этом Анна Григорьевна рассказывает в своих «Воспоминаниях» в специальной главе «1876 год. Долг Тургеневу», однако она ошибочно указывает, что Достоевский просил Тургенева одолжить ему 50, а не 100 талеров.

1876

141

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

508 Из письма Достоевского к Всев. С. Соловьеву 16/28 июля 1876 г. (см. *Письма*, III, 226) видно, что Анна Григорьевна приезжала из Старой Руссы в Петербург по делам своего издательства и заодно проводить Достоевского в Эмс.

509 26 мая (7 июня) 1867 г. Анна Григорьевна с мужем решили посетить картинную галерею в Дрездене, однако заблудились, и тогда Достоевский обратился к одному немцу с вопросом: «Пожалуйста, милостивый государь, где находится картинная галерея?» — «Картинная галерея?» — «Да, картинная галерея». — «Королевская картинная галерея?» — «Да, королевская картинная галерея». — «Я не знаю» (*Воспоминания Достоевской*, 148).

510 См. примеч. 364 на с. 426.

511 См. примеч. 247 на с. 416.

142

512 Младший брат Ф. М. Достоевского. См. о нем примеч. 159 на с. 408—409.

513 Вероятно, речь идет о документах, связанных с куманинским наследством.

514 Речь идет о Марии Николаевне Сниткиной.

515 Юрьев — Георгиевский, или Егорьевский, мужской монастырь Новгородской губернии, в 3 верстах от Новгорода на берегу Волхова. Основание его относится к 1030 г. и приписывается великому князю Ярославу Владимировичу, в крещении Юрию (Георгию).

143

Ошибочно датировано Ф. М. Достоевским 9/27 июля.

516 В третий приезд в Эмс Достоевский пробыл там с 8/20 июля по 7/19 августа 1876 г.

517 Имеется в виду французский художник Амодей *де Ноэ Шам* (1819—1897), прославившийся во второй половине XIX в. своими рисунками на темы французского театра и парижской моды.

518 Речь идет о знаменитом русском клиницисте, профессоре Военно-медицинской академии в Петербурге Сергее Петровиче *Боткине* (1832—1889). В *ГБЛ* сохранились письма А. Г. Достоевской к С. П. Боткину. Из письма Достоевского к М. М. Достоевскому от 8/20 сентября 1863 г. видно, что он еще тогда собирался показаться Боткину (см.: *Письма*, I, 330).

519 Мать Анны Григорьевны, А. Н. Сниткина, приехавшая в Старую Руссу помогать нянчить Алешу Достоевского.

144

520 Речь идет о подписке на «Дневник писателя».

521 Письмо Всев. С. Соловьева от 5 VII 1876, которое Анна Григорьевна переслала в Эмс. Достоевский ответил на это письмо Соловьеву 16/28 июля 1876 г. (см.: *Письма*, III, 226—228).

522 Речь идет о книге критика Петра Николаевича *Полевого* (1839—1902) «История русской литературы в очерках и биографиях» (изд. 3-е, доп., СПб., 1878). 7 июня 1876 г. П. Н. Полевой обратился к Достоевскому с просьбой сообщить о себе биографические сведения для публикации в «Истории русской литературы в очерках и биографиях» и, получив согласие Достоевского (письмо Достоевского к П. Н. Полевому не сохранилось), обратился к нему снова 26 июня 1876 г. с просьбой ответить на прилагаемые вопросы (оба письма П. Н. Полевого хранятся в *ГБЛ*, ф. 93. II. 7. 104 и были частично опубликованы Л. Р. Ланским в *ЛН, т. 86*, 449).

523 Речь идет о портрете Достоевского работы В. Перова, в галерее П. М. Третьякова. См. примеч. 166 на с. 409—410.

524 *Кузьмин* Александр Христофорович — владелец книжного магазина в Петербурге, многолетний продавец сочинений Достоевского, в том числе и «Дневника писателя» за 1876 г.

525 Речь идет о писательнице Людмиле Христофоровне *Хохряковой* (1838—1900) (литер. псевд. «Л. Симонова»), которая познакомилась с Достоевским в апреле 1876 г., о чем и рассказала в своих воспоминаниях о Достоевском (см.: «Церковно-общественный вестник», 1881, № 16, 18).

526 Вероятно, неточность, так как ни одной «женской» статьи о Достоевском за это время в «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусств, относящихся к жизни и деятельности Достоевского. 1846—1903» (СПб., 1906), составленном самой Анной Григорьевной, не зафиксировано.

145

Конец письма с ошибочной датой был впервые опубликован А. С. Долининым: *Письма*, III, 366—367.

527 Речь идет о выпуске и продаже «Дневника писателя» за 1876 г.

528 Племянница Достоевского, жена проф. М. И. Владиславлева. См. о ней примеч. 29 на с. 393. См. также далее письмо Достоевского от 18/30 июля 1876 г., где он называет ее «премилой», но «довольно ограниченной» женщиной.

146

529 Письмо не сохранилось.

530 В книге А. Гиршторна «Эмс и его целебные источники» (СПб., 1874).

531 На «маленьких детей-идиотов» — поясняет сам Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г., описывая свое пожертвование (см.: *Достоевский, 1926—1930*, XI, 352).

147

Год установлен по содержанию письма.

532 Речь идет о священнике И. Румянцеве, о старорусской актрисе А. П. Орловой и о А. Г. Гриббе.

533 См. «Дневник писателя», 1876, июнь, глава первая: «I. Смерть Жорж-Занда. II. Несколько слов о Жорж-Занде» (*Достоевский, 1926—1930*, XI, 307—315). В этом некрологе, посвященном Жорж Санд, Достоевский писал: «Жорж Занд‹...› заняла у нас сряду чуть не самое первое место в ряду целой плеяды новых писателей,

тогда вдруг прославившихся и прогремевших по всей Европе<...> Жорж Занд не мыслитель, но это одна из самых ясновидящих предчувственниц<...> более счастливого будущего, ожидающего человечество, в достижение идеалов которого она бодро и великодушно верила всю жизнь».

[534] Отставной штаб-ротмистр Н. А. *Киреев* (1841—1876), отправившийся добровольцем в Сербию в самом начале сербско-турецкой войны, был убит при штурме турецких позиций у села Раковицы.

О Н. А. Киреев Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1876 г. как о человеке, «положившем жизнь свою за народное дело», а в «Дневнике писателя» за 1877 г. называет его смерть «высочайшим самоотвержением в пользу ближнего» (см.: *Достоевский, 1926—1930*, XI, 348; XII, 220).

148

[535] *Никифорова* Мария Васильевна — подруга Анны Григорьевны, ее помощница по издательским делам. Имя ее упоминается в Женевском дневнике А. Г. Достоевской (см.: *ЛН, т. 86*, 240—241).

[536] Речь идет, по всей вероятности, о романе Золя «Чрево Парижа», так как именно этот роман Достоевский упоминает в «Дневнике писателя» за июль-август 1876 г., который Достоевский готовил в Эмсе (см. *Достоевский, 1926—1930*, XI, 375). Отрицательный отзыв Достоевского о Золя объясняется прежде всего и главным образом неприемлемой для Достоевского идеей Золя о фатальной зависимости человеческой психологии от окружающей его среды.

[537] См. конец письма Анны Григорьевны от 9 июля 1876 г.

149

Отрывок впервые опубликован А. С. Долининым: *Письма*, III, 368.

[538] Письмо не сохранилось.

[539] Речь идет о социологе и публицисте Николае Константиновиче *Михайловском* (1842—1904).

150

[540] В июльско-августовском номере «Дневника писателя» за 1876 г. описанию Эмса посвящены третья главка второй главы «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об остроумии» и первая главка главы четвертой: «Что на водах помогает: воды или хороший тон» (см. *Достоевский, 1926—1930*, XI, 350—357, 364—368).

[541] Имеется в виду долг в 1000 руб. редакции «Отечественных записок», взятый Достоевским сверх гонорара за роман «Подросток». После закрытия «Отечественных записок» М. Е. Салтыков-Щедрин написал Н. К. Михайловскому: «Был должен редакции Достоевский 1000 рублей. Когда Отеч. Зап. были закрыты, то вдова Достоевского восчувствовала и деньги возвратила» (см.: Салтыков-Щедрин М. Е. Письма. М., 1924, с. 267).

151

Датировка письма произведена согласно указанию А. Г. Достоевской в самом тексте письма.

[542] См. письмо Достоевского от 15/27 июля 1876 г.

152

[543] Речь идет о журналисте Григории Захаровиче *Елисееве* (1821—1891), одном из редакторов «Отечественных записок». Дальнейший отрицательный отзыв

Достоевского о Елисееве (слова «семинарское самодовольство свысока» — намек на то, что Елисеев окончил Тобольскую семинарию) связан с тем, очевидно, что Елисеев вел в «Современнике» Отдел внутреннего обозрения как раз в те годы, когда «Современник» ожесточенно полемизировал с журналами М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» и «Эпоха» (с 1861 по 1865 г.).

544 Жена Г. З. Елисеева Екатерина Павловна *Елисеева* (? — 1891) (урожд. Гофштетер) поповной не была. См. о ней сб. «Шестидесятые годы» (М.—Л., 1933).

545 Речь идет о взятии у турок черногорскими войсками под предводительством князя Николая г. Медун.

546 *Белоголовый* Николай Андреевич (1834—1895) — известный петербургский доктор, друг С. П. Боткина и М. Е. Салтыкова-Щедрина, нелегальный редактор зарубежного революционного журнала «Общее дело», близко стоявший в 70-х годах к «Отечественным запискам», оставивший воспоминания о встречах с декабристами, с Салтыковым-Щедриным, Герценом, Л. Н. Толстым (см.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и статьи. Изд. 4-е. СПб., 1901).

547 См. письмо А. Г. Достоевской от 15 VII 1876.

548 Такой отдел в «Дневнике писателя» не появился, но на отдельные письма Достоевский неоднократно отвечал в «Дневнике писателя».

153

549 Речь идет о Петербургском славянском благотворительном комитете, из которого в начале русско-турецкой войны образовалось Славянское благотворительное общество для оказания материальной помощи балканским славянам и обеспечения добровольцев. Достоевский был избран членом комитета в феврале 1873 г. (см. извещение об избрании в члены — *ГБЛ*, ф. 93.II.7.42).

550 Секретарь Славянского благотворительного комитета. В архиве Достоевского (*ГБЛ*, ф. 93.II.10.25) сохранилась расписка И. К. Янкулио в получении членских взносов от Достоевского в феврале 1874 г.

551 Речь идет о пожертвовании в пользу восставших против турецкого ига сербов и черногорцев.

552 В «Русском мире» Всев. С. Соловьев напечатал две статьи о «Дневнике писателя»: в № 189 от 11 июля под заглавием «Ф. М. Достоевский и Эмиль Золя о Жорже Занде. Еще несколько слов о натуральном романе» (по поводу некролога Жорж Санд в первой главе «Дневника писателя» за июнь 1876 г. и «Парижских писем» Золя в «Вестнике Европы», июль 1876 г.) и в № 196 от 18 июля под заглавием «Мысль по поводу Восточного вопроса» (по поводу второй главы июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.).

154

553 См. примеч. 368 на с. 426.

554 См. примеч. 295 на с. 420.

155

555 Из дальнейшего текста видно, что речь идет о письме Анны Григорьевны от 19 июля 1876 г.

556 Письмо Достоевского к Всев. Соловьеву от 16/28 июля 1876 г. (см.: *Письма*, III, 226—228) и ответное письмо Всев. Соловьева от 21 июля 1876 г. (не опубликовано, хранится в *ГБЛ*, ф. 93.II.8.122).

557 О статьях Всев. Соловьева в «Русском мире» см. примеч. 552 к письму от 24 VII 1876. В № 140 от 20 июля «Нового времени» перепечатан отрывок из статьи Всев. Соловьева о Восточном вопросе в «Дневнике писателя» («Русский

мир», 1876, 18 июля, № 196). Ср. опубликованное И. Волгиным письмо Всев. Соловьева к Достоевскому от 21 VII 1876 — «Вопросы литературы», 1971, № 9, с. 183—184.

156

558 Речь идет об июльско-августовском номере «Дневника писателя» за 1876 г.

559 Письмо Н. Гребцова от 8 VI 1876, в котором он пишет о большом значении издания «Дневника писателя», хранится в *ИРЛИ*, ф. 100, № 29682. CCXI.б.3. Гребцову принадлежит положительная статья о «Подростке» в «Киевском телеграфе» (1876, 14 января, № 6).

560 Известный певец и организатор хорового пения Славянский (псевдоним Дмитрия Александровича *Агренева*, 1836—1908) в 60-70-х годах часто выступал с концертами в Европе и Америке. Из письма А. А. Достоевского к А. М. Достоевскому от 14 XI 1877 видно, что 13 ноября 1877 г. Достоевский и Анна Григорьевна были в Петербурге в зале Дворянского собрания на концерте Д. А. Славянского (см.: *ЛН, т. 86*, 461).

561 Брат поэта-переводчика, историка литературы Петра Исаевича Вейнберга (1831—1908) — Павел Исаевич (1846—1904), автор сборников «Сцены из еврейского быта» (СПб., 1878), «Сцены из еврейского и армянского быта» (СПб., 1878), «Новые сцены и анекдоты из еврейского, армянского, греческого, немецкого и русского быта» (СПб., 1880) и т. п. С конца 60-х годов стал выступать с чтением собственных произведений.

562 Из письма Достоевского к М. М. Достоевскому от 5 IX 1846 видно, что писатель знал М. А. Языкова (1811—1885), близкого друга Белинского, в 40-е годы (см.: *Письма*, I, 94). В 70-х годах Достоевский и Языков обмениваются письмами как довольно близкие знакомые (письма Языкова хранятся в *ГБЛ*, ф. 93.II.10.21 и *ИРЛИ*, ф. 100, 29913). Языков жил в Новгороде и был управляющим Новгородского акцизного управления.

157

563 Речь идет о детской писательнице и деятельнице женского образования Елене Осиповне *Лихачевой* (1836—1904), сотруднице «Отечественных записок», которая вместе с первой женой издателя и публициста Анной Ивановной *Сувориной* (урож. Барановой) (1840—1873) выпустила целый ряд популярных изданий: «Путешествия к центру земли» (1865), «Европейские реформаторы» (1872), «Герои труда» (1870), «Великие явления и очерки природы» (1874) и т. д.

564 Газета «Новое время», считавшаяся тогда прогрессивным русским печатным органом, издавалась в то время мужем Лихачевой, Владимиром Ивановичем *Лихачевым* (1837—1906), известным петербургским общественным деятелем. Лихачева печатала в «Новом времени» свои корреспонденции из Белграда, а А. С. Суворин из Константинополя.

158

565 «Дневник писателя» за 1876 г.

566 См. примеч. 524 на с. 439.

567 См. примеч. 159 на с. 408—409.

159

568 См. примеч. 194 на с. 412.

160

569 Возможно, Достоевский был недоволен большой пестротой материала в июльско-августовском номере «Дневника писателя» за 1876 г., слабо связанного единой идеологической линией.

161

[570] У брата Н. М. Достоевского.

[571] Речь идет о 50 экземплярах июньского «Дневника писателя» за 1876 г.

[572] Двойной выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., июль-август, вышел с опозданием на 3 дня.

[573] См. примеч. 194 к письму Ф. М. Достоевского от 12 VI 1873. У Н. Ф. Бельчикова и А. С. Долинина (*Письма к жене*, 217; *Письма*, III, 243) ошибочно прочтено: «на имя Александры».

1877

162

В подлиннике А. Г. Достоевская ошибочно поставила вместо «5 июля вторник»— «6 июля вторник». Датировка произведена согласно тексту письма.

[574] Лето 1877 г. Достоевские проводили в арендованном ими имении И. Г. Сниткина «Малый Прикол», в 10 верстах от города Мирополье Суджанского уезда Курской губернии. В конце июня Достоевский уехал из Курской губернии в Петербург для выпуска летнего номера «Дневника писателя», а Анна Григорьевна, проводив его до станции Коренево, отправилась с детьми в Киев на богомолье. См.: *Воспоминания Достоевской*, 311—312.

[575] Протоиерей киевского Софийского собора, автор религиозных брошюр Николай Яковлевич *Оглоблин* (1840—?) купил книжный магазин в Киеве у Степана Ивановича Литова и сам стал книгопродавцем и издателем.

[576] Достоевский приехал в Петербург 5 июля.

[577] Двойной номер — июль-август «Дневника писателя» за 1877 г.

[578] Двоюродная сестра А. Г. Достоевской М. Н. Сниткина.

[579] Номера «Дневника писателя» за 1877 г.

163

[580] Литератор Николай Антонович *Ратынский* (1821—1887) в 1876 г. был цензором «Дневника писателя», однако в связи с столкновениями в Цензурном комитете отказался быть цензором «Дневника писателя» в 1877 г. (см. неопубликованное письмо Н. А. Ратынского к Достоевскому от 29 января 1877 г. в *ГБЛ*, ф. 93.II.8.16).

[581] *Петров* Александр Григорьевич (1802—1887), председатель Цензурного комитета, был цензором многих русских писателей в 60—70-е годы.

[582] См. примеч. 159 на с. 408—409.

164

[583] *Лебедев* Николай Егорович (1828—?) с 1850 г. служил в Комитете иностранной цензуры, в 1867 г. был назначен старшим цензором, а затем членом Главного управления по делам печати.

[584] Из следующего письма видно, что Достоевский успел дать объявление о выходе июньского номера «Дневника писателя» за 1877 г. только в газету «Новое время».

[585] Письмо от 6 VII 1877. Опубликовано в *ЛН, т. 15*, 134.

[586] Жительница Петербурга Екатерина Прокофьевна Корнилова в мае 1876 г. выбросила из окна 5-го этажа свою шестилетнюю падчерицу. В октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (глава «Простое, но мудреное дело») Достоевский сделал тонкий и глубокий анализ психического состояния Корниловой в момент преступления, доказав полную ее невменяемость. Однако суд приговорил Кор-

нилову к двум годам и восьми месяцам каторжных работ и вечной ссылке в Сибирь. В декабрьском номере «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский снова написал «О простом и мудреном деле», выступив еще раз в защиту подсудимой. Статья оказала воздействие на присяжных, разбиравших вторично это дело 22 апреля 1877 г., и Корнилова была оправдана (см. об этом: Маслянников К. Эпизод из жизни Достоевского. — «Новое время», 1882, 13 октября, № 2380).

В статье Наблюдателя в газете «Северный вестник» (1877, 8 мая) по поводу оправдания Корниловой встречаются нападки на суд присяжных и на Достоевского, причем писатель упрекался в отсутствии жалости к шестилетней падчерице Корниловой. Достоевский хотел ответить на эту статью в июльско-августовском номере «Дневника писателя» за 1877 г., но сделал это в декабрьском номере (см.: *Достоевский, 1926—1930,* XII, 326—346). См. также письма чиновника Судебного ведомства К. Маслянникова и Е. Корниловой к Достоевскому, опубликованные И. Волгиным в «Вопросах литературы» (1971, № 9, с. 193—196).

587 Дмитрий Никифорович Овсянников (?—1889) — известный петербургский книгопродавец, распространявший «Дневник писателя» (см.: *ИРЛИ,* ф. 100. № 29796. CCXIб. 8—письмо Д. Н. Овсянникова к Достоевскому от 2 III 1877 с просьбой о выдаче для продажи 300 экз. «Дневника писателя»). Об Овсянникове см. в кн.: Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879.

165

588 Речь идет об июньском номере «Дневника писателя» за 1877 г.

589 *Исаков* Яков Алексеевич (1811—1881) — крупный русский издатель, выпускавший в середине XIX в. популярные серии «Классная библиотека», «Библиотека путешествий», «Записки иностранцев о России». В 50-е годы приобрел пожизненное право на издание произведений А. С. Пушкина и выпустил в 1859 г. под ред. Г. Н. Геннади первое критическое издание сочинений А. С. Пушкина, а затем под ред. П. А. Ефремова — второе и третье издания. Но особенно прославил фирму Я. А. Исакова библиограф В. И. Межов, выпустив в 1877 г. капитальный «Систематический каталог русским книгам за 1875 и 1876 гг., продающимся в книжном магазине... Якова Алексеевича Исакова. С указанием переводов, критических статей, рецензий и библиографических заметок, с прибавлением азбучного указателя имен и предметов...».

166

590 *Салаев* Федор Иванович (1820—1879) — московский издатель, бывший многолетним продавцом произведений Л. Н. Толстого и Достоевского (см. записи Достоевского в тетради 1880—1881 гг. в *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.17).

591 Знакомый А. Г. Достоевской Александр Александрович *Рудин* обычно приезжал с семьей на лето в Старую Руссу, а бывая в Петербурге, исполнял разные ее поручения. Несколько лет семья Рудина безвыездно прожила в Старой Руссе, и тогда отношения с семьей Достоевского стали особенно дружественными (см. неопубликованные письма Рудина к А. Г. Достоевской в *ИРЛИ*).

592 См. примеч. 413 на с. 430.

593 Письмо от 9 VII 1877 не сохранилось.

594 Достоевский собирался ехать в Москву, где обычно останавливался у Елены Павловны Ивановой. О ней см. примеч. 6 на с. 390.

167

595 Возвращаясь из Петербурга в имение «Малый Прикол» Курской губернии, Достоевский остановился в Москве, а затем заехал в село своих родителей Даровое в 150 верстах от Москвы, где и провел двое суток, 20—21 июля 1877 г., у сестры

В. М. Ивановой. Анна Григорьевна вспоминает: «За последние годы Федор Михайлович много раз выражал сожаление, что ему никак не удается побывать в Даровом, в имении его покойной матери, где он по летам жил во времена своего детства. Ввиду того, что летом 1877 г. Федор Михайлович чувствовал себя вполне здоровым, я уговорила его на обратном пути из Петербурга в Мирополье остановиться в Москве и оттуда съездить в Даровое. Федор Михайлович так и сделал и прожил у своей сестры, В. М. Ивановой (к которой перешло имение), двое суток. Родные его рассказывали мне потом, что в свой приезд муж посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминаниям, и даже сходил пешком (версты две от усадьбы) в любимую им в детстве рощу „Чермашню“, именем которой он потом назвал рощу в романе „Братья Карамазовы“. Заходил Федор Михайлович и в избы мужиков, своих сверстников, из которых многих он помнил. Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зазывали в избы и угощали чаем. Поездка в Даровое доставила много воспоминаний, о которых муж по приезде передавал нам с большим оживлением» (*Воспоминания Достоевской*, 313—314). См. также: Нечаева В. С. Из литературы о Достоевском. (Поездка в Даровое). — «Новый мир», 1926, № 3.

[596] См. примеч. 153 на с. 408.

[597] См. примеч. 115 на с. 404.

169

[598] А. Г. Достоевская пишет в своих «Воспоминаниях»: «...под влиянием случившегося с ним приступа эпилепсии муж совершенно забыл про наше соглашение <посылать ему письма через старшего дворника нашего дома> и про то, что если б я посылала письма, адресуя прямо на его имя, то главный почтамт, имея сделанное им весною пред отъездом в деревню распоряжение, отсылал бы мои письма в Мирополье, как поступал со всею многочисленною корреспонденциею, адресованною мужу на Петербург» (*Воспоминания Достоевской*, 313).

[599] См. примеч. 159 на с. 408—409.

1878

170

Написано на обороте письма П. М. Левицкого в редакцию «Дневника писателя» от 24 апреля 1878 г.

[600] Речь идет о жене пасынка писателя, Павла Исаева, Надежде Михайловне Исаевой.

[601] Петербургская знакомая Анны Григорьевны, возможно, жена писателя и государственного деятеля Николая Петровича Семенова (1823—?) (брата П. П. Семенова-Тян-Шанского), который в это время встречался с Достоевским (см. письмо Достоевского к Всев. Соловьеву от 9 I 1877 — *Письма*, III, 253).

[602] Речь идет о сестре математика Софьи Ковалевской, Анне Васильевне *Корвин-Круковской* (1843—1887), в замужестве *Жаклар*, известной революционерке, участнице Парижской Коммуны. Она начала свою литературную деятельность как писательница в журнале братьев Достоевских «Эпоха», опубликовав в № 8 за 1864 г. рассказ «Сон», а в № 9 — рассказ «Михаил». Достоевский писал А. В. Корвин-Круковской, что вторая повесть «всем близким в редакции людям и постоянным нашим сотрудникам очень понравилась». И на вопрос, можно ли ей серьезно относиться к своему дарованию, ответил: «Вам не только можно, но и должно смотреть на свои способности серьезно. Вы поэт. Это одно уже многого стоит» (*Письма*, I, 381—382). Анна Васильевна переезжает в Петербург и часто встречается с Достоевским. В конце апреля 1865 г. он делает Анне Васильевне предложение стать его

женой и, по словам С. В. Ковалевской, получает сразу категорический отказ. По свидетельству С. В. Ковалевской, Анна Васильевна сразу же после предложения Достоевского говорила сестре: «Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем, совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить!» (Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1961, с. 120). В 1870 г. А. В. Корвин-Круковская вышла замуж за известного французского революционера Шарля-Виктора *Жаклара* (1840—1903) и в 1871 г. оставалась с ним в Париже до последнего дня существования Коммуны. После разгрома Коммуны А. В. Жаклар помогла своему мужу, приговоренному к смертной казни, бежать из Франции. Некоторое время они жили в России, и Анна Васильевна встречалась и переписывалась с Достоевским, дружеские отношения с которым у нее сохранились на всю жизнь (Письма А. В. Жаклар к А. Г. и Ф. М. Достоевским см.: там же, с. 328—340). Отношения Достоевского с А. В. Корвин-Круковской частично отразились в его художественном творчестве. Некоторые черты психологического и нравственного облика Корвин-Круковской можно узнать в образах Аглаи в «Идиоте», Ахмаковой («Подросток»), Катерины Ивановны («Братья Карамазовы»). См.: Carr Edward Hallet. Dostoevsky. London, 1931; С. Штрайх. Русская нигилистка в Парижской Коммуне. М., 1935; Гроссман Л. Достоевский. М., 1962.

603 Начало дружбы писателя с младшей сестрой А. В. Корвин-Круковской — пятнадцатилетней Софьей Васильевной, впоследствии знаменитым математиком *С. В. Ковалевской* (1850—1891), — относится к марту-апрелю 1865 г., когда Достоевский по 3-4 раза в неделю посещал А. В. Корвин-Круковскую. В «Воспоминаниях детства» С. В. Ковалевская рассказала историю своего детского увлечения Достоевским (см.: Ковалевская С. В. Воспоминания и письма, с. 102—123). Дружеские отношения С. В. Ковалевской и Достоевского продолжались и в 70-е годы. Известно пять ее писем к нему за 1876—1878 гг. (см. там же, с. 244—248), из которых видно, что и Анна Григорьевна часто навещала С. В. Ковалевскую. В бумагах С. В. Ковалевской сохранился черновой набросок начатого автобиографического романа «Сестры Раевские». Все действующие лица, кроме самой героини (Тани Раевской) и членов ее семьи, названы своими именами. В этом наброске имеется рассказ о детской влюбленности Тани (С. В. Ковалевской) в Достоевского (там же, с. 129). См.: Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские. М., 1933.

604 *Рыкачева* Евгения Андреевна (1853—1919) — дочь младшего брата писателя, А. М. Достоевского, жена академика Михаила Александровича Рыкачева (1840—1919). См. о ней: *Волоцкой*, а также публикацию Г. Я. Галаган «Кончина и похороны Ф. М. Достоевского. (В письмах Е. А. и М. А. Рыкачевых)» в сб.: Достоевский. Материалы и исследования, т. I. Л., 1974, с. 285—304.

605 Речь идет о романе «Братья Карамазовы», который печатался в Москве в «Русском вестнике».

171

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

606 После неожиданной смерти трехлетнего сына Достоевского Алексея Анна Григорьевна уговорила мужа съездить в Оптину пустынь, куда он давно собирался.

607 Осторожность Каткова в переговорах о печатании «Братьев Карамазовых» объясняется публикацией предыдущего романа «Подросток» в «Отечественных записках».

608 К Варваре Михайловне. После смерти отца Достоевских ее муж, П. Карепин, правитель канцелярии московского военного генерал-губернатора, сделался опекуном братьев и сестер Достоевских. О ней см.: *Волоцкой.*

609 К философу Владимиру Сергеевичу *Соловьеву* (1853—1900), с которым Достоевский должен был уехать в Оптину пустынь. В конце 1877 г. Достоевский особенно сблизился с Вл. Соловьевым, когда писатель регулярно посещал «чтения о богочеловечестве» — лекции, которые Вл. Соловьев с огромным успехом читал в Соляном городке в Петербурге. В июне 1878 г., во время совместной поездки в Оптину

пустынь, Достоевский изложил Вл. Соловьеву «главную мысль», а отчасти и план целой серии задуманных романов, из которых были написаны только «Братья Карамазовы» (см. об этом: Соловьев Вл. С. Собр. соч., т. 3. СПб., 1912, с. 197). 6 апреля 1880 г. Достоевский присутствовал на защите Вл. Соловьевым докторской диссертации «Критика отвлеченных начал». Особенно привлекла Достоевского близкая ему мысль, высказанная Соловьевым, о том, что «человечество <...> знает гораздо более, чем до сих пор успело высказать в своей науке и в своем искусстве» (Письмо Достоевского к Е. Ф. Юнге от 11 IV 1880 — *Письма*, IV, 136). После смерти Достоевского Вл. Соловьев выступил с тремя речами, в которых говорил о религиозности идеалов и творчества писателя: «Итак — церковь, как положительный общественный идеал; как основа и цель всех наших мыслей и дел, и всенародный подвиг, как прямой путь для осуществления этого идеала — вот последнее слово, до которого дошел Достоевский, которое озарило всю его деятельность пророческим светом» (Соловьев Вл. Три речи в память Достоевского. М., 1884, с. 10). Однако отношение Вл. Соловьева к религиозности Достоевского носило противоречивый характер. С одной стороны, еще 19 VI 1873 Вл. Соловьев писал своей двоюродной сестре Е. В. Селевиной: «Не знаю, почему тебя возмутило „Преступление и наказание". Дочти его до конца, да и всего Достоевского полезно было бы прочитать: это один из немногих писателей, сохранивших еще в наше время образ и подобие божие» (Соловьев Вл. Письма, т. 3. СПб., 1911, с. 80); в 1883 г. Вл. Соловьев собирается написать статью «Христианство и гуманизм» в защиту Достоевского от обвинения его К. Леонтьевым в «розовом» христианстве (см. там же, т. 1. СПб., 1908, с. 15), наконец, 2 марта 1884 г. в письме к Н. Н. Страхову Вл. Соловьев возражает против обвинения Достоевского в неискренности: «С тем, что Вы пишете о Достоевском и Л. Н. Толстом, я *решительно не согласен.* Некоторая непрямота или неискренность (так сказать, сугубость) была в Достоевском лишь той шелухой, о которой Вы прекрасно говорите, но он был способен разбивать и отбрасывать эту шелуху, и тогда оказывалось много настоящего и хорошего. А у Л. Н. Толстого непрямота и неискренность более глубокие» (там же, с. 18). С другой стороны, защищая Достоевского, Вл. Соловьев писал тому же К. Леонтьеву: «Достоевский горячо верил в существование религии и нередко рассматривал ее в подзорную трубу, как отдаленный предмет, но стать на действительно религиозную почву никогда не умел» («Русский вестник», 1903, № 5, с. 162). По словам М. Н. Стоюниной, в ответ на ее замечание о том, что писатель воплотил в Алеше Карамазове черты Вл. Соловьева, Анна Григорьевна, возмущенная призывом Вл. Соловьева помиловать убийц Александра II, воскликнула: «Нет, нет, Федор Михайлович видел в лице Владимира Соловьева не Алешу, а Ивана Карамазова!» (*Достоевский, II*, 579). О Достоевском и Вл. Соловьеве см. статьи: Радлов Э. Л. Соловьев и Достоевский. — В кн.: Достоевский. Статьи и материалы, т. I. Под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922, с. 155—172; Гессен С. И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева. — «Современные записки», Париж, 1931, кн. XLV, с. 271—305; кн. XLVI, с. 321—351; Пруцков Н. И. Достоевский и Вл. Соловьев («Великий инквизитор» и «Антихрист»). — В кн: Русская литература 1870—1890 гг., сб. 5. Свердловск, 1973, с. 51—78.

610 Речь идет о новом журнале либерально-славянофильского направления, который должен был с 1879 г. издаваться в Москве под названием «Русская дума». Журнал стал выходить с 1880 г. под названием «Русская мысль». Издателем журнала с 1880 по 1912 г. был журналист и переводчик Вукол Михайлович *Лавров* (1852—1912), познакомивший русских читателей с целым рядом произведений Э. Ожешко и Г. Сенкевича. В письме к Анне Григорьевне от 27 V 1880 Достоевский называет Лаврова своим «страстным, исступленным почитателем». В ответ на присланный Достоевским экземпляр «Братьев Карамазовых» Лавров писал ему 30 XII 1880: «Эта книга с Вашей надписью будет служить мне, во всю мою жизнь, напоминанием о тех немногих отрадных моментах, которые я имел счастие провести в живом общении как человек с человеком, с тем, кто, по своему великому художественному таланту и еще более по своей способности понимать и делать понятным другим сокровеннейшие движения человеческой души казался мне в своих

произведениях титаном, которому можно только удивляться, созерцать его величие, пред которым можно только благоговеть, как перед творцом, созидающим вновь человека как бы из первобытного хаоса, из пошлости и грязи ненормальных жизненных условий вновь возвращающим ему образ и душу человека, страдающим вместе с ним в его падении и торжествующим вместе с ним победу над эгоистическими, животными стремлениями» (*ЛН, т. 86*, 524). О Лаврове см. статью в *ИВ*, 1912, № 2.

611 Критик и переводчик Сергей Андреевич *Юрьев* (1821—1888) намечался на должность главного редактора нового журнала.

612 «Братья Карамазовы».

613 27 июня 1878 г. С. А. Юрьев обратился с письмом к Достоевскому, в котором просил его дать согласие напечатать свой новый роман «Братья Карамазовы» в журнале «Русская дума» (текст письма опубликован А. С. Долининым (*Письма*, IV, 362—363). В ответном письме к С. А. Юрьеву от 11 VII 1878 Достоевский сообщил, что хотя уже и предложил роман в «Русский вестник», но окончательно вопрос решится в сентябре или октябре 1878 г. (см.: *Письма*, IV, 31). Однако вопрос в пользу «Русского вестника» решился гораздо раньше, чему в немалой степени, очевидно, способствовал аванс в 2000 руб., взятый Достоевским в редакции «Русского вестника».

614 Оптина пустынь — старинный монастырь, основанный, по преданию, еще в XIV в. возле древнего калужского города Козельска. Этот монастырь наряду с такими обителями, как Саровская пустынь (Тамбовская губ.), Глинская пустынь (Курская губ.), Белобережская пустынь (Орловская губ.), возродил особый тип русского монашества — старчество (старец в православии — руководитель совести). Старцы Оптиной пустыни неизменно привлекали к себе внимание выдающихся деятелей литературы и искусства. В Оптиной пустыни бывали Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, П. В. и И. В. Киреевские, Н. С. Лесков, Вл. С. Соловьев, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев (см.: Б о г д а н о в Д. П. Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей. — *ИВ*, 1910, № 10). Вероятно, впервые Достоевский заинтересовался Оптиной пустынью, прочитав книгу «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инока Парфения» (М., 1857), автор которой посещает также и Оптину пустынь (см.: *Биография*, 298). В библиотеке Достоевского имелись также книги «Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва)» (М., 1876) и «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни» (изд. 3-е, М., 1876). Об Оптиной пустыни Достоевскому мог рассказать подробно и Н. Н. Страхов, ездивший туда в 1877 г. вместе с Л. Н. Толстым.

173

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

615 Речь идет об И. С. Аксакове. Сближение Достоевского с Аксаковым во второй половине 70-х годов в значительной степени связано с их одинаковой позицией во время русско-турецкой войны, когда восточный вопрос решался на полях сражений. Мировоззрение Достоевского, автора «Дневника писателя», принимает все более славянофильскую окраску, и соответственно все более сближается он с И. С. Аксаковым. Посетив Аксакова 22 июня 1878 г., Достоевский, вероятно, хотел показать свою солидарность с ним, так как именно в этот день Аксаков произнес в Московском славянском комитете речь с протестом против решений Берлинского конгресса, изменивших к худшему для России условия мирного договора с Турцией.

616 У Достоевского ошибка. Не Прохоровщиков, а *Пороховщиков* Александр Александрович (1809—1894), московский купец, издатель газеты «Минута». О его поездке в Ливадию к Александру II с требованием объявить войну Турции пишет М. Е. Салтыков-Щедрин в письме Н. А. Некрасову от 13 X 1876 (см.: С а л т ы к о в-Щ е д р и н М. Е. Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1939, с. 78).

617 Речь идет о близкой к славянофильским кругам писательнице Ольге Алексеевне *Новиковой* (1840—1925), жене генерала И. П. Новикова и дочери хозяйки ли-

тературного салона в Москве А. В. Киреевой. Значительную часть жизни она прожила в Англии, и большинство ее статей и книг посвящено англо-русским отношениям. Достоевский, вероятно, обратил внимание на корреспонденции Новиковой в «Московских ведомостях» из Лондона во время русско-турецкой войны. В журнале «Русская старина» (1913, № 11) был опубликован отрывок из письма О. А. Новиковой от 14 II 1881, в котором она вспоминает о своих встречах с Достоевским. В *ГБЛ*, ф. 93, II.7.26 сохранилось 6 неопубликованных писем О. А. Новиковой к Достоевскому. См. также в Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева 22 письма его к О. А. Новиковой.

[618] В 1872 г. при Лицее цесаревича Николая, созданного на средства М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, было открыто особое отделение для бесплатного обучения и содержания способных мальчиков из народных школ. Историю лицея см. в кн.: Календарь имп. Лицея в память цесаревича Николая на 1894—1895 год. М., 1894.

[619] См. примеч. 135 на с. 407.

[620] Ученик Анатолий *Александров*, прибывший в 1878 г. по протекции М. Н. Каткова и Достоевского в Старую Руссу, оставил впоследствии воспоминания о знакомстве с писателем в Старой Руссе и его работе над романом «Братья Карамазовы». См.: Александров А. Федор Михайлович Достоевский (страничка воспоминаний). — «Светоч и дневник писателя», 1913, № 1, с. 53—56.

[621] Е. П. Иванова. См. о ней примеч. 6 на с. 390.

[622] Жена И. Г. Сниткина.

175

[623] Достоевский ездил в Оптину пустынь с Вл. С. Соловьевым с 23 по 29 июня 1878 г. См. об этой поездке воспоминания Вл. С. Соловьева (Соловьев Вл. С. Собр. соч., т. 3. СПб., 1912, с. 197). В «Примечаниях к сочинениям Ф. М. Достоевского» А. Г. Достоевская, приведя слова Зосимы из «Братьев Карамазовых»: «Помяну, мать, помяну и печаль твою на молитве вспомяну и супруга твоего за здравие помяну» (*Достоевский, 1956—1958*, IX, 66), — пишет: «Эти слова передал мне Федор Михайлович, возвратившись в 1878 г. из Оптиной пустыни; там он беседовал со старцем Амвросием и рассказал ему о том, как мы горюем и плачем по недавно умершему нашему мальчику. Старец Амвросий обещал Федору Михайловичу „помянуть на молитве Алешу" и „печаль мою", а также „помянуть нас и детей наших за здравие". Федор Михайлович был глубоко тронут беседою со старцем и его обещанием за нас помолиться» (Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М.—Пг., 1923, с. 67). Любопытно, что, судя по воспоминаниям современников, Амвросий отнесся к Достоевскому с расположением и сказал о нем: «Это кающийся», — а о взглядах Вл. Соловьева отозвался неодобрительно (см.: Четвериков С. Описание жизни... оптинского старца... Амвросия. Козельск, 1912, с. 198). Старец Амвросий послужил в известной мере прототипом старца Зосимы в «Братьях Карамазовых», и по Оптиной пустыни воспроизведена обстановка скита и кельи Зосимы, его окружение (ср.: Поселянин Е. Детская вера и оптинский старец Амвросий. СПб., 1913, с. 32—34). О старце Амвросии как прототипе Зосимы см.: Плетнев Р. В. Сердцем мудрые. (О «старцах» у Достоевского). — В кн.: О Достоевском. Сборник статей под ред. А. Л. Бема, т. II. Прага, 1933, с. 73—92; Grigorieff D. F. Dostoevsky's Elder Zosima and the Real Life Father Amvrosy. — «Reprinted from St. Vladimir's Seminary Quarterly», 1967, v. 11, № 1, p. 22—34; Белов С. В. Зосима и Амвросий. — «Наука и религия», 1974, № 4.

176

[624] День святых Петра и Павла.

177

[625] Деньги из редакции «Русского вестника» за роман «Братья Карамазовы».

178

[626] Достоевский предпринял поездку в Москву в связи с романом «Братья Карамазовы», который с января 1879 г. должен был печататься в «Русском вестнике» М. Н. Каткова.

[627] См. примеч. 9 на с 391.

[628] *Кашкин* Владимир Дмитриевич, владелец книжного магазина и библиотеки для чтения в Москве, брат журналиста Леонида Дмитриевича Кашкина, корреспондента Достоевского (см. два неопубликованные письма Л. Д. Кашкина к Достоевскому в *ГБЛ*, ф. 93.II.5.60 и *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.78).

[629] Речь идет о брошюре профессора Новороссийского университета по кафедре гражданского права Петра Павловича *Цитовича* (1842—1912) «Ответ на письма ученым людям» (Одесса, 1878), в которой он выступил в защиту общинного землевладения.

179

Впервые опубликовано А. С. Долининым: *Письма*, IV, 370.

[630] *Навроцкий* Александр Александрович (1839—1914) — чиновник военно-судебного ведомства, публицист, драматург, поэт, издатель-редактор журнала «Русская речь».

[631] Среди лиц, с которыми Достоевский сблизился в последние годы своей жизни, была замечательная русская женщина, известная общественная деятельница Анна Павловна *Философова* (урожд. Дягилева) (1837—1912). Жена крупного царского чиновника, главного военного прокурора, А. П. Философова была настроена весьма оппозиционно: в ее квартире хранилась нелегальная литература, по слухам, у нее скрывалась после суда Вера Засулич. «Я ненавижу настоящее наше правительство... это шайка разбойников, которые губят Россию», — писала А. П. Философова своему мужу (см.: Тыркова А. В. А. П. Философова и ее время. — В кн.: Сборник памяти А. П. Философовой, т. I, Пг., 1915, с. 326). С Достоевским А. П. Философова сблизилась в конце 70-х годов, очень высоко ценила его, считала своим «дорогим нравственным духовником» (*Достоевский в воспоминаниях*, II, 323). Достоевский в свою очередь неизменно относился к Анне Павловне с большим уважением, писал о ее «прекрасном умном сердце» (*Письма*, IV, 67). См. подробнее: Трубецкая З. А. Достоевский и А. П. Философова. Публикация С. В. Белова. — «Русская литература», 1973, № 3, с. 116—118.

[632] См. примеч. 13 на с. 391.

180

[633] А. С. Долинин высказал предположение, что Достоевского могли заинтересовать отчеты о двух уголовных процессах, печатавшиеся в газете «Голос» и использованные им вскоре как характерные эпизоды в «Братьях Карамазовых» (*Письма*, IV, 369).

181

[634] 1 ноября 1878 г. М. Н. Каткову исполнилось 60 лет.

[635] Точнее, *Долгоруков* Владимир Андреевич (1810—1891), князь, с 1865 по 1891 г. московский генерал-губернатор. Возможно, его фамилия припомнилась Достоевскому во время работы над образом странника Макара в «Подростке». В одном из рукописных вариантов романа Достоевский говорит о Макаре: «Я признаю его дворянином и верую, что недалеко время, когда станет дворянином весь русский народ» («Начала», 1922, кн. 2, с. 220). По этому поводу В. Комарович пишет: «И, конечно, только потому, что эта вера Версилова была верой Достоевского, страннику Макару „из крепостных" присвоена княжеская фамилия — Долгорукий» (Комарович В. Генезис романа «Подросток». — «Литературная мысль», 1925, кн. III, с. 374). Воз-

можно, поэтому у Достоевского не случайная оговорка: вместо «Долгоруков» — «Долгорукий».

[636] *Архипов* Иван Павлович (1839—1897) — профессор технической химии Московского университета, председатель ученого комитета Министерства земледелия, сотрудничал в «Русском вестнике».

[637] Писатель и критик Болеслав Михайлович *Маркевич* (1822—1884) был постоянным сотрудником «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, причем в своих статьях нередко выступал с политическими доносами на деятелей русского освободительного движения и русских писателей, в частности на М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. С. Тургенева, которого он обвинял, например, в сношениях с «русскими нигилистами» и террористами. Для Достоевского Маркевич, как и Б. Г. Авсеенко и В. П. Мещерский, были представителями «золотой», «светской» литературы, к которым он питал непреодолимую антипатию. Оголтелая крайность их реакционных взглядов, оскорбительная форма самих выступлений также могли отталкивать Достоевского. Например, «Московские ведомости» постоянно печатали грубые статьи Б. М. Маркевича о близкой к радикально-демократическим кругам видной общественной деятельнице А. П. Философовой, к которой Достоевский всегда относился с искренним уважением. Вероятно, неприязнь Достоевского к Б. М. Маркевичу передалась и Анне Григорьевне, которая в своих «Воспоминаниях» отрицательно отозвалась о нем (см.: *Воспоминания Достоевской*, 379).

[638] Вероятно, Анна Григорьевна послала Достоевскому сочинения его детей.

182

[639] См. примеч. 535 на с. 440.

[640] «Станционный смотритель» шел в инсценировке Н. И. Куликова.

[641] *Новиков* Никифор Иванович (1832—1890), выступавший на Александринской сцене с 1878 по 1882 г., играл Самсона Вырина и, по отзыву дирекции Императорских театров, «выказал замечательный талант, привлекал в театр многочисленную публику и был принимаем ею восторженно» (*ЦГИАЛ*, ф. 497, оп. 97/2121, ед. хр. 24209). В его бенефисе в 1881 г. приняла участие П. А. Стрепетова (см. очерк Н. Лейкина в «Петербургской газете», 1881, 15 декабря).

183

[642] Вероятно, А. А. Навроцкий хотел привлечь Достоевского для сотрудничества в «Русской речи», а Достоевский надеялся, что этот славянофильский журнал положительно встретит роман «Братья Карамазовы».

[643] Единокровная сестра матери Достоевского. См. о ней в публикации Л. Р. Ланского «Достоевский в неизданной переписке современников» (*ЛН, т. 86*, 430—432, 465, 468).

[644] 10 ноября 1878 г. в Малом театре в бенефис Н. И. Музиля была поставлена драма «Бесприданница» (см.: Островский А. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1950, с. 386).

1879

185

[645] Анна Григорьевна ездила в Петербург на один день за получением 1000 рублей, присланных из «Русского вестника» не в Старую Руссу, а в Петербург, на адрес банкирской конторы Ахенбаха и Колли. См. письмо Достоевского к Н. А. Любимову от 8 VII 1879 (*Письма*, IV, 66), из которого видно, что Анне Григорьевне удалось получить только 500 руб.

[646] См. примеч. 312 на с. 421.

[647] Жена священника И. Румянцева Екатерина Петровна.

[648] Анна Григорьевна любила собирать автографы русских писателей. В архивах А. Г. Достоевской в *ГБЛ* и *ЦГАЛИ* сохранилась собранная ею богатая коллекция автографов русских и зарубежных писателей, музыкантов, артистов, художников, ученых, общественных деятелей. Августа Павловна *Созонович* (Сазанович) — московская знакомая Достоевских, воспитанница и друг декабриста М. И. Муравьева-Апостола, автор воспоминаний и публикаций о декабристах, снабжала Анну Григорьевну подлинными письмами деятелей 14 декабря. См., например, письма А. П. Созонович к А. Г. Достоевской: от 7 мая 1879 г., в котором она извещает ее, что достала три письма М. А. Бестужева (*ЛН, т. 86*, 481), и от 16 июня 1879 г. (*ЛН, т. 86*, 484—485), о котором и идет речь в письме Достоевского.

[649] Возможно, сказано в шутку по поводу отъезда Анны Григорьевны, а может быть, по поводу двух резко отрицательных критических статей Е. Маркова о творчестве Достоевского, напечатанных под заглавием «Романист-психиатр» в майском и июньском номерах журнала «Русская речь» за 1879 г.

[650] Речь идет об Анне Васильевне Корвин-Круковской (Жаклар). См. о ней примеч. 602 на с. 445. Анна Григорьевна пишет: «Лето ‹1879 г.› началось для нас очень приятно: в Руссу приехала на сезон А. В. Жаклар-Корвин с семьей, которую мы оба очень любили. Муж почти каждый день, возвращаясь с прогулки, заходил побеседовать с умной и доброй женщиной, имевшей значение в его жизни» (*Воспоминания Достоевской*, 334).

[651] Жена А. Н. Майкова А. И. *Майкова* (1830—1911), проводившая лето 1879 г. в Старой Руссе. Как свидетельствует ее переписка с мужем в течение лета 1879 г., хранящаяся в *ИРЛИ*, 16.998.с.VII, у нее к Достоевскому было недоброжелательное отношение, отражавшее в какой-то мере охлаждение к нему и со стороны А. Н. Майкова, особенно после публикации «Подростка» в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова. См. характерное в этом смысле письмо А. Н. Майкова к А. И. Майковой от 22 июня 1879 г., опубликованное в *ЛН, т. 86*, 485.

186

Обозначение года сделано позднее, вероятно, А. Г. Достоевской.

Впервые опубликовано без конца А. С. Долининым: *Письма*, IV, 387.

[652] Речь идет о заграничном паспорте для поездки Достоевского в Эмс.

187

[653] См. примеч. 645 на с. 451.

[654] Очевидно, пренебрежительное название Берлинского посольства, так как Достоевский поехал в Эмс через Берлин.

[655] Петербургские знакомые Достоевских, которым они сдали петербургскую квартиру, уезжая на лето 1879 г. в Старую Руссу. См. письмо А. Кранихфельд к А. Г. Достоевской от 8 V 1879 — *ЛН, т. 86*, 481.

[656] Шутливый намек на роман «Братья Карамазовы», в котором имя *Карамазовы* состоит из двух семантических единиц: *кара* (черный) и *маз* (мазать, мазь), и в этом имени прежде всего выявляется признак, объединяющий весь род, — это темное, черное начало. Достоевский сам вскрывает в романе это семантическое значение избранной им фамилии, когда штабс-капитанша Снегирева называет Алешу Карамазова «Черномазов» (см. об этом: Бем А. Л. Личные имена у Достоевского. — В кн.: O Dostojevském, Praha, 1972, с. 244—287).

[657] См. примеч. 524 на с. 439.

188

[658] *Меньшова* Агриппина Ивановна, жительница Старой Руссы, послужившая прототипом Грушеньки в «Братьях Карамазовых». См. об этом специальную работу: Рейнус Л. М. О прототипе Грушеньки из «Братьев Карамазовых». — «Рус-

ская литература», 1967, № 4, а также кн.: Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971, где приводятся отрывки из писем А. И. Меньшовой к А. Г. Достоевской.

[659] *Рохель* Екатерина Прокофьевна — жена директора старорусских минеральных вод А. А. Рохеля, с семьей которого у Достоевских были дружественные отношения.

189

[660] См. примеч. 651 на с. 452.

[661] Шталмейстер «высочайшего двора» *Львов* Николай Николаевич (1825—1913), служил во II отделении «собств. его имп. велич. канцелярии», был председателем постоянной комиссии по детским приютам ведомства учреждений имп. Марии, во время русско-турецкой войны вызвался добровольно заведовать санитарным отрядом. Вероятно, этот патриотический шаг и сблизил его с Достоевским, который также приветствовал участие России в войне с Турцией 1877—1878 гг.

[662] *Александра Петровна* (1838—1901) — дочь принца Петра Ольденбургского, основавшая в Петербурге целый ряд медицинских учреждений: больницу, клиническую амбулаторную лечебницу, фельдшерское училище и т. п., а во время русско-турецкой войны организовавшая санитарные отряды.

[663] Е. П. Рохель.

[664] В. Ф. Пуцыкович с 1879 по 1881 г. издавал и редактировал в Берлине журнал «Русский гражданин». О Пуцыковиче см. примеч. 212 на с. 414. См. также воспоминания Пуцыковича о встрече с Достоевским в Берлине в 1879 г.: «Новое время», 1902, 16 января.

[665] Речь идет об А. В. Корвин-Круковской (Жаклар) и Ш.-В. Жакларе.

190

[666] Монастырь, основанный в XVI в. иноком Нилом Столбенским (Столобенским) в 8 верстах от г. Осташкова, Тверской губернии, на острове Столобне озера Селигер.

[667] О. К. Сниткина.

[668] Сестра О. К. Сниткиной.

191

[669] Письмо к Н. А. Любимову от 8 VII 1879 — *Письма*, IV, 64—66. В этом письме и идет речь о денежном переводе Достоевскому, неправильно адресованном вместо Старой Руссы в Петербург.

[670] И. С. Аксаков, поддерживавший издаваемый в Берлине В. Пуцыковичем журнал «Русский гражданин».

[671] *Голицын* Николай Николаевич (1835—1893) — подольский вице-губернатор, публицист и библиограф, прославившийся впоследствии «Библиографическим словарем русских писательниц» (СПб., 1889). Н. Н. Голицын, хотя и не знал лично В. Ф. Пуцыковича, но, очевидно, помня его реакционные выступления в «Гражданине», оказывал ему материальную помощь, надеясь, что и новый журнал Пуцыковича «Русский гражданин» будет вестись в том же направлении.

[672] *Пуцыкович* Федор Феофилович (1846—?) — петербургский учитель, автор многих «официозных» учебников по русскому языку, географии и истории.

[673] Речь идет о новом журнале «Русский гражданин», который В. Ф. Пуцыкович начал издавать в Берлине в 1879 г.

[674] Стремясь привлечь подписчиков на «Русский гражданин», Пуцыкович попросил Достоевского написать специальное письмо к нему как к редактору и издателю «Русского гражданина» о направлении нового журнала. Достоевский выполнил просьбу Пуцыковича, однако от участия в «Русском гражданине» отказался, сославшись на работу над «Братьями Карамазовыми» (см.: *Письма*, IV, 80).

192

675 Очевидно, А. И. Меньшова уговаривала Анну Григорьевну поехать в Нилову пустынь.

193

676 Знакомая А. Г. Достоевской. В *ИРЛИ*, ф. 100, № 29645 сохранилось письмо А. Бергеман к Достоевскому от 20 I 1877, в котором она благодарит его за помощь в устройстве ребенка в больницу.

677 Достоевский работал в Эмсе над 6-й книгой «Братьев Карамазовых» и выслал ее в «Русский вестник» 7/19 августа 1879 г.

194

678 Письмо не сохранилось.

679 *Чичерин* Борис Николаевич (1828—1904) — известный философ, юрист, историк и мемуарист.

680 См. примеч. 674 на с. 453.

681 Письмо к Н. А. Любимову от 25 июля/6 августа 1879 г., см.: *Письма*, IV, 76—77.

682 Французская газета «Journal de St. Petersbourg» выходила под редакцией А. Горна в Петербурге и была посвящена вопросам литературы, коммерции и промышленности. В 1877 г. газета напечатала на французском языке повесть «Кроткая». См. письмо А. Горна к Достоевскому от 9 июня 1877 г., опубликованное Л. Ланским в «Вопросах литературы» (1971, № 11, с. 215).

195

683 Сын А. В. Корвин-Круковской (Жаклар) и Ш.-В. Жаклара.

684 Речь идет об Елене Андреевне *Штакеншнейдер* (1836—1897). В начале 60-х годов Штакеншнейдер горячо сочувствовала революционным демократам, передовой студенческой молодежи, национально-освободительному движению в Польше, принимала активное участие в борьбе за равноправие женщин, была дружна с П. Л. Лавровым, лично знакома с видными деятельницами женского движения — Н. В. Стасовой, А. П. Философовой. С Достоевским она познакомилась в 60-х годах, в 70-е годы Достоевский периодически бывал в доме Штакеншнейдер, переписывался с ней (см.: *Письма*, IV, 62, 182). Особенно часто посещал он ее в 1879—1880 гг. Эти посещения отражены в дневнике Е. А. Штакеншнейдер и в ее начатых в 1884 г. и не оконченных воспоминаниях о Достоевском (см.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, с. 269—270, 281, 456—465). О посещениях Достоевским дома Штакеншнейдер см. также: Микулич В. Встречи с писателями. Л., 1929.

685 См. примеч. 116 на с. 404.

686 Анна Григорьевна готовила в это время пятое издание романа «Униженные и оскорбленные», которое вышло в ноябре 1879 г. в количестве 2400 экземпляров.

687 Л. Ф. Достоевская написала отдельное письмо, приложив его к письму Анны Григорьевны. (Это детское письмо сохранилось в *ГБЛ*, ф. 93.II.3.35).

196

В подлиннике описка в дате: вместо «30 июля/11 августа» ошибочно проставлено «30/11 июля».

688 Речь идет о 6-й книге «Братьев Карамазовых» «Русский инок» для августовского номера «Русского вестника».

197

[689] Очевидно, сторож старорусского дома, где жили Достоевские, о котором пишет Анна Григорьевна в своих «Воспоминаниях», рассказывая, как Достоевский будил его ночью, если в Старой Руссе случался пожар (см.: *Воспоминания Достоевской*, 276).

[690] По-видимому, все та же 6-я книга «Братьев Карамазовых» «Русский инок» и, скорее всего, последняя ее глава «Из бесед о поучениях старца Зосимы», так как через шесть дней вся 6-я книга была отослана в «Русский вестник».

[691] См.: *Письма*, IV, 90—91: письма Достоевского к Л. Ф. и Ф. Ф. Достоевским от 7/19 августа 1879 г.

[692] См. примеч. 631 на с. 450.

198

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[693] Первоначальное название 6-й книги «Братьев Карамазовых» «Русский инок».

199

[694] Прислуга в доме Достоевских.

[695] Сын А. Н. и А. И. Майковых, которого специально привезли в Старую Руссу, чтобы вылечить коклюш местными ваннами. См. примеч. Анны Григорьевны к адресованному ей письму А. И. Майковой от 13 V 1879 — *ЛН, т. 86*, 482.

[696] Речь идет о романе писательницы Надежды Яковлевны *Капустиной* (1855—1922) (псевд. «В. Семенова») «К росту», который печатался в 1879 г. в № 6—8 журнала «Русская речь». Из трех опубликованных Л. Ланским писем Н. Я. Капустиной к Достоевскому («Литературная газета», 1971, 11 августа) видно, что, напомнив о себе как о дочери советника Капустина, который служил в Омске во время отбывания там Достоевским наказания, она обратилась в ноябре 1877 г. к писателю с просьбой посоветовать, стоит ли ей заниматься литературным творчеством. Судя по последнему письму Капустиной к Достоевскому от 21 XI 1877, он ответил ей положительно (ответ не сохранился). Н. Я. Капустина (в замужестве Губкина) была племянницей Д. И. Менделеева, дочерью его старшей сестры. В 1908 г. Н. Я. Капустина выпустила в Петербурге книгу «Памяти Д. И. Менделеева. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева».

По свидетельству вдовы Д. И. Менделеева, упоминаемый в письме А. Г. Достоевской первый роман Н. Я. Капустиной «К росту» был одобрен к печати Ф. М. Достоевским (см.: Менделеева А. И. Менделеев в жизни. М., 1928, с. 17).

[697] См. примеч. 709 на с. 456—457.

[698] См. примеч. 182 на с. 411.

200

[699] Письмо не сохранилось.

[700] Старец Зосима из «Братьев Карамазовых».

[701] О чем идет речь — неизвестно, так как это письмо Анны Григорьевны не сохранилось.

[702] См. примеч. 312 на с. 421.

[703] Отрицательный отзыв Достоевского о музыке Рихарда Вагнера подтверждается Анной Григорьевной: «Произведений Рихарда Вагнера Федор Михайлович совсем не любил» (*Воспоминания Достоевской*, 151). Антипатия к Вагнеру объясняется, по-видимому, тем, что Достоевский был воспитан на классической и романтической музыке Глинки, Бетховена, Моцарта. Надо учесть также, что Достоевский слушал Вагнера заграницей лишь в концертном исполнении, в то время как

наибольший успех имели оперы Вагнера в сценическом воплощении. В то же время в 1873 г. в примечании «От редакции» «Гражданина» к одной корреспонденции из Германии Достоевский писал: «А такие явления, как распространение идей Шопенгауэра и полная глубоких задач музыка Вагнера, показывают, по крайней мере, что немецкое глубокомыслие и художественное творчество еще живы, еще одушевлены самыми высокими стремлениями» (*Достоевский, 1926—1930,* XIII, 456).

201

704 См. примеч. 312 на с. 421.

705 Жители Старой Руссы, друзья И. Румянцева. В «Братьях Карамазовых» фамилию Верховцева носит Катерина Ивановна.

706 См. примеч. 11 на с. 391.

707 Жена брата писателя, М. М. Достоевского. Анна Григорьевна пишет в своих «Воспоминаниях»: «Невестка его ‹Достоевского›, Эмилия Федоровна Достоевская, была добрая, но недалекая женщина. Видя, что после смерти ее мужа Федор Михайлович принял на себя заботы о ней и о ее семье, она сочла это его обязанностью и была очень поражена, узнав, что Федор Михайлович хочет жениться. Отсюда ее неприязненный тон ко мне, когда я была невестой. Но когда свадьба наша состоялась, Эмилия Федоровна примирилась с совершившимся фактом, и обращение ее со мной стало любезнее, особенно когда она увидела, что я так внимательна к ее детям. Бывая у нас почти ежедневно и считая себя отличной хозяйкой, она постоянно давала мне советы по хозяйству. Возможно, что это происходило от доброты душевной и желания принести мне пользу, но так как ее наставления делались всегда при Федоре Михайловиче, то мне было не совсем приятно, что в глазах его так настойчиво выставлялись моя нехозяйственность и небережливость. Но еще неприятнее для меня было то, что она постоянно ставила мне в пример во всем первую жену Федора Михайловича, что было довольно бестактно с ее стороны» (*Воспоминания Достоевской,* 116). Однако в данном случае Анна Григорьевна скрывает, что она была сама очень недовольна обязательством Достоевского содержать семью покойного брата (см.: *ЛН, т. 86,* 174). Вероятно, Э. Ф. Достоевская чувствовала это недовольство Анны Григорьевны; отсюда их взаимная недоброжелательность, и отчасти поэтому Анна Григорьевна, как она пишет далее в этом письме, не поехала на похороны Э. Ф. Достоевской.

202

708 Начиная с 60-х годов в письмах Достоевского можно встретить гневные, полные сарказма отзывы об Андрее Александровиче *Краевском* (1810—1889) и его газете «Голос». В 70-х годах в «Голосе» заметно усилилась полемика с консервативной печатью, особенно с газетой М. Каткова «Московские ведомости». В фельетонах-статьях «Голоса» под заглавием «Литературные и общественные курьезы» (1872—1873) и «Литература и жизнь» резко критиковались «Гражданин» В. Мещерского и «Русский вестник» М. Каткова, то есть как раз те органы, в которых активно сотрудничал Достоевский. С либеральных позиций «Голос» А. А. Краевского выступал против помощи сербам и черногорцам в их военном конфликте с Турцией в 1876 г. и против самого участия русского народа в войне с Турцией в 1877—1878 гг. В этих статьях «Голоса» высказывались взгляды, полностью противоположные позиции Достоевского, объяснявшего политику России братскими чувствами русского народа к славянам (см. письмо Достоевского к С. Д. Яновскому от 17 XII 1877 — *Письма,* III, 285). Подробнее о взаимоотношениях Достоевского с газетой «Голос» см. специальную работу: Виноградов В. В. Об авторе сатиры на А. А. Краевского и его газету «Голос». — «Русская литература», 1969, № 3.

709 «Наследство после А. Ф. Куманиной досталось нам еще в начале семидесятых годов. Оно состояло из имения в количестве 6000 десятин, находившихся в ста

верстах от Рязани, близ поселка Спас-Клепики. На долю четырех братьев Достоевских (которым приходилось уплатить сестрам деньги) досталась одна треть имения, около двух тысяч десятин; из них на долю Федора Михайловича приходилось пятьсот десятин.

Так как наследников после Куманиной оказалось много, то сговориться с ними представляло большие трудности. Продать имение целиком — не находилось покупателей, а между тем с нас, как и с прочих сонаследников, требовались деньги на уплату повинностей; поверенный наш тоже требовал деньги на поездки в имение, бумаги, судебные расходы и проч., так что наследство это доставляло нам только одни неприятности и расходы.

Наконец, наследники пришли к решению взять землю натурой, но так как земля была разнообразная, от векового леса до сплошных болот, то мы с мужем решили получить значительно меньше десятин, но лишь бы земля была хорошего качества. Но чтоб выбрать участок, следовало съездить и осмотреть имение. Каждую весну заходил разговор о съезде всех наследников в имение с целью выбрать и отмежевать на свою долю известное количество десятин. Но всегда случалось, что то одному, то другому из сонаследников нельзя было приехать, и дело отлагалось на следующий год. Наконец, летом 1879 года наследники решили собраться в Москве с целью войти в какое-либо окончательное соглашение, и если это удастся, то всем проехать в Рязань, а оттуда в имение, и там на месте решить дело окончательно» (*Воспоминания Достоевской,* 338).

710 См. примеч. 606 на с. 446.

203

711 См. примеч. 683 на с. 454.

712 См. примеч. 312 на с. 421.

204

713 См. примеч. Анны Григорьевны на с. 402.

714 Речь идет о Ф. М. Достоевском младшем, пианисте, и профессоре М. И. Владиславлеве, муже М. М. Достоевской.

715 После смерти М. М. Достоевского (в июле 1864 г.) Ф. М. Достоевский принял на себя ведение журнала «Эпоха», который прекратил существование в июне 1865 г. Как сообщает Достоевский в письме к А. Е. Врангелю от 31 марта 1865 г., за журналом было тридцать три тысячи долга (*Письма,* I, 396—403).

716 На «Дневник писателя».

717 «Книжная торговля Ф. М. Достоевского (исключительно для иногородних)» была открыта в начале 1880 г. и существовала до марта 1881 г. См. подробнее: *Воспоминания Достоевской*, 346—349 и статья И. С. Зильберштейна — *ЛН, т. 86*, 332—335.

718 См. примеч. 676 на с. 454.

719 Речь идет о первом номере журнала «Русский гражданин». Ср. со словами Достоевского: «...написал так, что, кажется, не пропустят в Россию», — письмо Достоевского к Пуцыковичу от 23 августа/4 сентября 1879 г., не вошедшее в *Письма:* «Если Вы еще хоть раз выдадите номер с таким принижением перед Бисмарком, то все в России от Вас отступятся. Предрекаю Вам это. Подумают даже, что Вы в рептилии хотите поступить к нему» (Белов С. В. Неопубликованные письма Ф. М. Достоевского. — «Вопросы литературы», 1967, № 5, с. 167).

205

720 *Ставровские:* Александра Дмитриевна, Федор Дмитриевич (1845—1885), Ольга Дмитриевна, Максимилиан Дмитриевич (1848—1920) — двоюродные сестры и братья Достоевского. Завещание Куманиной оспаривалось Достоевским, его бра-

том Николаем Михайловичем и племянником Федором Михайловичем по той причине, что Ставровские, как и Шеры, являлись потомками деда Достоевских по материнской линии от второго брака (см. примеч. 179 на с. 410). Фамилия Ставровских, очевидно, дала Достоевскому первоначальный толчок для образования фамилии героя «Бесов» Ставрогина. Ср. замечание А. Л. Бема о происхождении имени Ставрогина путем символического осмысления Достоевским фамилии своих родственников (см.: Бем А. Л. Личные имена у Достоевского. — В кн.: O Dostojevském. Praha, 1972, с. 277).

721 Программа, написанная неустановленным лицом, сохранилась в *ГБЛ,* ф. 93. II. 3 . 35.

207

722 Книга 7-я «Братьев Карамазовых» — «Алеша».

723 Под «главами» Достоевский, очевидно, имеет в виду три центральные книги «Братьев Карамазовых»: 5-ю — «Pro и contra», 6-ю — «Русский инок» и 7-ю — «Алеша».

208

724 Священник, служил в Новгородском соборе и в Юрьевском монастыре. Вероятно, был знаком с Достоевским, так как, судя по письму Достоевского к Анне Григорьевне от 20 VII 1873, Достоевский был в Новгородском соборе.

725 *Достоевский* Александр Андреевич (1857—1894) — приват-доцент по кафедре гистологии и эмбриологии в Военно-медицинской академии, ученик известного медика проф. Ф. Н. Заварыкина, автор многих научных работ, опубликованных в «Вестнике медицины» и трудах Военно-медицинской академии в 80-е годы XIX в. См. о нем: *Волоцкой,* 176—177.

726 Православный праздник преображения.

727 Музыку к балету «Конек-Горбунок, или Царь-Девица» написал Цезарь Пуни (1802—1870), а осуществил постановку французский балетмейстер Артюр Сен-Леон. См. подробнее в кн.: Утков В. Дороги «Конька-Горбунка». М., 1970, с. 87—88.

728 См. примеч. 180 на с. 411.

209

Год установлен по содержанию письма.

729 *Соловьев* Иван Григорьевич — московский книгопродавец, с именем которого связано исчезновение в 1867 г. статьи Достоевского о Белинском (см. об этом примеч. 43 на с. 395). В течение многих лет вел продажу сочинений Достоевского (см. неопубликованное письмо И. Г. Соловьева к Достоевскому от 12 IV 1878 с отчетом о продаже его произведений — *ГБЛ,* ф. 93. II. 8. 124).

730 Иверская икона божией матери, названа по имени Иверского монастыря на Афоне, где она пребывала в храме при внутренних вратах, почему называется еще Вратарницей. Точный список с Иверской иконы был в 1648 г. доставлен с Афона в Москву.

210

731 План поездки Анны Григорьевны в Рязанскую губернию для осмотра имения А. Ф. Куманиной.

732 См. примеч. 180 на с. 411.

733 Семья сестры писателя Веры Михайловны Ивановой. Дальнейшие слова: «...хорошо ли с ними обойдутся и добродушно ли их примут?» — о семье своей любимой сестры, где его и Анну Григорьевну всегда радушно принимали, свидетельствуют о том, что уже в 1879 г. отношения между Достоевским и В. М. Ивановой ухудшились в связи с тем, что на просьбу Веры Михайловны отказаться

в пользу сестер от своей доли в рязанском имении он ответил отрицательно. Судя по воспоминаниям дочери писателя, бурный разговор между братом и сестрой о куманинском наследстве, состоявшийся 26 января 1881 г., ускорил смерть Достоевского. См.: *Л. Ф. Достоевская*, 96—97, а также письмо Анны Григорьевны к Н. Н. Страхову от 21 X 1883, опубликованное в кн.: Гроссман Л. П. Жизнь и труды Достоевского. М.—Л., 1935, с. 352.

211

[734] Станция Спас-Клепики находилась по дороге из Рязани в имение Куманиной.

212

В подлиннике описка: вместо «24 августа/6 сентября» ошибочно указано «24 августа 13 сентября».

213

[735] Речь идет о двух письмах К. П. Победоносцева к Достоевскому от 16 VIII и 19 VIII 1879 (опубликованы в *ЛН, т. 15*, 138—139, 141—142) и ответе Достоевского от 24 VIII 1879 (см.: *Письма*, IV, 108—110).

[736] 45 марок, которые Достоевский одолжил Пуцыковичу в Берлине, по дороге в Эмс. См. с. 282.

1880

214

[737] Достоевский приехал в Москву для участия в Пушкинском празднике, который был приурочен ко дню рождения Пушкина и назначен на 26 V 1880.

[738] Жена Александра II, Мария Александровна, скончалась 22 мая 1880 г.

[739] В связи со смертью императрицы Пушкинский праздник был перенесен с 26 мая на 6 июня 1880 г.

[740] Извещение в «Московских ведомостях», 1880, 23 мая гласило: «По случаю последовавшей 22 сего мая кончины государыни императрицы и наложения глубокого траура его императ‹орскому› выс‹очеству› благоугодно было повелеть, чтобы торжество открытия памятника Пушкина было на некоторое время отложено».

[741] О дальнейшем печатании «Братьев Карамазовых» не с июньской, а с июльской книжки «Русского вестника». Ср. письмо Достоевского к Н. А. Любимову от 29 IV 1880 — *Письма*, IV, 139.

[742] Под «литературными интригами» Достоевский имеет в виду, вероятно, возможное столкновение на Пушкинском празднике западников и славянофилов, что и нашло впоследствии отражение в его полемике с А. Д. Градовским (см.: «Голос», 1880, № 174 и «Дневник писателя», август, 1880 г.). Не исключено, что под «литературными интригами» подразумевается отказ М. Е. Салтыкова-Щедрина и Л. Н. Толстого приехать на Пушкинский праздник. В письме к С. А. Юрьеву от 8 мая 1880 г. Салтыков-Щедрин объяснил свой отказ приехать в Москву болезнью, однако позднейшие высказывания Салтыкова-Щедрина о Пушкинском празднике свидетельствуют о том, что не только и не столько болезнь помешала ему принять участие в Пушкинских торжествах. Салтыков-Щедрин был, по-видимому, недоволен

тем, что демократические силы не возглавили организацию праздника. 25 VI 1880 он писал А. Островскому: «Пушкинский праздник вызвал во мне некоторое недоумение. По-видимому, умный Тургенев и безумный Достоевский сумели похитить у Пушкина праздник в свою пользу» (Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1939, с. 158). Отказ Л. Н. Толстого принять участие в Пушкинских торжествах был, по словам К. М. Станюковича, «вполне последователен. Гр. Толстой высказывал не раз, что наша литература служит времяпрепровождением для обеспеченных людей, а народу решительно все равно, существовал ли Пушкин или нет» («Дело», 1880, № 7, с. 107).

743 Мать Анны Григорьевны.

744 Как председатель Общества любителей российской словесности С. А. Юрьев 1 мая 1880 г. обратился к Достоевскому с письмом, в котором просил приехать на Пушкинский праздник, а в письме от 3 мая 1880 г. С. А. Юрьев просил речь Достоевского о Пушкине передать для публикации в возглавляемом им журнале «Русская мысль». (Оба письма С. А. Юрьева опубликованы А. С. Долининым: *Письма,* IV, 412).

745 См. примеч. 610 на с. 447—448.

746 *Аксаков* Николай Петрович (1848—1909) — секретарь Общества любителей российской словесности, доктор философии, богослов-историк. Достоевский должен был знать его статьи в журнале С. А. Юрьева «Беседа» (1871—1872), в которых Н. Аксаков развивал близкие ему славянофильские идеи.

747 *Барсов* Елпидифор Васильевич (1836—1917) — член Общества истории и древностей Российских, с 1881 г. секретарь его и редактор издаваемых им «Чтений». Член Общества любителей российской словесности, этнограф и археолог, собиратель древних рукописей, в 1880 г. был библиотекарем Чертковской городской библиотеки. Литературная деятельность Барсова посвящена изучению древнерусской письменности и быта. Полный список его трудов см. в брошюре: Цветаев Д. В. Записка о трудах Е. Барсова. М., 1887.

748 Речь о Пушкине.

749 Е. П. Иванова. См. примеч. 6 на с. 390.

216

750 Речь идет о профессоре Московского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права Николае Андреевиче *Звереве* (1850—1911), впоследствии сенаторе и члене Государственного совета.

751 См. примеч. 744.

752 И. С. Аксаков был председателем правления Общества взаимного кредита.

753 Пушкинская речь Достоевского была первоначально напечатана в газете М. Н. Каткова «Московские ведомости» (1880, 13 июня, № 162).

754 Андрей Михайлович Достоевский, как и все братья Достоевские, был внесен в 1828 г. в 3-ю часть родословной книги Московской губернии по службе отца, штаб-лекаря Михаила Андреевича. Из следующих поколений туда были внесены потомки А. М., М. М. и Ф. М. Достоевских (см. письмо Л. Ф. Достоевской в газ. «Новое время», 1912, 10 VII, № 13048). За несколько дней до отъезда Достоевского в Москву Анна Григорьевна написала племяннику писателя А. А. Достоевскому о том, что она хочет воспользоваться пребыванием мужа в Москве с тем, чтобы вписать сына Федю в московское дворянство (см.: *ЛН, т. 86,* 500).

755 Племянницы Достоевского, дочери его сестры В. М. Ивановой.

756 Муж любимой племянницы Достоевского, С. А. Ивановой. Правда, дружба писателя с С. А. Ивановой и ее семьей оборвалась после возвращения Достоевских в 1871 г. из-за границы. См. письмо С. А. Ивановой к Достоевскому от 14 августа 1876 г. в кн.: Гроссман Л. П. Жизнь и труды Достоевского. М., 1935, с. 252.

757 См. примеч. 635 на с. 450.

[758] Речь идет о чиновнике Министерства внутренних дел, члене Русского географического общества Иване Федоровиче *Золотареве* (1813—1881), который, как и Достоевский, был делегатом от Славянского благотворительного общества. Пересылая Достоевскому приглашение И. Ф. Золотарева на обед общества в честь министра просвещения Сербии, А. Н. Майков сделал надпись на письме И. Ф. Золотарева: «Пересылаю вам, любезнейший Федор Михайлович, это письмо. Автора его — Золотарева, кажется, вы знаете; если ж нет, то из почерка увидите, какой это почтенный человек» (*ЛН, т. 86,* 468).

[759] Речь идет о Пушкинской речи Достоевского. См. письмо С. А. Юрьева к О. Ф. Миллеру от середины июня 1880 г. (*ЛН, т. 86,* 509).

[760] В начале 1880 г. между «Московскими ведомостями» М. Н. Каткова и «Русской мыслью» С. А. Юрьева развернулась ожесточенная полемика. Поводом для нее послужили статьи в № 79 и 80 «Московских ведомостей» от 19 и 20 марта 1880 г., требовавшие выдачи французским правительством народовольца Л. Н. Гартмана, участника покушения на Александра II, и взявшие под защиту известного ренегата Дьякова (Незлобина). С. А. Юрьев откликнулся на эти две статьи в мартовской книжке «Русской мысли» за 1880 г.: «Только что мы окончили печатанием настоящую книжку, как прочли передовые статьи №№ 79 и 80 „Московских ведомостей"... Оскорблял ли когда-нибудь кто-нибудь в русской печати русское общество так, как редактор „Московских ведомостей" в сказанных номерах? Осмелился ли кто-нибудь бросать в лицо всей русской интеллигенции, что она „орудие вражеской крамолы, злоумышляющей против России, против русского народа". Неужели все это пройдет даром и не будет обуздан этот оскорбительный для всего русского общества, наглый сумасшедший крик распаленной инквизиционным жаром фантазии?».

[761] Академик, автор работ по истории русской литературы и просвещению, Михаил Иванович *Сухомлинов* (1828—1901) впервые обратил внимание на литературное значение летописей. С 1874 по 1888 г. выпустил 8-томный труд «История российской академии», в котором проследил развитие филологических знаний в XVIII и в первых десятилетиях XIX в. в связи с развитием русской литературы и общества. Впоследствии издал также «Материалы для истории имп. Академии наук» (т. 1—10, 1885—1900) — систематическое собрание более 8000 архивных документов — и начал готовить академическое издание сочинений Ломоносова (подготовил т. 1—5, 1891—1902). См. о нем: Материалы для биографического словаря действит. членов имп. Академии наук, ч. 2. Пг., 1917; Симони П. Хронологический список ученых литературных трудов и изданий М. И. Сухомлинова. СПб., 1903.

[762] В научных кругах Алексей Алексеевич *Гатцук* (1832—1891) был известен как археолог, но широкую известность он получил как издатель с 1875 г. «Еженедельного иллюстрированного приложения к „Крестному календарю"», а с 1876 по 1879 г. — «Газеты политико-литературной, художественной и ремесленной», переименованной в «Газету А. Гатцука». Вероятно, общение с А. А. Гатцуком на Пушкинских торжествах не прошло бесследно для Достоевского, так как в главе IX книги 11-й «Братьев Карамазовых» черт на вопрос Ивана, что станется в пространстве с топором, отвечает: «Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора, Гатцук внесет в календарь, вот и все» (*Достоевский, 1956—1958,* X, 168).

[763] С профессором Дерптского университета по кафедре русской словесности, большим знатоком творчества Лермонтова Павлом Александровичем *Висковатовым* (1842—1905) Достоевский познакомился, вероятно, в 1873 г., во время редактирования «Гражданина», где П. Висковатов печатал свои стихотворения. И хотя это были довольно слабые стихотворения и появлялись они на страницах «Гражданина» после существенной правки самого редактора, но все же Достоевский продолжал их печатать, очевидно помня, что П. Висковатов был одним из немногих литераторов, кто отозвался с похвалой о романе «Бесы» (см.: *ЛН, т. 86*, 420). Однако из письма Достоевского к Анне Григорьевне от 30 V 1880 видно, что он недолюбливал Висковатова. Возможно, это связано с тем, что Достоевский знал о слухах,

которые распускал про него Висковатов, приписывая ему преступление Ставрогина (см.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, с. 307).

764 Статья И. С. Аксакова «Пушкин» была напечатана не в «Русской мысли» С. А. Юрьева, а в «Русском архиве», 1880, кн. 2, с. 467—484.

765 Статья И. С. Тургенева «Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве» была напечатана в седьмом номере «Вестника Европы» за 1880 г.

217

766 Известный педагог и писатель, директор гимназии в Москве Лев Иванович *Поливанов* (1838—1898) был действительным членом Общества любителей российской словесности, а с 1879 по 1880 г. — его временным секретарем и председателем комиссии, учрежденной для открытия памятника Пушкину. Все подготовительные мероприятия, а впоследствии и сами Пушкинские празднества проводились под его непосредственным руководством и при прямом участии, под его редакцией вышел «Альбом пушкинской выставки» (М., 1882; изд. 2-е, М., 1887). Одним из помощников Л. И. Поливанова на Пушкинском празднике был преподаватель А. М. Сливицкий, оставивший воспоминания об участии Л. И. Поливанова в Пушкинских днях (см:. Сливицкий А. М. Из моих воспоминаний о Л. И. Поливанове — «Московский еженедельник», 1908, 22 ноября № 46). На Пушкинском празднике Достоевский познакомился с его женой — М. А. Поливановой. После кратковременного знакомства на Пушкинских торжествах и описанной Поливановой встречи с писателем в Лоскутной гостинице в Москве (см.: запись М. А. Поливановой о посещении Ф. М. Достоевского 9 июня 1880 г. — «Голос минувшего»,1923, № 3, с. 29—38) между ними завязалась дружеская переписка (см.: *Письма*, IV, 193, 205 и неопубликованные письма М. А. Поливановой в *ГБЛ*, ф. 93. II. 7. 105).

767 Выдающийся пианист, основатель и директор Московской консерватории Николай Григорьевич *Рубинштейн* (1835—1881) дирижировал оркестром на думском обеде с участием Достоевского в залах Дворянского собрания 6 июня 1880 г. и на литературном празднестве вечером 6 июня 1880 г. в Благородном собрании, где Достоевский читал сцену Пимена (см. воспоминания Н. Н. Страхова и Е. П. Летковой в кн.: *Достоевский в воспоминаниях,* II, 350, 390).

768 От кого были получены телеграммы, установить не удалось.

769 О П. А. Бессонове см. примеч. 467 на с. 433.

218

770 На Пушкинском празднике присутствовали все дети Пушкина: сыновья Александр (1833—1914) и Григорий (1835—1905), дочери Мария (в замужестве Гартунг) (1832—1919) и Наталья, графиня Меренберг (1836—1913), морганатическая жена принца Николая Нассауского. См. о них в кн.: Русаков В. М. Потомки Пушкина. Л., 1974.

771 Сын сестры Пушкина, служащий Главного интендантского управления. В литературе известны его «Воспоминания об А. С. Пушкине» (М., 1890). Не исключено, что, создавая образ «рыцаря бедного» — Льва Николаевича Мышкина, — Достоевский вспомнил племянника Пушкина — Льва Николаевича Павлищева (1834—1915). В романе «Идиот» фамилию «Павлищев» носит благодетель Мышкина.

772 Перечисляются московские книгопродавцы, с которыми Достоевский имел дела по продаже его сочинений.

773 *Григорович* Дмитрий Васильевич (1822—1899) был на Пушкинских торжествах депутатом от Литературного фонда. Между Григоровичем и Достоевским никогда особенной близости не было, даже в период их кратковременного проживания на одной квартире в Петербурге в 1844—1845 гг., когда Григорович был свидетелем триумфа автора «Бедных людей» (см. об этом: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961). В дальнейшем жизнь развела их очень

далеко, чему, возможно, способствовало появление в журнале Достоевского «Эпоха» статьи Ап. Григорьева «Отживающие в литературе явления» (1864) с очень резкой оценкой всего творчества Григоровича.

[774] Маркевич печатал в «Русском вестнике» за 1880 г. вторую часть своей трилогии «Перелом». О Маркевиче см. примеч. 637 на с. 451.

[775] Биограф Толстого П. Бирюков рассказывает о посещении Тургеневым Толстого в связи с Пушкинскими торжествами: «Зная отрицательное отношение Льва Николаевича ко всякого рода торжествам и юбилеям, Комитет по устройству празднеств порешил обставить как-нибудь особенно приглашение его на открытие памятника Пушкину. И было предложено Тургеневу лично пригласить Льва Николаевича. Тургенев согласился, будучи убежден, что миссия его увенчается успехом... Но Лев Николаевич наотрез отказался участвовать в торжестве... Тургенева этот отказ так поразил, что когда после пушкинского праздника Ф. М. Достоевский собирался приехать из Москвы к Льву Николаевичу и стал советоваться об этом с Тургеневым, тот изобразил настроение Льва Николаевича в таких красках, что Достоевский испугался и отложил исполнение своей заветной мечты» (Бирюков П. Биография Толстого, т. II. Берлин, 1905, с. 397—398).

[776] Речь идет об истории с «каймой». В своих воспоминаниях «Замечательное десятилетие», появившихся в «Вестнике Европы» (1880, № 4, с. 479—480), писатель и критик Павел Васильевич *Анненков* (1812—1887) утверждал, что Достоевский потребовал от Некрасова, чтобы тот в 1846 г. в «Петербургском сборнике» выделил роман «Бедные люди» среди других произведений сборника особым типографским знаком — каймой. А. С. Суворин возразил Анненкову в «Новом времени» (1880, 4 апреля и 2 мая), сообщив, что в «Петербургском сборнике» 1846 г. «Бедные люди» напечатаны без всякой каймы. В ответ на опровержение «Нового времени» редакция «Вестника Европы» в майском номере за 1880 г. ответила, что речь шла не о «Бедных людях», а о «Рассказе Плисмылькова», предназначавшемся Достоевским для задуманного Белинским сборника «Левиафан». Но на самом деле, как утверждало «Новое время» в заметке от 5 мая 1880 г., никакого «Рассказа Плисмылькова» у Достоевского не было: для «Левиафана» им были задуманы «Сбритые бакенбарды» и «Повесть об уничтоженных канцеляриях». В письме к А. С. Суворину от 14 мая 1880 г. Достоевский просит еще раз выступить с заявлением по поводу «каймы» (*Письма,* IV, 143). 18 мая 1880 г. в «Новом времени» появилось заявление: «Ф. М. Достоевский, находясь в Старой Руссе, где он лечится, просит нас заявить от его имени, что ничего подобного тому, что рассказано в „Вестнике Европы“ П. В. Анненковым насчет „каймы“, не было и не могло быть». Комментируя этот эпизод с «каймой», К. И. Чуковский пишет: «Все это, конечно, была аберрация старческой памяти. Впрочем, не следует думать, будто Анненков выдумал весь этот эпизод. Но память Анненкова сыграла с ним коварную штуку. Притязания Достоевского он принял за осуществившийся факт» («Литературное наследство», 49—50, т. I. М., 1946, с. 389—390). Возможно, Анненков помнил пародийные стихи Некрасова и Тургенева 1846 г. «Послание Белинского к Достоевскому»:

«Буду нянчиться с тобою,
Поступлю я, как подлец,
Обведу тебя каймою,
Помещу тебя в конец».

(Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. I. М., 1948, с. 424).

219

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[777] О первой встрече Достоевского с будущей императрицей Марией Федоровной (1847—1928) рассказывает А. Г. Достоевская (*Воспоминания Достоевской*, 368), хотя ошибочно относит эту встречу к 22 декабря 1880 г., когда Достоевский выступал в доме графини Аделаиды Федоровны Менгден (?—1886) с чтением своих произведе-

ний. Об этой же встрече более подробно рассказала и Л. Ф. Достоевская в своей книге «Dostojewski, geschildert von seiner Tochter» (см.: Л. Ф. Достоевская об отце. Публикация С. В. Белова. — *ЛН, т. 86,* 306—307). Скорее всего, Анна Григорьевна ошиблась на год и встреча эта состоялась 22 декабря 1879 г., а вторично Достоевский и Мария Федоровна встретились в доме великого князя Константина Константиновича Романова (1858—1915) 8 мая 1880 г. Об этом свидетельствует недавно опубликованная дневниковая запись К. К. Романова от 8 мая 1880 г.: «Устроил у себя вечер с Федором Михайловичем Достоевским. Цесаревна слышала его чтение на каком-то благотворительном концерте, осталась в восторге и пожелала познакомиться с Ф. М. Я предложил ей вечер. Пригласил Елену Шереметеву, Евгению, Марусю, попросил Федора Михайловича привезти книги и прочесть что-нибудь из своих произведений. Все из званных были» (*ЛН, т. 86*, 137). Об этой встрече у К. К., т. е. у великого князя Константина Константиновича, и упоминает Достоевский в письме к Анне Григорьевне.

О знакомстве Достоевского с Константином Константиновичем вспоминает Анна Григорьевна: «Бывая у великих князей, Федор Михайлович имел случай познакомиться с великим князем Константином Константиновичем. Это был в то время юноша, искренний и добрый, поразивший моего мужа пламенным отношением ко всему прекрасному в родной литературе. Федор Михайлович провидел в юном великом князе истинный поэтический дар и выражал сожаление, что великий князь избрал, по примеру отца, морскую карьеру, тогда как, по мнению моего мужа, его деятельность должна была проявиться на литературной стезе; его предсказание блестяще исполнилось впоследствии. С молодым великим князем у моего мужа, несмотря на разницу лет, установились вполне дружеские отношения, и он часто приглашал мужа к себе побеседовать глаз на глаз или созывал избранное общество и просил мужа прочесть, по своему выбору, что-либо из его нового произведения» (*Воспоминания Достоевской*, 328). Письма Константина Константиновича к Достоевскому опубликованы в *ЛН, т. 15*, 160—162. См. также работу И. С. Зильберштейна «Новонайденные и забытые письма Достоевского» (*ЛН, т. 86*), где впервые опубликованы два письма Достоевского к Константину Константиновичу, не вошедшие в *Письма*, а также дневник К. К. Романова.

778 См. письмо Достоевского к Анне Григорьевне от 25 V 1880.

779 Мать Анны Григорьевны, А. Н. Сниткина, выехавшая из Старой Руссы одновременно с Достоевским.

780 *Иванова* Наталья Александровна (1867—1923) — дочь сестры писателя В. М. Ивановой, впоследствии врач-окулист. См. о ней: *Волоцкой*, 210—225.

781 *Иванова* Нина Александровна (1857—1914) — дочь сестры писателя В. М. Ивановой. Сохранился отрывок письма Достоевского к ней от начала июня 1880 г. (см.: *Письма,* IV, 176), однако, судя по ее письмам к Достоевскому (хранятся в *ИРЛИ,* Р. 1, оп. 6, № 171 и частично приводились: *Волоцкой*, 211—214; *Письма*, IV, 402—403), он написал ей еще два письма, до нас не дошедших. Из писем Н. А. Ивановой к Достоевскому видно, что она хотела стать писательницей, задумала писать роман, и Достоевский, поверив в ее литературные способности, ссудил Нину Александровну по ее просьбе 60 рублями, чтобы она могла снять комнату и «беспрепятственно писать роман» (*Письма,* IV, 402).

220

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

782 Разумеются славянофилы и главная идея Пушкинской речи о всеевропейском и всемирном назначении русского человека.

783 Известный социолог и историк Максим Максимович *Ковалевский* (1851—1916) был либералом-западником, популярным среди профессуры Московского университета, поэтому далее Достоевский относит к «враждебной партии» «почти весь университет». В письме к О. Ф. Миллеру от 14 июля 1880 г. И. С. Аксаков передает первую реакцию студентов и профессоров на Пушкинскую речь Достоевского: «Когда девицы высших курсов тут же устремились к Достоевскому с выражением

благодарности, что́ привело их в восторг? Они сами не могли бы отдать себе ясного отчета: это было неотразимое действие истины непосредственно на душу, это была своего рода радость эмансипации от безнравственности коверкающих их доктрин, возвращение к своему нравственному первообразу. Вероятно, всем им, бедным, досталось или достанется еще от профессоров; в первую минуту никто не спохватился, а потом, уже к вечеру, Ковалевские, Глебы Успенские и т. п. повесили носы, вероятно, выругали себя сами за то, что „увлеклись“, и стали думать о том, как бы сгладить, стушевать или перетолковать в свою пользу все случившееся. Мне передавали сами студенты возникшие между ними потом разговоры: „А ведь знаете, господа, куда мы с нашим восторгом по поводу Достоевского влетим: в мистицизм!“. Но если бы даже два десятка душ удержали в себе благотворное воздействие речи Достоевского, и то слава богу» (*ЛН, т. 86*, 512). Под «враждебной партией» из университета Достоевский мог иметь в виду также профессора И. И. Янжула (1845—1914), который впоследствии оставил воспоминания о Достоевском, выдержанные в крайне недоброжелательном тоне. См.: Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909 гг., вып. 2. СПб, 1911, с. 25—27. См. также воспоминания о М. М. Ковалевском К. А. Тимирязева «Памяти друга», где приводятся отрицательные отзывы Ковалевского о Пушкинской речи Достоевского (Тимирязев К. А. Избр. соч., т. 2. М., 1957, с. 538—555).

784 Хотя упрек Достоевского, будто бы Тургенев и другие хотели «умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая самую народность», был несправедлив, но в данном случае речь идет о давнем споре между западниками и славянофилами по вопросу о народности. Суть этого спора обнажилась уже после самой Пушкинской речи Достоевского в его полемике с А. Д. Градовским. Профессор государственного права Петербургского университета, публицист и критик А. Д. Градовский (1841—1889), обращаясь к основному положению Достоевского, то есть к его пониманию «народных идеалов», коснулся «самого важного пункта» в своей полемике с Достоевским. «Требуя смирения перед народной правдой, перед народными идеалами, он принимает эту „правду“ и эти идеалы, как нечто готовое, незыблемое и вековечное. Мы позволим себе сказать ему — нет. *Общественные* идеалы нашего народа находятся еще в процессе *образования, развития*. Ему еще много надо работать над собою, чтоб сделаться достойным имени великого народа. Еще слишком много <...> остатков векового рабства засело в нем, чтоб он мог требовать себе поклонения и, сверх того, претендовать еще на обращение всей Европы на путь истинный, как это предсказывает г. Достоевский<...> Вместо мессианского возвеличения русского народа до роли творца „окончательной гармонии“, — возражал Достоевскому А. Д. Градовский, — правильнее было бы сказать и современным „скитальцам“ и „народу“ одинаково: *смиритесь* перед требованиями той общечеловеческой гражданственности, к которой вы, слава богу, приобщились благодаря реформе Петра» («Голос», 1880, № 174).

Достоевский в ответе А. Д. Градовскому в «Дневнике писателя» в августе 1880 г. резко отверг либеральную программу А. Д. Градовского, высмеяв его «западнические» представления о народе, который, по мнению Достоевского, «просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его» (*Достоевский, 1926—1930*, XII, 392).

785 Точно установить, о ком идет речь, не удалось. А. С. Долинин предполагает, что, может быть, речь идет об Александре Ильиной, о которой в «Библиографическом словаре русских писательниц» Н. Н. Голицына (СПб., 1889) сказано, что ей принадлежит «несколько заметок о преподавании арифметики в элементарной школе Ильиных в Николаеве».

786 Речь идет о жене Д. В. Аверкиева, Софье Викторовне *Аверкиевой* (1840—после 1917), бывшей актрисе, которая в домашнем спектакле «Дон-Жуан» у Е. А. Штакеншнейдер зимой 1880 г. в присутствии Достоевского играла донну Анну (см. об этом: *Воспоминания Достоевской,* 354). Достоевский несколько недолюбливал ее, что и нашло отражение в последующей фразе письма: «...очень мне ее надо!». Вероятно, Достоевский не мог забыть реакции Аверкиевых на чтение им пушкинского «Пророка». Е. А. Штакеншнейдер вспоминает об этом чтении: «Все, самые

равнодушные, пришли в какое-то восторженное состояние. Одни только Аверкиевы на него напали за „Пророка“: „Не так его, видите ли, надо читать“...». «У Аверкиевых, — добавляет Штакеншнейдер, — в спорах всегда проявлялись узость и субъективность»; а «с некоторых пор точно укусила ‹их› какая-то враждебная Достоевскому муха» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, с. 430). Однако активная помощь С. В. Аверкиевой Анне Григорьевне в тяжелые дни смерти и похорон писателя надолго сблизила их (см. в *ГПБ*, ф. 6 письма А. Г. Достоевской к С. В. Аверкиевой).

787 Племянник поэта Анатолий Львович (1846—1903), сын его брата Льва Сергеевича.

788 А. Н. Майков после долгих колебаний все-таки приехал на Пушкинский праздник. О причинах этих колебаний можно судить по письму А. Н. Майкова от 19 VI 1880 к своей жене, которая, читая подробности о Пушкинских торжествах, искала в газетах его имя: «...чувствую некоторый упрек мне и догадываюсь за что: зачем я не выступил рельефнее на этом празднике. Зачем? А затем, что годы взяли свое, годы — т. е. не старость, а годы, долгие годы, с Крымской войны, годы ругательств, оскорблений, умолчаний о моем существовании ‹...› Гонение многих этих годов не заставило меня петь под общую дудку, я не покорился и понимаю, что заслужил казнь, и терплю ее. Уст своих не замарал бранью или каким бы то ни было ответом. И во всем этом совесть моя спокойна. Но во мне развилось чувство *отчуждения*. Когда нахожусь в обществе литераторов, инстинктивно чувствую, что нахожусь между врагами, готовыми подхватить каждое мое слово, чтобы завтра печатно извратить его, как это делали Курочкин, Минаев и тысячи безымянных писак. Развилась робость. К этому болезнь печени и расстройство нервов, бессонница и пр. Я давно ушел из этого мира. Ничто меня не зовет писать, не поощряет...» (*ЛН, т. 86*, 508).

789 Речь идет о стихотворении поэта и переводчика Эдуарда Ивановича Губера (1814—1847) «На смерть Пушкина» (см.: Губер Э. И. Соч., т. 3. СПб., 1860, с. 201—202).

790 Речь идет о стихотворении Ф. И. Тютчева «29-ое января 1837 г.».

791 О временном председателе Общества любителей российской словесности в 1878—1884 гг. Н. А. Чаеве см. примеч. 120 на с. 405.

792 Внимание Достоевского могли обратить на себя «Письма из Японии» основателя православной миссии в Японии Николая Японского (в миру Ивана Дмитриевича *Касаткина* (1836—1912)), печатавшиеся в 60-х годах в «Московских ведомостях», а также его статья в «Русском вестнике» за 1869 г. «Япония с точки зрения христианской миссии».

793 *Лавров-Платонов* Алексей Федорович (1829—1890) — профессор Московской духовной академии, автор целого ряда статей и книг богословского содержания, на которые внимание Достоевского мог обратить его друг, ректор Петербургской духовной академии И. Л. Янышев.

221

794 См. примеч. 648 на с. 452. Просьбу Анны Григорьевны И. С. Аксаков выполнил позднее, прислав 3 IX 1880 в письме Достоевскому автограф письма Гоголя к К. С. Аксакову (хранится в *ЦГАЛИ*, в фонде А. Г. Достоевской).

795 См. примеч. 754 на с. 460.

796 Дочь сестры писателя В. М. Ивановой Ольга Александровна *Иванова* (1863—1901), преподавательница французского языка. См. о ней: *Волоцкой*, 210—225.

222

797 В этом письме от 12 мая 1880 г. почитательница Достоевского Ольга Ивановна Герке просит «одолжить для чтения» романы «Идиот», «Подросток» и другие сочинения и делится впечатлением от чтения «Записок из Мертвого дома». (Письмо хранится в *ИРЛИ*, 100. № 29673. CCXIб. 3).

[798] Письмо Вл. С. Соловьева от 26 мая 1880 г. не опубликовано и хранится в *ГБЛ*, ф. 93. II. 8. 120б.

[799] Подруга детства и соученица А. Г. Достоевской, Глафира Михайловна *Андреева* вышла замуж в 1877 г. за чиновника Алфимова. 14 июля 1878 г. Достоевский обратился с письмом к своему старому знакомому, управляющему Новгородским акцизным управлением М. А. Языкову, с просьбой помочь Алфимову устроиться на должность помощника акцизного надзирателя в Новгородской губернии (*Письма*, IV, 32).

[800] Об О. А. Новиковой, которая была знакома с английским государственным деятелем Уильямом Юортом Гладстоном (1809—1898), см. примеч. 617 на с. 448.

[801] Декабрист Матвей Иванович *Муравьев-Апостол* (1793—1886) — один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества, участник восстания Черниговского полка, был приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами на 20 лет. Жил поселенцем в Якутской губернии, в 1856 г. был амнистирован и восстановлен в правах и с начала 70-х годов поселился в Москве. Оставил после себя мемуары, вышедшие отдельным изданием под ред. С. Штрайха в 1922 г. М. И. Муравьев-Апостол действительно был всегда большим почитателем Достоевского. См. его письмо к Анне Григорьевне от 1 II 1881, в котором дается высокая оценка Пушкинской речи и «Братьев Карамазовых» (*ЛН, т. 86*, 540).

[802] Речь идет о Никите Михайловиче *Муравьеве* (1796—1843), видном деятеле и идеологе движения декабристов, одном из руководителей Северного общества, авторе проекта конституции Русского государства. Был приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами.

[803] См. примеч. 648 на с. 452.

223

[804] Назначенный министром народного просвещения в апреле 1880 г. вместо графа Д. А. Толстого, уволенного из-за крайней реакционности, Андрей Александрович *Сабуров* (1837—1916) в первое время был довольно либерален и даже, как пишет в своем дневнике племянник поэта, литератор М. А. Веневитинов, «удостоил» в Пушкинские дни «лобзанием» Тургенева (см.: *ЛН, т. 86,* 502).

[805] Переводчица и журналистка, дочь известного составителя словарей Н. П. Макарова и жена активного участника революционной организации «Земля и воля», впоследствии профессора химии Петербургского университета Александра Николаевича Энгельгардта. Служила продавцом в книжном магазине, созданном в Петербурге в 1862 г. по решению «Земли и воли» Н. А. Серно-Соловьевичем. По инициативе А. Н. *Энгельгардт* (1838—1903) и при поддержке М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой была организована первая в России женская издательская артель (см. об этом: Баренбаум И. Е. Из истории русских прогрессивных издательств 60-х—70-х годов XIX в. — Книга. Исследования и материалы, сб. XI. М., 1965, с. 223—241). В декабре 1870 г. супруги Энгельгардт были арестованы и заключены в одиночные камеры Петропавловской крепости. Через полтора месяца из-за отсутствия улик Энгельгардт была освобождена, а ее муж был навечно выслан в свое имение Батищево. Впоследствии Энгельгардт явилась одним из организаторов Высших женских (бестужевских) курсов и главным редактором журнала «Вестник иностранной литературы» (см. о ней: Мазовецкая Э. Из истории переводов Э. Золя в России (А. Н. Энгельгардт). — «Русская литература», 1974, № 1). Е. А. Штакеншнейдер записывает в своем дневнике 12 ноября 1880 г.: «Анна Николаевна ‹Энгельгардт› нравится ему ‹Достоевскому› давно. Он даже говорил мне, что глаза ее как-то одно время его преследовали, лет восемь тому назад. Встретившись с нею у нас, он отвел меня в сторону и спросил, указывая на нее: „Кто эта дама?“ — „Да Энгельгардт, говорю, и ведь вы же ее знаете“. — „Да, да, знаю, — отвечает. — И знаете, что я вам скажу, она должна быть необыкновенно хорошая мать и жена. Есть у нее дети?“ — „Есть“. — „А муж где?“ — „Сослан, или, вернее, выслан“. Он в тот же вечер возобновил с нею знакомство и был у нее, чем она немало гордилась ‹...› Потом в Мо-

скве, в Пушкинские дни, он то и дело заходил к ней и вчера, увидав ее, говорит: „А ведь я предчувствовал, что встречу вас здесь. Объясните мне, как это могло быть. Иду сюда и думаю: увижу Анну Николаевну. А ведь я даже не знал, что вы вернулись из Парижа“» (*Достоевский в воспоминаниях*, II, 309—310). В *ГБЛ*, ф. 93. II. 10.7 сохранилось неопубликованное письмо А. Н. Энгельгардт к Достоевскому от 12 апреля 1880 г., а в *ЦГАЛИ*, ф. 572, оп. 1, ед. хр. 212 — критический очерк А. Н. Энгельгардт о Достоевском на французском языке, озаглавленный «Великий русский психолог» (датирован 21 апреля 1882 г.). В отделе редких и рукописных книг Научной библиотеки ЛГУ (шифр Е II 9641) сохранился первый том прижизненного издания «Братьев Карамазовых» с автографом Достоевского: «Глубокоуважаемой Анне Николаевне Энгельгардт на память от автора» (см.: *Белов С.* Неизвестный автограф Достоевского. — «Книжное обозрение», 1975, 14 февраля).

224

806 См. примеч. 754 на с. 460.

225

807 Речь идет о Льве Михайловиче *Лопатине* (1855—1920), впоследствии профессоре Московского университета, философе-идеалисте, близком в своем учении к Владимиру Соловьеву (см. письма Вл. Соловьева к Лопатину в 4-томнике «Писем» Вл. Соловьева. — Пб., 1908—1923); он действительно, как пишет далее Достоевский, должен был казаться ему человеком «в высшей степени моих убеждений». Главный его труд — «Положительные задачи философии» (М., 1886—1891).

808 Дочь Е. П. Ивановой — Мария Константиновна Иванова. О Е. П. Ивановой см. примеч. 6 на с. 390.

809 См. примеч. 776 на с. 463.

810 Орест Федорович Миллер, который тоже был избран Славянским благотворительным обществом в депутаты на Пушкинские торжества. Об О. Ф. Миллере см. примеч. 287 на с. 419.

226

811 См. примеч. 717 на с. 457.

227

812 Хотя совещание у Тургенева было действительно случайное, но Пушкинские торжества явились новым поводом для идейных столкновений Достоевского и Тургенева. В своей оценке поэта они вновь оказались на разных идейных полюсах. Почвеннические тенденции в истолковании Пушкина вызвали протест Тургенева. Но и речь Тургенева была воспринята Достоевским как тенденциозное «заигрывание» с демократической молодежью (см. подробнее в кн.: Никольский Ю. Тургенев и Достоевский. История одной вражды. София, 1921).

813 Знаменитый артист Московского драматического театра, сын крепостного, ученик М. С. Щепкина, Иван Васильевич *Самарин* (1817—1885) писал сам для театра пьесы в духе А. Н. Островского («Утро вечера мудренее», «Перемелется, мука будет» и др.). О его участии в Пушкинском празднике см. воспоминания Е. П. Летковой в «Звеньях» (т. I. М.—Л., 1932, с. 459—477).

814 К А. Н. Энгельгардт. О ней см. примеч. 805 на с. 467.

815 Как установил А. А. Гозенпуд, речь идет об опере французского композитора Виктора Массе (1822—1884) «Paul et Virginie» (Париж, 1876). (См.: Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка. Л., 1971, с. 105). А. С. Долинин ошибочно считает, что речь идет об опере Р. Крейцера, написанной в 1791 г. (*Письма*, IV, 424).

816 Речь идет о декабристе М. И. Муравьеве-Апостоле. См. примеч. 801 на с. 467.

229

Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

817 Речь идет о Филиппе Гавриловиче *Соловьеве* (1834—1888), депутате на Пушкинских торжествах от совета присяжных поверенных.

818 Академик-филолог Яков Карлович *Грот* (1812—1893), учившийся в Царскосельском лицее, был членом комитета по устройству памятника Пушкину в Москве. С Достоевским познакомился в 60-х годах, когда в качестве активного члена Комитета Литературного фонда приглашал писателя на различные литературные вечера, устраиваемые фондом (см. два неопубликованных письма Я. К. Грота к Достоевскому от 14 и 16 марта 1866 г. — *ГБЛ,* ф. 93. II. 2. 127, и письмо Достоевского к Я. К. Гроту от 14 марта 1866 г. — *Письма,* I, 433—434).

819 *Бартенев* Петр Иванович (1829—1912) — издатель «Русского архива», один из первых биографов Пушкина. С его именем связан очередной конфликт Достоевского с Тургеневым, когда историк Н. П. Барсуков переправил П. И. Бартеневу выписку из письма Достоевского к А. Н. Майкову от 28/16 августа 1867 г., в котором Достоевский приписал Тургеневу резкие выпады против России (*Письма,* II, 30—32). См. письмо Н. П. Барсукова П. И. Бартеневу от 19 I 1868 — *ЛН, т. 86,* 411, и работу И. С. Зильберштейна «Встреча Достоевского с Тургеневым в 1867 году» в кн.: История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева. Л., 1928, с. 141—187.

820 *Калачев* Николай Васильевич (1819—1885) — историк-юрист, с 1883 г. академик, первый директор Археологического института, основанного по его инициативе в Петербурге в 1877 г., управляющий Московским архивом Министерства юстиции. О его выступлении на Пушкинском празднике 8 июня 1880 г. см. дневник М. А. Веневитинова — *ЛН, т. 86,* 506.

821 Имеется в виду «Сказка о Медведихе» («Как весенней теплою порою...»).

822 А. С. Суворин и М. Н. Катков за свои реакционные статьи в «Новом времени» и «Московских ведомостях» не получили от Общества любителей российской словесности приглашения на открытие памятника Пушкину. Ср. примеч. 760 на с. 461.

823 *Буренин* Виктор Петрович (1841—1926) — поэт и критик.

230

А. Г. Достоевская ошибочно проставила дату «3 июня».

231

824 *Лентовский* Михаил Васильевич (1843—1906) — известный антрепренер и артист московского Малого театра, сочинявший под псевдонимом «Можаров» разные оперетки и обозрения. Как антрепренер прославился учреждением в Москве общедоступных театров «Эрмитаж» (1876) и «Скоморох» (1887), а в Петербурге возглавлял одно время летние театры «Ливадия» и «Аркадия». Был депутатом на Пушкинском празднике от Общества любителей российской словесности.

825 Речь идет об известном певце, первом исполнителе ряда партий в операх Чайковского в Мариинском театре, Иване Александровиче *Мельникове* (1831—1906).

826 См. примеч. 395 на с. 428.

827 См. примеч. 770 на с. 462.

828 Намек на то, что А. Н. Островский был председателем Общества русских драматических писателей.

829 Употребление в таком контексте имен А. Н. Плещеева и М. А. Языкова (см. о них примеч. 119 и 562 на с. 405, 442) следует объяснить тем, что А. Н. Плещеев был секретарем «Отечественных записок», а М. А. Языков — другом В. Г. Белинского и И. С. Тургенева.

[830] Вечером 6 июня 1880 г. Достоевский читал в Благородном собрании сцену Пимена из «Бориса Годунова» (см.: *Биография*, 304—308).

[831] В *ГБЛ*, ф. 93. II. 2. 63 сохранилось 5 неопубликованных писем редактора-издателя «Недели» Павла Александровича *Гайдебурова* (1841—1893) к Достоевскому, из которых видно, что они познакомились в конце 70-х годов, причем «Неделя», хотя иногда и полемизировала с Достоевским, все же относилась с большим сочувствием к творчеству писателя (см., например, в «Неделе», 1874, 19 мая и 2 июня курс лекций О. Ф. Миллера «Русская литература после Гоголя», в котором высоко оценивается творчество Достоевского).

[832] Достоевский предполагал, что на Пушкинском празднике произойдет столкновение между западниками и славянофилами.

233

[833] Достоевский истолковал по-своему слова И. С. Тургенева о том, что Пушкина нельзя назвать «национальным поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают), как мы называем Шекспира, Гете, Гомера» (см.: Тургенев И. С. Собр. соч., т. XI. М., 1956, с. 217).

[834] *Третьякова* Вера Николаевна (урожд. Мамонтова) (1844—1899) — жена Павла Михайловича Третьякова, основателя знаменитой картинной галереи. Их дочь, А. П. Боткина (1867—1959), приводит в своей книге «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве» (М., 1951, с. 215—216) отрывок из альбома В. Н. Третьяковой, где Вера Николаевна рассказывает о своем знакомстве с Достоевским во время Пушкинских торжеств: «Обед от города всем депутатам и семейству Пушкина <...> На обеде этом познакомилась с Достоевским Фед. Михайловичем, который сразу как бы понял меня, сказав, что он верит мне, потому что у меня и лицо и глаза добрые, и все, что я ни говорила ему, все ему было дорого слышать, как от женщины. Собирались мы сесть вместе за обедом, но, увидев, что я имела уже назначенного кавалера Тургенева, он со злобою удалился и долго не мог угомониться от этой неудачи <...> Во время обеда я вспомнила о Достоевском и желала дать ему букет лилий и ландышей с лаврами... При свидании с ним я отдала ему букет... Он обрадовался мне и тому, что я вспомнила о нем за обедом, сидевши рядом с его литературным врагом — Тургеневым. Он нервно мялся на одном месте, выговаривая все свое удовольствие за внимание мое к нему и на мою мысль: что цель человека усовершенствовать себя, свою душу, и что он помог нам — т. е. мне, мужу и воспитательнице моих детей Наталии Васильевне — стать на несколько ступеней выше, он отвечал: „Да, надо *молитвенно* желать быть лучше! Запомните *это слово*, оно как раз верно выражает мою мысль, и я его сейчас только придумал!“. Федор Михайлович захотел поцеловать мою руку, да сказал, что это не делается в *большом* собрании, но все-таки, пройдя шагов пять, поцеловал мою руку... Кончился обед, я походила по Пушкинской выставке, устроенной тут же в залах... Не дождавшись конца, я уехала... 17-го же июня... нашла я письмо к себе Достоевского Ф. М.».

Далее Вера Николаевна переписывает в своем альбоме это письмо к ней Достовского, датированное 13 июня 1880 г. Оно не вошло в *Письма* и опубликовано в указанной выше кн. А. П. Боткиной на с. 216—217 (см. также: Белов С. В. Не собранные письма Ф. М. Достоевского. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971, с. 353; Зильберштейн И. С. Новонайденные и забытые письма Достоевского. — *ЛН, т. 86*, 125—126).

[835] Речь идет об Ольге Андреевне *Голохвастовой* (?—1894), авторе нескольких повестей и драм. В библиотеке *ИРЛИ*, № Бр. $\frac{262}{14}$ сохранилась книга «Две невесты. Историческая драма в пяти действиях. Сочинение Ольги Голохвастовой» (М., 1877) с дарственной надписью: «Федору Михайловичу Достоевскому от автора, неизвестной ему, но горячей поклонницы его таланта». Судя по письмам мужа Ольги Ан-

древны, историка и литератора, сына двоюродного брата Герцена Павла Дмитриевича Голохвастова (1839—1892) к Н. Н. Страхову, он также был большим почитателем Достоевского и также присутствовал на Пушкинском празднике (см.: *ЛН, т. 86,* 480, 519).

836 Неустановленное лицо.

234

837 Достоевский имеет в виду то место в Пушкинской речи, где он говорит о Татьяне из «Евгения Онегина», что «такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в „Дворянском гнезде“ Тургенева» (см.: *Достоевский, 1956—1958,* X, 447).

838 Этот факт подтверждает и М. А. Веневитинов в своем «Дневнике» (см.: *ЛН, т. 86,* 505), а Л. Ф. Нелидова пишет в «Вестнике Европы» (1909, № 9, с. 236), что «всем памятно то движение руки, поцелуй, посланный Тургеневым Достоевскому в минуту, когда он в своей речи говорил о Лизе из „Дворянского гнезда“. Все знали о их неприязненных отношениях, и это была одна из лучших минут этого удивительного праздника». Отрицательный отзыв Тургенева о Пушкинской речи в беседе с В. В. Стасовым 15 июля 1880 г. является уже не непосредственным впечатлением, а более поздней идеологической переоценкой Пушкинской речи (см.: В. В. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. — «Северный вестник», 1888, № 10, с. 161). См. также воспоминания дочери П. М. Третьякова В. П. Зилоти о том, что Тургенев «после долголетней размолвки с Достоевским, бросился тут же, на эстраде, в объятия последнего» (Зилоти В. П. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954, с. 185).

839 Писательница Е. П. Леткова свидетельствует, что действительно ее подруга, курсистка Маша Шелехова, упала в обморок, а с писателем К. Э. Паприцем сделалась истерика (см.: *Достоевский в воспоминаниях,* II, 391). Н. Н. Страхов пишет также, что «несколько человек, вопреки правилам, стали пробираться из зала на эстраду; какой-то юноша, как говорят, когда добрался до Федора Михайловича, упал в обморок» (*там же,* 351). См. об этом также воспоминания Г. И. Успенского (*там же,* 341).

840 Н. Н. Страхов пишет, что «в конце заседания на эстраде вдруг появилась группа дам; они принесли огромный венок Достоевскому. Его упросили взойти на кафедру, сзади его, как рамку для головы, держали венок, и долго не смолкали рукоплескания всей залы» (*Достоевский в воспоминаниях,* II, 352).

841 Речь идет о брате основателя Третьяковской галереи Сергее Михайловиче *Третьякове* (1834—1892).

842 Имеется в виду Пушкинская речь, напечатанная в «Московских ведомостях» 13 июня 1880 г.

235

843 Анна Григорьевна 8 августа уехала в Петербург по делам издания «Дневника писателя» на 1880 г.

844 «Дневник писателя» на 1880 г. вышел 12 августа, хотя цензурное разрешение было дано еще 1 августа.

845 См. примеч. 312 на с. 421. Марья — прислуга в старорусском доме Достоевского.

846 Письмо не сохранилось.

847 Сын И. Румянцева.

848 В типографии братьев Пантелеевых печатался «Дневник писателя» на 1880 г.

849 Двоюродная сестра Анны Григорьевны М. Н. Сниткина.

236

[850] Речь идет о московском издателе и книгопродавце А. В. Хлебникове, который после смерти писателя выпустил книгу: Федор Михайлович Достоевский. Биография. — Его сочинения. — Последние минуты его жизни. — Проводы тела, похороны его и овации русского общества. М., 1881.

237

Письмо написано на бланке: «Книжная торговля Ф. М. Достоевского (исключительно для иногородних). СПб. Кузнечный переулок, д. 5, кв. 10». Обозначение года сделано А. Г. Достоевской.

[851] Речь идет о продаже «Дневника писателя» за 1880 г.

[852] *В мемуарах А. Г. Достоевской* действительно сказано, что шуба Достоевского летом хранилась в меховом магазине Зизерина (*Воспоминания Достоевской*, 304).

238

[853] Далее перечисляются фамилии известных петербургских книгопродавцев, взявших на продажу «Дневник писателя» за 1880 г.

[854] Речь идет о великих князьях: Сергее Александровиче (1857—1905) и Павле Александровиче (1860—1919), сыновьях Александра II. О знакомстве их с Достоевским см.: *Воспоминания Достоевской*, 326—328.

[855] Дружба и встречи с вдовой поэта А. К. Толстого, графиней Софьей Андреевной *Толстой* (рожд. Бахметьевой) (1824—1892) — одна из самых светлых страниц в последние годы жизни Достоевского. С. А. Толстая была незаурядной женщиной. Она знала 14 языков, была в дружеских отношениях со многими выдающимися людьми своего времени: Гончаровым, Тургеневым, Вл. Соловьевым и др. А. Г. Достоевская вспоминает: «Но всего чаще в годы 1879—1880 Федор Михайлович посещал вдову покойного поэта гр. Алексея Толстого, графиню Софию Андреевну Толстую. Это была женщина громадного ума, очень образованная и начитанная. Беседы с ней были чрезвычайно приятны для Федора Михайловича, который всегда удивлялся способности графини проникать и отзываться на многие тонкости философской мысли, так редко доступной кому-либо из женщин. Но, кроме выдающегося ума, гр. С. А. Толстая обладала нежным, чутким сердцем, и я всю жизнь с глубокою благодарностью вспоминаю, как она сумела однажды порадовать моего мужа». И далее Анна Григорьевна рассказывает о том, как С. А. Толстая выполнила заветное желание Достоевского — иметь хорошую репродукцию его любимого произведения — «Сикстинской Мадонны» Рафаэля (см.: *Воспоминания Достоевской*, 355—356). Интересные подробности о встречах Достоевского с С. А. Толстой оставила Л. Ф. Достоевская в своей книге «Dostojewski, geschildert von seiner Tochter», в главе «Салон графини Толстой», впервые опубликованной на русском языке С. В. Беловым в *ЛН, т. 86,* 303—307.

[856] Алеша Достоевский был похоронен на Охтенском кладбище в Петербурге.

[857] Анна Григорьевна обычно останавливалась в Петербурге в семье своего двоюродного брата, врача М. Н. Сниткина.

[858] Это был известный впоследствии ленинградский книготорговец Петр Григорьевич Кузнецов (1863—1943), оставивший воспоминания о своей работе мальчиком в книжном магазине Ф. М. Достоевского. См.: К у з н е ц о в П. Г. 1) Служба у Достоевского. Публикация С. В. Белова. — «Книжная торговля», 1964, № 5, с. 40—41; 2) На службе у Достоевского в 1879—1881 гг. Публикация И. С. Зильберштейна.— *ЛН, т. 86,* 332—336.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Биография — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений, т. I. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883.

Волоцкой — Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. 1506—1933. Предисл. П. М. Зиновьева. М., 1933.

Воспоминания Достоевской — Достоевская А. Г. Воспоминания. Вступит. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М., 1971.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Дневник Достоевской — Достоевская А. Г. Дневник 1867 г. М., 1923.

Л. Ф. Достоевская — Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери. Под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. М.—Пг., 1922.

Достоевский, 1926—1930 — Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений. Т. I—XIII. Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева, М.—Л., 1926—1930.

Достоевский, 1956—1958 — Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1956—1958.

Достоевский, 1972 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972.

Достоевский, II — Достоевский. Материалы и исследования. Т. II. Ред. А. С. Долинина. Л., 1924.

Достоевский в воспоминаниях, I—II — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, Т. 1—2. Сост. А. С. Долинин. М., 1964.

ИВ — «Исторический вестник».

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

ЛН, т. 15 — «Литературное наследство», т. 15. М., 1934.

ЛН, т. 83 — «Литературное наследство», т. 83. М., 1971.

ЛН, т. 86 — «Литературное наследство», т. 86. М., 1973.

Письма — Достоевский Ф. М. Письма. Тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. Т. I. М.—Л., 1928; т. II. М.—Л., 1930; т. III. М.—Л., 1934; т. IV, М., 1959.

Письма к жене — Достоевский Ф. М. Письма к жене. Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова. Общая ред. В. Ф. Переверзева. М.—Л., 1926.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ *

(Сост. *С. В. Белов* и *В. А. Туниманов*)

* В указатель вошли имена, встречающиеся только в тексте писем. Цифры, обозначающие страницы статьи и примечаний, набраны курсивом.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕПИСКА

ПРИЛОЖЕНИЯ

Федор Михайлович Достоевский,
Анна Григорьевна Достоевская

ПЕРЕПИСКА

*

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР

*

Редакторы издательства *Е. А. Смирнова, Н. П. Рычкова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *О. И. Буркова, Н. В. Лихарева* и *Т. Г. Эдельман*

Подписано к печати 15/V 1979 г.
Формат бумаги 70×90 1/16. Бумага № 2.
Печ. л. 30 1/4+3 вкл. (3/8 печ. л.)=35.82 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 36.79. Изд. № 5973. Тип. зак. № 1876
Тираж 50.000 экз. (допечатка) *Цена 4 руб. 80 коп.*

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90.
Отпечатано во 2-й тип. издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10
с матриц 1-й тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Исправление

На стр. 306 строку 6 сверху следует читать:

был хорош. Мы вызывали детей, заставляли их повторять, и дети очень

4 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»